КОНТИНЕНТ

129 2006

КОНТИНЕНТ KONTINENS KONTYNENT CONTINENT KONTINENT
КАНТЫНЕНТ KONTINENTAS KONTINENTS MANDER КОНТИНЕНТ

№ 129

Валерия ПУСТОВАЯ

Детство – гораздо более драматичное духовное состояние, чем принято думать. И главный его соблазн – продлить детство пожизненно. Так хочется не быть собой и ни за что не отвечать.

Болит от мыслей темя,
душа – от слов,
Для опыта опасен учет причин:
Пересчитать причины своих грехов
Не хватит нам ни пальцев и ни седин.

Инна ЛИСНЯНСКАЯ

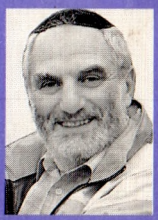
ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ В НОМЕРЕ:

Стихи Ивана Клинового
Повесть Марины Кошкиной
Сцены из пьесы Иона Друцэ
Статьи, очерки, интервью
Евгения Ермолина, Бориса Минаева, Дмитрия Ольшанского, Натальи Постной, Ольги Седаковой, Натальи Шаровой
А также наш постоянный раздел
БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СЛУЖБА «КОНТИНЕНТА»

Я – маленький человек. Мне очень страшно. Но я буду де-лать то, что считаю своим долгом. Иначе это буду уже не я.

Дарья КОСТЕНКО

Связывать евреев и государство Израиль сегодня вполне естественно, хотя более половины евреев мира в сионистском проекте не участвуют и в Израиль не переезжают.

Яков РАБКИН

Поздравляем

— члена редколлегии «Континента»,
любимую нашу сотрудницу, милого нашего товарища
Галину Эдуардовну ВЕЛИКОВСКУЮ
с юбилеем!

— замечательную актрису, талантливого литератора,
давнего автора и члена редколлегии «Континента»,
дорогую нашу
Аллу Сергеевну ДЕМИДОВУ
с юбилеем!

КОНТИНЕНТ

Литературный, публицистический
и религиозный журнал

Выходит 4 раза в год

129

2006, № 3
июль — сентябрь

ПАРИЖ · МОСКВА

КОНТИНЕНТ — CONTINENT

Журнал основан в 1974 году в Париже
писателем Владимиром МАКСИМОВЫМ

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации № 014255

Учредитель — И.И. Виноградов

Издатель:

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«НЕЗАВИСИМАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "КОНТИНЕНТ"»

Адреса редакции: ул. Мясницкая, д. 22, офис 114-115
ул. Плющиха, д. 27, кв. 1

ВНИМАНИЕ! Рукописи принимаются по адресу:
119121, Москва, ул. Плющиха, д. 27, кв. 1

E-mail: idugina@mail.ru

Телефон редакции:
(495) 248-62-35

Internet: www.magazines.russ.ru/continent/

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются,
и в переписку по этому вопросу редакция не вступает

Материалы, присланные по электронной почте, не рассматриваются

При перепечатке наших материалов ссылка на «Континент»
обязательна

Авторы несут ответственность за достоверность
приводимых ими фактов и цитат

© АНО «Независимая редакция журнала "Континент"»
© Название журнала «Континент» — В.Е. Максимов

Главный редактор
Игорь ВИНОГРАДОВ

Редакционная коллегия:

Марина АДАМОВИЧ
Василий АКСЕНОВ
Юрий АФАНАСЬЕВ
Александр БЛОК
Армандо ВАЛЬЯДАРЕС
Галина ВЕЛИКОВСКАЯ
Галина ВИШНЕВСКАЯ
Пауль ГОМА
Алла ДЕМИДОВА
Ион ДРУЦЭ
Евгений ЕРМОЛИН
Николай ЗЛОБИН
Андрей ЗУБОВ
Вячеслав ИВАНОВ
Фазиль ИСКАНДЕР
Оливье КЛЕМАН
Роберт КОНКВЕСТ
Наум КОРЖАВИН
Эдуард КУЗНЕЦОВ
Александр КЫРЛЕЖЕВ
Николаус ЛОБКОВИЦ
Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
Адам МИХНИК
Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ
Жорж НИВА
Амос ОЗ
Мишель ОКУТЮРЬЕ
Ярослав ПЕЛЕНСКИЙ
Валерий СОЙФЕР
Виктор СПАРРЕ
Юлиу ЭДЛИС
Сергей ЮРСКИЙ

Редакция:

**Галина ВЕЛИКОВСКАЯ, Ирина ДУГИНА, Евгений ЕРМОЛИН,
Марина КОПЫЛОВА, Александр КЫРЛЕЖЕВ,
Сергей ЛЕБЕДЕВ, Светлана ОПАРИНА**

Представители «Континента»

АВСТРИЯ
Елена ВОРОНЦОВА
Buchengasse 133/2/32
1100, WIEN, OSTERREICH
☎/fax 0043-1-607-30-23

БОЛГАРИЯ
Наталия ЕРМЕНКОВА
«Интербалканика»,
ул. Карнеги, 11
100 СОФИЯ, БОЛГАРИЯ
☎/fax (359-2) 919-87, 963-42-49

ГЕРМАНИЯ
Лев УКЕЛЬСОН
Wertachstraße 11,
86153 AUGSBURG, BRD
☎/fax (821) 41-77-08

ИЗРАИЛЬ
Юлия ЭЙДЕЛЬМАН
Hashaftim 22
64365 TEL-AVIV, ISRAEL
☎ (03) 69-67-375

КАНАДА
Ольга БУТЕНКО
1221, Boul. Rene Levesque
SILLERY QC G1S1V8, CANADA
☎/fax (418) 688-1221

ПОЛЬША
Татьяна ХОХЛОВА
U1 Belwederska 25, Rosyiski osrodek nauki i kultury
00-594 WARSZAWA, POLSKA
☎/fax (022) 849-27-30

Веслава ОЛЬБРЫХ
Fundacja «Slavica Orientalia»,
Zadanie 05/150, 05-077
WESOLA 4, POLSKA
☎ (022) 773-10-93

США
Марина АДАМОВИЧ
315 Oak Street
Garwood NJ 07027
☎ (908) 789-59-42

Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
1800 Connecticut ave., N.W.
WASHINGTON, D.C. 20009 USA
☎ (202) 986-6010,
fax (202) 667-4244

ФРАНЦИЯ
Татьяна МАКСИМОВА
5 rue Chalgin, 75116 PARIS, FRANCE
☎ (1) 45-00-67-56

Анастасия ВИНОГРАДОВА
26 rue de la Paroisse
78000, VERSAILLES, FRANCE
☎/fax (1) 30-21-64-37

ШВЕЙЦАРИЯ
Нелли ЗЕДГИНИДЗЕ
25 Malagnou
1208 GENEVE, SUISSE
☎/fax (22) 736-40-69

Татьяна ХОФЕР-НИКОЛАЕВА
15 Ch. de la Rochette
1202 GENEVE, SUISSE
☎ (22) 736-14-82

ЛАТВИЯ, ЛИТВА, ЭСТОНИЯ
Леон Габриэль ТАЙВАН
Raina bulv., 19
LV 1586, RIGA, LATVIA
☎ (3712) 234-145

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ «КОНТИНЕНТА»

Инна ЛИСНЯНСКАЯ
Я очевидица двух эпох. *Стихи* 9

Марина КОШКИНА
Без слез. *Повесть* 17

Иван КЛИНОВОЙ
Мреть. *Стихи* 92

Ион ДРУЦЭ
Последняя любовь Петра Великого. *Картины из пьесы* 97

РОССИЯ И МИР

Дарья КОСТЕНКО
Мартовские дневники 118

В сетевом пространстве...

Дмитрий ОЛЬШАНСКИЙ
Гламурная кремлядь 178

Борис МИНАЕВ
Сквозь вакуум 183

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ
Комментарий к событиям российской жизни
/Апрель — июнь 2006 г./ 189

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Проблемы российской истории и современности
в русской сетевой и бумажной периодике
второго квартала 2006 г. 244

ФАКТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА, ДОКУМЕНТЫ

Из архива журнала «Континент»
Публикация Е. Скарлыгиной 278

РЕЛИГИЯ

Яков РАБКИН
Угроза с тыла: духовное противостояние сионизму 300

Основные события церковной жизни в зеркале прессы
(*Июнь — август 2006*) 333

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Религиозная мысль
в русской периодике первого полугодия 2006 г. 338

ГНОЗИС

Беседы в редакции

Ольга СЕДАКОВА
«Быть свободным — это быть хорошим,
как бы смешно это ни звучало...» 350

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Между любовью и ненавистью
Философская, социологическая и политологическая мысль
в русской периодике второго квартала 2006 г. 369

ПРОЧТЕНИЕ

Наталья ШАРОВА
Попытка вселенского братства
Литература, писательство, писатели
в книге Василия Розанова «Опавшие листья» 378

ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ

Валерия ПУСТОВАЯ
Рожденные эволюцией. *Опыты по воспитанию героя:*
Яцутко, Чередниченко, Кабаков, Павлов, Санаев, Зайончковский 392

Евгений ЕРМОЛИН
Просьба о любви 421

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Художественная литература и критика
(*Первое полугодие 2006 г.*) 430

ИСКУССТВО

Из почты «Континента»

Наталья ПОСТНАЯ
«Вечерний звон» 474

Игорь ВИНОГРАДОВ
ДНЕВНИК РЕДАКТОРА.
Выпуски второй и третий. Апрель–июнь и июль–сентябрь 2006 г.
Что же все-таки это такое — «национальная идея»? 482

Инна ЛИСНЯНСКАЯ

Я ОЧЕВИДИЦА ДВУХ ЭПОХ

* * *

Время собственной не знает массы.
Каменные горные террасы.
Золотые купола мимозы,
А на бреющем полете ассы —
Серебристокрылые стрекозы.

Время своего не знает веса.
А из камня, словно из пореза,
Алые сочатся цикламены.
Чем весны цветение не месса?
Своевременно и современно

Колокольчики звонят в апреле.
А в реке на самом дне ущелья
Солнце перекрещивает тени
Божьих тварей, мыслей и растений.
Время помнит о своей купели.

12 апреля 2006 г.

* * *

Черная птичка с похожим на веник хвостом
Вводит прощально меня в стихотворчество птичье.
Мир оголен, а с последним слетевшим листом
Кажется сад мне раздетым до неприличья.

Трудно и в небо бесцветное стало смотреть, —
В нем что ли смерчи палитру и кисти обгрызли? —
Краски исчезли, оставив ни жизнь и ни смерть,
Краски исчезла, оставив мне голые мысли.

Инна ЛИСНЯНСКАЯ — родилась в 1928 г. в Баку. Впервые выступила со стихами в 1948 году. Автор многих поэтических сборников. Из последних изданий — «Иерусалимская тетрадь» (Москва, 2005), «Far from Sodom. Вдали от Содома» (Лондон, 2005), «Шкатулка, в которой стихи и проза» (Москва, 2006). Лауреат премии А.И. Солженицына (1999) и Государственной премии России (1999). Живет в Москве.

От черно-белого так я отвыкла кино.
Но и текущая жизнь протекает как ретро.
Все что на свете сейчас и что было давно
Скорость брало и берет у попутного ветра.

Этим ли ветром надул Мандельштам паруса,
Слушая время и в душу пространства вникая.
Как обесцвечены у Одиссея глаза,
Краска была голубая, теперь — никакая.

Трудно и море теперь отличить от земли.
Видимо, и в сновиденьях орудуют смерчи, —
Даже из снов о грядущем все краски ушли.
Голые мысли, а значит, — ни жизни, ни смерти.

2 апреля 2006 г.

* * *

Птица не ранится тучей,
Рыба — волною.
Что ж я от мысли горючей
Стала больною?

Дума моя не когтиста
Да и беззуба, —
Падают два аметиста
С древнего дуба.

Это упали две тени
Крыльев стрекозьих.
Это в лесу полутемень
Движется к прозе, —

К мраморным мемуарам
В крупных прожилках
Вымысла. Значит недаром —
Зябко и пылко.

19 февраля 2006 г.

* * *

Вышла она из пены, я — из ребра.
Кость повыносливей водного серебра, —
Частность бывает целого долголетней.
Мысли во сне фактов иных предметней.

Разные мысли снятся во время поста,
Если смотреть на мысли просто и прямо,
Вещны они как экран иль оконная рама.
Райская птаха во сне упала с креста.
Если уж я пережила Адама,
То проживу гораздо дольше, чем та
Дева из пены, чья страстная красота
Дарит плоды, но в потомстве не ищет смены.
Я доживу до Воскресенья Христа,
И до второго пришествия непременно:
Я — из ребра, а Афродита — из пены.

22 апреля 2006 г.

* * *

Мне не хватает холоду
Ни в голосе, ни в жесте, ни во взоре.
И это длится смолоду
И в помыслах, и в радости, и в горе.
Здесь, в снежной непрозрачности
И времени, и неба, и деревьев
Давно бы от горячности
Избавиться могла б, передоверив
Свой плач — еловым пологам,
А смех — незамерзающим истокам.
Звезду судьбы — астрологам,
А хаос — новоявленным пророкам.
Мне б истинам затверженным
Передоверить вспыльчивость незнанья.
— Куда же ты! Зачем же ты!
— Уймись. Остынь...

7 марта 2006 г.

* * *

Какая сирень расцветает,
Какая эпоха грядет!
Но скорбный мой рот западает
И скоро ко тьме припадет.

У жизни просила немного
И мало у смерти прошу:
До ночи постой у порога,
Сама я звезду погашу.

Звезда моя, долгие лета —
Не слава моя на потом,
А связь бытовая со светом
Настольным в окошке моем.

21 апреля 2006 г.

* * *

Не верьте классической розе,
Шиповник и тот зачах.
Стихи мы отыщем в прозе,
А прозу найдем в стихах.

Жизнь вывернута наизнанку.
Ветра на кругах своих
Глухую крутят шарманку
Под гогот парней крутых.

Где ветра конец, где источник?
Где низ бытия, где верх?
Загадка — для одиночек,
Привычное дело — для всех.

19 апреля 2006 г.

* * *

Домой, где от зноя роздых,
Где редкий ландыш в лесу,
Город в апрельских розах
В глазах своих унесу.

Я ноздри свои заполню
Терновым запахом роз.
Забуду, а не запомню,
Что жизнь пошла на износ.

Коль скоро верна я флоре,
Как флора верна весне,
Я эти розы вдоль моря
И в вечном увижу сне.

На розовое варенье
Собрать лепестки спешу
И сладкое сновиденье
О райских розах пишу.

6 мая 2006

* * *

Облачное месиво
В бездне голубой.
Весело, мне весело
Смеяться над собой, —

Посмеюсь над скупостью
Честью дорожить,
Над тщеславной глупостью
Правду говорить.

Посмеюсь над гордостью
Враждовать с судьбой,
Над своей негодностью
В сфере бытовой.

Смех — мой щит: насмешников
Упреждать горазд.
Синий воск — с подсвечников.
С тучек — пенопласт.

27 ноября 2006

* * *

На каждый день творенья ушли века.
А этот век пришелся на день восьмой,
В который отдыхает, наверняка,
Господь, устав возиться с дурной землей, —
Потоп, землетрясенье, пожар, разбой!

Воздушное пространство окутал смог,
Кровь запятнала реки, а нефть — моря.
Неужто так устал ты, всесильный Бог
Иль на другой планете, семь дней творя,
Нас от творящей мышцы своей отторг?

Болит от мыслей темя, душа — от слов,
Для опыта опасен учет причин:
Пересчитать причины своих грехов
Не хватит нам ни пальцев и ни седин.
День догорел, как свечка, и был таков.

23 июня 2006 г.

* * *

На душе — червоточина,
А в голове — морока.
В небе лучи заточены,
Как пики или осока.

Домик мой скособоченный,
Я возвратилась с Востока, —
Мои вояжи закончены —
И здесь и там одиноко.

Мир разломился надвое,
Как под сургучом бумага,
Как на устах печать.

Господи Боже, на Твое
Подаренное мне благо
Чувствовать и молчать.

7 мая 2006 г.

* * *

Я, очевидица двух эпох,
Всем надоела, и только Бог
Держит меня еще на земле
В быстро остывшей золе.
После пожара память больна, —
Чудится ей то мор, то война,
И телефонов умолкших звонки,
Да черные те воронки.

Время есть феникс и восстает
В той же стране, где идут вразброд
Мысли, границы и города,
Беженцы — кто куда.
Снова бесправия торжество.
Что же нам делать? — Да — ничего.
Всем надоела, кому могла, —
На голове зола.

31 марта 2006 г.

* * *

То ли снится, то ли бредится, —
Все давно уже смешалось, —
Летний пламень с гололедицей,
Ковш земли с ковшом Медведицы,
Даже с ненавистью жалость.

Нет ни пешего, ни конника,
Ни вакансии поэта...
Тормоша страницы сонника,
Опадают с подоконника
Пятна тьмы и пятна света.

Что-нибудь в окне да светится, —
То роса с густых туманов,
То веревка лунной лестницы,
То литье с ковша Медведицы,
То огни подъемных кранов.

Не подстелет мне соломинки
Ангел сна... и этой ночью
Сны бредут не как паломники,
А тишьмя — как уголовники
В перевалочку сорочью.

4 июля 2006 г.

Слово

Слово крепче ореха
И податливей воска, —
С дальним отсветом эха,
С привкусом отголоска.

Во славу его орешник
Растет и трудятся пчелы,
Я ж, природы приспешник,
В горле нянчу глаголы, —

Как же мне их не нянчить,
Если задача речи
Душу сделать помягче,
А рассудок — покрепче.

19 мая 2006 г.

* * *

И хочется помнить, и помнить устала
И лица, и улицы, и имена,
И вывески, и голоса, и зерцала.
Мне пыльное небо дорогу устлало
Текущим забвеньем, оно, как стена
Меня ограждает от яви и сна.

Пустыня. Не в ней ли всем маревом мира
Завеяли пальмовые веера?
А ветер, а ветер — прохвост и проныра —
Стремительней жизни, острей, чем рапира.
Дымит желтоватою тучкой гора,
Окошком ей служит пещеры дыра.

И вот из такого окна на пустыню
Ангелоподобный взирает мираж, —
И очи его и крыла его сини, —
Он весь из воды, — и остаток гордыни,
И счастья ошметок, и воли кураж,
И мысли обмылок ему ты отдашь,

Чтоб только напиться, чтоб только умыться.
На что мне сей ангел — прообраз воды?
На что мне полдневной пещеры глазница?
Семейства вороньего певчая птица,
Из памяти, как из стоячей среды,
Хотела я выйти. Напрасны труды.

22 марта 2006 г.

БЕЗ СЛЕЗ

Повесть

1

Теплым сентябрьским вечером в тихом пыльном дворике сидели на лавке два подростка и допивали вторую полторашку пива. Они оба были еще совсем юными, оба не брились, и у обоих на лицах застыло одинаковое выражение нахальства и лени. Тот, что казался постарше, был высокого роста, нескладный, немного сутулый. Одет в серый толстый свитер с пятнами на вытянутых рукавах, недавно выстиранные, но тоже испачканные черные джинсы и потрепанные дорогие кроссовки, в которых он ходил по неизвестно какой грязи, найденной, вероятно, на самых заброшенных, загаженных пустырях. Второй был невысок, с темными короткими волосами на склоненной унылой голове. Лицо его было широким, с еще по-детски припухшими щеками и облупленным острым носом. Губы плотно сжаты, а сощуренные, серые, ничего не выражающие глаза бесцельно глядели на стену рядом стоящего дома, глядели на нее и сквозь нее, в неизвестные дали. Он сидел скрючившись и съежившись, иногда сплевывал тягучую слюну себе под ноги, тяжело вздыхал и передергивал узкими трогательными плечами, словно от холода. На нем висели, как на вешалке, безразмерная спортивная куртка и такие же безразмерные, затянутые ремнем брюки. Огромные ботинки на толстой подошве, белая майка.

Они сидели и пили пиво. Безмолвно передавали друг другу пластиковую бутылку и лениво глотали мутную жидкость. Млели от вечернего тепла, последних лучей погибающего солнца. Курили. Снова глотали пиво. Щелкали зажигалками, выпускали из щелей ртов клубы табачного дыма. Еще пили.

Первого, высокого и нескладного, звали Вадим, и кличку он имел из-за своего характера Вандал. А имя второго было Макс, и клички из-за своего характера он не имел никакой (по-крайней мере постоянной).

— Знаешь, что такое перепел? — спросил Вандал, отупевший от молчания.

— Ну? — откликнулся Макс хриплым голосом, судорожно кашлянул, прочищая горло, и сплюнул под ноги.

Марина КОШКИНА — родилась в 1985 г. в Ярославле. Студентка Ярославского госпедуниверситета (специальность «журналистика»). Участвовала в 4-м форуме молодых писателей в Липках. Финалист независимой литературной премии «Дебют» 2005 г. в номинации «Крупная проза». Первая публикация прозы — в «Континенте» № 125. Живет в Ярославле.

— Это я. Я — «пе́репил».

— Это ты-то «пе́репил»? С чего это вдруг?

— Вчера пил с Сашкой пиво. Позавчера — водку. Позапозавчера тоже и... — начал объяснять Вандал.

— Ничего, — перебил Макс. — Печень пока не болит — и хрен с ним. — Усмехнулся, скривил лицо и спросил весело: — Или ты намекаешь, что со мной зря пьешь?

Ничего не выражающие серые глаза его стали узкими, блестящими. Вандал принялся бурно оправдываться, и тогда Макс сказал:

— Да ладно, чё ты? Я же знаю... — И вдруг с вздохом произнес: — Спасибо тебе, Вадимка. Одному не всегда хорошо быть. Особенно в свой день рожденья не хочется одному быть. — Помолчал. — Я, конечно, мог бы своих школьных друзей позвать, или со двора. Но мне, честное слово, их всех напоить денег не хватит. — Глотнул пива, посмотрел на стену дома и сквозь нее. — Да и не такие уж они мне друзья.

Обоим стало грустно. Сегодня Максу исполнилось пятнадцать лет. Он вспоминал свои предыдущие дни рожденья и не мог вспомнить ничего хорошего. Он вспоминал чужие дни рожденья и тоже не мог вспомнить ничего хорошего. Зажмурился, глотнул пива.

— А эта коза меня уже достала, — сказал Вандал со злостью. — Шалава, сука.

— Что опять? — спросил Макс.

— Перед матерью вы.бывается. Сука, бля, поганая, — он оскалился. — Мне срать, что она батьку увела. Не мое дело, пусть хоть до блевоты дотрахаются. Но чего она перед матерью жопой вертит своей вислой?

— Чего она опять сделала? — спросил Макс.

— Да ничего. Домой нам звонила опять. Потом на улице мать встретила, начала вы.бываться.

— А отец?

— Что отец?

— Скажи ему.

— Чё я скажу-то? Будет он меня слушать. Как же... Козел. Доведет мать, заляжет она в больницу опять. Чё он тогда делать будет? К шалаве побежит своей? На хрен он ей сдался. Ей, бля, деньги только нужны.

Макс взял бутылку, глотнул пива и подумал, что у отца Вандала не так уж и много денег. Но все же, конечно, и не мало. И все эти деньги он тратит на свою любовницу. Семью не оставляет. Почему не оставляет? Принципы? Совесть?

— Я ее реально как-нибудь подкараулю с Сашкой и опущу по полной. Пойдешь с нами?

Макс пожал плечами.

— Да, паршивая жизнь пошла, — сказал Вандал. — И отчего все так плохо?

Макс достал сигареты, закурил. Посмотрел, сколько еще сигарет осталось в пачке. Хитро улыбнулся.

— «Но если есть в кармане пачка... сигарет», — пропел тихим, неожиданно чистым голосом. — Вандал, у тебя есть в кармане пачка сигарет?

— Ну?

— Не «ну», а есть или нет, спрашиваю?

— Есть.

И Макс, закрыв ничего не выражающие серые глаза, упоенно запел:

Но если есть в кармане пачка сигарет,
Значит, все не так уж плохо на сегодняшний день.
И билет на самолет с серебристым крылом,
Что, взлетая, оставляет земле лишь тень.

Макс не фальшивил, не давал петухов. Он пел чистым сильным голосом, отдаваясь полностью песне, забывая обо всем остальном, не сомневаясь в истинности слов и не видя удивленных взглядов прохожих. Он не стеснялся орать в полную силу, наслаждаясь своим умением петь, зная о своем дарованном свыше превосходном голосе и слухе. Прерывался на несколько мгновений, делал глубокие затяжки, потом пел, и изо рта его вместе с песней вырывался дым, устремлялся к небу, выше, выше... Он путал куплеты, врал текст, но это было не важно, это было совершенно не важно, песня становилась только лучше, и ничто не могло испортить ее.

Когда песня кончилась, Макс пару секунд сидел замерев с закрытыми глазами, вздрогнул, обернулся к Вандалу, который, осознавая все несовершенство своего голоса и совершенство голоса друга, даже ни разу не попытался подпеть. Сказал хрипло с горечью:

— Как я хочу петь, Вандал! Если бы ты только знал!

Из его глотки вырвался звук, похожий на всхлип.

— А еще я хочу гитару! Как я хочу гитару!

— Тебя же звали солистом в школьную рок-группу. Чего не согласился?

Макс скривился, допил пиво, пожалел, что бутылка не бездонная, и оставил вопрос без ответа.

Макс, шаркая ногами, подозрительно оглядываясь, шел домой, напевал что-то себе под нос. Слов было не разобрать. Останавливался, прикуривая очередную сигарету, уже не чувствуя действия никотина. Курил механически, не замечая, что курит. Шел, слегка покачиваясь, полупьяный, немного хмурый. Он шел домой.

Дом его располагался в центре города, прятался за спинами красивых, недавно отремонтированных высоток. Таился ветхий кирпичный перестарок в пять этажей рядом с такими же ветхими сарайками. Доживал свой век рядом с помойкой.

Макс подошел к своему дому, зашел в свой подъезд, поднялся по лестнице на четвертый этаж. Пахло мочой, кошатиной, подгорелой картошкой. Макса немного замутило, но он знал, что это быстро пройдет и запахи перестанут восприниматься. Он пошарил по карманам, нашел

ключ и открыл хлипкую дверь. (Зачем дверь? Что воровать?) Прошмыгнул на кухню, грязную, заставленную посудой, кастрюлями, ведрами.

Когда вскипел чайник и Макс достал из хлебницы булку, за стеной начали орать друг на друга родители. Макс полез в буфет за своей чашкой, уронил ее, и чашка разбилась. За стенкой орали все громче и яростнее. Макс подобрал осколки, понял, что склеить не удастся, и со злостью вышвырнул осколки в окно. Услышал, как они звякнули об асфальт, и тут же с грохотом что-то рухнуло за стенкой. Выругался матом, сплюнул в мойку, закурил. В пачке осталось четыре сигареты. Пододвинул поближе блюдце, служившее пепельницей. Раздались крики матери. Кажется, отец снова бил ее. Так всегда бывает. Сначала пьют вместе, потом дерутся. Макс курил и курил, одну сигарету, вторую, третью. Потом сжав зубы раздавил окурок об стол, вскочил, уронив табуретку.

— Да заткнетесь вы?!! Достали, суки долбаные!!!

Голос его сорвался, он согнулся в приступе кашля, потом сплюнул, нырнул во тьму коридора, ударом распахнул дверь, ведущую в их комнату.

— Хватит!!! Хватит!!! — захрипел надрывно, увидел лежащую на полу мать в разорванном халате, опрокинутый стол, пролитую бутылку водки, перекошенное ненавистью лицо отца, качающуюся на потолке лампочку.

— Достали!!! Хватит!!! Сдохните, твари!!!

Все смешалось, затуманилось, он кинулся на отца, шипящий, мелкий, проклинающий... Удар в голову, Макс летит в глубокий холодный овраг, комната проносится влево и вверх, дверной косяк встречается с затылком, реальность рассыпается искрами и праздничным салютом. Глухой стук собственного рухнувшего тела...

...Макс вынырнул из темноты, приподнялся. Он лежал на полу у двери, над ним склонилась зареванная пьяная мать и вопила:

— Ребенка убил, подонок! Ребенка моего убил!

Рядом возвышалась туша соседки из первой комнаты, тети Ларисы, алкоголички с сальными пепельными волосами и гноящимися воспаленными глазами. Макс пробормотал:

— Все хорошо, хорошо...

Поднялся на ноги, чувствуя тошноту и сильную боль у затылка и лба. Отстранил мать, оттолкнул соседку, держась за стенки, нетвердой походкой добрел до двери, вылез на лестничную клетку, пошел вниз по лестнице, хватаясь за перила. Еще мало что соображающий, еще до конца не избавившийся от обморочного головокружения...

Макс сидел на лавке у подъезда в рыжей мгле фонаря, ощупывал голову. Крови вроде не было. Череп цел.

— Ну и ладно, ну и хорошо, — промямлил он, вспоминая, как в прошлом году отец сломал ему руку.

— Сунулся дурак, влез, — бубнил тихо, размышляя о траектории своего падения и гадая, почему болит плечо и спина, когда ударился он затылком.

Потом Макса вырвало, и он подумал: не сотрясение ли это? Достал последнюю сигарету, закурил, отшвырнул пустую пачку в кусты.

— «Но если есть в кармане пачка сигарет...»

«Когда-нибудь я убью его, — думал Макс. — Я убью его — или он убьет меня». Он ненавидел этого человека и знал, что этот человек так же ненавидит его, Макса, и ненавидит мать из-за него. Потому что думает, что она шлюха, что она нагуляла его. А он, подзаборный рахит, он живет рядом с ними и вечно напоминает о той измене. И Макс всегда помнит: этот человек ему не отец, не отец, не отец. «Чужак, тварь, пьяная скотина!!! Я хочу, чтоб он сдох! Я желаю ему смерти!» Максу казалось, что это желание, эта ненависть живут в нем с рожденья, бьются вместе с сердцем, шумят вместе с кровью. Он мечтал о том дне, когда этот человек сдохнет от белой горячки, от выпитой водки, от сгнившей печенки. Отправится на тот свет, если тот свет существует. Но только не в ад, это будет слишком хорошо и легко. Куда-нибудь дальше, на съеденье загробным чудищам. Пусть они жрут мерзкие вонючие останки его души (у него нет души, у него только ее останки) и пусть он корчится от боли и ужаса! Пусть корчится вечность, всегда, всегда «Это мое желание, Господи, — исступленно шептал Макс, — это мое единственное, бессмертное, бесконечное желание. Оно сбудется, я верю, оно сбудется. Я верю в тебя, Господи, в твою силу, твою мудрость, твое милосердие. Я схожу с ума, Господи! Он же, Господи, он же с самого рождения убивает меня! Медленно убивает, хочет вышибить из моей тупой башки последние клочки разума. Не дай ему сделать этого, Господи! Ты слышишь его, мать твою?! Это нечестно! Неправильно! Пусть он сдохнет! Сам, от перепоя! Убей его, Господи! Лиши жизни! Зачем он здесь? Он хочет сломать меня, сделать таким же, как он! И если я стану таким, значит, он победил, убил меня! Господи!» Этот человек ненавидит Макса, хочет, чтобы он стал навеки никем — скотиной, убийцей, преступником. И если он не убьет этого человека, то тогда этот человек убьет его сам. «Господи, — стонал Макс, — он хочет, чтобы я убил его. Хочет засадить меня за решетку! Я не понимаю, что мне делать. Я готов провалиться под землю. А в башке у меня, перед глазами у меня все время — нож, лежащий на столе нож. Такой острый, такой блестящий Неужели для этого ты создал меня, Господи, мать твою в душу?! Неужели ты вложил в меня эту ненависть, боль, муку? Неужели ты создал и его, эту мерзкую пьянь, для моего горя и слез?! Не надейся, Господи, я никогда не заплачу. У меня нет слез. Как нет счастья и нет жизни для таких, как я, на этом чертовом свете».

2

Местом для сна Максу служила кухня, куда пару лет назад он вытащил свою прогнувшуюся раскладушку. Соседи поначалу противились этому новшеству, но, благодаря Максиному упрямству, вскоре привыкли и прекратили ругаться. К тому же Макс всегда спал очень мало и все равно поднимался раньше всех и успевал убрать постель, перекусить и убежать прочь из дому, прежде чем кто-либо из живущих в квартире приходил готовить завтрак.

Макс проснулся в тягостном предощущении нового дня, движения, проблем. Почувствовал не то чтобы головную боль, но странную, раз-

дражающую пустоту в черепе, словно не было там ни крови, ни двух полушарий мозга. Как всегда после сна, болел пустой желудок, подташнивало. Макс сел на скрипящей раскладушке, спустил ноги на холодный пол, зевнул.

— Блин, утро, что ли? — просипел, протирая глаза, и вспомнил вчерашнюю ссору родителей, собственную выходку, удар, ненависть.

Он быстро оделся и стал искать сигареты. Курить хотелось жуть как. Но сигареты кончились вчера вечером, и Максу пришлось пробираться в комнату к родителям — воровать курево у отца. Он осторожно, чуть дыша, приоткрыл дверь, постоял замерев несколько секунд и, пытаясь не скрипеть половицами, прокрался до подоконника. На подоконнике лежала наполовину выкуренная пачка. Родители спали, укрывшись бордово-малиновым, засаленным одеялом без пододеяльника. Мать храпела. Рядом с их кроватью стоял стол, три табуретки (одна валялась на боку). Напротив — старый исцарапанный шкаф с одеждой, хранивший на себе неопрятные следы лака. Раньше у них были телевизор, и полка с книгами, и еще всякие вещи, но потом все ушло на выпивку, и теперь оставалось только вспоминать о прежней роскоши.

Особенно больно думать о книгах. Когда-то он любил читать, читал без разбору, жадно, ненасытно, мало что понимая, но много угадывая, чувствуя интуитивно... Никто не приучал его к чтению. Часто оставаясь в одиночестве, Макс сам нашел себе такое занятие. Потом не до того стало... Да и книги исчезли. Сейчас он уже не мог представить себя читающим что-то. Неохота, других дел прорва.

Воздух в комнате висел синий от сигаретного дыма, спертый. Окна не открывались, воняло перегаром. Макс брезгливо поморщился, остро ощущая собственное неблагополучие и запустение этого дома. Общая атмосфера уныния, гадостная грязь, бесперспективность, отсутствие надежд: все это давило на сознание, подтверждало ущербность его жизни, опутывало шею прочной веревкой. Попробуй убеги! Как же... Обреченность и холод, пустота. Он зябко передернул плечиками. Тут отец перевернулся, и Макс, перепугавшись, схватил одну сигарету и быстро-быстро посеменил к двери. Остановился, помедлил в нерешительности, но, набравшись храбрости, все-таки опять вернулся к окну, нашарил в углу свой школьный рюкзак и вместе с ним выскочил в коридор. Шумно выдохнул и улыбнулся. Закурил. Пошел на кухню. Никотин медленно поступал в кровь, и голова начинала работать. Проходила тошнота и разбитость.

Сидеть на кухне в одиночестве и курить Максу нравилось. В такой обстановке хорошо думалось и можно было решить, куда пойти днем, кого из друзей навестить, а кого лучше пока избегать. Его успокаивали тишина и свежий ветер в форточку. Особенно хорошо так было сидеть, когда отец уходил на работу или еще куда-нибудь. Раньше он, кажется, был военным и держал сына в страхе и строгости (когда, конечно, вспоминал о его существовании). Макс до сих пор инстинктивно прикрывал голову и пригибался, если кто-то хотел прогнать комара с его лба или делал еще какое-нибудь резкое движение в его сторону. Вы-

гнали отца со службы за пьянство, и работал он теперь сторожем в гаражном кооперативе. Но поведения своего не изменил, считал, что сын во всем должен ему подчиняться, а за любую провинность нести положенное наказание. Несколько раз отец пытался запирать Макса в комнате, не давая гулять, но паренек наловчился вылезать через окно. Рядом с домом росла разлапистая ива, и он, словно кошка, дотягивался до веток и сползал вниз. Однажды он неудачно схватился за ствол, пальцы соскользнули и Макс молча, безропотно полетел вниз, ушиб спину и разодрал о сучья куртку, а заодно и шею так, что пришлось накладывать швы. На шее до сих пор остались шрамы. Макс взрослел, становился все наглее, и постепенно его зашуганность и забитость пропадали. Он научился огрызаться, хранить в душе обиды и ничего-ничего не прощать. Макс вообще никогда никому ничего не прощал.

Он сидел на кухне, докуривал украденную сигарету и думал о том, что в квартире, кроме него, все спят. Спала теть Лариса, про которую говорили всякое. Например, то, что она уехала в молодости из деревни в город, а ребенка, случайно нажитого по малолетству, оставила бабке с дедом. Теть Лариса, может, и была неплохой женщиной, только уж больно много пила. Макс почти никогда не видел ее трезвой. Пьяная, обрюзгшая, постаревшая (хотя ей не было еще и сорока), она часто привязывалась к Максу и начинала расспрашивать о школе, друзьях...

— Чему вас там на уроках учат? — говорила она.

— Так, разному, — неохотно отвечал Макс.

— Хорошо учишься?

Макс пожимал плечами, кривил губы, говорил, что на троечки.

— Чего же так плохо?

— Не знаю я. Так уж получается, — отвечал Макс и скучая смотрел сквозь ее лицо.

— Учиться надо! — начинала читать нравоучения соседка, и это всегда страшно раздражало. — Если не будешь учиться, тебя никто на работу не возьмет. Сейчас такие, как ты, олухи не нужны. Вот выгонят из школы, чего тогда делать будешь? Куда пойдешь? Мамка с папкой у тебя уже не молодые, не прокормят тебя. А ну как жениться надумаешь? Кто за тебя замуж-то пойдет, за дурака за такого? Только синюшка какая-нибудь. Да и сам ты сопьешься! Вот, как батька, и будешь водку пить. И мать у тебя пьет, и отец пьет. Ты тоже сопьешься. Вот непутный! Весь в отца.

И недавно Макс, наконец, не выдержал. Сплюнул ей под ноги и высказал все, что думал. Матом покрыл напоследок.

— Ублюдок! — завопила тогда теть Лариса. — Ты как со старшими говоришь!

— Иди в жопу! — рявкнул Макс.

После ссоры теть Лариса рассказывала всем своим собутыльникам и жильцам дома про Макса бог знает какие вещи. Он вскоре заметил на себе косые взгляды, услышал шепот за спиной. Подумаешь, решил, бабки у подъезда все равно наркоманом считают. А теть Лариса кроме как ублюдком Макса теперь не называла.

В другой комнате сейчас спал дворник Леша. О нем вспоминать не хотелось. Законченный алкоголик, мочившийся в штаны и дважды пытавшийся поджечь квартиру. К счастью, в другом конце города у этого урода жили родственники и он частенько ездил к ним погостить.

В третьей комнате почивал Олег Иванович, единственный нормальный из всех соседей. Худой, невысокий, с большими грустными глазами и аккуратной щеточкой усов. Выглядел довольно молодо и прилично. Он был тих, скромен и молчалив. Работал на каком-то заводе, имел третью группу инвалидности. Не пил. Почему он жил в одиночестве, Макс не знал, да его это ни капельки и не интересовало.

В четвертой комнате спали молодая Люська и ее четырехлетняя сопливая дочка. Люська работала продавщицей в ларьке, жила со своим хозяином и по вечерам чуть-чуть выпивала. С ней тоже вроде бы было все в порядке, если бы не постоянные истерики. Раз в неделю она запиралась у себя, выпихивала дочку в коридор и несколько часов громко беспричинно рыдала. Периодически Люська любила травиться таблетками (Максу было любопытно, когда же она отравится, так сказать, до конца) и иногда начинала водить к себе всяких мужиков, все разных, и, как казалось Максу, даже по нескольку человек за ночь. Потом же, успокоившись, не приводила по полгода никого. Наверное, подрабатывает шлюхой, думал Макс.

Он докурил сигарету, попил чаю с пустой булкой и, надев рюкзак, пошел прочь из этой богом проклятой квартиры. Прочь! Прочь!

Курить хотелось ужасно, но сигарет не было. Макс долго лазил по карманам рюкзака и наконец наскреб несколько рублей на самые дерьмовые сигареты. Подошел к ларьку, и вдруг рядом оказалась полоумная старуха — та самая, про которую никто ничего не знал, кроме того, что она полоумная. Она стояла рядом, но смотрела в сторону, словно не видя Макса. В костлявых руках старуха держала пустой кошелек и все копошилась, рылась в нем, перебирала своими скрюченными тонкими пальцами. А замотанная в дырявый платок голова ее тряслась. И Макс внезапно поддался мимолетному порыву, неожиданному, случайному и протянул старухе деньги. Та не взяла, подняла на него свои мелкие, лихорадочные глаза.

— Спасибо, Максимушка, спасибо, милый, — сказала ласково. — Мне не надо.

— Да ладно, берите, — промямлил Макс, и тут до него доперло. — А чё? А вы откуда знаете меня?

— А я все знаю, Максимушка!

— И знаете где я живу?

— Как же не знать!

— Да? — Макс шмыгнул носом. Старуха продолжала:

— Плохо тебе, миленький, живется? Ну ничего, ничего, потерпи маленько. Потерпишь — и хорошо все будет. Ты, главное, им не давайся. Они за тобой следят, порчу на тебя наводят...

Максу стало смешно. Старуха бредила. Макс несколько раз видел, как она разговаривает с прохожими и убеждает их в сглазе, показывает какие-то фотографии с выколотыми глазами.

— Кто на меня порчу наводит? — спросил Макс хихикая.

— А ты не смейся! Не смейся! Я все знаю! Что тебе пока знать не положено. Скоро у тебя все хорошо будет. Все враги умрут, освободишься ты. Свободный станешь, счастливый. А деньги свои убери. Не нужны мне твои деньги. И ты чужое не бери никогда. А то сразу порча и будет. А так освободишься...

Старуха быстро развернулась и неожиданно проворно пошла прочь. Макс посмотрел на деньги, которые держал в руке, проводил полоумную взглядом, усмехнулся и купил сигареты.

В школу Макс не пошел. На один день больше прогуляешь, на один день меньше... Уроки все равно не готовил, расписания не знает. Погулял немного один по городу. Лицо у него осунулось со вчерашнего дня, появились подглазины. Голова болела. Стало совсем паршиво, и тогда Макс пошел к теть Зине. Теть Зина жила недалеко от их дома и частично заменяла пареньку мать. Раньше она работала воспитательницей в его детском садике, играла с маленьким и утешала, когда он плакал. Потом детсад закрылся, и теперь теть Зина устроилась работать кондуктором.

— Здрасте, теть Зин!

— Здравствуй, Максимка! Как дела?

— Нормально, теть Зин. Есть только хочу.

Женщина провела его на кухню, усадила за стол, налила борща. Села напротив, смотрела, как он жадно ест. Худая, с желтой кожей на лице, морщинами.

— Как у вас на работе?

— Премиальные сняли.

— За чё это?

— Не выполнила план.

— Вот уроды! Как вы план выполните, если на плохие маршруты засовывают?

— Это их не интересует. Если бы билеты старые не продавала, вообще бы с голоду умерли, наверно.

Теть Зина пристально посмотрела на паренька, спросила:

— Отец опять дрался?

— Вы откуда узнали?

— У тебя синяк на лбу.

Макс удивился, что не заметил синяка, и рассказал о вчерашнем. Потом помолчал, сказал:

— Я его убью!

— Что ты, Максимка! Упаси тебя...

— Не верите?

— В том-то и дело, что верю. Страшно мне за тебя.

Страшно Все говорят, что страшно. А на деле плевать.

На кухню вошла великовозрастная дочь теть Зины, Настя. Длинная, очень полная, рыхлая девица с мышиным хвостиком волос. Настенька была умственно отсталой, школу так и не закончила, нигде не работала и, как многие дураки, страдала от чрезмерно развитого сексуального влечения. Ложилась под первого встречного. Ее не интересовали ни возраст, ни благосостояние, ни внешность партнеров, ее интересовала только исправность их половых членов. Еще она не испытывала чувства меры, ни в пищевом плане, ни в сексуальном. Старшая сестра теть Зины тоже, говорят, была ненормальной, она под поезд бросилась, потом валялась, разрубленная на куски, на рельсах. А ее отец со своим братом пришел, собрал эти окровавленные куски мяса в бельевые корзины и поволок в морг.

Макс вздохнул и закурил сигарету.

Где он живет, где? Как он здесь очутился? Что это за мир? Не слишком ли много алкоголиков и дегенератов? И все совокупляются, плодятся, плодятся Заполняют всю его жизнь. Света белого не видно! Но он же не виноват, что родился среди них! Он не виноват! И ему душно среди них! Ему мерзко видеть их гадкие рожи. Скоты И все что-то ему говорят, орут, бьют, учат. Зовут недоноском, выродком, сопляком, бестолочью Они его доведут, обязательно доведут! Он не выдержит. Что там бубнила эта старуха? Что-то про его будущее? Нет у него будущего. Ничего хорошего впереди нет. Ничего-ничего-ничего! Ты ошиблась, старуха. Твои сумасшедшие всевидящие ангелы тебе соврали. Он, конечно же, не выживет в этом мире. Вернее, жить он будет, но это уже будет не он. Это будет другой он. И этот другой будет каждый день напиваться и валяться в собственной моче, в собственной блевотине где-нибудь в мокрой канаве. Прирежет какую-то сучку или в пьяной драке кого пришьет. Все будут ходить, плеваться при виде этого другого, отворачиваться, презирать. И нет у него иного пути, кроме как превратиться в Другого. «Нет, не хочу! Только не так! Только не это! Не хочу! Не хочу! Не хочу! Не стану одним из них! Ни за что! Никогда! Бороться я буду! Бороться».

Пустые слова. Кому ты врешь, Макс?

3

В окна класса лилась последняя осенняя теплота солнца, обманчивая и грустная. За партами сидели двадцать пять сонных девятиклассников, и им всем хотелось отсюда поскорее вырваться, пойти гулять, развлекаться, предаваться безделью... Но нет, нельзя. Нужно было оставаться на месте и выслушивать надоевший, тягучий, как жевательная резинка, бесконечный, муторный урок.

Макс сидел за первой партой (его вчера сюда пересадили) и предавался тягостным раздумьям. Возьмут его на работу или не возьмут? В объявлении ничего про возраст не говорилось, хотя... Черт знает, что за работа такая... Может, листовки распространять или газеты разносить. Сумма заработка не указана.

Макс сорвал это объявление вчера на остановке и все никак не мог позвонить по указанному телефону. И беспокоился насчет своего возраста. Летом он подрабатывал в городском парке, убирал вместе с такими же подростками из неблагополучных семей мусор и тратил полученные деньги исключительно на пиво и сигареты. Осенью заработать оказывалось всегда трудней. Курево второй день Макс стрелял у приятелей и мечтал о дне родительской получки, когда можно будет выпросить немного деньжат. Если не дадут, то стащить втихаря (потом получить по шее).

Макс думал и думал. Сигареты, возраст, телефон, листовки... Тут жирный голос учительницы вырвал его из прострации и вернул насильно в класс.

— Максим! Максим Качалов!

Макс не сразу врубился, что это его имя. Сидел застыв, думал.

— Максим, ты меня слышишь?

— А? Чё? — очнулся Макс.

— Иди к доске.

Идти? К доске? У нее не все дома? Еще чего выдумала! Зачем ему идти к доске? Макс шмыгнул носом (платка, чтобы по-человечески высморкаться, не было) и спросил:

— Зачем?

Эта корова с жалким кукишем волос на затылке вперила в него злой близорукий взгляд. Начинается... Но Макс еще не понимал, что начинается... Он от рассеянности спросил зачем. Не специально. Но училка этого не знала. И, начиная злиться, спросила ответно:

— Ты еще и дерзишь? Иди к доске, не тяни время.

— Зачем?

И вдруг до него дошло. Наверно, спрашивали домашнюю работу.

— Я не готов, — честно признался Макс.

— Что?!!! — вскричала училка. Макс опустил глаза и попытался не слушать. Но до него все-таки долетели кой-какие обрывки: — Повторяется прошлый год, так?.. Ты опять проблем хочешь? Ты спокойно жить не можешь!.. Прогуливаешь, а потом сообщаешь, что не готов!.. Это просто цинично!.. Ты у нас не доучишься в этот год!.. Мы тебя выгоним!.. Вот у меня журнал, тут вся твоя успеваемость... Все отметки... У нас таких инцидентов никогда не было!..

Макс изучал надписи на парте: «рэп — круче всего!», «В — лох», «11 Б — козлы».

— Весь класс позоришь! Тебе не стыдно перед одноклассниками? Почему, интересно, все должны ходить на уроки, готовиться, а ты не должен? Тебе можно в это время бездельничать?! Разгильдяйство! Почему ты не можешь учиться как остальные?!

— А потому что я — бестолочь! — сказал Макс.

— Он еще и дерзит! Быть таким циником, таким... Где твой дневник?!

— Вот мой дневник, — внезапно взорвался Макс, — возьмите, пожалуйста, можете исписать его хоть весь! И родителей не забудьте вызвать. Ага, валяйте-валяйте! Они все равно не придут!

— Помолчал бы лучше!

— А вы мне рот не затыкайте! Не имеете права! — Макс чувствовал, что говорит не то, но остановиться не мог. Понесло.

— Ты о правах тут у меня не заикайся! О правах все помнят, а вот об обязанностях своих почему-то забывают. Ты обязан готовить уроки... и работать на уроках! Потом уже и о правах говорить.

— Ничего я вам не обязан! — Макс медленно поднялся из-за парты. — Плевал я на вас и на ваши уроки! — Ему казалось, что он теперь совсем спокоен, только ноги почему-то дрожали, но это никому не было видно. — А то, что у меня нет никаких прав, это я и без вас помню! И не надо мне об этом по десять раз напоминать! Мне это и так постоянно напоминают! И вообще, пойду я отсюда!

Макс пошел, шаркая ногами, к двери.

— Сядь сейчас же на место! — орали на него.

— А вы директору пожалуйтесь! — сказал напоследок. — Пусть меня вышибут из этой дрянной школы!

Ушел, хлопнув дверью. Борзеешь, Макс, борзеешь. Нехорошо. А кто обещал, что хорошо будет?

Макс сплюнул на пол, полаялся из-за этого с уборщицей и спустился вниз, к раздевалке. Нужно было переждать еще один урок. Его цель — большая перемена, обед. Макса и еще нескольких человек в школьной столовой кормили бесплатно как малообеспеченных. Обеда нужно было дождаться во что бы то ни стало. «Но на уроках больше сидеть не буду сегодня, — думал Макс. — Хватит с меня сегодня уроков». И подумал еще, что зря разорался с учительницей.

— Плевать, — пробормотал неслышно. — Ничего мне эта коза не сделает.

Грянул звонок на перемену, дребезжащий и резкий, прямо над головой, и Макс вздрогнул от неожиданности. В коридоры высыпали радостные подростки. Их голоса и топот, возня, шарканье заполнили всю школу. Каждый говорил о своем, проходил мимо, близкий и далекий, безразличный к окружающим и такой внимательный к себе. Прошли девчонки из его класса. Каблуки, длинные юбки, плоские животы, высоко зачесанные белые кудри, учебники в руках. Такие вряд ли будут гулять с таким, как он. И вряд ли позволят оставить засос на бархатной шее. От них так и веет любовью, эротикой, сексом... Всем, что так манит, но остается недоступным для такого, как он. О чем это они болтают? Повторяют вызубренные параграфы? Готовятся к срезовой по истории? О Господи Боже! И не надоело им? Взгляды на Макса, пренебрежительные и высокомерные. Каменные мордочки, а потом смех за спиной. Ну да, его не слишком любят в классе. Прогульщик, двоечник, мелкий заморыш... Это ничего не значит и одновременно значит очень многое. Ерунда для него и так важно для них. Странно! Макс никогда не думал, что одноклассникам важна его успеваемость. Оказывается...

Возникли вдруг Серый и Антоха, два друга-приятеля с детства и до скончанья времен. Волосы до плеч, светящиеся сосредоточенные глаза,

широкие пасти. Их рок-группа звалась «Знак надежды», вызывала порой насмешки, порой уважение и зависть. Глупая школьная рок-группа. Глупые школьные музыканты-самоучки, лелеющие в душах наивную веру в собственную гениальность и будущую славу.

— Не надумал к нам? — спросили они.

— Нет, не надумал, — ответил Макс.

— Зря, — сказал Антоха, кривя рот.

— Зря, — сказал Серый задумчиво и презрительно фыркнул. — Потом жалеть будешь.

— Потом жалеть будешь, — повторил Антоха. — Ты смотри, мы тебя уговаривать не станем.

Как же, не станут! Полгода за ним бегают! Да, он мечтает петь, всё бы за это отдал. Но не так же, не с этими!..

— Будешь потом проситься к нам. Но мы тебя к себе не возьмем.

— Да ладно вам, ребята, — промямлил Макс развязано. — Не парьтесь. Я не передумаю.

— Ну, как знаешь.

И они продолжали стоять рядом, и не уходили, и чего-то ждали. Макс молчал.

— Думаешь, ты лучше нас, да? — сказал Антоха, играя голосом. — Думаешь, один ты такой талантливый, а мы все тут вокруг лохи, да?

— Сам сказал, — ответил Макс.

— Не хочешь, значит, с нами... Мы, значит, тебе в друзья не годимся. Ты, значит, думаешь, что лучше всех нас.

— А мы такие дураки песни сочиняем, репетируем. А тебе, значит, все это не надо!

— Не хочу я в вашу группу, — сказал Макс монотонно. — И ничего я не думаю.

— Дурак ты, Макс, — сказал Серый.

Макс пожал плечами.

— Не хочешь, значит, к нам? Ну и хорошо! Нам самим такие, как ты, не нужны!

— Ну и хорошо, — ухмыльнулся Макс. — Вот и выяснили все. Вот и идите.

Но они не уходили. Они продолжали стоять у него над душой, возвышались над ним. Говорили и говорили. Наверное, еще надеялись, что он передумает, захочет с ними петь. Только Макс знал, что не захочет. Для чего ему восторженные репетиции и вымученные тексты песен? Для чего лишние хлопоты и вера в несбыточное? Они не видят, но видит он: эти трепыхания и стремления тщетны, напрасны. Да и могут ли бренчание на гитаре, песни, струны как-то помочь, дать денег, дать другую жизнь? Фигня! Бред пойманного в силки зверя. Не нужны они ему. И песни их не нужны. И надежда. Все это бессмысленно, гораздо важней для него, примут на работу или пошлют подальше из-за возраста.

Все равно в душе всколыхнулось что-то. Они ушли, а досада внутри осталась. И злость.

Следующая перемена. Запах школьной столовой, неопрятные большие столы без скатертей, скамейки. Толпятся в очереди за пирожками, ходят туда-сюда с тарелками. Воздух наполнен запахом тушеной капусты, разгорячен. Жарко.

Макс сидел за одним из столов и доедал свой бесплатный обед. Рядом неудачно примостился его одноклассник Витька, мелкий лохматый пацан, которого мать отдала в школу с шести лет, жертва насмешек и издевательств. Маленький Витька никак не мог повзрослеть, был немного придурковатым и не понимал ни один школьный предмет, кроме алгебры и геометрии. На этих уроках он щелкал как орешки любые задачки, а в конкурсах и олимпиадах брал первые места. Одноклассники его дразнили, чувствуя слабость Витьки из-за разницы в возрасте: в четырнадцать-пятнадцать лет даже один год сильно ощутим. Паренек был угрюм, замкнут и погружен в себя.

Злой Макс привязался к нему.

— Чё, мелкий? Обед свой бесплатный жрешь? — Голос стал противным, наглым. Ничего не выражающие, пустые, серые глаза прищурились.

— Отвали! — буркнул Витька.

— Ты как со мной разговариваешь, мелкий? Кто тебя так научил разговаривать? Мамочка твоя?

— Да пошел ты, придурок!

— Ой-ой-ой! Затявкал! — Макс начал гримасничать, чувствуя веселье и превосходство. — Ты, мелкий, язык не распускай. Получишь у меня. Потом мамочке своей жаловаться будешь. Она тебе слезки вытирать будет. Ну, чё пялишься? Давай, плачь, плакса!

Маленький Витька иногда, не выдерживая постоянных издевок, плакал, что давало повод для еще большей травли. Жестокие безжалостные сверстники грызли его, как могли, не осознавая, что тем самым калечат парня на всю оставшуюся жизнь. Загоняют его жалкое дрожащее «я» в глубь несуществующих, вымышленных миров. И Витька уже никогда не очухается от этой каждодневной травли, каждодневного мата, оплеух, плевков. Так и останется зашуганным, замкнутым, трусливым уродцем на всю жизнь.

— Макс, отстань от ребенка, — велели сзади. Макс обернулся и увидел Юлия.

— Тоже жрать пришел? — спросил сердито.

— Я уже поел, Макс, — сказал Юлий. — Я с тобой поговорить пришел.

Макс вздохнул, позволил Витьке спокойно убраться прочь, поглядел печально на Юлия.

Юлий учился в параллельном классе, был отличником, интеллектуалом, гордостью школы, долбаным выскочкой, лучшим другом большинства ребят, любимцем учителей. Ни одно школьное мероприятие не проходило без его обязательного участия. Он был из числа тех людей, которым всегда больше всех надо, которые во все суются и фонтанируют идеями. Макс не любил Юлия и коверкал его странное имя, звал Юлькой.

— Чё те, Юлька, от меня надо?

— У нас комиссия с проверкой в школу приезжает, — сказал Юлий.

— А мне плевать!

Юлий усмехнулся, посмотрел снисходительно. Лицо у него было скуластое, сухое, с приплюснутым носом, с небольшими, глубоко посаженными глазами, глазами вечного невыносимого оптимиста.

— Знаю, что плевать, — сказал он. — Мне тоже на эту комиссию плевать. Вот учителям только не плевать. Ну сам знаешь, показуха...

— И что дальше?

— Они хотят концерт ради этого устроить. Ну вот, я и подумал про тебя.

— Ты чё, Юлька, меня в это втянуть хочешь?

Макс шумно выдохнул. Похлопал глазами. Не может быть! В этих глупых концертах участвуют только хорошие, милые мальчики и девочки. Которых все любят. В число которых ему никогда не попасть.

— Ну да, — ответил Юлий.

— Не-э-э-э... Даже не проси! Даже не предлагай, — начал ворчать Макс, отрицательно мотая головой. Но уголки его губ помимо воли поползли кверху.

Юлий засмеялся, светло-карие, почти рыжие глаза его стали веселыми, морда хищной.

— Выступишь-выступишь! Я тебя уломаю! — Он вновь стал серьезным. — Что тебе, трудно, что ли? Выйдешь, споешь. Все будут счастливы.

— Чего спою? — спросил Макс смущенно, продолжая отчаянно подавлять улыбку.

— Что скажут, то и споешь.

— Щас!!! — рявкнул Макс, дожрал обед и пошел к выходу, расталкивая мешающихся одноклассников и незаметно посматривая, идет ли за ним Юлий. Тот не отставал.

— Макс, не ломайся! Мы тебе гитару дадим!

— Да мне срать!

— Макс, я от тебя не отстану! Ты должен спеть!

Опять он кому-то что-то должен! Заладили! Не будет он петь! Только этого не хватало! Он плохой и петь не будет!

— Не буду я петь!

— Короче, всё. Я говорю завучу, что ты согласен.

Макс резко остановился, повернулся к Юлию, посмотрел в его сияющую, вечно счастливую идиотскую рожу.

— Не могу я перед ними петь, — произнес тихо. — Они меня все дерьмом считают, а я перед ними петь буду?

«Ну, вот. Сейчас он отстанет,— подумал Макс с грустью. — И не дадут мне гитару, и не спою я никому».

Юлий помолчал, стал не таким сияющим, почти нормальным.

— Пойдем, покурим, — сказал.

— У меня сигарет нет.

— Я дам.

Как тут не пойти? Они спрятались за углом школы, курили, молчали.

— Макс, — произнес наконец Юлий. — А чем они должны тебя еще считать, если не дерьмом?

Макс сплюнул.

— Откуда им знать, какой ты на самом деле? Конечно, если не будешь ничего делать, они и будут считать тебя дерьмом. А ты им докажи, докажи, что ты не дерьмо! Покажи им, какой ты!

Юлия понесло.

— У тебя же классный голос! У тебя талант! Покажи им это. Пусть заткнутся. Пусть хвалят не только этих горлодеров с их дебильной группой, не только своих прилизанных отличников, которые бегают за ними на задних лапках. Пусть знают, что и такой, как ты, такой вот раздолбай, такой вот лентяй может вдруг оказаться лучше и талантливее всех их...

Макс слушал с напускным безразличием.

— Да плевал я на их мнение, — сказал он. — Их все равно не переубедишь. Да и мне-то по фигу.

— Я смотрю, тебе все по фигу, — произнес Юлий и вдруг взорвался: — Ты думаешь, одному тебе тяжело?! Ты думаешь, у одного тебя пьют родители и жрать дома нечего?! Да таких, как ты, миллионы! И ничего... живут, не ноют. Стараются чего-то добиться в жизни. Хотя у них никаких талантов нет и мозгов у многих тоже нет. Но все равно ползут вверх, стремятся вылезти, выползти из этой жопы! Один ты все ноешь, жалеешь себя, ничего не делаешь.

Он бросил окурок и раздавил подошвой ботинка.

— Ты во всех своих несчастьях и бедах винишь кого угодно, только не себя. Все кругом виноваты! Один ты не виноват! Один ты у нас жертва! Нет, так не пойдет! Ты сам, сам выбираешь, кем быть и как жить. А алкоголики родители — лишь прикрытие, отговорка. Нашел отмашку! Да тебе просто нравится быть дерьмом! Тебе это самому нравится!

— Не ори, — сказал Макс угрюмо.

— Ну да, я забыл, — засмеялся Юлий, неприятно, остервенело. — Тебе же все это по фигу! Тебе плевать! Как хочешь. Не мое дело. — Он хмыкнул. — Но какой же ты жалкий в этом своем амплуа дерьма!

— Иди на хер! — не выдержал Макс. — Чего привязался? Достал уже! Чё сегодня ко мне все привязываются?

— Урод! — процедил сквозь зубы Юлий и пошел в школу. Странный непонятный Юлий.

Макс провожал его взглядом исподлобья. «Перенапрягся с учебой парень, вот и едет крыша, — думал он. — Истеричка! Несет всякую ерунду!»

Потом он пошел гулять с друзьями, с такими же бестолочами, как он сам. И ему было хорошо и легко с ними. Они накачались пивом, приставали к прохожим, осмеивали бабок. Залезли в автобус и начали ругаться с кондукторшей, и один из друзей покрыл ее матом. И Макс подумал еще, что это нехорошо, она не виновата, что работает кондуктором и выпрашивает деньги за проезд. У него самого теть Зина рабо-

тает кондуктором. Стало стыдно за приятеля, но он ничего не сказал, ведь сам ехал без билета.

Они вывалили из автобуса на одной из остановок, подкатились к ближайшему ларьку.

— Пива и сигарет!

«Правильно! Что еще надо? Пива и сигарет! И убить остаток дня в безделье. Только не домой! Только не домой! Куда угодно, но не домой!» — думал он. Пьяный Макс хохотал над плоскими шутками пьяных друзей. И жизнь кружилась в беззаботном вихре. И не было проблем и невзгод. И не было нищеты и болезней.

День сдох так же внезапно, как и все предыдущие дни в его жизни. Он обнаружил себя стоящим посреди ночи в глухом переулке, далеко от дома, почти протрезвевшим. Друзья разошлись, да и были ли друзья? «Не такие уж они мне друзья...» Он побрел домой, спотыкаясь и поскальзываясь. Хлынул дождь, одежда промокла, а он брел и брел. И ни петь не хотелось, ни жить.

А потом на пути возникли эти трое... Здоровые уроды со свиными разожранными рожами.

— Эй, чего вынюхиваешь тут?! — окликнули, и стало жутко страшно. Макс дернулся бежать, но его схватили за плечи и швырнули об стенку. Один ударил кулаком в бок, и Макса согнуло пополам. Только бы не упасть! Запинают! Держись, Макс!

— Стой, бля, смирно! — зверски оскалившись приказали ему, обшарили карманы. Денег не было.

— С-с-сука!!!

Его бросили на землю. Макс содранными руками закрыл голову, сжался. Пинок в спину.

— Да брось ты его! Пшли!

Они ушли. Макс лежал на асфальте, ощущал расплывающуюся по телу боль, сильно бьющие по коже лица и рук капли холодного дождя.

Потом поднялся и, как мокрый крысеныш, потрусил прочь.

Болит спина? Болит! Как же не болеть! Так тебе и надо, недоноску! Будешь знать Но что это было? Наказание свыше? Предупреждение? Угроза? Черт поймет. Но не случайно, это уж точно. Ну да ладно. Жив — и на том спасибо.

А хуже всего чувствовать свою беззащитность. Ты беззащитен, Макс. Ты — ничто. Любой прибьет как щенка. И ничего не сможешь сделать. Думаешь, отобьешься? Не-а, не отобьешься. И никто не заступится за твою жизнь, потому что прав этот сияющий отличник, этот драный выскочка! Правы все эти учителя, считающие тебя дерьмом. Дерьмо ты. И никому не нужен. Никому на этой катящейся в бездну земле. Но уж какой есть! Каким вырос!

«Это ведь ты меня создал таким, Господь?! Эй, слышишь?! Что же ты меня тогда наказываешь? Чего ты от меня ждешь? Чего вы все от меня ждете?! Пялитесь, высокомерные В зеркало поглядите, выродки! А у меня

дома нет зеркала, мне, знаете ли, некуда смотреться! Так что заткнитесь все!»

Да и кто сказал, что нельзя быть дерьмом? Можно, еще как можно! Даже нужно! Ведь не могут же все быть хорошими и милыми. Должны быть такие идиоты, как он. Иначе как они, хорошие и милые, будут самоутверждаться? А?

Но страшно, страшно Что-то в последнее время больно часто его бьют. И это невезение, предчувствие... Эх!

Наказываешь меня, Боже?
Так накажи построже!

4

Ночь тянется бесконечной липкой лентой скотча. Пристает к рукам, ногам, голове. Шуршит и облепляет мозг. Макс лежит в забытьи на своей прогнутой скрипучей раскладушке. Душная кухня. В воздухе неподвижно висит вчерашний сигаретный дым. Окна закрыты. Нет движенья воздушных потоков. Вентиляция не работает.

Максу жарко. Сон не приносит нужного облегчения. Сон не дарит силы для дальнейшей борьбы за выживание. Это грань между явью и небытием. Покоя нет. Макс ворочается, бормочет, тяжело вздыхает. Сон напоминает тесный джутовый мешок, в котором путаешься.

За стенкой шумят соседи. Они пьют дешевую водку и говорят о жизни. Их пьяная речь вползает на кухню и добирается до раскладушки. За окнами проезжает одинокая машина, давая резкий, режущий пространство гудок. Макс всхлипывает, приподнимается. Серые, ничего не выражающие глаза бессмысленно упираются в гору немытой посуды в засорившейся мойке. Тело наполнено усталостью. Но это не полезная усталость после веселых игр и резвых прыжков. Это не приятная усталость после напряженного рабочего дня, а опустошающая усталость от неподвижности и неудобства позы.

У Макса подламываются руки, он снова плашмя лежит на раскладушке, почти у самого пола. Доски пола грязны и заплеваны. Виден след от ботинка. По стенам ползут тени. Соседи за стенкой по-прежнему шумят.

Сонный и разбитый Макс вылезает из-под одеяла и тянется к подоконнику. Там лежит пачка сигарет. Там лежат протухшие тряпки и окурки в одноразовом стаканчике. Спички. Достает сигарету, закуривает. Горло дерет от едкого дыма. Припухшие от ночной тьмы глаза слезятся. Дым не дает облегчения. Только отравляет кровь и распирает голову.

Ночь коротка...
Цель далека...
Ночью так часто хочется пить...

Чей этот хриплый сдавленный голос? Его голос? Голоса соседей? Явь? Сон? Слова крутятся в мозгу, застревают в клубах ядовитого дыма. Путаются.

Цель коротка...
Ночь далека...
Ночью так часто хочется выть...

Макс валится на раскладушку. Окурок куда-то исчез. Дым превратился в туман. Потолок почернел и сморщился. Из окна глянуло сурово и пропало белесое лицо. Макс на заплетающихся ногах шел по полю без единой травины, без единой живой твари. Глина под подошвами ботинок растрескалась и топорщилась. Ночь коротка... цель далека... хочется жить... Сквозь все это проступали прогнившие стены кухни и потолок.

Дом прогнил насквозь. Вселенная прогнила насквозь. Все люди прогнили насквозь.

— Что, клоп, жалуешься мамочке с папочкой? Вытирают тебе слезки?

— Отстань!

— Разорался... Крутой такой, что ли? Думаешь, напугал меня? Стой прямо! В глаза смотри, шибздик.

— Урод!!!

— Это я урод? Ты в зеркало посмотри, прыщавый! Клоп сраный... Отрастил патлы. Подстригись хоть!

Макс заржал. Маленький Витька опустив голову побрел вдоль коридора. Злой, затравленный, забитый. Макс продолжал наравне со всеми доставать бедолажку.

Это был один из тех редких дней, когда Макс не пропустил ни одного занятия. Угрюмый и молчаливый сидел, бездельничая за партой, изредка делая в тетрадке (одной на все предметы) непонятные заметки. Лицо заспанное, несвежее.

— Максим, ты сегодня готов?

— Умгг... ну...не...

— Максим, говори внятно!

— Не-а.

— В чем причина?

Тишина.

— Максим, почему ты не готовишь уроки? Есть какая-нибудь причина?

— Нет, — сиплый смущенный голос.

Учительница другая. Молодая и тощая. Новенькая. Не та, что орала прошлый раз. Эта орать не будет.

— Может быть, у тебя дома не все в порядке?

Презрительные взгляды учеников. Фырканье самодовольных девиц на задней парте.

— Максим, у тебя все в порядке дома? — спрашивает тощая селедка.

— Отец умер, — вдруг говорит Макс и видит, как вытягивается ее рожа. Сухая костлявая рука медленно приподнимается к раскрытому рту. Макс ржет:

— Я пошутил! У меня все в порядке.

— Не шути так! Разве можно так шутить! — вздыхает испуганная училка. (Конечно можно!) Она отстает.

Уроки кончились. Но Макс не пошел домой, а пошел к актовому залу. Огромные, покрытые лаком двери. Пустые ряды пурпурных сидений. Желтый паркет. Черный потолок с кусками зеркала. На сцене уже плясали какой-то дебильный танец девчонки-первоклашки в коротких юбочках. Махали платочками. Дрыгали цыплячьими ногами. Юбки раздувались и мелькали белые трусики. Это выглядело довольно невинно. Около сцены стояла завуч, высокая молодая тетка с крашеными сиреневыми волосам. Хореограф школы. Пара классных руководительниц. На стульях бурно спорили о чем-то ребята, участвующие в концерте. Неподалеку крутился несравненный блистательный Юлий.

— Юлька, Юль! — окликнул его Макс.

— Привет! — обрадовался Юлий. — Будешь репетировать?

— Не-а, просто посмотреть зашел.

— Мы тебе уже песню выбрали.

— Чё?!

— Песню, которую ты будешь петь на концерте.

— Какую?

Юлий назвал самую избитую, звучащую на всех школьных концертах песню.

— Не, я не хочу такую, — закапризничал Макс.

— А какую ты хочешь?

— Цоя...

— Блин! — рявкнул Юлий. — Блин, — сказал он. — Ты хоть что-нибудь еще можешь петь, кроме Цоя?

Макс пожал плечами. Хмурый, невыспавшийся Макс.

— А чё? — буркнул он.

— Блин, — произнес Юлий с усмешкой. — Тебе кажется, что эти песни о тебе, да? Тебе кажется, ты о себе поешь, да? Макс, эти песни совсем о другом. О другом времени, о других людях. Ты тут ни при чем!

Макс снова пожал плечами.

— А мне плевать! Мне нравится!

Первоклашки в коротких оборках-юбочках закончили дрыгать ногами, и на сцену вылезли Серый и Антоха. Электрические гитары, микрофон. Напряженные, сосредоточенные лица, серьезные, одухотворенные, наполненные идеей глаза.

— И-хи-хи-хи-хи, — захихикал Макс.

— Ты чего? — удивился Юлий.

— Посмотри на их рожи!

— Не вижу ничего смешного.

Группа на сцене запела о смерти и судьбе. Смерть приближалась к ним, шла бесшумной походкой, догоняла их, ловила их, они убегали.

— Господи, чушь какая! — ржал Макс.

На него зарычали классные руководительницы.

— Макс, заткнись! — прошипел Юлий. — Заткнись и возьми гитару. Посмотри слова песни. Вспомни аккорды.

— Пойду покурю, — прошептал Макс.

— Стой!

Юлий хотел ухватить его за рукав мешковатой спортивной куртки, но Макс увернулся и выскочил из зала.

Дождь. Дождь затопил улицу. Дождь заполнил весь мир от земли до неба. Ледяные осенние потоки падали с грифельных туч, катились по темному асфальту, скапливались в выбоинах неровных дорог, крутились миниатюрными водоворотами, бурлили грязной пеной, вздувались прозрачными болезненными пузырями. Мировой потоп, конец света.

Сигарета, зажатая в зубах, пар изо рта вперемешку с дымом. Влага, холод. Макс скрылся под козырьком школьного крыльца, прижался к влажной стене спиной. Потом его ноги сами собой вдруг подогнулись, и он сел на корточки. Затяжка. Теплота. Как тоскливо и хорошо одновременно! Сосуды должны сужаться, и должен по коже пробегать озноб, но, вопреки всем научным доводам, от сигареты жар зарождался в крови, желудке и согревал все тело. И что бы Макс без сигареток делал? К черту здоровье! К черту спорт и к черту чистые легкие!

Из дождя выплыла директриса, вся в шоколадных тонах. Длинный, элегантный дорогой плащ, дорогие полусапожки, изысканный зонт. Лица не видно. Это кстати. Лицо у нее морщинистое и портит общий ухоженный вид.

— Мальчик, ты что тут делаешь?

Круто! Она даже не знает его! Она не помнит, что среди посещающих ее школу детей есть ребенок с именем Макс Качалов в замызганной куртке, в загаженных ботинках, с неумытым лицом.

— Мальчик, ты что тут делаешь?

— Я тут курю.

— Здесь нельзя курить.

— Да?

Макс поднимается, смотрит в упор.

— Нельзя?

Он делает шаг ей навстречу. Наглеет, борзеет, теряет здравый рассудок. Дым — директрисе в появившееся старушечье лицо.

— В уставе школы разве прописано, где можно курить, а где нельзя?

Шоколадная директриса поджимает губы на сморщенной роже и велит потушить сигарету, убраться прочь.

— А где можно курить, если не здесь? — спрашивает закусивший удила Макс. — Может быть, в туалете? Или, может быть, в классах? Или в вашем вылизанном кабинете — коптить подвесные потолки? Не хотите, чтобы мы поганили имидж вашей поганой школы?

Она хочет пройти. Макс суется под ноги.

— Вы куда? — восклицает он. — Давайте договорим до конца! — И продолжает рычащим полушепотом: — Хотите сохранить видимость

благополучия? Хотите соблюсти приличия и пристойность? Думаете, ваши отличники и медалисты не курят за углом? Думаете...

— Макс! Ты куда подевался? — прерывает тираду Юлий, выныривая из теплой полудремы школы в промозглую сырость крыльца. Сталкивается взглядом с директрисой и словно бы приседает в почтительном реверансе. Его прекрасные очи заливаются счастливым светом, а пасть растягивается в подобострастной улыбке. Гипотетический хвост начинает бешено вилять.

— Здравствуйте!!!

Наверно, он весь день и всю жизнь мечтал о сегодняшней встрече с директрисой на заплеванных ступенях школы.

— Юлий! Что это за мальчик?

— Это? — У Юлия на морде мелькает тень ужаса. Макс прячет глаза, желая избежать уничтожающего взгляда активиста. Директриса уже на грани и, видимо, готова убить не только наглого обкуренного заморыша, но и своего любимого сияющего отличника, который имеет к проклятому заморышу какое-то отношение.

Но Юлий уже справился с ситуацией. Взял себя в руки.

— Это Макс! — говорит он радостно, и Максу хочется сдохнуть. — Он поет у нас в концерте! Знаете, какой у него замечательный голос?! Я думаю, лучше него никто у нас в школе не поет!

— Почему твой Макс стоит и курит на крыльце? Почему он грубит и...

Юлий, разрывая рот в улыбке и не сводя с директрисы глаз, толкает Макса внутрь школы, почти ударив в спину. Макс влетает в холл и чуть не растягивается на полу.

— А меня попрут отсюда! А меня попрут отсюда! — говорит нараспев очень весело. В руке до сих пор дымится невыброшенный окурок. Макс смотрит на него удивленно. Воровато оглядывается по сторонам, убеждаясь в тотальной пустоте коридоров, и, жутко зашипев, оскалив рот так, что становятся видны десна, сощурившись, со всей дури раздавливает этот вонючий окурок о свою руку...

Бляха!!! Как больно!!!

Макс подавился собственным всхлипом, запрыгал, задергался, но продолжал жечь кожу. Раскаленные угли ада. Поцелуй никотина. Волдыри. Его скрутило и скрючило, Макс чуть не грохнулся на бетон вымытого пола. Больно! Больно! Господи, как больно!!! Руку свело судорогой, в желудке — спазм.

Так тебе и надо, крысеныш! Поделом, тупая бестолочь! Недоносок! Обдолбыш!

Погасший окурок упал под ноги. Макс прижимал к себе обожженную руку. Хотелось плакать. И смеяться тоже хотелось. И на все снова было плевать. Вместе с болью пришло облегчение. Макс стоял, словно сомнамбула, наслаждался покоем, чувством опустошенности и безразличия ко всему на свете. А потом идиллию нарушил Юлий.

Он прибежал разгоряченный и взбеленившийся.

— Урод! — заорал он на Макса. — Ты что, недоумок, делаешь?

— Я? Ничего! — испуганно пролепетал Макс.

— Ты что, полудурок, директрисе наговорил?! Она меня сейчас только матом не покрыла!

— А не хрен было ко мне приставать, — огрызнулся Макс. — А тебе нечего встревать в чужие разговоры.

— И это все, что ты мне можешь сказать?! — взвыл Юлий и красиво зло выматерился. — Да я тебя перед этой дурой, знаешь, как выгораживал?! Знаешь, какие песни ей пел?!

— Я тебя не просил, — буркнул Макс, опуская глаза.

— Не просил он меня...

Помолчали.

— Макс, и почему ты такой придурок?

...и почему он прижег свою руку? И почему его бьет отец? И почему его жизнь не прекрасна?..

— Не знаю я, — сказал Макс. — Но все равно, спасибо.

— За что?

— За то, что выгородил. Кстати, чё ты ей там наговорил?

— Директрисе? — Юлий усмехнулся. — Сказал, какой ты талантливый...

Он — талантливый! Зашибись!

— ...сказал, что у тебя большие проблемы в семье, что ты у нас бедненький, маленький, глупенький еще.

— Юль, — сказал Макс. — А пойдем сегодня пить вечером.

Юлий уставился на него, заглянул в серые, ничего не выражающие глаза, потом, усмехнувшись, произнес:

— Нет. Не пойдем.

Макс пожал плечами.

— Как хочешь. Я просто предложил.

Генеральная репетиция. Всё наперекосяк. Кто-то опаздывает, кто-то забывает слова, кто-то отказывается участвовать в концерте. Юлий бесится: не успеваем. Злые окрики и приказы репетировать до полуобморока. Лень. Хочется свалить из плена актового зала. Дайте нам свободу! Нет, вы не уйдете отсюда живыми! У рок-певцов отрубаются гитары. Антоха и Серый готовы все разнести в клочья. Гитары — их смысл жизни. Нервы на пределе. У завуча скоро начнется истерика.

— Вы что? Хотите опозориться перед комиссией?! Устроили балаган!

Времени в обрез. Юлий загоняет на сцену хор из пяти лощеных девочек. Черт! Почему их только четыре? Где пятая? В туалете... Что она там, блин, делает? Потерпеть, блин, не могла?! Быстро на сцену! Не стоять кучей! Встали ровно! Лицом к зрителю! Лицом, а не жопой! Где у тебя лицо?

Тянут заунывную песню: «Все пройдет... и печаль и радость...» Поют как на похоронах. А в проходе между креслами гимнастка из десятого «А» выгибает суставы в замысловатых позах. Кто-то машет руками, кто-то лихорадочно повторяет текст, кто-то снова не в силах запомнить слова. Всеобщая паника. Завтра — небольшой апокалипсис и далее — страшный суд. Стоп! Всё заново! Хватит похоронных песен! Репетируем, ре-

петируем... Юлий и другие выскочки-активисты нервозно хихикают, а потом начинают орать. И только Макс спокоен.

— Бабы, — говорит он лощеным девочкам, — Вы чё?

Хор обрывает унылый куплет. Юлий подозрительно косится.

— Вы вообще думаете, о чем поете или нет? — спрашивает Макс и вылезает на сцену. Завуч должна по всем правилам игры его согнать, но слишком устала и ушла пить кофе.

— Не, вы не думаете, о чем поете, — ругается возмущенный Макс. — Вы просто отбываете тут номер. Вы где, соплячки, находитесь? В монастыре? Что, бля, за церковное пение?!

Макс стоит на сцене, уперев руки в боки.

— Вы должны воодушевлять, между прочим!

Макс ходит по сцене кругами.

— Вы хотите, чтобы комиссия повесилась и вас обвинили в убийстве?

Макс весело рявкает хриплым прокуренным голосом:

— Так! Быстро запели, как будто всех кроете матом! Держим ритм! Не ноем! Вам нечего ныть! Все сыты, здоровы!

Хор орет песню, и Юлий вдруг понимает, что исполнение под руководством непутного Макса действительно воодушевляет. Юлий начинает истерично ржать.

— Круто! — вопит Макс. — Мне понравилось! Кто следующий? Гимнастка? Не спим!

Он быстро наводит свой порядок. Заставляет Антоху и Серого выступать без сдохших гитар. Наполняет будущий концерт собственной злостью.

— Думайте, что́ хотите показать! Вы всегда должны знать, чего хотите добиться!

— Комиссия завтра обосрется!

— Вас прет? Нет? А должно переть!

Юлий помирает со смеху. Активисты заткнулись, понимая, что их переплюнули. Это сделал он, бестолковый недоумок, балбес Макс. Подавитесь!

— Макс, ты прирожденный организатор, — сообщает Юлий.

— Чё? — пугается Макс. — Пойду-ка покурю. Не, пойду-ка я вообще отсюда.

— Эй! А сам репетировать?

— Чё?

— Ты ни разу не репетировал свою песню!

— Да мне плевать!

И он убегает, мучительно размышляя, хватит сигарет на сегодня или придется временно бросить курить. А Юлий с горькой улыбкой устало сидит в обществе галдящих выскочек-активистов. Он их не слушает.

Вы сталкиваетесь с классной руководительницей в коридоре. Она дышит на вас своим зловонным дыханьем, отдающим перегаром. Взгляды встречаются, и вы сверлите друг друга глазами. Она выше на три головы.

Она просто невообразимая дылда. А вы — ничтожный тощий подросток пятнадцати лет. Ее шипящий властный голос впивается в сонную артерию и сосет кровь.

— Ты мне не нравишься! На педсовете только и разговоров, что о тебе! Ты самый худший в школе! На тебя жалуются все учителя!

Ее властный булькающий голос через ушные отверстия лезет в черепную коробку, сдавливает и угнетает мозг.

— Ты больше у нас учиться не будешь! Нам такие, как ты, не нужны! Такие, как ты, нигде и никому не нужны!

Вы прячете свои серые ничего не выражающие глаза. Вы ее боитесь. Вас начинает трясти от страха и злости.

— Упаси бог, иметь такого сына! С тобой мать, наверное, уже наплакалась! Хоть бы мать пожалел!

— Да заткнись ты, сучара длинная! — орете вы и бьете с размаху ее поддых. Она взвизгивает, как обжегшаяся свинья, и с грохотом обрушивается вам под ноги. Виском задевает край подоконника. Струйка крови на линолеуме. Вы перешагиваете через падаль и, насвистывая песню Виктора Цоя, беззаботно уходите прочь.

Размечтался, недоделок! Нет, вы по-прежнему стоите перед ней, а она по-прежнему отчитывает вас, как последнюю скотину. И лишь в бредовых закоулках своего сознания вы моделируете ее труп и свою отчаянную храбрость. Но вам слабо! Вы — пришибленный недоносок.

Урок физкультуры. Вы висите на перекладине, как какая-то глиста, и силитесь подтянуться. Пацаны из вашего класса ржут. Учительница презрительно кривится. От вас на километр несет дешевыми сигаретами. Вы пробегаете круг по стадиону и скрючиваетесь в припадке сухого кашля. Жуткая боль в желудке. Стучит сердце. Аритмия. Ваш организм отравлен никотином. Ваш организм отказывается работать. Нет воли к победе. Нет стремленья к успеху. Есть желанье курить. И выпить пива. А еще вам хочется хоть чего-нибудь похавать. С вечера во рту ни крошки. Вечером не до того было. А на боку у вас кровоподтек, и при резких движеньях боль отдает в плечи и спину. Бедное, калеченое, пятнадцатилетнее тельце! Бедный вы! И всем плевать на вас!

— Ну ты и силач! — смеется учительница. — У меня пятиклашки быстрее бегают!

«Знаю! Знаю! Знаю! Заткнись!»

— Дрищ!!! — орут одноклассники. — Дрищ херов! — кроют они вас.

— Пошли на х.й все! Убью пидорасов, — отвечаете им вы, плюясь слюной. Они отступают. А вам по фигу. Или делаете вид, что по фигу?

А потом вы доканываете более слабых. Вы находите Витьку и начинаете издеваться. И доводите его до слез. И он ревет, как жалкая девчонка, в коридоре, и ваши одноклассники ликуют.

А потом вы курите и прижигаете себе руки окурками. Боль дарует вам освобождение. Ничего не важно, важна только боль. Нет никаких проблем, лишь болит рука. Но вы созданы для унижения и боли. Ты привык к боли и унижению, Макс!

— Знаете, теть Зин, я наверно школу брошу скоро.

— Максимка! Ты что? Не говори таких глупостей!

— Ничего не глупости. Мне все это уже реально надоело.

— Потерпи еще годик. Закончи девятый.

— Не хочу больше терпеть! Каждый день со всех сторон на меня косятся, учителя уже убить готовы. Ни дня не было, чтобы хоть кто-нибудь мне не сказал какую-нибудь пакость. И все повторяют, что я придурок, что я идиот, лентяй, бездарь. Ну их всех! Пусть катятся куда подальше! И так проживу. А что? Все равно до одиннадцатого не дотяну.

— После девятого ты хотя бы пойти в училище сможешь. А если сейчас все бросишь, то никуда уже не поступишь.

— А надо, что ли? Теть Зин, вы смешная такая! Думаете после девятого я пошел бы в училище? Хе! Во-первых, меня туда не возьмут, там такие придурки тоже не больно нужны. Во-вторых, даже если и возьмут, я наверняка не доучусь. А потом, на фига мне это? Кушать-то каждый день охота! Я так и так после девятого на работу бы пошел.

— На какую работу, Максимка?

— Да уж на какую-нибудь. Я все могу. И не брезгливый. Мне лишь бы деньги платили. Немного — так, чтоб на жратву и курево хватало.

— Ты хочешь поломать себе жизнь?

— А она у меня еще не поломана?

И настал долгожданный день концерта. Макс на удивление очень переживал. Вчера вечером даже не пошел пить с друзьями, а засел дома, несколько раз пропел выученную песню, отыскал белую рубашечку, из которой он, правда, немного вырос. На концерт велено было явится в парадной форме: белый верх, черный низ. Но темные брюки у Макса оказались прожженными. Пожал плечами, решил, что и джинсы сгодятся. Он даже собственноручно замыл грязь на них. Он даже собранные шмотки аккуратно повесил на спинке стула.

Может, стоит им доказать, что он не такое уж и дерьмо? Послушаться дурацкого Юлия и попробовать изменить отношения с ними? Вдруг поймут, разглядят, зауважают? Приветливо улыбнутся? Ведь не знают, какой он! Они совсем-совсем его не знают! А откуда знать? Они давали ему шанс? А он давал им шанс? Так вот же твой шанс, Макс! Пользуйся!

На самом деле ведь он не хочет бросать школу. Просто мозги зашкаливает. Он понимает, что это будет первый шаг... Куда? В пропасть? Не знает.

А чего он хочет на самом деле? Почему так больно и обидно выслушивать их упреки? Справедливые, между прочим, заслуженные упреки. Почему же? Да потому, Макс, потому. Он же подсознательно хочет их любви. Ему, обделенному, недостает этого. И он завидует в душе Юлию, он завидует всем учительским любимчикам. И оттого всех ненавидит. Он же всего лишь пятнадцатилетний мальчишка. Глупый желторотый юнец. Он

же еще просто ребенок! И у него должны быть мать и отец. Любящие мать и отец! Но нет у него ни отца, ни матери. И никто его никогда не любил!

А за что, в принципе, его можно любить?

Ночью выспаться не удалось. Молодая соседка Люська несколько часов громко выла у себя в комнате, билась головой о стены, орала благим матом, а в коридоре голосила ее малолетняя дочка. Под утро все затихло, отец вместе с Олегом Ивановичем выломали Люськину дверь, и обнаружилось, что истеричка опять нажралась таблеток. Когда Макс уходил в школу, к дому подъехала «скорая».

— Хоть бы до конца отравилась, что ли, — пробурчал Макс.

Теть Лариса с заспанными глазами, пожеванная и помятая, зло на него посмотрела.

— Чё? — фыркнул Макс. — Вы сами так же думаете. Только сказать боитесь.

И быстрей валить отсюда. На мелочи отвлекаться не стоит. Сегодня — концерт!!!

Привычный ливень провожает его до школы. Серебристый, красивый, тоскливый. Спортивная куртка промокает до нитки, джинсы прилипают к ногам. Противно. И холодно. Пробирает дрожь. Не простудиться бы. В школу Макс входит, подняв голову, гордый и решительный. Он, наверно, впервые в своей жизни чувствует себя обычным девятиклассником, нормальным школьником, участником концерта, участником чего-то еще, равноправным, восторженным. Но вокруг все ходят такие нарядные, такие вымытые и вычищенные... И Макс понимает убогость своей одежонки, опускает голову, опускает плечи. Украдкой в туалете отмывает ботинки, на которые налипла какая-то бяка.

За пять сокращенных уроков одежда высыхает. Макс добросовестно записывает слова учителя в единственную тетрадь, добросовестно соблюдает тишину и порядок.

А перед концертом они все портят. Завуч и классная залавливают его в коридоре и, загнав в угол, атакуют:

— Во что ты вырядился?!

— Как ты одет?!

— Как его показывать комиссии?!

— Позорище!

— Все пришли как нормальные люди, а ты, конечно, как обычно решил выделиться. Господи, как босяк оделся!

Макс оправдывается:

— Чё не так-то? Я джинсы стирал. А рубашка белая! Она чистая! Не верите?

— Позорище! — говорит сквозь зубы классная. Она надменна, высокомерна, сыта. — Что ты хочешь доказать нам своим видом? Ты не можешь быть как все? Ты это нам назло делаешь?

— Чиво? — пищит Макс затравленно.

И ему объяснили, «чиво». Объяснили, что не испытывают к нему ни капли доверия. Они вообще считают, он тут лишний. Он портит все и всегда. Он самый ненужный и самый никчемный. Неверный шаг, ошибка, сбой — и они сожрут его заживо, не дадут продыху. Если он опозорит их перед комиссией, ему хана. Если он сделает что-то не так, он труп. Понял, понял?

Господи, как больно! Макс выкуривает три сигареты подряд. Руки трясутся.

— Ну, суки, ну, я вам устрою, — шепчет он. — Как вы, так и я. И плевал я на вас и вашу учебу. И на ваш концерт. И на вашу комиссию.

— Макс, все нормально? — спрашивает Юлий.

— Да, Юлька, все отлично! — кричит Макс радостно. — Всё супер! Отпад! Когда я выступаю?

Юлий достает блокнотик, смотрит свои записи.

— Уже скоро, готовься, — говорит он.

— Я всегда готов, — смеется злой Макс.

И вот он выходит на сцену. И смолкает зал. И сотня глаз на него. Только на него. И ядовитые змеи следят за каждым его движением, готовы броситься, ужалить. Наглая улыбка через все лицо. Самодовольная наглая харя Макса. Маленькая сутулая фигурка на сцене. Здоровая гитара висит на шее. Ноги широко расставлены. У губ — микрофон. Макс закрывает глаза. Секундная пауза... и первые аккорды. И он поет совсем не то, что хотят от него услышать:

Нет меня дома целыми дня-а-а-ми,
Занят бездельем, играюсь словами.
Каждое утро снова жизнь свою начинаю
И ни черта ни в чем не понимаю...

Голос чистый, глубокий, сильный, молодой... Упоение, забытье, нереальность сна, восторг полета... Пусть так будет всегда! Господи, пусть так будет вечно! Больше не надо ничего! Только гитара, сцена, голос...

Я... лишь начнется новый день,
Хожу, отбрасываю тень
С лицом нахала.
(пауза)
На-а-аступит вечер, я опять
Отправлюсь спать, чтоб завтра встать.
И все сначала!!!

Комиссия пока мало что понимает, но состав школы в ауте. Юлий подыхает от истеричного смеха в первом ряду. Получайте все!

Все говорят, что надо кем-то мне становиться,
А я хотел бы остаться собой!
Мне стало трудно теперь просто разозлиться,
И я иду поглощенный толпой!

Глаза у Макса закрыты, и он не может видеть как сидит замерев и приоткрыв пухлый рот в третьем ряду у окна девочка-одиннадцатиклассница. Зовут девочку Оксана или просто Окси. Она не отрываясь пялится на Макса и вдруг, что-то замыслив, хитро улыбается. Подруга-соседка ей шепчет на ухо, но Окси ничего не слышит и не видит, кроме поющего на сцене заморыша.

Я, лишь начнется новый день,
Хожу, отбрасываю тень
С лицом нахала.

Полоумный вопль:

— И срал я на учебу!

Наступит вечер, я опять
Отправлюсь спать, чтоб завтра встать.
И все сначала!!!

— И пошла ваша школа на х.й!

Когда Макс спрыгнет со сцены и посеменит к выходу и за ним кинется завуч, то Окси сорвется с места, удивив подругу, и ринется за ними следом. Завуч нагонит Макса, схватит за руку и отпрянет, испугавшись прижженных сигаретами запястий. Макс ощерится жуткой улыбкой и, грохоча ботинками, унесется из школы. Окси налетит на завуча. Та наорет на нее и вернет в зал. Юлий сбежит с концерта, испугавшись грядущего нагоняя, а комиссия выразит свое неудовольствие директору.

Ливень не прекращался несколько дней. Истеричная Люська опять выжила. А Макс принял окончательное решение бросить школу.

5

Макс сидел за обеденным столом в тесной, заполненной пищевыми запахами кухне. Около плиты стояла сгорбленная невеселая женщина, напоминающая старуху. Теть Зина в широком халате, порванном на локте и нуждающемся в срочной стирке. На тощих желтых ногах — потерявшие первоначальный цвет съехавшие носки, стоптанные дырявые тапки.

Запах бурлящих в кипящей воде макарон. Запах спитого чая и прогорклого говяжьего жира.

Макс только что поел. Был сыт и умиротворен. Он не спешил делиться своими проблемами со своей второй матерью. Она тоже молчала, угрюмо переставляя сальные кастрюли и вытирая мокрым полотенцем тарелки. Они оба догадывались о бедствиях друг друга. Они не считали нужным бередить раны друг друга.

Вчера к теть Зине заглянул бывший муж, клянчил денег на выпивку, грозился убить, называл проституткой. На ее голове теперь был выдран клок волос и через намотанный разлохмаченный бинт проступали бурые пятна.

Вчера сосед Макса, дворник Леха, переколотил всю посуду, разломал у себя в комнате мебель и в пьяном полубреду носился по коридору с ножом, обещая всех зарезать. Макс прятался в туалете, пока его отец не вернулся с работы и не утихомирил алкоголика. Потом они вместе пили, а Макс дремал на полу в кухне, прижавшись спиной к окровавленной двери. Откуда взялась кровь, он не знал.

Макс рассказал теть Зине о концерте. Вместе посмеялись. Поговорили о ценах на сигареты и выкурили вместе полпачки. Теть Зина ругала свою дочь, ругала старосту подъезда и контролеров, опять оштрафовавших за недостачу.

Умиротворяющий запах супа. Удушающий запах поджаренного хлеба и колбасы.

— Теть Зин, а я работу нашел!

— Правда? И какую?

— Да так... Типа реклама.

— Платят-то как?

— Нормально.

Непонятно, что могло связывать этого непутного мальчишку и эту немолодую, повидавшую жизнь женщину. Как они могли понимать друг друга? Принимать друг друга? Макс испытывал неприязнь к старухам, ругался с ними в автобусах, издевался с друзьями на улицах. Он побаивался взрослых и не доверял им... Но теть Зина не казалась ему одной из них. Она была осколком его детства, осколком теплоты и радости. Он не боялся, что она осудит его, или обсмеет, или станет презирать. Он не ждал от нее сострадания или помощи. Он не требовал защиты. Он просто приходил несколько раз в неделю, и обедал с ней или ужинал, и угощал ее сигаретами. Теть Зина смотрела на него с хорошо скрытой горечью, в душе жалела ребенка, но понимала, что он вряд ли нуждается в чьей-либо жалости.

— Кстати, теть Зин, — сказал Макс перед уходом. — У вас нет лишних новогодних игрушек?

Она не стала спрашивать, зачем они ему.

— Посмотри на антресолях.

Макс отыскал несколько, отобрал самые худшие и, поблагодарив, пошел по своим делам.

Вы идете под дождем по скользкой улице. Газоны с пожелтевшей травой утопают в воде. Прохожие ссутулились, втянули в плечи головы и прячутся под зонтами. У вас нет зонта. Вам не нужен зонт. Одежда все равно промокла, и никакой зонт вас уже не спасет. Вас уже ничто не спасет. Листья падают с чахлых деревьев и гниют под ногами. Все улицы заполнены гнилью. Весь город заполнен запахом тления и смерти.

Вы подходите к одному из серых, расплывающихся во влажном воздухе домов. Открываете скрипучую дверь с лохмотьями отваливающейся краски. Заходите в подъезд. Дух подвала, засорившегося мусоропровода, бомжей. Поднимаетесь по ступеням. Считаете их. Счет помогает

подниматься и не обращать внимания на боль в ногах. Второй этаж, третий... Лучше ехать на лифте, но он сломан. Этот лифт ломается через каждые три дня. Кто-нибудь обязательно оказывается его пленником и не может выбраться. Лифт, застрявший между этажами, давящие стены в замкнутом пространстве. Вам это не нужно. Вы хотите простора и пустоты. Пятый этаж, шестой... Сердце прыгает. Сердце у вас слабое и больное. Вам пятнадцать лет, а вы не можете подниматься по лестницам. Вы разваливаетесь на глазах. Седьмой этаж. Звоните в дверь. Долго ждете. Вы — незваный гость, и вам не хотят открывать. Но вы не уходите и продолжаете звонить. У хозяев квартиры сдают нервы, и дверной замок открывается. Дверь распахнута, и навстречу выходит сердитый Вандал.

— Здорово! — приветствуете вы его.

— Чего надо? — приветствует он вас.

Вы явилисьне кстати. Его родители выясняют отношения. В семье скандал, и вы своим визитом только мешаете. Но вас это не колеблет.

— У тебя есть лишние новогодние игрушки?

— Чего?

Вандал думает, что вы над ним издеваетесь. Но вам действительно позарез нужны новогодние игрушки. Вы так и говорите:

— Вандал, мне очень нужны новогодние игрушки.

Вандал все еще не верит и ждет подвоха. Из недр квартиры доносится женский крик:

— Отстань от меня! Вали к своей потаскушке!

Вандал оборачивается, кривится, потом смотрит на вас с намеком. Просит взглядом убраться. Но вы не внемлете его мольбам.

— Хотя бы один елочный шарик, — говорите вы. — Самый плохой. Мне все равно.

— Зачем тебе плохой елочный шарик? — допытывается Вандал с подозрением.

— Ну надо! — отвечаете вы. — Буду елку наряжать.

— Я тебя не хочу видеть! Ты мне всю жизнь испортил! — несется из недр квартиры.

— Макс, ты серьезно? — спрашивает Вандал.

— Ну да, да, — убеждаете вы в своей искренности. — Дай хоть парочку.

— Ладно. Подожди здесь.

Вандал захлопывает дверь и даже запирает ее. Вы как бедный родственник топчетесь на лестничной клетке. Присаживаетесь на корточки, закуриваете сигарету. С одежды на пол натекла уже целая лужа воды. Пальцы мокрые. В ботинках плещется море. Появляется ваш друг с тремя елочными шарами. Один золотистый и два фиолетовые с зелеными и малиновыми блестками. Очень красивые.

— Не мог похуже найти? — спрашиваете, но принимаете дар.

— Мне сейчас не до этого, — говорит Вандал. — Слушай, иди сейчас отсюда. Потом увидимся.

— Хорошо. Заходи.

— Зайду.

— Покедова!

Дверь с грохотом закрывается. Идете вниз. Вниз всегда легче, чем вверх. Вам нравится спускаться. Ступени так и мелькают.

Вы идете в другой дом и на этот раз едете в лифте. Лифт светлый и чистый. Только на одной стене налеплен бесформенный комок жвачки. Вы достаете зажигалку и подносите ее к нижней кнопке. Пластмасса плавится. Горький запах и удовлетворение.

Вам открывает дверь Юлий. Вылупившись, смотрит. На его роже нет счастливой успешной улыбки, которая всегда бывает в школе. Он, видимо, забыл ее надеть, а может, оставил в учебных классах.

— Макс? — приподнимает он брови. В рыжих глазах недоумение. — Привет, заходи.

— Я тут постою. Я на секунду.

Под вами уже снова лужа воды. Ваша одежда истекает водой и воняет сигаретами.

— Я тебя что-то в школе не вижу, — говорит Юлий.

— А я больше туда не хожу, — говорите вы.

Юлий впадает во временный ступор, и вы, пользуясь этим, клянчите елочные игрушки. В одной руке у вас кошелка, в которой набралось полтора десятка этих хрупких, блестящих, праздничных стекляшек.

— Зачем тебе игрушки? — привычный вопрос.

Через десять минут вы едете вниз на лифте, довольный и улыбающийся. Жжете зажигалкой еще одну кнопку лифта.

Вы ходите весь день по домам своих друзей, приятелей, знакомых. Вы собираете дань из елочных украшений. Все спрашивают, зачем они вам. Все смотрят как на придурка, но делятся двумя-тремя безделушками. У вас целая кошелка сказочных волшебных шариков! У вас целая кошелка праздника. Вы — маленький эльф, гуляющий под дождем с навязчивой идеей собирать елочные украшения. Вы — сошедший с ума дегенерат.

Вам не дарят радость эти шарики. Вас не вдохновляет идея праздника. Вы не помните ничего хорошего из детства. У вас никогда не было подарков. Вы равнодушны к елочным игрушкам и собираетесь их уничтожить.

Вы сидит дома за столом, заляпанным чернилами. Ваши обожженные руки сжимают шприц. Шприц нужен, чтобы вгонять себе в вены наркотики. Или воздух, если хочешь умереть. Но вы набираете в шприц чернил из банки и заливаете их в новогодние шарики. Берете кусок пластилина. Пластилин нужен, чтобы лепить из него фигурки зверушек. Но вы отщипываете кусок и залепляете им отверстие в елочной игрушке. Снаряд готов. Вы аккуратно кладете его рядом с десятком таких же готовых к битве снарядов.

Ваши прижженные руки уже сине-черные. Весь стол сине-черный от пролитых чернил. Пятая банка. Вы заполняете шарики не доверху. Нужно быть экономным.

Четыре черненьких чумазеньких чертенка... Вы похожи на чумазого чертенка?

Вы не курите, не пьете, не едите, не отвлекаетесь на возню в соседней комнате. Не замечаете плача четырехлетней девочки в коридоре. Вы поглощены шприцем, чернилами и шариками.

Когда начинает темнеть, вы включаете свет и замечаете, что дождь прекратился. Вам везет. Как вам сегодня везет!

Вы кладете в корзину последний шар и, наконец, закуриваете. Вы выходите в коридор, дымя сигаретой. Вы собраны в путь. Вы можете все.

Столкновение с соседкой.

— К своим ублюдкам поперся? Водку жрать?

Вы посылаете ее. Вы показываете ей средний палец. Вы не боитесь этой ведьмы. Хватит терпеть унижения!

Ты должен быть сильным,
Ты должен уметь сказать: «Руки прочь! Прочь от меня!»
Ты должен быть сильным,
Иначе зачем тебе быть?

Вы прижигаете запястье. Вам нравится боль. Да, это ненормально. Да, у вас что-то не в порядке с головой. А у кого, скажите, в порядке? Может, у соседки, или Вандала, или отца? Они все тяжело больны... «Я знаю, мы все сошли с ума...» Вы поете. Вам хочется петь. Но вы можете петь только в заплеванном грязном подъезде. Вы можете петь только в компании опьяневших полоумных друзей. Вам никогда не взойти на сцену. Никогда не взять в руки микрофон. Это другой мир, мир не для вас...

Вы подходите к рекламному щиту. Огромный аляповатый плакат, изображающий радостную полуголую шлюху, жрущую импортную снедь. Шлюха тоже из того мира, который никогда не будет доступен вам. Вы достаете из своей заветной корзины снаряд. Коротко замахнувшись, кидаете. Несколько мгновений праздничный шарик, как всполох золотого предзакатного солнца, парит в пространстве, а потом разлетается чернильными слезами на рекламном щите. Лицо радостной шлюхи обезображено. Людей вокруг очень мало. Никто не делает вам замечаний. Вы ухмыляетесь. Швыряете еще несколько бомб. Чернильная кровь стекает на землю. Щит изуродован.

Вы быстро подхватываете корзину и идете к следующему. За каждый вы получите по триста пятьдесят рублей. Неплохая сумма для пятнадцатилетнего подростка! Вас наняла частная рекламная фирма, которой необходимо изгадить щиты конкурентов. Вы идеальны для данной роли, маленький мерзкий гаденыш. Вы носитесь по засыпающему городу и портите красивые, гладкие, чудесные изображения другого мира. Мира и товаров, которых у вас никогда не будет.

Рука сжимает шарик. Рука заносится перед броском. Прищуренные глаза, точный прицел. Вы — снайпер чернил и золотых осколков. Выбеленные до голубизны рекламные зубы исчезают в темно-синих пятнах. Смеющаяся группа юных энтузиастов тонет в море чернильных разво-

дов. Один щит — четыре шарика. Можно использовать целлофановые пакеты или презервативы, заливая в них чернила и завязывая ниткой. Но это не слишком подходящая для вас идея. Подобные дешевые бомбочки в восьми из десяти случаев не срабатывают. Щит недостаточно тяжел. От его поверхности некачественный снаряд рикошетит и падает вам под ноги, разрываясь фонтаном опаснейших брызг. Можно использовать яйца, прокалывать в скорлупе дырочку, высасывать не сформировавшегося жидкого цыпленка... Но вы ленивы и не хотите лишних хлопот. Новогодние игрушки — лучшее, что создало человечество для порчи рекламных щитов. Совершеннее вам ничего не найти.

Вы устали и хотите курить, но работа важней. Вы должны выполнить миссию как можно быстрее, иначе увеличивается вероятность столкновения с проверкой. Хозяин щитов осматривает их ежедневно. Встреча с ним не предвещает ничего хорошего.

И вот, изуродовав пять щитов, истратив двадцать шариков, вы подходите к последнему намеченному рекламному чуду, поганит его и вдруг слышите за спиной чуть визгливый, высокий девичий голос:

— Эй! Ты — Макс?

Это неожиданно. Вы, вздрогнув, оборачиваетесь. Ноги чуть согнуты в коленях. Готовность бежать.

Перед вами стоит невысокая улыбающаяся девочка и пристально смотрит на вас темными, как вишни, глазами.

— Ты — Макс Качалов? Из девятого «В»?

Ваш взгляд медленно поднимается по ее аппетитному тельцу. Фиксирует черные остроносые сапожки на тонком каблучке, доходящие почти до коленок. Темно-серые укороченные модные брючки все в карманах и пряжках, обтягивающие полные бедра и широкую соблазнительную задницу. Белая курточка до пояса. Белая с черным узором сумка. Огромные тяжелые серьги. Огромные серебряные кольца. Десяток серебряных браслетов. Заколотые причудливой заколкой пепельные волосы. Подчеркнутые мягкими тенями высокие скулы. Тщательно и жестоко выщипанные дуги бровей. Алые пухлые губы, по которым хочется медленно провести языком. Нос с чуть заметной горбинкой. А где-то на периферии сознания маячат тусклые незаметные подружки этого сексапильного создания. Но они лишь фон, дополнение к общей картине.

— Ты — Макс Качалов, который матерился на концерте? — повторяет свой вопрос видение.

— Чё надо? — отвечаете грубо вы.

Подружки вокруг заливаются смехом.

— Ну так да или нет?

— Ну да. Я — Макс. Чё надо?

Девушка хищно улыбается сахаром зубов и, игриво поправив прическу, обращается к подружкам:

— Идите, я вас потом догоню.

Тусклые девочки не хотят уходить без своей сказочной предводительницы, но та все-таки от них избавляется.

— Так вот ты какой, Макс Качалов, — произносит, обходя кругом и оглядывая с ног до головы. Ленивая походка с едва заметным шарканьем, эротическое покачивание бедрами, призывно приоткрытый широкий рот. Вы балдеете, вдыхая сладкий аромат дезодоранта. Пахнет неведомыми экзотическими фруктами и гигантскими заморскими цветами.

— Я — Окси, — говорит красавица, протягивая бархатную холеную ручку с острыми коготками. Звон браслетов.

— Ну и чё тебе, Окси, надо? — спрашиваете грубо, но берете-таки мягкую лапку своими обожженными чернильными руками.

— Мы учимся в одной школе, — мурлычет Окси. Ее рука не спешит расстаться с его, медленно скользит по ладони. — Я в одиннадцатом «Б». Никогда не замечал? Вот и я тебя не замечала.

Вы почти не слушаете ее бессмысленный треп. Все внимание сосредоточено на теплой нежной ручке, гладящей ваши пальцы. А ваше воображение помимо воли создает неприличные сцены, где Окси лежит под вами, запрокинув пепельную голову и возбужденно стонет, где ваши обожженные руки нахально стаскивают с нее брючки и лезут в кружевные тонкие трусики. Где она целует ваш живот, встает перед вами на колени, смотрит рассеянными вишневыми глазами вам в лицо. Вы берете ее резко за волосы. Чуть испуганный всхлип и улыбка. Она приоткрывает свой пухленький ротик и почти заглатывает ваш эрегированный член... Хочешь эту девочку? Посмотри на ее гладкую кожу, отполированные ноготочки, дорогую одежду из фирменного магазина. Ты все еще думаешь, что эта девочка может быть твоей? Она из параллельной вселенной!

— Ты знаешь, Макс, мне ужасно понравилось, как ты пел на концерте! — говорит с придыханием Окси. — Это было круто! Что это была за песня?

— Так, песня, — отвечаете вы с неохотой, пытаясь сообразить, в чем цель Оксиных приставаний.

— Никогда не слышала. А матерщину в нее ты сам вставил или так было?

— Сам.

Окси замолкает. Улыбается. Видно, не знает, что говорить дальше. Вы тоже молчите и разглядываете ее мордашку. На длинных изогнутых ресницах слишком много краски. У левого виска припудренная шоколадная родинка.

— Я раньше тоже пела, — сообщает Окси значительно. — Мои родители платили одному старому пердуну за частные уроки вокала. Да только оказалось, что у меня нет ни голоса, ни слуха. Правда, певичкам с экрана не требуется ни то ни другое. Но зато нужна сногсшибательная внешность. А у меня задница слишком толстая!

— А мне нравится твоя задница, — говорите вы.

— Спасибо, — радуется Окси, словно слышит изысканный комплимент. — Но для экрана она не подходит. Так что от карьеры певицы пришлось отказаться.

— Да? — гнусавите вы. — Ну и чё?

И тут Окси вдруг делает шаг вперед и оказывается почти вплотную к вам. Вы даже слегка отшатываетесь, испугавшись внезапного приближения ее тела. Она стоит до одури близко. Она чуть выше вас и закрывает собой все остальное пространство. Жар. Прерывистое дыханье. Она кладет вам руки на плечи и томно смотрит в зрачки.

— Макс, хочешь я буду твоей девушкой?

— Чё?

— Ну, хочешь меня?

Вы оглушены ее предложением, почти ничего не чувствуете и лихорадочно ищете подвох.

— Прикалываешься?

— Типа того.

— И чё тебе надо?

Окси хмурится.

— Блин, какой же ты тупой!

Вы пожимаете плечами. Окси вас старше. Непонятно, зачем вы ей вообще нужны.

— Ладно, — вздыхает Окси. — Хочешь пива выпить?

Черт, кто же не хочет?

— Я угощаю! — говорит Окси. — Пойдем?

— Пошли!

И вы идете пить пиво на халяву с сексуальной девочкой, которая только что вам себя предложила.

Как же сегодня везет!

6

Они сидели на мокрой скамейке под светом ярко-рыжего одинокого фонаря. На улице похолодало, и начинал накрапывать печальный чахоточный дождик. Позади скамейки расположилась небольшая клумба с последними пожухлыми астрами и буйно разросшейся осокой. В окнах нахохлившихся невысоких домиков горели вечерние огни. Вдалеке лаяла собака и шелестел шинами проезжающий мимо транспорт. Уставшие за день прохожие торопились домой, опасаясь приближающейся неизвестности ночи. До полуночи оставалось всего лишь полтора часа.

Окси уже разомлела от пива и сидела плотно прижавшись к Максу. Макс обнимал ее одной рукой, а в другой держал мирно дымящуюся дешевую сигарету. У ног умиротворенно стояла недопитая тяжелая бутылка.

— Так хорошо и спокойно, — сказала Окси. — Ты такой теплый. Вот бы всегда было так. — Она вздохнула и положила голову на его тощее плечо. — Я устала от своих дурацких подруг. С ними совсем неинтересно. Не хочу больше видеть ни одну! Надоели! Они все одинаковые и совершенно ненастоящие.

— Курить будешь? — спросил Макс. Окси хихикнула.

— Теперь у меня все по-другому будет. Я больше не стану плясать под их дудку. Хватит-хватит-хватит! Больше никакой милой, счастливой Оксаночки! Больше никаких ужимок и никаких подруг!

— Так ты будешь курить или нет? — спросил Макс снова.

— Буду, я теперь все буду, — сказала Окси. Она взяла у него из рук сигаретку, благодарно чмокнула в щеку и, щелкнув зажигалкой, закурила. Макс внимательно наблюдал за всеми ее действиями. Девушка затянулась слишком глубоко и мучительно закашлялась. Макс засмеялся.

— Чего смешного? — вытирая выступившие слезы, едва ли не с обидой сказала Окси. — Я первый раз курю!

— Серьезно? — удивился Макс.

— А что такого?

— Да нет, ничего.

Окси, морщась, сделала еще одну затяжку и, немного подождав, выдохнула серый дым, приоткрывая свои полные чувственные губы. Глаза ее помутнели.

— Да, мне шестнадцать лет, и я еще ни разу не курила, — сказала она с досадой. — И я совсем не умею пить. Но ты ведь меня научишь, правда?

Молящий темный взгляд, приподнятые бровки.

— Чё тут учить-то? — буркнул Макс.

— Слушай, а ты со скольких лет начал пить?

— С трина... нет, с двенадцати. А курить еще раньше.

— Круто, — улыбнулась Окси. — И как со здоровьем?

Макс пожал плечами.

— Не знаю. Ничего вроде.

— Вот и я говорю, что врачи только врут и пугают.

Дым попал Окси в глаза, и она принялась их тереть пальцами, размазывая тушь. Потом порылась в сумке, достала платочек и зеркальце. Макс с любопытством наблюдал.

— И часто ты пьешь? — спросила она.

— Когда есть деньги или угощает кто-нибудь из приятелей. Почти каждый день.

— Э, да ты похоже пивной алкоголик!

— Может, — не стал спорить Макс.

— Ну так я буду твоей девушкой или нет?

Окси вдруг засмеялась.

— О Боже мой, до чего я докатилась! — Чуть раскосый хитрый прищур выразительных глаз, сладкая улыбка. — Никогда не думала, что буду пить пиво в какой-то подворотне с каким-то сопляком и уговаривать его стать моим парнем. Какой кошмар!

Она вдруг прильнула к нему, лизнула горячим языком шею и жарко зашептала на ухо. Макс прикрыл глаза, наслаждаясь моментом.

— Максик, миленький, ты мне так нужен! Ты даже не представляешь, как нужен! Максик, тебе со мной хорошо будет, я обещаю. Я буду очень хорошей девочкой! Я буду делать все, что захочешь. Я все умею! У тебя была когда-нибудь девушка? Нет? — Легкий смешок. — Я не

буду ломаться, Максик! У нас слишком времени мало. Я просто буду твоей. А ты моим. Хорошо? Максик, я тебя хочу!

Она продолжала тихонько лепетать у него на плече. Макс все крепче прижимался к ней, такой жаркой, такой чистой, такой пьянящей. Призрачно-нереальной, невозможно несбыточной и невероятно доступной. Принадлежащей к другой касте и обнимающей ласково шею.

Окси, что ты делаешь? Зачем ты все это делаешь, Окси? Зачем я тебе? Зачем ты выбрала самого страшненького, самого бестолкового, самого не подходящего тебе мальчишку? Свистни, и высокие блестящие красавцы сбегутся на твой зов толпой. Зачем я тебе? Зачем? Зачем? Какую игру ты затеяла? Ты хочешь поддразнить меня или разыграть? Тогда ты очень жестока, Окси! Или, может, ты лепечешь у меня на плече — искренне? Может, ты и вправду хочешь быть моей? Я не верю тебе, Окси! Я просто не могу тебе поверить. Такие, как ты, всегда воротят нос от таких, как я. Таким, как ты, противны наши неуклюжие хамские приставания и наглые похотливые взгляды. Мы из разных миров, Окси! Нас разделяет гораздо больше, чем кажется. Нас разделяет сама жизнь

— Макс, хочешь меня?

Конечно, детка!

— Почему ты говоришь, что у тебя мало времени? — спросил Макс.

— Потому что его теперь у всех мало, — ответила Окси грустно. — И всем поэтому плевать на близких.

— Как это?

— А вот так! — Она вздохнула. — Теперь все так заняты собой, что на других не остается времени, — оттолкнула Макса довольно резко и сказала: — Ну, ладно. Уже поздно. Проводи меня до дома.

Макс послушно проводил ее до дома. Она шла рядом, повиснув у него на руке. Оба молчали. А о чем им, собственно, говорить?

У подъезда Окси сказала:

— Завтра — среда. У меня пять уроков, но я уйду раньше. Скорей всего, после четвертого. Подходи к этому времени к школе. Договорились?

Как скажешь, крошка!

На следующий день Макс поплелся встречать Окси у школы. Погода была, как всегда, мерзкая. Свирепствовал неприкаянный осенний ветер, обдирал с деревьев листву. Макс замерз в своей легкой курточке, втягивал голову в плечи, ежился. Холодно! А небо такое низкое и темное! Разве бывает такое темное небо днем? Это сумерки какие-то, а не день! Время медленно сворачивается. Его жизнь превращается в перманентную ночь. Или это просто последствия осени? Симптомы настигающего нас дождя? Беспрерывный осенний ливень... что может быть тоскливее?

В холле школы — Юлий.

— О! Юлька! Привет!

— Макс, как я рад тебя видеть!

— Правда? А чё так вдруг?

Юлий грустен, как грустен сейчас унылый пейзаж за пыльным окном.

— Скучно без тебя.

— Зато спокойно.

— Да. Спокойно. — Злой смех. — Какая же ты все-таки сволочь, Макс! Так подставил меня с этим концертом!

— Извини. — Макс отвел глаза.

— Черт с ним. Я сам виноват. Прости, пожалуйста, что втянул тебя во всю эту ерунду. Хотел выпендриться. Показать, как справляюсь с самыми отъявленными идиотами. Какой же я показушник, Макс! Как я устал приседать перед учителями, хвалить, улыбаться... Быть беспроблемным отличником. Я пленник своей роли, понимаешь? Мне иногда так хочется тоже все бросить!

— Ну так брось.

— Не могу. Нельзя.

— Боишься?

Юлий стоял перед ним несчастный и потерянный.

— Да не то чтобы боюсь... Макс, возвращайся, а? Хочешь, я с директрисой поговорю? — Короткий смешок, ухмылка. — Я ведь все-таки всеобщий любимчик! Меня послушают! Давай ты вернешься, а?

— Нет, Юлька, такие, как я, не возвращаются.

— Дур-р-рак!!!

И тут появляется Окси. Сегодня на ней надеты другие, не менее соблазнительные брючки бежевого цвета. Обтягивающая упругую грудь беленькая свежая кофточка. На Окси явно нет лифчика. У нее все в полном порядке и без лифчика. Сквозь тончайшую нежнейшую ткань белой кофточки угадываются призывные соски. Она идет своей неторопливой расхлябанной походкой к Максу и подмигивает сильно накрашенным глазом. Звенят браслеты. Покачиваются сверкающие серьги. На плечах пепельные кудри чуть приподнимаются при каждом шаге. На губах — масляный блеск. Окси подходит к нему почти вплотную и смотрит в серые, ничего не выражающие, глаза. Запах дыни и спелой клубники.

Юлий морщится и хочет что-то сказать. Наверно, что-то нехорошее в адрес Окси. Но перемене конец, и он убегает на очередной урок в очередной раз подлизываться к учителю. В очередной раз играть свою успешную, раз и навсегда определенную роль. Коридор становится пустым.

— Смотри, что у меня есть! — весело говорит Окси и достает небольшой тусклый ключик.

— Что это?

— Идем!

Она хватает Макса за руку и тащит за собой. Они подходят к запертой раздевалке. Окси открывает ключом дверь.

— Откуда у тебя ключ от раздевалки?

— Все бы тебе знать!

Окси заходит внутрь. Вокруг висят гроздьями плащи, куртки, шарфы, шапки, пакеты с зонтами, мешки с обувью, котомки со спортивной формой...

— Здесь висят дорогие вещички моих лучших подружек, — говорит Окси с широкой снежной улыбкой. — Они думают, что от цены шмотки зависит жизнь. Они никогда не надевают дешевую одежду. Они завистливы и надменны.

Окси достает из своей сумки большие острые ножницы.

— Эти ножницы я стащила из кабинета труда в позапрошлом году, — объясняет она неторопливо. — Это не простые ножницы. Смотри!

Окси медленно вспарывает дорогой кожаный плащ. Разрезает подкладку.

— Сюрприз! — хохочет Окси. — Придется покупать новый плащик!

Она вонзает ножницы в чью-то куртку. Треск разрезаемой ткани. Рвущиеся нитки. Она портит чей-то симпатичный берет. Срезает вешалки с курточек.

— Видишь, это непростые ножницы! Ими можно резать что угодно! Они самые острые и самые удобные!

— Любыми ножницами можно резать что угодно, — говорит Макс.

— Нет, неправда! Ты ошибаешься! — смеется Окси. — Это ворованные ножницы. Я получила их, совершив преступление. Поэтому ими можно делать что угодно.

Она режет одежду, превращает в лохмотья мешки из-под обуви.

— Так вот, значит, кто постоянно портит вещи в раздевалке! — говорит Макс хмуро. — Зачем ты это делаешь?

— Не знаю, Максик, честное слово не знаю.

— Не боишься, что нас поймают?

— Э, да ты, похоже, трусишка!

Макс пожимает плечами.

— Может...

Потом Окси берет его под руку, виснет на нем, и они выходят на улицу. Она жмется к нему, она словно просит защиты. Но какую же защиту может предоставить ей этот тощенький маленький мальчишка?

Они идут по продрогшей пустынной улице. С неба начинает падать вода.

— Ох, опять облака плюются! — хныкает Окси.

— Так всегда осенью, — утешает Макс. — Подожди, она закончится и дождя больше не будет.

— Когда осень закончится, ничего уже не будет! — говорит Окси. — Там смерть! Неужели ты не понимаешь?

Макс не отвечает ничего. Наверно, он не понимает. Он держит Окси рукой за талию, предлагает сигареты. Она покорно берет.

Они приходят к ней домой. Господи, какая же у нее роскошная квартира! Ровный чистый пол, мягкие шикарные ковры. На стенах такие обои, каких Макс никогда в жизни не видел. Неразодранные кресла, неразломанный диван. Телевизор! Цветы в прекрасной хрустальной вазе на столике! Боже! Боже! Какая роскошь! Какая красота! Макс приоткрывает рот.

Да, Окси, недурно вы живете! Конечно, вполне вероятно, что на другого гостя ее квартира произвела бы гораздо меньшее впечатление. Но

Максу она кажется просто сказочной. Он аккуратно проходит в большую комнату и смущенно садится в удобное широкое кресло. Благодать! Почему одним достается все, а другим — ни черта?

— Так, — говорит Окси. — Родители скоро припрутся с работы. Лучше поторопиться. У нас мало времени.

Она хватает его за руку и тащит за собой. Они заходят в ее светлую уютную комнату. Валятся на громадную неубранную постель. Окси хихикает и целует его в шею. Макс несколько мгновений не двигается, а затем лихорадочно стаскивает с нее беленькую тесную кофточку. Кожа у Окси бархатная и нежная. Запах ее манит и будоражит.

— Я ведь у тебя первая, да? — спрашивает Окси, задыхаясь. Пепельные кудри закрывают половину ее лица. Раскрасневшиеся губы приоткрыты и влекут к себе.

— Да, — выдыхает Макс. Окси смеется. Он у нее явно не первый. Эта юная красавица давно лишилась своей девственности. Но от этого она еще прекрасней. Жуткое вожделение. Сладкий озноб. Легкие прикосновения. Окси присасывается к его пальцам, дотрагивается горячим нежным язычком.

— Мои бы родители сошли с ума, если бы узнали, — шепчет она. — И они обязательно узнают! — Она хохочет. — Они будут в ярости! — Она откидывает назад волосы и склоняется над ним. — Но я так хочу, чтобы они взбесились! Как я этого хочу!

Макс неумело целует ее обнаженные плечи, мягкую, полную грудь. Хочет приникнуть к ее влажным губам.

— Нет, только не в губы, — шепчет Окси. — Никаких поцелуев в рот!

Она стаскивает с него свитер. Рукав запачкан бурой кровью. Макса вчера сильно ударили, и из носа шла кровь. Но это было вчера, в бесконечно далеком вчера... а сейчас... ничего нет, кроме сейчас. Кроме роскошной квартиры и развратной испорченной девочки, сидящей на нем. Ее руки расстегивают пряжку на его ремне. Ее умелые опытные ручки неторопливо раздевают его.

— Какой ты тощий! — смеется Окси. — У тебя видно ребра! Никогда не видела таких тощих!

Максу уже плевать на ее слова и ее лепет. Он обхватывает ее за талию, целует в живот.

— Слушай, я тебя только об одном попрошу, — говорит она. — Не кончай в меня, хорошо? Я не хочу бегать по абортам.

Она сидит верхом в позе наездницы, приподнимается, покачивает бедрами. Начинает громко стонать. Наверно, она смотрела порнушку и запомнила, как надо стонать, и теперь повторяет запечатленные в памяти звуки. Это не он овладевает Окси. Это Окси овладевает им. Максу почти не надо ничего делать. Она все делает сама. Все правильно, умело, красиво...

У нее замечательное тело. Крепкие стройные ноги, изящный стан, длинная шея. Она раскачивается над ним запрокинув голову. Кудри пепельными потоками струятся по плечам, звенят серьги...

Провал во времени. Время умерло. Времени больше нет. Только наслаждение, дрожь, жар, огонь. Только наездница Окси и ее заученные стоны. Мечта! Ирреальность фантастики. Пусть так будет всегда! Пусть это никогда не прекратится...

Потом Окси долго плачет, уткнувшись в подушку, а Макс в прострации глядит в потолок. Не хочется ни говорить, ни двигаться.

— Я такая несчастная, — причитает Окси, — Ты даже не представляешь, Максик, какая я несчастная и одинокая! Никто не понимает!

Она отрывается от подушки. На щеках — черные дорожки от размазанной туши. Но лицо от этого кажется ничуть не хуже, даже наоборот. Личико становится узким и жалостным.

— Никому нет дела до меня, Максик! — Всхлипы. — Если я умру, никто даже не заметит! Я совсем-совсем никому не нужна. И все думают, что дорогие шмотки и вкусная жрачка — это все, что мне надо. Но это ведь еще не все, Максик! Как же мне плохо!

Она прижалась к нему, ее ручки обвили его плечи. Носик ткнулся в шею.

— Максик, миленький, как же мне плохо!

И тогда Макс оттолкнул ее и рявкнул:

— Что ты ноешь, дура?! У тебя есть все! Тебе не надо клянчить деньги и ждать бесплатной жратвы! У тебя всегда есть бабки на пиво и сигареты! Ты не знаешь, что такое голод, тебя никто никогда не бил! Да ты вообще знаешь, как это, когда тебя бьют? Когда пинают ногами, швыряют об косяк? Ты не знаешь, что такое плохая жизнь! Ты ничего не знаешь!

А Окси все плакала и плакала. И Максу вдруг стало ее безумно жалко. Вдруг ей действительно плохо? Вдруг он и вправду чего-нибудь недопонимает?

— Я не хочу быть такой, понимаешь? — говорила она. — Мне плохо! Я просто красивая кукла и больше ничего. Но я не хочу быть такой! Я хочу внимания! Хочу заботы! Моя мать не знает ничего обо мне. Ей все равно, с кем я трахаюсь и где шляюсь. А отец только сует деньги и думает, что я счастлива. Но ничего... ничего... — Она засмеялась, вытирая лицо ладонью. — Ничего, я им покажу... Я им всем покажу. Они обалдеют, когда увидят тебя. Они с ума сойдут, суки.

Она села на постели. Улыбнулась.

— Смотри, сколько у меня плюшевых игрушек, — сказала, указав на шкафчик с книгами, на котором были рассажены маленькие разноцветные котята и щенята. — Почему-то все мне дарят на день рождения плюшевые игрушки. Зачем они мне? А тебе что дарят на день рождения?

— А мне ничего не дарят, — сказал Макс.

— Бедненький! Ну, ничего. Теперь я — твой подарок.

Окси вдруг встрепенулась, что-то вспомнив.

— Ой, Максик! Ты любишь шоколадные конфеты? У меня же на кухне есть целая куча шоколадных конфет!

Она резво спрыгнула на пол и побежала на кухню. Через несколько минут вернулась с коробкой конфет и, безжалостно разорвав ее, плюхнулась на кровать.

— Давай жрать конфеты! — крикнула радостно, и они стали поедать вкуснейшее кондитерское чудо.

— Ммм... Обожаю сладкое! — мурлыкала Окси причмокивая.

— Я тоже, — облизывался Макс.

Божественное удовольствие доставляла им эта коробка приторных конфет с коньяком в качестве начинки.

Потом Окси приняла душ, сбегала снова на кухню и вернулась со стаканом, наполненным не то водой, не то еще какой-то жидкостью. Стала разгуливать голая по спальне и потягивать свой напиток.

— Что ты пьешь? — спросил Макс, одеваясь.

— Уксус.

— Чё?

— Уксус с водой, — уточнила Окси. — Я его всегда пью, чтобы похудеть. Кисло, но полезно. Две ложки на стакан.

— А-а-а... — протянул Макс удивленно.

Потом они сидели на кровати, и он пел ей песни, немного путая слова. Окси притащила гитару, полулежала рядом прикрыв глаза.

> Группа крови на рукаве, мой порядковый номер на рукаве,
> Пожелай мне удачи в бою, пожела-ай мне...
> Не остаться в этой траве, не остаться в этой траве...
> Пожелай мне удачи в бою, пожела-ай мне...

— Знаешь, — сказала Окси. — Первый, с кем я трахнулась, был тот самый сорокалетний пердун, который учил меня петь. Он приходил два раза в неделю и занимался со мной вокалом и еще кое-чем. И родители ничего не замечали. Просто платили ему деньги и радовались моему увлечению музыкой. А потом он сказал: извини, мол, девочка, трахаешься ты ничего, но вот певица из тебя никакая. Представляешь, как я расстроилась! Но он, конечно, был прав. У меня действительно нет голоса. Потом я снюхалась с одним папашкиным приятелем. Тоже престарелая развалюха. Но он катал меня на машине и кормил шоколадом. Дальше я спала еще с одним парнем. Так себе паренек, ни кожи ни рожи. И в штанах черт-те что... Все какое-то маленькое. Я с ним быстро рассталась.

Окси, закрыв глаза, перечисляла и обсмеивала своих многочисленных любовников. «Врет, — думал Макс. — Хотя, может, и не врет».

— А еще я спала с нашими школьными музыкантами, Антоном и Сергеем, — продолжала Окси. — Сначала с одним, а потом с другим. По разу с каждым. Они мне не понравились.

Она легла на спину.

— Зачем я все это делала? Ты знаешь, понятия не имею! Наверно, это своеобразный призыв о помощи. Наверно, я просто пытаюсь обратить на себя внимание, вызвать хоть чье-нибудь возмущение. Наверно, я такая же бестолочь, как и ты. Мы с тобой очень похожи.

— Разве? — спросил Макс.

— Ну да. И устала я. Устала от всего. Я прожила короткую, но очень яркую жизнь. Смешно, правда? Я такой нытик! Но ты не сердись, не обижайся. Ты мне очень нужен.

— А я у тебя тоже своеобразный крик о помощи? — спросил Макс.

— Наверно, — сказала Окси.

— Хочешь насолить родителям?

— Хочу. Тебя это беспокоит?

— Да мне срать!

— Вот и круто!

Сегодня родители Оксаночки их не застали вместе. Девочка крепко поцеловала Макса в щеку и выпроводила до прихода своих предков.

Макс, довольный и расслабленный, шел домой и вдруг встретил полоумную старуху.

— Угощайтесь, — протянул он старухе прихваченную из Оксиной квартиры парочку конфет. Пусть еще кому-нибудь сегодня будет хорошо.

Он использовал ее, а она использовала его. Они научились прекрасно использовать друг друга. Это не было любовью. Это не было даже симпатией. Каждый просто брал от другого то, что ему казалось необходимым. Максу было нужно Оксино тело и возможность бесплатной выпивки. А Окси требовалось его неблагополучие, его неприкаянность, его нищета и уныние. Она безошибочно выбрала из всех пацанов своей школы самого непрезентабельного, самого бестолкового и не подходящего себе. Макс — самый большой раздолбай на свете!

Она демонстрировала свое приобретение кому ни попадя. Стильным, модным подружкам, шушукающимся бабулькам на лавке, родителям, многочисленным родственникам, соседям. Она висла на его шее, прилюдно целовала, демонстративно улыбалась ему и заглядывала восторженно в глаза. Окси замечательно умела притворяться. Никто даже не сомневался в том, что он ее единственный возлюбленный, избранник. Люди впадали в состояние глубокого шока при виде симпатичной ухоженной девочки и этого страшненького серенького заморыша в больших ботинках и мешковатой куртке со слишком длинными рукавами. Люди не понимали, что она нашла в этом шибздике, тупой, пристрастившейся к пиву бестолочи, дурацком сопляке, балбесе, дауне. Он был младше ее на полтора года. Он был ниже ее на два пальца. Резкий контраст убивал всех, но этого и добивалась Окси. Именно контраст, осуждение, косые презрительные взгляды, вытянутые лица ей были необходимы как воздух.

— Максик, ты видел? Они же просто сдохнут теперь! Ты видел их хари?! Как они глазели на тебя! Ты видел?

— Максик! На меня вчера мама орала! Круто! Она была просто в бешенстве. Она сказала: Ксюша, черт, зачем тебе, мол, этот мальчишка, что ты нашла в нем. Я так смеялась... И сказала, что буду встречаться с тем, с кем хочу.

— Максик, зайдем на минутку к моей двоюродной сестре. Пусть она обалдеет.

— Максик, давай обкуримся так, чтобы от нас на километр воняло сигаретами! Давай задымим всю улицу! Пусть все кашляют! Пусть все задыхаются! Пусть все орут на нас! А мы будем хамить в ответ. Я такая хамка!

— Максик, ты не сердишься на меня? Нет? Ты точно не обижаешься, а?

— Да мне плевать.

— Хорошо! Я не хочу, чтобы ты обижался.

Иногда у Окси случались истерики. Она приводила Макса к себе домой, забиралась с ногами на кресло, сворачивалась там комочком и начинала громко рыдать. Макс не понимал ее. Что может желать такая счастливая богатая девочка? Да если б он был на ее месте... Но Окси лила горькие слезы, сморкалась в большой платок или полотенце. Начинала вдруг задыхаясь смеяться, остервенело выплевывать самую злую похабную брань. Потом причитала:

— Я такая дрянь, Максик! Я такая скотина! Если бы ты только мог понять... Никто не видит, никто не замечает, не чувствует... Господи, как я несчастна! Вся жизнь наперекосяк! Не могу больше, не хочу, не хочу! Как мне плохо! Как мне плохо!

Потом она вдруг сползала на пол, ложилась на спину, запрокинув голову.

— Макс, — говорила она слабым голосом. — Макс, что мне делать?

Макс молчал. А что он мог сказать? Но Окси, кажется, и не нуждалась в этом. Ее истерики были вполне самодостаточными и не предполагали никаких утешающих сюсюканий. Ей было хорошо и так. Окси подползала к Максу, обнимала его крепко-крепко, прижималось щекой к плечу. Рыдания становились почти бесшумными, конвульсивными. Макс неловко гладил ее по спине.

— Максик, миленький... Миленький мой Максик, — скулила Окси как больная собака, постепенно успокаиваясь. — Как хорошо, что я нашла тебя. Что бы я без тебя делала? — Всхлип, шмыганье носом. — Я бы умерла уже.

— Ну ладно, ну чё ты? — бормотал Макс. — Чё ты ревешь-то? Девчонка глупая, дуреха...

И Окси вдруг переставала плакать, вытирала рукавом мордашку (черно-серые разводы на белой ткани), рассеяно улыбалась. Макс начинал шарить по ней руками, мять ее грудь, оставлять засосы на длинной шейке. Окси была расслабленная, утомленная долгим плачем, измотанная жестокой истерикой, мягкая, тихая, послушная. Впрочем, Окси всегда была очень послушная и делала все, что он только хотел. Лишь целовать в губы всегда запрещала, но Макс к этому не особо и стремился.

Иногда они целыми днями шлялись по городу. Макса неумолимо влекло к пивным ларькам, а Окси тянуло к вокзалам и железнодорожным путям.

Платформа станции, перила, асфальт. Запах мазута. Запах Оксиного дезодоранта. Запах сигарет. Две бутылки пива стоят у ног. Небо низкое, сделанное из свинца. Вокруг — простор, одинокие фигурки странников, рюкзаки, шпалы, две тускло блестящие полоски рельсов, тянущиеся до самого горизонта. Долгий гудок поезда. Окси поднимается с бревнышка, на котором они сидят, вытягивается, слушает.

— Смотри! Поезд! Смотри! Смотри!

Окси приводят в бешеный восторг проносящиеся мимо толстомордые длинные электрички.

— Считай! Считай вагоны! — вопит она радостно.

...пять, шесть, семь, восемь, девять...

— Почему мы всегда приходим на станции? — Голос Окси из-за стука колес.

...пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать...

— И почему меня так тянет к этим рельсам, к этим вокзалам, этому мазуту?

На улице полдень, но до сих пор не рассвело. Сумерки, предметы расплываются в зыбкой дали. Дымка, пар изо рта. Тридцать пять, тридцать шесть, тридцать семь... Грохот колес, движение, скорость. Зелень вагонов. В глазах мельканье.

— Наверно, я хочу уехать куда-нибудь, — говорит Окси. — Когда уезжаешь в другой город, все становится по-другому. Жизнь другая, люди другие, сам становишься другой. Дорога — это всегда изменения. Тебе не кажется, что наша жизнь слишком однообразна и монотонна? Нас затянуло в нее по самое горло, и теперь очень трудно выбраться, что-то изменить. Один день похож на другой день. Мелочи — не в счет. Пиво и случайные знакомства — это не изменения. Это обычная схема обычной нашей жизни. Меня в ней уже ничего не радует. Я хочу уехать отсюда. А ты хочешь?

— Не знаю. Куда я могу уехать?

— Да хоть куда-нибудь. Черт, может, мне завести богатого любовника и уехать куда-нибудь вместе с ним? Ха-ха-ха! У меня был один такой...

Окси начинала с хихиканьем рассказывать о своем богатом престарелом хахале, таком тупом, таком дебильном. Макс давился от смеха, пил пиво и думал, врет она или не врет. Впрочем, ему это было не слишком важно.

Иногда они сочиняли стихи:

Сигарета поломалась, зажигалку потерял.
Проездной билет в трамвае злой кондуктор отобрал.
Деньги кончились недавно, и в квартире газа нет,
А подруга подавилась, когда делала...

— Фу! — вопила Окси. — Пошляк!

— И подруга подавилась, когда делала обед, — исправлялся Макс.

— Обед не делают, а готовят!

— Ну не знаю. Сочиняй сама.

— Я не умею, — расстраивалась Окси. — Я даже не могу определять ритм стихов на литературе.

— Чё? — пугался Макс. — Какой ритм?

— Ну, ямб там всякий, амфибрахий...

— Да? — удивлялся Макс. — А я умею матерные стихи сочинять!

— Не надо! — кричала Окси.

Иногда она просила его спеть ей песню, и он пел ей своим внезапно чистым, внезапно сильным голосом свои любимые песни.

Окси сидела, закрыв глаза, иногда вздыхала, иногда плакала.

— Какой у тебя голос! — говорила она. — И этот голос пропадает зря. Все мы пропадаем зря. Все мы делаем не то, что нужно делать. Какая тоска!

Обычно же они молчали. Молча смотрели на электрички, молча пили, молча шлялись по городу. Им не о чем было говорить. У них не было общих тем. У них не было похожих интересов. Не было понимания. И все же, наперекор всему, они были какое-то время вместе. Так получилось.

7

Бесконечная ночь душит вас в своем полуобморочном липком плену. Бесконечная лихорадочная ночь душит вас своими крепкими режущими веревками. Она сдавливает вашу шею. Она сжимает ваши легкие. Удушье. Сон больного.

Вы лежите в темной зловещей кухне. Под вами прогнулась старая неудобная раскладушка. Вам жарко и холодно. Вас бьет озноб. Наверно, вы простудились. Наверно, у вас жар. Наверно, вы подхватили неведомую чудовищную хворь. Вы чувствуете ломоту в костях. Вы чувствуете боль в своем ободранном осипшем горле. Хмель еще не ушел из вашей тяжелой башки. Яд все еще течет по вашим жилам. В жилах застыл яд... медленный яд...

Вы ворочаетесь с боку на бок. Вы не можете спать. Вы не можете очнуться. Все путается. Глоток кислорода. Забытье. Нет облегчения. Вам нужен свет. Хотя бы немного света. Но света нет. Солнце навсегда скрылось за горизонтом. Солнце умерло вчера в последний раз и больше никогда не воскреснет.

Откуда дым? Откуда столько дыма? Хватит курить! Хватит! Прекратите! Вам нужен кислород. Вам нужен большой глоток кислорода. Но дым окутывает вас. Дым наполняет всю кухню. Обволакивает ваше тело. Кто так сильно накурил? Разве можно так сильно накурить? Или вам снится сон? Удушье... Боль в затылке. Стук в висках. Мимо проносятся длинные электрички. Кровь пульсирует. Голову сдавило чугунным обручем. Вы задыхаетесь. Вы сбрасываете одеяла и мечетесь в бреду. Душно! Душно!

— А-а-а-а-а-а-а!!!!!!!!!! — сумасшедший вопль. Вы слышите этот нечеловечий истошный ор. Вас подбрасывает вверх. Вы падаете на пол. Вскакиваете, падаете снова, не удержав равновесие. Кто орал? Сейчас

день или ночь? Сумерки... Вас мотает. Вы хватаетесь за стены, цепляетесь руками за клубы дыма. Ваше тело отравлено. Вы не можете идти. Вы не в силах стоять.

— А-а-а-а-а-а-а!!!!!!!!!

Боже, что там творится? Кто там орет? Почему дым? Что? Что?

Мир рушится. Мир заволакивается туманом. Почему-то вы начинаете хохотать. Вы стоите посреди кухни на четвереньках и хохочете, как какой-то недоразвитый идиот. Вам страшно. Вам безумно страшно. Вы до сих пор продолжаете видеть сумасшедший сон и хохотать, хохотать, хохотать... Смех падает комками из вашей ободранной глотки. Руки трясутся. Дрожь по всему скрюченному, жалкому телу. Все сошли с ума... Вы знаете, что все сошли с ума... Как в песне, как во сне. Вы пытаетесь проснуться. Вы пытаетесь подняться. И над всей этой дребеденью, над дымом, над лихорадкой, над дрожащими руками — страшные вопли:

— Горим! Горим! Горим!!!!!!!

Вам плохо. Тошнота, в ушах — ужасный шум, грохот. Вы оглушены, раздавлены, смяты, размазаны по полу. Наверно, вы умрете. Что происходит? Где вы? Глаза слезятся, слепнут. Вы видите только, как дым взрывается миллионами разноцветных искр.

— Бл.дь! Уродец! Ты что тут делаешь?!

Чья-то сильная рука хватает вас за ворот рубашки. Вас волокут по полу, а вы хрипите, захлебываетесь дымом, глотаете дым. Ваши глаза истекают слезами. Ваши глаза жжет и выедает гарью.

Ваш ненавистный отец тащит вас по коридору, пытается поставить на ноги. Но ваши ноги сделаны из ваты. Вы почти не чувствуете ног. Вас колотит. Нет власти над телом.

И вот вы вдруг оказываетесь уже на улице. Сидите на корточках в холодном мокром пространстве. Дрожите, обняв себя руками. Вероятно, случился провал во времени. Вокруг вашего дома суетятся незнакомые люди в костюмах пожарных, люди из вашего кошмарного сна. Они пригнали огромную звероподобную машину и вышибли окно на кухню. Они зачем-то просунули туда шланги, которые похожи на грязных болотных змей. А из окон — дым, дым, дым...

Вы устали. Хохот сменился апатией. Зябко, немного тревожно. Недалеко расположились соседи. Кто-то подавлен, кто-то орет. Кажется, начинается всеобщая истерика.

— Это твой е.арь драный поджег! Это он все сделал! — орет мать на соседку Ларису. — Мы тебе, тварь, не дадим жизни! Мы тебя со свету сживем, сука!

— Пошла ты, дура! — звериные вопли Ларисы. — Алкашка ху.ва! Потаскуха! Рвань!

— Нет! Нет! Ну за что?! За что мне это?! А-а-а-а-а!!!! — Люська валяется в грязи, погружает в нее руки, давит в кулаках. — Как я теперь?! Как?!

— А-а-а-а-а! — вторит ее четырехлетняя сопливая дочь. Ее лицо синеет от крика.

Весь дом выбежал посмотреть на разворачивающееся представление. Вы шалеете от их резких отвратительных вскриков.

Только Олег Иванович стоит молчаливый и грустный. Единственный нормальный человек в этом аду.

Вы замечаете силуэт полоумной старухи. Она когда-нибудь спит? Или она не человек? Она оборотень, призрак, видение... Но она ходит по этой земле, и, значит, мир продолжается вертеться. Апокалипсис временно отменяется. Начинает зарождаться тусклый жиденький рассвет.

Доброе утро, Макс!

Макс сидел в подъезде какого-то чужого дома с Вандалом и еще несколькими малознакомыми пацанами. Пил пиво. Курил сигареты. Серые глаза, как всегда, ничего не выражали. Макс веселился.

— Ха-ха-ха! У меня дом сгорел! Ха-ха-ха! Я теперь бомж! Ха-ха-ха! Люди добрые, помогите кто чем может! — смеялся он.

Приятели не разделяли его веселья. Сидели хмурые и унылые. У Вандала продолжались разборки дома. Мать грозилась развестись с отцом. Уже дважды собирала вещи.

— П.здец! Дом сгорел! Ха-ха-ха! Я теперь бомж! Ха-ха-ха! Меня прет, ребята! Как мне весело! Давайте купим водки и нажремся! Бабла нет — у прохожих настреляем! Я ведь бомж! Ха-ха-ха!

Макс захлебывался смехом. Макса разбирал хохот от любого слова, от мрачных мин товарищей, от дождя, льющего как из ведра за дверями подъезда.

— Хрен с ним! Все равно как на помойке жили! Ха-ха-ха! Больших изменений нет. Толчок, правда, целиком выгорел. Но ниче! Будем срать в коридоре! Ха-ха-ха! А на кухне у нас вместо окна — дыра! Дырища! Ха-ха-ха! А комнаты — ничего, почти целы. Только коридор весь обуглился. А с потолка теперь доски сыплются! Как треснет по башке! Ха-ха-ха!

Потом Макс вдруг запел осипшим голосом песню. Швырнул об стену опустевшую бутылку, и она с грохотом разлетелась острыми осколками.

8

Это было как нарыв. Это было как огромный кровавый пузырь, который должен вот-вот прорваться. Пожар доконал Макса. Обугленный коридор, горькая вонь, зияющая дыра вместо окна на кухне, собачий холод ночью последним сокрушающим ударом надломили его жалкую душонку. Макс чувствовал, как что-то стало меняться и расти внутри него. Это что-то казалось огромным и страшным. Это что-то сидело у него в теле и постепенно разрушало его, трансформировало, делало незнакомым и чужим. Зрело и поджидало своего часа.

Макс не мог прогнать предчувствие надвигающейся беды, чего-то ужасного и неизбежного. Он слонялся с Окси по улицам, прижигал себе и ей руки окурками, глазел на бесконечные составы поездов дальнего следования... Тревога не покидала его ни на минуту. Ночью ему снились непонятные, странные картинки, похожие на галлюцинации шизофреника.

Он не мог вспомнить эти сны, но привкус кошмара оставался до самого вечера, и Макс стал бояться ложиться спать. Сидел в одиночестве у подъезда, с испугом смотрел на жуткие клочья рваных облаков и безостановочно курил. Теперь ему требовалось около сорока сигарет в день.

Болела голова. Болел желудок. Макс почти ничего не ел и держался только на пиве, иногда заменяя его дешевой, дерущей горло, водкой.

Потом Макс почувствовал, что хочет выплакаться. Это было настолько непривычно и неожиданно, что вызвало приступ мучительного смеха, переходящего в кашель. В этом глупом желании, вероятно, была виновата слезливая Окси, которая вечно плакала и жаловалась на свою несчастную, противную, одинокую жизнь. Кажется, горестная Окси влияла на него гораздо сильнее, чем думалось поначалу. Он становился таким же нытиком, как она.

И Макс пошел к теть Зине. Чего он ждал? Утешения? Поддержки? Нет, скорей, просто хотел увидеть единственного близкого, родного, любящего его человека. У него ведь больше никого не было.

Дверь ему открыла слоноподобная Настя, истасканная беременная идиотка, с куском сырого теста вместо лица.

— А мамка в больнице, — сказала она, жуя кусок булки.

— Чё? — оторопел Макс. Нестерпимая боль в висках и нарастающий шум.

— Ее позавчера на «скорой» увезли. Я теперь одна дома.

— Понятно, — пробормотал Макс.

Нет, нет, нет, на самом деле ничего не понятно. На самом деле он ничего не может понять. Куда увезли? Кто увез?

— Понятно, — повторил Макс. — А что с ней такое?

Настя гоготнула и развела руками:

— А я-то откуда знаю? Наверно, заболела.

— Инсульт? — воскликнул испугано Макс, вспомнив, что несколько лет назад теть Зина лежала с инсультом в больнице.

— Да мне-то откуда знать? — смеялась Настя. — Чего ты, дурачок, волнуешься? Посиди лучше со мной! Чего на пороге стоишь? Проходи, проходи...

Макс послушно зашел в дом, молча сел на стульчик, рассеяно посмотрел по сторонам. Настя села рядом и обняла его. Они долго целовались. Губы у дуры были слюнявыми и мягкими. Макс все делал будто в забытьи. Это был уже не он. Это был кто-то другой. Другой завалил Настю на спину и грубо поимел на полу в прихожей. Настя повизгивала, а настоящий Макс словно наблюдал за всем со стороны. Потом он оделся и, не попрощавшись, ушел.

А где-то далеко в это время лежал при смерти его единственный близкий человек.

Окси сидела на полу рядом с заглянувшим в гости Вандалом. Комнатуху наполняли привычные вечные сумерки. По коридору слонялась четырехлетняя дочка депрессивной соседки Люськи. За стенкой

собирал вещи решивший переехать к родственникам последний нормальный человек в этом проклятом доме, Олег Иванович. Родители Макса были на работе.

— Эта шалава все-таки добилась своего, — рычал Вандал. — Мать ушла от нас.

— Максик, ты когда-нибудь был на море? — мурлыкала Окси.

Макс курил сигарету и не слушал их. Думал о чем-то своем. Слегка морщился от боли в желудке, которая не прекращалась уже несколько дней. Тупая, тяжелая, изматывающая боль, отдававшая в спину и плечи.

— Сучара! Коза драная! Чтобы она сдохла, стерва!

— Я этим летом была в Египте. Без предков, разумеется. Я ездила позагорать и покупаться со своими подругами, которые старше меня на три года. Ох, как мы замечательно отдохнули! Как бы я хотела навсегда остаться там! Это был рай, сказка, мечта! Мне так грустно, что все это осталось в прошлом. Я закрутила там роман с инструктором по дайвингу. Такой классный парень! Я жила у него две недели, а потом ревела белугой, когда нужно было ехать домой. Ну почему я родилась не в Египте? Какая тоска!

Макс лег на кровать и закрыл глаза. Боль немного поутихла, но он знал, что это лишь временное облегчение.

— Максик, мои предки стали слишком хорошо жить. Надо нам с тобой заявиться к ним пьяными.

— Не хочу, — сказал Макс.

— Это почему это? — удивилась Окси.

— Надоело.

— Ну Ма-а-а-аксик! — заныла Окси.

— Ой, заткнись ради бога! — скривился Вандал.

— Сам заткнись! — огрызнулась Окси. — Я не с тобой говорю.

— Чё? — приподнялся Вандал. — Чё ты сказала?

— Чего слышал! Заткнись!

— Заткнитесь оба, — сказал Макс. — Давайте хоть немного посидим в тишине.

Они замолчали на какое-то время. Окси, вздыхая, достала из сумки свои любимые ворованные ножницы, стала тыкать руку. Макс лежал на кровати и тяжело дышал ртом. Нос был заложен — результат ежедневных прогулок под дождем и выбитого окна на кухне.

— Максик, хочешь я тебе подарю эти ножницы? — спросила Окси.

— Зачем они мне? — хмыкнул Макс.

— Просто так. Будут ножницы. Это ведь необычные ножницы! А мне они больше не требуются. Я больше не режу куртки и плащи подруг.

— Почему?

— Надоело.

Окси кинула ножницы на стол, и они неприятно звякнули. В дверь постучали.

— Открыто! — рявкнул Макс в раздражении. Дверь у них теперь никогда не запиралась. Жили как на улице.

В комнату заглянула счастливая рожа веселого Юлия.

— Юлька! — обрадовался Макс. — Юлька пришел!

Оказалось, что он привык к дурацкому Юлию. Оказалось, ему даже не хватало его подхалимской услужливой улыбки и рыжих светящихся глаз.

— Привет, — сказала Окси, а Вандал промолчал.

— Ребята, пойдете пить пиво? — спросил вдруг Юлий, и Макс раскрыл рот от удивления. Впрочем, удивление это быстро сменилось восторгом, и Макс стремительно поднялся на ноги, оживленно заговорил со всеми.

— Ура! — вопила Окси. — Сейчас нажремся!

Вандал недовольно косился на отличника и по-прежнему ничего не говорил. Макс этого не замечал.

До самого вечера они глотали пиво, укрывшись от дождя в подъезде. Юлий рассказывал о том, что творится в школе, выставлял учителей придурками, издевался над директрисой и завучем. Окси хихикала, показывая ровные сахарные зубки, запрокидывала голову, демонстрируя гладкую длинную шею. Щечки ее раскраснелись, движения были плавными, слегка развязными. Макс усмехался и прикладывался к бутылке. Хотелось залпом выпить все пиво. Вандала не покидала угрюмость.

— Мне тоже не очень легко, Макс, — сказал Юлий. — Я тоже ненавижу школу. Но это еще не повод, чтобы бросать все. Макс, ты должен уметь приспосабливаться. Протерпи еще хотя бы полгода. Дотяни до конца девятого класса. Переступи через себя. Я понимаю, у тебя взыграла гордость, ты решил показать всем свой нрав. Не надо, Макс! Ты ничего не добьешься. Ты никому не сделаешь хуже, только себе.

Макс слушал, искривив губы в усмешке.

— Чего и кому ты хочешь доказать? Подумай о будущем, Макс! Как ты будешь жить дальше?

— У меня нет будущего, — сказал Макс.

— Это только кажется. Ты внушил себе это. Тебе, вероятно, даже нравится так думать. Ты же не дурак! Ты же нормальный пацан, Макс! Хватит себя жалеть и принижать! Давай я поговорю с директрисой! Она поймет. Она попросит тебя вернуться. Все будет о'кей. А? Макс!

— Ты мне уже говорил все это, — пробурчал недовольно. — Надоело.

— На хрена тебе школа? — сказал Вандал. — Все равно никуда не пойдешь дальше. А выслушивать этих долбаных уродов... Не, Макс, ну их на хрен! Забей на эту школу.

Юлий бросил на него взгляд, полный ненависти.

— Макс, это же не трудно, ты же домашку не делаешь, на уроках спишь, — продолжал он. — Что тебе стоит? Все равно бездельничаешь.

— Школа — дерьмо! — сказал Вандал. — Нефиг туда возвращаться. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на какую-то школу.

— Правильно! — звонко воскликнула Окси. — Я тоже ее брошу. Вот так вот возьму и брошу! Прямо посреди полугодия.

— Черт, — прошипел Юлий. — Макс, ты хоть понимаешь, что ты делаешь?

— Я уже ничего не понимаю и не хочу понимать, — сказал Макс.

— Школа — это отстой! — поведал Вандал. — Тебе это на хрен не надо.

— Бл.дь! — рявкнул Юлий. — Вы это специально делаете или из-за своей тупости?

— Что? — хором сказали Вандал и Окси.

— Макс, о тебе между прочим спрашивала Ольга Витальевна. Ну эта, новенькая, тощая, как селедка.

— А! Селедка! — вспомнил Макс. — И чё ей было надо?

— Ничего. Просто волновалась за тебя. Спрашивала, почему не ходишь. Я ей все объяснил. Она все поняла. Честное слово, она поняла, Макс! Она хорошая баба. Не такая, как другие. Она очень сочувствовала тебе и обещала помочь. А еще меня спрашивали о тебе Серый и Антоха. Они считают, что я твой лучший друг. Они все еще хотят, чтобы ты пел в их группе. Тебя любят, Макс. Все хотят, чтобы ты вернулся!

— Серый и Антоха?! — взвизгнула Окси радостно. — Я с ними спала! С каждым по одному разику.

— Твою мать! Заткнись, шлюха! Ты со всеми спала! — заорал Юлий.

— Чё? Да ты сам... сам... Сам такой! Ты еще хуже меня, урод! Ты всем жопы лижешь! — Окси приняла боевую стойку.

Макс переводил растерянный взгляд с одного на другого. Не мог сообразить, что творится, почему все кричат. Окси орала благим матом, а Юлий сильно толкнул ее.

— Сядь!

Окси по инерции плюхнулась на пол.

— Ма-а-акс! — завизжала. — Скажи ему!

— Макс! Ты должен вернуться!

— Школа — говно! — сказал Вандал.

Макс растеряно молчал. Слишком он много выпил пива и выкурил сигарет, чтобы что-то делать.

— Сам ты говно!!! — заорал Юлий на Вандала. — Не мешай мне! — Он наклонил вдруг к нему свое оскаленное, покрывшееся испариной лицо. — Или ты хочешь, чтобы он пропал? Ты этого добиваешься? Ты этого хочешь? Черт! — сказал Юлий. — Черт! — воскликнул он, отшатываясь. — Да вы же его специально сводите с ума. Черт, вы нарочно отговариваете его вернуться. Вы хотите сделать из него дегенерата! Хотите, чтобы он спился, чтобы он...

— Это ты про меня? — гаркнул Вандал. — Это ты про меня, падла?! Да кто ты такой? Зубрила херов!

— Эй, вы чё? — сказал Макс слабым голосом. — Вы чё, люди?

— Вали в свою любимую школу, м.дак, — рычал Вандал Юлию, поднявшись на ноги. — Лижи задницы своих любимых училок!

И тогда Юлий ударил его.

— И-и-и-и-и-и!!!!!!!! — веселый визг Окси.

Юлий швыряет Вандала на пол. Тот пинает его по коленам. Юлий валится. Удар. Оскаленные пасти, дыханье, проклятья... Юлий пытается

подняться, Вандал виснет у него на поясе, бьет кулаком в спину. Юлий изгибается, бьет, сам падает. Лапа Вандала тянется к горлу противника.

— Эй! Стоп! Хватит! — вопит Макс. Кидается к ним. Пытается разнять. Запинается, падает сверху. Жуткое переплетение рук и ног. Рычанье. Звериные морды.

Окси заливается истеричным смехом.

— Максик! Максик! Не лезь, Максик! — бормочет, задыхаясь. — Уйдем, Максик!

Проклятая девчонка!

Макс растаскивал их как только мог. Он с трудом влез между ними, случайно разорвал Юлию куртку, отшвырнул, прижал Вандала к стене.

— Всё! Всё! Всё! Всё! ВСЁ!!! Хватит, — проорал Макс. Постоял, прижавшись к Вандалу, пытаясь отдышаться. — Хватит, — повторил спокойно.

У Вандала был разбит нос и по губам текла кровь. Лицо бледное, злое, волчье. Юлий стоял напротив, приподняв подбородок, тер щеку. Глаза его были узкими как щелки, а волосы встрепанными. Он смотрел на Макса. В его серые, ничего никогда не выражающие глаза...

— К черту, — сказал Юлий шепотом. — К черту вас всех.

Отчаянный взгляд на Макса.

— Прости, Макс. — Юлий покачал головой. — Я тебе не могу ни в чем помочь, Макс.

И он быстро ушел, опустив голову. Даже дверью не хлопнул, аккуратно прикрыл за собой.

— Какие вы, мальчишки, глупые! — захихикала Окси. — Макс, я домой хочу. Проводи!

— Сама дойдешь, — сказал Макс, все еще смотря на дверь. Вандал присосался к бутылке пива.

— Ма-а-а-ксик! Я ведь обижусь!

— Да пошла ты, дура! — рявкнул Макс. — Больно ты мне нужна.

Вандал ухмыльнулся.

— Ах так! Ах так! — закричала Окси, и слезы полились по ее щекам. — Да это ты мне не нужен! Это я тебя... Сволочь! Дурак! Больше меня не ищи!

Рыдая, она выбежала из подъезда на улицу. Максу захотелось рвануть за ней следом, но он вместо этого закурил.

— Хорошо, — сказал Вандал. — Теперь, когда эти отсосы ушли, мы... Короче, пойдем. Сам увидишь.

— Чё?

— Пойдем, пойдем. Или ты мне не друг?

— Конечно друг! — вздохнул Макс, и они вышли вместе с Вандалом под дождь.

9

Они идут с Вандалом по городу под покровом ночи. Город наполнен звуками, гулкими шагами, цоканьем чьих-то каблуков. Мелкий дождь

капает из сгустившихся, полных влаги туч. Сигарета зажата в зубах. Шлейф дыма тянется за их телами.

Темные молчаливые окна домов с подозрением смотрят им вслед. Груды кирпича и пласты асфальта провожают их своим безучастным безмолвием.

— Смотри, — говорит Вандал. — Смотри на эту длинную долбаную шалаву!

Впереди, покачивая бедрами, плывет высокая молодая женщина. На ней длинное демисезонное пальто и коричневые, сделанные под змеиную кожу, осенние туфли. Она оборачивается и ускоряет шаг.

— Скорей, — говорит Вандал. — Шевели ногами!

Макс с трудом поспевает за ним. Женщина почти переходит на бег, нервно оглядывается и сжимает в руках свою черную сумку. У нее короткие, крашенные в белый цвет волосы, на которые вылито ведро лака.

— Тебе нравится эта шалава? — спрашивает Вандал. — Ты хотел бы поиметь ее во все отверстия?

Морда Вандала кажется слишком светлой в этой темноте, почти белесой, высеченной из мела. На носу — едва заметные красные прожилки, а под глазами голубовато-серые круги.

— Единственное предназначение этой шлюхи — портить окружающим жизнь, — говорит Вандал. — Но это ненадолго. Просто она еще не нарывалась на таких, как я.

Женщина спешит к своему дому. Они следуют за ней,

— Что будет, когда ты с ней встретишься? — спрашивает Макс.

— Увидишь, — отвечает Вандал. — Я врежу ей так сильно, как только смогу. Я выдеру из ее башки волосы. Я выпью ее кровь.

Женщина заворачивает в подворотню, проходит под низкими сводами арок. Город старый и обветшалый. Краска облезла со стен, а здания требуют сноса.

Вандал передвигается с немыслимой скоростью. Его длинные руки и ноги крепятся к телу хорошо смазанными болтами. Движения легки и стремительны.

У Макса жар. Его одежда, как всегда, пропитана водой. В ботинки попал песок, и левая нога стерта до крови. Он хромает. Он измотан многодневной погоней, которая никогда не находит своего естественного завершения. Они не догоняют свою жертву, хотя могли бы давно догнать. Они следят за ней уже пятые сутки. Они караулят ее у подъезда, провожают до работы, ждут вечером. Потом Вандал говорит: «Не сегодня», и они расходятся по домам.

Женщина давно засекла их бесконечную изматывающую слежку. Она не знает, какая у них цель, но не ждет ничего хорошего.

Макс по-прежнему ничего не ест и только пьет с Вандалом дешевую водку. Боль в желудке не перестает его мучить. Наверно, у него язва и нужно пойти к врачу. Но он не идет в больницу, а продолжает гоняться за врагом Вандала по всему городу.

Что будет, когда Вандал настигнет свою жертву? Макс не знает, но тоже не ждет ничего хорошего.

Они прижимаются к стене, и женщина, обернувшись, никого не видит. Они прячутся за углом и немного отпускают ее вперед. Белые налаченные волосы монолитной скалой поблескивают в свете фонаря. Женщина некоторое время не двигается с места. Она удивлена исчезновением своих неизвестных спутников. Если сосредоточиться, то можно услышать ее тяжелое дыханье загнанной лисицы.

Может, преследование только мерещится? У нее развилась мания и мозг дает сбои?

— Почему ты не хочешь следить один? — спрашивает Макс.

— Для всего нужно свое количество, — отвечает Вандал. — Эта сука слишком уверена в себе и думает, что она неприкосновенна. Она умеет громко орать, и кто-то должен заткнуть ей глотку.

Они выскакивают из своего укрытия и продолжают слежку.

— Когда ты один, то дрожат руки и слишком сильно колотится сердце. Она может вырваться и убежать. Кто-то должен успеть перегородить ей дорогу.

Макс убирает замерзшие руки в карманы. Зубы стучат от холода и поднявшейся температуры. Его лоб горяч, а в серых глазах притаился нездоровый блеск ртути. В стенки желудка продолжают вгрызаться чьи-то жадные челюсти. Что бывает, когда зверь прогрызает вас насквозь? Макс не помнит, но не ждет ничего хорошего.

Слежка продолжается целую вечность. Макс утомлен, но все так же сопровождает Вандала. Хочет остановиться, но неотвратимо продолжает идти. Боится боли, но жжет ладонь сигаретами. Руки болят и покрываются новыми ожогами. Макса давно пора засадить в психушку, но он по-прежнему ходит по улицам города. Вандал тоже сумасшедший, но его сумасшествие другого рода.

Пятые бредовые сутки подходят к своему логическому финалу. Вандал достает бутылку и на ходу присасывается к ней. Макс механически принимает ее и, задрав голову, вливает в себя бесцветную отраву. Она калорийна и заменяет несъеденный завтрак, обед и ужин. Сколько человек может продержаться без еды на одной только водке? Макс чувствует, как усиливается резь внутри, но продолжает пить. Он не знает, сколько продержится, но, наверно, не слишком долго.

Вчера из носа у него снова шла кровь, а глаза слепли. Мир наполнялся разноцветными искрами, а пальцы немели и казались чужими. Приступы чудовищной головной боли повторялись все чаще. Его тело отказывалось работать и медленно умирало. Лоб был горяч, а язык обложен белой гадостью.

— Смотри, — говорит Вандал. — Смотри, как она гордится собой! Она ходит, задрав нос и виляя задницей. Она звонит моей матери и начинает вы.бываться. Мой отец — козел. Он потакает всем ее прихотям. Я давно бы убил его, но это неправильно. Виновата во всем эта сука.

— Что будет, когда ты с ней встретишься? — спрашивает Макс.

— Увидишь, — отвечает Вандал. — Ты увидишь все, когда придет время.

Макс сплевывает густую горькую слюну и разбивает пустую бутылку. Женщина замирает, а потом, ссутулившись, семенит прочь.

— Она знает, что я рядом, — говорит Вандал. — Она чувствует, что ее час приближается. Знает, что я проломлю ее маленький пустой череп.

Женщина подходит к подъезду своего дома. Этот дом недавно построен и очень красив. В нем застеклены все лоджии и покрашены все стены. Квартиры сто́ят так дорого, что сумма не укладывается в сознании Макса. У него никогда не будет столько денег. Он никогда не будет жить в такой квартире. Такая квартира есть у Окси, но эта дура не понимает своего счастья. Все эти избалованные закормленные девочки бесятся с жиру и закатывают истерики от скуки.

— Заходим за ней, — говорит Вандал.

— Что? — удивляется Макс.

Они ни разу не заходили за своей жертвой в подъезд. Зловещий сбой в отлаженном маршруте. Что будет, когда они окажутся с ней в замкнутом пространстве?

А ты еще не догадался, придурок? Макс, ты же ведь знаешь, что произойдет!

— Заходим за ней в подъезд, — повторяет Вандал.

Они приближаются слишком быстро. На двери кодовый замок, и женщина не приложила еще к нему ключ-таблетку. Она застывает в неестественной позе и смотрит на них. Вандал встает слева, а Макс справа.

— Ну? Чё встала, сука? Открывай! Не узнаешь меня?

Перепугавшаяся баба прижимается спиной к железной двери. Ее руки держат открытую, наполненную хламом сумку. Приторный запах терпких духов.

— Открой дверь, шалава! — сдавленный голос Вандала. Макс молчит и бездействует. Пойманная сучка начинает что-то визжать.

— Держи ее!

Макс хватает бабу за плечи, придавливает к двери. Она вырывается, с неожиданной силой толкает в грудь, шипит, перебирает ногами. Сжатые зубы, возня. Лапы Макса что клешни. Вандал хватает сумку, одна лямка обрывается. Баба начинает орать как резаная. Помада, кошелек, косметичка, каскад всякой дребедени валится на асфальт. Вандал ищет ключ. Макс зажимает бабе рот. Та совершает мощный рывок, отбрасывает Макса. Летят пуговицы, оглушительно цокают каблуки.

— Куда, тварь?!

Вандал выбрасывает вперед длинную паучью руку, его пальцы вцепляются в белые, покрытые лаком волосы. Вой. Баба сгибается, хватает Вандала за запястье. Крутится в надежде вырваться. Макс подбирает из лужи ключ, прикладывает к двери. Пиликанье — и путь открыт. Вандал заталкивает сучку в подъезд. Та беспрерывно орет, совершает какие-то короткие неуклюжие движения, колотит Вандала кулаками. Они исполняют дикий нелепый танец, крутятся, извиваются. Весь пол усыпан белыми прядками.

Боже мой! Что они делают? Почему он здесь? Все не так! Все не правильно! Он не хочет этого!

— Помоги мне! — кричит Вандал.

Макс хватает бабу сзади за пояс, пытается удержать. Вандал волочет ее за волосы. Ступени... Треск сломанного каблука. Баба падает, Вандал, чертыхнувшись, приземляется рядом. Стук, грохот, содранные ладони.

— Зараза!!! Убью!!!

Она ползет от них. Макс заламывает ей руки. Он ничего не соображает, он далеко... Здесь тот, Другой. Этот Другой жесток и хладнокровен. А Макс содрогается от ужаса и кусает губы.

Вандал держит бабу за волосы у затылка. Они обмотаны вокруг его руки.

— Помогите!!! Помогите!!! А-а-а-а!!!!!! — Вопли в спящем доме. Никто не открывает дверь. Всем плевать.

— Заткнись! Заткнись! — Вандал бьет и бьет ее лицом о ступени. Хруст, гулкие удары. По бетону размазывается кровь, баба сплевывает обломки зубов.

— Ударь ее! — кричит Вандал. — Неужели ты не хочешь ударить?!

Нет! Нет! Не хочет! Он не хочет никого бить! Он не хочет никому делать больно! Ему страшно. Смертельный ужас. «Заберите меня отсюда! Спасите меня!»

Макс пинает бабу в живот. Получай! Вздох, ляпок крови. Хрип. Его тоже так били. Его так били много раз. Но теперь пришла его очередь! Держитесь, уроды!

Вандал тащит бьющуюся бабу по лестнице за волосы. Она разевает в немом крике пасть, похожую на дыру. Внутри — чернота, липкая жидкость и крошево из зубов, израненные десны. В подъезде слишком светло. Макс разбивает лампочку, и ночь проникает в здание.

— Подымайся, стерва! — велит Вандал. Жертва лежит скрючившись и судорожно дышит.

— Пришел час расплаты, бл.дь!

Макс с трудом ставит ее на ноги. Баба тяжела для него. Вандал берет ее за горло и придавливает к стене.

— Я бы оттрахал тебя, сука, — говорит с ненавистью. — Но боюсь — вырвет. От тебя воняет, тварь!

Слабые попискивания, дрожь. Макс вытирает руки. Они все в темных запекшихся сгустках. На куртке — кровь и белые волосы.

Вандал достает складной нож. Тусклый блеск лезвия. Макс приоткрывает рот, успевает вздохнуть, и Вандал всаживает нож бабе в живот.

— Х-х-х-х-х... — Хрип и клокотание. Черная густая жижа стекает на пол. Баба запрокидывает башку, хватает воздух. У Макса слабеют ноги. Мысленно он падает без чувств на пол и ударяется гулко затылком. Но на самом деле он продолжает стоять и смотреть.

Нож проворачивается в животе. Лицо Вандала невозмутимо. Баба пытается заорать, но не может. Она все еще стоит, только потому, что сильная рука держит ее за горло. Вандал ударяет ее снова, но лезвие

попадает на ребра и соскальзывает. Весь пол залит кровью, подъезд утонул в крови.

Макс уже почему-то стоит на коленях, раскачивается из стороны в сторону. Вандал втыкает в бабье тело нож опять и опять. До бесконечности, до конца света...

Шизофренический сон Как всегда. Снова сон, похожий на галлюцинации. Бред от высокой температуры и резей в желудке. Очнись, Макс! Очнись, Макс! Макс!

— Макс! Чё ты пялишься как дурак? — Голос Вандала. Он вытирает нож об одежду жертвы. Макс по-прежнему стоит на коленях.

— Урод! Ты чё сделал? — бормочет он с трудом. Внутри пусто и легко. Ничего не болит. Только ощущается легкий звон в ушах.

— Что? Заложишь теперь меня? — усмехается Вандал. — Настучишь?

— Не... нет. Нет!

— Пойдешь с утра в милицию и расскажешь, как один ублюдок зарезал одну сучку?

— Нет!

— Может, хочешь написать заявление прямо сейчас?

— Да нет же!

— Макс, ты — соучастник. У тебя на руках ее кровь. У тебя на одежде ее волосы.

Головокружение... Тошнота. Сейчас вырвет.

— Ты мне друг или нет? Чё пялишься? Чё из себя невинного младенца строишь? Ты знал, зачем мы идем за ней! Ты знал, чем все закончится!

Макс достает сигареты, достает зажигалку. Закуривает. Руки не дрожат.

— Врагов надо убивать, Макс! Только так можно выжить.

— Да, — говорит Макс. — Убивать врагов.

Убивать. Это так легко! Жизнь висит на тонкой гнилой веревочке. Перережь ее ножницами, что вручила тебе Окси! Перережь, пока не догадался сделать то же самое кто-нибудь другой. Ты сильный, ты имеешь власть над чужими жизнями. Это решение всех проблем. Врагов надо убивать. Верно! Врагов надо давить подошвами своих больших ботинок, душить обожженными лапами, превращать в месиво из костей и мяса. Убей всех, кого ненавидишь! Размажь по стенке! Истреби! Или они убьют тебя, Макс!

— Макс, пойдем отсюда. — Голос Вандала.

Макс поднялся, сплюнул. Отбросил окурок. Конечно, у него могла бы случиться истерика, он мог бы орать на Вандала, валяться, биться головой... Но к чему? Дело сделано. Бабу не оживишь.

10

На следующий день Вандал заявился к Максу домой и предложил уехать.

— Куда? — спросил Макс.

— Ко мне на дачу. У меня ведь дом в деревне.

— А зачем уезжать?

— Так, развеемся...

— Да без бэ! — усмехнулся Макс, взял деньги, которые заработал на бомбежке рекламных щитов, и, никого не предупредив, уехал с Вандалом из этого чертова города.

Он сидел, съежившись, у окна вагона. Мирное монотонное покачивание и стук колес успокаивали и навевали сон. Но Макс не мог спать. Он уже давно позабыл, что есть сон, и довольствовался лишь короткими, похожими на обморок отключками сознания. Вандал замер напротив и безразлично жрал какой-то купленный на вокзале одноразовый суп. Лениво, с неохотой. Макса слегка подташнивало от вида еды. Он отворачивался, старался не замечать чавканья, старался расположить свое изможденное тельце в пространстве так, чтобы резь в желудке и всех внутренностях была хоть чуточку потише. Но боль не проходила. Она уже стала частью его привычной действительности.

Макс провожал леса глазами и думал, как он давно не собирал грибов. Может быть, даже он не собирал их никогда.

— Совсем паршиво? — раздался скрипучий голос Вандала, и Макс вздрогнул.

— Да ничего, — ответил хрипловато. — Брюхо болит.

— Конечно болит, не жрешь ни фига.

— Я не хочу. — Макс попробовал улыбнуться, но его вымученная гримаса больше напомнила судорогу, исказившую лицо, чем улыбку.

— Ничего, приедем, выпьем, — пообещал Вандал. — Легче станет.

Макс кивнул.

Поезд неторопливо плелся по рельсам. Они напоминали Максу что-то, но воспоминания были так нечетки и отрывисты, так неузнаваемы. Он не понял, что же именно напоминают ему рельсы и дорога. Может быть, нечто хорошее, но, скорее, не очень...

Ехали уже довольно долго, но у Макса не было часов, и он не мог сказать, сколько продолжался их путь. Да это и не важно. Теперь уже ничего не важно.

— Ты думаешь о ней?

— О ком?

— Об этой суке.

Макс пожал плечами.

— Не знаю. Я первый раз убил человека.

— Никого ты не убил. Ты только присутствовал для количества.

— Может. — Максу не хотелось говорить на эту тему.

— Лучше забудь, — посоветовал Вандал. — Этого никогда не было. Забудь и нигде не вздумай трепаться! Но теперь ты понял?

— Что понял?

— Понял, как легко решаются любые проблемы? Она была моей проблемой. Я убил ее, и вместе с ней умерла проблема.

— Да?

— Проблемы надо убивать, Макс.

— Убивать проблемы, — повторил Макс. Его опять разжигало. Как долго может жить человек с постоянным жаром? Повышенная температура — тоже часть его реальности. И воспаленное горло еще.

На одной из станций Вандал сказал:

— Приехали.

И они проковыляли в тамбур, слезли по неудобным ступенькам на перрон, помогли между делом незнакомой бабке вытащить из вагона баулы с одеждой и жратвой.

Макс закурил. Первые затяжки оказались неудачными и вызвали мучительный кашель.

Вдоль железнодорожных путей тянулась мрачная лесополоса, а за ней унылое поле, по которому проходила еле заметная тропинка. Вдалеке — деревня. Серо-черные и коричнево-землистые краски. Запах воды, запах почвы и отсыревших досок. Движение ветра. Над деревенькой сгущались сумерки — те же самые, какими уже давно была наполнена жизнь Макса.

— Нам вон туда, — сказал Вандал, прикуривая, и кивнул на далекие нереальные домики.

— Пошли, — просипел угрюмый Макс.

Потом было долгое топтание по расплывшейся от дождя дороге, были лужи и грязь, был стук в облезшую шершавую дверь и одинаковые рожи друзей Вандала. Был дождь с неба, была стужа, осень и много-много выпивки. Они пили в чьей-то сарайке. Они пили в промозглом, неуютном, пустом доме. Пили под открытым небом, не обращая вниманья на льющуюся из облаков холодную воду и звереющий на просторе ветер. Пили по пути к ближайшему магазину, запинались, падали, ржали над несмешными шутками, орали песни, материли случайных встречных. Снова пили.

Макс не запомнил ни одного представленного Вандалом человека. Не различал их лиц. (А не все ли равно с кем пить?) Макс не мог сказать, сколько времени он провел вдалеке от города. Может, неделю, может, две недели, может, месяц. Он не замечал чередования дня и ночи, не отсчитывал суток. Он жил в перманентных сумерках, в неотвратимой тьме. Вероятно, он отрубался на день и выходил из забытья только тогда, когда его тормошили и звали пить. Он выползал из дома на улицу и понимал, что уже стемнело, а может, еще не рассвело. Это было странно. Он превратился в сову, ночного паука, боящееся света существо.

Ему часто становилось плохо. Несколько раз Макс обнаруживал себя валяющимся в траве на обочине дороги, вокруг — лужи блевотины и крови. Да, несколько раз его рвало кровью. Наверно, это очень плохо. Максу иногда становилось немного страшно за себя, но страх проходил с первыми глотками водки или спирта. Он не успевал до конца протрезветь. Он не разрешал себе думать и впадать в меланхолию. Макс просто пил, просто продолжал дышать, продолжал ржать над несмешными шутками и задыхаться от ядовитого дыма. По-прежнему ничего не ел. По-прежнему ходил согнувшись от комков боли в желудке. Несколько раз с трудом останавливал хлынувшую из носа кровь.

Редко в голове проносились какие-то обрывки мыслей. Почему, например, никто не ищет Вандала? Почему Вандал уехал сюда и живет здесь спокойно, если где-то на краю вселенной стоит школа, в которую вообще-то Вандал должен изредка ходить? Или он тоже забил на учебу?

Один раз Макс рассказывал собутыльникам недавний случай:

— Тут сижу, короче, на кухне. Собираюсь прикурить, сигарету в зубы взял. И вдруг вваливается отец. И я поворачиваю свою башку и — о, бля, — у него реально из глаз текут слезы! Я, естественно, пугаюсь, как не пугался никогда в жизни. Сигарета падает, а я закрываю руками голову. Думаю, сейчас как е.нет по башке! И лучше бы побил, честное слово. А он, значит, подходит и говорит: Максимка, говорит, прости меня сынок! Я вообще уже в отрубе. Начинаю судорожно думать, чего же этому м.даку от меня все-таки надо. А он бормочет и бормочет. Бормочет и бормочет. И, бля, я начинаю медленно догонять, что он просит прощенья, называет себя скотиной и, черт, жалеет меня. И тут, по идее, я должен разреветься, как последняя сучка, и обнять своего родного папанечку. Но я так перетрухал и растерялся, что послал его на х.й и хотел смотаться. А он хватает меня за капюшон — я, блин, в куртке был — и продолжает бормотать. И тут, не поверите, я понимаю, что он не пьяный. Не, честное слово, абсолютно трезвый! И это уже за гранью моего, черт, сознания. И я, черт, еле убежал из дома и выкурил четыре сигареты подряд. И теперь вот думаю, он ведь... он меня спас тогда, бля, при пожаре-то! Он ведь выволок меня, обдышавшегося дыма и уже почти полудохлого. А мог оставить. Я бы его точно оставил. А он...

— Забей! — сказал ему Вандал.

— Забей! — сказали приятели Вандала.

— Пошли, выпьем.

И они пили снова. Они пили бесконечно много. И вечные сумерки висели вокруг. И вечный холод. Запах чего-то затхлого, вонь перегара, вонь табака. Ощущение грязного тела, липких рук, мокрых волос.

Это твоя жизнь, Макс!

Максу почему-то казалось, что это никогда не кончится. Он больше не уедет отсюда. Электрички перестали доходить до этой сумеречной деревухи. Люди погибли от внезапной эпидемии, и они, пьяные вонючие бестолочи, — последние, кто остался в живых. Макс пил и ужасался количеству выпитого, содрогался всем телом, тер лицо и глаза ладонями, словно старался проснуться. На ладонях появлялись новые ожоги, кисти рук превращались в сплошной страшный ожог. Они тряслись и часто роняли разные предметы. Макс не помнил уже, как прижигал свои руки, и не помнил, зачем прижигал. Голова болела. Вечная боль в голове и желудке, разбитое, разламывающееся тело, разлагающееся горло, разрушающиеся органы. Кровь на языке, кровь из носа... И вечные сумерки, которые никогда, никогда, никогда не закончатся. Ему никогда не выбраться из этой деревухи... Никогда не уехать.

Но он, конечно, однажды уехал.

11

Макс очнулся на рассвете оттого, что не чувствовал своих ног. Он перепугался и несколько минут лежал замерев, не решаясь попробовать встать. В доме дрожала зыбкая замерзшая полутьма и придавала предметам незнакомые чудаковатые очертания. Было холодно, просто противоестественно холодно. Макс даже не трясся, а лежал окоченевшим куском льда, неподвижный и растерянный. Слушал свое тяжелое хриплое дыхание. Ощущал, как чувство реальности постепенно покидает его. Комната становилась жуткой и совершенно бесцветной, медленно растворялась в злобном сквозняке, который прорывался через все щели и разбитые окна.

Сегодня Макс видел очень яркий, наверно, что-то значащий сон. В этом сне было невероятно много солнца и буйной летней зелени. Да, во сне явно цвело душистое жаркое лето. Радостное и беззаботное. Еще там стоял какой-то тощенький улыбающийся широким ртом мелкий мальчишка. Он был совершенно голый и не замечал Макса. А Макс подозрительно косился на него, ходил кругами и все пытался понять: кто же это? Кто же это такой смешной? А потом сообразил — это он сам. И в момент обретения разгадки у Макса изо рта начали сыпаться зубы. И они все сыпались и сыпались, крошились, вываливались окровавленным крошевом. Зубов оказалось неестественно много, и они все никак не заканчивались. Макс начинал задыхаться, выгребал зубы у себя из пасти руками, тряс головой, отплевывался...

На этом сон прервался. Макс обнаружил, что зубы на месте, но ощущение жути не покинуло его. Почему-то было боязно двигаться и даже глядеть по сторонам.

Но Макс все-таки поднялся. Ноги у него просто затекли от неудобной позы и очень сильно замерзли. Привычно тошнило, привычно раскалывалась звенящая башка, и ныл пустой желудок. Хотелось курить. Можно было поискать, не осталось ли водки, но пить не хотелось. «Надо валить отсюда, — подумал Макс лихорадочно. — Еще одна бутылка, и я сдохну!»

В доме никого не оказалось, кроме него. В одиночестве Макс вышел на крыльцо и...

— Мать твою! — выдохнул он. — Глючит что ли?

Поле, дорога, крыши домов, заборы, лавки, сараюшки — все покрывал тонкий сахарный слой белесого снежного глянца. Макс немного постоял, осматриваясь, сделал шаг вперед, наклонился. Он уже не верил глазам и хотел убедиться, что снег действительно настоящий, а не привиделся. Мало ли? Может, горячка... Пальцы обожгло сырым холодом, Макс слепил снежок и кинул в ближайшее деревце. Комок точно угодил в цель, разлетевшись с хрустом белыми брызгами.

Макс ухмыльнулся. Поплотнее запахнул тяжелое бабье клетчатое пальто, которое ему отыскали на чердаке и вручили как временную защиту от холода приятели Вандала. Его-то курточка была совсем легкой! Правда, теперь и ее нет, потерял по пьяни. Ну что поделать? Придется ехать так.

Макс побрел к станции. Денег не осталось ни копейки. Все, что он заработал, они пропили, и домой надо ехать зайцем.

Было очень одиноко и грустно. Не хотелось оставаться здесь. Не хотелось ехать домой. Ради чего? Что у него есть такого прекрасного впереди, к чему можно стремиться, чего можно с нетерпением ждать? Ничего. Сплошная бесперспективность и отсутствие цели. Даже выпить и то не на что! Да еще желудок так донимает...

На станции ему повезло. Удалось у одного деда выпросить сигаретку. Макс, кашляя, закурил, прикрыв от наслаждения глаза, а дед принялся нудить и выспрашивать, сколько ему лет да не потерялся ли он.

— Не, не потерялся, — просипел Макс.

— А папка с мамкой где?

— А чё они мне? Я один везде езжу.

— Так откуда ты такой?

— Какой? — удивился Макс, а потом, сообразив, усмехнулся. — Да вы не беспокойтесь. Я не беспризорный. Просто куртку потерял, и мне друзья эту фигню надеть дали.

Светало, и наступал первый светлый, наполненный снегом и пустотой день за долгое время сумерек. Макс гадал: осень сейчас или зима? От снега было особенно светло. Он скрыл грязь и запустенье.

Потом Макс ехал в тамбуре и стрелял сигареты у каждого, кто выходил покурить. Удалось проехать зайцем. Проводница попалась добрая и после жалобных упрашиваний разрешила не платить. Очередное унижение, смешивание себя с дерьмом. Макс со злости плюнул и пнул дверь вагона.

И вот его родной город! На душе стало теплей. Все-таки как-никак, а пятнадцать лет здесь прожил. Большой кусок времени! Знакомая территория, знакомые дороги, подворотни, ларьки с пивом... Пиво! У Макса потекли слюнки.

На вокзале ему повезло вторично. Макс заметил пьяненького мужичка, идущего нетвердой походкой и держащего в руках открытый кошелек. Он шел от вокзала, качаясь, к безлюдным, заросшим поникшими осинами и разлапистыми ивами закоулкам. Макс поплелся за ним.

Ему нужны деньги. Хотя бы немного денег. Чтобы спокойно доехать на троллейбусе до дома. Чтобы купить хоть немножко еды. Он не ел уже черт знает сколько времени. Нельзя так долго обходиться без еды! Он же умрет! Ему нужно немножко денег! Хоть десять рублей!

Макс шел и шел за пьяным. Руки у него почему-то сжались в кулаки, которые он прятал в своем длинном пальто, таком неуместном, таком шутовском... Он, вероятно, был похож в этом пальто на клоуна, представлял некую грустную нелепую пародию...

Несколько быстрых шагов. Макс сравнялся с пьяным, услышал его дыхание, его хлюпанье носом. Сознание зафиксировало смятое багровое лицо, выпяченную брезгливую нижнюю губу, блеск слюны...

Его сейчас вырвет! Неужели все пьяные так одинаково отвратительны? Неужели он сам был такой же, когда напивался и вис на заборах? Мерзость какая! Дрянь!

Мужик остановился и повернулся к нему. Макс замер.

— Чё тебе?

Макс молчал, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

— Пацан! Ты чё?

Запах застарелого перегара. Макс морщится. В памяти вспыхивает образ Вандала, бьющего свою ненавистную жертву.

— Дайте, пожалуйста, — бормочет он. — Мне надо немножко...

— Пшел отсюда! — Мужик замахивается на него. Макс отскакивает, замирает, полусогнув колени. Видит повернувшуюся к нему спину. Коричневая куртка, сальная башка... Макс сжимает зубы и вдруг, оскалившись, прыгает на мужика, сшибает с ног. Падение. Удар. Лоб мужика с глухим стуком ударяется об асфальт, лицо утыкается в тающий, ночью выпавший снег... Макс, ошалев, забывшись, судорожно бьет его два раза по спине. Это лишнее. Мужик уже потерял сознание и лежит не двигаясь. Макс бросает взгляд назад. Видит девчонку, смотрящую на них полоумными глазами. Слезает быстро с пьяного, отбегает в сторону. Его колотит.

Боже, что он творит? Что он делает? Кто он такой? Зачем все это? Не, это не он сделал! Не он! Это Другой кто-то!

Девчонка исчезла из поля зрения, а может, ее и вовсе не было. Осталась только безлюдная одинокая улица, засыпанная первым невинным снегом, плети мокрых ветвей без единого листа, человек, лежащий посреди дороги, и он, Макс, напуганный, жалкий, почти спятивший от ужаса и отчаянности своего беспредела.

— Тихо, тихо, — прошептал он сам себе, прижимая к груди руку. Сердце билось как при аритмии.

Ничего, теперь мне все можно. Одной дрянью больше, одной меньше. Какая разница? Все равно плевать.

Макс вдруг услышал жалобный скулеж, тихий, болезненный. А потом понял, что это он сам скулит. Понял, что сейчас сорвется, сейчас начнется истерика. Нужно было собраться. Во что бы то ни стало успокоиться.

Макс глубоко вдохнул свежий воздух ртом, подержал немного в легких, выдохнул клубами белого пара. Все нормально. Все хорошо... Подошел к неподвижному телу и подобрал валяющийся рядом кошелек.

Потом Макс долго курил и бродил по городу. Сжимал скрюченными пальцами холодное горлышко бутылки с пивом.

Нет, наверно, кто-то видел. Наверно, его заметили. Теперь ищут. Надо затаиться. Черт, какой дубак! Неужели зима наступила? А он и прозевал! Он ничего не видит. В его жизни есть только сигареты и выпивка. Больше ничего нет! А разве может быть что-то еще? Ах, черт! Для чего ему вообще жить?

Макс чувствовал себя уродом, который гадит себе и другим, уродом, дрянью, безмозглым кретином, пропащим существом. Горькая обреченность... Омерзение от самого себя. Сумерки и неминуемый холод.

Он оказался около дома теть Зины. Наверно, ноги вынесли его сюда сами по себе. Ему нужна защита. Пусть кто-нибудь возьмет его за шиворот и выволочет из этого дерьма!

«Помогите! Тетя Зин, мне так плохо! Мне больше не к кому пойти! Помогите мне! Я больше так не могу».

Он позвонил в дверь, и ему открыла жирная рыхлая Настя.

— Заходи! — сказала радостно нараспев. Хотела затащить Макса в квартиру, но он отпихнул ее руки.

— Где мать?

— А она умерла.

Лицо Макса дернулось, и один уголок рта пополз вниз.

— Понятно, — произнес он слабо.

— Ну, заходи, дурашка! Заходи! Я тут одна сижу. Мне скучно!

Голос Насти был далек, а слова почти не различимы. Максу захотелось плакать. Он достал очередную сигарету и закурил. Настя продолжала говорить. Макс не слушал.

— Ладно, я пойду, — сказал, вздохнув, и хотел уже спуститься по лестнице, но тут Настя вцепилась ему в локоть и завизжала:

— Не уходи! Не уходи! Мне одной страшно! А-а-а-а-а!!! Не пущу! Не пущу!!!!

Макс оттолкнул ее грубо. Настя, зарыдав, захлопнула дверь. Обвалилась пеплом штукатурка. Макс пошагал прочь.

Куда теперь? Домой? Как не хочется туда идти! А куда еще? Люди оборачиваются и прыскают в кулак при виде его пальто и худой страшной морды. Чучело! Несчастный убогонький оборванец. Ну вот, Макс, теперь ты действительно один. Совершенно и безумно одинок. Как так случилось? Ведь еще несколько недель назад все было таким хорошим и даже почти прекрасным. Пиво с Вандалом пил — не с тем Вандалом, который есть сейчас, а с иным, обыкновенным, слегка обозленным, слегка бешеным, но не с таким, какой сейчас. Еще была Окси. Дура, конечно, но все же милая, ласковая. И был Юлий. «Прости меня, Юлий! Я уродец». А еще существовал Витька, его вечная жертва... «Черт, как я, сука, над ним измывался! Какая я тварь! Как и мой отец». Да, да В точности. Ох, как противно!

Макса вынесло к дому Окси. Он сидел на скамейке под ее окнами, глотал машинально пиво. Он словно бы отупел от очередных ударов и стал внешне безразличным ко всему на свете. Но внутри он обмирал, сжимался в комок, внутри он плакал...

Явилась Окси. Она возвращалась к себе домой и тащила в пакете бутылку с уксусом. Как всегда, красивая, как всегда, свежая, аккуратная, соблазнительно мягкая. На ней был новенький кожаный черный плащ, длиной до коленок, коротенькая черная юбочка, сапожки на тоненьких высоких каблучках. Пепельные кудри лежали кольцами на плечах и чуть-чуть вздымались при каждом шаге. Аромат клубники, аромат спелых ягод и сочных тропических фруктов. Окси была такая же, как и всегда. Только лицо ее изменилось. Оно не было накрашено. И личико ее внезапно оказалось невероятно бледненьким и трогательным. Даже немного детским.

Окси увидела Макса, и губы ее растянулись в улыбке. Но улыбка не получилась ни радостной, ни задорной. Она стала как оскал. Улыбались только губы, а глаза казались стеклянными и бессмысленными.

И вот она, такая чистенькая, такая нарядная и праздничная, такая, черт возьми, ухоженная раскинула руки в стороны, подбежала к нему, к такому страшному и грязному, повисла на шее, прижалась, зашептала, ткнулась губами в щеку.

— Максик! Максик! Миленький мой Максик! — Она задыхалась. — Господи, солнце ты мое! Куда же ты исчез? Я тебя жду-жду, жду-жду... а тебя нет и нет, нет и нет! Я так скучала! Я ведь только тебя и ждала!

Она уже плакала и всхлипывала, а Макс гладил ее по спине руками, прижимался носом к ее волосам.

— Где же ты был так долго? Я так плакала! Мне было так плохо! Ох, Макс! Какой же ты классный! Как я горевала без тебя! Все думала: когда вернешься, когда вернешься? А ты не ехал и не ехал...

— Я тоже тебя вспоминал, — сказал Макс.

Окси разжала объятья, отклонилась назад, посмотрела ему в лицо.

— Максик, как ты отощал, — улыбнулась она, теперь уже по-настоящему.

— Это плохо?

— Не, все равно.

Окси вытерла рукавом плаща слезки и засмеялась.

— Ой, чего это на тебе надето?

— А, это... — Макс тоже дебильно хихикнул. — Это от холода.

— Круто! — Окси пришла в восторг. Потом опять погрустнела, скуксилась. — Ну, вот, дождалась я тебя. — Она вздохнула. — Мы, Макс, знаешь, в последний раз видимся.

— Да? — расстроился Макс. — Ты куда-нибудь уезжаешь?

— Уезжаю, — она облизнула пересохшие губы. — Да! Да! Уезжаю. Познакомилась тут с одним. Он меня в Москву увозит. Насовсем. Жить вместе будем. Ну я вроде как содержанка.

Речь у Окси была отрывиста.

— Знаешь, мне тут мама недавно сказала: мол, хватит быть для них с папой обузой. Так и сказала: мол, школу в этом году закончишь и вали от нас. Все равно, говорит, в башке пусто, учиться дальше незачем... Я-то думала, они меня за деньги учиться пристроят куда-нибудь... А мама сказала, типа у папиного друга сын есть и меня за него замуж выдадут. У них типа семья состоятельная, прокормят

Окси всхлипнула.

— Что я? Кобыла какая-то, которую другому хозяину передают? Познакомили с этим уродом. Ну такой урод!!! А маме по фигу. Говорит, знай, мы тебя больше содержать не намерены. Вот я и решила от них уехать. В Москву. Подальше. Там у меня свой любовник есть! Мне их богатенькие женишки не нужны! Я свободной быть хочу!

— Жалко, — сказал Макс. — Я вроде как к тебе привязался.

— Я тоже, — Окси шмыгнула носом, в глазах опять заблестели слезы. — Ну, давай прощаться.

— Давай.

— Родители у меня, кстати, еще ничего не знают. Представляешь, как взбесятся?

— Ты любишь их бесить!

— Люблю!

— А когда ты уезжаешь?

— Сегодня. — Окси провела по лицу рукой. — Я же говорю, что только тебя ждала. Чтобы попрощаться. Ты знаешь, мне теперь так стыдно перед тобой.

— За что?

— Ну как же! Я и вправду поступала очень плохо. Водила тебя, как пугало, по друзьям-знакомым. Прости, пожалуйста!

— Да ладно. — Макс усмехнулся. — Какая теперь разница?

— Правильно. Какая теперь разница?

Они замолчали. Им всегда не о чем было говорить.

— Так, значит, ты даже не вернешься никогда? — спросил Макс.

— Нет. — Окси всхлипнула, засмеялась. — Ну вот. Опять я мокроту развела! Опять я ною! Не злись, хорошо? Я ведь не нарочно!

— Я не злюсь.

— Ну, ладно. Прощай.

— Прощай.

Окси крепко поцеловала его и быстро ушла, скрывшись в подъезде. Ей оставалось жить несколько часов. Но Макс, разумеется, не мог знать этого, хотя в душе у него зародилось смутное предчувствие.

Дома у Окси никого не было. Она долго сидела на полу и плакала в состоянии жесточайшей истерики. Потом включила музыку, стала что-то напевать сквозь рыдания. Закрывала лицо руками, мотала головой. Потом достала из бара бутылку водки, налила целый стакан. Залпом выпила. Рассмеялась. Безумный хохот переходил в плач. Она задыхалась. Ползала на четвереньках по полу, бормотала:

— Вот узнаете у меня! Все поймете! Я вам всем докажу!

И все плакала и плакала.

Наконец, добралась до холодильника на чистой и просторной кухне. Открыла дверцу, начала выбрасывать на пол еду, бутылки с маслом, банки с майонезом... Вдруг в руках у нее очутилась бутылка с уксусной эссенцией. Окси зло оскалилась. Глаза у нее были пьяные и безумные. Она откупорила бутылку и, зажмурившись, запрокинув голову, присосалась к горлышку, глотая жгучую жидкость. И сразу же потеряла сознание от раздирающей боли внутри. Потом, когда уже вернулась с работы мама, она валялась по полу, хрипела, задыхалась, корчилась. Потом ее везли куда-то, с ней производили разные манипуляции. Она видела лица родителей... Видела потолки и лампы. Чувствовала холодный мраморный стол. Чувствовала боль...

Умерла Окси на следующее утро.

12

Солнце мое, взгляни на меня.
Моя ладонь превратилась в кулак.
И если есть порох, то дай огня...

Напевая песню, он шел домой. Он видел их лица. Он видел их озлобленные взгляды. Встречные скалили зубы на страшненького заморыша. Но чуяли опасность и не решались ударить. А вот он их не боялся. Он мог впиться любому в глотку, оторвать башку.

Мне есть чем платить, но я не хочу победы любой ценой.
Я не хотел никому ставить ногу на грудь...

Что они с ним сделали? Кто — они? Черт их знает. Они, они все. Он — Другой. Теперь он точно Другой. Может, это работа Вандала, может Окси, отца, боли в желудке. «Готовьтесь, суки! Я иду! Я этого не хотел. Но теперь».

Пинком открыта дверь. Грохот. Макс поднимается на свой этаж. Он цепляется за перила руками и волочет вверх свое тело. Почти через каждый пролет одолевает жуткий кашель с хрипами. Мокрота из бронхов. Вряд ли курево причина кашля. Оно, конечно, сыграло свою роль, но окончательно доконали холод и выпавший снег.

Вход в его бомжовскую квартиру. Черт! Разве это дом?! Повсюду угли, дрянной запах, грязные следы. Нора волчья, а не жилище. Здесь невозможно жить!

— Объявился, ублюдок! — Морда соседки из невыгоревшей комнаты. Старая спившаяся волчица. В щелях глаз — омерзение.

Макс останавливается всего на мгновение. Соседка отшатывается назад.

— Заткнись, сучка. — Пена у уголков рта. Голос сиплый, изменившийся. — Не трогай меня, падла.

Она прячется в своем закутке.

— Вернулся, скотина! Начнется теперь!

Конечно, начнется. Он вам всем даст просраться!

А квартира совсем опустела. Нет орущей маленькой девочки с соплями до коленок и распухшими глазенками. Исчезла суицидная Люська со своими воями по ночам. Олег Иванович тоже съехал. Все исчезли. Сбежали, как крысы. А ему некуда бежать.

У себя в коморке он находит... бля, кто же это... А! Он находит свою мать. Она невменяема. Патлы, как у ведьмы, перегар и сползшие до лодыжек чулки.

— Максим! Ребенок! — вопит она.

— Чё? — шипит Макс, готовый к атаке. Неверное движение -- и он шибанет по ее пропитой харе.

— Где ты был? — Мать ревет. — Ты мог сказать, что уезжаешь? Зараза! Ты с ума нас сведешь! Ты мог предупредить!

— А вам все равно по хрен! — орет Макс, цепляясь за косяк. — Вы все равно хотите, чтоб я сдох!

Штормит, как после трех бутылок пива. Ноги сейчас подломятся. Если б не косяк двери, он давно бы рухнул. Внутри все обрывается, и желудок вот-вот лопнет.

— Я же не знала, что ты уедешь! Я ночей не спала! Я все глаза выплакала! У меня сердце больное... Ты в могилу сведешь!

— Конечно, сведу!

Она захлебывается.

— Совсем мать свою не любишь! Только о себе думаешь!

— Пошла на хер! — рявкает Макс. Пьяная баба задыхается в конвульсиях. А ему плевать. Да! Плевать! Он не чувствует никакой жалости. Он — безжалостная сволочь!

Моя ладонь превратилась в кула-а-а-ак...

Макс сидел на окошке. Вернее, на том, что раньше было окошком. Теперь это страшенная дыра с кирпичами по краям. Он свесил ноги из окна. Во рту — сигарета. Дымок вьется синенькими клубками. Внизу, на асфальте, снег. Сахар снега. Он заляпал собой мир. Облепил ветви деревьев и плечи прохожих.

Умиротворение. Даже брюхо немножечко поутихло. Хорошо! И спокойно вроде на душе стало. И захотелось сидеть так на окошке вечно, курить вечную сигарету, смотреть на небо, любоваться воркующими птицами. Воробьи, голуби, какие-то ободранные галки...

Макс с горечью зажмурился.

Это все, что есть в его жизни. Сигарета, дым, пиво А больше ничего. Мимолетное облегчение, ускользающее удовольствие. Больше ничего нет. Господи, неужели действительно правда? Но ведь у людей есть что-то иное. Какие-то радости, смех, друзья, фейерверки, солнце, любовь. А у него ничего нет.

Свело горло. Он выдохнул дым.

Бля! Разве это жизнь? Ему достались только рваные ошметки. Его споили, его сделали уродом. Он пропал! И сколько таких, как он, пропали. А ведь могли бы быть героями. Могли бы бросаться под пули, спасать детей. Он мог бы быть классным. Он мог бы быть добрым. Но ничего этого не будет теперь. Он — рвань и падаль. Он исчерпал себя. Может только гадить. Может только убивать. И он сам виноват. Что-то надломилось внутри. Оборвалось. Жуткий сбой. А черт!

Окурок тушится о запястье. Больно!!!

Наверно, так он старается себя наказать. Он ненавидит себя и всех вокруг. «Господи! Дай мне хоть кого-нибудь, кто бы выволок меня из дерьма! Хоть одного небесчувственного идиота. Почему ты забрал у меня тетю Зину? Почему забрал Окси? Мне их так не хватает». Да, у него есть Вандал. Но он тащит его вниз. Он калечит его. Где Юлий? У него нет теперь даже придурочного долбаного отличника-выскочки. Наверно, он выволок бы его из этой ямы. Но его нет. Больше никого нет!!!

Макс закурил снова. Пятая сигарета подряд. А что еще делать, если, кроме курева, ничто не радует. Надо пива купить. И нажраться. Деньги

лежат на столе. Деньги, которые он украл у оглушенного ударом мужика. Нажраться и забыть про все. Чтоб все было по фиг!

Возвращается с работы отец. Макс лежит на окне. Уже вечер. Макс порядочно обкурился.

Отец заходит на кухню.

— Вернулся, вып.здок! — доносится до Макса.

Макс молчит. Он не хочет ни с кем говорить. Реальность потеряла для него значение. Достает тридцатую за день сигарету и чиркает спичкой. Маленький огонек появляется с шипением и гаснет. Черт! Возьмем другую спичку. Ломается. Руки трясутся, и коробок со спичками падает на пол. Макс падает с окна за ним. Лежит рядом, смотрит на отцовские ботинки.

— Чего, м.дак, валяешься?

Макс приподнимает голову.

— Хочу, бля, и валяюсь! — Он приподнимается на локтях. — Не нравится — вали отсюда!

— Уродец!

— Сам, бля, такого выродил!

И тут взгляд отца падает на стол.

— Это что за деньги?

Макс пытается встать. Кашель. Плевок на пол.

— Я спрашиваю, что это за деньги?!!!

Макс вскарабкался на стул. Сел нога на ногу.

— Мои это деньги, — сказал.

— Ах ты сука! — Рев отца. — Ты у кого их сп.здил?

— У кого надо, — отвечает Макс. — Тебе-то, бля, что?

Стальная клешня сжимает Максу горло. Отец ставит его на ноги. Макс, скалясь, держит его за локоть и пытается оторвать от себя. Но силы не равны. Здоровый мужик и мелкий недокормыш.

— Откуда ты взял деньги?

— Пусти, сука!

— Узнаю, что украл, — убью! Понял?

— Пусти, урод!!!

Из носа опять льется кровь. Она стекает по подбородку. Капли на свитере, пятна на полу. Отец наотмашь бьет по лицу. Макс отгибается назад, жмурится. Удар по затылку. Звон в ушах. Сейчас дом к черту рухнет, а мир развалится на части. Скрип и хриплое дыханье. Рука, наконец, отпускает горло, и Макс падает. Отползает.

— Ты у меня допрыгаешься, крысеныш. — Голос сверху. — Я тебе покажу, как деньги п.здить!

— Пшел ты! — шепчет Макс. — Пшел ты...

Отец пинает его по спине.

— А, бля! — визгливый вопль Макса.

Отец за шиворот поднимает его. Разворачивает мордой к себе. Трясет и орет что-то. Макс не слышит.

Внутри игла протыкает его желудок насквозь. Макс смертельно бледнеет. Открывает рот, задыхается. Со лба катится холодный пот. По телу — волна жара и потом холода. Его рвет кровью.

— М.дак, бля! — отец швыряет его на пол. Макс ползает в луже крови, ничего не видит, хрипит. Отец, кажется, уходит.

Макс почти отрубается. Лежит весь в крови, как на скотобойне, закатив глаза, приоткрыв рот. Воздуха не хватает. Очень темно. Он умирает. Он умирает с самого рожденья. Интересно, сколько продлится агония?

Темнота. Холод.

Ему снится сон. Вечный сон. Может, он никогда и не просыпался? Может, он давно сошел с ума и бредит?

Дом стоит, свет горит.
Из окна видна даль.
Так откуда ж взялась, бля,
Печаль...

Макс стоял на коленях весь окровавленный. Внутри росло нечто огромное и жуткое. Отчаяние? Страх? Макс не знал. Он покачивался из стороны в сторону. Висела глубокая ночь. Все спали. В руках — Оксины ножницы.

— Врагов надо убивать, Макс. — Голос Вандала.

— Ма-а-а-аксик, спой мне песенку. — Голос Окси.

— Проблемы решаются легко! Ты подходишь к ней и всаживаешь в печень заточку. Ты пьешь ее кровь. Ты рвешь ее волосы.

— Максик, эти ножницы волшебные. Помнишь, я тебе говорила? Ими можно обрезать тонкую веревочку, на которой мы висим. Спой мне песенку, Максик.

— Врагов убивают! У врагов вырывают сердце!

— Убивать врагов, — шепчет Макс.

— Спой мне песенку!

Ночь коротка, цель далека.
Ночью так часто хочется пить.
Ты выходишь на кухню, но вода здесь горька,
И ты не можешь здесь спать, ты не можешь здесь жить...

Свой незнакомый, странный голос. Макс поднимается в полный рост. Улыбается полоумной улыбкой. Начинает хихикать.

— Щас устроим. Щас всем п.здец будет, — шепот в темноте. — Хи-хи-хи!

Он заходит в комнату родителей. Оба спят на сальной измызганной кровати. Макс включает свет. Шевелится мать. Отец поворачивает морду. Макс подходит к нему и всаживает ножницы в спину.

Это реальность или бред? Макс, ты, как всегда, выдумываешь месть? Ты предаешься жестоким фантазиям?

— А-а-а-а-а-а-а!!!!!!! — Чей-то вопль. Макс отскакивает. Отец сползает на пол. Тянет свои клешни к нему. Хочет встать. Макс не торо-

пясь заносит руку над головой. Секунда — и ножницы с хрустом входят в шею. Отец корчится. Горячая кровь фонтаном бьет вверх, брызжет Максу в лицо и медленно стекает по щекам. Кровавые слезы... Как красиво! Мать мечется из угла в угол. Она пьяна. Заламывает руки и орет, орет, орет.

— Врагов убивают, — говорит Макс подыхающему алкашу. — Все проблемы решаются легко.

Он садится на корточки и тыкает отца ножницами.

— Ты — моя проблема. Но тебя больше не будет.

Он кромсает его тело. Превращает спину и бока в решето. Иногда ножницы застревают между ребер и их трудно доставать. Но Макс справляется. То, что было его отцом, шарит по полу руками, скребет пальцами.

— Надеюсь, мы не увидимся на том свете. Надеюсь, тебя не пустят ни в ад, ни куда еще, — говорит Макс. — Ты будешь всегда мучиться. А я буду убивать.

Баба воет в углу, мнет морду пальцами, бормочет. Ножницы проникают в плоть, проворачиваются в ней. Пол загажен.

— Подыхай скорей, я уже устал.

Нет. Конечно, это все выдумка! Никого он не убил на самом деле! Ему приснилось. Слышишь, Макс? Тебе это просто снится. Но тебя ведь пугает твой сон? Ты хочешь проснуться?

Потом Макс оттаскивает его тело в сторону.

— Замолчи, дура, — говорит матери. — Чего развизжалась?

Он находит водку. Приносит с кухни два стакана.

— Я освободил нас от него, — говорит матери. — Садись, — кивает на стул.

Наливает водки, пододвигает стакан.

— Пей!

Потом они долго сидят и пьют. Без закуси. Не чокаясь.

Потом к ним стучится соседка, но ей не открывают.

Потом Макс отрубается. Кратковременное забытье.

13

Макс очнулся, когда ночь уже умирала. Доброе утро! Он стер с лица запекшуюся жижу. Болело буквально все.

Мать лежала на полу не двигаясь. Она была жива. Просто спала. Макс взял свои ножницы и склонился над ней. И отпрянул в ужасе.

Что он делает-то? Он что, убить ее хочет? Теперь ему будет мерещиться убийство матери?

Он испугался. Он задохнулся от ужаса. Глянул искоса на труп отца. Хотел отшвырнуть ножницы, но они словно приросли к руке. Валить надо! Валить! Валить! А куда? К Вандалу! В деревню. Он еще там. Вандал его спасет! Макс напялил на себя бабское пальто. Взял свои деньги.

В коридоре налетел на соседку. От страха инстинктивно выбросил вперед руку. Баба с воем рухнула на него. Макс отпрыгнул, выдернув ножницы из ее брюха. Побежал вниз.

А на улице — красотища! Спокойное молочное утро. Тихий рассвет. И Макс, запрокидывая башку, начинает громко орать песню. Ему радостно. Ему больно. Он ликует и почти плачет.

Утром ты стремишься скорее уйти,
Телефонный звонок, как команда вперед!
Ты уходишь туда, куда не хочешь идти,
Ты уходишь туда, но тебя там никто не ждет!

Доброе утро, последний герой!!!!
Доброе утро тебе и таким, как ты!!!!

Около вокзала он находит труп. В кустах, запорошенная снегом, виднеется куча какого-то тряпья. Это та самая полоумная старуха, которая как призрак преследовала его последнее время.

— Вот так, — говорит Макс. — И ты туда же?

Конечно, сон. Разве может в реальности такое случиться? Столько бед, столько смертей. Конечно, приснилось.

Ему грустно. Старуха скрючившись лежит на снегу. Наверно, она замерзла этой ночью.

— Значит, и тебя больше нет? — вздыхает Макс. — Плохо. Я к тебе привык.

Он снимает свое пальто и накрывает труп с головой. Холод не чувствуется. С неба начинает падать снег.

— Ну, прощай тогда, — кивает старухе Макс и, закусив губу, плетется к вокзалу.

Приезжает поезд. Максу все равно какой. Он жалеет только, что сейчас рядом нет Окси. Она любила поезда. Почти все места пустые. Макс ложится на лавку. Засыпает

Он ехал довольно долго. На одной из станций сбегал за пивом и выжрал две бутылки. Разбирал смех. Голова кружилась. Весь мир казался нереальным. Было ощущение сна, долгого кошмарного сна из-за температуры, из-за боли в желудке. Хотелось проснуться. Но как? Макс тер лоб, сжимал пальцами виски.

П.здец! Ну и куда он едет? Где он будет жить? Не помнит, как добраться до деревни Вандала. Ему никуда уже не доехать. А вон те уродцы в конце вагона его секут. Пялятся на его деньги. Чё вам надо, козлы? Думаете, вы победили? Он стал таким же уродцем? Превратился в своего отца? А, черт!

Силы на исходе. Надо бежать. Надо бежать от самого себя. Он больше не может переносить такое. Он не хочет никого убивать. Он не хочет никуда ехать. Он просто хочет проснуться. Ведь все это неправда! Он на самом деле давно-давно спит. Но он проснется, он перестанет бредить. Он проснется в теплом красивом доме. И рядом будут папа и мама, улыбающиеся, добрые, ласковые. Он расскажет им свой кошмар. Они утешат. А потом сядут завтракать. Папа и мама на самом деле очень-очень его любят. Только надо проснуться! А еще он будет прогуливать-

ся по городу с Окси, со счастливой, свободной от всего Окси. И не будет осени, дождя, холода.

Проснись! Проснись, Макс! Твоя жизнь совсем иная! И мир вокруг совсем другой! Открой глаза!

Максу мерещится, как к нему приближаются несколько человек. Они вылезают из стен вагона, заползают через окна. У них страшные морды. Эти твари вытекли из самой преисподней. Тянут дымящиеся лапы к нему. Когти, клыки, крылья...

Бред! Снова бред! Одно видение страшнее другого! Ты видишь во сне чертей! Это наказание Но за что? За что?

Наверно, они хотят забрать его деньги. Макс вытаскивает их из карманов и швыряет им в хари.

— Подавитесь!

Но они не берут деньги. Они тянутся к нему, хотят ударить, схватить. Макс проворней. Всаживает ножницы, отбрасывает. Бежит, грохоча ботинками по вагонам. За ним — погоня. Они схватят его. Они сожрут его.

Макса настигают в тамбуре. Они прижимают его к стенке. Бьют. Кусают. Грызут. Хотят разорвать на части. Хотят утащить с собой. Максу жарко. Горит все тело. Горит вся электричка. Полыхают стены, потолок... Раскаленный металл. Красный огонь и темнота. Ад. Макс задыхается, открывает дверцу, чтобы глотнуть хоть каплю воздуха. Мельканье деревьев. Свежий ветер. Стук колес по рельсам.

И тут все замерло. Стоп-кадр. Исчезают враги. Исчезают боль и отчаянье, страх. Макс, застыв, смотрит в открытую дверь поезда, смотрит на возникающий там мир. Он прекрасен. Восходит золотой диск солнца. Сумерек нет. Предметы сделаны из хрусталя и застывших капель смолы. Они сияют. Они манят его к себе. Вот он, его мир! Он проступает сквозь пелену бреда и ужасного сна! Ему не нужна больше ни электричка, ни Вандал. Схватившие его уродцы больше не страшны. Он знает, как спастись.

Наконец-то утро! Как долго были сумерки и ночь. А теперь он откроет глаза, теперь он очнется!

Макс с неведомой силой крутанулся и отбросил врагов назад. Слегка качнулась на повороте электричка, враги упали, раскинули руки. И тогда Макс с воплем радости, с воплем восторга, ликуя, заливаясь смехом, закрыв свои серые, ничего не выражающие глаза, прыгнул в этот чудесный солнечный мир в двери вагона, погрузился в свежее дурманящее утро, безмятежный рассвет, волшебный аромат...

Стуча колесами электричка неслась дальше. Таял первый снег. Он всегда тает.

МРЕТЬ

* * *

Спи! Я твой сон постерегу.
Мобильный из ладони выпал.
Стихи пасутся на снегу,
Но ты уже не слышишь скрипа.

Твоя кровать уже плывет
По городскому океану,
И ты не слышишь, как поет
Хор фонарей тебе осанну.

А ночь, тягуча и черна,
Как битум, тихо остывает,
И от своих щедрот она
Стакан окошка наполняет.

Но я не лучший кормчий сна,
Уже клюю горбатым носом,
Уже мне видится луна
Таким же, как мой нос, вопросом.

Спроси меня сквозь сон, на ком
Сошелся клин на белом свете...
Ты ткнулась мне в плечо виском.
Я за тебя сейчас в ответе.

Но сам себе же промолчу
В ответ. На ком еще, родная?!
Молчание мне по плечу...
И ночь от края и до края...

Иван КЛИНОВОЙ — родился в 1980 г. в Красноярске. Участник нескольких форумов молодых литераторов в Липках, лауреат «Илья-премии» (2001) и премии Фонда им В.П. Астафьева (2004). Публиковался в журналах «День и ночь», «Новая Юность», «Октябрь», «Сибирские огни». Автор поэтических сборников «Шапито» и «Античность». Живет в Красноярске.

* * *

...а когда отпустило, он понял, что горек не чай,
Что горька тишина, нахлебавшись которой он бредит,
Что сюда уже вряд ли с такой же надеждой приедет,
Что гигантский кулак, ударяющий в Томь, — это взрыв,
Что не выдержит небо — и будет всерьез и навзрыд...

Что такого в усталых домах и чужих этажах,
Что сюда возвращаться не хочется, лишь уезжать,
И всю ночь между Томском и Кырском, на этом отрезке,
В неудобном автобусном кресле читать эсэмэски:
«Как приедешь, скажи: С возвращеньем!»,
«Не плачь...»,
«Не скучай...».

Сон

Щекой к щеке — и тает снег,
И ручейком щекочет шею.
Свет начинает свой разбег
И затопляет всю аллею.
Я замираю, я немею
И лишь сморгну снежинки с век.

Вот так, в недвижности, сидеть,
Теплом делиться днесь и впредь,
И чувствовать, что жизни мало,
И слышать — чайка прокричала,
И видеть — снеговую мреть,
И знать, что сам — не из металла...

Но пахнут волосы костром,
Запоминаются на ощупь,
И все становится чуть проще...
Я снегом, как судьбой, влеком,
Но ни снежинки и ни строчки
Нельзя оставить на потом.

* * *

...и я сошел в назначенном Иркутске,
и огонечек зажигалки узкий
лицо мое нездешнее открыл
для бабочкиных суетливых крыл,
и бабочка в лицо мое стучалась,
а я закрылся шторкой темноты —
лицо не для нее предназначалось,
хотя и с ней хотелось быть «на ты»,
и бабочка, как будто ставая «птичку»
в блокноте, быстро чиркнув по скуле,
зажглась, внезапно превратившись в спичку,
и в пепельнице тухнет на столе.

* * *

Ты меня еще обнимешь,
и не только виртуально,
над тобою вспыхнет воздух,
под тобой прогнется твердь!..
Ничего, что ты далеко,
ничего, что сам я дальний,
главное, когда приспичит,
форточку не запереть,
чтобы я влетел на голос,
чтобы я влетел на ощупь,
чтобы ты ко мне из дома
научилась улетать,
чтобы мы нашли дороги
даже самой душной ночью,
чтобы ангел для острастки
из-под нас украл кровать...

Волосы Береники

Губы под этим именем трескаются коростой.
Волосы эти льются, тянутся сквозь Интернет.
За этими волосами я бы поднялся к звездам.
Только, смотрю, еще одному созвездию места нет.

И остается: голосу — виться дымком сигаретным,
Виться вокруг да около, рядом да не совсем,
Не застревая в локонах, в пальцах, в словах конкретных,
Не создавая памяти, времени и проблем...

* * *

Поезд, поезд... Новый Демосфен...
До Иркутска путь косноязычен,
Дальше — хуже... Вне родимых стен
Отвыкаешь даже от кавычек,
О словах уже и речи нет,
Вроде как из речи этой вычтен...
Что ни происходит — непривычно,
Даже если будущим задет...

* * *

Из черной ночи я иду на свет
И посылаю сны тебе вослед,
Наказывая им не быть цветными,
Ведь в черно-белой гамме все точней.
Я от ночей не отличаю дней,
Запутываясь в сигаретном дыме.

А ведь и ты мне посылаешь сны.
Их контуры, увы, не так ясны,
Ведь сны твои ко мне приходят в цвете.
Но я бегу от них, теряю цвет,
Запутываясь в дыме сигарет.
Так и живу на черно-белом свете.

* * *

Свечи потухли, оплыли и попросту стали ненужными,
Только луна освещает пустую постель
Да за окном фонари, что кивают недружно, —
Все остальные источники света слизнула метель.

Эту постель я согрею собой в раз не помню какой, и останется
Только уснуть, только видеть чеширские сны,
Где от танцующей пары остались лишь контуры танца,
Но и они скоро будут себя лишены.

* * *

Я пришлю тебе стихов по почте,
Целую тетрадь тебе пришлю:
Долго-долго разбирай мой почерк
В поисках простого «я люблю»!

Но, увы, там будут только строчки
О словах, о бабочках, о снах,
Закорючки, черточки, крючочки,
Перемарыванья впопыхах...

Ничего того, что ты искала,
Там не будет даже на просвет.
Только то, что муза нашептала,
А в конце тетради как совет:

«Ты дождись серьезной непогоды,
Вынеси под дождь мою тетрадь,
Чтобы черно-синие разводы
Было никому не разобрать».

Обычно в «Континенте» пьесы не печатаются, что связано с традиционным форматом нашего издания. Исключение было сделано лишь дважды — для первого редактора журнала Владимира Максимова и для одного из лучших наших драматургов, Иона Друцэ. И сейчас, в преддверии трехсотлетия со дня рождения одного из основателей российской словесности, Антиоха Кантемира, не имея возможности напечатать новую работу нашего автора целиком, мы хотим познакомить читателей с несколькими картинами из этой «пьесы-эпопеи».

Действие пьесы происходит во времена императора Петра Великого. Главные персонажи — сам Петр, царедворец Толстой, Дмитрий Кантемир — писатель и ученый, потомок молдавских господарей, и сам господарь, а также члены его семейства — Антиох, дочь Мария. Петр I по праву силы овладевает дочерью Кантемира Марией. Та зачинает ребенка. Вопрос наследника всегда был острейшей проблемой в России. Жена Петра, Екатерина, рожавшая одних девочек, опасаясь, как бы Мария Кантемир не родила мальчика-наследника, интригует в духе того времени, чтобы ребенок не появился на свет.

Пьеса о любви и жестокости, о вере и власти, о России и Молдавии.

Ион ДРУЦЭ

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Январь 1720 года. В только что отстроенном кантемировском дворце Санкт-Петербурга играли свадьбу. Сорокасемилетний светлейший князь Дмитрий Кантемир сочетался браком с первой русской красавицей, восемнадцатилетней Анастасией Трубецкой. Свадьба была воистину царская, поскольку присутствовал сам государь Петр Алексеевич с супругой и дочерьми. После благословения свадьба, стоя, воспела царю многая лета.

Толстой. Поднимем кубки во здравие государя Петра Алексеевича!

Петр (*громко*). Не гони лошадей. Сначала споем молодым. Выпить успеем. (*После здравицы.*) А любопытно, как звучит здравица на вашем, князь, наречии? Как бы вас славили, буде эта свадьба справлялась бы в Яссах?

Кантемир. Как перед Богом, ваше величество! Здравицы на молдавском ничем не уступают...

Петр. А и спойте. Вон сколько вас тут!

Ион ДРУЦЭ — родился в 1928 г. в селе Городише Сорокского уезда, Молдавия. Окончил Высшие литературные курсы. Автор многих книг прозы и драматургических произведений, в том числе биографических — «Возвращение на круги своя (Уход Толстого)», «Апостол Павел», «Ужин у товарища Сталина». Живет в Москве.

Кантемир. Мы бы спели, да без благословения как-то...

Петр. Сотворите. В вашем доме я постоянно натыкаюсь на каких-то монахов.

Кантемир. Живет один, да только он не пострижен.

Петр. Что за беда! Раз носит подрясник и кормится с твоего стола, пусть благословляет. Где он?

Пансофий, пав ниц перед царем, долго благословлял царскую чету, молодых, гостей. После чего тихо провозгласил: «Ла мулць Ань». И молдавская часть стола подхватила.

Петр. Красиво. Сочно. Плодовито. Да больно коротко. А как бы звучала здравица, если бы свадьба справлялась, скажем, в Афинах?

Кантемир. Боюсь, ваше величество, в Афинах, эта свадьба никак, ну никак...

Петр. Да почему же?! Разве твоя первая супруга, царствие ей небесное, не была гречанкой? Да еще, говорят, из рода византийских императоров. Разве она не оставила вам свой язык, так что вы в домашнем обиходе изъясняетесь на греческом? Да неужели вы вместе с вашими домашними лекарями, которые у вас греки, вместе с учителями ваших детей, которые также греки, не осилите свадебную здравицу на греческом?!

Кантемир. Осилить-то мы осилим, да опять же без благословения на греческом...

Петр. А где Кондоиди? Он же не просто священник, он проповедник Константинопольского патриарха... По церковному ранжиру это будет поболее архиепископа...

Кондоиди. Бывший, ваше величество. Бывший священник, бывший проповедник... И потому, будучи лишенным сана...

Петр. Мы возвращаем тебе все. Благослови!

Кондоиди оказался на редкость благочестивым греком. Сначала долго молился перед иконами, потом тихо благословил государя, молодых и вдруг неожиданно мощно запел. Подпевали многие, но слышен был один его голос.

Петр. Изрядно. Соборно. Пробирает. Жаль только, язык глуховат, не так благозвучен, как латынь. А как бы звучала здравица, если бы эта же свадьба справлялась, скажем, в Константинополе?

Кантемир. Побойтесь Бога, государь! Каким чудом эта свадьба могла бы оказаться в Константинополе?!

Петр. А очень даже сподручно. Если бы нас тогда на Пруте не предали и мы потеснили бы турок за Дунай, а потом выкурили бы их из самой Европы, то, взяв Константинополь, почему бы не закатить там свадьбу? Изобрази и представь.

Кантемир. Там и представлять, ваше величество, особо нечего... Турецкие свадьбы не похожи на наши.

Петр. Что в них может быть особого? Не пьют, не едят, не е...т невест?

Кантемир. Турки веселящих душу напитков не употребляют.

Петр. Нисколько? Ни в каком виде?

Кантемир. Нисколько. Ни в каком виде.

Петр. Откуда же у них веселье на свадьбах пребывает? Отчего оно происходит?

Кантемир. От еды, от чубука, от кофе, от музыки, от танцев...

Петр. Турки танцуют?!

Кантемир. Очень даже.

Петр. Раздельно или совместно?

Кантемир. В основном женщины. Среди них встречаются несравненные танцовщицы.

Петр. Никогда не видел танцующую турчанку. А позабавь нас, князь! Покажи танцующую на свадьбе турчанку.

Кантемир. Ну мне сегодня как бы не с руки, ваше величество... Другой раз я с превеликим стараньем изображу все, что ваша светлость пожелает...

Петр. Другой раз будет другое веселье. А сегодня нам желательно посмотреть танцующую турчанку.

Кантемир. Я, конечно, смиренно повинуюсь, хотя...

Петр (*недовольно*). Хотя — что?

Кантемир. Ничего нет под рукой. Нет даже воздушного, прозрачного покрова, каким обычно турчанки обволакивают себя во время танца...

Петр (*подойдя, снимает с невесты фату, разворачивает, сворачивает, прикидывает так и этак*). По-моему, в самый раз... Накинь на себя и пляши...

Молдавский господарь стоял в глубокой растерянности. Слева — будущий тесть, генерал-фельдмаршал Трубецкой, и весь их род не спускал с него глаз, с правой стороны — царь-самодержец. Решалась судьба. И вдруг, в эту мучительную для него минуту, как из-под земли выросла дочь Кантемира, Мария, став между царем и отцом.

Мария. Простите нас великодушно, ваше величество, но мой отец не в состоянии сегодня представить должным образом танцующую турчанку...

Петр. Почему не в состоянии?

Мария. У него сегодня свадьба.

Петр. И... в чем препона?

Мария. Ему надлежит ввести в наш дом новую хозяйку, а это, согласитесь, труд нелегкий, не простой... Позвольте мне представить вашему величеству и нашим гостям танцующую турчанку...

Петр. Ты это умеешь?!

Мария. Умею.

Петр. Откуда у тебя такое знание?

Мария. Я родилась в Царьграде.

Петр. Ты слишком мало там прожила, для того чтобы уразуметь обычаи другого народа...

Мария. Может быть. Но увидела достаточно для того, чтобы развеселить свадебных гостей в русской столице...

Петр. Будет потешно?

Мария. Постараюсь.

Петр (*взяв фату из рук жениха, передает ее Марии*). А ты, князь, возьми тамбурин. Говорят, турки до сих пор помнят твою игру на этом струменте...

Принесли тамбурин. Мария изображала стыдливую, неловкую, целомудренную и очень смешную турчанку. Гости были в восторге.

Петр (*подойдя, обнял и расцеловал*). Чудо как хорошо! Но уж как молдаванки танцуют на свадьбах, ты не можешь не представить.

Молдавский танец был полон солнца, озорства и очарования.

Петр. Как она, однако, лихо пляшет! (*Марии.*) А давай вместе русскую спляшем!

Мария. Только при одном условии, ваше величество.

Кантемир. Ты осмеливаешься российскому государю, нашему защитнику и покровителю... условия?!

Петр. Князь, не мешай царю общаться со своими подданными. И какие же будут твои условия, детка?

Мария. Ботфорты.

Петр. Что — ботфорты?

Мария. Снимите их.

Кантемир. Что-о-о-о?!

Петр. Не мешай. Однако же почему я должен их снять?

Мария. Говорят, танцуя, вы часто наступаете дамам на ноги...

Петр. Ну бывает что и наступлю... Что за беда!

Мария. На ваших ботфортах немецкие подковы. Половина столичных дам уже прихрамывают при ходьбе...

Петр. Вздор! На моих ботфортах самые обыкновенные... (*Снимает, изучает, прикидывает.*) Катерина, наступал ли я когда тебе на ноги? Что молчишь? Подойди.

Екатерина. Затруднительно выйти из-за стола.

Петр. А ты все-таки выйди. (*После того как царица подошла.*) Кикин! Сними с царицы сапожки и сосчитай пальцы.

Денщик. Восемь пальцев на обеих ногах, сир.

Петр. Не может того быть. Мы с ней всего один раз и плясали. Пересчитай. Может, там что срослось вместе. Тоже бывает...

Кикин. Ничего не срослось, сир. Восемь пальцев, при том что некоторые из них...

Петр. Что?

Кикин. Разрозненны... смотрят как бы в разные стороны...

Екатерина. К государю это не имеет отношения.

Петр. А к кому это имеет отношение?

Екатерина. К моему отцу. В детстве я помогала ему пахать, вела лошадей, бегая по свежей вспашке, пальцы и разошлись...

Петр. Но те два пальца на мне?

Екатерина. На вас, государь.

Петр. Что же вы, дуры... Если бы не эта молдавская княжна, так и прохромали бы всю жизнь?! Хорошо, не будем портить князю свадьбу. Веселиться так веселиться. Но и ты, княжна, для удобства, сними.

Кантемир играл на тамбурине, вся свадьба, привстав, хлопала. Все летало, искрилось, пело, охваченное каким-то веселым безумием. В зените веселья государь разошелся до того, что, подхватив Марию, поднял и некоторое время продержал ее на одной руке.

Екатерина. Уронишь, Петр!

Петр (*опустив княжну*). Всем подняться на палубу и снять с себя обувь! Танцуют все! (*В зените всеобщего веселья.*) Швартовка! Убираем паруса. Салютуем молодым шампанским. Вся свадьба пьет. По большому кубку. И — до дна!!!

Кантемир. Ваше величество, невеста просит, если будет на то ваше всемилостивейшее соизволение.....

Петр. Нет. Большую чарку и до дна. Молода, здорова, ничего с ней не станется... (*Допивая свой кубок, царь приметил краем глаза молодого рисовальщика, который, примостившись в уголке, дорисовывал что-то, ухмыляясь.*) Ну-ко, ну-ко, представь мне свое упражнение... Надо же, как ловко, мерзавец, схватил...

Рисовальщик. Ваше величество, если мой труд приятен вашему царскому оку, осчастливьте, поставив на нем резолюцию...

Петр. Царские резолюции, друг мой, ныне дорого стоят... А цена твоему рисунку от силы десять рублей. Ты получишь свои десять рублей, а купленный у тебя рисунок я подарю княжне Кантемир за смелость и удаль...

Мария. Но — с вашей резолюцией, государь?

Петр. С непременной резолюцией, душа моя...

Мария. Боже, как я счастлива!..

Кикин (*вполголоса*). Художника тоже надо как-то отметить.

Петр. А непременно! Отправьте матросом на командорский фрегат — там его быстро обучат должному решпекту. Надо же, как он меня срисовал, шельма этакая...

Кантемир. Не обижайте художников, ваше величество... Я ведь и сам не безгрешен, и не дело, чтобы на моей свадьбе...

Петр. Да как их не обидишь, как их не обидишь, Думитрашку! Я двадцать лет строю новую столицу, новую Россию, воюю когда на юге, когда на севере, то мерзну на море, то задыхаюсь от жары, что ни день, с утра до ночи в трудах, и ни одного сукиного сына, который срисовал бы меня в сопряжении мышцы безмерном, а подсмотрели, стервы, как я, будучи на свадьбе, потехи ради пошел плясать босиком, — и тут же за карандаш... Ужо я тебе, мерзавцу!.. Отслужишь хорошо, в Италию пошлю учиться искусству... Но что за услада танцевать босиком!..

Кикин. Соблаговолите, государь, поставить сюда ножку...

Петр. Ножки бывают у детей. У взрослых это уже ноги. Что до моих... не надо, я сам... Катерина, труба зовет.

Толстой. Ваше величество... Подарки...

Петр. Разве они еще не были поднесены?!

Толстой. Они, конечно, были поднесены, но подарок от имени царя — добро в доме, а подарок, оглашенный самим царем, — это уже основа дома...

Петр. Наши подарки молодым суть. Невесте — золотое колье с бриллиантами, жениху — шпагу и загородный дом, пригожий для ученых упражнений...

Толстой (*вполголоса*). Родня со стороны невесты намекала, что будущему зятю фельдмаршала, может, согласно утвержденной табели о рангах, светлейшему князю было бы достойно какой-нибудь генеральский чин...

Петр. С чего это?!

Толстой. Все-таки, согласитесь, государь, для первой русской красавицы звание молдавского господаря как-то...

Петр. Мало?! Кантемир у нас не только молдавский правитель. Светлейший князь, член правящего Сената, первый в России ученый, избранный в Берлинскую академию... Им все это мало?!

Трубецкая (*выскочив из-за стола*). Премного вам благодарны, ваше величество... Мы этого не заслужили; приложим все усилия, чтобы быть достойными вашего отеческого попечения о нас...

Петр. То-то. Рожай охотно и помногу. Гуляй-погуливай, не без этого, но детей рожай только от мужа. Ежели девиц, то лицом и статью на себя похожи чтоб. Ежели мужеского пола, чтобы одни Кантемиры... Карету!

Кантемир. Ваше величество! Осчастливив, вы нас бросаете?!

Петр. На свадьбе должен царствовать один жених. Царям и так есть где царствовать, особенно русскому. Vivat!!!

Вся свадьба, встав, в один голос воспела Многая лета.

* * *

Гостиная в Петровском дворце. Холодное, мрачное, сырое утро. Горят поленья в камине. За окном — тревожный шум весеннего половодья. Екатерина, сидя у маленького столика, гладит болонку и долго, испытующе изучает Толстого, одиноко стоящего у порога. Войти и садиться не приглашает.

Екатерина. Вы, кажется, с плохими новостями?

Толстой. Городу грозит наводнение, ваше величество. Вторые сутки вода продолжает прибывать. Висим на волоске.

Екатерина. Продолжайте строить заградительные дамбы.

Толстой. С утра и до самой темноты трудимся. Дня не хватает. Напор нарастает. Вода вот-вот прорвется.

Екатерина. Если не хватает дня, прихватывайте ночами.

Толстой. Невозможно.

Екатерина. Почему?

Толстой. Больных зело много, и умирают беспрестанно.

Екатерина. Найдите здоровых для работы по ночам.

Толстой. Где оне?

Екатерина. Возьмите мою охрану. Две роты молодых, здоровых, крепких ребят.

Толстой. Не имеем права оставлять государыню без охраны.

Екатерина. Ничего со мной не случится. Оставьте двух-трех солдат на посту, остальные пусть трудятся на дамбах.

Толстой. Две роты мало что дадут.

Екатерина. Откройте тюрьмы. Преступники, небось, любят жизнь, уж они-то не дадут городу уйти под воду.

Толстой. Колодники в цепях много не наработают.

Екатерина. Снимите с них на время колодки.

Толстой. Опасно, ваше величество. Разбегутся, начнут, чего доброго, город грабить.

Екатерина. Уж лучше быть ограбленным, чем потонуть вместе со своим добром.

Толстой. Не поставить ли государя в известность о грозящем городу бедствии?

Екатерина. Что толку?! Пока весть найдет царя в море, мы или утонем, или спасемся.

Толстой. Что ж, получив высочайшую резолюцию, позвольте откланяться, ваше величество.

Екатерина. Минутку, Петр Андреевич. У меня к вам слово. Да вы проходите, садитесь.

Толстой. Премного благодарен. (*Глядя в окно.*) Прибывает, треклятая... Как бы не опоздать...

Екатерина. Утонуть вместе с государыней не всякому дано.

Толстой. Уж мы не дадим вам потонуть...

Екатерина. Открыто — нет... А исподтишка все норовите спихнуть меня в пучину...

Толстой. Побойтесь Бога, ваше величество...

Екатерина. Скажите, Петр Андреевич... Вы часто бываете в доме князя Кантемира?

Толстой. По мере надобности, ваше величество.

Екатерина. А без надобности?

Толстой. Случается, что и по зову сердца, поскольку мы со светлейшим князем давние приятели, еще со времен моего заточения в семибашенный замок. Тогда князь и мне, и всей России неоценимую услугу оказал...

Екатерина. Собираясь по зову сердца в доме князя, весело время проводите?

Толстой. Бывает, по-стариковски потешим себя воспоминаниями, чарочкой...

Екатерина. Ничего себе старички у нас потешаются... Отхватили первую красавицу России и ушли в воспоминания... У нее, говорят, уже был выкидыш?

Толстой. Светлейший князь, человек чрезвычайного достоинства, посторонних в свои семейные дела не посвящает...

Екатерина. Компании собираются изрядные?

Толстой. Когда как, но не очень.

Екатерина. Говорят, сам государь часто проводит вечера в доме Кантемиров?

Толстой. Всего несколько раз мы имели счастье лицезреть присутствие Петра Алексеевича.

Екатерина. Говорят, захаживает запросто, без свиты.

Толстой. Всяко бывает. Один раз даже привел соборный хор.

Екатерина. Соборный хор?! Для чего?

Толстой. Светлейший князь вывел математическую формулу, согласно которой должно бы петь церковным хорам. Петр Алексеевич пожелал проверить хипотезу ...

Екатерина. Подтвердилась?

Толстой. Кто?

Екатерина. Хипотеза.

Толстой. Не могу судить. Я плохо учил математику в свое время. Однако гудит-разрывается Нева... Позвольте мне, ваше величество, ради вашего же блага...

Екатерина. Не спеши. Мы еще не добрались до главного.

Толстой. Слушаюсь.

Екатерина. Говорят, Петр Алексеевич, навещая дом Кантемиров, иной раз заходит прямо на женскую половину?

Толстой. Мне об этом ничего не известно.

Екатерина. Если вам ничего не известно о том, о чем вся столица судачит, тогда какой вы к черту начальник тайной канцелярии?! Впору было бы поставить вопрос о вашем смещении...

Толстой (*встревоженный*). Ну, если по правде... Слухи о том, что княжна Мария будто бы забеременела, по городу ходили, но связано ли это с посещением государем кантемировского дворца, о том никому не дано...

Екатерина. Все знают. И вы это знаете. Я вам даже больше скажу, вы сами эту беременность и устроили...

Толстой (*опустившись на колени*). Ваше величество, прикажите принести любую икону вместе со Святым Писанием...

Екатерина. Пустое. При мне вы множество раз клялись на иконах, а клятвы были ложные...Однако я дам вам возможность один раз в жизни без клятвы дать слово и сдержать его.

Толстой. Горы переверну.

Екатерина. Горы не надо трогать. Пусть стоят, где стояли. Но при условии, что Мария не родит.

Толстой. Ваше величество, вы просите о невозможном! Уж лучше позовите стражу и прикажите меня обезглавить.

Екатерина. Какой мне резон казнить одного из самых способных и старательных помощников царя? Я против вас никогда не пойду, но это при условии, что Мария не родит!

Толстой. Ну а даже если это и произойдет, что случится?

Екатерина. Начнется смута. После заключения мира со шведами короновали одного Петра Алексеевича. Меня рядом не было, хотя я немало услуг оказала России. Все только и толкуют о том, что тому виной беременность княжны Кантемир. Мол, если родится сын, Петру не долго и переженить...

Толстой. Глупые бабьи сплетни, ваше величество...

Екатерина. Глупые-то они глупые, но заполонили всю Россию... А сплетни — это не вода в Неве, дамбами не укротишь...

Толстой. Сплетни — это словесный мусор, им не следует придавать чрезмерного значения.

Екатерина. Если сплетню не удавить в самом зародыше, она в конце концов начинает обрастать достоверными фактами. А думал ли ты, Петр Андреевич, о том, что я еще молода и в силе. Я еще и наследника рожу России, я еще и сама, возможно, буду править...

Толстой. Дай-то Бог.

Екатерина. Тебе бы надо поближе ко мне, Петр Андреевич. Тебе бы должно прислушиваться к каждому моему словечку...

Толстой. Затаив дыхание, ваше величество, внимаю...

Екатерина. Мария не должна родить!

Толстой. Ваше величество... Все, что угодно, только не это. Обо мне и так ходит слух, будто бы я заманил царевича Алексея из-за границы, вел допросы с пристрастием и учинил тот последний застенок, после которого царевич преставился. Думаете, легко мне, когда слышу, как по углам шепчутся и за глаза называют цареубийцей?

Екатерина. Это же правда.

Толстой. Но... но... почему вы мне это говорите в глаза?!

Екатерина. У лошадей, которые ходят в одной упряжке, секретов друг от друга нет. Я полагала, мы ходим вместе...

Толстой. Что до меня, пройду вместе с моей государыней до самого гроба, но я не могу второй раз лишать Россию...

Екатерина. Ах, так ты в самом деле полагаешь, что волошская наложница носит в себе наследника России? До того дело дошло?!

Толстой. Простите, ваше величество, я вовсе не это хотел сказать... Сорвалось с языка...

Екатерина. Вы прекрасный дипломат, Петр Андреевич! Вы никогда слова лишнего не молвите. Я часто думаю о ваших необыкновенных способностях... Помните, как вы с Петром Алексеевичем разрабатывали положение о графском достоинстве. По-моему, вы нарочно ездили в Рим, чтобы наши графья были в то же время признанными и графами Священной Римской империи...

Толстой. Было, ваше величество. Ездил. Пробил. А почему вы об этом вспомнили?

Екатерина. Я долго не могла забыть вашего лица, когда вы об этом докладывали царю.

Толстой. Что же в моем лице было такого особого?

Екатерина. Оно горело, оно пылало, оно светилось мечтой о графском достоинстве...

Толстой. Любая жизнь, ваше величество, освещена мечтой. Моя — не исключение.

Екатерина. Вы получите титул графа Священной Римской империи, но при условии, что Мария Кантемир не родит.

Толстой (*после долгой паузы*). Не губите, ваше величество...

Екатерина. Наоборот, спасаю. И не столько вас, сколько весь ваш род.

Толстой. При чем тут мой род?!

Екатерина. При том, что существуют роды нисходящие и роды восходящие. В России многие роды при всей знатности и неисчислимом богатстве угасают. А род Толстых на взлете, он только-только набирает силу...

Толстой. Боюсь, ваше величество, что вы по доброте своей преувеличиваете...

Екатерина. Не лукавь, Петр Андреевич... Хоть и в преклонных годах, ты семя куда попало не сливаешь, все несешь в дом, заставляя своих баб что ни год рожать... Уж ты их наплодил, уж ты их наплодил, и все тебе мало...

Толстой. Души дает Господь.

Екатерина. Бог души не даст, пока муж не полезет... А думал ли ты, что оставишь им в наследство? Твои имения им вряд ли достанутся. Богатства в России — та же вода в Неве, недели две прибывает, потом целый год одна убыль... То ли дело — титулы. Ну а уж графское достоинство — это навсегда, для всех, сколько бы их там ни было...

Толстой. Но как? Как? Как?

Екатерина. Вы, по слухам, в хороших отношениях с домашним врачом семьи Кантемиров...

Толстой. Паликула никогда на это не пойдет.

Екатерина. Конечно, за пятьсот рублей ни за что не согласится. Но за тысячу любой грек пойдет на все.

Толстой. Ваше величество, я много грешил в своей жизни, но княжна Мария моя крестная. Я ее принимал от купели...

Екатерина. А Россия вам кто?

Толстой. Россия — это Отечество.

Екатерина. То-то. Не путайте купель с Отечеством. Ступайте. Выпустив преступников, последите, чтобы самые отъявленные...

Толстой. Самые отъявленные уже там.

Екатерина. Тем лучше. Удачи вам, Петр Андреевич, и постоянно сообщайте мне уровень воды в реке... Меншиков как-то обособливо ведет дела, редко когда что дельное сообщит...

Толстой поднялся с кресла, поклонился, направился к выходу.

Екатерина. Петр Андреевич! Не ставьте нас в затруднительное положение.

Толстой. Не понял, ваше величество...

Екатерина. Бывая за границей, вы разве не видели, как ходят графья Римской империи?! Что вы плететесь, как старая кляча! Иностранные послы будут иронии производить на наш счет, говоря: перед самой могилой присваивают титулы...

Толстой. Ваше величество, я ничем еще не заслужил, мне ничего еще не присвоено...

Екатерина. Ничего. Заслужишь. И присвоим. Слово царя. Ну же, старый хрен, ну же!!!

Из последних сил выпрямляя свой старческий позвоночник, восьмидесятилетний Толстой покидает дворец.

* * *

Массивный, мрачный каземат Петропавловской крепости. Гремят засовы, открывается дверь, неведомая сила впихивает внутрь доктора Паликулу, после чего дверь захлопывается. Растерянный грек пытается уразуметь, что к чему. Ни иконы, ни стола, ни стула. Откуда-то из-за толстых стен, то ли сверху, то ли из подвалов, доносятся звон кандалов, стон, вопль и душераздирающее «пощади!!»

Крик страждущего подействовал на старика, как труба на боевого коня. Похлопал себя по карманам, развязал дорожный мешочек.

Паликула. Надо же, опять ничего из нужного не прихватил с собой... Но доктор, даже если ничего из нужного нет под рукой, он все равно доктор...

Бросается к дверям, двери заперты. Дергает за ручку, стучит кулаками, стучит ногами. Никого. А вопли не утихают.

Паликула (*философски*). Теперь, скажите мне, будьте так любезны... Можно ли доктору-греку исполнять свой долг в России?!

Неожиданно дверь открывается, входит Толстой, за ним уныло плетется мастеровой.

Паликула. Петр Андреевич! Сам Господь направил вас мне во спасение...

Толстой. Одну минутку... Я пока занят... (*Мастеровому.*) Нет-нет, это не та лейка, которую я тебе заказал...

Гросмайстер. Либер хер Петр! Ваша рука держаль не просто тристерлейка, ваша рука ест кунстристерлейка...

Толстой. Мы не в музее, а в Петропавловской крепости, и не в Гамбурге, а в Санкт-Петербурге... Мне не красота, мне суть нужна.

Гросмайстер. Что есть в этот дела суть?

Толстой. Во-первых, она должна быть меньше. Не грядки будем поливать.

Гросмайстер. А поливать будет что?

Толстой. Это уж не твое дело. Для тебя главное принять мой заказ и исполнить его наилучшим образом.

Гросмайстер. Я есть внимание.

Толстой. Горлышко сделай поуже — серебро опять подскочило в цене. И ручку переделай. Что это за ручка?

Гросмайстер. Бронза. Чистый бронза.

Толстой. При чем тут бронза? Я сказал, чтобы ручка была костяная, чтобы приятно было пальцам при касании... Пошел! Через два часа покажешь готовую лейку. Теперь с вами, что у вас... Ба, кого я вижу! Мой старый и верный друг Паликула! Какими судьбами?!

Паликула. Конники при обнаженных мечах...

Толстой. Судьбы при мечах!! Где такое можно увидеть?

Паликула. На Невском. Я направлялся в Синод с рукописью светлейшего князя. Меня схватили, как преступника, и впихнули в эту дверь... Вы назвали меня только что своим другом. Если я действительно ваш друг, скажите, можно ли так хватать человека и втискивать его куда попало?

Толстой. А почему нельзя?

Паликула. Нельзя, потому что мы цивилизованные люди. Живем ли мы в Афинах, в Риме или Гамбурге...

Толстой. Друг мой! Докторов, когда в них крайняя нужда, хватают и ведут туда, где они нужны. Так повсюду, так и в России.

Паликула. Хорошо. Допустим. Когда доктор нужен, его везут, по доброй ли воле или силой. Хорошо. Привезли. Вокруг одни страдания, а меня заперли, я не могу исполнить свой долг. Скажите, можно ли доктору-греку...

Толстой. Погоди, давайте по порядку. Кто страдает, где?

Паликула. Кругом одни страдания. Вопли идут и справа, и слева, и сверху и снизу... Тихо. Слушаем. (*Мертвая тишина.*) Очень странно. Меня только что звали, умоляли, вопили «пощади!!!»

Толстой. Ах, вот ты о чем! Не обращай внимания на вопли этого подлого народа. Не они нуждаются сегодня в вашей помощи.

Паликула. А кто?

Толстой. Россия.

Паликула. Но... Россия есть великая держава, а я есть скромный лекарь с маленького греческого острова...

Толстой. И вот, представь себе, великая северная страна сегодня, как никогда, нуждается в помощи доктора с маленького острова... Крит, если не ошибаюсь...

Паликула. Боюсь, я плохо еще освоил русский язык и не совсем понимаю...

Толстой. Не разглядывай стены. Там ничего интересного.

Паликула. Какие-то подозрительные пятна... Хорошо. Не буду. Начнем по порядку. Жалобы.

Толстой. То есть как — жалобы?! Чьи жалобы?!

Паликула. Позвав доктора, выкладывают свою боль. Что происходит с этой... как ее...

Толстой. С Россией?

Паликула. Вы сказали.

Толстой. Если бы мы знали, что с Россией происходит!.. Если бы мы только это знали!..

Паликула. Упростим вопрос. Какие имеем жалобы?

Толстой. Маята.

Паликула. Еще раз простите... Что есть маята?..

Толстой. Ну как тебе объяснить, друг ты мой... Вот мается наша матушка Россия, мается, и все тут. Ты хочешь знать, что это такое? Вот, к примеру, собираемся в храм на исповедь, а попадаем в плохую компанию и напиваемся до чертиков... Дальше — больше. Сеем рожь — вырастает чечевица. Выигрываем войну за войной, а победы нет как нет.

Паликула. Длинные жалобы доктора не слушают. Надо коротко. Одно слово.

Толстой. Хорошо. Скажу коротко. Престолонаследие. Вот главная причина маяты нашей матушки России.

Паликула. И... давно?

Толстой. Что?

Паликула. Давно такое страдание?

Толстой. О! С незапамятных времен. Российская история есть история бесконечных недоразумений, противостояний, свержений и вознесений, часто отмеченных кровопролитием... И все по одной и той же причине — престолонаследие...

Паликула. Оставим прошлое. Оно неизлечимо.

Толстой. Хорошо. Оставим прошлое, займемся нашим делами. Великий Петр начинает громадные переустройства, чтобы вывести Россию из седой дремучести и усадить за один стол со всеми народами мира. Конечно, раскол, бунты, недовольства... Россия поделилась на два лагеря — кто за реформы, кто против. К величайшему нашему удивлению, царевич Алексей примкнул к противникам реформ. Отец призвал сына к ответу. Сын убегает за границу. Россию лихорадит — вернется ли царевич, не вернется? Вернулся. Россию опять лихорадит — как поступит Петр Великий со своим сыном? Неужели прикажет казнить без суда? Судили. Царевич погиб в заточении — Россия опять в движении: как, при каких обстоятельствах, у кого поднялась рука?!

Паликула. Но это есть тоже как бы история...

Толстой. Это предыстория. А теперь о главной нашей боли. Все знают, что царь Петр Алексеевич часто проводит вечера в доме светлейшего князя Кантемира. Княжна Мария забеременела. Петербург залихорадило. Если княжна родит мальчика, Петр Великий тут же упечет свою Екатерину, мастерицу рожать девочек, в монастырь, а Марию введет во дворец. А если и Мария родит девочку, как сложатся дальше судьбы России? Волнениям ни края, ни конца.

Паликула. Так. И чем грек с острова Крит может помочь?

Толстой. Избавь Россию от лишних волнений.

Паликула. Я... я... не понимаю...

Толстой. Прекрасно ты все понимаешь...

Паликула. Вы допускаете мысль что я... могу пойти на это?..

Толстой. Не надо древнегреческих трагедий... В России они никого не трогают. Надо просто смотреть на вещи...

Паликула. Просто смотреть — на что? На уничтожение зародыша?!

Толстой. Между нами, мужами говоря... Если бы рожали все бабы, с которыми мы утешаемся, некуда было бы ногой ступить от множества людского...

Паликула. Но не все сразу же и беременеют...

Толстой. Конечно, нет. Но даже если допустить что разродятся те, что уже забеременели, нечем было бы прокормить род людской. Каждой бабе, каждой семье приходится прикидывать, что да как... Россия — тоже семья. Великая семья. У нее трудности. И Россия говорит тебе: помоги. Тысяча рублей на дороге не валяется...

Паликула. О какой тысяче рублей идет речь? Я... не понимаю...

Толстой. Сейчас самое время приобрести недвижимость... Земля подешевела, за тысячу рублей можно деревеньку небольшую...

Паликула. Зачем называть цену, если не оговорена услуга?

Толстой. Как — не оговорена!

Паликула. Вы хотите, чтобы я ответил неблагодарностью дому, под крышей которого живу и хлеб которого ем?!

Толстой. Оставим князя Кантемира в покое. Он не только твой друг. Он и мой близкий друг. Не о нем речь.

Паликула. А о ком?

Толстой. О России. Ее нужно спасать. Воюем на два фронта — и с шведами, и с турками. Нам каждый человек, каждая мышца нужна, мы не можем себе позволить пустые, дурацкие волнения... Особенно в новой, строящейся столице. Это брожение, эту смуту надо погасить. И ты можешь это сделать.

Паликула. Как?

Толстой. Не знаешь как? Нужен выкидыш. И срочно. Мария, говорят, чуть ли не на шестом месяце...

Паликула. Посмотри на мои руки, Петр Андреевич.

Толстой. Ну, смотрю. И что?

Паликула. Эти руки приняли Марию, когда она на свет появилась, и они не смогут... Никогда в жизни, ни за какие блага...

Из подвалов опять стали доноситься душераздирающие вопли.

Паликула. Позвольте мне, Петр Андреевич, пройти к этим несчастным...

Толстой. Им уже не поможешь. Уши и носы обратно не пришиваются...

Паликула. Вы хотите сказать... Вы хотите сказать, что им отрезывают уши и носы?!

Толстой. А ты думал, у нас тут, в Петропавловской, что-то вроде цирюльни? Стрижка, бритье, теплые компрессы? Нет, друг мой, этим мы не пробавляемся...

Паликула. Но... это же варварство! Уши и носы... Почему?!

Толстой. Воруют.

Паликула. Ну случается в жизни, человек по бедности, по слабости ли своей... что-нибудь там прихватит...

Толстой. Что-нибудь, друг мой, в России не крадут. В России крадут всё.

Паликула. Как — всё?

Толстой. Всё, что можно украсть.

Паликула. Но... всё... не унесешь?

Толстой. То, что невозможно унести, уничтожают. Это самая большая наша беда. С этим государь бьется день и ночь. Самолично режет уши и носы. Вон их сколько обкорнатых ходят по России... Но, если тебе кажется, что одна тысяча мало, — поторгуемся...

Паликула (*после долгого раздумья*). Паспорт.

Толстой. Как — паспорт?

Паликула. Иностранный паспорт, так чтобы я смог спокойно покинуть Россию.

Толстой. Ну что вы все за иностранные паспорта хватаетесь?!. Светлейший князь Кантемир уже раза два обращался к государю с просьбой выдать ему иностранный паспорт... Ты — туда же...

Паликула. Государь, сколько нам известно, не удостоил князя ответом.

Толстой. Не ответил, потому что если Порта гоняется за Кантемиром, назначили мешок золота за его голову, сам подумай, где он может быть в большей безопасности? А если ты тоже печешься о своей безопасности, я могу предоставить тебе такую крышу, где тебя никто и никогда не достанет.

Паликула. Что, где, какая крыша?!

Толстой. Петр Алексеевич как-то справлялся: в самом ли деле Паликула такой толковый лекарь, как о том толкуют? При случае я расскажу царю, как ты меня прямо с того света достал...

Паликула. Я вас лечил? Когда? Где? От чего?

Толстой. Ты этого не помнишь, да и неудивительно — доктора плохо помнят своих больных, их у вас великое множество, а вот мы своих спасителей помним...

Входит Гросмайстер.

Гросмайстер. Либер хер Петр... Хороший лейка не пойдет.

Толстой. Почему это она не пойдет?

Гросмайстер. Я есть Гамбурге гросмайстер?

Толстой. Знаю. Плохих не держим.

Гросмайстер. Хер Петр... Гросмайстер не делаль лейка, пока не знает все-все-все про тот лейка...

Толстой. Чего ты еще не знаешь?

Гросмайстер. Ви сказаль... там помещай серебро?

Толстой. Так. Серебро.

Гросмайстер. Как можно помещает лейка серебро?!

Толстой. Сначала серебро расплавим, потом нальем...

Громайстер. Где серебро? Кто его плавит? Просьба приходиль показывает громайстеру...

Толстой. Сейчас приду. (*После ухода мастера.*) Мука с этими немцами. Все им до точки растолкуй... Ну так на чем мы с тобой, друг мой, остановились?

Паликула. Петр Андреевич, греки тоже хотели бы знать, зачем понадобилась лейка с расплавленным серебром?

Толстой. Сегодня вместе с Петром Алексеевичем будем заливать.

Паликула. Заливать — что?

Толстой. Как — что? Глотки.

Паликула. Живому человеку... расплавленное серебро в глотку?

Толстой. А что делать! Ненасытность. Ненасытность — вот наше главное проклятие... Прости, мне нужно выдать этому немцу серебро, пускай сам расплавит, а то можем не успеть...

Паликула. Вы меня оставляете... и уходите?!

Толстой. Служба. Дела. Ты уж прости. Тебя отвезут прямо до дверей Синода. Твоя тысяча рублей уже отложена.

Паликула. Но... мы ни о чем еще не договорились!

Толстой. Как не договорились? Само твое вступление в торг...

Паликула. Видит Бог, я с вами не торговался....

Толстой. Как не торговался? А кто запросил иностранный паспорт вдобавок к той тысяче пятистам?

Паликула. Вы сказали, к той... тысяче... и еще... пятистам?!

Толстой. Тысяча живыми деньгами, и еще пятьсот соболями...

Паликула. Ну а паспорт?

Толстой. Я его заменил на протекцию. Моя протекция стоит тысячи паспортов.

Паликула. А гарантия? Возможна ли какая-нибудь... гарантия?

Толстой. Никакой гарантии, кроме моего слова. Да и то условно.

Паликула. Как условно? Почему — условно?

Толстой. Условно, ибо то, что говорится в Петропавловской крепости, тут и умирает. Надеюсь, ты это понимаешь?

Паликула. Понимаю.

Толстой. То-то. Засучив рукава, берись за дело, помня, что, когда в России о чем-нибудь просят, — это не обязательно просьба...

Паликула. А может быть еще и что?

Толстой. Может быть все, что угодно. Прощай.

Едва вышел, из-за стен возобновились душераздирающие вопли.

Паликула (*оставшись один, после долгого раздумья*). Ну и в таком случае скажите, как бедному греку прожить в России?!

* * *

Дом рыбака в Астрахани. Глубокая ночь. Море бушует, бунт развороченных громад сотрясает все и вся. Звенит стекло в окнах, поскрипывают двери, громыхает крыша. Босоногая служанка зажигает лампаду перед образами.

Смаранда. Пресвятая Богородица! Спаси и помилуй!

Мария лежит на низкой постели, укутанная пледами. Паликула хлопочет вокруг больной.

Паликула. Надо выпить. Причем все, до капли.

Мария. Не могу. Весь вечер рвало от этой зеленной настойки.

Паликула. Рвало не от настойки.

Мария. А от чего?

Паликула. Укачало. Женщины плохо переносят водный путь. Три дня плыли по Волге, а тут поселили на самой кромке берега...

Мария. Но все-таки берег — это суша, а тошнота не отпускает.

Паликула. Мы-то на суше, да море рядом штормит, и все живое, в том числе и ребенок, которого вы в себе носите, волнуется... Эта настойка, хоть и противна на вкус, должна принести вам и ребенку успокоение... Постарайтесь допить по маленькому глоточку...

Мария. Постараюсь.

Смаранда (*после того как доктор ушел, про себя*). Сколько на свете замечательных, вкусных, полезных трав, но настойки надо умеючи готовить!..

Мария. Не оговаривай доктора. Он очень хороший, очень знающий... Сколько он с покойной матушкой провозился, бедной моей сестре помогал покинуть этот грешный мир... О Господи, все нутро разрывает...

Смаранда. Сейчас я вам ножки укрою. У нас в Кукуецах говорят: пока ножки не согреешь, домой не вернешься... Господи, что же это такое! Полыхает огнем, а трясется от холода, в жизни о таком не слышала!.. А может, и в самом деле ветер с моря нагоняет хворь? Слышите, какой там ужас! Страшно за порог переступить. Такие волны, как дома в Москве. Свалится такая громадина на тебя — и всё, ни тебе исповеди, ни свечки... (*Тихо.*) Слышала я, как наша хозяйка советовалась с учителем. Спрашивала, что теперь будет? Говорят, потонули наши корабли в море, войско вместе с царем возвращается без поражения, но и без победы... А я вот не волнуюсь, я знаю, что все утрясется, как только светлейший вернется... Вот попомните мои слова: как только войдет в дом, море утихнет, небо прояснится, моя голубушка тут же выздоровеет... Жаль, не прихватили шубу князя из Москвы. Уж как бы она нам тут пригодилась, уж как бы я укрыла голубушку мою!..

Мария. Не надо шубы. Лучше расскажи про Кукуецы.

Смаранда. Кукуецы, родные мои Кукуецы, они снятся мне каждую ночь... Что бы вы хотели, чтобы я вам о них рассказала?

Мария. Расскажи мне о тепле. Бывает ли там тепло, так чтобы очень тепло было...

Смаранда. Свети Боже, летом там не то что тепло, летом жара стоит несусветная...

Мария. Какая стоит жара в Кукуецах? Расскажи.

Смаранда. Господи ты Боже мой! В Кукуецах особенно жарко в начале лета.

Мария. Разве не в августе, не в средине лета наступает самое жаркое время?!

Смаранда. Конечно, в августе еще жарче, но мы к жаре уже привыкши, не так страшно. Но первая жара в начале лета — слов нет! Особенно в полдень. Боже, что там творится! Пусто в поле, пусто в лесу, пусто в селе, точно все вымерли от жары. Деревья стоят не шелохнувшись, дома заперты, дороги пусты, овечки, сбившись в кучку, прячут головы в тени друг друга. Собаки больше на прохожих не кидаются, лежат, растянувшись в тени. Ни ветерка, ни муравья на тропинке, ни птички в небе, прямо конец света!

Мария. Но ее самой не видать?

Смаранда. Кого не видать?

Мария. Жары.

Смаранда. Как не видать! Если всмотреться, видно, как зной течет по крышам, по стенам белых домиков, по соломенным шляпам мужиков... И тихо, такая стоит тишина, что слышно, как падают с дерева вишни, которые не успели еще собрать...

Мария. Разве вишни там такие крупные, что слышно, как они падают с дерева?!

Смаранда. Ну, не такие крупные, как сливы, но слышно, как падают, сама слышала, и не раз!.. Боже, полотенце на головке опять пересохло... Доктор!..

Паликула. Ну что тут у вас?.. Так и не допила?

Мария. Допиваю. Немного осталось.

Паликула. Как немного! Полчашки.

Мария. Полчашки осталось, но две полные я все-таки выпила. Дайте дух перевести...

Паликула. Если большой перерыв, действие ослабевает...

Мария. Я по глоточку.

Паликула. Лучше сразу.

Мария. Хорошо. Постараюсь.

Смаранда (*после того как опять остались вдвоем, тихо*). А давайте откроем окно и выбросим в море эту гадость?

Мария. Ты не сможешь. Ветер так давит в окна, что, как только снимешь крючки, разнесет створки. Остудим дом, разбудим всех... Я постараюсь, по глоточку...

Смаранда. А хотите, я вместо вас выпью?

Мария. Это уж совсем ни к чему. Ты лучше еще про Кукуецы...

Смаранда. Что вам еще рассказать, моя голубушка?

Мария. Проходит какое-то время, начинает спадать жара. Как она спадает?

Смаранда. А этого никто не знает, никто не видит. Вот, только что было жарко-жарко-жарко — и вдруг точно ангел Господний пролетел... Подул нежный, как дыхание младенца, ветерок, ожила листва на деревьях, качнулись посевы, по пруду прошла зыбь, птички хлопочут возле своих гнезд, раскаленные в полдень дали начинают опять наливаться

синевой, и почему-то именно тогда в душе рождаются такие хорошие, такие добрые, округлые слова и так хочется с кем-нибудь поделиться, подарить их кому-нибудь, так хочется ласки, доброты, что бросаешь все и идешь куда глаза глядят, лишь бы найти родную душу...

Мария. И часто так бывает, что бросаешь все и идешь искать родную душу?

Смаранда. Часто. Очень часто. По правде говоря, люди в Кукуецах только и делают, что ищут родную душу.

Мария. Находят?

Смаранда. Кто повезучее, посчастливее, находят, но не говорят, что, где и как... Потому у нас и принято что, встречаясь друг с другом, здороваются и тут же справляются: куда идешь? Опять пересохло полотенце на голове, горит свечкой моя княжна. Пресвятая Богородица, спаси и помилуй... Доктор!

Паликула (*возвращаясь*). Надо же, какую говорливую сороку прислала вам ваша бабушка из Молдавии... Что случилось?

Смаранда. Мою голубушку лихорадит!.. Она горит вся!..

Паликула. Это потому что не допила.

Мария. Немного осталось. Пожалуйста, не торопите. Допиваю по глоточку, как только тошнота отпускает...

Паликула. Если накатывает рвота, не удерживайте... Посуда рядом...

Мария. Спасибо. (*После его ухода.*) Поговори еще со мной, Смарандица. Расскажи еще про Кукуецы.

Смаранда. А пожалуйста, я с дорогой душой. Что еще вам рассказать?

Мария. Был полдень, потом жара спала, опустился вечер, зашло солнце, наступила ночь... Какие там у вас ночи?

Смаранда. Господи, да я и слов таких не найду, чтобы рассказать моей голубушке про кукуецкие ночи!..

Мария. А ты постарайся. Поищи их ради меня.

Смаранда. А и поищу! Ну так вот. Укатило солнце за холмом, угасла заря, над селом опускается ночь... Если кто припоздал в дороге или во дворе, переговариваются тихо-тихо, чтобы не беспокоить отдыхающих, ибо день был тяжелый, длинный-предлинный, жаркий-прежаркий... Засыпаем, засыпаем, засыпаем... Пахнет мамалыгой и сбежавшим на горячую плиту молоком. Вздыхают во дворах коровки, пережевывая травку, под образами лампады погасли, остыла печка во дворе, на которой готовили ужин, просохла цепь у колодца, небо поднялось высоко, звезды крупные, а луна никак, никак, ну никак не взойдет! Натруженные семьи лежат под одним общим одеялом, засыпают, засыпают, засыпают...

Мария. Они что, еще не уснули?!

Смаранда. Еще нет.

Мария. А почему они у вас так долго засыпают?

Смаранда. Ждут, когда взойдет луна.

Мария. Надо же! А для чего им луна?

Смаранда (*тихо*). Чтобы... чтобы видно было, куда направить свой путь...

Мария. Какой путь, они же легли спать?!

Смаранда. Они-то спать легли, но, пока они лежат, по селу, по полям, по лесам ходит Дорул...

Мария. Кто такой Дорул? Отец часто его поминает, но все никак не соберется объяснить, кто это такой...

Смаранда. А это очень просто. Сейчас я вам все объясню. Дорул! Ну, как бы вам получше объяснить... Жить на свете тяжело?

Мария. Тяжело.

Смаранда. Так. Жить на свете тяжело. И никогда ничего не получится по-твоему. И никогда ты не встретишь ту любовь, о которой мечтаешь, и не будет у тебя той единственной радости и не суждено будет тебе найти те пути-дорожки, которые бы вывели тебя далеко-далеко...

Мария. Ну?.. Ну?

Смаранда. Ну и вот, лежишь ты под драным одеялом, лежишь, а жизнь так коротка, а радостей так мало... Что делать? А очень просто. На то Дорул и существует. Как только луна заглянет в окошко, твоя любовь, твои желания, твои мечты отправляются в путь-дорожку... Это и есть Дорул. И уж непременно встретишь ту или того, по ком тосковал... и возрадуешься той единственной на всю жизнь радостью... и по тем таинственным тропкам пойдешь далеко, за горизонт, так что и ты тот мир увидишь, и те, что далеко, увидят тебя... Об этом Дорул у нас в Кукуецах сложено великое множество песен... Хотите, я спою вам одну? (*Тихо.*) Слава Богу, моя голубушка, кажется, уснула. Сейчас я ей ножки теплее укутаю... (*Вопит в ужасе на весь дом.*) Вы что с моей княжной сделали, Ироды проклятые, она вся в крови!!!... Господи, Пресвятая Богородица, не покидай нас...

Паликула (*прибежав с теплым тазом воды*). Отойди от постели. Быстро разбуди хозяйку.

Смаранда. У нее болит голова, она наказала не беспокоить.

Паликула (*орет*). А я тебе говорю — разбуди хозяйку и всех в доме подними на ноги! Да не туда, куда ты пошла!

Но девушка упорна шла в другую сторону. Едва прикоснулась к дверям, ведущим на море, буря сорвала и двери, и окна. Звон разбитого стекла, соленое дыхание бунтующего моря. Погасли свечи, лампада, в доме стало темно.

Кондоиди (*прибежав*).Что случилось, Паликула?

Паликула. Беда. Помогите. Закройте быстро окна и двери... Зажгите все свечи, какие есть... Задвиньте ширму у постели больной и отгоните эту деревенскую дуру.

Мария (*слабым голосом*). Не отгоняйте. Пусть остается.

Паликула. Хорошо. Но сиди тут, по эту сторону ширмы...

Смаранда. Я буду тихо сидеть, но... можно мне еще немножко поговорить с моей княжной?

Паликула. Сиди молча. Не надо ее тревожить.

Смаранда. А я и не буду ее тревожить... Я тихо буду рассказывать про свое родное село Кукуецы. Кто хочет — слушает, кто не хочет — не слушает.

Мария (*из-за ширмы*). Расскажи.

Смаранда. О чем мне вам еще рассказать, моя голубушка?

Мария. Был у нас с тобой полдень, потом была ночь. После ночи должно бы наступить утро...

Смаранда. Утро в Кукуецах — Свети Боже, какое это чудо!.. Сейчас я вам расскажу. Рассвет стелется над холмами, над долинами, над селами, как прекрасный, невиданной красоты божественный покров... Ночью выпала обильная роса. Все улыбается и дышит полной грудью. В садах листва мокрая, пыль на дорогах притушена ночной влагой, трава в долинах, на склонах гор, под самым лесом седая от росы. На каждой травинке висит царское ожерелье капель, травинка бедная согнулась почти до самой земли, качается, качается, вот-вот рухнет, но уступить красоту не может, потому что кто знает, когда еще выпадет на ее долю такое счастье...

Паликула. Хватит. Помолчи. У нее обморок.

Смаранда. У меня кусочек небольшой остался. Уж я доскажу. У нас, в Кукуецах, есть даже песня об этой утренней росе. Хотите, я вам ее тихонечко спою? (*Поет.*)

Диминяца роуа-й маре,
Хай лелицэ хай!
Ши те удэ ла пичоаре,
Хай лелицэ хай...
А по утрам луга с росою,
По нею мы пройдем.
Промочишь ножки ты со мною,
Но будем мы вдвоем...

Паликула. Замолчи, дура!!!

Дарья КОСТЕНКО

МАРТОВСКИЕ ДНЕВНИКИ

27.03.2006

Лишение свободы журналистов

Обстоятельства: 27 марта в Минске судили также Дарью Костенко — свободную журналистку, внештатного автора журнала «Асвета и адукацыя». Она также была задержана с 23 на 24 марта; осуждена на 10 суток.

Приговор: Нет данных.

Из Интернета[1]

От редакции

Живую реакцию в Интернете вызвал замечательный дневник минской свободной журналистки Дарьи Костенко, впервые опубликованный в Livejournal.com (http://bullochka.livejournal.com/186406.html). Автор — непосредственная свидетельница и активная участница событий на Октябрьской площади в Минске в конце марта этого года, в дни президентских выборов в Белоруссии. Событий, которые иногда называют Белорусским Майданом. Страницы дневника (написанного по-русски) были переведены на английский, литовский, украинский языки. Редакция «Континента» старается дать читателю важную и значимую информацию, которую он не может почерпнуть из других источников, поэтому у нас не было сомнений в целесообразности публикации этих дневников. Мы связались с Дарьей Костенко и получили от нее авторскую версию текста.

От автора

Когда-то в школьные годы у меня была такая мечта — написать книжку и стать знаменитой. Я хотела написать волшебную сказку. Волшебную — такую, чтобы люди, прочитав ее, становились хоть немного лучше. Немного жесткую, немного печальную — но обязательно с хорошим концом! И пусть

[1] *http://www.arrests.cjes.ru/?id=298*

Дарья КОСТЕНКО — родилась в 1981 году. После окончания школы год работала учителем в сельской школе, затем поступила на факультет журналистики БГУ (дипломная работа была посвящена средствам манипуляции в государственных и оппозиционных СМИ). После окончания работает в научно-методическом журнале «Адукацыя і выхаванне» редактором. Живет в Минске.

бы там обязательно были смелые, хорошие герои, которыми можно восхищаться. И пусть бы у человека, закрывшего последнюю страницу, становилось светло и ясно на душе.

Но жизнь все расставила по-своему. Одни свои сказки я не сумела дописать, другие — не успела. Жизнь вдруг стала нешуточно серьезной и огромной. НАСТОЯЩЕЙ. И в этой серьезности сомкнулась с самыми лучшими сказками.

...Ты поймешь, что узнал, отличил, отыскал
По оскалу забрал — это смерти оскал —
Ложь и зло — погляди, как их лица грубы!
И всегда позади воронье и гробы.

И нам осталось только расти вдогонку этой огромности и настоящести. Казалось, они не для наших плеч. Ан нет — не боги горшки обжигают...

Мы не интересовались политикой до той поры, пока она вплотную не заинтересовалась нами — нами и нашими близкими, друзьями, коллегами. Пока в Беларуси 2006 года не запахло Советским Союзом 1937-го.

Эта книга изначально вообще не задумывалась как нечто публичное. Это были дневники, которые написались потому, что не писать уже было невозможно. Как вдох и выдох — иначе задохнешься. Это была попытка осмыслить то, что происходило холодной весной 2006-го со мной и с моей страной.

Здесь много эмоций, много личного и, может даже, лишнего. Возможно, здесь мало объективности. Не претендую. Но я не хочу ничего править — пусть дневники останутся подлинным снимком эпохи, мгновенным снимком, схватившим наши мысли и чувства. Только в этом качестве они представляют собой ценность.

Эта книга — на мой взгляд — о главном, необходимом для нашего народа — и не только на теперешний момент. О преодолении страха. О том, как и почему все-таки приходят на площадь «в тот, решающий час». О том, как маленький человек принимает большое Решение и что бывает потом.

Вот так странно сбываются наши мечты. И все же есть в этом что-то от волшебной сказки. Те четверо суток на площади были нашей сказкой. Там я увидела столько чистых, самоотверженных, искренних, славных людей, сколько не видела за предыдущие два года жизни. Там я избавилась от страха.

Эта книга не о ненависти, а о любви. Она посвящается всем, кого объединил *Март-2006*. И тем, кто сутками стоял на морозе в живом кольце. И тем, кто прорывался сквозь заслоны спецназовцев и сотрудников КГБ, пытаясь пронести нам самую страшную «контрабанду» марта — горячее питье, теплые вещи, палатки. Тем, кто за термос чая получал десять суток, а за палатку был избит до полусмерти. Кто распространял эти дневники в Интернете, носил в распечатках по вузам, кидал в почтовые ящики. Кто 25 марта шел с цветами на щиты спецназа на проспекте Дзержинского — и пытался пробиться на Октябрьскую площадь. Кто осаждал наши тюрьмы и суды, встречал нас ночью с суток.

И еще в отдельности одному человеку, чье имя стало молитвой, которая помогла мне выстоять.

Я люблю вас всех! Мы вместе. И мы обязательно победим!

03.03.06

Возможно, когда-нибудь нас будут убеждать, что все было не так... Память тоже можно стирать и переписывать, как и книги, газеты и документы. Черновик...

Может быть, эти файлы помогут тогда мне или кому-нибудь вспомнить, как все было на самом деле. Если кто-то осмелится вспоминать, если кому-то это будет нужно. Я верю, что будет. Поэтому буду записывать все, что увижу и услышу. В эпоху информационных войн еще больше, чем тысячу лет назад, нужны анонимные летописцы.

Зовите меня просто Дана[2].

Я — маленький человек. Не боец, не агитатор, не горлан, не главарь. Мне очень страшно. Но я буду делать то, что считаю своим долгом. Иначе это уже буду не я, а нечто отвратное, трусливое и безразличное в моей шкуре. Взять «Превращение» Кафки и вывернуть наоборот. Там у человека, превратившегося в чудище, сохранялось человеческое сознание. Здесь все было бы наоборот. В моем теле поселилась бы убогая тварь, а я как личность просто умерла бы. Спорный вопрос, что страшнее.

Вчера я второй раз в жизни ходила на политический митинг. Это была встреча лидера оппозиции, Александра Милинкевича, с минскими избирателями. Вроде бы мирная штука — но ощущения, надо сказать, как будто находишься в оккупированном городе. Прекрасно помню 1994 год, избирательную кампанию Лукашенко. Когда он на площадях собирал огромные толпы избирателей, никто и не пробовал препятствовать им, оцеплять площади или разгонять людей дубинками. При всем негативном отношении тогдашней власти — таких слов, как «несанкционированное шествие», тогда и слыхом не слыхивали.

Зато вчера... вчера было очень страшно.

Еще 28 февраля я увидела на подъезде листовку — «Милинкевич приглашает на площадь Свободы» — и решила сходить. Второго марта спокойно работала в офисе, особо не волновалась — ну встреча и встреча. После обеда позвонил Пашка и очень странным голосом (никогда у него такого не слышала) сказал, что второй кандидат от оппозиции, Александр Козулин, пытался пройти оцепление, чтобы выступить на так называемом 3-м Всебелорусском народном сходе. Народный сход охраняли от народа довольнотаки рьяно. Кандидата в президенты, уже немолодого интеллигента, бывшего ректора вуза, за попытку обратиться к людям избили трое спецназовцев. Среди них — небезызвестный командир СОБРа Дмитрий Павличенко, которого считают причастным к исчезновению Захаренко, Гончара и Красовского. После избиения Козулина затолкали в машину и увезли в милицию. У журналистов, которые снимали это действо, попытались отобрать пленку. Те бросились бежать, вскочили в машину, и кто-то из охраны выстрелил им в лобовое стекло и по колесам.

---

[2] Под этим именем Дарья Костенко печатала свои дневники в Интернете. — *Прим. ред.*

Вот тут-то у меня и щелкнул спусковой крючок страха. Первой мыслью было: если так поступили с известным человеком, кандидатом в президенты — значит, чувствуют, что им можно абсолютно ВСЁ. Значит, так запросто могут и с нами всеми. Избить, поломать ребра, скрутить, расстрелять.

Но страх ничего не меняет в общей расстановке принципов. Он как бы существует отдельно. Естественно, я тут же предложила Пашке идти на встречу вместе. К этому времени я уже знала: Мингорисполком не дал разрешения на эту встречу, она будет — как это говорится на новомодном жаргоне — несанкционированным митингом.

В таких случаях срабатывает «эффект задницы». Я так называю то состояние ярости и безразличия к возможным последствиям, когда ужасно хочется и непременно нужно для душевного здоровья встать и заявить: «Да пошли вы все в задницу!»

И в такие моменты ты обретаешь полнейшую духовную цельность и экзистенциальное тождество с собой.

Мысленно я такое сказала, и полегчало. Однако, если честно, оставшиеся пару часов трусила я ужасно и представляла много неприятных вещей, типа отбитых почек и проч. Работалось плохо, что естественно. В голове была какая-то гулкая пустота.

В 18.10 мы были на площади Свободы, у Старой ратуши.

Еще на подходе — мы поднимались туда от станции метро «Немига» — бросилось в глаза оцепление. Все пространство перед Троицким собором и некоторые боковые улочки были обнесены желтой лентой с надписью «Проход запрещен. Милиция...» и что-то там такое. За лентой стояли милиционеры в форме и люди в штатском.

Да, КГБ небось вывело тогда «в поле» добрую половину своего состава в Минске! Эти «добровольные помощники» напугали меня куда больше, чем люди в форме. С теми, по крайней мере, все ясно. Работа такая у них, и нанимались они совсем не избивать мирных граждан, а бороться с преступниками. Да и лица у них были какие-то... более интеллигентные и вменяемые, что ли.

Совсем другое дело — эти, черные. Почему-то все они были либо в черном, либо в землисто-сером. Плечистые звероватые молодые парни или крепкие молчаливые мужики с невыразительными, будто бы стертыми лицами. Черные пуховики и куртки, черные вязаные шапочки, как у чеченских боевиков или русских бандитов. Абсолютно каменные скулы, глаза пустые, а в лицах что-то... безжалостное и совершенно невменяемое. У меня на такие штуки чутье, недаром выросла в рабочем квартале, где нет-нет да и кого-нибудь калечили, а то и били до смерти. Так вот, ТАКИХ я бы обошла у себя в квартале десятой дорогой от греха подальше. Знакомый типаж.

Нас разделяли только хлипкие ленточки. Они стояли молча, неподвижно, и рассматривали всех, кто шел на площадь Свободы.

На площади уже собралось тысячи три народу, не считая тех, кто пытался пройти из боковых улиц или остался за оцеплением. Покричали «Жыве Беларусь» и «Милинкевич». Мы с Пашей крутились в толпе, пытаясь найти знакомых и разобраться, где Милинкевич и что делать. Потом кто-то сказал, что надо идти через мост на проспект Машерова, и вся эта толпа потекла.

Шли очень медленно и организованно. Изредка доносились мегафонные вопли: «Уважаемые граждане! Расходитесь»! Ага, счас!

Принцип задницы...

Я смогла как следует разглядеть тех, кто шагал со мной плечо к плечу. Лица в основном интеллигентные. Много людей возрастом явно за тридцать, даже пожилых. Ложь, что в таких митингах участвует в основном молодежь. Я своими глазами видела маленькую бабушку с палочкой, которая бодро шагала вместе с толпой. Ее пытались уговорить отойти в сторону: «Бабушка, ЧТО ВЫ ЗДЕСЬ ДЕЛАЕТЕ?» — спрашивал чуть ли не каждый второй. Она только улыбалась и тихо говорила: «Я с вами, сыночки».

Оружия или хотя бы палок я не видела ни у кого. Только у одного бородатого дядьки была телескопическая удочка, которую он раздвинул и привесил к ней джинсовое полотнище.

Были, конечно, среди толпы такие кряжистые мужики в возрасте, которые держались друг друга, осаживали молодых. «Держитесь все вместе, кучкой», — заботливо сказал один из них молодым пацанам. «А можно и нам в вашу кучку?» — спросила я. И человек, идущий рядом, сказал с улыбкой: «Конечно!»

Однако больше было совсем небоевого народу — молодых девчонок, каких-то совсем мелких пацанов, женщин, длинноволосых и очкастых интеллигентов разного возраста.

На проспекте Машерова, рядом с Домом физкультуры нам перегородила дорогу цепочка омоновцев. Мы с Пашкой были не в самых первых рядах, но довольно близко. Я их хорошо рассмотрела.

Солдаты оцепления были в темной форме, в шлемах с закрытыми лицами, со щитами и дубинками. Причем щиты были совсем не закругленные, пластиковые — а металлические, с довольно острыми на вид краями. Долбанет таким в лицо — и как минимум останется заметный шрам.

Сначала в них полетели снежки, потом это быстро прекратилось. Мы стояли рядом с ними, лицо в лицо.

Народ начал орать: «По-зор! По-зор!» А потом по-белорусски: «Ганьба!» А что еще можно было делать?

Средневековый рыцарь мог в одиночку разогнать 20 вооруженных крестьян. Поскольку был профессиональным воином, с детства тренированной машиной уничтожения. Но при этом у крестьян были хоть какие-то шансы долбануть его по башке цепом и стянуть с коня. У нас же не было ни-че-го!

Они стояли стеной, как рыцари на групповых боях — бугуртах. Но на историческом фестивале, когда рыцари идут стенка на стенку, перед этим устроители строго проверяют, прочна ли броня, хороши ли мечи у бойцов. Т.е. равны ли их шансы. Здесь же мы были просто безоружны, беззащитны перед тренированными убийцами, с головы до ног в защите и броне.

Жутко неприятное ощущение. Очень не хватало на нашей стороне этакой закованной в железо «свиньи» — клина рыцарей в тяжелых латах, который может прошибить такую стенку или хотя бы сражаться на равных.

Мы стояли и ждали. Кто-то показал мне огромную искусственную розу, плывущую над толпой, и сказал, что где-то там идет Александр Милинкевич.

Роза свернула направо, к заднему крыльцу Дома физкультуры, и толпа пошла вслед за ней, вдоль щитов.

Когда спецназовцы из оцепления поняли, что мы проходим мимо и не кидаемся в драку, они начали колотить дубинками по щитам и орать что-то вроде: «Ну! Идите сюда! Козлы!» Но никто не реагировал.

Милинкевич, окруженный кучкой людей, встал на крыльце. Мы сгрудились вокруг. По рукам передали мегафон. Сначала речь держал Сергей Калякин. Говорил горячо, но довольно общими словами, о лжи официальных властей и СМИ, о несправедливости, о контрактной системе, преследованиях инакомыслящих. Честно говоря, не впечатлило. Уж больно общо.

Потом говорил Милинкевич. В принципе, о том же, плюс тезисы из программы. Как-то я к этому моменту то ли устала, то ли начала отвлекаться на окружающих. Помню только, как дрожал и срывался его голос. Явно человек не привык выступать с мегафоном, на морозе и ветру, перед большим количеством людей. А еще лицо показалось мне издалека усталым, как будто ему на плечи легла какая-то очень большая ноша или ответственность и отступать уже некуда.

В процессе этих речей мы надували голубые шарики и отпускали летать над толпой, садиться на плечи и головы — и снова подпрыгивать от гулкого удара ладонью.

Какой-то парень бродил в толпе и раздавал джинсовые ленточки. Он повязал нам с Пашкой ленточки чуть выше локтя и попросил меня, чтоб я ему повязала тоже. В этом было что-то от рыцарских времен.

Потом я начала оглядываться, чтобы понять, сколько же нас собралось у метро «Немига». «Вот бы подняться повыше и увидеть, сколько нас», — сказала я. И тут же незнакомый парень сзади подхватил меня и приподнял над толпой. Количество прикинуть я не смогла. Зато увидела, как из-за Кафедрального собора идеально ровной змейкой, как роботы-тараканы, выбегают омоновцы. Почему-то меня больше всего напугала эта механистичность и бесцельность. Все в одинаковой черной форме, с круглыми головами-шлемами, на идеально одинаковом расстоянии друг от друга. В толпе испуганно вскрикнула какая-то девчонка, пробежал шепот: «Смотрите, сколько их много!».

Вскоре после этого Милинкевич досказал речь и попросил нас разойтись, не вступая в «полемику» с милицией: «Ведь у нас мирное собрание».

Когда он сходил с крыльца, вокруг него люди взялись за руки и вели, закрывая своими телами, до автомобиля.

К счастью, все обошлось без драки. Толпа тут же принялась рассасываться. Однако те, черные, все прибежали, бежали строем, страшно и бессмысленно, потом непонятно для чего развернулись и побежали к Свислочи.

Я наблюдала за этим всем с моста, когда два милиционера подошли, взяли меня за локти потребовали «не мешать проходу граждан». Граждан на пешеходной дорожке в этот момент на расстоянии метров эдак десяти видно не было. Ну ладно, хоть в кутузку не упрятали за наблюдение за нашим доблестным спецназом. Настаивать на своем праве постоять я не стала. На том и разошлись.

04.03.06

Интересные порой доходят слухи. Говорят, что Олега Улевича, журналиста «Комсомольской правды», при попытке пройти сквозь оцепление, чтобы сфотографировать пикет в поддержку Козулина, страшно избили люди в штатском. Журналистское удостоверение с аккредитацией не помогло. Ему сломали нос, пробили череп. Олега увезли в больницу и тут же прооперировали.

Услышать такое тем страшней, когда ты хоть чуть-чуть, хоть краем был знаком с человеком. Когда-то, курсе на втором, я заходила в редакцию «Комсомолки в Беларуси». Видела и Олега, хотя он вряд ли меня помнит.

Да, когда-то в моем родном городе на встрече с кандидатом Лукашенко никто и не думал оцеплять площадь и избивать избирателей. Помню, тогда я впервые в жизни сходила на политический митинг. Сопливая восторженная девчонка, я от того Лукашенко, двенадцатилетней давности, просто балдела. И неудивительно. Весь наш маленький провинциальный городок был в поголовном восторге от нового «батьки». Плюс мощное действие семейного воспитания. Я выросла на рассказах Пикуля и Сергея Алексеева о славе русского оружия. Славянское братство — это для меня был совсем не пустой звук. Достаточно ли сказать, что через пару лет, во время войны в Югославии я всерьез собиралась бежать из дому на помощь братьям-славянам, как добровольцы первой мировой?

Очень долго после выборов 1994 года я политикой особенно не интересовалась. В целом, меня все устраивало. Я даже была членом Белорусского патриотического союза молодежи — у нас тогда они практически не занимались идеологией. Организовывали КВНы и турпоходы, дискотеки и вечера отдыха. Информации о том, что происходит в стране, у меня было мало, семья моя была целиком и полностью за Лукашенко.

Еще на первом курсе университета я, помню, хотела вступить в БРСМ. Тогда меня чуть насторожила странная реакция одногруппников-минчан на это дело. Да и в студенческом комитете БРСМ, помню, были слегка удивлены.

На первом курсе, повторюсь, меня мало трогала политика. Пожалуй, о некоторых вещах я стала задумываться на втором курсе, когда вышел у меня конфликт с администраций общежития — и стервозная заведующая просто начала стирать меня в порошок, выживать из общаги самыми подлыми способами. Я кинулась искать справедливости в нашей справедливой и правильно устроенной стране — а нашла только печальное открытие, что у нашей заведующей в студгородке — «волосатая лапа». И значит, ей можно все.

Сей факт сильно поколебал мою веру в правильное устройство государства.

Среди последующих ударов по этой вере — «закручивание гаек» на третьем курсе. Очень сильно впечатлило, когда на президентских выборах 2001 года людей поголовно заставляли голосовать досрочно. К студентам в общежитие, в комнаты — плевать, женские или мужские! — вваливались утром преподаватели во главе с деканом. Открывали дверь ключами ночного коменданта. Подымали с постели в девять утра и гнали на досрочное голосование. А если отказывался, грозили лишить общежития или отчис-

лить. Такое — БЫЛО. Никогда не забуду. Подобные... гм... акции очень отрезвляюще и поучительно действуют на юные головы.

Общение со старшими и более умными друзьями тоже свою роль сыграло. Впрочем, они не навязывали своего мнения. Мне вообще трудно навязать чье-либо мнение.

Следующим впечатляющим ударом была история с закрытием минского лицея имени Якуба Коласа. Вот тогда я впервые ощутила...

10.03.06

...Тогда я впервые ощутила, как непреодолима пропасть между моими прежними представлениями о своей стране и реальными фактами.

Прискорбно устроен человек: только тому он сочувствует в полную силу, чью беду — хотя бы отдаленно и в очень смягченном варианте — прочувствовал на своей шкуре. В истории борьбы школьников и учителей за свой лицей, борьбы с произволом власти, я увидела что-то родственное своей истории с общежитием. Вспомнила о собственной борьбе за элементарное право не ходить на досрочное голосование, а проголосовать в день выборов. Как сейчас помню, в деканате мне пообещали, если я схожу на досрочное голосование, решить проблему с заселением. Но есть у нас в молодости прекраснейший инстинкт — слепой, нерассуждающей борьбы против любого принуждения...

В общем, со школьниками из разогнанного лицея меня сроднило, если честно, не только святое сочувствие слабейшему и обиженному, но и общность пострадавшей шкуры. Вот почему эта история перевернула во мне больше, чем исчезновения Красовского, Гончара и Завадского. Хотя осознавать, что ты живешь в стране, где как-то вот так, незаметно, могут пропасть бывший министр внутренних дел и бывший председатель Центризбиркома, — это тоже заставляет задуматься.

Потом сильно впечатлило распределение. Сам идиотизм положения: ты находишь работу в Минске, ты востребован, твое предприятие пишет на тебя заявку — но для того, чтобы тебя распределили в Минск, ты обязан отвалить как минимум триста долларов за прописку. Ситуация абсурдна: для того, чтобы работать, где хочешь, ты должен заплатить довольно большую сумму, причем даже не гильдии, которая в случае чего тебя поддержит (как это было в Средние века), а какому-то третьему лицу за какой-то бессмысленный штамп в паспорте. При всем при этом, я распределялась в ГОСУДАРСТВЕННУЮ контору. Вы себе можете представить промышленную корпорацию, которая не привлекает необходимых ей специалистов всеми способами (обещая им хороший социальный пакет, высокую зарплату и т.д.), а наоборот, затрудняет их прием на работу и заставляет непонятно для чего отдавать свои деньги незнакомым людям? Так вот, наше государство и есть такая корпорация. Долго ли она может держаться на плаву? Вопрос риторический.

Но наиболее сильное отвращение вызвал у меня референдум о внесении изменений в конституцию Беларуси. Подготовка к нему, массированное информационное давление на мозги — это отдельная песня, на которую сегодня у меня уже нет ни сил, ни злости...

11.03.06

Вчера весь вечер ходила по квартирам, раздавала листовки про Милинкевича. Мы с моими соседями в шутку называем это «ходить на святое дело». В этой шутке есть немалая доля самоиронии, и это хорошо. Потому что от напыщенности до лицемерия — всего один шаг. Вот почему сегодняшняя молодежь цинична. Она отчаянно сопротивляется искусственности, самолюбованию и лицемерию, за которыми — нравственная убогость. Сопротивляется, как может, отторгает их с отвращением, кидается в крайности с присущим ей максимализмом. Но ее цинизм и самоирония направлены в первую очередь на себя самое, это своего рода суровая власяница для собственного духа.

Откуда взялась шутка про «святое дело»? Раз в Крещенский вечерок мы вот так же, как и вчера, ходили по квартирам, собирали подписи. Стоял мороз, сильный ветер пронизывал любые шубы и пуховики, как ледяное копье. После пяти минут на улице кисти рук ты уже не чувствовал. В подъездах и то было холодно.

В такую вот собачью погодку я зашла в подъезд в совершенно мрачном настроении, голодная, обмерзшая. Позвонила в первую дверь с мыслью о том, что сейчас очередной запуганный человек в очередной раз скажет мне полушепотом: «Нам на работе (в исполкоме, на родительском собрании в школе) начальник сказал, что по закону подписываться можно только за ОДНОГО кандидата, а кто подпишется еще и за других — преступник». Ложь, ложь, всюду ложь! — и в первую очередь — от людей официальных. И ничем эту ложь не перешибешь. Говоришь: вы можете отдать подпись хоть за каждого кандидата — лишь бы только по одному разу — а тебе НЕ ВЕРЯТ! И вот сейчас опять приходится убеждать, доставать Избирательный кодекс, который вечно с собой, и пальцем показывать в нем соответствующее место.

Или высунется опять какая-нибудь опухшая от пьянства рожа и злобно рявкнет, что «мы за дествующчага прызьдента, у нас один батька в голове, а таких, как вы, вообще убивать надо».

Наверное, чтоб не мучились...

Дверь мне открыл мужчина профессорского типа, в очках и с русой бородкой. На фразу о сборе подписей отреагировал очень доброжелательно, улыбнулся, пригласил зайти погреться. Пока я сидела на стульчике, оттаивала, он позвал жену, оба тут же и расписались. Когда я уже собиралась уходить, он сочувственно сказал:

— Замерзли, наверное! Что же вы, в праздничный вечер надо сидеть дома, отдыхать. Впрочем... вы делаете святое дело, вам простится.

Сказал он это очень серьезно. И от этого совершенно неожиданного сочувствия, мимолетного, но согревшего лучше, чем стакан чая, я, выйдя за дверь, чуть не расплакалась.

Вообще на агитации случаются порой удивительные вещи. Если бы я прочитала о таком в газете или увидела в политическом ролике — скорее всего, не поверила бы. Сказала бы: ну это уж слишком слащаво и сентиментально, перегнули палку, ребята, так не бывает.

Ан нет: жизнь порой похожа на слащавый клип социальной рекламы больше, чем сам клип социальной рекламы.

Позавчера в одной квартире мне открыла дверь женщина, из-за спины которой выглядывал мальчик лет пяти. Забрала у меня листовку с фотографией Милинкевича, поблагодарила, закрыла дверь. Я остановилась сделать отметку в шахматке и услышала из-за двери приблизительно следующее:

— Смотри, Саша, это — наш будущий президент. Ну как он тебе, нравится?

Вчера тоже был замечательный случай. Открыл дверь довольно высокий мужчина лет 60, похожий на состарившегося актера или писателя, полностью седой, но с четкими чертами лица и ясными глазами. Из-под домашнего свитера выглядывал остроугольный воротник белой сорочки, как у Михаила Задорнова.

На листовку он поглядел одобрительно и сказал на чистейшем белорусском языке:

— Дзякуй, але мне не трэба. Я і так за яго буду галасаваць[3].

Я, так скажем, человек сентиментальный. Можете смеяться, но я его поцеловала в щеку. Как заблестели его глаза, когда распрямившись, он сказал, держа меня за руку:

— Будзем змагацца разам супраць цемры[4].

Правды ради отмечу: такое бывает не часто. Потому такие случаи и впечатляют до слез, что они скорее исключение, чем правило, что таких людей встречаешь после многих проявлений равнодушия или враждебности.

Пока мне в этом плане еще везло: попыток набить морду или вызвать милицию пока не было. А вот одной знакомой девушке как-то швырнули скомканной листовкой в лицо. Она спросила кинувшего:

— Ну зачем вы мусорите в своем же подъезде?

Про «таких, как вы, надо убивать», кстати, тоже не ради красного словца упомянуто. Была и такая фраза.

Довольно значительная группа людей — в основном женщины глубоко пенсионного возраста — на предлагаемую листовку реагируют сильным эмоциональным отторжением.

— Не буду я за него голосовать, потому что я про него ничего не знаю!

Когда им говоришь что-то вроде: ну вот, возьмите, почитаете, может, что-нибудь новое узнаете, они часто срываются в крик:

— Не хочу я ничего знать, не надо мне ничего рассказывать!!!

И так далее, и тому подобное. Какой-то порочный круг в рассуждениях, добровольная самоизоляция от разума и логики, неистовая зашоренность и готовность кулаками защищать свои шоры. Вот, пожалуй, самый показательный диалог такого рода:

— Информация по поводу выборов. Вот, возьмите листовочку, пожалуйста, это вам.

(Увидев портрет Милинкевича) — Заберите вашу листовку! Не хочу я ничего знать про него, потому что он тварь!

---

[3] Спасибо, но мне не нужно. Я и так за него буду голосовать.

[4] Будем вместе сражаться против тьмы.

— А что он вам плохого сделал?

Долгое молчание. Потом неуверенно:

— А что он мне хорошего сделал?

После непродолжительного, но эмоционального спича на тему «Что сделал Милинкевич для Гродно и что может сделать для Беларуси» спрашиваю:

— А все-таки почему вы называете его тварью?

Опять враждебно-озадаченное молчание. Потом неопределенно, но с обличительным запалом:

— Ну, потому что нельзя же так...

Как «так», я допытаться не смогла. В подобных дискуссиях точку обычно ставит дверь, захлопнутая перед носом.

Отсутствие каких-то признаков логики в такой позиции просто поражает. Такое чувство, как будто говоришь с человеком, страдающим навязчивой идеей. Похожее впечатление на меня оказывали ревностные проповедники-баптисты. Только они, в отличие от подобных людей, не агрессивны. И в их глазах нет страха.

Вообще страх — это главное, к чему апеллирует теперешняя власть в своей пропаганде. В чем-то логично. Страх — древнейшая эмоция, одна из самых основных, произрастающая прямо из инстинкта самосохранения. Для манипуляции сознанием — мишень прямо-таки идеальная. В любой книге по психологии влияния будут указаны две основные уязвимые точки, воздействуя на которые можно управлять человеком. Это наши желания и страхи. По страхам людей в первую очередь и бьет теперешняя пропаганда.

Наиболее беззастенчиво она пользуется страхами пожилых людей — почему они и составляют основную часть электората Лукашенко. Против природы не попрешь, при старении у 40 процентов людей наблюдаются серьезные изменения в психике. Страх пред будущим, желание избежать перемен неизбежно появляются у многих людей после пятидесяти.

И вот для них выстраивается нехитрая, но действенная двуполярная схема. Перемены — это плохо (чему большинство стариков верит безоговорочно). Перемены равны как минимум угрозе благополучной старости (хаос, коллапс, разгул преступности и т.д. и т.п.). ЕДИНСТВЕННЫЙ способ, позволяющий избегнуть всего этого, — сохранить существующую власть и порядок вещей. Ключевые слова здесь — «стабильность и порядок». Идеи стабильности и порядка — вот та волшебная палочка, которая позволяет зачаровать многих избирателей. Эти идеи прочно связываются с образом Лукашенко. За Лукашенко — значит, за стабильность и процветание — таков, в общем виде, главный тезис его избирательной кампании. Неявная, имплицитная часть этого тезиса звучит примерно так: «А кто против — тот, значит, против Беларуси, стабильности, процветания».

Бредовость этой скрытой части тезиса становится явной при ее развертывании: ведь понятно, что никто, ни один политик либо избиратель в здравом уме не будет желать своей стране хаоса, разрухи и нищеты. Но... имплицитная информация воспринимается на уровне подсознания и, следовательно, минует критический барьер разума.

Для того чтобы эффективно манипулировать страхом, надо чтобы было чем пугать. Трудно напугать абстрактными понятиями: в наш век страшных

вечерних новостей никто не вздрогнет при слове «нищета» или «голод». Телевидение приучило нас к яркой, бьющей по нервам картинке, к камере, заглядывающей в лицо рыдающей матери у захваченной боевикам школы. Посему антиобраз должен быть зрим и близок.

Построение антиобразов, или образов угрозы, требует времени и обстоятельности. «Идеологический крестовый поход» белорусских властей начался далеко не вчера. Но нельзя сказать, чтобы его начало прошло совсем уж неуловимо. Было несколько тревожных сигналов, по которым еще прошлой зимой становилось понятно, куда повернул ветер. И даже основные направления уже просматривались. Их, на мой взгляд, два.

1. Создание глобального антиобраза как ориентира, от которого надо всеми силами ОТТАЛКИВАТЬСЯ. Условно это направление идеологической войны можно назвать «ПОСМОТРИТЕ, КАК У НИХ ВСЕ ПЛОХО, У НАС ТОЖЕ ТАКОЕ МОЖЕТ БЫТЬ, ЕСЛИ... Этот приемчик, естественно, не работает на примерах далеких и незнакомых нам стран типа Уганды или Боливии. Нет. Птичий грипп в соседней Украине волнует нас больше, чем цунами на другом краю света. Поэтому в качестве примера годятся только БЛИЗКИЕ страны, со сходной или частично общей культурой и исторической судьбой. Желательно бывшие соседи по Союзу.

И вот, в репортажах о терактах, происходящих в России, появляются гаденькие самодовольные нотки: вот у НИХ-то все плохо, зато у НАС-то все тихо и спокойно, слава президенту. Об «оранжевой революции» в Украине и «революции роз» в Грузии вообще писано-переписано, и только в негативном ключе. Призрак цветных революций, так сказать, бродит по СНГ, и вот-вот протянет свои костлявые лапы к нашей синеокой Беларуси. Пишут хлестко и местами даже убедительно (вернее, было бы убедительно для меня, если бы я не ездила каждый год на Украину и не была бы во Львове после той самой оранжевой революции).

Появляется небезызвестный фильм Юрия Азаренка о судьбах 15 советских республик после распада Союза, долженствующий доказать, что у всех все плохо, и только у нас все хорошо. В общем, в антиобраз внесли свои худшие черты почти все бывшие соседи по Союзу.

2. Направление два. Создание образа врага — внутреннего и внешнего. Наверное, гениальнее и проще всего такой процесс описал Оруэлл...

13.03.06

Так вот об Оруэлле. Пардон за длинную цитату, но лучше, пожалуй, не опишешь:

В начале весны внезапно выяснилась тревожная вещь. По ночам Сноуболл неоднократно бывал на ферме! Все были так встревожены этим известием, что стали плохо спать в своих стойлах. Как стало известно, каждую ночь под покровом темноты он пробирался на ферму и занимался вредительством. Он крал зерно, опрокидывал ведра с молоком, давил яйца, вытаптывал посевы, обгрызал кору на фруктовых деревьях. Теперь было ясно, что все неудачи объяснялись происками Сноуболла. Каждый теперь мог объяснить, что сломанное окно или засорившиеся трубы были следствием

ночных похождений Сноуболла, а когда исчез ключ от кладовой, все были убеждены, что его удалось украсть именно Сноуболлу. Любопытно, что эта точка зрения не изменилась, даже когда ключ был найден под мешком муки. Коровы единодушно объявили, что по ночам, когда они спят, Сноуболл пробирается в их стойла и доит их. Существовало подозрение, что крысы, которые особенно досаждали в эту зиму, были в соглашении со Сноуболлом. Наполеон постановил провести полное расследование деятельности Сноуболла. В сопровождении собак — остальные животные следовали за ним на почтительном отдалении — он тщательно осмотрел строения фермы. Каждые несколько шагов Наполеон останавливался и обнюхивал землю в поисках следов Сноуболла, которые, как он говорил, может обнаружить по запаху. Он обнюхивал каждый уголок в амбаре, в коровнике, в курятнике, в огороде — и почти всюду были следы Сноуболла. Ткнув пятачком в землю и тщательно принюхавшись, Наполеон вскричал страшным голосом: «Сноуболл! Он был здесь! Я чую его!» — и при слове «Сноуболл» собаки кровожадно зарычали, оскалив клыки. Животные были напуганы до предела. Им казалось, что Сноуболл стал чем-то вроде духа, незримо пребывающего на ферме и призывающего на их головы все беды мира. Вечером Визгун созвал их и, не скрывая тревожного выражения, сообщил, что у него есть серьезные новости.

— Товарищи!— нервно дергаясь, вскричал он. — Вскрылись ужасные вещи. Сноуболл продался Фредерику из пинчфилда, который составляет зловещий заговор с целью обрушиться на нас и отнять нашу ферму! При нападении Сноуболл будет служить ему проводником

А теперь сопоставьте следующие цитаты:

И вот все это — спокойную жизнь сегодня и ясную перспективу на завтра — у нас хотят отнять. Нет, не войной, как это было в 1941 году, а через избирательную урну, с помощью «политических технологий», которые продвигаются теми, кто получил за рубежом чек и заказ на изменение нашей жизни. Они, впрочем, изо всех сил стараются убедить, что их помыслы чисты, что движет ими всего лишь приверженность к демократии, что они способны изменить жизнь к лучшему...

Нам рекомендуют поверить им на слово. Но что это за «слово»? Ведь если действительно поверить златоустам, еженедельно отъезжающим за инструктажем то в Вильнюс, то в Варшаву, мы получим уникальное правительство! В Доме правительства и исполкомах появится орда персон с потными руками и полным отсутствием царя в голове.

Что сегодня делается в Украине, граждане которой отважно клюнули на оранжевую блесну? Появились десяток новых миллионеров, сотня шумных и скандальных уголовных дел и — массовая безработица, отток молодежи за границу, разгул уголовщины, понижение зарплат и повышение цен. А также разочарование во власти...

В Грузии, очарованной Саакашвили, уже порубили на дрова тбилисские скверы. Министрам, конечно, это нипочем, они получают хорошую зарплату от Сороса. Но большинство грузин в тоске — 50 долларов зарплата, 15— пенсия. Как жить?

О Кыргызстане, который при помощи очередной «цветной революции» был облагодетельствован послом США и местными предателями, говорить както даже и неудобно. Нищета и политические дрязги...

(Сей опус под названием «Цветная напасть» любой мог прочитать в полном обьеме по следующему адресу http://sb.by/article.php?articleID=50369. Это была ПЕРВАЯ статья, которая открывалась под рубрикой «Политика».)

А вот еще — на закуску. Из официального заявления председателя белорусского КГБ от 13 мая 2005 г.

«Нам хорошо известны планы по подготовке за рубежом смены власти в Беларуси», — заявил председатель КГБ Беларуси Степан Сухоренко.

«Сегодня нам уже хорошо известны и зарубежные авторы этих планов, и их исполнители на территории республики, — отметил Сухоренко. — Уже сегодня под различными вывесками международных семинаров, конференций идет подготовка, обучение и тренировка так называемых цветных революционеров из числа радикальной оппозиции».

По его словам, КГБ Беларуси известно о планах по подготовке боевиков в сопредельных государствах. *«Мы располагаем данными о том, что на территории сопредельных государств готовятся базы по подготовке боевиков, которые потом будут использоваться в силовых акциях неповиновения органам правопорядка и дестабилизации обстановки в обществе», — сказал председатель КГБ.*

«КГБ расценивает это как прямую угрозу безопасности страны и будет самым жестким образом пресекать все попытки дестабилизации общества, от кого бы это ни исходило», — заявил глава КГБ.

Это заявление было для меня тревожным звонком. Ясно стало, что государство готовит плацдарм и моральное обоснование (оправдание?) для ужесточения законов и будущих силовых акций. Первая ласточка репрессий — вот чем было это заявление, завершившееся прямой и недвусмысленной угрозой.

Это — уже другая антиутопия. Антиутопия, в сердце которой мы неожиданно очутились сами. Помню, как классе в 10 — 11-м я читала — все одним залпом — «Архипелаг ГУЛАГ», «Дети Арбата» Рыбакова, колымские рассказы Шаламова. И поверх «отполировала» романом «1984» Оруэлла. Закрывая на минутку эти книги, я выныривала из бездны ужаса и жалости вся в холодном поту, переводила дух и думала с невольным облегчением: как здорово, что ЭТО уже кончилось, ЭТО — история, она за закрытой дверью, мы НИКОГДА, НИКОГДА туда не вернемся! Слышите?! Ведь это же невозможно — после такой бьющей наотмашь правды, после ТАКИХ книг — вернуться туда невозможно...

Можно. Все можно. Давать три года за «распространение заведомо ложной информации об экономическом, внутриполитическом и проч. положении Беларуси» — можно. И то же — за оскорбление президента. И за участие в политических партиях, чья деятельность признана не соответствующей данному закону. И еще много за что. Купите поправки к Уголовному кодексу РБ, вашу м-мать! (Приняты парламентом единогласно.) Снимать фильмы, где в один ряд ставят Христа, Сталина и Лукашенко — можно!!! (Снял же Юрий Азаренок.)

Я не хочу обратно в ГУЛАГ.

14.03.06

Из разговоров на кухне, на улице и в аудиториях.

— Говорят, разгонять будут водой из брандспойтов. Оцепят Октябрьскую площадь и прилегающие улицы, будут лупить дубинками тех, кто попытается пройти.

— Надо будет прорываться организованно, группами.

— Ч-черт, холодно же мокрому, особенно если будет мороз. Долго не выдержишь.

— Ну, брандспойты — это лучше, чем автоматы...

— Купить бы в секонд-хэнде удобные ботинки, а то на моих каблуках далеко не убежишь...

— Говорят, при задержании могут в сумку подкинуть наркотики. Надо зашить наглухо все сумки и карманы. Чтобы не отбили почки, надо надевать на спину рюкзачок, от плеч до поясницы. И положить туда пару книжек.

— Лучше — лист фанеры.

— А еще наручный щиток хочу заказать в рыцарском клубе. На левую руку. А то закрываться от дубинки рукой — это как-то грустно.

— Да как вообще с ними драться? Если только облепить всей толпой и повалить?

— Моя жена, как назло, 19-го работает. И офис по проспекту Скорины. Хочу не пустить ее на работу.

— А при чем здесь работа? Пусть себе после работы тихонько топает домой.

— Да?! А ты наших омоновцев в деле видел? Им если кто подвернется, они не сильно разбираются...

— Мы с ребятами думаем собрать с первого курса человек 30. Ну не отчислят же нас всех?

— Боюсь, ваш факультет после 19-го сильно поредеет...

ЭТИМ мы сейчас живем.

Вот, узнала новости. Двоих моих приятелей по интеллектуальному клубу загребли за участие в митинге в поддержку Козулина и во встрече с Милинкевичем. Вчера был суд. Дали им по 7 и 12 суток (тупо удивляюсь, почему такая разница). Кто-то вылез на знакомый сайт и написал, что сидят они в спецприемнике-распределителе на улице Окрестина. Что там таких «политических преступников» после суда полно. Что в камере очень сыро, что лампочка горит круглые сутки. Что заключенных практически не кормят. Просили помощи — в виде передач, еды, сигарет, теплой одежды. Лишним, как сказали, все это не будет. Не ребятам, так соседям по камере достанется.

Позвонила в этот самый спецприемник. Видеть заключенных не полагается. Но передачу можно принести. Разрешено передавать еду, одежду, книги. Завтра поеду туда после обеда.

Каково им там?

Еще новости. Студент Академии искусств рассказал мне, как сегодня их курс пытался заставить досрочно проголосовать художественный руководитель. Мастер, известный человек, которого они, когда были еще зеленые, просто-напросто боготворили.

Когда в раздевалке он сказал им, что нужно обязательно проголосовать досрочно, студенты стали возмущаться. Парни качали права, пытались выяснить, по какому праву он их заставляет. Кто-то выкрикнул: «Да как же вы можете?! Зачем же вы это делаете?! Вы же все, все понимаете». Одна девчонка не выдержала и заплакала. А руководитель стоял перед ними, смешавшись, бормотал что-то про то, что его лишат премии и зарплаты, уволят, «ребята, вы не должны меня подвести, мне же отвечать потом», и далее в этом роде.

15.03.06

Меня колотит от усталости и нервного напряжения. Оно накапливается, день за днем.

До ребят, сидящих в спецприемнике на Окрестина, сегодня не добралась. Толстенный рюкзачок, набитый всяким добром (едой и книгами) ждет своего часа в углу. Завтра.

Грустная ирония судьбы: сегодня на работе со мной перезаключили контракт. Сразу на три года вперед. Ввиду моей трудовой ценности.

Написала заявление на отпуск с 20 по 25 марта. Если вышибут с работы, так хоть не весь отпуск пропадет.

В сущности, мне всегда хотелось быть представителем «среднего класса». Много работать, заниматься интересным делом и получать за это хорошую зарплату. Построить себе дом за городом, купить машину, завести собачку чау-чау с толстой мордашкой и фиолетовым языком. И еще сад с яблоками. И чтоб в доме всегда был компьютер с выходом в Интернет и частенько бывали гости.

Ну ладно. По-видимому, буржуа из меня не выйдет.

Жаль.

16.03.06

Вчера поздно вечером пришел Сашка, тот самый студент Академии искусств. В такой страшной прострации я его еще никогда не видела. Белый, руки дрожат, взгляд перед собой в одну точку.

В его группе все не-минские ребята, прописанные в общежитии, поругались-поскандалили — да и проголосовали досрочно. Уступили, так сказать, просьбам своего мэтра. Остался один Сашка.

15 марта с утра в их деканате раздался звонок из ректората Академии искусств. «Почему у вас на третьем курсе в группе “Актерское мастерство” один студент не проголосовал досрочно? Примите меры!».

Думаю, теперь уже бессмысленно скрывать имена действующих лиц. Меры приняли декан и Сашин мастер, г-н Мищенчук. Человек, которого Сашка

до этого времени боготворил, про которого он рассказывал нам больше, чем про всю остальную академию, вместе взятую.

Талантливый актер — он и есть талантливый актер. Перед всей группой Мищенчук заявил Саше, что тот его «предал, как сын — отца». Что он, г-н Мищенчук, теперь не хочет иметь с Сашей ничего общего. В общем, было сказано много пафосных слов, среди которых первое место занимало «предательство», и все — с трагичным выражением лица.

Группа молчала, и это было что-то вроде пушкинского «народ безмолвствует». Саша тоже молчал. На его глазах Учитель превращался просто в актера-профессионала. Потому что тот, кто предает своих учеников и манипулирует ими, пользуясь их любовью, — это уже не Учитель.

Единственная дань уважения, которую мог Саша отдать своему бывшему Учителю — это промолчать и ничего не ответить при людях.

Теперь Саше грозит исключение из академии.

Если кто-нибудь знает точный адрес, куда он может обратиться с жалобой или заявлением, — подскажите.

Кстати, о досрочном голосовании. Пашка рассказал, как еще на прошлых президентских выборах он был наблюдателем в НАШЕМ участке, том самом, где голосовали студенты из двух общаг нашего университета. Председатель комиссии был с наблюдателями очень любезен. И даже дал пересчитать все бюллетени. НО — ТОЛЬКО ПОСЛЕ ТОГО, как бюллетени для досрочного голосования свалили в одну кучу с теми, которые заполнялись в день самих выборов. По отдельности считать те и другие ребятам не дали. Ясен пень, почему...

Передачу «политическим» на Окрестина отправить невозможно. Сегодня утром туда поехал мой друг Олег. Ему было сказано дословно следующее: «Разрешили вам передачи, так вы уже совсем обнаглели».

«Наглость» заключалась в том, что Олег в то утро был уже не первым, кто пытался передать «политическим» передачу. Дежурный милиционер сослался на какой-то приказ по МВД № 206 от 1999 года. Дескать, там написано, что в день можно передавать не больше одной передачи.

Надо попробовать скоординировать людей, собирать одну передачу в день, но — огроменную.

Соседка Таня принесла мне интересную распечатку. Вроде бы какой-то офицер МВД прислал анонимное письмо в штабы Милинкевича и Козулина и предупредил о том, какими средствами будут разгонять демонстрантов.

Списочек внушительный, а все описания подробные. Итак, через три дня нам грозит встреча с:

светошумовыми гранатами (интересно, что это за зверь такая?);

патронами с резиновыми пулями;

газовыми винтовками и гранатами;

водометами;

здоровенными спецназовцами и прочей нежитью.

На крышах окружающих площадь домов, по утверждению автора письма, засядут снайперы. А в подвалах будет ждать команды спецназ.

К тому же нам обещают группы провокаторов внутри толпы, которые

могут организовать несколько взрывов, чтобы потом обвинить в них оппозицию.

Вполне возможно, все эти письма — всего лишь средство запугать людей. Если так, — тогда власть нас сама здорово боится. Потому что позицией СИЛЬНОЙ власти, которая уверена в поддержке народа, было бы просто игнорирование всех наших возмущений. Типа «ну постойте, постойте на площади, дураки, коль вам уж так этого хочется...».

Истеричная же реакция теперешней власти — это свидетельство того, что мы чем-то ей страшны.

Прочитавши все эти стр-рашные страхи, мы не могли не поржать над трогательным пассажем про «газы, вызывающие непроизвольное испражнение». Наверное, этот пассаж и наводит более всего на мысли о провокации. Уж больно грамотно рассчитано на то, чтобы напугать, вызвать чувство отвращения у молодых романтиков-студентов, которые не пули боятся, а унижения.

Ну что ж, будем поститься. В крайнем случае, выражение «а мне на все насрать» придется подкрепить действием. ☺

На самом деле такие штуки могут достигать и противоположного эффекта. У одного и того же человека в мирное время и на войне — совершенно различные системы ценностей. К примеру, девушка в мирное время вылетает из комнаты, увидев там шмеля или крысу. А в военное время та же девушка выносит раненых под огнем.

Будем считать, что нам не повезло и началась война. Неужели мы сидели бы по домам и предоставили бы друзьям и родным сражаться за нас?

Переключаемся на ценности военного времени.

18.03.06

Сейчас почти три часа ночи.

Сегодня встречалась со знакомыми студентами. Многие из них послезавтра идут на площадь, а завтра — на концерт в поддержку оппозиции.

Какие они все-таки мальчишки и девчонки! Такие славные глаза у всех. Такие светлые. Не передать словами — эти взгляды, как серебряные лучи. Улыбки — как грустные солнечные зайчики.

Прощаясь, мы говорили друг другу: «Увидимся...ТАМ...» и просили беречь себя.

Со школьниками мы о политике практически не говорим. Априори полагается, что они будут сидеть дома. Да и не люблю я с ними о политике. Это слегка нечестно: они мне доверяют, и я не могу пользоваться этим, чтобы навязывать свои взгляды.

Сегодня вечером меня наконец отпустили слепой гнев и неконтролируемый страх, до боли сжимавшие виски.

Не страх во мне сейчас и не война, но спокойствие и любовь. Все что было мятущимся, разорванным, сомневающимся — обрело цельность. Я иду не за ненавистью, но за любовью.

Любовь есть спокойствие: в сердце, полном любви, нет места ничему другому.

19 марта. НАБЛЮДЕНИЕ

Буду очень кратка, ибо времени нет. Сидела на участке, наблюдала весь день. Вчера в списках избирателей по моему участку было 1925 человек. Сегодня утром — стало уже 2122. Сегодня вечером, перед подсчетом голосов, их было 2251. Как мог участок «вырасти» на 225 человек?

Комиссия мне попалась корректная, не буду врать, пустили наблюдать за подсчетом. Зрение у меня хорошее, поэтому я видела, как раскладывали бюллетени двое считающих на ближнем крае стола. Два раза «ловила за руку» человека, который клал бюллетень за Козулина в пачку бюллетеней за Лукашенко. Однако что делали те шестеро из восьми счетчиков, руки которых я не могла видеть вблизи, мне неизвестно. Подойти ближе к столу нельзя — тут же выставят с участка за «препятствование работе комиссии».

Результаты по досрочному голосованию и по голосованию в день выборов очень сильно разнятся. Цифры помню почти все, ибо не раз перечитала протокол (кстати, подписанный — редкий факт! — председателем комиссии).

По голосованию в день выборов Милинкевич получил 350 голосов, Лукашенко —540, Козулин — 73; 107 бюллетеней было «против всех»; 22 испорченных

А теперь сопоставьте с результатами досрочного голосования:

Милинкевич — 25 голосов, Лукашенко — 355, Козулин — 26. «Против всех» — 3 бюллетеня. Испорченных нет вообще.

НЕ ВЕРЮ, что результаты на одном участке могут так разниться. Тем более досрочно голосовали не одни старики-лукашисты. Наибольший процент досрочного голосования дало общежитие — после истории с Сашей понятно, почему.

И даже с учетом урны для досрочного голосования — не те получаются результаты, которые уже сейчас предварительно дают власти. Далеко не те. И у Лукашенко — не 82 процента. И у Милинкевича — не 6 процентов.

19 марта после наблюдения мы попали на митинг на Октябрьской площади к самому шапочному разбору, в пол-одиннадцатого, когда люди начали расходиться. Как выразилась Аська, «опять власти обманули народ», — ни водометов, ни колонн спецназа, ни тебе испражнятельных газов. Да все эти штуки были и не нужны. Самое действенное оружие теперешней власти — страх. И она им умело пользуется. Народ был запуган задолго до 19-го. Запуган заявлениями спецслужб об очередных «накрытых» базах для обучения боевиков. Запуган идиотскими слухами о грузинских террористах, якобы намеревающихся взорвать четыре школы в Минске (и, кстати, еще отравить воду в водопроводе). Одного моего знакомого мать просто заперла в квартире на ключ и не пустила на митинг.

В общем, когда я пришла на площадь, было там максимум тысяч десять народу. Постояли-постояли, потом прошли до площади Победы и оттуда разошлись по домам.

Но завтра я пойду снова. Почему? Все очень просто. Я не люблю, когда обижают слабейшего. Я не люблю, когда страх закрывает людям рты. Меня с детства учили, что лгать — нехорошо. Что со злом нужно бороться, и нельзя перекладывать эту борьбу на кого-то другого.

20–21 марта. МАЙДАН

Часть 1. Полонез Огинского

Я пишу эти строки 22 марта в 0.48. За последние сутки я спала всего два часа. Полтора часа назад меня отпустили из отделения милиции. Я до сих пор не знаю, где мой брат, который нес людям, стоящим на площади, еду.

Возможно, они и сейчас еще стоят там, на Октябрьской площади, кольцом сцепившись, намертво взявшись за руки вокруг маленького палаточного городка, чтобы защитить его своими телами. На Минск падает десятиградусный мороз. Подкрепление не придет, никто не прорвется через кордоны милиции и гэбэшников в штатском, блокирующих все входы и выходы на площадь. Никто не сможет пронести им горячий чай или спальный мешок. В этом я пару часов назад убедилась на собственном опыте.

Многие из них стоят уже больше 15 часов. А кто-то и больше суток. Скоро их просто начнет убивать мороз. Очередная «элегантная победа» режима.

За эти два дня я как будто повзрослела лет на десять. Эти дни вместили очень многое и, возможно, изменили мою жизнь больше, чем я могу сейчас подумать.

В эти дни я узнала, что значит переступать страх, что значит любить и что значит ненавидеть. И как это бывает, когда рушится вся жизнь. Кое-что из того, что я узнала и почувствовала, я никогда, НИКОГДА не смогу забыть. А кое-что не смогу простить. Сколько буду жить — будут жечь меня эти воспоминания. Наверное, это были самые сильные потрясения в моей жизни.

Небо было синее, такое синее, какого цвета я никогда не видела. Когда буду умирать, я постараюсь вспомнить это удивительно синее небо над Октябрьской площадью в Минске. Вечером, 20 марта, когда начался наш белорусский Майдан. Наша Площадь.

Уже сейчас на участников палаточного городка выливаются реки лжи. Мол, и спланировано это все было заранее, и стоят там все обкуренные-обколотые пропитые отморозки. И власти даже называют суммы, которые нам якобы заплатили. Что обидно, похожей политики придерживаются даже многие российские СМИ. Лично для меня это, как нож, всаженный в спину человеком, которого ты считал своим другом.

Здесь я буду писать правду и только правду. Можете считать это самой точной информацией. Я была в числе первого десятка человек, которые под светом телекамер и блицами фотоаппаратов начали ставить палатки. Так получилось. Теперь мне уже все равно грозит тюрьма. Но чем бы это ни закончилось, я не жалею о своем решении.

Итак, небо над Октябрьской. Когда там 20 марта собралось десять тысяч человек, оно было прозрачно-синее, в нем рождались первые искры звезд. Александр Милинкевич, стоя на ступенях Дворца профсоюзов, кричал в микрофон о том, что выборы были незаконные, что на избирателей оказывали давление, что происходили массовые фальсификации. Потом включили музыку, и над огромной площадью поплыл, печальный и строгий, Полонез Огинского. «Развітанне з Радзімай». «Прощание с Родиной». Мы подпевали тихо, торжественно, как будто это был гимн.

Вот тогда во мне что-то сломалось и ушло. Горло сдавило тугое рыдание. Запрокинув голову, глядя сквозь пелену слез в высокое небо, я слушала слова, как будто написанные про нас:

Ростань на ростанях краіны,
Раніць думкі шлях абраны,
Прагне сэрца ў родныя мясціны,
І радзімы вобраз ажывае растрывожанаю ранай...

Зноў
Залунае наш штандар,
Палыхне ў начы пажар,
І паходнаю трубой
Зноў пакліча нас з табой на мужны бой мая краіна —
Край адзіны,
За яго ў выгнанні
Шлях вяртання,
Шлях змагання[5].

Это была не просто песня — она звала и просила. И мы ее не подвели.

После песни что-то еще говорили там, на ступенях. Но главные события произошли не там, а в самой гуще народа. Когда люди внезапно раздались, освобождая место, и на асфальт упали первые палатки. Среди них была и моя. Их начинали ставить пять человек. Я не успела туда подойти — из толпы вдруг выскочили крепкие ребята с толстыми невыразительными лицами, в черных шапочках. Они остервенело топтали палатки ногами, ломали дуги, хватали и уносили спальники и палатки, пытались ударить раскладывающих. Действовали очень слаженно и четко.

Что-то людям удалось вырвать из рук, но большинство вещей они унесли. К счастью, это была лишь первая партия. Потом люди просто встали вокруг нас стеной, крепко сцепились за локти, друг за друга и никого не пускали внутрь. Тех, кто пытал прорваться, оттесняли плечами.

А провокаторов, гэбэшников в штатском было много, страшно много. Они стайками стояли вокруг. А некоторые цепляли на себя наши значки, «за свободу» и пытались втихую влиться в оцепление.

И вот, за этой живой стеной — оцеплением— мы разбили свои палатки. Четко помню момент, когда я стояла в оцеплении, колебалась, идти ли внутрь, и меня позвала Светка, моя подруга, которая уже работала там.

Никаких особенных эмоций я тогда не испытала. Просто шагнула в середину и взялась за дугу, помогая ставить палатку. Потрясение пришло позже. Сначала я прятала лицо под капюшоном, потому что множество видео- и фотокамер целились нам прямо в глаза. Потом я решила, что это

[5] Перепутье на перекрестках страны, / Ранит мысли путь выбранный, / Рвется сердце в родные края. / И родины образ оживает растревоженной раной... / Снова / Будет реять наш штандарт, / Полыхнет в ночи пожар, / И походною трубою / Снова позовет нас с тобой на доблестный бой моя страна — / Край единственный, / За него в изгнании / Путь возвращения, / Путь борьбы.

какое-то половинчатое решение: чего уж тут останавливаться. И сняла капюшон.

Мы поставили палатки, расстелили коврики и сели на них. Вот тогда меня начало трясти. Пришло осознание того, ЧТО мы сделали. И того, что вся моя предыдущая жизнь, очень возможно, в этот самый момент уходит песком сквозь пальцы. Вся! И интеллектуальные игры, и детский клуб, который был моей радостью столько лет. И обеспеченное существование, и работа в научном журнале, и друзья, и книги, и родители. И любимый Минск. И, возможно, Беларусь...

Я старалась прятать слезы под капюшоном, чтоб не видели журналисты. Некрасивое это зрелище, когда человека трясет от рыданий.

Потом успокоилась: что сделано, то сделано. Назад дороги нет. В самом деле, стоило ли читать в детстве такие хорошие книги и слушать такие хорошие песни, чтобы потом в жизни оказаться «ни при чем»?

Оставалось сделать только одно, и я это сделала. Позвонила человеку, которого я люблю уже два года, и сказала ему об этом. Давно хотела, но не могла решиться. А сейчас уже бояться нечего.

Часть 2. «Прекрасное далеко» и кое-что о лжи

Сначала вокруг нас было очень много народу, стояло плотное кольцо. На крыльце Дворца профсоюзов играла музыка, журналисты подходили брать у нас интервью. Я говорила с корреспондентом «Евроньюс» и грузинскими тележурналистами, с корреспондентом НТВ. Не очень-то это радовало, честно говоря, но они почему-то довольно часто подходили ко мне.

После 23.00 музыку выключили, потому что закон запрещает громкую музыку ночью. Мы стремимся соответствовать закону во всем, даже в мелочах. Потому что знаем: любую мелочь могут обратить против нас. А если не найдут мелочь — придумают.

После двенадцати люди стали расходиться, потому что вскоре прекращало работать метро. Нас оставалось все меньше и меньше, но оцепление стояло замечательно, просто-таки насмерть.

Ночью стали приходить люди с термосами горячего чая. Это были, как правило, пожилые женщины и мужчины из ближайших домов. Пройти к нам с самого начала было непросто. Чтобы не дать народу нас поддержать, милиция задерживала на подступах любого, у кого обнаруживала термос, еду или спальник. Но как-то они умудрялись. Помню двух пожилых женщин, которые притащили три термоса с горячей водой. Они целовали нас и сказали, что будут молиться за нас. Под утро пришел совсем старый дедок с мятым целлофановым пакетиком. В пакете оказались вареная колбаса и хлеб. Дедушка сказал: «Простите, что так мало: это все, что было в холодильнике».

Если бы не эти люди, нам было бы тяжелей. Сейчас милиция перехватывает их и дает за термос чая или спальник десять суток. По вчерашним данным в Интернете, задержано уже более 100 человек.

Чем мы занимались в центре круга? Ходили, общались друг с другом. Сидели кружком, пели песни. Одной их первых мы спели «Прекрасное далеко». Она тоже была как будто про нас. Какие-то радиожурналисты сунули нам микрофон и записали.

У меня сорвалось горло на словах:

Слышу голос, голос спрашивает строго:
А сегодня что для завтра сделал я?

Эту песню, в окружении людей, закрывающих нас своими телами, я тоже постараюсь запомнить на всю жизнь. Этот вечер был, пожалуй, самое лучшее и важное в моей жизни.

Мой рассказ будет во многом опровержением всей лжи, которую обрушивают на нас белорусские и некоторые русские СМИ. Итак, ЛОЖЬ, что наша акция — антироссийская, что мы ненавидим Россию. Среди нас были россияне из Москвы, с русским триколором. Наш майдан начинался не только под белорусские песни. Мы пели и «Перемен», «Группу крови», «Звезду по имени солнце» Цоя. И «Просвистела» ДДТ. Пели «Атлантов» Городницкого, «Книжных детей» Высоцкого, «Идиотский марш» Медведева. Пели «Крылатые качели».

Наш протест — против лжи и диктатуры, против фальсификации выборов и исчезновения людей, избиения журналистов. Против страха и террора. Против Советского Союза, который хватает нас за ноги из своей, казалось бы, глубокой могилы.

Хочется спросить россиян: неужели вам нужны союзники, выбираемые по принципу «хоть сволочь, зато наша сволочь»?

Тем россиянам, которые стояли в оцеплении плечом к плечу с белорусами, такой союзник не нужен.

А еще с нами было несколько украинцев, которые сумели-таки просочиться через границу с флагом. Был грузинский флаг, но грузин я вроде не видела. Было много бело-красно-белых флагов и несколько флагов Евросоюза.

Вместе с нами палатки ставили два молодых эстонских журналиста.

Кстати, неправда, что это все было спланировано заранее. Я расскажу вам, как возникла идея ставить палатки и как возникла первоначальная горстка людей. Терять уже нечего: наши морды засняли все ведущие телеканалы Европы и гэбэшные камеры, наверное, тоже. Потом из меня могут выбить показания, что все было по-другому, но здесь я, надеюсь, успею рассказать правду.

Я снимаю квартиру вместе с Сашей и Таней. С Таней мы жили вместе еще в общежитии журфака БГУ. Иногда к нам приезжает из Сморгони Света, наша подруга по той же общаге.

18 марта на концерте в поддержку Милинкевича Таня и Саша познакомились с двумя журналистами из Эстонии, К. и С. Они ходили, спрашивали, у кого им можно переночевать, потому что не хотели идти в гостиницу. Как нам рассказал К., на границе их 3 часа допрашивал человек из КГБ. У К. забрали ноутбук. На вопросы о целях приезда они заявили, что едут в Киев, и в Беларуси будут только проездом. Поэтому они опасались селиться официально, в гостиницу.

Танька с Сашей привели их к нам. Мы разговаривали до поздней ночи, утром я уехала наблюдать, потом на площадь и домой так и не вернулась. Осталась ночевать у Паши.

По тем цифрам, которые начал давать Центризбирком уже вечером, становилось ясно, что нас обманули. 19-го вечером к нам приехала Света. Она агитировала за Милинкевича в Сморгони, и «результаты» выборов на ее участках ее тоже не порадовали.

Как мне рассказала Таня, ночью они сидели и говорили на кухне о том, как можно выразить свой протест. Идея палаток пришла в голову практически всем одновременно.

Самое забавное, что появилась такая идея не только у них. Мы с Пашкой в ту ночь тоже обсуждали такую возможность, но дальше обсуждения у нас дело не пошло. А у Светки с Таней — пошло. Они позвонили знакомым ребятам. Оказалось, что такие мысли были у многих. Им осталось просто договориться, во сколько они придут на площадь и как протаскивать туда снаряжение.

Эстонцы сначала удивились, потом сказали: «Думайте сами, это ведь ваша страна. Мы, конечно, вам поможем ставить палатки, но нам-то проще. В крайнем случае депортируют — и все. А у вас будут огромные проблемы».

Светка с Таней согласились на проблемы. Так их стало четверо. Утром 20-го они позвонили нам с Пашкой, чтобы спросить у меня разрешения взять мою палаточку, спальник и рюкзак. Я, естественно, разрешила. Мы с Пашей решили, что тоже как-нибудь поучаствуем — тогда это казалось не столь серьезным делом.

Так нас стало шестеро. Не считая еще незнакомых мне ребят.

Кстати сказать, средний возраст людей на Октябрьской будет где-то мой. Года 24. Совсем молодые, студенты есть, но не все. Есть и люди постарше, в основном крепкие мужики в оцеплении. Парней больше, чем девчонок.

Итак, продолжаю свой рассказ. Нас снимали практически беспрерывно, чтобы вспышки не мешали петь, я закрывала глаза. В центре лагеря, среди палаток, мы положили туристические коврики. На их середину мы сначала складывали еду и теплые вещи, потом их стало много, и мы выделили для складов две палатки. Когда я разносила по рядам горячий чай, кто-то подарил мне два букета цветов — ирисов и еще каких-то. Мы поставили их в банку. Рядом кто-то принес и поставил икону. Мы зажгли возле нее две толстые свечи. Старались эту середину держать в порядке, убирать оттуда мусор. Все-таки икона... Рядом ставили только термосы с горячим чаем, но они быстро опустошались. Мы в середине сидели мало — как только приносили горячий чай или кофе, мы разливали их в стаканчики и раздавали нашему оцеплению.

Кстати, одна из самых мерзких выдумок белорусских СМИ — то, что мы все пьяные, и в термосах нам приносят пиво. Оно и выдумано коряво: ну какой дурак на морозе в 3 часа ночи будет пить пиво, а не горячую воду?

Впрочем, такие выдумки мы предвидели. Поэтому в палаточном городке и вокруг был полнейший сухой закон. Все прекрасно понимали: упаси Господь хоть каплю спиртного — тут же заснимут и ославят алкоголиками. Периодически народ принимался скандировать: «Я СУ-ХОЙ! Я СУ-ХОЙ!» Часа в четыре утра неизвестный парень принес нам две бутылки водки. Мы хотели его отправить с ними обратно, а потом подумали: а вдруг он на самом деле не провокатор и попадется ментам? Мы эти злосчастные бу-

тылки даже не стали открывать. Обмотали, чем могли, засунули в сумку, спрятали в палатку и завалили вещами.

Всю ночь с нами был Александр Милинкевич с женой. Они спускались со ступеней крыльца Дворца профсоюзов, приходили к нашим палаткам. Один раз им удалось протащить извне термос с горячим чаем. А двух сыновей Милинкевича задержали ночью на проспекте, когда они пытались пронести теплые вещи.

Ночью было очень холодно, особенно оцеплению, которое нас закрывало, в том числе и от ветра. Эти люди... я готова стать перед ними на колени. Они стояли в плотном кольце на морозе всю ночь, а некоторые и больше — ПО 14 ЧАСОВ И БОЛЕЕ, никуда не уходя, не двигаясь с места. Ночью к нам привели совсем молодого парнишку, который был легко одет. Он едва мог говорить. Мы поили его горячим чаем, растирали ему руки, на которых не было перчаток.

Как грелись? Пели песни, скандировали лозунги, танцевали под ритм, отбиваемый на кружках. В разных краях оцепления люди время от времени тоже принимались танцевать что-то вроде средневековых круговых танцев, ритмично переступая и притопывая.

Кто-то отжимался, кто-то приседал. Несколько людей устроили пробежку вокруг кольца, стараясь быть поближе к стоящим. Они бежали с флагами, впереди был парень с российским, потом кто-то с двумя — белорусским и украинским, потом грузинский. Периодически они радостно вопили: «Моладзь за здаровы лад жыцця!»[6] Я тоже с ними пробежалась. Здорово согревает.

Чуть позже нам пришлось решать еще одну проблему. ТУАЛЕТ, как это ни прозаично. Конечно, многие люди из ближайших домов пустили бы нас к себе. Проблема в том, что туда было не пройти. Вокруг оцепления стояли люди в штатском и собровцы. Были заблокированы все входы-выходы на площадь. Я видела собственными глазами, что на прилегающих к площади улицах стоят целые «караваны» — фургончики для заключенных, автобусы с ОМОНом. Только отойди куда-нибудь — и — с концами.

Долго думали, как выйти из положения. Хотя бы для крайних случаев. Помог один парень, диггер. Практически голыми руками он вскрыл канализационный люк, с краю, ближе к дороге. Над люком поставили палатку, прорезали в ней днище.

А по Белорусскому телевидению сказали, что гнусные оппозиционеры устроили себе туалет — прям нарочно — рядом с Музеем Великой Отечественной войны. Смешно! Музей стоит настолько в стороне от кольца и камер журналистов, что тот, кто вздумал бы к нему наведаться, явно бы назад не пришел.

Еще надо сказать об одной лжи. До того нелепая и неуклюжая выдумка — и все-таки многие люди в нее верят. Мы как будто стоим просто-напросто за деньги. Сначала называлась цифра 20 тысяч белорусских рублей. Потом поняли, что это выглядит просто смешно и нелепо. «Подняли» нам власти «зарплату» почти в пять раз — до 50 баксов.

---

[6] «Молодежь за здоровый образ жизни!»

Боже мой! Пусть бы те, кто в это верит, пришли да попробовали постоять под взглядами и камерами людей в штатском. 14 часов простоять, коченея на морозе, и ждать рассвета, как избавления. Радостно кричать, когда рассвело. И видеть утром, что подкрепления мало: люди просто не пробиваются. И чувствовать, как страшно редеет кольцо с каждой минутой, потому что люди не выдерживают и уходят спать, а смены нет. И каждую минуту ждать штурма, избиения, провокаций. И знать, что, возможно, завтра тебя выгонят из университета или с работы или посадят в тюрьму.

Да, утром нас стало совсем мало. Когда в шесть утра пошел по проспекту автобус № 100, мы придумали вот что. Та сторона оцепления, которая была лицом к проспекту, каждый раз, когда подъезжала «сотка», становилась на колено, чтобы были видны палатки. И люди скандировали: «ДА-ЛУ-ЧАЙЦЕСЬ! ДА-ЛУ-ЧАЙЦЕСЬ!» (для тех, кто не знает белорусского языка: это значит «Присоединяйтесь!»). Они делали это, пока физически могли.

Мы ждали и ждали помощи, а ее приходило так мало!!! Но в девять уже стало понятно, что кольцо выстоит. Часть людей сменилась. Когда мы разносили им горячий чай и еду, они говорили: «Спасибо, мы только что из дома».

В девять утра мне стало совсем плохо. Хотелось спать и колотило от холода. Мы с Пашкой улучили момент, проскочили бегом мимо собровцев и людей в штатском. Рядом стояли журналисты, под камерами нас хватать не стали. Мы запрыгнули в «сотку» и уехали. А Светка и Таня остались там, третьи сутки без сна.

Часть 3. Спальник как оружие пролетариата. Я ненавижу

Поспали мы пару часов у Пашки и разъехались по работам. Так странно: ты сам уже другой, и твоя жизнь уже стремительно меняется, но все пока идет по инерции, тишь да гладь. На работе никто еще ничего не знал. Еще один день можно было потешить себя странной иллюзией, будто продолжается прежняя, размеренная и уютная жизнь. Странная и сладкая иллюзия, как будто из тюрьмы или с войны вернулся на полдня в прежнюю жизнь.

На работе я даже не засыпала. Отредактировала чертовски тяжелую статью, бодро разобралась с делами.

Потом поехала домой — переодеться потеплей, переобуться, а то дернул черт выйти из дома в легких весенних ботиночках. Поесть толком не успела. Решила ехать на Октябрьскую, хотя и сомневалась. По-моему, я неслабо простудилась, к тому же очень хотелось выспаться и написать дневник. А то вдруг завтра загребут — и прощай, «продолжение следует»!

Все же решилась. Обмоталась спальником под дубленкой, пришила спальник к свитеру и обклеила скотчем.

Взяли меня в метро на Октябрьской площади. Очень легко и просто: спальник был виден из-под дубленки. Мне преградил дорогу милиционер, спросил документы и приказал идти с ним в опорный пункт в метро.

Там пришлось устроить вынужденный стриптиз, вынуть все из сумочки. Я старалась вести себя как можно спокойнее и доброжелательнее. Пыталась завести человеческий разговор с людьми в форме, и это у меня полу-

чалось. Офицер, который там сидел, был вообще нормальный, с ним-то мы и говорили. Этот черноглазый симпатичный дяденька на полном серьезе спрашивал, сколько мне заплатили. Второй был совсем не такой. Он перетряхивал мою сумочку. Нашел дискеты и злобно спрашивал, что у меня там. Я спокойно сказала: «Ну, возьмите, посмотрите», а сама мгновенно покрылась холодным потом. У меня там были новости с сайта svaboda.org и «Мартовские дневники». Второй мент долго думал, не сломать ли мои дискеты (чего мне в тот момент хотелось больше всего). В итоге все-таки отдали. Отдали и визитку К., на эстонском языке. Не увидели, наверное, там слово «correspondent».

Мы с милицией разговаривали, я пыталась им объяснить свою позицию, дать понять, что мы — не пьяные отморозки. Милиционеры мне говорили, что сегодня ночью будет «хапун», будут людей избивать и забирать в милицию. В общем, всячески пытались запугать.

Только один раз я чуть не сорвалась — когда пришли люди в штатском, гэбэшники.

Если милиционеров я могу понять и в чем-то оправдать, то этих — не-на-ви-жу! Они чем-то все похожи: одинаковые толстоватые невыразительные лица, одинаковое самодовольство и уверенность в своей безнаказанности. Одеты во что-то темное и невыразительное, и по этому их узнают.

ЭТИ были со значками, НАШИМИ значками «за свободу»! Вели они себя в отделении как полные хозяева. Один из них, тот, что был повыше и поплотнее, посмотрел на мой спальник и довольно сказал: «О! Спальник! Занесу-ка я его Николаичу в машину, пусть погреется, а то замерз уже за четыре часа».

И тут я поняла, что мне надо крепко держать себя в руках, иначе я сорвусь.

Они рылись в моих вещах, долго смотрели паспорт. Один взял книжку братьев Стругацких, которая была в сумочке, недоуменно покрутил ее в руках (меня так и тянуло сказать: это книга, ее читают) и спросил: «Это что? Детектив? Мистика?».

Сначала они хотели написать протокол и отвезти меня в приемник-распределитель на Окрестина. Но тут высокий сказал: «Ай, ну ее! Пошли к этим придуркам, а то, пока будем ее возить, там в оцеплении все вкусное съедят без нас».

И нацепил на самое видное место бело-красно-белый значок.

Такой ненависти и боли я не чувствовала еще никогда. Мне хотелось вцепиться ему в горло, этому сытому укормленному циничному борову, который нас арестовывает и с чистой совестью жрет нашу же еду. Еду, которую таскают нам люди, рискующие сесть за это на десять суток. Которую раздают замерзшими руками девочки, стоящие на майдане вторые сутки без сна.

Это нельзя простить и забыть. Самое отвратительное, что сделала нынешняя власть, — разделила свой народ на «чэсных» и «нячэсных». Большей части народа капитально промыла мозги. Подло оболгала перед ней самых честных и смелых, не терпящих несправедливости, не умеющих мириться со злом. А меньшую, «инакомыслящую» часть заставила в каждом встречном видеть возможного провокатора и сотрудника спецслужб. И весь народ зас-

тавили бояться и молчать. Бояться ареста, вылета с работы, избиения в темном подъезде. Бояться за себя, друзей и родных. В эти дни мне постоянно звонят знакомые и друзья, спрашивают, на свободе ли я, как себя чувствую. Проверяют, все ли со мной в порядке.

Если и в порядке, то ненадолго. Я не питаю иллюзий. Если сегодня меня отпустили, это не значит, что наступила в стране демократия.

Им просто невыгодно поднимать шум сейчас, когда в Минске столько иностранных журналистов. Эти ребята из Рейтер, Польского телевидения и других СМИ — их присутствие сейчас нас защищает. Мы на свободе, пока там, на площади, стоит кольцо. Я думаю, как только все это закончится, «комитет госбезопасности припомнит наши имена». Тем более, что лица свои мы не прятали.

22 марта. ДА-ЛУ-ЧАЙ-ЦЕСЬ!

Чуток отоспалась дома.

Я спешно заканчиваю дневники и уезжаю на площадь. Мне сыплются звонки от знакомых и родных, которые видели меня на НТВ и в «Евроньюс». Но с телефоном что-то странное, в нем какие-то шумы и щелчки. Скорее всего, нас прослушивают.

Вчера ночью нам позвонили эстонцы, К. и С. Эстонский консул попросил их срочно покинуть страну. Он сказал, что они здорово засветились рядом с нами и что «палаточников» ждут очень большие проблемы. Они просили прощения за то, что уезжают и бросают нас. К. сказал, что постарается приехать снова через неделю.

Надеюсь, смогу отправить эти дневники в Интернет, дойду до Интернет-кафе. Отправлю, кому смогу.

Что будет завтра, не знаю. Я хочу попросить тех, кто это читает. Люди! Если вы белорусы, приходите на площадь, кто может — стойте с нами! ДА-ЛУ-ЧАЙ-ЦЕСЬ!

Если вы живете далеко от Минска, распространите эти дневники, чтобы их прочитало максимальное число людей. Этим вы тоже очень поможете.

На всякий случай всем пока!

3 апреля

Вчера ночью я сидела на кухне, пила чай и глядела, как за окном светает. Не могла оторваться. Это было очень красиво: молочный туман, четкие тонкие ветви деревьев — и свет, свет, которого больше с каждой секундой! Простор и свет, от которого мы почти отвыкли в душной камере.

Вчера ночью, в 3.15, истекли наши десять суток, и мы вышли из изолятора временного содержания УВД Минского района прямо в весну. Кто-то из девчонок робко спрашивал: «А может, останемся до утра? А чем мы будем добираться?» Я сказала, что лично я в этом клоповнике лишней минуты быть не хочу и уползу отсюда любым способом, даже если не смогу идти.

Да, мы вышли в неправдоподобно нежную, тающую, весеннюю ночь. И казалось, даже все прошедшие события на пару минут отступили, потускнели, дали мне перевести дыхание.

...А потом вспомнилась та лютая, еще полностью зимняя ночь, последняя ночь на Майдане. И все, что было вслед за ней.

Мои «Мартовские дневники» будут продолжаться в апреле. В тюрьме мне встретилась девушка, которая пришла на Майдан, потому что прочитала их в Интернете. И значит, не зря это все написалось, как выдохнулось, совершенно неподконтрольно.

Я продолжу. Постараюсь вспомнить все день за днем. Запишу и кое-что из рассказов друзей и знакомых.

23–24 марта. МОСКВА, РОГАЧЕВ И СВЕТЛОГОРСК. ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ ЗИМЫ

Конечно,
гибель поначалу страшит,
Тем паче с непривычки.

М. Щербаков

Утром 23 марта мы все же съездили домой чуть поспать и вымыться. Уходили с Майдана большой плотной группой — так было безопаснее. А оставшееся кольцо было такое редкое, а смотрели нам вслед с таким отчаянием, что я чуть не кинулась обратно. Меня остановила только боязнь, что не выдержу еще одну ночь без отдыха.

Для ухода с Майдана была придумана своя техника. Сбиваемся этакой «свиньей», выходим из оцепления и — строевым шагом топаем к метро. Не доходя до станции «Октябрьской», быстро сворачиваем — и улочками, дворами почти бегом выходим к станции «Немига». Там садимся в метро и разъезжаемся.

Минчане разбирали иногородних по домам на отдых. К нам домой поехали поспать-погреться Светлана Жилинская из Рогачева, предприниматель Виктор из Светлогорска и девушка Марина из Москвы. Светлана приехала на площадь с дочкой Катей. А ее муж, Виктор Жилинский, в это время отсиживал свои сутки в Рогачеве. Москвичка Марина вообще приехала в одиночку, из любопытства: поглядеть на революцию. То, что она здесь увидела и услышала, так ее потрясло, что она решила оставаться до конца вместе с нами.

Мы долго не могли разойтись по комнатам: хотелось говорить и говорить друг с другом, слушать, как другие рассказывают о себе. К вечеру, когда мы втолкнули в себя по парочке пельменей и немного поспали, стало ясно, что у Марины температура. Она решила остаться дома, долго звонила в Москву и рассказывала про Майдан, звала знакомых приехать. Все остальные кое-как поднялись и поехали на площадь.

Муторная была ночка с самого начала. Единственные светлые и спокойные минуты выдались, когда я еще стояла вне оцепления, взявшись за

руки с близкими мне людьми. На площади в то время собралось много народу, люди стояли со свечами и лампадками вокруг нашего оцепления, и было совсем не страшно. Очень не хотелось разнимать рук, но пора уже было гнать в шею тех, кто не собирался остаться на ночь. После двенадцати ночи уходить с Октябрьской — дело весьма рискованное: позже я встречала не одного человека, которого при этом задержали.

Погнали мы с Асей наших друзей домой — они собирались прийти назавтра — и нырнули в оцепление.

Первое, что я увидела, — избитого парня, который лежал между палатками и которому пытались оказать помощь. Как мне сказали, его избили люди в штатском за то, что он пытался пронести в лагерь биотуалет.

Когда я увидела кухню городка — пришла в ужас. Там был разброд и шатание: продукты свалены бестолковыми грудами и мешают проходить, мусор пару часов явно не убирался, черт знает где что искать в этом бардаке. И главное, жуткая нехватка желающих все это разгребать...

Но в оцеплении стояли не каменные атланты, а живые люди, которые очень ждали горячего чаю и у которых впереди — мы так думали — была еще очень холодная ночь. Мы взялись за дело. Все там разобрали, чистенько вымели мусор, какой-то мужик раскочегарил углем мангалы, и мы начали кипятить чай. Конечно, его на всех не хватало. Очень горько было, когда прибегали гонцы из разных сторон оцепления и кричали, что там замерзают люди, есть больные, нужен кипяток, чтобы развести лекарство. А кипятка было мало: в ту ночь извне до нас почти никто не дошел. Три-четыре термоса принесли, и то с вечера, — и все. Да, еще помню, прошла какая-то женщина в час ночи, два небольших термоса пронесла на себе, привязанные резинками крест-накрест, как пулеметными лентами.

Кипяток грелся медленно, а расходился очень быстро. Девчонки-добровольцы собрались в «чайные команды». Чайная команда — две девушки, одна с термосом, другая с пластиковыми стаканчиками. Такая пара идет вдоль оцепления по внутреннему кругу и раздает всем желающим горячее питье. Парочка девчонок пыталась выскочить за оцепление, чтобы напоить чаем тех, кто стоял в самом внешнем кольце. Но их тут же затащили обратно. Незнакомый парень отвесил Аське подзатыльник и сказал: «Неужели вы не понимаете?! Тут отошли несколько парней, буквально на 20 метров, их начали бить люди в штатском, а мы стояли и смотрели. И знали, что это провокация, и если мы кинемся на помощь, через минуту здесь будет ОМОН, «чтобы разнять молодежную драку», и пометелят под это дело всех. Но если ВАС начнут бить, мы не выдержим, кто-то обязательно выскочит из цепи! Так вот, чтобы за кольцом духу вашего не было!»

Чем дальше, тем тревожнее становилась ночь. Музыка все чаще прерывалась просьбами в микрофон: «Пожалуйста, все, кто внутри круга, станьте на периметр! Подтянитесь на правый фланг! Не поддавайтесь на провокации!»

Прибегавшие из оцепления люди рассказывали, что приходили провокаторы — несколько укормленных молодых людей с красно-зелеными флагами. Они делали все, чтобы вызвать драку, — орали матом, плевались. Один из них с размаху ударил ногой в грудь человека, стоявшего в оцеплении. Тот даже не мог закрыться — руки-то взяты под локти в сцепку. Но

кольцо выстояло. Никто не поддался. Говорят, они закрывали глаза, чтобы поменьше видеть ЭТИ рожи.

То с одной, то с другой стороны кольца неслось: «Гань-ба! Ганьба!» Это был сигнал, что подходят провокаторы либо журналисты Белорусского телевидения. А еще с одной стороны в кольце стояли люди с юмором. Когда подходили провокаторы, они начинали петь песенку из детской «Калыханки» — «Колыбельной»:

Хто ен? Дзед-Барадзед!
Абыйшоў белы свет,
А цяпер, у ціхі час,
Завітаў да нас![7]

И тут же на эти крики и песенку в опасные места бежали люди и укрепляли там живое кольцо.

Где-то после двух ночи прошел слух, что всех журналистов оттеснили на пятачок между Дворцом профсоюзов и проспектом Скорины. Там была инсценирована драка, все, кто был с камерами и фотоаппаратами, кинулись туда — и уже не вернулись. Оттуда не видно было лагеря, нас закрывал Дворец профсоюзов.

Все чаще музыка прерывалась призывами стоять крепче и держать кольцо: «Провокация! Молчим! Не отвечаем! Все, кто спит в палатках, — выходите и становитесь в кольцо!» То на одном, то на другом краю начинали скандировать: «Мол-чим! Мол-чим!»

А потом вдруг упала тишина. Полнейшая. Страшная. Музыка оборвалась, полутысячная толпа застыла в таком молчании, что были слышны отдельные растерянные голоса. Мы стояли и смотрели, как на площадь выезжают бронированные автофургоны с зарешеченными окнами — «автозаки», как называли их в толпе. Выезжают и окружают нас плотным кольцом. Кто-то крикнул в микрофон: «Все мужчины — в оцепление, все девушки — на середину круга». Ася, которая работала на кухне рядом со мной, кинулась в цепь, хватать людей за руки, делать третью цепочку. Я ломанулась вслед за ней, кто-то из парней с руганью схватил меня за шиворот и толкнул обратно в центр: «Дура! Тебе что — жить надоело?» А потом я, честно говоря, и сама здорово испугалась.

Потому что между автозаками появились омоновцы. Очень быстро, в полнейшем молчании они окружили наш лагерь. Экипировка — как для боев с террористами: тяжелые бронежилеты, шлемы, руки и ноги в защите, дубинки, газовые баллончики. Мне чуть не поплохело от страха, я такие чудеса видела впервые в жизни.

Говорят, было какое-то предупреждение, типа расходитесь, а то будет хуже. Возможно, но лично я его не слышала. Хотя в той тишине достаточно было громко сказать голосом — и слышно было бы на всю площадь.

Так вокруг лагеря встала черная стена. Они стояли лицом к лицу с нашим кольцом, в метрах трех-четырех от внешней цепочки. Стояли, молчали и некоторые — улыбались.

---

[7] «Детки! Кто он? Дед-Барадед! / Обошел весь белый свет, / А теперь, в тихий час, / Заглянул он к нам!

Кольцо не дрогнуло! Все эти длинноволосые студенты, преподаватели-интеллигенты средних лет, пожилые люди, минчане рядом с москвичами, парень из Екатеринбурга в одном строю с украинцем из Львова — все они стояли молча, глядя в лицо качкам из ОМОНа. Кто-то пытался скандировать: «Міліцыя з народам! Міліцыя з народам!»

У аппаратуры микрофон, наверное, рвали друг у друга из рук. Женщина из штаба Милинкевича, кричала в микрофон: «Дзеткі! Трымайцеся! Вы ўсе — мае дзеці! Трымайцеся мужна! Міліцыя! Што вы робіце?! Не пралівайце крыві! Гэта ж дзеці! Гэта ж лепшыя дзеці нацыі!»[8]

Черная стена стояла. ОНИ ждали команды. Кто-то закричал в микрофон: «Садитесь на землю! Сцепляйтесь за руки!». Мы все сели. Кто-то взял меня за плечо, слева и справа я сцепилась под локти с какими-то девчонками. Опять стало тихо. Я вспомнила, что не залила мангалы, полные горячих углей, и стало страшно: а вдруг кто-нибудь туда рухнет лицом или руками? Пыталась вскочить, чтобы залить, но сидящие рядом меня удержали, сказали: «Вот-вот НАЧНЕТСЯ! Сиди тихо!»

Меня колотила сильная дрожь, дышалось с трудом, сквозь стиснутые зубы, чтоб не расплакаться. Достала мобильник и позвонила одному близкому человеку. «Слушай, нас сейчас будут брать! Говори со мной, не молчи, тогда будет не так страшно!». Следующие несколько минут я описывала ему все, что происходило.

...Кто-то из наших крикнул: «Мы уходим! Пропустите нас!» Мы стали скандировать: «Мы-у-хо-дим! Мы у-хо-дим!» Ноль реакции.

И вот стена двинулась. Омоновцы начали хватать парней из внешнего кольца, пытаться вытягивать их по одному из сцепки. Сначала фиг у них получалось! Люди цеплялись за руки, за одежду, одного держали чуть ли не десятеро.

Потом я увидела страшную вещь. Из первой цепочки сидящих вскочил парень, с размаху саданул кулаком по голове соседу, схватил того за шиворот и потянул к автозаку.

Да, среди нас были провокаторы. Тут и понеслось: людей из оцепления вытягивали по одному, кого-то били дубинками, кого-то кулаками, кого-то просто волокли к машинам.

Оцепление перед нами редело на глазах. Кто-то закричал, когда перевернули мангалы. Перед нами вскочили, взявшись за руки, несколько парней, чтобы нас не стоптали. Когда этих парней начали хватать, мы вскочили тоже.

В центре лагеря уже оставались почти одни девушки. Омоновцы шли по палаткам и продуктам. Наша толпа шарахнулась отступать к проспекту, тоже не разбирая дороги по лагерю. Шли, наступая на палатки и теплые вещи, я упала, меня кто-то поднял, потом рядом тоже кто-то падал, и я его поднимала. Потом, уже ближе к проспекту, вокруг меня вдруг не стало людей, мобильник отрубился, я машинально сунула его в карман, и меня крепко схватил повыше локтя омоновец в черной форме.

---

[8] «Держитесь! Вы все — мои дети! Мужайтесь! Милиция! Что вы делаете? Не проливайте кровь! Это же дети! Это же лучшие дети нации!»

— Спокойно, спокойно, я не сопротивляюсь! Не трогай меня! — сказала я ему, и показала пустые ладони.

Это было уже не так страшно, как смотреть на черную стену вокруг лагеря или наблюдать, как хватают парней. Он повел меня к автозаку, ближайшему к Дворцу профсоюзов со стороны проспекта. Там была большая толпа, всех ОМОН пытался загнать в машину, но люди заходили медленно.

Я оглянулась на растоптанный лагерь, где полегли все палатки, где остался мой рюкзак и, что еще печальнее, гитара. Но я беспокоилась не за вещи: боялась, чтобы никто не влетел в раскаленные уголья на кухне. К счастью, этого не случилось. Я увидела кое-что другое, очень интересное.

В лагере, скособочившись, стояла единственная палатка. К ней подбежали какие-то люди — не отфиксировала, были ли они в штатском или в форме. Они стали вытряхивать в распахнутую палатку что-то из больших пластиковых пакетов — по моему, бутылки и какие-то мелкие вещи. Рядом с ними был человек с камерой, который снимал внутренность палатки. Больше мне не удалось увидеть — омоновец рванул меня за руку и повел ближе к автобусу.

Прямо напротив этого автозака стояла цепь милиционеров, спиною к нам. А из-за их плеч — вспышки, вспышки, камеры! Там были оттесненные журналисты, они стояли вплотную к милиции и снимали поверх плеч.

Так вышло, что я стояла к этой цепочке ближе всех. Сначала была мысль — вырваться и побежать прямо на камеры, попытаться пробиться к журналистам. Потом я решила, что не надо: на 90 процентов вероятно, что поймают и изобьют, если не здесь, то позже, не под камерами.

Я просто стояла и смотрела. Мне хотелось крикнуть им: снимайте, снимайте и показывайте, какие мы на самом деле! Показывайте только правду. Покажите нас людям. Пусть знают, что мы не отморозки и не откованные из стали герои. Обычные люди, как любой устроившийся на диванчике перед телевизором, из той же плоти и крови. Ваши соседи, коллеги, друзья и родственники! И нам было страшно до тошноты, и нам становилось плохо сутки за сутками на морозе, но мы все равно стояли до конца. И ни о чем не жалеем.

Я спросила омоновца, который меня держал: «И тебе не стыдно? Ты же видишь, что мы не алкоголики и не наркоманы. Ты по возрасту мог бы быть моим братом».

Он не знал, что отвечать. Ощерился и рыкнул что-то неразборчивое.

24 марта. НА ОКРЕСТИНА — 1

Белое и черное. «Живе» ваша Беларусь?

(*Предупреждение: прошу прощения за большое количество ненормативных цитат из речи бойцов ОМОНа.*)

В автозак народу напихали столько, что можно было не бояться упасть в обморок от духоты — все равно падать было некуда. Кто-то молился, кто-то пел «Магутны Божа», пару человек тихо паниковали, но их успокаивали. На лавочках сидели по очереди самые слабые, кому было плохо. Кто-то в

конце фургона, подальше от спецназовцев, умудрился позвонить на радио «Свабода». Мы старательно заглушали звонящего песней и разговорами.

Время от времени омоновцы от двери принимались орать: «Так! Поймали тишину! Молчать! А то будете сейчас по автобусу летать! У кого увижу телефон — кровью с.ать будете! Эй ты, дед, руки поднял! Чтоб я видел твои руки!»

Потом автобусы куда-то свернули, еще раз свернули. По крыше и окнам заскребли ветки. Незнакомая женщина в панике крикнула: в лес везут!

— Ага, стрелять вас будем, — ухмыльнулся один из охранников.

Но кто-то сориентировался, сказал: наверное, привезли в спецприемник-распределитель на улице Окрестина.

Когда приехали, снова был крик: «Так! Выходить по одному! Лицом к стене!» Меня вывели одной из первых на этот белый, белый дворик. Грязно-белый снег, грязно-белые стены, прожекторы слепят глаза. Белые лица, огромные растерянные глаза людей. А небо стало черным, и в нем не было больше звезд. Черные тени плясали на белых стенах, черная форма ОМОНа вокруг. Люди выходили молча, слышен был только ор «бойцов», как перекличка, между собой: «Суки вонючие, революции им захотелось! Да от них воняет, как от бомжей! Алкаши, фу, сивухой несет! Наркоманы! Бомжи! Шлюхи! Всех вас надо над одной ямой расстрелять и закопать!»

«Руки к стене!» Меня толкают к белой стенке, такой холодной, что кажется, будто руки к ней сейчас примерзнут. Сзади «в затылок» ставят еще кого-то, и молодой парень становится рядом справа. «Стоять! Не оборачиваться! По сторонам не смотреть!»

Мне снова становится страшно. Стоя руками к стене, чувствуешь себя полностью беззащитным, спина каменеет от напряжения, плечи и шею даже судорога сводит.

Может, я бы и заплакала там, в белом дворике. Но меня держали три самых прочных стержня, которые, оказывается, есть во мне, три самые ценные ценности, которые отковались за всю жизнь. Теперь точно знаю, что самое дорогое нажила за 24 года.

И первая из них — это сухая белая ярость, твердо сводящая скулы. Не та, от которой багровый туман перед глазами, а та, от которой мир приобретает небывалую резкость, слова становятся холодными, а взгляд сосредоточенным.

И вторая ценность — это были слова, которые я твердила, как молитву, потому что даже «Отче наш» там вспомнить было тяжело. Глядя в белую стену, на черную тень, я повторяла упорно, еле шевеля губами: я люблю тебя, люблю, люблю, люблю. И дальше одно имя. Все два часа. И стоять от этого становилось легче, сердце колотилось спокойнее.

А третий стержень — это неистовое, огромное желание запомнить все, что творится вокруг, каждое слово, интонацию, каждый удар. А потом выйти из тюрьмы и рассказать всем, кому смогу, знакомым и незнакомым, в Интернете, в прессе, да просто на улице и в автобусе, рассказывать, пока будет голос.

Физически они сильнее, несоизмеримо сильнее меня. Но слово — тоже оружие.

И я смотрела, слушала, запоминала. Как омоновцы подошли к мужику из «Молодого фронта», усатому, русоволосому, в защитной куртке, стоявшему у стены. Один из них этак буднично сказал: «Ну что, старый знакомый? Сейчас мы тебе покажем, что мы ОМОН, а не кучка пидоров». И коротко, без замаха саданул его в живот. Я повернулась и смотрела, пока на меня не рявкнули: «Лицом к стене!» Но лицом к стене, когда слышишь только отвратительные глухие звуки ударов, еще страшнее.

С другой стороны гоготали, видимо проверяя документы у украинца. «Что, хохол, своего сала мало было, к нам приперся? На революцию!»

Потом стали издеваться над каким-то стариком: «Смотрите, стариканто обмочился! Обделался! Ха-ха! Куда тебе, дед, на митинг, все штаны мокрые! Смотрите, старичок обделался».

Рядом со мной омоновец сказал парню тихо, почти ласково: «Что, прозрачное стекло, хочешь в страну вечной охоты?». Видать, обсмотрелся какого-то фуфла по телевизору.

Пару раз кто-то из спецназа, видимо офицер, выходил на крыльцо и орал: «Ну что, уроды, "жыве" ваша Беларусь? Не слышу ответа!»

Все молчали, понимали, что провоцирует. За эти дни все мы отлично натренировались не отвечать на провокации.

По справедливости сказать, так поступали не все омоновцы. Были такие, которым все это было явно не по душе: они просто молчали или даже вступали в нормальный разговор. Быть может, понятие «воинская честь» все же не окончательно стало пустым звуком в Беларуси. А может, есть просто человеческие ценности, которые не сломить даже спецназовской муштрой?

24 марта. НА ОКРЕСТИНА — 2

«Я встану рядом с вами». Протоколы

Переписав наши фамилии и отобрав паспорта, нас через пару часов стали группками заводить внутрь здания. Несовершеннолетних повели куда-то отдельно. Сначала пытались ставить лицом к стене, потом стен стало не хватать, и уследить за всеми было уже невозможно. Там было уже не так страшно: шум, теснота, в коридорах вдоль стен стоят люди, снуют туда-сюда менты и ОМОН, тебя переводят с этажа на этаж, возвращают обратно. Практически каждого из нас охранял омоновец. Там, в коридорах, мы высматривали знакомые лица, передавали известия, пытались втихомолку позвонить родным на мобильники. Увидели нескольких избитых парней. Под конвоем двоих омоновцев прошел парень, который был комендантом в палаточном городке; он еле переставлял ноги, лицо темное, губы плотно сжаты.

Мы разговаривали с охранниками: в наших легких еще бродил воздух Майдана. Мы показывали им наши запястья, просили убедиться, что мы не наркоманы. Требовали хором алкогольной экспертизы в присутствии свидетелей. При мне НИ ОДНОГО человека на экспертизу не увели.

Это был редкостный случай понять, как мыслят и чувствуют те, кто оказался на другой стороне баррикад. Мы старались этот случай не упустить. В сотый раз отвечали на одинаковые расспросы конвоиров: нет, денег

нам никто не платил. Нет, спиртного и наркотиков в лагере не было. Да, многие из нас имеют красные дипломы престижных вузов и хорошую работу.

В глазах у многих охранников была только одна эмоция — удивление.

— Тогда зачем вы туда пошли?!

Мы снова и снова говорили о лжи, фальсификациях, тоталитаризме. О правах человека и экономике. О том, что нельзя мириться с нарушением закона и исчезновением людей. Реакция была самая разная. Одни пытались заткнуть нам рот, другие молча слушали, третьи принимались спорить.

Один омоновец выдал по поводу выборов гениальную фразу:

— Ну, понятно, что 10-15 процентов Лукашенко приписали. Но ведь и на самом деле процентов 60 за него проголосовали, а это большинство!

Другой охранник сказанул еще круче. Я сказала ему, что неестественная экономика, которой не дают развиваться по законам рынка, рано или поздно рухнет, и пусть тогда они вспомнят мои слова. Этот парень на полном серьезе ответил:

— Ну, если это произойдет, я уйду из милиции и в следующий раз сам стану рядом с вами на площади!

У одного из охранников я спросила:

— А если завтра на площадь выйдет двести тысяч и вам прикажут стрелять в людей, — вы будете стрелять?

— Да, я выполню приказ.

— Сомневаться не будете?

— Нет.

Комментарии излишни.

Часов в десять утра, наконец, завели меня в кабинет — составлять протокол. Там этих писарей милицейских было больше десятка, и каждый «трудился». У меня спросили только имя-фамилию, где учусь и где работаю. Дальше протокол писался со слов того омоновца, который меня привел.

Оказывается, ко мне два раза подходили сотрудники милиции и вежливо просили покинуть площадь (ага, прямо-таки умоляли! ☺). А потом еще персонально предупреждали. А я, дескать, знай себе махала руками и кричала «долой Лукашенко!».

Это все больше походило на фарс.

В протоколе я написала, как все было на самом деле, но это, похоже, никого не впечатлило.

— На площади были?

— Была!

— Тогда подписывайте!

За соседним столом спрашивают какого-то парня, лет 26:

— Где учитесь, работаете?

— Белорусский государственный университет!

— Факультет, курс?!

И тут парень гордо выпрямляется и с достоинством заявляет:

— Я вообще-то, знаете, там преподаю!

— Так и запишем!

— Пишите, пишите!

24 марта. На ОКРЕСТИНА — 3

Легенды. Невидимка в валенках. Синий «фольксваген»

После протоколов у нас отобрали сумки и мобильники и затолкали в большую камеру с двухэтажными нарами. Те несколько часов, которые мы там сидели, люди лихорадочно рассказывали друг другу все, что они видели и слышали на площади.

Оттуда, я думаю, пошло гулять немало крылатых, уже полулегендарных рассказов.

Например, о знаменитом дедушке-ветеране, который неведомо каким способом сумел пронести на площадь две пары валенок, да еще и с калошами. На одном валенке синенькими нитками было вышито «Свобода».

С этими валенками потом вышла, как рассказывают, очень интересная история. Ту самую пару, со «Свободой», надела в последнюю ночь какая-то девушка, чтобы не отморозить ноги. Во дворике на Окрестина ее поставили у самой стены рядом с задержанным журналистом-канадцем. За ними «в затылок» стояло еще довольно много людей. Шум, гам, людей по одному, по двое начинают отводить в здание, чтобы составлять протоколы.

И тут девушка говорит:

«Надо снять валенки и надеть ботинки, а то снимут нас на камеру и станут говорить: вот какие бомжи собрались на площади — в валенках».

Она аккуратно снимает валенки, прячась за спины, достает из рюкзака свои ботинки, ногами на снег — и переобулась. А валенки тихонько ставит у окрестинской стены.

Когда почти всех уже увели, у стенки остались стоять канадский журналист и... валенки! Тут милиционеры засуетились. Они никак не могли взять в толк, откуда там взялись валенки. Кто-то сбежал и бросил их, чтоб не мешали? Или это невидимка стоит в валенках? Все так страшно серьезно, а тут — одинокие валенки, поставленные к стенке...

Один из милиционеров предложил канадцу, чтоб тот забрал эти валенки с собой как сувенир на память о Беларуси.

Как мы узнали потом, талисман из валенок получился, прямо сказать, никакой: вляпали канадскому гражданину в белорусском суде 15 суток. Кстати, позже я встречала парней, которые с ним сидели. Говорят, держался посланец северной державы очень неплохо. Единственное, что сказал после суда: «Я за несколько дней увидел здесь столько нарушений прав человека, сколько не видел за предыдущие 20 лет».

В камере на «Крестах» (так с чьей-то легкой руки мы начали называть приемник-распределитель на Окрестина) я впервые услышала замечательный анекдот:

В ночь на 23 марта милиция останавливает машину на подступах к Октябрьской площади. Досматривают машину. Милиционер водителю, грозно:

— Еду, горячий чай, теплые вещи везете?

— Нет, нет, упаси Боже!

— А что везете?

— Да так — сигареты, наркотики, водочка...

— А, ну проезжайте, проезжайте!

Еще одну «автомобильную» историю рассказали очевидцы. В те дни ГАИ запрещало легковым машинам останавливаться на площади. А если кто, проезжая, сигналил демонстрантам, тут же фотографировали машину и записывали номера. Чуть подальше останавливали и проверяли права.

И вот, проезжающая легковушка сигналит лагерю. Мгновенно подскакивает гаишник, машет палочкой, тормозит эту машину буквально через 300 метров, возле Нулевого километра. Водитель спокойненько подчиняется, выходит и протягивает постовому документы.

А в это время с заднего сиденья легковушки выбирается мужик с огромной сумкой и радостно чешет прямиком в оцепление.

Интересно было вспоминать, как люди проносили палатки. Но эти ухищрения мы пока описывать не будем.

Может, еще пригодятся...

Там же, на Крестах, мне рассказали историю о секретаре БРСМ. «Герой нашего времени», вполне поверивший сообщениям БТ и газет, в искреннем возмущении приехал на площадь посмотреть на «гнусных уродов», «укуренных отморозков». И чем-то не понравился товарищам из спецназа. Когда ему заламывали руки, он орал: «Что вы делаете?! Да я же секретарь БРСМ! Да я же сам за Лукашенко голосовал»! Однако ни ментов, ни судью, это особо не тронуло. Дали болезному десять суток и отправили сидеть в камеру с «политическими». Ребята старались относиться к нему терпимо и с пониманием: все-таки их много и они все вместе, а он один... Но, говорят, было ему все-таки очень не по себе.

Так мы сидели и развлекались историями. А еще — пели, потому что иначе некоторые могли и заплакать. Особенно девочки — студентки 1–2-го курсов. А таких хватало. Они думали о том, что скажут им родители и как жить дальше, если их отчислят. Мы им рассказали, что совет ректоров польских университетов принял решение: всех отчисленных студентов из Беларуси принимать доучиваться в Польше. Там даже организован специальный фонд имени Кастуся Калиновского.

— Так что не реветь, студенты! Доучитесь в Варшаве!

Но каждый понимал: Варшава — это, конечно, неплохо, однако уезжать из страны никому не хочется. И непонятно, как потом возвращаться обратно. Будет ли действовать в Беларуси диплом европейского образца? Не окажутся ли эти девочки ненужными своей Родине?

Где-то после обеда (в смысле обеденного времени, потому что кормить нас, естественно, никто не стал) лязгнул в двери замок.

— На выход! Всем стать лицом к стене!

Странно, но после какого-то раза перестаешь воспринимать такие вещи как нечто неестественное, отвратительное. Психика, спасая свою целостность, адаптируется к ненормальным условиям. Командуют — становишься. И сам пугаешься своей тупой готовности подчиниться.

— Сейчас мы вас отведем в автобусы!

— Куда вы нас везете?!

— Куда-куда? На суд!

Идем по какому-то коридору, спускаемся в еще один внутренний дворик, где стоят автобусы. Стекла выше половины затемнены, на них наклее-

на темная пленка. В автобусе четверо омоновцев с дубинками и газовыми баллончиками.

— Сидеть тихо! В окна не высовываться, не кричать!

Мы притихли. И вдруг кто-то показывает на забор: над ним высовывается человек с фотоаппаратом.

— Журналисты! Нас ждут журналисты! — выкрикивает кто-то. Лица в автобусе приметно веселеют.

Выезжаем за ворота, и сразу как вспышка в глаза: у ворот стоит толпа, человек с полсотни. Стоит уже явно далеко не первый час.

— Там моя мама! — отчаянно кричит, вскакивая на ноги, девчонка-первокурсница. Автобус взрывается криком. Мы вскакиваем, приникаем к окнам там, где они прозрачны, колотим ладонями по стеклу, машем руками. Рев омоновцев никого не останавливает. Там, снаружи, под колеса летят цветы.

На повороте наперерез автобусу кидаются люди. Мелькают фотоаппараты, камеры. Кто-то рядом плачет, но это, скорее, слезы радости.

Это было очень важно: почувствовать, что мы не остались один на один с Системой, что нас поддерживает множество людей, что нас не оставят в беде. Это было не менее важно, чем вода или еда. А может быть, на тот момент даже и более.

Сразу же на выезде, не успели мы вывернуть на улицу, за нами плотно пристроился синий микроавтобус «фольксваген». Рядом с водителем сидела женщина с фотоаппаратом, и кто-то еще был на заднем сиденье. Весь автобус зашептался: «Правозащитники, правозащитники». Мы махали им в заднее окошко, и они отвечали нам, высовывая руки из боковых окон. За микроавтобусом шла колонна из нескольких легковушек, одна девушка узнала среди них машину своих родителей.

«Фольксваген» в голове «погони» шел за нами очень аккуратно, плотно, ровно, не отставая на светофорах и поворотах, через весь Минск. Мы выглядывали в окна, несмотря на все окрики. Пару раз останавливались на красный свет бок о бок с городскими автобусами. Мы пытались как-то просигнализировать пассажирам, махнуть рукой. Бесполезно. Погруженные в себя, безразличные люди, непонимающие лица. Как будто они живут в каком-то другом городе, как будто не их коллег, знакомых, сограждан молотили вчера на Октябрьской! «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу!»

А возможно, они действительно НИ-ЧЕ-ГО, ничегошеньки не знали. Когда я думала об этом, у меня просто руки опускались. Но стоило глянуть на синий «фольксваген», неотступно следовавший за нами, на старый добрый «фольксваген», похожий на верного пса,— и тоска и страх сразу отпускали.

24 марта (первые сутки)

Вечер. Ложь. Без воздуха

Когда мы въехали за какие-то ворота и за нами закрылась решетка, все подобрались. Невыспавшиеся, голодные, мы собирали силы и готовились выступить в суде. Однако сначала нас по очереди отвели в какие-то очень тесные каморки-карцеры, метра два на два, без окна, с единственной деревянной лавочкой. В каждую набилось по шесть-семь человек. Там мы прове-

ли часа три, все еще не понимая, где находимся. На наши расспросы ни один милиционер не отвечал.

Что меня поразило больше всего в обычаях и нравах нашей пенитенциарной системы за все десять суток — так это какая-то суетливая воровatость, подлая скрытность, привычка к вечной лжи. Обман, обман и еще раз обман: мы быстро поняли, что ни одному человеку в милицейской форме верить просто-напросто НЕЛЬЗЯ. Почему от нас скрывали, где мы находимся? Было в этом что-то от похищения: невозможно ни позвонить родным, ни узнать, куда тебя привезли. Как я выяснила позже, моя мама в тот день посмотрела новости на Белорусском телевидении, услышала официальное заявление, что всех девушек с площади отпустили домой, и успокоилась. Она свято уверовала, что я уже дома, пыталась дозвониться на мобильник. Меня давно умиляла эта наивная привычка верить нашему государству...

Ближе к вечеру к нам прорвалась на несколько минут женщина-адвокат, Нина. Она быстро записала телефоны наших родных и обещала всем позвонить. Так вот, если бы не этот звонок, мама, наверное, десять суток металась бы, пытаясь меня отыскать.

От Нины мы и узнали, что суда сегодня не будет, а находимся мы в изоляторе временного содержания УВД Минского района, на бывшем Старoборисовском тракте, а нынче — улице Франциска Скорины.

Не то чтобы это кого-то сильно шокировало... Основные радости знакомства с тюремной жизнью были еще впереди.

Выводят из клетушки по двое, тащат в камеры для досмотров. Заморенная девушка досматривает тщательно, приказывает раздеваться, ощупывает одежду, осматривает обувь. Молча сочувствую ей: это ж надо было учиться где-нибудь на юрфаке, чтобы угодить на такую собачью работу! Ведет себя, однако, корректно и вежливо, обращается на «вы». Но две таблетки «ношпы» взять в камеру не разрешает. Объясняю, что без этих таблеток меня вскоре буквально скрутит морским узлом. Ноль реакции.

«Не положено!»

Долго и дотошно составляет список мелочи в моем кошельке. Трудолюбивая попалась девушка. Чуть высунув язык, считает:

— Купюр номиналом 1000 белорусских рублей — две. Номиналом 500 бел. рублей — три...

А еще она считает сотки, пятидесятки и даже двадцатки. Удавиться можно! Старательно записывает «гривну украинскую, одну», завалявшуюся со времен большого путешествия через Молдову, Украину и Россию. И оттуда же — одну молдавскую лею. Записывает давно недействительный проездной питерского метро и немецкую коллекционную монету 1935 года. Уф-ф! Подписываю длиннющий лист. Чего только не валяется в моих карманцах!

На меня нападает какое-то нервное хихиканье. Юмор висельника, попытка защититься от ненормальной реальности. Юмор и легкая отстраненность, как будто все происходящее видишь в кино, — такое настроение защищает психику, как хорошая броня.

Лысый гэбэшник, в очках, в штатском, ведет меня по мрачному коридору, мимо тяжеленных темно-синих дверей. С первых секунд, как только я его увидела, он напомнил мне холодную ядовитую змею с тяжелым взглядом.

Забегая вперед, скажу, что первое впечатление меня не обмануло.

На пороге камеры останавливаюсь: глаза с трудом привыкают к полумраку. Накурено — хоть топор вешай, из сигаретного дыма выплывают человеческие лица и детали немудрящей «обстановки».

Итак, в камере есть:

«Санузел», одна штука. Назвать сие место «санитарным» можно только с особо злобным цинизмом. Видели вы когда-нибудь старый каменный туалет на обветшавшем вокзале? Дыра в каменном полу, в углу возле двери, отделенная от остальной камеры стеночкой в половину человеческого роста. Над дырой, на стене — трубка водопровода с двумя кранами — верхним и нижним. Из крана течет ледяная вода с сильным привкусом ржавого железа. Вот и вся «санитария». Окошечко в двери, называемое «кормушкой», открывается как раз напротив этого славного места, на уровне пояса. И значит, при каждом «посещении» между санузлом и дверью должна выстраиваться живая «стенка»: в охране-то одни мужики...

Окно. Напротив двери, в дальнем конце камеры. Поражает оно не меньше чем... с позволенья сказать, санузел. Я как-то традиционно представляла себе тюремное окно как «небо в клеточку». Но, как оказалось, небо, пусть даже и в клеточку, для нас недопустимая роскошь.

Из этого окошка неба не увидишь. Оно забрано не решеткой, а чем-то, напоминающим распрямленный дуршлаг. Как будто взяли металлический лист и набили в нем маленьких круглых дырочек. В них еле пролезет тонкий карандаш. Что за этим листом, какое там стекло — разглядеть невозможно.

Под окном располагается **лежак**. Он напоминает сцену в маленьком сельском клубе — деревянное возвышение, мне где-то по колено, от стены до стены, занимающее чуть меньше трети камеры. Голые доски, но это, конечно, лучше, чем спать на ледяном каменном полу. Гуманизм...

И больше ничего: голые стены, голый грязный пол. Дырочки «окна» не светятся — значит, уже вечер. Единственным источником света становится тусклая лампочка. Она торчит над дверью, за мелкой решеткой вентиляционной отдушины. Свет у нее омерзительно желтый и режет глаза. Зато горит круглые сутки. Наверное, количество должно переходить в качество...

Все это мы еще изучим, промеряем вдоль и поперек. А пока я смотрю на лица, выплывающие из сизой сигаретной полутьмы. Пол слегка покачивается под ногами: наверное, я сильно устала.

— Ты с площади?

— С площади.

— Жыве Беларусь!

— Жыве!

Навстречу мне со «сцены» поднимается девушка, чтобы потесниться, и я не могу сдержать улыбки. Вот где она всплыла, вторая пара легендарных валенок с Майдана! В них утопает симпатичная рыженькая Юля Ахмадеева, студентка факультета международных отношений Международного гуманитарно-экономического института. В процессе знакомства к ней быстро приклеилась кличка «Дипломат в валенках».

Кроме Дипломата, у нас в камере получили «профессиональные» клички: Художник — студентка Глебовского училища Настя Чеховская.

Фотограф — высокая, худая, чернявая, очень громкая Ирка Завадская.

Экономист — Таня Дедок, Белорусский государственный экономический университет,

Медик — Вика Сахарчук, Белорусский государственный медицинский университет.

Нас всех еще переполняют воспоминания о пережитом штурме. Пытаемся восстановить подробности. Выясняется удивительная вещь. У многих из нас остались в памяти лишь какие-то фрагменты, из которых никак не склеивается цельная лента воспоминаний. Провалы между фрагментами — от нескольких секунд до нескольких минут. Кто-то не слышал крика в микрофон. Кто-то в упор не помнит, как его запихивали в автозак.

В психологии это называется «состояние аффекта».

Наша Медик осторожно ощупывает свой подбородок.

— Посмотрите, как это выглядит?

Мы смотрим. Молчим. Даже в полумраке камеры выглядит «это» плохо. Во время штурма омоновец выбил у Вики из рук термос с крутым кипятком. Профессионально, как выбивают оружие у особо опасного преступника. Она едва успела вскинуть голову. Можно сказать, повезло: большая часть лица цела. Но подбородок все-таки обварило.

— Девчонки, волдыри есть?

— Есть.

Весь подбородок красный, среди этой красноты надулись еще и какие волдыри! Что-то лопнуло и сочится бесцветной дрянью. Конечно, это надо обработать. Принцип «врачу, исцели себя сам» не проходит: в камере нет медикаментов. Вика решительно встает и стучит в дверь.

— Вызовите врача!

— В изоляторе временного содержания врач не положен!

— Мне срочно нужна помощь!

— В таких случаях мы вызываем «Скорую».

— Тогда вызовите «Скорую»!

— Сейчас пойду доложу начальнику.

Через час мы снова начинаем молотить в дверь. Список нуждающихся во врачебной помощи пополнился: у Насти начался сильный приступ гастрита.

— Вызовите «Скорую»!

— Я же сказал, доложу начальнику. Начальник разберется.

Еще через час приходит начальник тюрьмы.

— Чего вам надо?

Мы в очередной раз требуем «Скорую». Был бы кто с астмой или сердечным приступом — за это время десять раз умер бы.

Через 3 часа долбления в двери и криков приезжают врачи. Настю и Вику забирают в больницу. Обгорелыми спичками на клочке бумаги мы нацарапываем им телефоны друзей. Попросить в больнице телефон. Позвонить такому-то. Передать, где мы находимся. Сказать, чтоб не волновались.

Все, кто сильно кашляет, тоже просятся на осмотр.

Меня слушает хмурая женщина. Я рассказываю ей про площадь. Она прерывает меня:

— Зачем вы хотите разжечь войну?!

Как говорится, «так великого комбинатора еще никто не называл»... Этот тезис даже мне в новинку. Значит, протестовать против лжи, нарушения законов есть разжигание войны? Театр абсурда...

Диагноз: Белорусское телевидение. И значит, надо пользоваться случаем, рассказывать правду. Хотя бы так — глаза в глаза, кому сможешь. Если не переубедить, то хотя бы заставить усомниться и задуматься.

Тюремные реалии подогнаны под одно требование: сломить волю. Напугать. Подчинить.

Вечерний обход часов в одиннадцать ночи. Всех выводят из камеры, строят у стены и проводят перекличку. Еды по-прежнему нет, но есть никто не хочет. А вот спать... После обхода уже подумываем, как бы нам вдвенадцатером уместиться на «сцене». Но дверь снова открывается. На пороге — несколько людей в форме, начальник тюрьмы, охранники.

— Вставайте, сейчас будем пальчики откатывать!

Не сразу доходит, что это означает дактилоскопию. Мы в растерянности. Разве мы уголовники? Идти или нет?

Это уже потом нам объяснят, что до суда брать отпечатки у задержанных они не имели права. А сейчас начальник тюрьмы угрожает:

— Кто пальчики не откатает, все десять суток передач получать не будет!

Врет, конечно. Не сразу, но получит свои передачи единственная «забастовавшая» камера, где сидели умные женщины в возрасте. Но мы-то этого не знаем. Мы представляем себе десять суток в холоде, на голых досках, без еды и, пардон, туалетной бумаги.

Все-таки идем. Хотя сейчас я уверена, что следовало отказаться.

Снятие отпечатков превращается в получасовую отвратительную процедуру. Нас фотографируют в профиль и анфас, будто зэков, с какими-то гадостными полосатыми номерочками в руках — ну просто как в кино! Снимают на камеру, задают вопросы.

Я начинаю понимать, что весь этот аттракцион в стиле ГУЛАГа имеет скорее психологическое, чем практическое значение. В очередной раз горестно жалею, что не пошла получать второе высшее образование на юрфак. Четкое знание своих прав — вот чего нам не хватает. И ОНИ этим пользуются — нагло и бессовестно.

В камере с руганью пытаемся отмыть с ладоней черную едкую краску. Вода в трубе над санузлом — просто ледяная. С остервенением тру ладони.

После всего этого долго не можем успокоиться. Наконец накопившееся изнеможение берет свое. Народ начинает валиться на «сцену» и засыпать. Не снимают, а наоборот, поплотнее застегивают куртки: по камере вовсю гуляет холодный сквозняк, от пола тянет морозцем.

Засыпающим я пою колыбельные, которые на самом деле совсем не похожи на колыбельные: первая из них — это «Идиотский марш» Олега Медведева.

Кругом зима, опять зима, снега черны, как всегда —
Они привыкли растворяться во тьме.
Кругом чума, опять чума, твои пусты города —
Они привыкли плыть по этой чуме...

И кто-то может слушать Боба, кто-то — «Ласковый май»...
Почем пророки в идиотском краю?
Гитару брось, и бабу брось, и как жену обнимай
Обледенелую винтовку свою.

Который год скрипит земля, но мир светлее не стал,
Тебе все это надоело — и вот
Поет труба, присох к губам ее горячий металл:
Она друзей твоих усталых зовет.
И ты был слаб, и ты был глуп — но все мосты сожжены,
Их не вернуть, они не смотрят назад.
И ты встаешь, и на плечах твоих рассветы весны
Как генеральские погоны, горят...

«Марш» длинный, а потом еще несколько песен на стихи Владислава Крапивина. Почти все слушатели уже вытянулись на досках и закрыли глаза.

Забавно: песни, которые я люблю уже очень-очень долго, оказались написанными как будто сегодня, как будто в этой камере, как будто после площади.

Долго сижу и смотрю на спящих: не могу взять в толк, как мы все здесь уместимся. Кристина будит всех и командует сдвинуться, люди ложатся очень плотно на бок, прижимаются друг к другу. И все равно — хоть плачь — все выдохнули и максимально сплющились, а двоим места не хватает.

Мы отодвигаем от стены Любу Титову — маленькую худенькую девочку, черноволосую, с огромными черными глазами, как у византийских святых. У нее очень нехороший кашель — глубокий, надрывный. Не стоит ей лежать всю ночь, прижавшись спиной к холодной стене.

Через 6 дней и у меня будет такой кашель, как, впрочем, у доброй половины девчонок. Но и тогда будут находиться люди, которые отодвинут меня и лягут спиной к стене.

Две девушки, которые не вместились, ложатся сверху, поперек ног. Я засыпаю, будто проваливаюсь в темноту, — ни снов, ни страха, ни-че-го. Последнее ощущение: хочется пить, но вода из крана над «санузлом» внушает отвращение даже дистанционно. Не встану...

То, что случилось в эту ночь, потом будет сниться мне еще не раз. И каждый раз я буду подскакивать в холодном поту.

Среди ночи я проснулась оттого, что начала задыхаться. Грудь сдавило удушье, воздуха как будто не стало, нечего было вдохнуть. Я в ужасе открыла глаза: режущий, тоскливый свет лампочки пробивался как сквозь желтое облако хлора. И тишина, тишина и панический страх... Неужели в камеру пустили газ?! Почему никто не чувствует?! А может, все уже умерли? Я спросонок начала тормошить соседей. Несколько девчонок, которые еще не крепко спали, подскочили, стали меня успокаивать. Тут наконец-то я смогла вдохнуть, поняла, что это что-то прихватило меня одну, а с остальными все в порядке. Но еще полчаса не могла заставить себя лечь обратно. Мне казалось, как только лягу, тут же стану снова задыхаться.

Не одну ночь потом, даже на свободе, я просыпалась от приступов удушья, и мне казалось спросонок, что желтые круги в глазах — это желтые лампочки.

25 марта (вторые сутки)

«Гэты горад будзе наш». Белый тюльпан

С утра сыграли в «снежный ком», более-менее выучили, как кого зовут, кто где учится. Беседуем, спорим на политические темы, периодически скандируем «антиправительственный», если верить протоколам, лозунг «Жыве Беларусь!». Поем. Стоит начать — и подхватывают все камеры, переполненные «политическими»! Споет одна камера — другая ей аплодирует и орет: «Мо-лод-цы!» Тюрьма гудит, как гулкий корпус гитары. Открывается дверь:

— Ну вы совсем уже обнаглели! «Черемухи» нюхнуть захотели?!

Непонятно, почему в дневное время нельзя петь. Но молчим: зачем зря злить и провоцировать? И в этом молчании слышим, как в камере напротив запевают:

Калі раптам адчуеш камунальныя пахі
І жыцце цябе возьме ў пятлю,—
Зразумееш тады, што тры чарапахі
Па-ранейшаму цягнуць зямлю![9]

Утихомиривать бесполезно. Это как моровое поветрие. Либо всех избить до полусмерти, либо просто делать вид, что ничего особенного не происходит. Люди в форме выбирают второе. Хоть и маленькая, но победа.

С прискорбием обнаруживаем, что половина «сидельцев» не знает песню НРМ «Одзирыдзидзина». Разучиваем ее так, что дрожат стены:

Мы закрычым: «на абардаж!»
І гэты горад будзе наш![10]

Что там происходит, в этом городе? К вечеру нарастает нервное напряжение. Мы знаем, что сегодня планируются массовые шествия. У каждого из нас на свободе — друзья и родные. Я думаю, что мои друзья — не из тех, кто будет отсиживаться по домам. А в особенности — тот человек, который слышал в 3.15 ночи мое дыхание сквозь стиснутые зубы и — «нас, кажется, сейчас будут брать», — описание штурма и крики. А потом — равнодушный мелодичный голос оператора:

«Абонент выключен или находится вне зоны действия сети...»

И — все, можешь бессильно лупить кулаком в стену, жать и жать клавишу вызова на мобильнике, ненавидеть ни в чем не повинный равнодушный голос...

Информация — вот чего нам не хватает еще больше, чем света и воздуха. К вечеру хотелось просто лезть на стенку. Стучим в дверь, упрашиваем охранника: «Только скажите, что происходит в городе?! Ну хоть полслова, ну неужели вам трудно? Никто не услышит!»

Охранник кривится.

---

[9] Если внезапно почувствуешь комунальные запахи / И жизнь тебя возьмет в петлю, — / Поймешь тогда, что три черепахи / По-прежнему тащут землю!

[10] Мы закричим: «на абордаж!» / И этот город будет наш!

— Ничего там не происходит! Все тихо, спокойно. Пришли на площадь 300 пьяных подростков, за ними приехали родители и разобрали всех по домам.

Явно врет, и врет неумело. Мы настораживаемся: если врет, значит, есть что скрывать.

В обед приносят еду, но, глянув на эти вонючие котлетки с прозеленью, мы принципиально отказываемся. Ничего, уже начали носить передачи, проживем! Это было почему-то очень важно: в рот не брать тюремной еды. Из того, что там давали, мы брали только кипяток и иногда чай — мутный, с отвратительным привкусом, наводящим на самые нехорошие мысли.

Каждую передачу встречаем криками и аплодисментами. Судя по выражению лиц охранников, там, у ворот, стоит толпа желающих. Вот только жаль, мало кто догадывается передать теплые вещи или спальник.

Кто-то из девчонок, получая передачу, вскрикивает: «Ой! От кого это? Фамилия-то незнакомая»! Такая-то-такая-то, пенсионерка, проживает на проспекте Машерова.

Мы стараемся заучить адрес, чтобы потом позвонить и сказать «спасибо».

В одной из первых же передач, 25 марта, мама сумела отправить мне белый тюльпан. Редчайший случай: его разрешили передать. Вообще цветы приносили многие люди, но передавать их было запрещено. Наверное, цветы теперь — тоже «оружие оппозиции».

Не знаю, как уж маме удалось уговорить принимающих. Но она все-таки педагог высшей категории, моя мамочка. И вот — в нашей камере, на узеньком каменном подоконнике красуется белое диво. Мне кажется, что от него редеет полумрак в камере. Украдкой то и дело поглядываю: он настолько «не отсюда», что, кажется, вот-вот исчезнет, как призрак.

День кончается, а информации все нет. Остается надеяться, что все наши близкие живы и на свободе. Впервые чувствую, что мы в ответе за тех, кто пошел за нами.

26 марта (третьи сутки).

45 тысяч. Happy birthday

Этот день, как и предыдущий, начинается для меня с зарядки. Зарядка — нечто принципиальное, вроде решения не есть тюремной еды. Пока смогу — буду делать. Качать пресс, отжиматься, приседать.

Весь день мы ищем в передачах записки. Одну нашли в шоколадке, а еще одна была написана в книжке Стивена Кинга. Карандашом, между строчек, торопливым бегущим почерком. Мы читаем ее вслух.

«Доченька, держись! Мы все с тобой. Вчера в Минске был огромный митинг. На улицы вышло 45 тысяч людей. Люди пытались пройти к приемнику на Окрестина. На проспекте Дзержинского была драка».

Пять минут после этого камера ревет во все горло: «Жы-ве Бе-ла-русь!» Действительно, «жыве».

Мы начинаем проситься на прогулку: очень хочется увидеть небо. Несколько соседних камер тоже скандируют: «Гу-лять!» После долгих

просьб и переговоров нас-таки выводят во внутренний дворик. Он окружен бетонными стенами и сверху накрыт решеткой. Но все-таки — небо! Воздух!

На снегу замечаем надпись, вытоптанную теми, кто гулял до нас.

«На улицах было 45 тыс. 1 парень погиб».

Возвращаемся в камеру будто пришибленные. Надеемся, что это только пустые слухи.

После обеда мы узнаем от словоохотливого охранника, что в соседней камере есть именинница. Кому-то привалило счастье отмечать за решеткой девятнадцатилетие.

Десять минут уговариваем милиционера передать имениннице нашу главную ценность — тюльпан. Он мнется, боится, что его накажут. И все-таки передает, прямо в пластиковой бутылочке из-под минералки.

Мы слышим аплодисменты, выстраиваемся возле двери и во всю силу голосим «Happy Birthday to You». Жаль только, имени не знаем...

Завтра суд, но это как-то мало волнует. От нас ничегошеньки не зависит. Подозреваю, что сейчас те, кто на свободе, волнуются куда больше нас.

Изначально настраиваемся на 15 суток. Если дадут меньше, пусть это лучше будет «приятный сюрприз».

27 марта (четвертые сутки)

Суд. 80 искалеченных омоновцев. Милинкевич с народом

С утра в камере суматоха. Приводим себя в порядок: не хочется выглядеть на суде плохо. Из четырех своих свитеров выбираю самый приличный, хотя и самый холодный. Решила «рискнуть здоровьем»: мою голову под ледяной водой. Кожу под волосами сводит болью — так холодно.

Долгая, муторная погрузка в автобусы. Опять за нами, как на поводке, бежит верный синий «фольксваген». Только в этот раз везут не через город, а через кольцевую дорогу. Это вызывает ехидное хихиканье: «Что, боятся, что отобьют?»

Когда прибываем на место, наш Медик показывает в окно:

— А вот и мое общежитие! Вон, мое окно, справа!

Суд Ленинского района заседает во Дворце правосудия, рядом с мединститутом. Ирония судьбы...

Опять каменные карцеры-«туалеты», по пять-шесть человек в каждом, и ни окна, ни лампочки не предусмотрено. Ладно хоть двери в них полностью не закрывают. Высматриваем знакомых среди проходящих мимо людей, которых по двое выводят на суд.

Охранники рассказывают, что приговор сильно зависит от того, к какому судье попадешь.

— Если мужчина, то нормально. Он дает четыре — семь суток. А вот баба тут есть одна, так она знает только два срока — 10 и 15 суток.

Естественно же, я попадаю к этой самой «бабе». Кому не везет — так с детства. Судья Протосовицкая Н.В. судила исключительно девушек и меньше десяти суток не давала.

В ожидании суда мы дискутируем с очередным охранником. Не зная, как опровергнуть наши аргументы, он выкладывает, как последний козырь:

— Да ваши же — звери! 25 марта покалечили 80 омоновцев!

Челюсть у меня отвисает до полу. Сначала пытаюсь представить масштабы такого побоища. Потом становится смешно: чем же их покалечили — цветами, что ли? Через полдня я узнаю, что даже официальная пресса — и та назвала цифру всего лишь в восемь пострадавших спецназовцев.

Много позже, уже на свободе, я просмотрю видеозаписи этого столкновения. И пойму: то, что было у нас на площади, — еще цветочки. Толпа, текущая по проспекту Дзержинского, чтобы возложить цветы у тюрьмы на Окрестина. Девчонки и парни с гвоздиками, взявшиеся за руки. Пенсионеры. Священники. И железная стена, перегородившая им путь, грамотно, в самом узком месте проспекта, под мостом, там, где с обеих сторон — высокие откосы и глухой забор. Ловушка! Стена щитов не просто стоит — она начинает с грохотом двигаться на демонстрантов. А люди-то не отступают! Вот оно где было, настоящее мужество. Толпа сталкивается со стеной, причем людей на переднем фланге не намного больше, чем спецназа. И дальше мелькают беспорядочно кадры: лица девчонок, зажатых щитами. Худенький священник, упирающийся спиной в щит, — пытается своим телом остановить стену. Лицо Павлюченко, как всегда, улыбающееся. Какой-то старик падает на землю, и трое совершенно озверевших спецназовцев изо всей сил бьют дубинками лежащего. Пожилая женщина с сумочкой кидается под дубинки, хватает солдат за руки. Подбежавшие люди пытаются закрыть этого человека собой.

По другому упавшему, не сбивая строевого шага, проходит строй ОМОНа в бронежилетах. На видеозаписи можно различить, как на тело наступают ногами. Потом на этом месте строй подастся назад, образуя «волну». И пройдет по нему как минимум еще раз. Кто-то кинется карабкаться на откосы — таких будут догонять, хватать за волосы или за шиворот, лупить дубинками. Задние ряды, когда разберутся, что происходит, кинутся врассыпную. Людей будут перехватывать и арестовывать более чем в двух километрах оттуда — в районе метро «Немига».

Все это ЗАДОКУМЕНТИРОВАНО видеосъемкой и фотографиями. Каждое слово. Доказательства есть. Но когда мы наконец предъявим обвинения?

Заседание суда напоминает фарс. Люди, которые уже в нем поучаствовали, передавали: те, кто говорит по-белорусски, требует адвоката, пытается «качать права», неминуемо получает по максимуму. Так и есть: вот отхватила 15 суток хрупкая «белорусочка» Инна.

Становлюсь за деревянную трибунку, до смешного похожую на университетскую кафедру. От этого сходства как-то спокойней на душе.

Будем валять дурака: все равно пламенные речи здесь услышат только менты, правозащитники и корреспондент агентства «Рейтер».

Мне зачитывают рапорт милиционеров, которые якобы наблюдали, как я размахиваю руками и выкрикиваю лозунги на площади.

— Признаете ли вы свою вину?

— Нет. Лозунги я не выкрикивала и руками не размахивала. Может быть, господа милиционеры ошиблись?

— Ну на площади вы были?

— Была!

— (Пишите: свою вину признала.) А что вы там делали?

— Чай пила.

— И часто вы ходите пить чай на Октябрьскую площадь в три часа ночи?

— Да нет, только в последнее время что-то зачастила...

Наконец-то я становлюсь счастливым обладателем срока в 10 суток за нарушение статьи 167 ч.1 КоАП РБ и загадочного протокола, где обо мне сказано: «Уроженка **г. Украины**». Конечно, не все любят Украину, но чтобы настолько...

Выходя с заседания суда, в коридоре лицом к лицу сталкиваюсь с Александром Милинкевичем. А.Ми с народом: один из его сыновей получил, как говорят, 15 суток. Улыбаюсь ему как можно бодрей. Поменьше бы он мучился угрызениями совести! Не он нас позвал ставить палатки, не ему и мучиться виной. Сами пришли, сами скандировали в ответ на осторожные предложения разойтись — «За-ста-ем-ся!». ТАКИЕ решения каждый принимает только сам. Так что нечего ныть, будто он нас предал и бросил. Если б его загребли вместе с нами, лично мне от этого бы нисколько не полегчало.

Все-таки хорошо, что А.МИ на свободе. Будь он в ночь штурма в городке, абсолютно ничего бы от этого не изменилось. Как показала история с Козулиным, у нас накидать по лицу публичному лицу — это раз плюнуть. А на свободе он сможет делать что-нибудь полезное.

28 марта (пятые сутки)

Самое важное событие дня (лично для меня) — мне наконец-то передали вожделенные ручку, тетрадь, книги! Начиная с этого дня я вела записи в тюрьме. Вот они.

28 марта. Ночь

Полет нормальный.

Сейчас тихо, редкие минуты, когда я могу писать. Обычно вокруг стоит шум и гомон.

Сегодня мне стало интересно: что снится людям в камере? Девчонки говорят, ночь за ночью снится площадь. Аресты снятся. Одной девушке приснилось, что ее пришли брать по уголовному делу и она убегает, убегает, убегает...

Еще одной девушке снится, что в каком-то заброшенном доме мы с теми людьми, которые стояли в кругу, ставим какие-то опыты. И вывели огромных крыс, а они убегают от нас.

Хорошо, что кошмары меня пока не посещали. А вчера снилась река. Огромная, светлая, чистая, красивая. С множеством тихих заток и заводей, где купались дети, а взрослые катались на лодках. И над всем этим — чистое

свежее весеннее Солнце. Оно дробится тысячами искр на воде и на молодых листьях.

Надо уходить в свои сны отдыхать. А солнца мы не видим. В камере вечный полумрак.

Камеру мы промерили спичечным коробком и Иркиным ростом. Вышло где-то 3,20 на 5,50. Значит, на лежаке от стены до стены на каждую из нас приходится полоска по 32 сантиметра в ширину.

Пытаемся сделать вешалку для полотенец. Мы разломали пластмассовую ручку, теперь стараемся ботинками забить хоть один обломок в дырочку в стене.

Ира, наблюдая за нашими попытками, саркастично замечает с лежака:

— Ручки кривые! Двоечники! И чему вас только в лагерях для боевиков учили?!

В отместку, по-детски наивными глазками глядя на нашего Фотографа, рассказываю любимую страшилку:

Мы вчера пришли из цирка
И пилой пилили Ирку.
Та орала и дралась
И обратно не срослась!

Ирка хохочет и пытается ухватить меня за ногу.

28 марта прошло довольно спокойно. В кои-то веки вечером нам стали давать кипяток для бытовых нужд. По 300-граммовой кружке на брата (пардон, сестру).

Научила народ играть в «Контакт». Впереди еще большая культпрограмма: «Мафия», «Крокодил», «Ассоциации», конкурс анекдотов и баек на 1 апреля. И вчера, и сегодня по вечерам мы травим байки и хохочем так, что гудят стены. Разминаемся перед конкурсом.

Надо действительно как-то разнообразить занятия. А то все прошедшие дни норовят слиться в одну бесконечную череду. Тюрьма отупляет. Чтобы написать здесь «Утопию», надо быть несгибаемым Томасом Мором, канцлером Британии. Тут кроссворд-то тяжело разгадать

Кстати, какие книги я здесь вспоминаю? Так странно: плечом к плечу с нами в этой камере — Ахматова, Гумилев, Мандельштам:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны

А еще Оруэлл, Пастернак, Солженицын, Шаламов.

Теперь я удивляюсь: как могли они, интеллигенты 30-х, так стойко держаться в тюрьме? Мы по сравнению с ними — мелочь, зелень. Нас хотя бы не пытают физически. Хотя психологически, конечно, прессуют.

Вчера ночью меня прессанули довольно сильно, хотя не вполне удачно. Ночью будят, вызывают из камеры:

— С вещами, на выход! Собирайтесь домой! Суд пересмотрел ваше дело.

Не к чести моей сказать, на каких-то секунд пять я поверила: сердце застучало тяжело и часто. Потом стало ясно: врут. Такое лицо было у начальника тюрьмы — видно, какие-то рудименты совести еще сохранились.

Следующая эмоция была — дикий страх, особенно когда я увидела лысого человека в штатском, который единственный никогда не представлялся и не называл свою должность. Куда меня забирают ночью с вещами?! Уж не на допрос ли в пресловутую «башню святого Лаврентия», что на проспекте Скорины, напротив скверика с бронзовым Дзержинским?

— Девчонки, если меня действительно выпускают, я передам вам завтра передачу с книжкой Чехова! Если передачи нет — давайте знать на свободу любым способом, что меня забрали в ГБ!

Меня выводят в комнату для досмотров. Там сидят какие-то двое зэков. Все менты на пару минут выходят, я остаюсь с этими криминальными товарищами наедине.

Как ни странно, это менее напряжно, чем общаться со спецслужбами. Зэки смотрят почти сочувствующе.

Потом заходит вся кодла, и лысый гэбэшник начинает на меня орать:

— Отдавайте мобильник, быстро!

Я сначала рефлекторно лезу в пакет, потом вспоминаю: мобильник-то отобрали при досмотре вместе с другими вещами!

— Он же в сумочке, которую забрали!

— Где мобильник, я спрашиваю?! С вашего номера только что прошел звонок!

Тут у меня вообще глаза на лоб лезут. Ведь у меня на балансе после задержания был уже глубокий минус, да и аккумулятор разрядился почти полностью.

Объясняю все это. Идет следующий наезд:

— У вас в камере есть мобильник! У кого?! Говори, быстро!

Тут до меня начинает кое-что доходить. Чистосердечно отвечаю, что нету — тем более его и в самом деле нет, увы Мне кричат:

— Мы тебе добавим еще десять суток, если не скажешь. Говори, у кого в камере запрещенные вещи!

Тут даже до меня все окончательно доходит. У нас в камере ЕСТЬ «запрещенные вещи»: маленькое лезвие и шнурки в ботинках. Но я мотаю головой.

— Будешь сидеть еще десять суток!

Наконец меня прорывает:

— Если добавите суток — я буду голодать! Меня увезут отсюда на «Скорой», а там я уж найду, кому и что рассказать! Или сдохну тут у вас к чертовой матери!.

Меня отправляют обратно в камеру. Вот тут-то, после всего, слегка сердце и хватануло. Зато приходит странное ощущение: забираешься под спальник на лежаке, справа плечо, слева плечо, — и на душе становится легко и спокойно. Все как надо. Ты среди своих.

29 марта (шестые сутки)

С утра зверски болит горло. Но «Скорую» вызывать не хочу. Как говорят, дни, которые отлежишь в больнице, в зачет нашего «срока» не идут. Значит, больница — это просто увеличение ареста: подлечишься — и снова в тюрьму?

К тому же врачи «Скорой» забрали нашу Вику с обожженным подбородком в больницу, а там ее чуть не отказались лечить, когда узнали, что она — с площади. Замордованная медсестра средних лет вообще сказала: «Катись-ка ты на..., тварь! Сумела на площади стоять, сумеешь и в тюрьме прожить».

Бедный, бедный зомбированный народ! Народ, который научили ненавидеть собственных детей.

А как бы не помешала сейчас врачебная помощь! На полу спать — даже если хорошо стелиться и застегиваться в спальник с головой — все равно чревато простудой. Там сильный сквозняк. Я вроде и не мерзла — и все равно простыла. Надо держаться, еще не хватало разболеться.

Примерный режим нашего дня выглядит так.

В шесть утра охранники ломятся в дверь, требуют выбросить мусор. Кто-то вяло подымается и, бормоча себе под нос что-то вроде «подобное к подобному», передает в дверь аккуратно завязанный мусорный мешок. Спим дальше. Через час приносят кипяток. С превеликим трудом поднимаются с мест человека четыре. Дергаем остальных за ноги, они что-то бормочут и снова засыпают. На подносе — десять кружек. Завариваем крепкий зеленый чай, заливаем для больных кипятком «Упсарин», заставляем выпить. После лекарства снова валимся спать. Иногда вместе с кипятком приносят в ведре горячей воды, и мы ожесточенно драим пол с шампунем и бактериальным мылом.

Часов в десять утра — первый обход. Светят в камеру фонарем, выводят на коридор. Перекличка.

После этого, чуть только закроется дверь, неугомонная Ирка с закадычной подругой Яной охрипшими голосами начинают орать:

И Дуремар, и Карабас
Им одурачены не раз!

Дальше первого куплета известной пародии на детскую песенку у них дело не идет, зато припев они скандируют с огромным удовольствием.

Дальше будут кроссворды, «Контакт», байки, рассказы о себе. В обед в окошечко постучится охранник, которого мы называем Петрович:

— Девочки, борщ со свеженькой капусткой и молодой бараниной!

И ему ответит хор нарочито тоненьких девичьих голосов, на мотив из «Бременских музыкантов».

— Ни-че-го мы не хо-тим!

А вечером — очередной «концерт». В одной из соседних камер сидит девушка с оперным голосом: когда она начинает петь, все замолкают и слушают. Поем и мы у себя в камере. Вот наша «горячая десятка»:

«Одзірыдзідзіна», НРМ,
«Тры чарапахі», НРМ,
«Бел-чырвона-белы вожык-патрыет», Андрэй Хадановіч,
«Прекрасное далеко»,
«Крылатые качели»,
«Катюша»,
«Надежда»,
«Песенка мамонтенка Димы»,

«Балада пра караля, які пакинуў свой трон»,
«Рамонкі».

Потом ночной обход. После него, если дежурит наш Петрович, он иногда тихонько говорит в открытую «кормушку»:

— Держитесь, девчонки! Жыве Беларусь!

30—31 марта я дневников не вела. В ночь с 29 на 30 марта мне стало очень плохо. Температура, судя по ощущениям, была под сорок, ломило все тело, на грудь будто камень навалился, дышать было тяжело. Когда среди ночи Петрович открыл окошечко, я приподнялась и единственное что сообразила сказать:

— М-мне плохо!

Видимо, видок у меня был не очень. Охранник впечатлился и предложил(!) вызвать «Скорую». Когда я отказалась, милиционеры принесли мне кружку кипятку, антигриппина и каких-то антибиотиков(!). Сочувственно смотрели из дверей, как я выбиваю зорю зубами по краю кружки. И потом еще не раз в течение дня осторожно спрашивали:

— Ну как ты себя чувствуешь?

Антигриппин. Антибиотик (в упор не помню название). Спать. Встаю с большим трудом, поэтому о зарядке приходится забыть. Девчонки поят меня чаем и соком. Эти два дня почти не помню: почти все время вязкое дремотное забытье. Только к обеду 31 марта прихожу в себя.

Тюремные записи продолжаются с 1 апреля.

1 апреля (девятые сутки)

Один и мед поэзии. Песнь о Нибелунгах. Массаж

Начиная где-то со вчерашнего вечера в камере вошли в моду долгие рассказы на ночь. Если в первые сутки из всех просто перли впечатления, то сейчас стало гораздо тише. У тех, кто простужен, просто нет сил громко говорить. Игры надоели. И что самое плохое — недостаток света. Вонючая параша в углу, грязный пол, недостаток воздуха — это плохо. Но свет, этот прокуренный полумрак — вот что самое ужасное. Потому что в камере невозможно долго читать, очень трудно писать. Через полчаса у тебя начинают слезиться и болеть глаза. Еще через полчаса у тебя заболит голова — и делать уже ничего не можешь. Если бы не это — все было бы гораздо проще. Книг мне принесли достаточно, и все — любимые. Со мной в камере Крапивин, Короткевич и Танда Луговская. Упорно, отирая слезы с горящих глаз, перечитывала «Гуси, гуси, га-га-га!».

Мы стараемся по очереди читать вслух. Вчера полдня читали Короткевича — «Кніганошы», «Скрыпка дрыгвы і верасковых пусташаў». Жаль, не было в камере «Сівой легенды» и «Ладдзі роспачы»[11]*. Вчера вечером, когда ложились спать, народ долго не мог заснуть и попросил рассказать сказку. Мы с*

[11] «Книгоноши», «Скрипка болот и вересковых пустошей», «Седая легенда», «Ладья отчаяния».

Юлькой Болонкиной, долго перебивая друг друга, вспоминали нашу любимую сказку «Каменное сердце». А потом меня-таки уговорили: рассказала «Ладдзю Роспачы».

Вообще вчера был хороший день. Днем нам приносили кипяток. Удалось вытребовать прогулку — вторую за все это время. Подышали свежим воздухом. Помню, меня поразило, насколько яркие были все цвета там, под солнцем. Все как будто светилось изнутри, аж слезились глаза. Фиолетовая куртка Любы была как ультрафиолетовая лампа. Непривычно четкие черты лица у всех. И синяки под глазами. И — воздух, много воздуха!

После улицы глаза долго привыкали к полумраку. Но до вечера все были бодрые и веселые.

А сегодня с утра всех что-то ломануло. Болят головы и суставы, нет сил на элементарные вещи — например, встать и отыскать на подоконнике витамины. Эта вялость — хуже всего. С ней надо бороться, заставлять себя хоть что-то делать, только не валяться, тупо глядя в потолок.

Сегодня утром попросили еще чего-нибудь рассказать. Что называется, девчонки сами нарвались

Попросила всех представить, что мы находимся в средневековом замке, за окнами метель, впереди долгий зимний вечер. И пересказала, насколько смогла вспомнить, «Песнь о Нибелунгах». Народ слушал на удивление внимательно. Местами меня «забирало», и я будто воочию видела перед собой злые глаза Хагена, печальную и гордую Кримхильду, Зигфрида в роговой коже.

Потом немного вспомнила скандинавскую мифологию — рассказала про то, как бог Один добывал мед поэзии. Катя посреди рассказа заснула и приснилось ей, будто брат зовет ее на какую-то ярмарку и говорит:

— Пойдем, там Один учит людей поэзии, и самые лучшие стихи будут воплощаться в жизнь!

Под вечер Юлька Болонкина взялась делать мне массаж. Настоящий спортивный массаж! Такой жесткий, что я хохотала, ругалась и орала от боли на всю тюрьму. Охранники даже сбежались посмотреть, все ли мы живы. Зато как похорошело спине и шее.Так же повезло и Яне, а потом наша Юлька устала так, что у нее задрожали пальцы, и легла спать.

2–3 апреля

Последние сутки проходили довольно-таки тяжело. Три раза спрашивали у охранников, который час. Катя жаловалась, что она не выдержит эти последние несколько часов, что они тянутся бесконечно медленно. Девчонки слонялись по камере, сидеть уже никто не мог.

Я постаралась успокоиться и представить себе, что меня ждут еще пять суток. Как Юлю Болонкину, которая лежит рядом с высокой температурой и кашлем и грустно смотрит на наше нервное расхаживание по камере. Весь день читала книжку, даже когда слезились глаза. А под вечер люди стали отключаться и засыпать — те, кто был на это способен. Сначала Катька ныла, что ни за что не сможет заснуть, — а потом успешно свернулась под спальником и засопела.

Многие планировали не спать, общаться до 3 ночи, но это оказалось тяжело. В общем, когда охранники пришли нас выводить, они были в шоке! Вся «палата» крепко спала, как будто никто и не собирался на свободу. Нас еле растормошили.

Сборы в суматохе, прощание с грустно-грустной Юлькой, я еле собрала свои свитера и спальники, а одеяло оставила «в наследство».

Ожидание на коридоре, пока нам вернут изъятые вещи. Подписываю какую-то бумагу, что претензий не имею. Нас провожает начальник тюрьмы.

— Ну, девчонки, дай Бог вам больше сюда не попадать!

— До свидания!

— До 27 апреля! — машет рукой кто-то из девчонок.

3 апреля — 13 апреля

Лампады. Сцепка

Мы вышли на крыльцо, полностью уверенные, что встречать нас в 3 часа ночи никто не придет. Большинство девчонок даже не передавали информацию друзьям и родным, чтобы не беспокоить их перед понедельником. Решили, что не спеша пойдем к метро, подышим, посмотрим, как встает рассвет, пообщаемся.

Вокруг разлилась огромная глухая ночь, на фонарях висел сырой теплый туман, пахло свежей землей, дождем. Мы остановились перед крыльцом: хотелось повернуться лицом к дверям, только что закрывшимся за нами, и спеть что-нибудь эдакое.

И вдруг из-за угла показались — одна, другая, третья! — лампады и свечи. Они двигались к нам и показались мне сначала сияющим облаком. Потом я разглядела людей, которые их несли. Несколько десятков людей шли нам навстречу. Плеснули голоса, крик, смех, плач. Мы оказались в самом центре толпы, обнимались со знакомыми и незнакомыми людьми. В глаза ударили вспышки фотоаппаратов. Незнакомый дедушка тряс меня за плечи и что-то говорил. Я потом поняла, что — и взяла-таки у него алую гвоздичку.

А потом я увидела среди толпы Николая. Он стоял и смотрел на меня, свеча освещала его лицо очень ровным золотистым пламенем. И это было как рассвет, который только еще начинается, после долгой ночи.

После нас развозили по домам. Люди, приехавшие на машинах, бродили среди толпы и спрашивали, кому куда надо ехать, кого надо забрать. Незнакомые люди, приехавшие в ночь с воскресенья на понедельник, перед рабочей неделей, чтобы нас встретить.

Наверное, там, перед тюрьмой, впервые возникло у меня новое ощущение, которое потом никуда не исчезло, как родник, который не может пересохнуть даже в самую засуху.

Оно росло с каждым звонком близких друзей и далеких знакомых, которые с тревогой спрашивали, как я себя чувствую после тюрьмы и не надо ли чем-нибудь помочь. Оно пробивало себе русло, когда я слушала новые и новые рассказы:

— как в ночь захвата наши близкие поднимали друг друга с постели звонками и эсэмэсками — и к пяти утра уже никто из них не спал;

— как друзья, знакомые и коллеги обрывали телефоны судов и тюрем, разыскивая нас. Неимоверными усилиями пробивались в залы суда и на свидания. Неимоверными ухищрениями передавали записки. Держали связь с правозащитными организациями и независимыми журналистами: информация распространялась со скоростью молнии. Подстраховывали нас, где могли, на работе; брались за наши срочные дела, успокаивали наших родителей. Знакомились друг с другом, часами стоя в очередях, чтобы передать передачу. Менялись адресами и телефонами. Организовывали каждый день передачи, договаривались, чтобы не нести одно и то же. После рабочего дня ехали в магазин закупать продукты. А на следующий день — утром или в обед — снова отправлялись к тюрьмам;

— как Пашка написал открытое письмо всем журналистам государственных СМИ, чьи электронные адреса нашел в Интернете. В этом письме он просил не лгать, рассказывать правду, вспомнить о совести. И подписал своим именем и фамилией;

— как каждый день в Минске шли и идут до сих пор флэш-мобы. Как в мусорницу с надписью «БТ» возле телецентра навалили гору лапши. Как люди пришли на Главпочтамт и заявили, что они хотят помочь Минскому коммунхозу, который, судя по его иску, совершенно разорился на уборке с площади остатков палаточного городка. И выстроились огромные очереди в кассы, и каждый говорил, что вот, со стипендии (зарплаты) отжалел тысячу-две, чтобы коммунальщики не загнулись от голода.

А в Музее Великой Отечественной войны, сотрудники которого заявили, что тоже якобы потерпели колоссальные убытки, перестали давать посетителям книгу благодарностей. Потому что несколько человек успели туда написать что-то вроде: «Пришел. Память ветеранов почтил. А вам должно быть стыдно за ваш иск. Вот вам ваши тридцать сребреников». Оставляли в книге мелочь и уходили;

— как мои друзья 25 марта ходили, по их выражению, «пинаться с ОМОНом» и стояли на Октябрьской площади живой цепью, взявшись за руки, пытались остановить военных, не дать им смять и рассечь толпу. Как вышли на улицы, черт побери, 40 тысяч неравнодушных людей! Жаль, что невозможно каждому из них сказать «спасибо» лично. Особенно тем, кто был избит, попал в больницу или тюрьму;

— как дворами, по-партизански, люди пробирались 25 марта на Октябрьскую площадь и к скверу Янки Купалы. Как знакомый мой, Андрей Ходанович, поэт, переводчик, преподаватель, срывая голос, то ли пел, то ли яростно скандировал перед многотысячной толпой в сквере написанную буквально за сутки песню «ПАМЯЦІ НАМЕТАЎ НА ПЛЯЦЫ КАСТУСЯ КАЛІНОЎСКАГА»;

— как известные философы, журналисты, ученые, писатели, музыканты составили воззвание к белорусскому народу: «Праўда и свабода альбо гвалт і хлусня». «...Мы, беларускія інтэлектуалы, людзі мастацтва і культуры, журналісты, звяртаемся да сваіх калег, усіх сумленных грамадзян Беларусі з заклікам не падтрымліваць дзеянняў рэжыму, скіраваных супраць уласных

грамадзян, дэмакратычных каштоўнасцяў, нашай культуры і мовы. Не бойцеся! Перамога Свабоды непазбежная!»[12]

Это уже не просто родник, это чувство — как река. Чистая. Полноводная. Неудержимая. И она ширится с каждым человеком, который звонит и предлагает помощь. Таким обыденным и чуть смущенным тоном. Предлагает пожить у него несколько месяцев. Найти толкового юриста. Помочь в поисках работы. Оказать врачебную помощь. Или просто приходит, молча обнимает меня и смущенно уходит.

Так вот об этом чувстве. В окрестинских коридорах я разговорилась с омоновцем, и он, вспоминая штурм, сказал: «А сначала вы хорошо держались, когда сцепились так крепко все вместе! Мы даже не знали, что делать, когда вы держались друг за друга».

В его голосе сквозило невольное уважение и даже что-то вроде одобрения. Это была очень важная фраза, она многое позволила понять. С того момента и до сих пор во мне все крепнет и крепнет ощущение: сцепка никуда не делась, мы держимся крепко, как никогда раньше. И значит, все в порядке. Я в сцепке. Как и там, когда мы сели на площади: слева плечо, справа плечо, руки сомкнуты под локоть с соседями, сам вцепился в человека спереди, и кто-то так же крепко держит тебя сзади. И страх уходит: среди сомкнутых плеч ему нет места.

Я — в сцепке. Только эта незримая сцепка больше и сильнее, чем на площади. И она растет, крепнет с каждым днем. С одной стороны я чувствую теплые плечи «сокамерников» — всех, кто узнаёт друг друга по особому «политкаторжному» кашлю и, знакомясь, представляется примерно так:

— Юра. 15 суток. Сидел на Окрестина.

С другой стороны рядом в сцепке женщина-врач, которая осмотрела меня на дому и погнала лечить острый бронхит, нажитый в тюрьме. И знакомый милиционер, который написал, что он нами восхищается и в его доме я всегда найду помощь, если буду в ней нуждаться. И друг-преподаватель, который при встрече попросил листовок: «Ну, свой-то дом я точно "обслужу"». И многие, многие другие люди. Как говорится, смотри выше.

Сейчас в сцепке если не бóльшая, то достаточно большáя часть нации. Надеюсь, этот процесс уже не остановить. Критическая масса достигнута. Цепная реакция пошла, но это реакция не распада, а, наоборот, объединения. Пусть медленно, пусть многие люди пока еще в растерянности и не знают, что делать. Ничего, новое время откует новых лидеров. Главное — этот глухой гул подпольного протеста, который рвется наружу. Главное — что многие люди начали думать по-новому. Да что там — просто начали ДУМАТЬ. Мы стали другими — и те, кто стоял на Площади, и те, кто стоял в очередях у тюрем. И это главная наша победа.

---

[12] «Правда и свобода или насилие и обман». «...Мы, белорусские интеллектуалы, люди искусства и культуры, журналисты, обращаемся к своим коллегам, всем честным гражданам Белоруссии с призывом не поддерживать действий режима, направленных против собственных граждан, демократических ценностей, нашей культуры и языка. Не бойтесь! Победа Свободы неизбежна!»

Тоталитаризм, как и разруха, — не в сортирах, а в головах. Тоталитаризм — это мой отец, который слепо верит БТ[13]. Это неизвестный коллега, «услужливо» положивший на стол моему шефу видеокассету с записью «Евроньюс». Это студент, струсивший и проголосовавший по приказу декана досрочно. Это начальник, который увольняет сотрудника, отсидевшего 15 суток, причем делает это не потому, что так уж любит существующий режим, а из страха. Из этого слепого, темного, нерассуждающего страха, который воплощен в универсальной формуле «как бы чего не вышло».

Печально, но факт: Лукашенко в Беларуси — это было вполне закономерное явление. Тоталитарную систему не под силу установить одному человеку или даже группе людей. Для этого нужна ГОТОВНОСТЬ покорного большинства. Несвобода в стране начинается с несвободы и страха в душе отдельного человека. С готовности (и даже подсознательного желания) подчиниться, передоверить ответственность за себя, детей и страну очередному «батьке». С желания «промолчать» и «не ввязываться». С привычки жить подлостью и рабским подобострастием, унижаться, трепетать перед начальством, стучать на коллег, трястись за свое драгоценное рабочее место.

Но коль вся несвобода начинается с той, которая в голове, то справедлив и обратный тезис. Свобода тоже начинается в головах.

Там, на белорусском Майдане, мы обрели в первую очередь внутреннюю свободу. Когда смотрела фотографии ОТТУДА, поражалась, насколько у людей были счастливые, сияющие лица. Площадь, как грехи, отпустила наш страх. Сейчас, когда на меня пытаются надавить или запугать, я тут же вспоминаю: черная стена вокруг лагеря, белая ледяная стена на Окрестина, — и понимаю, что сейчас вещи, которых я боюсь, можно пересчитать по пальцам одной руки.

Потрясающее, никогда раньше не испытанное ощущение внутренней свободы — вот главное, что мы вынесли для себя с площади. Все получилось. Мы в сцепке, и она не распадется. Пусть на площади нас было немного — но на каждого из нас приходилось 10 человек, которые не прошли кордоны, слегли с температурой, собирались прийти с утра. И как минимум 100 тех, которые носили на площадь еду и горячий чай, готовили позже передачи и флэш-мобы, разбрасывали листовки, неделями не вылезали из Интернета, составляли списки задержанных. Писали стихи и песни. Публиковали открытые письма и заявления.

А сколько на каждого из нас приходится людей, которые наконец-то начали думать, поверили в себя и в свой народ — бог весть. Может, и по тысяче.

Сейчас Беларуси не столько нужен героизм, сколько элементарная человеческая Порядочность. Так и вижу рецепт от тоталитаризма: 100 мг Порядочности на душу населения. Ежедневно.

Порядочность — это способность отказаться от навязываемых нам правил театра абсурда и лжи. Способность сказать свое личное маленькое «нет» режиму. Не отчислять «политических» студентов и уговорить коллег этого не делать. Не увольнять сотрудников, побывавших на сутках. Не участвовать

[13] БТ: телеканал «Беларусь-ТВ».

в уродских «товарищеских судах». Не писать «заказных» политических статей. Не промывать мозги школьникам. Не тянуть молодежь насильно в БРСМ.

В наших партизанских условиях и фига в кармане — оружие. Если она крепко свернута.

Народ белорусский — не быдло! Теперь я это точно знаю, и за таким знанием СТОИЛО идти на морозную нашу площадь, а потом в тюрьму. Как бы там ни обернулось, я СЧАСТЛИВА, что там была. Нам было ради кого стоять.

Эпилог

Ледяное стало б теплым, а горячее — остыло
В компромиссах перемирий к окончанию войны
Белым флагом с голубиной лапкой над сплошной могилой,
Если б не было нам смерти и весны...

А. Непомнящий

15 апреля

Вчера над Минском весь день были тучи, а воздух все же потеплел. Весна потихоньку отвоевывает позиции.

Поздно вечером вместе с тем человеком, чье имя я твердила в белом дворике на Окрестина, мы шли по набережной вдоль Свислочи, возле Немиги. В черной воде дрожало отражение совершенно сказочного Троицкого предместья на другом берегу. Молчаливо вздымался вдалеке за деревьями огромный купол Оперного театра. Было в его молчании что-то сообщническое. Месяцев пять назад, забравшись туда по ржавым пожарным лестницам, в такое же ночное время с его верхней точки я смотрела на Минск.

Впереди на асфальте мы увидели рисунок мелом: ангел с огромными крыльями, на лице улыбка. И подпись: «Портрет ангела-хранителя»

А рядом были стихи, твердо выведенные цветным мелком:

Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенье, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики.
...А я была его женой.

Эти стихи Анна Ахматова написала про Николая Гумилева, расстрелянного в 1921 году за участие в «белогвардейском заговоре».

В этот момент я поняла еще кое-что важное. Я ЛЮБЛЮ этот удивительно красивый город, где на асфальте пишут стихи Ахматовой. Притихший, подобравшийся, но не сломленный город, весь в маленьких траурных ленточках — молчаливом протесте. Люблю Верхний город, спрятанный, как шкатулка с чудесами, между огромными современными зданиями. Люблю

гордый Свято-Духов собор, белую Ратушу с певучими часами, бронзовых Почтальона, Амазонку, Девочку с зонтиком, Фотографа и прочую братию.

Люблю людей, которые здесь живут. Пока есть кому вязать на перила черные ленточки и писать на асфальте строки Ахматовой, — я не хочу, не могу, мне НЕЛЬЗЯ умереть или уехать отсюда (что, в сущности, одно и то же).

Мне нужно еще многое сделать в этом городе. Рассказать всем, кто захочет услышать, КТО и ЗАЧЕМ стоял на площади. Подсунуть ребятам в клубе книги Оруэлла и Булгакова, Короткевича и Орлова, Достоевского, Солженицына, Брэдбери, Крапивина. И «Балладу о книжных детях» Высоцкого — как эстафетную палочку.

Сходить 19 апреля в БГЭУ, где преподаватели заставляют одногруппников нашей Тани Дедок устроить над ней так называемый «товарищеский суд». Чтобы принудить студентов к такому позорищу, пригрозили разогнать группу и всех отчислить. Ничего, мы им устроим «товарищеский суд»! Придем с цветами, воздушными шариками, будем стоять, сколько понадобится. Спросим у преподавателей, помнят ли они такой архаизм — «совесть».

А 26 апреля надо сходить на «Чернобыльский шлях». И желательно вернуться оттуда: если меня второй раз загребут на несанкционированном митинге (шествии), меня, возможно, будет ждать уголовная статья и до 2 лет тюрьмы. Не хотелось бы: у меня здесь, на свободе, непочатый край работы.

Я кое-что задолжала своему городу и стране. Ни много ни мало — жизнь. Жизнь без страха и лжи.

Далучайцесь![14]

P.S.

Мне хотелось бы закончить вот так — светло и ясно, но я не могу. Когда эта книга уже готовилась к печати, пришли плохие вести. Очень плохие.

У нашей Ирки Завадской умер от сердечного приступа отец. Его вызывали в деканат колледжа, он вернулся домой намного раньше дочери и жены. Его нашли уже мертвым.

На собрании в поддержку Тани Дедок люди в штатском задержали одиннадцать человек. Я сама еле унесла оттуда ноги: мы спешили к метро, а за нами на дистанции три-четыре метра шли четверо гэбэшников. Улыбались. В открытую снимали на видеокамеру.

По всей стране идут аресты и задержания активистов.

Но мы держим сцепку! Площадь продолжается. Мы повторяем единственное заклинание, которое может помочь и нам, и стране:

ДА-ЛУ-ЧАЙ-ЦЕСЬ![15]

---

[14] Присоединяйтесь!

[15] 14 июля 2006 года экс-кандидат в президенты Белоруссии, лидер Белорусской социал-демократической партии («Грамада») Александр Владиславович Козулин приговорен к пяти с половиной годам лишения свободы.

В сетевом пространстве...

В сетевом пространстве Интернета нередко всплывают материалы, представляющие интерес как картины современной общественной, политической жизни, как отражение настроений и чаяний, как голос поколения, как запечатление атмосферических явлений эпохи. Иногда они производят много шума, иногда остаются почти никем не замеченнымиВ открываемой в этом номере новой рубрике мы намерены знакомить читателя «Континента» с текстами из Сети, которые представляются нам в этом отношении примечательными и характерными. Что не означает, разумеется, что мы готовы разделить все мнения и выводы их авторов.

Печатаемые ниже статьи публикуются в новой авторской редакции.

Дмитрий ОЛЬШАНСКИЙ

ГЛАМУРНАЯ КРЕМЛЯДЬ

Полковника Щеткина уже с утра не было в штабе, и не было по той простой причине, что штаба этого более не существовало.

Взяв в квартале расстояния от «Розы» извозчика, штатский Щеткин уехал в Липки, прибыл в тесную, хорошо обставленную квартиру с мебелью, позвонил, поцеловался с полной золотистой блондинкой и ушел с нею в затаенную спальню. Прошептав прямо в округлившиеся от ужаса глаза блондинки слова: — Все кончено! О, как я измучен... — полковник Щеткин удалился в альков и там уснул после чашки черного кофе, изготовленного руками золотистой блондинки.

Ничего этого не знали юнкера первой дружины. А жаль! Если бы знали, то, может быть, осенило бы их вдохновение, и, вместо того чтобы вертеться под шрапнельным небом у Поста-Волынского, отправились бы они в уютную квартиру в Липках, извлекли бы оттуда сонного полковника Щеткина и, выведя, повесили бы его на фонаре, как раз напротив квартирки с золотистою особой.

Булгаков

Живут еще на свете добрые люди, искренне полагающие, что кремлевской политикой в области всевозможных агитаций-провокаций руководят лубянские жандармы. Так думают иные старорежимные интеллигенты, едва

Дмитрий ОЛЬШАНСКИЙ — родился в 1978 г. в Москве. Учился в Российском государственном гуманитарном университете. Политический публицист, литературный критик. Печатался в изданиях «Вечерняя Москва», Globalrus.Ru., «Известия», «Консерватор», «Независимая газета», «Русский журнал», «Сегодня», «Тайм-Аут», «Эксперт». В настоящее время обозреватель Агентства политических новостей Apn.ru. Ведет дневник в Живом Журнале (olshansky). Живет в Москве.

сменившие треснувшее пенсне на евролинзы, тому же учат публику и яростные иностранные газетчики, не устающие обличать Владимира Грозного и заплечных дел мастеров, засевших в мундирном его окружении. Оставим наивных слепцов наедине с этим тягостным их заблуждением и скажем правду: государственной пропагандой в России заведуют вовсе не наследники Николая Ивановича Ежова, гори он в аду.

Ею руководят блестящие молодые люди.

В то время как жандармы, поскидавши мундиры и жмурясь от восторга, ныряют в черное золото, именно они, эти аккуратные и усердные приказчики, ответственны в кругу власть имущих за выборы в парламент, заботливую опеку партий, журналов и телестудий, за молодежные движения с девизом «Кормимся, батюшка!», а также и за всю общественную жизнь в целом, сводимую к набору дурашливых кампаний, несносных до того, что и самый пылкий «активист», пройдя сквозь навязчивую их череду, обратится нелюдимым Генри Дэвидом Торо. Да что там активисты — все мельтешение сверху направленной политики имеет ныне единственный источник. Картину, по сути, создают только они, почти незнакомые обывателю работники царской администрации и сопричастных ей заведений. Газетчики называют их «либеральным крылом Кремля», внутри Садового кольца они зовутся «нашей башней». Но что такое эти блестящие молодые люди, усаженные высшим начальством РФ на борьбу с чуждыми идеологиями и вредными тенденциями, и много ли мы знаем о них?

Гладкие лица, не обезображенные, по счастью, скорбными думами о суверенной демократии. Справные костюмчики, внушающие почтение клиентам — не хватает разве что бутоньерок, но лоск наведен и без этого, хоть сейчас на обложку в GQ. В прошлом у них — непременный «опыт работы в бизнесе», а именно в самых неприглядных конторах либеральной эпохи, каковые конторы, вместе с канувшей эпохой, они упоминают теперь с оттенком патриотического презрения. Родину, мол, не любили, олигархи-то — мы же, напротив, любим, и в особенности после сытного ланча. Но девяностые — то было давно. По убытии из бизнеса, но еще до нахлынувшего жаркого патриотизма — пройдена ими и краткая школа пятиалтынной политтехнологии, всегда одной и той же. Например, сначала чужими устами провозгласить Ивана Пафнутьевича кандидатом в самодержцы и грядущим спасителем России, а немного погодя — публикацию возглашений этих смиренно положить на стол спасителю нынешнему. Или — находясь на службе у Петра Дормидонтовича, крепчайшего хозяйственника, губернатора или партийного ястреба, нанять падших женщин, дабы те изображали собой поклонниц главного ястребиного конкурента и чепчики бросали в его честь.

Знают блестящие молодые люди и третий искуснейший политтехнологический метод (думаете, они ограничились бы двумя? да никогда!). Возглавляет, допустим, некий Фердыщенко «Денежно-Товарную Партию», сокращенно «ДТП», которая недопустимым образом угрожает на выборах опекаемой нашими героями «Лакейской России» («Россия должна быть сильной, лакейской!» — и этот зазывный слоган также сочинили они, кстати). Что с этим сделать? Проще простого: призвать фердыщенкиного заместителя, засидевшегося в немолодых государственниках Иволгина, а тот уж мигом орга-

низует партию на этот раз «Лже-Товарно-Денежную» (сокращенно-кулуарно — «Кремль, ltd.»), руководство которой будет свирепо клеймить бывших соратников. Потом, если станет скучно, можно поменять их местами, а чуть позже еще раз — и чем это не демократия? чем не «электоральный процесс», вечно недовольные вы мои? Призвать же подобным образом они могут всякого, ибо, как говорил видный политтехнолог своего времени Алексей Иваныч Швабрин, «ежели хочешь, чтоб Маша Миронова ходила к тебе в сумерки, то вместо нежных стишков подари ей пару серег», — а уж партийные деятели наши не ровня бедной, но гордой сироте, их «нрав и обычай» известен далеко за пределами вдевающей им серьги в нос Старой площади.

И вот, набравшись подобных приемов, эти блестящие молодые люди окончательно делаются идеологами беспомощного по части словесных ухищрений, с головой зарывшегося в черное золото Кремля — и, отряся прах Суслова, Демичева и Зимянина со штиблет своих, начинают бороться с подступающим врагом. Например, с «гламурным фашизмом», книга с разоблачениями которого недавно изумила политический свет. Или с национал-старичком Лимоновым — посрамлению его посвящена другая только что вышедшая агитк-нига. Они стараются вовсю. Пропагандистская литература клеймит ненавистников России, скверно настроенными микрофонами шипят пресс-конференции, скорбно указывают в сторону неприятеля воспитатели легкомысленной молодежи, заманчиво шуршат условные единицы патриотизма. Идет работа. Но отчего же блестящие молодые люди или, именуя их сокращенно, бл — ди обратили гнев свой именно в эту сторону? О, это интересная история.

Дело в том, что воевать с противником, который, не приведи господь, может и ответить — это, согласитесь, неприятное и ненужное занятие. Баламутить земли, навечно отданные Золотой Орде Кондолизы Райс, — значит остаться без визы в заграничном паспорте, без не вполне патриотичного, но зато так славно утешающего во всех бедах банковского счета, без виллы на берегу ласкового нерусского океана. Защищать недоуничтоженные остатки Москвы от архитектурно-финансового гения столичного мэра — значит рисковать тем, что орлы городской управы, десятилетиями взрывающие друг друга, вдруг объединятся, да и подложат *бонбу* под сиденье, и не кому-нибудь чужому, а лично ему, гладкому, красивому и молодому кремлевскому клерку. Бороться со взрощенными долгожданным рынком нацистами из ДПНИ и Ко — тоже опасно, их много, они злые и наверняка не захотят спорить о «суверенной демократии» и «других важнейших тезисах г-на Суркова». С ними можно и нарваться. Разгребать сверх-авгиевы конюшни армии, давно уже сделавшейся огромной уголовной клоакой, — фи, это и вовсе незабавно. Те, что с улицы, те пускай послужат. Их там научат Родину любить, ведь на то он и патриотизм — если, конечно, ты гуляешь по улице, а не сидишь в кафе «Пушкин» с «заказчиками». Да и генералы эти — ну их, ведь не поймут они грандиозного значения Суверенитета. Так кто же остается на прицеле, кого можно прищучить, не отрываясь от бургундского Corton Charlemagne Grand Cru урожая 1992 года? Кого, чуть пригубив сей достославный напиток, блестящие молодые люди избрали злокозненным гламурным фашистом? Кто, по их мнению, в России во всем виноват?

Извольте, я предоставлю вам список извергов, угрожающих отечеству.

Отправленный на психиатрическую экспертизу ультралиберальный активист, постоянный автор изданий вроде «Кавказ-Центра» и городской сумасшедший Борис Стомахин. Известный друг детишек и зверюшек, сентиментальный журналист Валерий Панюшкин. Заступница за Ходорковского, кавалерственная дама Алла Боссарт. Издатель и бывший наутилус Илья Кормильцев. Хью Хефнер и Обломов в одном, Артемий К. Троицкий. Искатель чеченской правды, радиоголос не нашей свободы Андрей Бабицкий. Святая (я серьезен!) юродивая Валерия Новодворская. Радикальный математик Михаил Вербицкий. Полузабытый фаддей булгарин Александр Минкин. Ниспровергавшая КГБ СССР воительница Евгения Альбац. Украинский телеведущий Савик Шустер. Наконец, все тот же национал-старичок Лимонов, враг № 1 — автор нескольких навсегда оставшихся в истории русской словесности шедевров и коновод левоэсеровской партии, имевшей наглость выступить против нерушимой путинско-латвийской дружбы и монетизации льгот — с великой радостью, как известно, принятой веселыми стариками.

Вот таких врагов народа выбрали в качестве мишени сверкающие кремлевские клерки.

Но не в именах, не в фамилиях дело. Под удар идет сам образ, характер, человеческий тип, чье легкое изничтожение столь по сердцу прохвосту-сановнику. Ибо сановник этот полагает, что «темная масса», грозное присутствие которой он угадывает за спиной швейцара кафе «Пушкин», просто обязана кого-нибудь ненавидеть. И мишенью для ее мутных страстей он назначает тех, кто уязвим ныне более всего, — «интеллигентов 1991 года». Всякий, кому еще памятны те времена, знает недолгих и наивных триумфаторов сгинувшей эпохи — «гостей студии» в программе «Взгляд», обозревателей «Московских новостей», весталок гласности, дворников-истопников — героев «советского рока», могильщиков «партократии», отчаянных демонстрантов на Манежной площади, калифов на либеральный час. Их ценности, речи, привычки давно уже кажутся истлевшим хламом в глазах новоявленной кремляди, да и сами они, упрямо стоящие на своем — готовые жертвы, кандидаты на вредную должность.

Кажется, что еще несколько лет назад агиткампании по борьбе с «фашизмом» в лице Новодворской и прочих были бы невозможны — однако теперь все зловещие маски услужливо открыты. Выяснилось, что все эти граждане-враги неподобающим образом высказались, и не раз, о нашей любимой стране и вообще давно уже проявляли свою змеиную сущность — а значит, их можно топтать с облегчающим душу патриотическим ожесточением. А ну как, не дай бог, прорвутся за зубчатую стенку Алла Боссарт с Лимоновым-Кормильцевым, отнимут и разорвут в клочья очередную рукопись Послания Федеральному собранию, особо изощренным, не скажу даже каким, способом надругаются над драгоценным Суверенитетом, вырвут изо рта у эффективных «консультантов» последнюю устрицу, выпьют запасы бургундского. Как тут не заблажить в антифашистской ярости, как не обрушить на русофобов всю силу государственной машины?

Но казалось бы, при чем здесь гламур?

Это легко объяснить. Отстаивающие суверенную демократию блестящие кремляди, находясь на службе или вне ее, живут именно в мире триумфального, гнойного гламура. Их пиджаки и улыбки, запонки и книги,

отсутствием интереса к которым они иронически бравируют («мы люди простые, государственные, мы свободу слова душим, куда нам читать»), их дачи и виллы, лицемерные фразочки на публику и откровенные шуточки между собой — весь их мир пропах гламуром, как жены их начальников-жандармов — убойным парфюмом. Им дела нет до того, что творится «вне тусовки», до того, что не попадает «в журнал» — но в том-то и дело, что Лимонов и Кормильцев, Панюшкин и Троицкий туда попадают регулярно. Вот солдат в части на дальнем острове повесился на российском флаге — что ж, для гламурной кремляди это совсем не повод подумать о том, какой именно «патриотизм» господствует ныне в России. Далеко и неинтересно. Зато если в московском глянцевом журнале некто «больно умный», вроде вышеназванных деятелей, щелкнет блестящих по носу, да и просто выскажет нечто возмутительное — тут уж бей в набат, скликай антифашистов. Что за наглости позволяет себе этот Лимонов — быть «модным»! Модные — это только мы сами, модным должен быть наш устрично-запоночный Суверенитет, а не то больно накажем, вражина ты этакий.

Наказывают, конечно, не сами. Изрыгать книги о тлетворном влиянии гомосексуалиста и порнографа Лимонова, о русофобах, убивающих Россию, — заниматься такими вещами собственноручно для кремляди было бы не по чину. Да и пафос досадным образом отсутствует — добро бы всю мерзкую лимоновщину-кормильцевщину можно было эффектно сразить, скажем, сочинением на тему — «Сравнительные достоинства суверенных демократий: Сардиния, Коста-Дель-Соль, Сен-Тропез»... Но увы — не годится, совсем не годится то сокровенное знание для агитации профанов, в глазах которых нужно уронить проклятый гламурный фашизм. И вот тогда блестящий и совсем молодой человек, ведающий пропагандой среди таких же молодых, но уже отнюдь не блестящих, нехотя отворяет дверь евроофиса и на несколько метров идет в народ.

Евроофис у него, допустим, на Якиманке (Кремль ведь не резиновое изделие, на всех не хватает). А по Якиманке, лузгая семечки, сплевывая и сшибая мелочь с прохожих, шатается какой-нибудь простой, как якорь, парниша Якиманкин, да не один, а с братом. Ножички, кепарики, берегись, очкарики — братья явно скучают. Их видит осторожно ступивший на подлую землю обер-пропагандист, и между ними происходит следующий разговор:

— *Эй!.. эй, любезные, идите-ка сюда! Сюда-сюда, ко мне.*

— *Че те надо-то?*

— *Видишь ли, голубчик, тут есть одно этакое дельце, видишь ли...*

— *Сколько дашь?*

— *Ну сделаете все, как я скажу — дам десять рублей.*

— *Мало!*

— *Мало?*

— *На двоих с братаном — пятнадцать. И курева шоб навалом было. Говори давай, че делать-то надо?*

И вот один Якиманкин, который грамотный, налаживается строчить книжки про гомосексуалистов, русофобов и порнографов. А другой Якиманкин, который не очень, — держать базар с громилами по подворотням, дабы отметелить как следует врагов России. Блестящий же молодой чело-

век будет в этом деле совсем ни при чем. Он всего лишь сидит в очередной ланчевальне и шутит шутку. Какие такие громилы, какие футбольные фанаты, нападавшие там, избивавшие тут? Неизвестные люди, и все тут. Что за паскудные книжечки геббельсовского идейно-эстетического направления? Вы же видите, молодежь выражает свое законное возмущение антигосударственной дерзостью НБП, и только-то. Ах, знаете, эта либеральная истерика так глупа и неуместна. И снова бургундское.

Нечего и говорить, что блестящие молодые люди и дальше останутся с нами, занимаясь своим привычным делом — «не обманешь — не продашь!», как резонно говорили в Замоскворечье столетием ранее. Они долго еще будут «в своем праве». Ну а когда в России заново сделается метель и все будет мрак и вихорь, полноправные наследники штабного полковника Щеткина и гвардии офицера Швабрина мигом забудут о своей суверенной демократии — и, если получится, отбудут со вздохом — «О, как я измучен!», навстречу скромному раю Сардинии и Сен-Тропез. А нет — так окажутся сидящими в кругу победивших разбойников, неотличимо от моды скинхедов «обстриженные в кружок». При любом исходе они не пропадут. Ибо с неизбывной их лживостью, с их на диво ветреной практичностью и гламурным «патриотизмом» не справятся, конечно, никакие национал-старички Лимоновы, никакие «страшные русофобы» Стомахины, Панюшкины и Альбац. С блестящей кремлядью вообще ничего уже нельзя поделать — она практически непобедима, как и всякая лакированная, скользкая подлость.

Их уязвляет только одно. За мишурой своих никчемных интриг, в кружевах пропагандистской завираловки и даже поднявшись на самую вершину кабинетного величия, гламурные Щеткины-Швабрины все-таки чувствуют, как же на самом деле презираема их власть, до какой степени низко стоит она даже в глазах тех, кто на виду поет ей осанну. И никуда не деться им от выданного некогда Капитанской Дочкой приговора:

— Алексей Иваныч, конечно, человек умный, и хорошей фамилии, и имеет состояние; но как подумаю, что надобно будет под венцом при всех с ним поцаловаться... Ни за что! ни за какие благополучия!

Борис МИНАЕВ

СКВОЗЬ ВАКУУМ

Когда я впервые услышал эту фразу — «извини, это комплексы вашего поколения»? По поводу чего? Не помню уже.

Борис МИНАЕВ — родился в 1959 г. в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ. Журналист и прозаик. Работал в «Комсомольской правде», «Огоньке». Автор книг «Детство Левы» и «Гений дзюдо». Лауреат премии «Заветная мечта» — 2006 (за лучшую детскую книгу, вторая главная премия). В настоящее время работает в журнале «Город женщин». Ведет дневник в Живом Журнале (boris_minaev). Живет в Москве.

Помню, как тогда резануло внутри — я-то всегда много думал о своем поколении, да, много раз оценивал и прикидывал, чем мы отличаемся от прежних людей, какой язык принесли с собой, какова наша вина и наша история, но никогда так четко и определенно не чувствовал в других эту оценку, причем резкую.

Неприятную оценку.

Наверное, это было сказано по поводу каких-то социальных инстинктов. Нашего страха перед новым, скажем так, «мягким» культом личности. «Это комплексы вашего поколения», — жестко сказала мне моя собеседница, красивая молодая девушка лет тридцати. Или чуть больше. Я задумался. Их поколение, что ли, живет без комплексов? Неужели?

Наверное, потребность заявить такое появляется у людей в тот момент, когда они перестают учиться, быть учениками, перестают чувствовать себя в начале — начало уже позади, дальше — подлинная биография, и это резкое, острое чувство заставляет оглянуться, почувствовать себя уже на общем фоне, на общем плане, говоря киношным языком.

Так вот, какой же он — общий план?

А общий план прост — тридцатилетние, помимо всех своих прекрасных качеств, обладают одним очень неприятным — поколенческой ксенофобией. Это происходит даже помимо их воли, на уровне инстинктов, биологических реакций — как только они перестают чувствовать себя среди «своих», перестают понимать лексику, мимику, я не знаю, культурный бэкграунд собеседника, на их лицах появляется очень странное выражение. Не интерес, не попытка понять, не диалог или драка — нет, ответом на чужое (общим поколенческим ответом) для них является другое: ускользающее молчание, рассеянная полуулыбка. Непроницаемый холод. Вакуум. А поскольку они приходят сейчас на сцену и заполняют ее собой, — этот вакуум, это неумение говорить с другими и непохожими, кажется мне довольно опасной вещью. Чтобы пройти сквозь вакуум, нужен скафандр.

Но мне все-таки нравится это поколение. По возрасту — мои младшие братья и сестры, по ощущению — гораздо более органичные для сегодняшнего времени люди, чем мы (чем я и мои друзья-ровесники), по драйву — нечего и говорить, живущие в ритме своих чувств, легко и свободно, как в джазе, в то время как 40-летние или 50-летние все пытаются поймать свою «забытую мелодию для флейты». И тут речь не об успехе, успешность не от поколенческих категорий зависит, от характера и судьбы.

Успеху не завидую, завидую как раз вот этому — ощущению горизонта впереди. Более свободному дыханию.

Но сразу возник вопрос — а что они сделали уже, что успели сделать?

Не что время сделало для них — это как раз понятно, оно освободило их от прежних подпорок и стереотипов, заставило рассчитывать только на себя. Нет, но что они-то привнесли в это время?

На актерах и режиссерах именно этой формации, предположим, держится «новый русский сериал» и «новое русское кино». Это действительно серьезное производство: рентабельное, с уверенными в себе директорами, с хорошими, качественными бизнес-планами и очень хорошей рекламой.

Но, увы, «пятилетка качества» в этом производстве пока не наступила. И вот почему. На предыдущей отечественной кинофабрике, назовем ее советской, была некая традиция, некое уважение к ремеслу, к прежним профессионалам, а отсюда — и культура работы. Эти тридцатилетние начали как будто на голом поле. И их самоуважение, которое порой так и брызжет с экрана, — пока еще стоит на одной ноге. Их продукция продается, это хорошо, но пока она очень сырого, почти ученического качества, и это плохо. В этом когда-нибудь придется себе признаться, чтобы двигаться дальше.

Ну хорошо, бог с ней, с культурой. В конце концов, не культурой единой жив человек.

Политика.

Я понимаю, политика сейчас очень уж специфическая. И в предыдущей волне исторических событий выдвинуться было значительно легче. Но чтобы совсем уж ни одного лица... Ни одного имени... Ни одного человека, который хоть на один час привлек бы к себе внимание! Это странно, согласитесь. Совсем странно. Все-таки 30–35 — это не мальчики уже и не девочки.

Можно, конечно, надменно пожимать плечами, и говорить, мол, «политика дело грязное». Но то, что Гайдар-внук в их годы командовал страной, а Чубайс в этом же возрасте умудрился навсегда стать врагом номер один русского народа, в которого до сих пор стреляют, — во мне лично вызывает гордость за свое поколение. Я уж не буду тревожить тень так называемых олигархов, но то, что миллиарды упали к их ногам сами, без всякого усилия — это, на мой взгляд, большая и очень вредная русская сказка. Но даже если упали, ладно, даже если этот успех был искусственным и неправедным, как считают многие, никто ведь не заставляет нынешних 30-летних политиков идти теми же тропами.

Но если у этого поколения нет своих лидеров, нет своего творческого голоса (не пробился еще, не успел), нет своей идеологии... То что же они дальше будут делать? Кто из них, собственно говоря, поведет страну и куда? А черт его знает.

Черт его знает — потому что куда, кто и зачем, для них не очень важно. Ведь их жизнь — это их личное дело.

Собственно, идеологию, которую мне пришлось формулировать самому, потому что сами они ее не хотят формулировать, — можно выразить вот в этих двух словах. Да, замечательная идеология: их жизнь это их личное дело. Она позволяет жить легко. Она позволяет им быть внутренне свободными (запомните, кстати, этот тезис о внутренней свободе, он для них очень важен). Он позволяет им быть счастливыми. Такой идеологией в эпоху перехода, эпоху дикого рынка стала для них простая жизненная необходимость — быть свободными от любых скреп, крутиться, вертеться, выживать в любых обстоятельствах. Осуждаю ли я их за это? Да ничуть. Я им даже завидую в этом отношении. Завидую их мобильности, легкости, органичности, продвинутости.

Но ведь мы же говорим об истории...

А в истории, как известно, действуют законы больших чисел. Когда один человек легок, свободен, не закомплексован в отношениях, не зажат услов-

ностями — это прекрасно. Он живет для себя, в свое удовольствие, он никому не «парит мозги» своими жизненными задачами, и он, кстати, не торопится обзаводиться семьей, взваливать на себя тяготы «семейных ценностей», потому что ему, в отличие от нашего поколения, не нужно было прятаться в семью, в свой личный угол — от общества развитого социализма, от партсобраний, от родителей. Это в общем-то очень ответственный человек, нынешний 30-летний, он мудрый, он живет сегодняшним днем, и он знает, что на завтрашний день (то есть на те же семейные ценности) надо сначала накопить, заработать, надо его спокойно дождаться. Для отдельно взятого человека — прекрасная жизненная позиция. Для страны — уже большая проблема.

...Да в общем-то не только для страны. Это я лукавлю сейчас, ухожу в социологию, в демографию. Бог с ними. Мне кажется, невозможность закрепиться в чем-то, неумение упереться рогом в один сюжет, в одну жизненную идею — та проблема нынешних 30-летних, о которой они не очень любят говорить.

Был в моей жизни один главный редактор, который в своем программном заявлении сказал, что он будет делать журнал для людей не старше 35 лет, хотя ему уже 36. Потом кокетливо улыбнулся: «Я надеюсь, что меня все-таки можно отнести к тридцатилетним». Так вот, это был худший главный редактор в моей жизни. Который все развалил, все разрушил, и быстро ушел. Но он был худшим, конечно, не потому что был 30-летним. И не потому, что был глуп или бездарен. Нет! Совсем по другой причине. Просто он не привык долго работать на одном месте. Он привык мыслить «проектами». Запустили проект, и вперед, дальше. Что-то не получилось — ну и пошли вы... Вот идеология. Но по этим законам нельзя сделать большое дело. Ни журнал, ни театр, ни рок-группу. Ни семью (надеюсь, что с семьей там все в порядке). Потому что любое из этих мероприятий требует огромного и очень долгого вложения сил. И далеко не всегда это мероприятие — праздник.

Огромная нелюбовь к пафосу («пафос», «пафосный», «пафосное» — самые для них ругательные слова) — корневая черта этого поколения. И это же — моя главная к ним претензия. К ним — таким мне дорогим, таким милым и симпатичным, даже любимым. Ведь именно с ними я в основном и общаюсь, поскольку друзья-ровесники разбежались по разным квартирам, а они — остались, и я среди них чувствую себя совершенно прекрасно.

Но что же такое этот самый «пафос»?

Это ценности, которые человек всерьез декларирует и всерьез отстаивает. Даже если ему хреново, даже если он глубоко не уверен в себе, даже если его за них бьют и не платят денег — он все равно их отстаивает. Он иначе не может. Он иначе не умеет.

Да, каюсь, излишний пафос — это глубинная черта моего поколения. Цинизм, кстати, это обратная сторона того же пафоса, просто это пафос, вывернутый наизнанку. Мы пафосные люди. Мы, то есть те, которые ждали перемен, по Цою, и их дождались, мы, которые изобрели стеб, самый гнусный пафос на свете, мы, которые разочаровались в переменах и ударились во все тяжкие, мы, которые отвечаем за все то, что произошло со страной, — просто по возрасту, мы этот пафос все же не потеряли.

Знаете, почему? Потому что мы успели в детстве глотнуть советский воздух — кирзовых сапог, бараков, пионерлагерей, партсобраний, райкомов, доносов. Душный, отвратительный воздух. Мы успели им надышаться. И в нас сохранился страх, что ЭТО может вернуться. Мы на своей шкуре успели прочувствовать, что не может быть внутренней свободы в зоне. Отсюда и пафос. Мы не хотим обратно. Мы очень любим свое советское прошлое и гораздо лучше в нем разбираемся, мы знаем тонкие различия между советскими писателями и советскими учреждениями. Но мы не хотим туда возвращаться. Не в милое советское прошлое, а в совок. Тупой и казенный.

А в них — нет этого страха. И потому мы никак не можем понять друг друга.

Для них, 30-летних, демократия — это официоз, лозунг. Для них Проханов и Лимонов — прикольные и талантливые ребята. Для них антиглобализм — дежурная философия. Для них Ельцин — это как для нас советская власть. Для них СССР — великая империя, красивая Атлантида, ушедшая под воду истории. Для них шестидесятники — в лучшем случае занудные старики. Им невозможно объяснить ценность свободных выборов и свободного выбора. «А ты подумал, что принесла твоя демократия простым людям?» — говорит они, сидя в кафе и помешивая эспрессо с сахарозаменителем. И спорить об этом можно бесконечно. Все равно ни к чему не придем. Слишком разный жизненный опыт.

В свое время я сам мечтал о новых людях, о поколении, которое вырастет без страха в душе. Теперь думаю — а хорошо ли это? Так ли это хорошо? Ведь оруэлловский 1984-й — он всегда на пороге. Он всегда не за горами. Если нет страха, или нет пафоса, или убеждений, называйте как хотите. То есть если нет очень четких конструкций, тяжелых, неудобных, металлических, которые сидят у тебя в башке и не дают жить спокойно.

Вот для меня вопрос — есть ли они у них? С башкой там вроде бы все в порядке, и с начитанностью, и с мышлением, и с логикой... Но с конструкциями как?

...Кстати, я совсем забыл про одну область жизни, где 30-летние действительно вытеснили всех, занимают абсолютно все позиции, ту область, где они подлинные короли. Это бизнес. Продажи, реклама, маркетинг. Да все что угодно. Это их область, их поле, их целина.

Бизнес — экономическая основа демократии. За бизнес я их очень уважаю.

Но, увы, в бизнесе нет и не может быть никакого пафоса. Пафос бизнесу просто противопоказан.

По крайней мере, так сложилось. Пока.

Некоторое послесловие к статье.

Наверное, последнее по времени крупное художественное произведение, которое заставило задуматься, — фильм «Изображая жертву»

Произведение в чем-то тянет на поколенческий манифест, написано братьями Пресняковыми, поставлено Кириллом Серебренниковым, это их лидеры, их язык, их пафос (у них он, оказывается, тоже есть). Так вот, сцена в конце фильма, где следователь, сорокалетний мужик, мой ровесник, страшно

ругаясь матом, пытается сформулировать примерно то же самое, что я своей статьей — это как бы ответ мне, сегодняшнему. «Что вы за люди?» — орет следователь, изрыгая проклятья, отчаянно заводясь, чуть не рыдая от бессилия. Да, в этой сцене есть ответ на все мои вопросы. Следователь — смешной, жалкий в своем бессилии понять «их» душу, «их» инфернальные мотивы и их не мотивированные ничем поступки — так вот, он все-таки пытается их понять. Пресняковы и Серебренников — понять не пытаются. Они ухмыляются ему в рожу. Они над ним смеются. Другого поколения для них просто нет, оно уже умерло, там нечего понимать. Почему?

Потому что себя им слишком жалко.

Вот, собственно, и диагноз. Точнее, чем они сами, его не поставишь.

КОММЕНТАРИЙ К СОБЫТИЯМ РОССИЙСКОЙ ЖИЗНИ*

/Апрель — июнь 2006 г./

8.04.2006

Здравствуйте! В эфире снова программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Для начала повинюсь: я пропал из эфира аж на месяц по случаю гастролей в Америке и Канаде — летал по тамошним городам и весям, встречался с почтенной публикой, по преимуществу бывшей нашей, разумеется... Концерты были совсем не про политику, но на каждом обязательно приходила пара записок с вопросом про какую-нибудь гадость — про российскую власть... про Чечню... про правосудие наше... Я отвечал: отстаньте вы, я, может, специально сюда приехал, чтобы позабыть, как это все выглядит... Но когда вернулся, сам понял, что оторвался от родимых осин явно чересчур.

Это ведь как обнаруживается? Начинаешь задумываться над очевидным, задавать дурацкие вопросы, просто как иностранец какой-нибудь! Например: отчего это убийц таджикской девочки в Питере судят как обычных хулиганов? Раньше-то я сам бы любому на пальцах объяснил: нам скинхеды нужны на мази, на полном ходу, чтобы к две тысячи восьмому году народ вместо нормальных выборов запросил у благодетеля твердой руки... Раньше бы объяснил, а теперь — подзабыл про государственный интерес, стою, недоумеваю, коплю глуповатые вопросцы: почему прокуратура, у которой руки не доходят ни до «Майн Кампф» на прилавках, ни до чиновников на куршевелях, три года напролет мучит благотворительный фонд «Открытая Россия» и выпивает наконец их кровь до последней капли? Почему Масхадов с предложением мира у нас убийца, а Рамзан Кадыров с подручным шариатом и требованием передачи лично ему чеченской «нефтянки» — Герой России? Почему вообще, как где у кого выборы, мы непременно поддерживаем на них последнюю уголовщину, вроде батьки этого с зачесом поперек обоих полушарий? В общем, куча странных вопросов возникает вслед-

* О формате «Комментария» Виктора Шендеровича см. в предисловии к выпуску в № 118.

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ — родился в 1958 г. в Москве. Окончил Институт культуры и аспирантуру Шукинского театрального училища по специальности «педагог по сценическому движению». Работал на ТВ (программы «Куклы», «Итого», «Бесплатный сыр»). Автор книг «Семечки», «Московский пейзаж», «Антология сатиры и юмора», «"Здесь было НТВ" и другие истории», «Шендевры» и др. Живет в Москве.

ствие длительного проживания снаружи от местных обычаев... Так что лучше не привыкать — виноват, больше не буду, начинаю встраиваться и заново накапливать позитивное мироощущение от Родины!

Ну а теперь — некоторые счастливые подробности истекшей недели. Первая счастливая подробность касается, по традиции, армейской реформы. Это у нас так теперь называется...

Согласно законопроекту, представленному правительством, с 2008 года будут отменены девять видов отсрочек от призыва. В частности, в армию будут призваны отцы детей до 3 лет, мужья беременных жен, сельские врачи и учителя, дети инвалидов и пенсионеров, а также учащиеся милицейских школ и те, кому право не служить в армии ранее предоставлял своим указом президент, — молодые спортсмены, артисты и священники.

Лет десять назад враги Отечества чуть было не внедрили в головы россиянам мысль о необходимости профессиональной армии. Мол, нельзя же, как при царе Горохе, забривать население поголовно, — толку, мол, чуть, а позора не оберешься; мол, пускай сапожник тачает сапоги, Евгений Кисин играет на рояле, а специально обученные офицеры стоят на страже Родины, тем более что никакой особенной угрозы этой Родине, кроме ее же собственного идиотизма, не наблюдается... Вот что говорили враги Отечества, дуря нам головы! Но пришла новая власть, и вновь свежо пахнуло старой портянкой из доброй советской кирзы, и обнаружилось, слава те Господи, что кругом опять враги, и стали мы опять вместо дорог и поликлиник строить всей страной, на все деньги, ракету «Булава», а молодых отцов и детей инвалидов, врачей, учителей, милиционеров, священников и этих еще... как их... балалаечников! — стричь и строить в затылок. Портянку бы еще натянуть на флагшток вместо триколора — и хорош! Заодно демографию подправим до полного нуля, чтоб китайцам больше места досталось. Те же, кто успел расплодиться до призыва, только рады будут уйти от жены напраналево, к министру обороны Иванову... А уж как будут рады молодые жены, когда вместо молодых мужей Родина пришлет им компенсацию за призыв в армию, — слов нет!

Теперь — жизнь гражданская. Она идет своим чередом, то есть чередом политической утрамбовки всего, что только есть на свете, до мать-сырой земли... Ну вот, например.

Совет Госдумы рассмотрел поправки в два федеральных закона, позволяющие губернаторам лишать мэров большинства полномочий. В Кремле не скрывают, что эти поправки, разработанные «Единой Россией», дадут возможность контролировать несговорчивых мэров богатых городов-доноров, пишет газета «КоммерсантЪ».

Великое дело — номенклатурные мозги!.. Когда отец наш, Владимир Владимирович, начал пробивать нам ломиком через темечко свою вертикаль, энтузиасты-губернаторы сильно оживились и решили под шумок, раз такое дело, пробить той же вертикалью и местное самоуправление: рулить так рулить! Но ломик уперся в Конституцию, где было ясно прописано: «Местное самоуправление не входит в систему органов госвласти». Проломить-то Конституцию нам раз плюнуть, но в Совете Европы насидели бы мы себе после этого страшный геморрой... Ну, так обошлись без измене-

ний в Конституции! Просто — две поправочки в закон, и теперь временно (как все у нас временное — до второго пришествия!) можно отбирать у мэров с десяток главных полномочий. Вы спросите: по какому же случаю можно будет отбирать полномочия у мэров? Да практически по любому: там список на двенадцать пунктов — от пожарной опасности до проблем с санэпидемстанцией и плохого состояния дорог. Вы дороги российские — представляете? Ну вот. А те же самые дороги после их перехода в руки губернаторов — представляете? Вот именно. А зачем же тогда? — спросите вы. Ну как же! А финансирование, а политическое влияние... Мэр без финансирования — он кто? Вот именно. Короче: дороги, ЖКХ, пожарная опасность и эпидемиология — все это останется как было, зато ломик федеральной вертикали пройдет, наконец, через темечко до самого таза... Как там у классиков? Сбылась мечта идиота?

Совершенствование политической системы в России идет постоянно и повсеместно и исключительно «единороссно». Ни дня без строчки!

Московские «единороссы» планируют внести в Мосгордуму проект поправки в федеральный закон «Об общественных объединениях». Поправка касается прав граждан на создание общественных организаций без предварительного разрешения государства. Согласно инициативе «единороссов», процедура регистрации и функционирования общественных объединений будет серьезно усложнена.

Ну да. Сейчас-то как обстоит дело? Сами граждане чего-то там себе учредят — и айда собираться без присмотра государства! Какие-то общества, ассоциации, объединения... Живут как хотят и птицу двуглавую не спрашивают... А у нее на то и две головы, чтобы все видеть! Она желает, чтобы все было под контролем! Вот сейчас проведут поправочку через Московскую думу, выйдут с инициативой в Государственную — и привет: будет общественная организация считаться созданной не с момента проведения учредительного собрания, как сейчас, а с момента регистрации государственной... А государственная регистрация — дело, сами понимаете, тонкое... Иной раз она есть, а иной раз и нет! С какими-нибудь «нашими-вашими» знак регистрации проступит на бумаге автоматически, а вот с «солдатскими матерями» может обнаружиться много технических проблем... Потому что — дружить надо с птицей двуглавой! А косишь с этим орлом под Прометея — готовь две печени.

Ну и, разумеется, не могло быть, чтобы федеральная неделя обошлась без решения главной государственной проблемы: борьбы со СМИ.

В Совете Федерации готовятся поправки к федеральному закону «О средствах массовой информации» и в Уголовно-процессуальный кодекс. Поправки призваны усилить ответственность журналистов за публикуемые ими материалы. Об этом в среду сообщила глава комиссии Совета Федерации по информационной политике Людмила Нарусова.

Усиление ответственности журналистов за публикуемые материалы — вот чем намерена заняться комиссия Совета Федерации! Безукоризненный выбор точки приложения усилий! А то я уж боялся: вдруг г-жу Нарусову, сенатора от Тувы и главу комиссии по информационной политике, озаботит защита журналистов, которые гибнут при исполнении служебных обя-

занностей чаще пилотов-испытателей; вдруг захочет эта комиссия придать реальную силу мертвой статье Уголовного кодекса об ответственности за препятствование журналистской деятельности... Но напрасны были мои опасения — слава богу, все как обычно: будем усиливать ответственность журналистов! Тут ведь опять-таки неплохо понимать конкретику и не ждать понапрасну уголовного преследования тех, кто поливает грязью оппозицию и показывает по каналу «Россия» кинцо про связь Хельсинкской группы с английскими шпионами. У этих все будет хорошо. А вот у тех, которые зазря тревожат начальство, все будет плохо и до всяких поправок...

По сообщению газеты «Новые Известия», на днях в подмосковном городе Лыткарино завершился беспрецедентный судебный процесс. Главный редактор одной из городских газет Артем Данилов признан виновным в клевете и подрыве деловой репутации лыткаринского мэра Виктора Михайлова и бизнесмена Лаврентия Авояна — и оштрафован на 100 тыс. рублей. Примечательно, что поводом для иска и приговора стала не публикация, а журналистский запрос, отправленный Даниловым в правительство Московской области.

Журналист, стало быть, подорвал деловые репутации, имевшиеся у мэра и приближенного к нему бизнесмена в правительстве Московской области. Оклеветал их с помощью запроса! Сто тысяч за официальное письмо по мейлу... А опубликовал бы свои соображения в газете — вообще бы небось сел. В приговоре Лыткаринского городского суда видна суровая красота наших новых старых времен, с правильной моралью для всей российской журналистики и особо беспокойных из населения: не лезь! Обмотай свое гражданское чувство в тряпочку, засунь ее себе в рот и молчи... в тряпочку. А хочешь разговаривать — копи деньги. Начальную таксу в Лыткарино определили: сто тысяч рублей за вопрос, неприятный для администрации.

А таксу на человеческую независимость крупного масштаба в России давно определила Генеральная прокуратура: немедленный арест.

В минувший четверг в Москве был арестован вице-президент корпорации ЮКОС Василий Алексанян. Ему предъявлено обвинение в хищении денежных средств на сумму почти 25 миллиардов рублей.

Процесс задержания Алексаняна имели возможность наблюдать в новостях счастливые телезрители канала НТВ: вскрытие двери, толпа оперативников, врывающаяся в квартиру, истошные крики «всем на пол». Если бы эдаким образом брали Басаева, цены бы не было всем этим бойцам. Но брали они главу корпорации, адвоката, человека, который через два часа собирался идти по повестке в суд... Кстати, главой корпорации Алексанян стал две недели назад, в связи с чем Генеральная прокуратура в течение буквально пары суток и обнаружила, что в конце девяностых он похитил двадцать пять миллиардов! Все-таки можем, когда захотим... Я про следователей Генеральной прокуратуры. Вот бы кого положить лицом вниз и поинтересоваться ходом расследования и источником этих его запредельных скоростей... Но пока что лицом вниз лежит Василий Алексанян, которому еще две недели назад с ухмылкой посоветовали «держаться подальше от ЮКОСа». Посоветовали, кстати, прямо на допросе, в присутствии адвока-

та... Хорошие времена настали, правда? Для Генпрокуратуры, я имею в виду. Можно не стесняться.

Если с правосудием понятно, перейдем к новостям культуры. Только вы сядьте сначала.

По сообщениям СМИ, на минувшей неделе на территории Центрального парка культуры и отдыха имени Кирова в Грозном, превращенного во время последней войны в кладбище, были эксгумированы последние из 57 захороненных там трупов. Это было сделано в связи с началом строительства на этом месте культурно-развлекательного комплекса имени Ахмада Кадырова.

Почти шесть десятков мертвецов, шесть лет пролежавшие посреди парка культуры и отдыха, в прошлом были мирными жителями Грозного и погибли под федеральными бомбежками в начале второй чеченской. И поскольку за шесть лет никто так и не удосужился начать реальный поиск виновных в гибели этих людей, нынешнее решение вопроса следует признать весьма последовательным. Тут ведь, правда, одно из двух! Либо найти убийц (кстати, это дело довольно простое: вот Кремль, вот Министерство обороны — заходи, дорогая независимая Генпрокуратура, и проводи следственные действия, чем играть в «войнушку» под телекамеры и класть лицом вниз адвокатов)... так вот, либо найти и наказать убийц, либо уж забить на все приличия и устроить на месте массовых захоронений культурно-развлекательный комплекс! Вот только обидно, что он имени Ахмада Кадырова, я бы уж назвал его сразу именем Путина — гулять так гулять...

И еще новости культуры — уже московские новости. В давешний вторник одна моя знакомая, живущая на Чистых прудах, решила, что война! С десяти утра все оцеплено, припарковаться нельзя, во дворы заехать тоже нельзя, проход через пропускные пункты по паспорту, бульвар перекрыт и всюду ОМОН с собаками. Потом раком встало и автомобильное движение — от Солянки аж до Земляного Вала. Потом всех отдавили от бульвара за оцепление окончательно, потом промчалось нечто с мигалками, а когда через полчаса все это цунами схлынуло, выяснилось, что это была не война, а просто на Чистых прудах открывали памятник казахскому поэту Абаю и Путин, давний поклонник Абая, приезжал перерезать горло ленточке — на пару с одним земляком поэта, Нурсултаном Абишевичем, который начал ездить через народ с мигалками, когда Владимир Владимирович еще ходил пешком под стол Ленинградской школы КГБ. Короче, праздник культуры, екарный абай...

Счастья вам.

15.04.2006

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Истекающая неделя получилась практически образцово-показательной -- в борьбе за дело возвращения в прошлое отличились все ветви власти при участии отдельных общественно значимых сучков... Ну, обо всем по порядку.

Начнем, пожалуй, с партийного строительства. Вы, кстати, заметили, что вопрос, о какой партии идет речь, уже не встает? Зря мы все-таки в девя-

ностом году отменили шестую статью Конституции... К чему изобретать велосипед? Одна должна быть партия, одна! Ядро и руководящая сила в одном флаконе! И лететь на том ядре куда подальше от цивилизованного мира, — чего мы там не видели?

Борис Грызлов объявил о том, что отныне 20% в партийных списках «Единой России» займут люди моложе 28 лет. Предпочтение при этом будет отдаваться членам молодежного крыла «единороссов» — движения «Молодая гвардия». Как отмечают наблюдатели, таким образом «Единая Россия» приступила к исполнению программы по омоложению партии к парламентским выборам 2007 года. «Мы хотели бы убедиться, что вы готовы», — заявил Борис Грызлов, обращаясь к представителям «Молодой гвардии».

Ну да. Сурков же еще летом сказал: будем передавать вам страну! И вот, стало быть, начинают передавать... Причем говорилось это активистам движения «Наши», но с тех пор «Наших» от окошка кремлевской хлеборезки потеснили демидовские «молодогвардейцы», так что насчет ихней готовности Грызлову можно не беспокоиться. Готовность — это мягко сказано: слюна уже до пола! Шустрой, правильно ориентированной комсомольской молодежи, готовой войти в руководящие закрома и начать рулить бюджетными миллиардами, вокруг власти накопилось более чем. Эту песню не задушишь, не убьешь! Тем более что правила прояснились тоже более чем... Вундеркиндов не треба, чем серее, тем надежнее. Конкурс заключается в том, чтобы найти группу молодых не умнее Грызлова и не ярче Плигина. Задача трудная, но мы трудностей не боимся. Для руководства страной срочно требуются те, кто пройдет под планкой не нагибаясь! Ближе к восьмому году нам их назначат депутатами.

А пока что это номенклатурное будущее России проходит школу молодого бойца в образцовых партийных казармах, под руководством опытных отцов-командиров. Первая задача — закупорка башки! Чтобы чужой ветер не загулял в молодой голове...

Выступая в минувший понедельник перед представителями молодежного крыла партии — движения «Молодая гвардия», Борис Грызлов, в частности, сказал: «Мы видим ситуацию во Франции, в Париже — студенты пытаются выразить свою позицию абсолютно неправильными методами. Мы надеемся, что наша молодежь будет более подготовленной, чем французская».

Бедная старенькая французская демократия — пропадает без Грызлова, толком и научить некому! Молодежь дурная выходит на улицу сама, без отмашки руководящего парткома, отстаивает какие-то свои интересы... Люди самоорганизуются, не спросившись правительства; правительство, вместо чтоб ОМОНом их по балде, пытается с народом объясняться, а когда не получилось объясниться, сдает назад... Бедный Ширак, бедный Вильпен, у них выборы впереди, а Вешнякова-то нет... Несчастная Франция!

Ну, а в наших краях у начальства, слава богу, нет никакой необходимости отвечать перед народом, что благотворнейшим образом отражается на нравах.

Государственная дума отвергла законопроект, вводивший в действие Водный кодекс в варианте, препятствовавшем строительству нефтепровода

в Китай. Нефтепровод предполагается проложить через водоохранную зону Байкала. В среду текст закона был принят в редакции, разрешающей строительство трубопровода.

Бывают удивительные совпадения: нефтепровод этот, прямиком через Байкал, будет строить корпорация «Транснефть», а убийство законопроекта, фактически запрещающего опасный для экологии маршрут трубы, случилось в Думе сразу после того, как президент «Транснефти» Семен Вайншток встретился в Кремле с Путиным. Конечно, и для Путина, и для Вайнштока чистота Байкала и вообще будущее России превыше всего, это вы хоть какую пресс-службу спросите, они вам такое расскажут, вы разрыдаетесь, но когда без пресс-служб и общественности, а так вот, вдвоем и промеж собой, — олигарх вполне способен договориться с президентом России о том, чтобы не тратить лишний миллиард долларов на экологию Байкала. То ли какие-то особые доводы нашлись у Вайнштока, то ли применение миллиарду, я не знаю, меня там не было, только в первый же после этой встречи рабочий день Государственная дума завернула, вместо трубы, экологический законопроект. Разумеется, безо всякого давления из Кремля — у нас же независимый парламент! Грызлов, Слиска... М-да.

Это, стало быть, Дума... Теперь насчет суда. Суд у нас тоже совершенно независимый, и совершенно независимо ни от чего, в том числе от закона, суд этот закрыл в минувшую среду счета фонда «Открытая Россия». Логика приговора была безукоризненной: «Открытую Россию» финансировал «ЮКОС», а раз деньги «ЮКОСа» добыты преступным путем ухода от налогов (см. приговор суда), то и счета «Открытой России» — незаконны! Злые языки, в развитие этой дивной полицейской логики, предложили закрыть, до кучи, и счета Российской Федерации, поскольку уж в ее бюджете денег ЮКОСа гораздо больше, — но понимания в суде не нашли. Потом адвокаты потеряли вообще всякий стыд и попросили вызвать для следственного эксперимента в Мосгорсуд судью Басманного суда Солопову. Эта дама небывалых способностей месяц назад в своей районной обители правосудия уложила весь процесс по закрытию счетов «Открытой России» в пятнадцать минут. Если предполагать, что судья Солопова следовала нормам закона (а как же иначе!), то выходило, что за четверть часа она успела изучить и огласить шестьдесят три страницы материалов дела (из них пять на английском языке), а также составить, напечатать и огласить приговор размером в тысячу печатных знаков. Адвокаты хотели посмотреть на это чудо природы еще раз и захронометрировать сей стахановский подвиг в Мосгорсуде, но Мосгорсуд не позволил так издеваться над правосудием — и закрыл счета «Открытой России» окончательно. За те же пятнадцать минут.

А за пару дней до того, как закрыть счета «Открытой России», тот же Мосгорсуд выяснял, не было ли чего-нибудь противозаконного в фашистском «Правом марше» — ну там типа свастик и лозунгов вроде «Россия для русских». Пока он это выяснял (и выяснил, разумеется, что ничего, все это замечательно и в русле закона), скинхеды убили еще нескольких нерусских. У нас это, если вы заметили, происходит уже почти дежурным образом: режем помаленьку на просторах Родины перуанцев, вьетнамцев всяких, сенегальцев... Ну а уж своих «азеров», таджиков и прочих черных — это вообще

непременно... во славу России, разумеется! Слава о России, разумеется же, пошла соответствующая. Но что же наше правосудие? Неужели совсем не борется с разжиганием национальной и религиозной розни? Ну что вы! Еще как борется! Вот, например, в Вологде только что оштрафовали на сто тысяч рублей редактора газеты «Наш регион плюс» Анну Смирнову (как раз по статье 282, за перепечатку злосчастных датских карикатур). Пострадавших от этой публикации прокуратура искала из последних сил...

По данным СМИ, свидетели от обвинения впервые увидели публикацию только в прокуратуре, куда их вызвали «как пострадавших». По словам адвоката подсудимой, их попросту «заставили оскорбиться», пригрозив квалифицировать иное поведение «как отказ от дачи показаний». Как считают сами журналисты газеты «Наш регион», причиной действий прокуратуры и суда на самом деле является многолетний конфликт газеты с областной администрацией, действия которой не раз критиковались на страницах этого издания.

А-а, ну так бы и сказали, а то какой-то Мухаммед... Когда главный мент Нальчика рвал и жег бороды мусульманам и устраивал погромы в мечети, как-то никого это не взволновало — ни в прокуратуре, ни в Верховном суде... Но когда надо прищучить независимую журналистику и вообще инакомыслие, во властях — что областных, что центральных — разом прорезается такое уважение к пророку, шейх Омар отдыхает! Ну, теперь картина приобретает стройность — и, по версии нашей зрячей тетки Фемиды, список главных разжигателей межнациональной и межрелигиозной розни в России на сегодняшний день выглядит так: глава Сахаровского центра Самодуров, главный редактор нижегородской газеты «Правозащита» Дмитревский и редактор вологодской оппозиционной газеты Смирнова. Мои поздравления администрации.

Теперь пара слов о других радостях номенклатурной жизни.

Я года три назад, будучи в Узбекистане, сподобился посмотреть новости туркменского телевидения (там близко). О! Сидит, стало быть, во главе стола Отец всех Туркмен, баши тамошний — весь перстнями унизанный, а сбоку, в поклоне, буквально лицом в стол, стоит тамошний министр, и Туркменбаши его прилюдно возит по тому столу лицом. И безо всякого перевода ясно, что Туркменбаши хочет сделать народ богатым и счастливым, а нерадивый этот министр счастью народа мешает... Потом Отец Туркмен указывает пальцем на другого, другой встает и лицом тоже в стол, в виноватом поклоне... И так десять минут! Отличный был выпуск новостей! Туркменский... А на наших телеканалах, признаться, новостей я не смотрел давно — нервы ни к черту, сразу начинаю рыдать от счастья... Но давеча не уберегся, щелкнул пультом, а там — не поверите! — стоит в трибуне серый лицом министр образования, а чуть поодаль сидит гарант (правда, еще без перстней, только в «ролексе», наверное) — и прилюдно сечет того Фурсенко, как на конюшне, только юшка летит... Через пару дней опять туда же я щелкнул — сидит серый лицом Греф, и сечет президент Грефа... Одного министра высек он, стало быть, за невыплаты учителям, другого — за дыры на таможне, но это неважно, да и сек-то Путин, как потом выяснилось, вовсе не тех, кто в этом бардаке с криминалом конкретно виноват... Важно, что по телику вся стра-

на в сотый раз за неделю увидела, кто у нас главный радетель за народ! Кстати, с пятой годовщиной разгона НТВ, с юбилейцем! Как раз ради такого телевидения, надо полагать, и разгоняли... С тех пор общественный климат заметно улучшился. Теплее, еще теплее... Скоро Ашхабад.

В области геополитики все тоже обстоит довольно симпатично. На языке «большая восьмерка» и всякое такое, а в мозжечке по-прежнему — противостояние двух систем, и хоть кол на голове теши!

Говоря о необходимости восстановления паритета с США, директор Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений Алексей Арбатов заявил на заседании круглого стола, посвященного взаимодействию США и России в стратегической стабильности, следующее: «Мы должны каждый год производить не менее 20–30 баллистических ракет "Тополь-М" вместо 6–8, как это происходит сейчас».

Вот же наследственность пробивается у внуков кузькиной матери: восстановление паритета с США! А то действительно: они сейчас могут нас уничтожить пятьсот сорок восемь раз, а мы их — всего триста восемнадцать... Непорядок! Можно было бы, конечно, попробовать обеспечить паритет со Штатами в области пенсий или образования, но для этого ж надо извилины раскрутить в обратную сторону от кузькиной матери... А захерачивать еще по тридцать этих «Тополей» в год, в порядке «озеленения» военно-промышленного комплекса, можно, слава богу, не напрягая головы. Тем более что, как я понял, главная проблема в России в настоящее время: куда девать деньги? Нефть же все течет и течет, цена на нее не падает, Стабфонд, гад, опять за месяц вырос на сто пятнадцать миллиардов, золотые слитки в Центробанк не влезают... Надо срочно что-то предпринять! Вот ракеты эти зафигачить. Ну и, конечно, еще подраздуть штат чиновников. Это — святое дело!

Число чиновников в органах государственной власти выросло в прошлом году на 143 тысячи человек. Эти данные приводит Росстат. Львиную долю прироста дало увеличение штатов территориальных подразделений центральных органов исполнительной власти. Статистика свидетельствует, что с 2002 года этот процесс идет нарастающими темпами и 2005 год был рекордным. Теперь в России в органах власти всех уровней работают почти полтора миллиона человек, то есть по одному чиновнику на сто россиян.

Ну вот, а вы еще спрашиваете, зачем нужна вертикаль власти. А как же! Новое штатное расписание, аппарат, смета... А где новая смета, там что-нибудь само собою отпадет и человеку неподалеку... Плюс борьба с терроризмом: ведь данные Росстата не включали в себя прирост личного состава в ФСБ (об этих кадровых радостях Родины и Росстату ничего не известно). А поскольку время от времени сами эти борцы с терроризмом терроризм и обеспечивают, то получается практически замкнутый цикл, безотходное производство... Впрочем, и в мирной жизни замкнутый цикл воспроизводства захребетников обеспечивается легко!

«Российская газета» рассказала об эксперименте по оказанию бесплатной юридической помощи населению, проводимом по инициативе Министерства юстиции. На бесплатную помощь могут рассчитывать лишь те рос-

сияне, чей доход не превышает прожиточный минимум, установленный в регионе. Однако, пишет газета, для того, чтобы доказать это, требуется большая юридическая работа. Так, органы соцзащиты подмосковного города Дмитров признают малоимущими только тех, кто представит не менее шести документов, причем некоторые из них фактически дублируют друг друга.

Представляете? В том же, допустим, Дмитрове менты отметелили бомжа... Ну, это вы представили легко. А вот теперь придется напрячь фантазию: представьте себе, что этот бомж вдруг вспомнил, что он какой-никакой, а российский гражданин, что права его гарантированы Законом, — и решил их отстаивать! Вот тут ему и настанет юридическая помощь от государства... Вы представили это: шесть справок из шести мест. Этот бомж дышать закается, не то что по кабинетам ходить.

Секретарь Общественной палаты академик Велихов обратился в Госдуму с предложением «законодательным путем изъять из употребления в России значки доллара и евро». На вопрос, как в этом случае будут обсуждаться финансовые вопросы на предстоящем саммите «большой восьмерки» в Петербурге, академик подчеркнул, что «Россия и на этом форуме должна оперировать рублями». «А рядом с остальными участниками "восьмерки" нужно положить бумажку с курсом валют. Пусть сами пересчитывают рубли в доллары».

Я всегда говорил: огромная польза будет от Общественной палаты! Полгода только чесали муму, и вот наконец свершилось — дождались россияне серьезных предложений из самой головки... По наинасущнейшему вопросу! Не насчет реформы армии или свободы прессы, не про равенство избирательных прав граждан, а — запретить значки иностранных валют на территории России! Да перед самым саммитом! Правильно! Чтобы, значит, Тони Блэр и Буш с Шираком всю белую ночь напролет ломали пальцы Ангелы Меркель об калькулятор, тихо спрашивая себя: зачем, зачем, зачем они позвали в большую восьмерку эту загадочную страну? О, именно и только так мы и заставим весь мир уважать себя и свою валюту — изъятием чужой! Путь проверенный — еще при совке, в который мы, собственно, и бредем не без участия Общественной палаты.

Мы, значит, бредем куда бредем — и уже довольно давно, с большим презрением, прошли мимо всех ихних ПАСЕ и прочих еврокомиссий, а они все с нами разговаривают как со своими. Забавно...

Председатель Еврокомиссии Жозе Мануэл Баррозу призвал Россию оказать воздействие на Белоруссию. «Мы призываем Россию использовать свое огромное влияние на Белоруссию с тем, чтобы убедить ее занять достойное место в демократическом мире», — сказал Баррозу во вторник на заседании ПАСЕ.

Да... Они нашли кого просить насчет демократии... Не знаю, право... Может, действительно стоит запретить в России евро с долларом и сделать еще парочку таких же осмысленных движений, чтобы окончательно прочистить мозги там, на Западе? А то они все делают вид, что не замечают перемен в России! Тем временем на родине Лукашенко начинаются действительно уже настоящие чудеса. Об этом — напоследок...

В Белоруссии в экспериментальном козьем стаде, где животным пересаживали человеческий ген, родились первые два козленка. Об этом «Интерфаксу» сообщил руководитель совместного белорусско-российского проекта, сотрудник НИИ животноводства Национальной академии наук Белоруссии Александр Будевич.

М-да. Ну что же: судя по количеству арестованных и избитых во время выборов в Белоруссии, окончательно сделать из людей козлов батьке не удалось — и теперь он готовит альтернативный вариант: будет создавать себе народ прямо из козлов, впрок, на будущие десятилетия своей беззаконной власти... Кстати, прошу обратить внимание: проект совместный, с участием России.

Счастья вам.

22.04.2006

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Неделя выдалась богатая: столько добра россиянам навалили слуги народа — просто даже не знаешь, с какой стороны к этой куче подойти. Ну, начнем с жизни политической.

То есть что значит политической? Политическая жизнь наша пять лет накрывалась медным тазом и накрылась, наконец, ко всеобщему облегчению. Теперь — только новости из Кремля, вокруг Кремля и по преимуществу во имя Кремля!

Очередная инициатива насчет третьего срока для президента Путина была направлена в Госдуму и Совет Федерации в минувший понедельник. Автором идеи на этот раз стало малоизвестное североосетинское общественное движение «Согласие и стабильность».

Вот удивительное дело! Зачем просить третьего срока для президента Путина, когда президент Путин несколько раз русским языком сказал, что на третий срок не пойдет? Депутаты приморские и питерские в ноги падали — не пойду, говорит. Губернатор новгородский просил, губернатор марийэлский просил, главный раввин Башкирии умолял... Наконец, Пал Палыч Бородин — этот, кажется, по старой памяти мог бы Путину и приказать, но нет, просит, как человека! А Путин им твердо: Конституцию не изменю! А они все просят почему-то... Тупые, что ли? Или, наоборот, это мы тупые, чего-то не понимаем? Потому что вообще-то, когда Путин чего-то на самом деле хочет, российский чиновный люд схватывает это с полуслова, а кто не схватывает, завтра приходит в себя на обочине, полный рот грязи, и скажи спасибо, если не в Матросской тишине. То есть способности к убеждению у Путина имеются. А тут — он пять раз сказал «нет», а осетины из никому не известного движения «Согласие и стабильность» настаивают! Отчаянный народ, слушайте: президента не боятся! Странно... Не послюнявить ли нам пальчик, не понять ли, откуда ветер дует? Что говорит внутренний голос?

А внутренний голос, такая гадина, говорит: вообще-то они сейчас озабочены поиском преемника, чтобы промеж своих власть передать, но поскольку уже много лет, с ельцинских еще времен, шла кадровая игра на понижение, а с двухтысячного года никто выше Путина и за километр не

выживал, то и дотрахались мы до генерации Фрадков-Миронов-Грызлов-Иванов, а на этих уже и российское население, уж на что ко всему привычное, пальцем показывает и смеется. Есть, правда, еще Медведев — и фамилия подходящая, и, если газком харизму ему поднадуть, то может сойти и за политика, но тоже — бабушка надвое сказала, удастся ли втюхать это ровное место электорату... Короче: на всякий случай вариант с третьим путинским сроком совсем уж бросать не решились. Вот и возникают время от времени эдакие общественные движения, вовремя послюнявившие пальчик. Вот что говорит внутренний голос, такая гадина!

По всему по этому надо ли говорить о том, что эта северо... чуть не сказал корейская... североосетинская инициатива нашла быструю и полную поддержку по всей вертикали! Иногда, правда, довольно парадоксальную.

Как заявил сенатор Совета Федерации от парламента Северной Осетии Валерий Кадохов, в стране копится «масса критическая, пропрезидентская».

Уважаемый сенатор Кадохов! Валерий Тотразович! Сами-то поняли, что сказали? «Масса критическая, пропрезидентская» — это, может, и не сильнее «Фауста» Гете, но тоже страшновато. Впрочем, самый главный ужастик для россиян подготовил вышеупомянутый спикер Миронов. Этот сказал — так сказал.

Комментируя возникновение предложений о третьем президентском сроке Путина, Сергей Миронов заявил: «Люди хотят стабильности, а значит, преемственности». Однако, добавил он, «это не укладывается в правовое поле Российской Федерации».

Стабильность, не укладывающаяся в правовое поле Российской Федерации... Не пугали бы вы нас эдак в пору весеннего авитаминоза, Сергей Михайлович, и без того шатает. Впрочем, тут надо уточнить, что именно не укладывается в правовое поле — стабильность или преемственность, и главное: что имеет в виду наш защитник выхухоля под этими понятиями? Потому что есть стабильность и преемственность смен времен года, а есть стабильность и преемственность морга. Стабильность в этом последнем случае заключается в том, что все лежат ровненько и никаких эксцессов не предвидится, а преемственность — в смене дежурных по моргу. И этот политический морг, уже почти сооруженный, действительно не вписывается в правовое поле Российской Федерации, о чем и горюет спикер верхней палаты... Не горюйте, товарищ Миронов! Не рвите на себя версаче, все будет тип-топ, мы эти конституционные шероховатости уладим! Даешь третий срок, тем более что президент только вошел во вкус и начинает руководить на местности уже по-настоящему.

По сообщению ИТАР-ТАСС, в минувший понедельник, во время встречи с вице-премьером Жуковым, президент Путин особо озаботился качеством дорожного строительства на магистрали Чита — Хабаровск. «Как можно быстрее надо покрытие нормальное делать, — сказал президент. — А то гальку набросают, щебень набросают, машины начинают ездить, все разбивается».

В тот же день глава МЧС Сергей Шойгу в интервью телеканалу «Россия» рассказал об участии президента России в выработке мер безопасно-

сти при строительстве нефтепровода вдоль северной части Байкала. «Буквально на карте он нам показал то место и ту точку, которой надо заняться непосредственно», — заявил Шойгу.

Ну, слава богу, президент указал министру пальцем точку на карте и вице-премьеру в рабочее время рассказал, как класть асфальт. Теперь за Байкал и трассу Чита — Хабаровск я спокоен. Но ведь велика Россия! А сколько у президента пальцев? А если с ногами? Притом ведь и не все советы еще даны. Страна ждет дальнейших указаний по всему фронту работ, и до восьмого года тут явно не успеть. Про яйценоскость еще пейзанам не рассказал отец наш, когда сеять, куда жать... физики-теоретики, как сироты, ждут помощи. Театру «Современник» посоветовать чего-нибудь, что просто так ходить? А мелиораторы? А физкультурники? Нешто Путин не друг физкультурников? Плюс, ближе к гробовой доске, сами понимаете, проблемы языкознания! Короче, без поправок в Конституцию явно не обойтись.

Эту, с позволения сказать, инициативу снизу, насчет референдума во имя любимого вождя, глава Северной Осетии Мамсуров назвал «признаком проявления зрелости гражданского общества». Так что будем считать: нашу жизнь общественную мы более или менее отразили. Перейдем к жизни партийной.

Партия «Единая Россия» пообещала давеча к осени представить изумленному миру предвыборную программу, с которой она победит на выборах в Госдуму в 2007 году, набрав, я думаю, около 70% голосов (цифра уточняется там же, где пишется программа). Так вот: программа, значит, будет только осенью, но первая идеологическая помощь поступает в регионы уже сегодня.

На закрытом совещании в штаб-квартире партии секретарям региональных отделений вручили в качестве настольной книги труд под названием «Агитатор "Единой России"», сообщает газета «КоммерсантЪ». Книга предлагает агитаторам «упаковывать идеологию "Единой России" по-коммунистически» и прямо использует левую риторику, пестря выражениями вроде «демократический народный патриотизм», «социальная справедливость», «прямой народный контроль» и «политика народного действия», пишет газета.

Ага! Кончаются, стало быть, шутки-прибаутки с правоцентризмом, и вся их шестилетняя риторика накрывается наконец звездой — проржавелой такой, привычной, красной звездой. Ясный перец: скоро выборы, а за правоцентризм могут и по шее навалять. Вот и выкопали «единороссы» старую морковку с коммунистического огорода; ближе к выборам взгромоздятся верхом на электорат и повесят ту морковку у электората перед носом, чтобы шел за нею и вез их в светлое будущее. А что? Старую номенклатуру ослик семьдесят лет вез, теперь пускай новую столько же везет, — пока не сдохнет прямо под лозунгом «социальная справедливость»... Нет, эта дивная картина будет в седьмом году, занимайте места посмотреть! Обитатели Рублевки, владельцы нефтянки и специалисты по куршевелям, при участии центрального телевидения и, если надо, ОМОНа, показывают населению, что такое «прямой народный контроль»... Вау!

Общественная жизнь у нас была, партийная была... Теперь, как всегда — борьба с преступностью!

Реальный уровень коррупции в России превосходит эффект от развития экономики. Такое мнение высказал на XV съезде РСПП заместитель генпрокурора России Владимир Колесников. «Коррумпированные чиновники, — сказал он, — добились того, что многие компании, которые легально ведут свой бизнес, боятся заявлять в прокуратуру по факту вымогательства».

Странные все-таки люди эти бизнесмены! Вот кажется, чего проще: упала на тебя коррупционная «крыша», давит, требует взяток, шантажирует — обратись в прокуратуру! Прилетят в масках ребятки размером с двустворчатый шкаф каждый, положат коррупционеров лицом вниз, потом следствие весь преступный их корешок на божий свет вытащит — от губернатора до последнего братка, а потом честный суд даст им всем лет по несколько, в назидание остальным коррупционерам! Правильно я говорю, Владимир Ильич? Товарищ генерал Колесников! Ведь так и будет, правда? Отчего же бизнесмены не обращаются в прокуратуру, а? Сами-то как думаетс? Что говорит нам внутренний голос? Уж не вас ли они боятся, Владимир Ильич? Не кажется ли бизнесменам, что прокуратура с этими коррумпированными чиновниками давно в одних саунах отдыхает — и крышует вместе, и братки у них общие? Отчего им так кажется, как вы думаете, Владимир Ильич, а? Тут есть два варианта: либо у российских бизнесменов, у всех разом, образовалась мания преследования, либо... Но о втором варианте я даже думать не хочу, не то что говорить! Всякий, кто взглянет в прокурорские лица (с вашего персонально начиная, товарищ генерал), поймет, что этого просто не может быть!

Пока прокурор Колесников выступал на съезде РСПП, борьба с преступностью не останавливалась ни на минуту: семь лет заключения получила от Симоновского суда юрист ЮКОСа Светлана Бахмина. Вообще-то раньше такие сроки женщины получали за убийства, да и то редко, а чтобы государство с размаху, всем карательным аппаратом, упало с такой силой на мать двоих малолетних детей, на рядового юриста компании, не принимавшего никаких решений (это подтвердили на суде даже свидетели обвинения), — этого еще не было. Но за три года у правосудия выработались такие стойкие рефлексы на слово «ЮКОС», что судья Корнеева договорилась в приговоре аж до «строгого режима», хотя такого режима для женщин в УК РФ вообще не существует. Оговорилась жертва Фрейда. Язык, предатель, выбалтывает содержимое черепной коробочки... Есть ли у судьи Корнеевой малолетние дети, или просто дети, или просто — душа, СМИ не сообщают.

Вообще я не поручусь за будущее всех национальных проектов, но один, не названный вслух, реализуется блестяще: все, что так или иначе связано с поддержкой Ходорковского, должно быть утрамбовано до сырой земли!

Указом главы Читинской и Забайкальской епархии РПЦ епископа Евстафия лишен сана священник Сергий Таратухин, назвавший Михаила Ходорковского политическим заключенным.

Ранее этого священника запретили в священнослужении, давая ему возможность (цитирую епископа Евстафия) «осознать свою вину и покаяться». Но Таратухин не осознал... Что же до этого Евстафия... В каких отношениях он с небесным начальством, я не знаю, но с федеральным у

него все сложилось. И по советской традиции можно полагать, что епископский чин у этого господина — не единственный...

Время как-то все более проясняется, и очертания будущего выходят из тумана во всей красе. Стабильность в виде отмены политической жизни, придавленная оппозиция, левая риторика в сочетании с железной рукой... Все это, господа, настоятельно требует какого-то образа, не правда ли? И образ всплывает сам собою, и не в первый раз...

В Туруханском районе Красноярского края собираются восстановить пантеон, посвященный Сталину. Этот вопрос уже обсуждался на круглом столе по туризму в регионе. Утверждается, что это исключительно коммерческий проект, для привлечения туристов.

Черт возьми, не восстановить ли немцам памятники Гитлеру? Туристов понаедет — будьте-нате... Надо бы г-же Меркель подарить идею, как раз на саммите в бывшем Ленинграде. Будем развивать туризм вместе!

Теперь, уже по традиции, несколько слов про обороноспособность. Точнее, про призыв в армию, потому что к обороноспособности все это, как вы понимаете, не имеет никакого отношения. Это уже гораздо ближе к гражданской войне.

Столичный военком Василий Красногорский предложил депутатам Мосгордумы инициировать поправки в федеральное законодательство, обязывающие граждан призывного возраста, не дожидаясь повестки из военного комиссариата, являться в военкомат после публикации в СМИ указа об очередном призыве, а неявившихся считать уклонистами. По информации газеты «КоммерсантЪ», в Минобороны эту идею считают здравой.

Ну да. Как говорил персонаж Никиты Михалкова в фильме «Вокзал для двоих» — «сама, сама, сама...». То есть киты, конечно, иногда выбрасываются на берег сами, но это все-таки отклонение и все-таки киты... Впрочем, газета «Время новостей» рассказала о рядовом в красноярской части, которого военные психологи застали в процессе подготовки к ритуальному самоубийству. В этом случае все сходится... В каком-то смысле призыв в нынешнюю армию вообще можно считать подготовкой к ритуальному самоубийству... Будем ждать добровольцев.

Теперь коротко — новости геополитики. Тут, как всегда, огромные достижения. Во-первых, назло буржуям Россия решила выдать десять миллионов долларов Палестинской автономии, то есть, читай, ХАМАСу. ***«Мы исходим из того, что эти средства пойдут на социальные и гуманитарные нужды палестинского населения».*** Конец цитаты из МИДа. Вот прямо сейчас же это пойдет палестинскому населению! На гвозди для шахидов. Считайте, что только что мы с вами, дорогие радиослушатели, скинулись на сотню терактов в Израиле. Мои поздравления. Впрочем, нам не привыкать, да и надо же было куда-то девать десять миллионов долларов! Итак, во-первых, помощь ХАМАСу, а во-вторых, конечно, война с «Хванчкарой» и «Киндзмараули»... Лично я успел купить напоследок ящик хорошего грузинского вина и два ящика «Боржоми»: запасся, как мог, потому что гарантировать скорое прекращение этой федеральной патологии, увы, не могу.

Да... Удивительным образом зоркий взор главного санитарного врача Онищенко падает на продукцию именно из тех стран, с которыми в данный

момент собачится наша администрация... То в норвежском лососе что-то такое вдруг нездоровое обнаружит, то в грузинском вине... Санитар-то у нас с геополитической жилкой! Но главное: Госдума-то тут вроде при чем? Ан нет! Специальное постановление приняли в поддержку жестких санитарных мер против Саакашвили! Чтобы весь мир видел уровень интеллекта. Молодцы! (Кстати, мы про Думу в этот раз ничего не сказали, — все нормально, они работают: «Хванчкару» вот запретили законодательно; предложили, в патриотических целях, ужесточить штрафы за указание цен в евро и долларах... Путин Жириновского орденом наградил... Все хорошо.) Но насчет грузинской минералки — это, конечно, полное ку-ку даже по нашим нехитрым санитарным меркам! Атака на «Боржоми» в стране, где население без ущерба для национальной идеи пьет метиловый спирт — это незабываемо.

Теперь несколько слов недоумения по поводу полного распада федеральной вертикали в Соединенных Штатах Америки.

Самые престижные премии в области журналистики — Пулицеровские премии — вручены в США. Наибольшего числа наград, в том числе за журналистские расследования коррупции в высших эшелонах власти и о секретных тюрьмах ЦРУ за рубежом, удостоена столичная «Вашингтон Пост». Газета «Нью-Йорк Таймс» отмечена за серию материалов о тайно санкционированном прослушивании телефонных разговоров тысяч граждан Соединенных Штатов.

Ну, одно слово: неуправляемая демократия! Ужас, хаос какой-то! А ведь звонили же им из администрации Буша, просили как людей — не публиковать результаты расследования, нет, опубликовали! И что же? Газета собственника не поменяла, владелец на свободе, а теперь еще и высшую премию получили — по-нашему говоря, за антигосударственную деятельность! Ведь если кто пишет про коррупцию в верхах и злоупотребления в органах безопасности — это ж враг, правда? Слава богу, у нас такое уже невозможно, тьфу-тьфу-тьфу! Вырвались мы от них вперед на прямой — только дым из задницы столбом...

И напоследок — о неплохой идее, пришедшей в неплохую голову по случаю неплохой даты.

«Ленина можно похоронить, когда это не будет проблемой для старшего поколения», — заявил журналистам уполномоченный по правам человека в России Владимир Лукин накануне очередной годовщины со дня рождения вождя большевистской революции. «Мавзолей пусть стоит, — добавил Лукин. — Умные люди придумают, что там можно разместить».

Вот тут я с Владимиром Петровичем согласен: насчет заполнения этой недвижимости больших проблем в России не предвидится: уж чего-чего, а фараона под готовую пирамиду мы отыщем мигом! Ну что же... С правами человека при Лукине легче не стало, но положение с юмором действительно заметно улучшилось.

Счастья вам.

29.04.2006

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Ну что? Хорошо жить без нервной системы? Вон, в купринские

еще времена из-за ерунды какой-нибудь люди жизнь прекращали — от подозрения в воровстве стрелялись, с пощечиной жить не могли... Сплошная неврастения. То ли дело мы. Слава богу, двадцатый век приучил не больно о себе понимать. По роже дадут — скажем спасибо, будут давать вдругорядь — еще и поцелуем на лету. Привычка — вторая натура! Я ж говорю: это только первое изнасилование — изнасилование, а сто пятое — уже традиция.

Да, хорошо жить в стране, ко всему привыкшей! Ну вот, например: за первые четыре месяца этого года в России на национальной почве убиты четырнадцать человек. Как вам цифра? Не нравится? А что будем делать? А ждать пятнадцатого. Потому что мы, я ж говорю, спокойные люди; нервная система очень устойчивая. Во Франции, помню, нацисты кладбище осквернили, так через день — десятки тысяч человек на улицах Парижа, и впереди президент Миттеран. А у нас среди бела дня скинхеды ходят толпой по метро «Пушкинская», ищут, кого бы зарезать из нерусских, и находят, и убивают, а жизнь вокруг, в общем и целом, продолжает идти своим чередом. Ну, милиция, конечно, приступила к работе, но тоже... как бы сказать... в привычном режиме. То есть первым делом начала заметать следы и быстро доложила о раскрытии убийства на бытовой почве.

Как сообщил СМИ источник в следственных органах, все двадцать свидетелей убийства армянского юноши на станции метро «Пушкинская» первоначально утверждали, что он стал жертвой нападения скинхедов. Однако спустя некоторое время все они поменяли свои показания и сказали, что юноша был убит в ссоре, возникшей из-за девушки.

Да! Работа со свидетелями — вообще сильное место нашего правосудия! Правосудие можно понять — свидетели сильно мешают. Ну, например, ясно указывают зачем-то, что преступники были одеты в черные куртки и армейские ботинки, а убийца был невысок ростом, — а пацан этот задержанный, как назло, в серой курточке, кроссовках, и в нем сто восемьдесят сантиметров. Видимо, чтобы исправить все эти шероховатости, его и запугивали в прокуратуре, добиваясь царицы доказательств, и еще двое суток потом не пускали к нему ни мать, ни адвоката... Видимо, именно для того, чтобы не мешать следствию превратить убийство на «Пушкинской» в любовный треугольник, отцу и адвокату убитого не показывают пленки, запечатлевшие момент убийства (а на станции метро работает около двадцати телекамер)... Впрочем, ловля скинхедов, как выясняется, вообще может травмировать психику сотрудников милиции, которые хотя еще и не бриты наголо снаружи, но под черепушкой уже вполне соответствуют пейзажу...

Идею «Россия для русских» разделяют 40% сотрудников милиции. Это результат опроса, проведенного фондом «Общественное мнение». При этом две трети милиционеров говорят, что испытывают негативные чувства к представителям других национальностей: в частности, подозрение и раздражение. Прежде всего речь идет о кавказцах.

Ну! Нормальные люди работают в милиции! То есть не то чтобы нормальные, но... вы понимаете. В общем, всё то же самое чувствуют, что и скинхеды, только сказать не могут. До поры до времени не могут... Пока рядовых ментов осторожно выспрашивали про ихнюю идеологию социо-

логи, милицейское начальство ознакомило народ с содержанием руководящего черепа по собственной инициативе!

Начальник Главного управления внутренних дел Санкт-Петербурга и Ленинградской области Михаил Ваничкин заявил, что обеспокоен имиджем Петербурга как столицы русского фашизма. «Делают это все СМИ, — сказал, в частности, Ваничкин. — Убийство в Волгограде, например, прессу не интересует, а в Петербурге покажут обязательно. Вот это страшно».

Вот правильный взгляд на вещи! Не то страшно, что по Невскому не пройти, чтобы свастики не увидеть, а страшен плохой имидж Петербурга, бросающий тень на начальника ГУВД Ваничкина! Журналисты — вот кто настоящий враг Отечества! Чернят-с!.. Ну, мысль не новая, и лет ей в русской традиции поболее, чем генералу Ваничкину, раза в три, но в нашем частном случае интересен как раз питерский аспект этой номенклатурной жалобы, обращенный, очевидно, к земляческим чувствам государя императора. Наших обижают, Ваше Превосходительство! Плохо говорят про город, а что имеют в виду? «Вот это страшно». Знает генерал, что говорит и кому говорит... Но послушаем, кто там у нас еще раздражает начальника питерского ГУВД, кроме бумагомарак...

Начальник Главного управления внутренних дел Санкт-Петербурга Ваничкин подверг также критике самих иностранных граждан за то, что те не заботятся о собственной безопасности: «За общежитие эти черные не платят, а ходят по ночным клубам».

Я, господа, хорошо представляю себе начальника полиции, ну, скажем, Нью-Йорка... или Лондона... — который, собравши журналистов, говорит: эти черные... или эти желтые... не заботятся о собственной безопасности, ходят по ночным клубам... Хорошо представляю себе его недолгую номенклатурную судьбу после этого заявления и как полетят его клочки по закоулочкам... И ведь выше дворницкой работы в госслужбе этот перец после таких слов уже не найдет! Но Ваничкин, слава богу, не в Лондоне, и мы тоже, и две трети ментов, испытывающих негативные чувства к «нерусским», — залог номенклатурного спокойствия генерала и хороший старт для новой национальной политики... или как это там называлось у наших немецких товарищей по идеологии? — году в тридцать четвертом они это хорошо сформулировали.

От нашей борьбы за правопорядок в отдельно взятом городе на Неве рукой подать до стабильности в целом регионе. Тут тоже есть интересные наметки...

Председатель Народного собрания Чечни Дукваха Абдурахманов предложил объединить Чечню, Ингушетию и Дагестан в один субъект Российской Федерации — чтобы ускорить процесс стабилизации обстановки на Северном Кавказе.

У вас от этой геополитики дух захватывает? У меня — два раза. Первый раз — от авторства этой неслабой инициативы. Дело в том, что раньше этот г-н Абдурахманов сидел в своем Народном собрании очень тихо и с заявами такого масштаба наружу из собрания не вылезал. В Чечне, кроме клана Кадыровых, ни на какой ветке власти давно уж ничего нет, какое там собрание... И вот злые, но осведомленные люди начали говорить, что Абдурахма-

нов этот спел эту объединительную песню под фонограмму, а голос там — как раз Рамзана Кадырова. Что одной Чечни Кадырову уже маловато и захотелось ему покуражиться в геополитическом масштабе... Рамзана понять можно (мальчик вырос на наших дрожжах и хочет играть со взрослыми во взрослые игры), но вот насчет грядущей стабилизации обстановки на Северном Кавказе, то — в целях прояснения перспектив — не приблизить ли нам микроскоп к этим благословенным краям? Интересные подробности кадыровской стабилизации выясняются там буквально каждый день.

По данным сайта polit.ru, боевик Маирбек Эшиев, объявленный в розыск в сентябре прошлого года за убийство милиционера и подозреваемый в причастности еще к нескольким убийствам, до середины зимы работал начальником Антитеррористического центра в чеченском Ведено, причем на эту должность был назначен лично вице-премьером Кадыровым. В настоящее время местонахождение Эшиева неизвестно.

Насчет нынешнего местонахождения вышеописанного Эшиева — вариантов имеется всего два. Либо он снова в горах, откуда и пришел на должность начальника Веденского антитеррористического центра (продолжая, уже с официальной корочкой, убивать направо и налево, о чем вице-премьеру Кадырову было известно в подробностях), либо — гниет Эшиев или уже сгнил где-нибудь в кадыровском зиндане, потому что оказался он не только обычным убийцей со стажем (таких вокруг Рамзана пруд пруди), а еще и близким родственником боевика Хайруллы, который взрывал Кадырова-папу, а это, сами понимаете, совсем другое дело... Последний раз Эшиева видели как раз на допросе у Рамзанчика, где Эшиеву делали то, что на сленге вице-премьера Чечни и его нукеров называется «массаж»... Вот такие у нас кавказские расклады — как вы понимаете, с большими перспективами стабилизации обстановки в случае перехода всего Северного Кавказа под власть этого даровитого отпрыска с его дивной кадровой политикой.

Теперь — новости светской жизни; она же экономическая, она же геополитическая, она же — пир духа...

На минувшей неделе в Лондоне прошел Российский экономический форум, сообщает издание «Газета». Одним из его ключевых событий стало выступление главы компании «Русский стандарт» Рустама Тарико с рассмотрением роскоши как русской национальной идеи.

Господин Тарико, судя по всему, человек с тонким чувством юмора. И «Русский стандарт» — какое гениальное название для компании, чей босс предлагает роскошь как национальную идею — для страны, где двадцать миллионов человек живут ниже прожиточного уровня! Причем прожиточный уровень этот — сто долларов в месяц. Вот где настоящий русский стандарт, безо всяких там кавычек! Впрочем, список россиян, слетевшихся на туманный Альбион по случаю форума — от Шохина до Реймана и от Вексельберга до Ксении Собчак, — позволяет рассматривать идею роскоши как вполне реальную... Так что, может, и не шутил господин Тарико? Как вы думаете?

Кстати, еще несколько слов о роскоши: на сей раз в области партийного строительства. Здесь прожиточный минимум повыше ста баксов в месяц, но настоящую роскошь тоже могут себе позволить не все...

ЦИК опубликовал официальные данные о финансировании российских политических партий за прошлый год. Две трети общего объема финансирования (около 1 млрд 100 млн рублей) приходится на партию «Единая Россия»; остальные тридцать пять партий, вместе взятые, получили вдвое меньшую сумму. ЦИК сообщает, что большую часть партийного финансирования составляют пожертвования юридических лиц.

Технологии, которыми партия власти повышает интерес к себе со стороны бизнеса, описаны многократно. В сущности, их две и обе с автомобильным таким звучанием: одна называется откат, другая — наезд. Откат — дело добровольное: вы приходите в партию с «бабками», а партия вам по дружбе устраивает счастье в бизнесе. Партия у нас нынче может бизнесу очень помочь. А может и не помочь, но это уже вторая технология, по имени «наезд». Звонят вам в офис тихие люди и спрашивают: вы не хотели бы проспонсировать «Единую Россию»? А вы вроде до того не хотели. Но тут вдруг как представите разом налоговую полицию, арест счетов и прочие отечественные радости по всему периметру, так сразу чувствуете в себе огромное желание налить мисочку до самых краев, пока мишенька не встал на дыбы... Кстати, о краях. В иных краях все это называется — рэкет... И там за это сажают, иногда прямо из президиума. Как, впрочем, и за первый случай. М-да...

И напоследок — одна удивительная новость, как свет далекой звезды, дошедшая до нас из глубины времен... Вы будете смеяться, но это уже не шутка. По крайней мере, не моя.

Тахтамукайский районный суд Адыгеи установил, что во время президентских выборов 2004 года члены избиркомов на всех тринадцати участках района приписывали голоса кандидату Путину, отбирая их у других кандидатов. Как сообщил председатель ЦИКа Александр Вешняков, ЦИК будет добиваться привлечения к ответственности глав избиркомов, исказивших результаты выборов, и должностных лиц Тахтамукайского района Адыгеи, оказывавших на них давление.

Ужас-ужас. То есть что я говорю... Радость-радость! Потому что я-то, вместе со всеми остальными зрячими, полагал, что у нас во время тех выборов по всей стране был сплошной тахтамукай и ничего, кроме тахтамукая. Но выясняется: имелся лишь единичный случай нарушения, на одном квадратном миллиметре карты Родины, — и бескомпромиссный господин Вешняков будет добиваться теперь наказания должностных лиц из избиркома и администрации... Тахтамукайского района... искажавших выбор народа... в Тахтамукайском районе... Только и исключительно там. Тонкий, однако, человек г-н Вешняков...

Счастья вам.

14.05.2006

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Отчетную неделю мы ожидали с особым чувством — как, можно сказать, ждет любовник молодой минуты верного свиданья... Ну и дождались.

Послание президента было исполнено в жанре, уже ставшем классическим: в жанре спецоперации. Сначала напустили дыму — мол, документ будет

посвящен внешполитическим вопросам, потом уже в этот дым дали утечку: мол, президент недоволен спичрайтерами, послание переделывает лично! Отложил дату произнесения! В общем, драматургию обеспечили. И хотя блочно-панельный способ, которым собирается это федеральное лего, давно известен и, чего оно стоит в базарный день, тоже хорошо известно (хотя бы по процессу объявленного три года назад удвоения ВВП), — а все равно народ дыхание-то подзатаил... И не зря!

В своем послании президент пообещал, что государство будет выплачивать за второго ребенка, помимо ежемесячной выплаты в три тысячи рублей, единовременную в 250 тысяч — так называемый *первичный базовый материнский капитал.*

Итак: новая повестка дня! А технология старая: выбросить из головы все, о чем президент говорил в прошлом году, и вперед, с чистого листа, в глобальный прорыв в будущее! Про удвоение ВВП забыли (с такими ценами на нефть можно вообще на работу не ходить), про борьбу с бюрократией из прошлогоднего послания забыли (ничего с нею плохого в отчетный период не сделалось, разумеется) — теперь, стало быть, демография и обороноспособность! Этой погремушкой и будем греметь до будущей весны. Связка демографии с проблемами обороны первым делом напомнила другое высочайшее послание, от короля Лира: «рожайте сыновей, нужны солдаты», — но вскоре обнаружилось, что гораздо интереснее литературы в нашем случае — арифметика!

Бывший советник президента Андрей Илларионов заявил, что утверждения Путина о том, будто доля расходов на оборону в России ниже, чем у других ядерных держав — Франции и Великобритании, — не соответствует действительности, как и названные им цифры нашего отставания в этой области от США. Говоря о причинах несоответствия цифр реальной ситуации, Илларионов заявил, что это «либо глупость, либо предательство».

Вредный все-таки человек этот Илларионов! Вот зачем проверять президента? Путин сказал, мы поверили, всем хорошо. Ведь есть же деньги, девать же некуда — почему бы не ухнуть сотенку-другую дополнительных миллиардов в наши ля-ля-«тополя» и прочие военно-космические радости? Чтобы боеголовка в атмосфере разделялась и асимметрично куда-то летела? Кому от этого хуже? Ну, конечно, скажем шепотом, реальной обороноспособности от этого ни горячо, ни холодно не станет, потому что по Басаеву из космоса не ударишь, а для ядерного сдерживания Штатов того, что у нас по Сибири под землю насовано, достаточно сто сорок раз. И потом: куда им с нами воевать? Это ж нам как было нечего терять, так и нечего, а у США с одиннадцатого сентября политическая система как накренилась, никак не выпрямится; им брать на грудь еще наш ядерный боезапас — это только в страшном сне! Ну им-то в страшном сне, а нам в самый раз! Во-первых, под это дело легко открывается сундук с большими деньгами, а во-вторых — страну же надо держать в напряге (не чужую, свою). В ощущении постоянного противостояния с наиболее вероятным противником! (У меня это словосочетание с армейских времен от зубов отскакивает, а у вас? — вот то-то.) И чтобы думало население не о возвращении демократических механизмов, долбись они конем, а как ему повезло, что на страже его мирной

жизни стоят такие несгибаемые люди со стальными глазами! Поэтому вот эти ваши слова — «либо глупость, либо предательство» — зачем это, г-н Илларионов? Никакая, во-первых, не глупость, потому что никто, кроме вас, подлога в цифрах не увидел и почти никто, кроме «Эха Москвы», об этом не сообщил. Вот давайте на спор включим любой телеканал — может, там сейчас скандал и все ищут источник дезинформации и возят лицом по столу президента, в очередной раз солгавшего народу? Не возят? А что говорят? Король-солнце? Так кто дурак? А насчет предательства — ну откуда ж мы знаем, кому и на что давал клятву Владимир Владимирович? Так что, как говорится: не будем, товарищ...

Но вернемся к посланию Президента, послушаем, какие там по нему — как это теперь говорят? — «мессиджи» разбросаны...

Путин: «С переменами начала 90-х были связаны большие надежды миллионов людей, однако ни власть, ни бизнес не оправдали этих надежд. Более того, некоторые представители этих сообществ, пренебрегая нормами закона и нравственности, перешли к беспрецедентному в истории нашей страны личному обогащению за счет большинства граждан».

Как, однако, застенчив бывает наш президент, когда речь доходит до имен, явок и паролей! Ей-богу, умру от любопытства: кто же были эти люди из дружного сообщества бизнеса и власти, которые так цинично пренебрегали нормами закона и нравственности? «Имя, сестра, имя!» Нет ли среди них, ну, чтобы далеко не ходить, имени Романа Абрамовича, нет ли еще кого-нибудь из близких личных знакомых нашего президента? И только ли в начале девяностых жили эти замечательные люди? А эта... как бишь ее... «Байкалфинансгрупп», втихую слупившая «Юганскнефтегаз» для нужд сотрудников кремлевской администрации, — в каких годах случилось это «беспрецедентное личное обогащение»? Я что-то запамятовал... Впрочем, я человек склеротичный и сухопутный, до руля и ветрил не ходивший... Илларионов тоже списан на берег, а вот у матросов — нет вопросов! Одни овации.

Как отмечают СМИ, нынешнее послание президента, как никогда, часто — сорок семь раз — прерывалось аплодисментами. Реакцию ведущих политиков Российской Федерации на послание Путина суммировал интернет-ресурс newsru.com: «мощное по своему посылу послание, ошеломляющий мегапроект».

«Позвольте сказать вам прямо, по-стариковски: вы гений, Ваше величество!» — говаривал в аналогичных случаях первый министр в пьесе Шварца. Он же, правда, ближе к финалу, перед тем как сделать ноги, крикнул королю: «Ты голый, старый дурак! Понимаешь? Голый, голый, голый!» Но это у нас впереди, а пока — глупо было бы матросам делать ноги с этого корабля, когда дележка сундуков только начинается....

«Все акценты расставлены, — заявил, комментируя послание президента, лидер ЛДПР Жириновский. — Президент ясно показал, что уже есть деньги. Нам осталось только действовать...»

Ну, мы тут, конечно, для ясности затормозили немного раньше конца цитаты — Жириновский потом некоторое время еще бренчал чего-то про какие-то коридоры, по которым надо направить деньги, но главную мысль

он схватил безошибочно, и она не могла ему не понравиться: уже есть деньги и надо действовать!

Придворной публикой путинское послание было оценено, вы помните, как «ошеломляющий мегапроект». Самооценка тоже оказалась неслабой. Как заявил высокопоставленный источник из администрации (то есть, надо полагать, один из авторов), «до сих пор не было ни одного послания с такой детальной проработкой, это практически тексты законов». Вот это было бы правильно! На фиг вообще формальности: Дума какая-то, фракции, комитеты, подкомитеты... Сколько можно? Вот текст президентского послания — и можно жать на кнопки!

А что касается депутатов — они, ей-богу, найдут чем себя занять! Как раз на минувшей неделе СМИ подвели некоторые итоги столетнего юбилея Государственной думы. Смысловая часть праздника вызвала, конечно, некоторые вопросы... По крайней мере, когда в эфире «Вестей» спикер Грызлов назвал «единороссов» преемниками партии кадетов, одну мою знакомую с хорошим вкусом чуть не стошнило, но она сдержалась. Сдержалась она, впрочем, ненадолго: когда в том же выпуске диктор Брилев назвал отчетный период в России (с 1906-го, значит, года) «столетием свободы», ее таки вырвало.

Впрочем, исторические оценки — дело бесплатное, и пускай себе злобствуют в рифму те, которых не пустили на праздник, что им остается! А для тех, которых пустили, — история не главное: однова живем и есть повод оторваться по полной за казенный счет! В этой части мероприятие удалось на славу — выехали всем, значит, своим кадетским составом в Северную Пальмиру и прямо в Таврическом устроили себе кадеты «гульку» на «лимон», с прибамбасами от Кобзона до клубники в шоколаде... Ну, правда, насчет «лимона» — это я соврал, «лимон» (евро, разумеется) там был предусмотрен по смете, но в смету они чуток не вписались. Впрочем, это не проблема — особенно когда ты сидишь возле казны и ключ от этой казны у тебя самого...

Как сообщает издание «Газета», в бюджете прошлого и нынешнего года на празднование юбилея Государственной думы было выделено почти тридцать миллионов рублей, но в эти рамки думцы не уложились. Во втором квартале текущего года из резервного фонда правительства Госдуме будет выделено 33 млн 609 тыс. 800 рублей.

Точность — вежливость королей. Это я про эти вот восемьсот рублей... А если не мелочиться — скажите, вы не пробовали погулять по случаю какого-нибудь светлого праздника на два миллиона евро? Вам это трудно представить. Ну, попробуйте, напрягите фантазию. Для начала представьте, что эти два миллиона евро — не ваши. Уже легче, правда? Кстати, я, конечно, обязан попросить прощения у академика Велихова, что употребил это противное бездуховное нерусское слово — «евро»... Исправляюсь по-русски: прогуляли наши думцы в свой юбилейчик на круг (СМИ посчитали) — 75 миллионов бюджетных рублей... Кстати, не хочет ли Общественная палата как-нибудь высказаться по этому поводу? Не хочет? Странно! Группа слуг народа не спросясь взяла у хозяев на свою гулянку «лимон», а потом еще один подтырила, и тишина... Точно, не хотите никак высказаться? Ну хорошо,

продолжайте бороться с нерусскими знаками «доллара» и «евро», не буду вас отвлекать.

Бессмысленно, я полагаю, пытаться отвлекать членов Общественной палаты и на другие подробности этого петербургского гуляния в честь «столетия свободы»...

По сообщению петербургских СМИ, члены НБП, участники акции протеста, вывесившие на крыше дома по Таврической улице транспарант «Такая Дума — позор России», были подвергнуты пыткам в отделении милиции. Их раздевали до трусов, душили, выдирали волосы и выдавливали глаза. Пытками руководил и принимал в них участие чиновник Комитета по молодежной политике администрации Санкт-Петербурга Сергей Баркан.

Чтобы у вас сложилось политически правильное впечатление от данного случая, пройдемся от печки: значит, лимоновцы у нас, вы помните — экстремисты, а администрация — оплот стабильности. Тут важно ничего не перепутать. Значит, еще раз, медленно: молодые люди, который вешают транспарант, выражающий их оценку работы власти, — преступники. А чиновник Комитета по молодежной политике, выдирающий им после этого волосы и выдавливающий глаза в отделении милиции, и сама милиция эта — охрана правопорядка! Запомнили? Тогда еще раз, хором: кто у нас преступник, кто охрана правопорядка? Отлично. Идем дальше...

К трем с половиной годам лишения свободы приговорена активистка НБП Ольга Кудрина. Год назад она и ее товарищ укрепили на гостинице «Россия» в Москве десятиметровый транспарант «Путин, уйди сам!». Суд счел это уголовным деянием, подпадающим под статью об оскорблении власти.

Я бы, конечно, спросил самого оскорбленного (как гаранта и просто мужчину): что он думает по поводу того, что девушка Ольга просидит в лагере три с половиною года за то, что предложила президенту своей страны осуществить действие, предусмотренное Конституцией? Но я у него ничего не спрашиваю, потому что знаю, что он мне ответит (он мне это уже однажды ответил). Он скажет: ничего не могу поделать, у нас независимое правосудие. И посмотрит эдак — ласково-ласково, честными-честными глазами... В общем, будем считать приговор Ольге Кудриной практической частью президентского послания: так сказать, забота о женщинах.

Дети в отчетный период тоже без президентской заботы не остались.

Генпрокуратура наложила арест на недвижимое имущество и земельные участки лицея для детей-сирот, основанного экс-главой ЮКОСа Михаилом Ходорковским. СМИ отмечают, что в протоколе о наложении ареста не было указано, на основании решения какого суда был выписан ордер, а также неясно, в рамках каких следственных действий арестовывалось имущество лицея.

Ну, не будем отвлекаться на формальности... После процесса над самим Ходорковским даже неловко говорить о таких мелочах, как уважение к закону. Сказано было Генпрокуратуре давить Ходорковского — ну она и давит, никак не может остановиться, очень длинный тормозной путь, масса большая... А полторы сотни детей-сирот пускай скажут спасибо — при каком-нибудь Тиберии их бы просто вырезали под корень вместе с воспитателями, а при нашем Владимире Серое Солнышко всего-то наложили арест на имущество...

Контрольное управление президента в своем отчете отметило, что «увеличение производства нефти и газа сдерживается из-за значительного снижения темпов роста инвестиций в их добычу».

Вот странно... Газ и нефтянка — золотое дно; отчего же тормозят капитаны западной экономики, почему не бегут занимать очередь на инвестирование? Ответ на этот вопрос дал на днях один из таких капитанов, глава крупной инвестиционной компании «Berkshire Hathaway» Уоррен Баффет, причем довольно образный ответ. «Когда праздник начинается, — сказал он, — пунш льется рекой, но вы-то знаете, что в полночь все превратится в тыкву и мышей». Ну да. Правда, тут не столько Баффету, сколько нам с вами не вредно понимать подробности, ибо возле тыквы с мышами останемся именно мы, а кремлевская Золушка ближе к полуночи все феины углеводородные подарочки конвертирует и переведет себе в офшоры, тут к бабке не ходи... Еще определеннее, без метафор, объяснился по этому поводу заместитель вышеозначенного Баффета.

Как сообщает газета «Ведомости», зам. главы компании «Berkshire Hathaway» Чарли Мангер, комментируя причины, по которым компания воздержится в обозримом будущем от вложений в Россию, в частности сказал: «Нам не нравятся клептократические режимы».

Маленькое пояснение для тех, у кого проблемы с греческим. Клептомания — это такое довольно серьезное психическое отклонение, когда человек берет все, что плохо лежит, даже помимо своей воли. То есть и не хочет, а ворует. А клептократия, соответственно, — это когда такие приболевшие люди образуют власть. Но, слава богу, есть в России и здоровые силы, которые в процессе всеобщей клептократии успевают еще с нею же и бороться! Давеча просто всей массой навалились — секретарь Совета безопасности Иванов, долго молчавший, в среду выскочил из засады и предложил принять целевую программу по борьбе с коррупцией! Коррупционеры, услышав такое, пошли строем делать себе харакири... А чтобы они резали себя глубже и быстрее, по вопросу борьбы с коррупцией высказался и премьер Фрадков.

Михаил Фрадков: «Мы примем все необходимые меры для того, чтобы изжить это зло, которое на сегодняшний день вот в такой комплексной постановке вопроса нам мешает. Мешает жить и работать. И все это должны понимать. И меры последуют жесткие».

Насчет словосочетания «жить и работать» — это в скорбной голове Михаила Ефимовича отозвалась, я думаю, клятва юного пионера Советского Союза, а вот идея «изжить зло, которое на сегодняшний день вот в такой комплексной постановке вопроса нам мешает» — это уже личное ноу-хау премьера Российской Федерации. Разговорилась Золушка...

Разумеется, дело борьбы с коррупцией не могло оставить равнодушным и Владимира Вольфовича.

Комментируя серию отставок в силовых структурах, лидер ЛДПР Владимир Жириновский заявил: «Партии должны взять на себя ответственность и делегировать на освободившиеся места честных и компетентных сотрудников. Мы готовы это сделать».

Честные и компетентные члены ЛДПР несомненно существуют в природе! Правда, вблизи их пока что никто не видел, но это дело времени.

Снежного человека сфотографировали, инопланетян дождались — будем ждать и этих...

И напоследок — немного о Чечне. Там все заметнее приметы мирной жизни. Налаживается работа социологических служб!

По информации газеты «КоммерсантЪ», сторонники премьера Кадырова, добивающиеся досрочной отставки президента Чечни Алу Алханова, проводят в республике социологический опрос, прямо направленный на ослабление президента республики. В окружении Алханова убеждены, что результаты опроса будут подтасованы в пользу Рамзана Кадырова.

Я, признаться, даже не знаю, потребуется ли подтасовка по результатам этого анкетирования. Потому что, например, в пункте третьем анкеты у чеченцев спрашивают прямо в лоб: «Оправдались ли ваши надежды, связанные с утверждением Рамзана Кадырова на посту председателя правительства?» То есть заведомо известно, что чеченцы связывали с этим назначением надежды, не так ли? Теперь слушайте варианты ответов:

1. Ситуация стабилизировалась.
2. Создана уверенность в завтрашнем дне.
3. Улучшилась социально-экономическая сфера республики.
4. Затрудняюсь ответить.

Понимаете эту социологию? А теперь представьте себе лицо и особенно руки премьера Кадырова и прикиньте, каким идиотом надо быть, чтобы в этих обстоятельствах затрудниться с ответом...

Счастья вам.

20.05.2006

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Отчетная неделя опять порадовала. Текущее безобразие чаще всего бывает вполне себе бытовым. Как говорят экологи — уровень загрязнения в норме (правда, нормы у нас не бельгийские, но тут уж — что-то вроде климата). А бывает: зашкаливает и за наши нормы. На минувшей неделе, например, зашкалило пару раз очень выразительно. Будем ни мычать, ни телиться и дальше — станет нормой и это. Ну, обо всем по порядку.

Знаете, я не на шутку завидую антропологам, которые изучают Россию и ее ментальность. Конечно, обычаи австралийских аборигенов или структура родоплеменной власти у туарегов — это тоже занятно, но не до такой степени. Там же все более или менее предсказуемо — туарегов, небось, можно понять умом и измерить аршином. А мы аршин ломаем об колено сразу, а мозги потом ломаются сами. Причем даже у людей, ко всему привычных, вроде нас же самих. Вот, слушайте.

Как сообщает газета «Известия», городская прокуратура Ессентуков провела масштабную проверку и пришла к выводу, что многие жители города нарушают закон, вывешивая российский флаг в непраздничные дни. В связи с этим на 500 рублей были оштрафованы директора шести санаториев, двух супермаркетов, одного кафе и бензоколонки.

А? Как говорится: Клара, я офигеваю! Нет, пятьсот рублей, конечно, это всего-навсего бак бензина, и не в деньгах счастье даже для владельца бензоколонки, но на психиатра, на починку отъехавших мозгов, уйдет остаток

выручки за месяц. И ведь не встанут на место мозги-то! Нет, ей-богу! Сначала ежегодно засобачивать несчитанные миллионы на патриотическое воспитание, а потом начать штрафовать людей за вывешивание флага. И ладно бы американский флаг вывесили они там, в Ессентуках (хотя и в этом случае не вижу оснований для штрафа), но ведь свой же, российский триколор! И на тебе квитанцию, чтобы ничего без ведома начальства в окно не совал. Скажете: административная дурь? Ну, разумеется, дурь, — но давайте поскребем немножко скальпелем эту начальственную башку, возьмем на пробу серого вещества, попробуем разглядеть в микроскоп какую-нибудь логику — ведь есть же там логика, не может не быть! И знаете? — мне кажется, логика довольно ясная. Ведь для начальства наша любовь к Родине — не самоцель. Настоящая цель — дисциплина, а любовь к Родине — это что-то вроде военрука, с помощью которого нас проще всего выстроить в шеренгу. Патриоты, стройсь, раз-два! И стоят, любуются на грудь четвертого человека, хотя это и мужчина. Любить Родину, со времен императрицы-матушки, у нас велено по отмашке! Дали отмашку — люби, скажут — суй флаг в окно (но уж тогда не дай бог не высунешь). А вот так, по личному движению души — зачем это? Непроштемпелеванная любовь к Родине знаете, чем кончается? Радищевым она кончается, Чаадаевым да Герценом! Не надо. И пятьсот рублей — считай, легкая плата за лекарство от этой опасной болезни.

Тему патриотического воспитания поднял на минувшей неделе президент России, уже по традиции встречавшийся с посланцами движения «Наши».

Путин: «Нам нужно свое гражданское общество, но пронизанное патриотизмом, заботой о своей стране, которые не за деньги бы исполняли тот или иной номер, а от души, желая исправить те проблемы, которые у нас действительно существуют и, делая это, повторяю, не за деньги, а по велению сердца».

Президент, заговоривший с «Нашими» о том, что любить Родину следует не за деньги, — что это было? Эксперты называют две основные версии. Либо это был торг, и таким неназойливым способом Владимир Владимирович попросил Якеменко немного скинуть цену за идеологическое совращение малолетних, либо, наглядевшись на якеменок, президент и впрямь затосковал о настоящем гражданском обществе. Герасим, утопив Муму, тоже потом тосковал. Ничто человеческое не чуждо. Всякое случается, и не будем смеяться над человеком.

Пока президент строил гражданское общество из нехитрого материала, который ему завезли в его сочинскую резиденцию, генеральный прокурор, сделанный примерно из этих же материалов, рассказывал в белокаменной о ходе борьбы с преступностью.

Устинов: «Пора уже переходить к оценке качественного составляющего, исходя из конечных результатов работы по пресечению деятельности организованных преступных формирований, их разобщению, ликвидации источников финансирования, привлечения к ответственности их лидеров и активных участников».

Как вы правы, Владимир Васильевич, — вы даже сами не представляете! На восьмом году вашей работы генеральным прокурором — когда мас-

штаб организованной преступности под вашим руководством борьбы с нею... как это по-русски? ну, в общем, вы поняли... короче, когда все это приобрело характер национальной угрозы, — тут-то и настало самое время для перехода «к оценке качественного составляющего»! Давайте еще лет восемь пооценивайте, ладно? И про духовность, про духовность почаще нам напоминайте, кроме вас некому.

Пока генпрокурор Устинов ложился костьми на организованную преступность, его заместитель генерал Колесников тоже не дремал. В минувший вторник он произнес программную речь. Судя по ее тексту, выступать он собирался в Институте мировой истории, но шофер по ошибке привез его в Государственную думу, на круглый стол по проблемам экстремизма. Генерал этого не заметил и вывалил депутатам на их круглый стол следующую свежую достоверную оперативную информацию (вы давайте записывайте, я повторять-то не буду): итак, знамя у первоначальных мусульман было не зеленое, а голубое, Коран был написан на скифском языке, Иван Грозный не брал Казань, а по национальности был «чистый булгар», йогурт — это скифское кислое молоко, холмы в Англии — это скифские курганы, баранов в Великобританию тоже завезли скифы, они же научили английских крестьян пахать... Если кто-нибудь понял, при чем тут борьба с экстремизмом, немедленно телеграфируйте на Охотный Ряд, потому что там уже обмороки под их круглым столом... Кстати! Надо поскорее рассказать о колесниковских открытиях в английской палате лордов — пущай у них там парики дыбом встанут! Н-да... скифы мы... Впрочем, вернемся за наш круглый стол по борьбе с экстремизмом — там и по существу дела прозвучало кое-что поучительное...

По сообщению «Независимой газеты», председатель думского Комитета по безопасности Владимир Васильев назвал главным истоком нынешнего всплеска преступлений на расовой почве социально-экономические проблемы начала 90-х, когда «рухнули жизненные устои многих людей».

Ага... Жалко Васильева не было на Нюрнбергском процессе — он бы всем объяснил, что ответственность за Дахау и Освенцим должны нести те, кто подписывал Версальский договор, после чего «рухнули жизненные устои»... В общем, как вы поняли, в борьбе с коррупцией и экстремизмом намечается большой подъем. После того как генпрокурор пошел на оценку составляющей, председатель комитета заклеймил начало девяностых, а генерал Колесников открыл нижней палате правду о происхождении английских баранов, — за преступность можно быть спокойным!

Теперь (не отходя далеко от наших баранов) поговорим о славных днях Кавказа. А о Шиллере, славе и любви — как-нибудь в другой раз, ладно?

Во вторник на заседании Национального антитеррористического комитета глава ФСБ Николай Патрушев доложил о сенсационных успехах своего ведомства. По словам Патрушева, перед майскими праздниками спецслужбы задержали свыше 80 террористов и изъяли у них 110 кг взрывчатки.

Тут, братцы мои, какой-то научный феномен! В последние годы свойство быть невидимыми — от бойцов невидимого фронта все чаще передается пойманным преступникам! То вместо реальных английских шпионов, задержанных с поличным, ФСБ покажет нам склеенную пленочку с каким-то камешком, то отловят в Воронеже убийцу-взрывателя, но так его и

не предъявят суду, то вот эти восемь десятков безымянных террористов... Сплошные невидимки! То ли это новое слово в науке, то ли старое — в литературе. Потому что скупка по дешевке мертвых душ с последующей перепродажей подороже родному государству описана еще у Николая Васильевича Гоголя. И Герой России Павел Иванович Патрушев идет в этом смысле по стопам гоголевского героя. Того, правда, потом посадили ненадолго. Впрочем, и наш сюжет еще не окончен, не правда ли?

А вот еще одна, совсем свежая, вариация на эту гоголевскую тему...

Боевик Али Тазиев, разыскиваемый как исполнитель теракта в Назрани, в результате которого погиб зам. министра внутренних дел Ингушетии, ранее участвовал в захвате бесланской школы. Свидетели утверждали, что Тазиев сумел бежать перед штурмом, но официальные власти объявили его погибшим, заявив, что заложники просто не сумели опознать обезображенное тело боевика.

Свидетели и заложники эти постоянно портят отчетность, мешают настоящим полковникам и генералитету одерживать их славные победы! И боевики тоже хороши. Ну убили тебя раз, убили другой, изо всех списков на розыск вынули — отдохни где-нибудь в Эмиратах! Нет, хотят по-настоящему... Тазиев этот погибает, как заведенный, Мовсар Бараев, по патрушевской отчетности, до «Норд-Оста» был убит три раза. В третий раз о смерти Мовсара (примерно за две недели до Дубровки) отчитался, помню, полковник Подопригора, отвечавший за связи с общественностью... Ау, полковник! Я надеюсь, у вас все хорошо? Ну тогда новых вам звезд с неба — вам и работникам Генпрокуратуры, только что приступившим к поискам убитого три года назад боевика Тазиева.

Теперь несколько слов про остальную обороноспособность. Тут, как, впрочем, и там — все как всегда...

Счетная палата выявила в 2005 году финансовых нарушений в сфере национальной обороны на сумму около двух миллиардов рублей. СМИ отмечают, что одна и та же картина повторяется из года в год. Так, с 1999 по 2004 год в ходе проверок в силовых структурах России выявлены финансовые нарушения на общую сумму свыше 14 млрд руб. Военное ведомство остается абсолютным чемпионом по финансовым нарушениям в Российской Федерации, отмечают СМИ.

Ну что тут сказать? Стабильность — признак класса! Седьмой год, в среднем, по два с небольшим миллиарда в год мимо кассы... И это только то, что разнюхала Счетная палата! А снаружи от этой цифры, я полагаю, еще много раз по столько же. Потому что военная отчетность — это ж черная дыра, там внутри плотность такая, что глаз не просунешь; как раз на пороге собственной бухгалтерии у них и прорезается настоящая обороноспособность! Мышь не проскочит. При этом в каждый путинский год — прибавочка в 20%. Представляете? Шестую часть национального бюджета генералам вынь да положь, это тебе не образование какое-нибудь со здравоохранением... А контроля почти никакого. Ну и как тут не воровать? В таких условиях удержаться — это ж какую надо иметь силу воли!

Кстати, насчет «вынь да положь». Когда надо вынуть и положить женщинам и детям, то кладут скорее — на них...

По сообщению газеты «Новые Известия», три недели назад профильный комитет Госдумы выдал отрицательное заключение на законопроект, предусматривавший выплату при рождении первого ребенка — десяти тысяч рублей, при рождении второго — пятнадцати, и третьего — тридцати тысяч рублей. Отказ комитета был обоснован тем, что «в настоящее время отсутствует правовое определение понятий "первый ребенок", "второй ребенок", "третий ребенок"».

Ну да. Это же неподъемная для думского интеллекта задача — определить, чем первый ребенок отличается от второго, а уж отличить второго ребенка от третьего — это вообще теорема Ферма! Бедные «единороссы»! Они еще не знали три недели назад, что наш президент-конспиратор втайне готовится лично решить проблемы демографии. Что же им теперь делать, чтобы сохранить лицо? А ничего. Депутату президентской слюной утереться — одно удовольствие! С Байкалом перерешили за полсуток — и с демографией перерешат. Выведут правовое определение различий между первым, вторым и третьим ребенком — муха пролететь не успеет! Вот увидите.

Теперь — одно довольно неожиданное эхо от той самой, «демографической» части президентского послания...

Союз православных граждан в своем заявлении в минувший вторник выразил протест против проведения в Москве гей-парада. Запрет парада, считают, в частности, авторы заявления, станет поддержкой политики руководства России в области демографии, сообщает «Интерфакс».

Слушайте, а политически грамотные ребята собрались в этом Союзе православных граждан! Богу-то богово, а в кесаревой психологии фишку секут. Ставят вопрос ребром: геи — противники президента! Не желают спариваться в интересах деторождаемости! Ищут простые пути! Ату их на государственном уровне! По мне-то, признаться, все это дело личное, на любителя — что православие, что гомосексуализм — и президента сюда пристегивать не обязательно... Но уж такие у нас теперь времена, что, опершись на президента, можно перевернуть в свою пользу любой вопрос, от маршрута нефтяной трубы и подчинения таможни до запрета на гей-парад. Все он, кормилец, все он! Все на него опираются. Просто — не гарант, а три кита, слон и черепаха в одном флаконе.

Теперь — новости из регионов. Регионы эти друг от друга — за тысячи километров, а новости между тем — очень похожие... Сюжет первый. Некоторое время назад один вологодский журналист написал критическую заметку про деятельность губернатора Позгалева. Нормальная журналистская работа. Позгалев журналисту ответил. Нормальная губернаторская реакция...

Губернатор Позгалев: «Наш журналист один вологодский, не хочу даже плохих слов употреблять, но хороших с трудом нахожу <...> На все наши, так сказать, приходит на все эти встречи, сидит, пишет в углу, значит. Я фамилию могу назвать — Сергей Расов <...> Приехал к нам из Казахстана, ничего здесь, значит, родного нет, обгадил область, обгадил, значит, гордость, так сказать, областную. Причем не где, а на всю страну! Вот есть у него совесть? Нет, сто процентов! Поэтому когда я говорю о патриотическом воспитании, нам нужно вот от таких уродов избавляться, чтобы не было таких уродов»

Избавляться от уродов, несомненно, нужно. Иногда люди делают это на выборах, — правда, реже, чем хотелось бы... Впрочем, мы отвлеклись. А что касается речи — речь Позгалев сказал, вы слышали, вполне губернаторскую! И вот тут случилось удивительное. Журналист Сергей Расов, публично названный уродом, вместо того чтобы тихо умыться, взял и подал на губернатора в суд за оскорбление. Ну а дальше все снова пошло привычным для России образом. Суд прослушал ту же запись, которую слышали вы, — и не смог ни опознать голос губернатора, ни приобщить запись к делу и начал вызывать свидетелей (а речугу свою губернатор толкал на встрече с ветеранским активом области в здании областного правительства, и свидетелей было пол-Вологды). И выяснилось, разумеется, что никто слова «урод» и фамилии журналиста — не слышал. Совсем глухие собрались ветераны, хотя и активные. А уж о губернаторском аппарате и говорить нечего: отшибло у людей слух начисто! И суд журналисту в иске отказал. И правильно сделал! Пускай журналист еще скажет спасибо, что он в Вологде, а не в Кузбассе... Но это уже второй сюжет.

Глава Кемеровской области Аман Тулеев обратился к прокурору области с просьбой принять меры, не исключая уголовную ответственность, к главному редактору газеты «Российский репортер» Александру Косвинцеву. В частности, в письме Тулеева говорится: «После посещения области Гарри Каспаровым — лидером "Объединенного гражданского фронта" — Косвинцев стал руководителем его регионального отделения <...> Программной целью "Объединенного гражданского фронта" является замена действующей власти в стране с использованием протестных настроений населения в форме политической борьбы».

То, что участие в политической борьбе с целью замены действующей власти уже является в России поводом для принятия мер, вплоть до уголовной ответственности, мы знали и до Тулеева, но раньше ни один пупырь с исполнительной ветки не признавался в этом письменно: независимое правосудие съедало оппозиционеров как-то так... само по себе... А начальство только смотрело на это чистыми глазами. Но, видать, в Кузбассе настал уже такой Древний Египет, что фараону стесняться совсем нечего.

И напоследок — дивный, а главное, абсолютно правдивый случай из текущей реальности...

В Тульской области прошел судебный процесс над сотрудником дорожно-патрульной службы, вымогавшим взятку у водителя. По сообщению агентства РБК, при задержании инспектору удалось проглотить полученные им купюры, около двух тысяч рублей, однако его вина все равно была доказана.

Да! Русский язык велик, свободен и могуч, и редко, очень редко жизни удается дорасти до словесного образа. Это я про аппетиты гаишников...

Счастья вам.

27.05.2006

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Не откладывая дела в долгий ящик, сразу похвалим умение нашей власти брать след врага, внешнего и внутреннего. Это у нас наследственное — навострились унюхивать заговор за тысячи километров. То англичанин нам гадит века напролет, то заокеанские щупальца тянутся к теплому с утра рабо-

чему классу и трудовому крестьянству... И уж вроде оклемались, и своими ногами пошли прочь от этой паранойи, но — ногами-то пошли, а голова все отстает. И вот: судья ли футбольный не туда свистнет, на «Евровидении» ли за Диму Билана не проголосуют — всё заговор против России! А уж если что-нибудь политическое вспухнет — тут точно заговор! После монетизации Кудрин, вице-премьер, первым делом сказал: есть, сказал, организаторы умелые, свозили митингующих автобусами, оранжевый след, мол... Ну, все сразу и вздохнули с облегчением: оранжевый след — это другое дело! А то ведь сгоряча можно было решить, что в правительстве с Госдумой собрались головотяпы пополам с вредителями, замешанными на коррупционных схемах — вроде зурабовского обеспечения населения лекарствами через собственную жену... А тут оранжевый след! Слава богу! И народу не до правительства, и прокуратуре не до Зурабова. Сторожим в засаде оппозицию, родную власть в обиду не даем.

Как вы, может быть, уже догадались, это я так издалека клонил к истории с обманутыми дольщиками жилья. Их сначала среди бела дня кинули на бабки, а потом в ночь на прошлую субботу отметелили ОМОНом перед Домом правительства в Москве. Метелили профессионально; по свидетельству очевидцев, били не разбирая пола, в том числе ногами по лицу, дай бог этому ОМОНу таких умений при встрече с «братками»... Да, так вот: вскоре после мордобоя и выяснилось главное!

Как сообщает агентство Regnum, глава Совета Федерации Миронов, комментируя события у Дома правительства, в частности, сказал: «Никакого разгона обманутых граждан не было. У меня есть информация, что среди тех, кто находился в палаточном городке, было меньше всего обманутых дольщиков. Там находились другие люди, которые при любых обстоятельствах ищут повод показать притеснения, гонения, нарушения демократии. Это все элементы технологий "оранжевых" революций».

М-да. К графу Аракчееву как-то пришел военнопоселенский архитектор с жалобой насчет неуплаты жалованья. Аракчеев ответил: ты брось эту вольтеровщину и будь истинным христианином! Вот я и говорю: нас-ледствен-ность... Но, возвращаясь от графа к спикеру, — похвалим Миронова за тонкое владение речью. Ведь фраза «разгона обманутых граждан не было» звучит двояко: то ли никого не били, то ли били, но не обманутых граждан, а носителей элементов технологий «оранжевых революций»... Видимо, все-таки имеется в виду второе, но это у нас с некоторых пор дело богоугодное, так что и извиняться не за что. К тому же эти самые обманутые «оранжисты» подали свою заявку не вовремя (о чем говорить с такими людьми?) — да и, как заметил внимательный пресс-атташе Лужкова Сергей Цой, ***«сидели на Горбатом мосту в основном не москвичи, а жители Подмосковья и других регионов».*** То есть были б еще москвичи, ладно, а этих — можно и ногами... Короче: если с кем и должна разбираться прокуратура, то не с ОМОНом и не с теми, кто мошенническим образом отнял у десятков тысяч людей десятки миллионов долларов, а вот как раз с самими демонстрантами — нарушителями закона, организаторами беспорядков, «оранжевыми» провокаторами. Борьба с вольтерьянством! И целебность такой заботы о себе народ должен понять как можно скорее!

Теперь заглянем на Охотный Ряд. Там на минувшей неделе случился интеллектуальный взрыв огромной силы. Уж на что мы, кажется, ко всему привыкшие, а и то удивились!

Госдума приняла сегодня в первом чтении законопроект, в соответствии с которым цены на все товары и услуги в России должны быть установлены только в рублях, а не в иностранной валюте. Должностным лицам также будет запрещено употреблять в публичных выступлениях названия иностранных валют.

Знаете, когда месяц назад академик Велихов, от имени всей своей Общественной палатки, вякнул о необходимости укрепления престижа рубля путем запрета упоминания других валют, всем показалось, что это — частный сдвиг по фазе. Академик — он ведь тоже человек, всякое бывает... Но чтобы триста с лишним депутатов, хором, в рабочее время, утомились до такой степени? Как и следовало ожидать, их вариации оказались еще затейливей велиховской темы, и они быстро надраили его идею до блеска ременной пряжки. Слушай, народ, коммуниста Виктора Тюлькина!

Тюлькин: Может быть еще дальше пойти и поправки в уголовный кодекс внести и использовать пороки на благо. Главный порок — это взятки. Так вот — за взятки, принятые в иностранной валюте, увеличить ответственность, срок и так далее, чтобы чувствовали уважение к рублю!

Да! Гвозди бы, действительно, делать из этих людей, а не депутатов Государственной думы. Впрочем, ход мыслей у Тюлькина вполне практический: все равно берут, так пускай берут патриотическим образом — в деревянных! По курсу Центробанка, с учетом инфляции... Ой! Дивная картинка. Так и вижу: идут они, значит, гуськом, с чемоданами долларов и нарастающим уважением к рублю, в ближайшую обменку, и просят девушку в окошке: обменяйте нам, пожалуйста, этих... А каких, не говорят — нельзя! Этих, говорят, зелененьких, с Франклином, гадость эту... обменяйте скорее на наши, оченно хочется поучаствовать в укреплении патриотизма...

Теперь — отчасти в продолжение темы — небольшая шарада для детей среднего школьного возраста. Есть, стало быть, в России, на рынке связи, фирма «Мегафон» — и есть в той же России министр этой же связи г-н Рейман Леонид Дододжонович. Разумеется, этот Рейман никакого отношения к этому «Мегафону» не имеет, потому что иначе это была бы чистая коррупция, правда? Но, как выяснилось недавно, Леонид Дододжонович, будучи человеком добрейшей души, совершенно бескорыстно помогал некоему зарегистрированному на Бермудах фонду получить фактический контроль над вышеозначенным «Мегафоном», чью стоимость самым скромным образом в прессе оценивают в один (прописью) миллиард долларов. Прямо так и пишут русским языком: «миллиард долларов». Никакого уважения к рублю! Да, так вот... Вопросом, кому теперь какая доля принадлежит в этом «Мегафоне», в настоящее время занимаются суды на Багамах, на Виргинских островах и в Швейцарии, но это бы полбеды. Там же в Швейцарии заинтересовались и вопросом о степени бесплатности услуг нашего министра связи фонду-совладельцу «Мегафона»...

Цюрихский арбитражный трибунал пришел к выводу, что российский министр связи Леонид Рейман злоупотреблял своим официальным поло-

жением ради выгоды контролируемых им компаний. Комментируя это судебное решение, американская «Уолл-стрит джорнал» напоминает, что Леонид Рейман является близким другом семьи Владимира Путина, и утверждает, что за последние годы российский министр связи нажил огромное личное состояние, пользуясь своим официальным положением.

Ну какое именно положение Реймана более способствовало его стремительному обогащению — официальное (министра) или неофициальное (друга президента) — вопрос открытый, но что по совокупности этих двух «положений» г-н Рейман оказался в положении, которое в иных краях заканчивается пожизненными сроками заключения, — это медицинский факт... Впрочем, не будем опасаться за Леонида Дододжоновича чересчур сильно: до две тысячи восьмого года у него еще есть время не торопясь выплатить абонентскую плату по тарифу «Кремлевский» и раствориться в пространстве — где-нибудь вне зоны действия сети...

Теперь несколько слов о всплеске любви к детям, случившемся сразу после президентского послания.

Ульяновский губернатор Сергей Морозов заявил о том, что готов отказаться от своего месячного заработка в пользу детей-сирот. Вслед за губернатором о своем решении отдать заработную плату детям-сиротам сообщили сразу несколько областных чиновников.

Когда жертвуешь в пользу детей-сирот — главное, чтобы это а) совпало с последними инициативами президента; и б) о твоем поступке узнало побольше народу. Это и есть настоящая благотворительность, тем более приятная, что потерю месячного оклада никто из этих шумных филатропов, полагаю, особо не заметит. Чай, не бюджетники! То есть, конечно, бюджетники, но... В общем, вы поняли.

А что касается возможностей пиара, то, помимо детей, к услугам руководства всегда имеются ветераны!

Президент России Владимир Путин поручил губернатору Воронежской области решить вопрос с выплатой прибавки к пенсии ветерану Отечественной войны Василию Никитину и лично позвонил ему. «Проблемы ветеранов должны решаться системно, серьезно, ответственно», — заявил, в частности, президент России.

Я полагаю, что Владимир Владимирович из скромности (которую злые люди могли бы назвать лицемерием) недооценивает произошедшее. Случай с Василием Никитиным — это как раз и есть системное решение проблемы ветеранов! То есть именно такое, какое требуется системе. Ну скажите, много ли было бы пользы, если бы областные клерки, просто, как в какой-нибудь Бельгии, начислили старику положенную прибавку к пенсии? Да никто бы и не узнал! А так — вышел из кустов гарант и, можно сказать, самолично восстановил справедливость, своими руками вернул ветерану 25 тысяч в месяц. Совсем другое дело! (И рейтинг еще на процентик подрос, лапушка.) И прав был ветеран, сказавший Путину в конце их телефонного разговора: «Мы вас не отпустим с поста президента». Да ни в коем случае, конечно! Кто ж еще раздаст прибавки ветеранам, спасет Байкал, исправит дороги, поднимет демографию, пустит торпеду? А солнце? У вас есть уверенность, что после 2008 года оно так и будет всходить вовре-

мя? Знаете, лично мне было бы спокойнее, если бы Владимир Владимирович все-таки давал отмашку и солнцу. Коней на переправе не меняют! Правда, переправа у нас какая-то перманентная, а конь в пальто, но уж какие есть...

В создавшейся счастливой обстановке единственное, что требует настоящих усилий от руководства на местах — это поддержание психологического контакта с этим нашим источником народного благоденствия. И на местах стараются вовсю...

Мэр Москвы Юрий Лужков заявил, что намерен обратиться в суд с иском к газете «Известия» за искажение и неправильное толкование его высказываний по поводу послания президента Федеральному собранию, сообщает «Интерфакс».

Поводом для обращения в суд стала публикация под заголовком «Лужков щедрее Путина». Как заявила пресс-служба мэрии, «издание попыталось противопоставить позицию мэра позиции президента». В этой связи было подчеркнуто, что Лужков «абсолютно и полностью удовлетворен всеми пунктами послания главы государства (...) и считает этот документ одним из самых сильных в истории современной России».

Еще недавно, в конце девяностых, мэр Лужков ежеутренне бился с разгону головой о Спасские ворота, да так, что Кремль шатало, — а чуткая номенклатура, прислушиваясь к этому стуку, судорожно училась играть в футбол и носить кепочку. Теперь кепочек на ихних головах не сыщешь днем с огнем, Батурина продает бизнес, а сам Юрий Михайлович в глубоком поклоне в сторону Кремля судится с газетой, неловко похвалившей его в ущерб президенту, который, видать, удовлетворил мэра не только «абсолютно и полностью», но уже и по самые гланды. Сик тра́нзит глория мунди, извините за выражение... Будем надеяться, суд поймет серьезность вопроса и восстановит честь Юрия Михайловича. Теперь это можно сделать только через суд... Что же до защиты чести президента, то здесь на страже вся страна, начиная, разумеется, с прокуратуры. И стараются!..

Как сообщают СМИ, на прошлой неделе ивановская прокуратура обвинила журналиста Владимира Рахманькова в оскорблении президента Российской Федерации. Поводом для возбуждения уголовного дела послужила статья Рахманькова «Путин как фаллический символ России», появившаяся в интернет-газете «Курсив».

Интернет-газета «Курсив» — не «Комсомолка», и прочло бы ту статью пять с половиной человек, кабы бдительная ивановская прокуратура не заверещала вдруг во всю ивановскую... Ну, тут, конечно, народ обратил внимание, и статью ту везде перепечатали, и начали от души комментировать. И я от всего сердца надеюсь, что у людей в синем хватит ума и вкуса довести дело до суда! Тогда я, конечно, собираю манатки — и в Иваново! Очень хочется поприсутствовать. Услышать доводы сторон... Застенографировать обсуждение вопросов: является ли Путин фаллическим символом России — или нет? Имел ли в виду автор фаллос как символ плодородия или подразумевал что-то другое? Связана ли эта символика с задачей улучшения демографии, поставленной президентом в его послании Федеральному собранию? Является ли оная связь, если она будет доказана, оскорби-

тельной для потерпевшего? Похож ли он, наконец? («Наконец» — пишется слитно!)

Партийный билет «Единой России» получил губернатор Мурманской области Юрий Евдокимов. Комментируя свое решение стать членом партии, Евдокимов, в частности, сказал: «Рассчитывать на то, что это дело можно как-то игнорировать, уже не приходится».

Да, это дело действительно фиг проигнорируешь: в «Единой России» сегодня уже 71 губернатор, один из которых, пару лет назад вступая во все это же, сказал куда определеннее: «Некуда, — сказал, — деться»! Такие вот несчастные, практически прикованные к областным галерам... Гребут, правда, по преимуществу под себя, но при этом страшно желают понравиться капитану! Тут большой конкурс, и одним вступлением в «единороссы» не отбояриться: чтобы не пойти на корм акулам, требуется воля к победе и постоянная импровизация. Вот, например.

Депутаты Законодательного собрания Санкт-Петербурга приняли решение присвоить Владимиру Путину звание Почетного гражданина Санкт-Петербурга. Комментируя это, Валентина Матвиенко, в частности, сказала: «Это никакая не конъюнктура: даже если бы он был в другом статусе, все равно его заслуги перед городом неоспоримы».

О да! Какая ж тут конъюнктура — чистый порыв души! На мелкие клочки. Впрочем, посмотрим на вопрос практически и порадуемся: по статуту, звание Почетного гражданина дает право бесплатного проезда в городском и пригородном транспорте и повышенную пенсию, — будем надеяться, что все это Путину пригодится. А покамест он никак не среагировал на реверанс из Смольного, — впрочем, вполне успев высказаться по этому поводу заранее.

Путин: «Перед тем как баллотироваться на должность президента, я уже жил и работал в Москве — я считал и считаю себя москвичом».

М-да. По здравом размышлении получается, что главная заслуга Путина перед городом на Неве состоит в том, что он оттуда уехал — и в придачу увез за собою в белокаменную некоторое количество людей того же высокого человеческого качества! А то бы все эти мироновы-грызловы-сечины переводили кислород в углекислый газ в городе на Неве. Да я, если б был петербуржцем, Путину орден за это дал, а не то что «почетного жителя»!

И напоследок — о прекрасном и симптоматичном...

Самый большой в мире плавучий фонтан — массой около трехсот тонн и размером почти с футбольное поле — изготовлен на судостроительном заводе в Санкт-Петербурге для участников и гостей саммита «большой восьмерки». Как сообщило радио «Россия», управление фонтаном осуществляется на уровне космических технологий. Взмывать в небо Петербурга струи невской воды будут под музыку — от русских народных песен до западно=европейской классики. Главная струя воды будет достигать в высоту шестидесяти метров.

Ну, лить воду — это мы умеем... Кстати, подробно описав это чудо водометания, радио «Россия» ничего не сказало о его смете. Но полагаю, здесь все тоже на космическом уровне. Впрочем, вся эта бюджетная феерия безусловно окупится расслабленным состоянием лидеров «большой восьмер-

ки» — трудновато им будет брать Путина за жабры под западно-европейскую классику возле шестидесятиметровой струи! Он просто и не услышит ничего — ни про Чечню, ни про СМИ, ни про политзаключенных... Про все то, что у нас — не фонтан...

Счастья вам.

4.06.2006

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. В отчетную неделю напроисходило два пуда привычных пошлостей, но привалило и новенького. С новенького, пожалуй, и начнем.

Новенького, впрочем, еще нет, но уже нет и одного старенького, а именно — генерального прокурора Устинова. Отправлен в отставку в обстановке страшной секретности и срочности. То есть еще вечером он был прокурор, а с утреца фельдъегерь из Кремля в Совет Федерации — шасть, в десять утра — начало заседания, а уже в четверть одиннадцатого — единогласное голосование, и нет в прокуратуре никакого Устинова! Как в анекдоте: проснулся, а голова в тумбочке... За что ж его так, спросите вы? Вопрос досужий. Передачка у нас не такая длинная, чтобы успеть перечислить все, за что Устинова следовало гнать из генпрокуроров в три шеи, и не будем загружать эфир, тем более — все эти причины не имеют никакого отношения к его сверхсрочной отставке. А имеет к ней отношение соображение о том, что сладкая родственная парочка, кумовья Устинов и Сечин, обеспечивая стабилизационный фонд себе и фонд будущих поколений внукам, не по чину перетянули на себя одеялко крышевания, оставив на сквознячке старых «семейных» обитателей кремлевского дивана... И, видать, начало поддувать и Владимиру Владимировичу, и в ночь на пятницу он аккуратным движением ноги сковырнул Владимира Васильевича с належанного места. Владимир Васильевич был, видимо, еще в утреннем полете, когда в Генеральную прокуратуру начали звонить за комментариями. Именно этим обстоятельством, надо полагать, и объясняется непосредственность первого комментария.

В ответ на просьбу корреспондента РИА «Новости» прокомментировать отставку генерального прокурора, начальник Управления информации и общественных связей Генпрокуратуры Наталия Вишнякова сказала: «Пошла ты на фиг».

Вот уж точно, момент истины! Как говорилось в том романе, «бабушка приехала»... М-да. Согласитесь, в этом дивном «пошла ты на фиг» прозвучало гораздо больше, чем частное раздражение генерала Вишняковой по случаю внезапного пендаля ее начальнику; здесь — все отношение к нам, которым давно бы пора замолчать в тряпочку окончательно, не мешать им пилить бюджеты и бороться промеж собой под кремлевскими коврами, не путаться под ногами со своими вопросами, претензиями... Пошли мы все на фиг! Но на посошок, провожая Устинова в симметричный последний путь с Большой Дмитровки тоже на фиг, дадим ему возможность самому подвести итоги своей работы.

Устинов: «Не удалось наконец-то нам в данный момент остановить преступность».

«Лидеры криминальных группировок и активные участники преступных формирований продолжают уходить от уголовной ответственности. И мы на это созерцаем, пишем отчеты, ставим липовые показатели».

Ну а теперь — к текущей жизни вокруг. Прежде всего, хочу поздравить всех с победой русского оружия! У нас с этим в последние годы было небогато (все больше огребаем сами), но вот наконец... Если кто не в курсе, — историческая победа эта случилась в прошлую субботу, когда московский ОМОН вместе с Союзом хоругвеносцев и Союзом православных граждан, при участии сочувствующих скинхедов (в общем, все здоровые силы общества) успешно избили участников первого в России международного гей-парада, включая женщин и иностранных гостей, включая получившего в торец от православных депутата бундестага. В общем, практически Чудское озеро! Чтобы ни у кого не было сомнений относительно того, что же это было, — вскоре после того, как на исходе третьего часа битвы была успешно оплевана хоругвеносцами и сдана в отделение главная российская лесбиянка... — в этот торжественный час лидер хоругвеносцев, некто Симонович, по отмашке милиции свернул военные действия своих крестоносцев и поздравил бойцов вот как раз с победой русского оружия, добавив к этому сообщение о том, что Христос воскресе. «Воистину воскресе!» — откликнулись на свежую информацию хоругвеносцы плюс — частично — милиционеры из оцепления... Военные корреспонденты газеты «КоммерсантЪ», наблюдавшие за сим ратным подвигом, сообщают также, что правительство Москвы работу милиции в этот день оценило положительно. Ибо, как выразился один тамошний высокий чин, главное, чтобы геи (цитирую) «привыкали жить в соответствии с законом»! То есть, соответствие закону теперь (прошу запомнить) — это когда милиция помогает православно озабоченным избивать сексуально дезориентированных.

Следует, конечно, заметить, что наследники славного дела содомитов сами приближали час мордобоя, как могли (идея возложения ихних пестиков к Вечному огню может сделать гомофобом и папу римского), — но все-таки фашистско-христианский погром под руководством ОМОНа — это что-то новое в деле единения россиян! И пускай Запад в бессильной злобе хватается теперь за голову, пытаясь понять перед саммитом, что он забыл под председательством этой загадочной страны, — нас все это только освежает!

Районная самарская прокуратура направила областному кинопрокату официальное предостережение о недопустимости показа фильма «Код да Винчи». Это стало следствием заявления, с которым обратился в прокуратуру глава общественного движения «Самара Православная» Дмитрий Сивиркин. «Данный фильм, — говорится в обращении, — покушается на осквернение образа самого Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, что является чудовищным кощунством, несопоставимым по своим масштабам и возможным последствиям с недавней публикацией карикатур на пророка Мухаммеда».

Самара, конечно, глубинка вовсе не иранская, но первые шаги в правильном направлении мы делаем безошибочно... По крайней мере, рецептура этой православной обиды — капелька в капельку списана у стражей ислама, не правда ли? И карикатуры те, спустя полгода раскопанные, нико-

му не мешали, и кино, ежу понятно, ни на что, кроме кассовых сборов, не покушалось. Но раз исламский номер проканал, отчего бы не запустить в производство христианский римейк? Дело беспроигрышное — ежели кто хочет обидеться, кто ж может ему помешать? Он обидится, начнет буянить, а вы давайте объясняйтесь, извиняйтесь — будет потом повод поторговаться... Остальное — вопрос размаха. У исламистов игры глобальные, на земной шарик рассчитанные, у Ватикана свои симметричные радости, а г-ну Сивиркину и на самарском уровне высунуться — уже хлеб! Ну а прокуратура, конечно, всегда рада отличиться на охране Господа нашего... потому что защищать людей — не ее масштаб. Только Господа!

Теперь заглянем в жизнь светскую, политическую. Здесь — чистая сказка! Спустя шестнадцать лет после отмены пресловутой шестой статьи Конституции СССР, насчет ядра и руководящей силы, мы обнаружили себя все у того же однопартийного корыта, только азиатская старуха-власть навела на себя европейский марафет и делает вид, что она юная многопартийная демократия. Но своих-то не обманешь...

Член Совета Федерации Михаил Лапшин призвал Кремль создать какой-нибудь противовес «Единой России». «Видит бог, что попытки создать какие-то политические партии классическим путем <> по воле народа — не получаются», — заявил Лапшин. «Если бы Кремль, кроме "Единой России", взялся бы за проект, который, скажем, назывался "Новые левые", то тогда бы нормальный парламент у нас получился».

Видит бог — когда старые коммунистические аппаратчики, осенясь крестным знамением, начинают анализировать вопросы многопартийности, святых можно выносить в ожидании полного успеха! Анализ бывшего агрария Лапшина следует признать глубочайшим. Действительно: положили демократическое зерно, вместо чернозема, в асфальт, приморозили его для верности, через неделю выкопали, посмотрели — не прорастает! Классическим путем, как у людей, стало быть, не получается. Ну, и слава богу! Пускай теперь Кремль построит себе из старых кубиков левую умеренную оппозицию, чай, не впервой, сколько уже насобирали на Старой площади этих домиков... Авось соберут еще один — да посадят в тот домик главным многомудрого Лапшина! То-то будет славный противовес «Единой России»!

Тем же проверенным путем — не прорастания, а конструирования сверху — идет и общественная жизнь.

Как стало известно изданию «Газета», Общественная палата разрабатывает новый кодекс профессиональной этики работников СМИ — Хартию журналистов. «Мы подготовили краткий вариант кодекса этики и полный, — заявил член Общественной палаты Олег Третьяков. — Первый вариант будет фиксировать границы дозволенного, второй является подробным планом того, что рекомендуется делать журналистам, а что нельзя».

М-да... Десять заповедей евреям передавал через Моисея лично Господь. Тут уж нравится — не нравится, но оба персонажа как минимум заслуживали внимания... Но когда журналистам (людям, конечно, разного этического здоровья, в том числе, не скрою, тоже евреям) об этике их профессии начинают что-то рассказывать дяди из Общественной палатки... когда некто Олег Третьяков, которого я в жизни не видел и горя не знал, фикси-

рует для меня, как Господь из горящего куста, границы дозволенного... тут уж я даже не знаю, что мне и предпринять. Если б пил — напился бы, конечно, до полного нарушения краткого курса этики. А так — просто удивляюсь... Бывают же люди без комплексов!

Теперь от вопросов этики перейдем в сферу уголовно наказуемую. В Государственной думе началась работа над законом, призванным поставить под жесткий контроль банковские счета чиновников. Типа борьба с коррупцией. Впрочем, сами законодатели смотрят на вещи вполне реально.

По информации газеты «Новые Известия», депутаты Госдумы полагают, что новый документ будет полезен главным образом для имиджа России — участие в международных антикоррупционных конвенциях обязывало ее принять подобный закон. Председатель думского комитета по законодательству Павел Крашенинников, в частности, заявил: «Дополнительный контроль за счетами приведет лишь к тому, что будут чаще брать взятки наличными».

Ну, слава богу, а то мы уж волноваться начали. Кстати, а что мешает, до всякого отдельного закона, начать сверять наличность чиновников с их официальными доходами? А то их уже в списки «Форбс» помаленьку заносит — никак не удерживается тесто в кастрюле... прет наружу. Даже в средней полосе России начинаются чудеса благосостояния, а уж на дикой кавказской природе, куда ни один «Форбс» с лупой не доберется, уровень просто зашкаливает, и никакая нехватка финансирования ему не помеха. Неудивительно, что народ хочет видеть таких людей на самом верху!

Председатель Народного собрания Чечни Абдурахманов заявил в интервью журналу «КоммерсантЪ-Власть»: «Рамзан Кадыров давно уже президент в душах людей. Он признан лидером». «Рамзан Кадыров созидатель, — заявил далее Абдурахманов. — Он город восстанавливает, хотя нет финансирования».

Вышеупомянутое восстановление города при отсутствии финансирования, очевидно, не смогло истощить финансовых возможностей чеченского лидера...

По информации газеты «КоммерсантЪ», на ужине по случаю завершения конкурса «Краса Чечни-2006» помощник Рамзана Кадырова начал забрасывать танцующих девушек тысячерублевыми и стодолларовыми купюрами. По свидетельству очевидцев, во время танца было разбросано не меньше 30 тыс. долларов.

Я считаю: вот кто настоящая краса Чечни-2006, так это Рамзан Кадыров! Одно только смущает меня: не связано ли как-нибудь вышеупомянутое отсутствие финансирования в республике с долларовым дождем, пролившимся на чеченский «девишник» из рук главы правительства? Когда этот вопрос смутит не меня, а прокуратуру, — полагаю, мы сможем узнать много интересного...

Теперь немного о Вооруженных силах. Это у нас вообще праздничная тема, а с минувшего четверга — будем праздновать, просто-таки не просыхая...

Президент России Владимир Путин установил ряд профессиональных праздников и памятных дней в Вооруженных силах. Как сообщила пресс-

служба Кремля, это сделано «для повышения престижа военной службы». Указом президента устанавливаются семь профессиональных праздников и 14 памятных дней.

Здравствуй, «совок», давно не виделись... Повышение престижа — оно ведь именно таким образом и достигается! Нешто мы не помним? Только при дорогом Леониде Ильиче всякую гражданскую ерунду праздновали каждое воскресенье, вроде Дня мелиоратора. А теперь — шутки в сторону! Время практически строевое... От военных юристов до военных химиков — все теперь именинники, ура! Из важного прошу запомнить восьмое апреля, День сотрудников военных комиссариатов (в этот день им будут законно нести бабки те, кто не собирается подпирать престиж военной службы костями собственных детей). Ну, стало быть, армию праздниками отоварили, — давайте теперь поднимем престиж гражданской жизни! А, Владимир Владимирович? Чтобы никому обидно не было... Зафигачим каждой отрасли по семь профессиональных праздников и четырнадцать памятных дней, что вам стоит... Начнем, пожалуй, с медицины: День окулиста, День отоларинголога... Учитывая, через какое место у нас все делается, День проктолога можно сделать государственным праздником... Плюс традиционное обращение к стране в День патологоанатома. А? По-моему, перспективная идея.

Но мы отвлеклись от военной службы. До минувшего четверга, пока президент не поднял ее престиж с пола собственноручно, с этим престижем валандались чины пониже...

Глава мобилизационного управления Генштаба Василий Смирнов заявил, что питание в армии «в общем, неплохое». «Правительство сделало все, чтобы нормы питания полностью доводились до личного состава. Более того, во многих частях существуют так называемые откормочные пункты, где новобранцев в течение двух-трех месяцев усиленно кормят, прежде чем поставить в строй», — сказал Смирнов журналистам.

Два-три месяца усиленного кормления — вот что такое жизнь новобранца в Российской армии! Точно-точно. Соберутся, бывало, старослужащие вокруг новоприбывшего «салаги» — и ну его кормить! И пока под присмотром правительства норму питания внутрь ему не впихнут, в покое не оставят... М-да. Призывники должны бы, кажется, доплачивать за повестку, как за путевку в санаторий, а они, дурики, разбегаются прочь, как тараканы. А то вообще сигают из военкоматских окон, как профессор Плейшнер от фашистов. Недавний случай такого рода на сборном пункте в Калининградской области заставил армейское начальство задуматься: в чем же тут причина? И причина была найдена мгновенно!

Как сообщили «Газете.Ru» в пресс-службе Балтфлота, командование не исключает, что 18-летний калининградский призывник Виталий Карман мог выброситься из окна казармы из-за «антиармейской пропаганды». Как заявила пресс-служба флота, «установлено, что Виталий Карман выпрыгнул из окна осознанно, с целью оставления казармы и нежелания проходить военную службу».

Да! Это все антиармейская пропаганда! И самое подлое в антиармейской пропаганде — то, что все это правда.

Наибольшую обеспокоенность нашего руководства вызывает... угадайте что? Не старайтесь, не угадаете. Выступая в Москве на мини-сессии Парламентской ассамблее Совета Европы, спикер Государственной думы Борис Грызлов выразил обеспокоенность деятельностью Европейского суда по правам человека. ***«Мы не можем оставить без внимания <...> тенденцию к демонстративной политизированности ряда решений суда», — заявил Грызлов.***

Да! Политизированный Страсбург — вот что беспокоит лидеров российской демократии сильнее, чем раньше беспокоил Гондурас. И не чесать это место невозможно. Более того: раздражение на Страсбург начинает передаваться на большие расстояния! На Урале, почти одновременно с Грызловым, пошел пятнами губернатор Россель.

Россель: «Я Екатеринбург вижу как центр Евразии, как столицу Евразии <...> Здесь должен быть Евразийский суд. Нам нечего ездить в Европу, чтоб решали наши проблемы. Мы совсем другие государства. У нас своя цивилизация <...> Я думаю, что здесь должен быть Еврайзийский суд должен, прямо здесь».

Ну да. Евразийский суд... Я довольно подробно представляю себе его будущую судебную практику по опыту работы группировки «Уралмаш», как раз там же, возле губернатора Росселя, с начала девяностых годов «решающей вопросы» по таким понятиям, о которых в Страсбурге ничего не известно. И лучше пускай даже не интересуются — закатают под асфальт по самый Баден-Баден. У нас своя цивилизация, тут не поспоришь...

И напоследок — один этюд из жизни как раз не нашей цивилизации...

Британская газета «The Independent» сообщила, что администрация Джорджа Буша поставляет в СМИ сфабрикованные материалы, выдавая их за новости. Независимой телекомпании стало известно, что сюжет о гражданине Ирака, благодарившем американских солдат за свободу, был снят по заказу Госдепартамента США. В фальшивых новостях, сообщает газета, показывали также скрытую рекламу крупных корпораций. В настоящее время Федеральная комиссия по коммуникациям США ведет расследование в отношении десятков телеканалов.

Вы спросите: что здесь смешного? Да ровным счетом ничего! Администрация злоупотребляет, пресса выводит ее на чистую воду, независимая федеральная комиссия проводит расследование... — нормальный ход вещей, все как доктор прописал. Смешно тут вот что: россиянам обо всем этом назидательнейшим образом поведала программа «Вести» российского телевидения. Очень подробно, через запятую, обо всех этих американских ужасах рассказала: про фальсификацию новостей, про скрытую рекламу крупных корпораций, а главное — про пропаганду под видом журналистики... Бедные, бедные американцы...

Счастья вам.

11.06.2006

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Минувшая неделя получилась очень выразительной — как и полагается в начале июня, все расцвело пышным цветом. Кое-что даже, я бы

сказал, распустилось... Впрочем, это у нас круглый год. Ну, обо всем по порядку.

На минувшей неделе в Москве прошел Всемирный газетный конгресс, и в смысле поправки имиджа это дело оказалось нам как нельзя кстати.

Руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Михаил Сеславинский заявил, что проведение Всемирного конгресса в Москве позволит изменить «анекдотичные» стереотипы о России, «рассказывающие о дремучей стране с тотальной цензурой».

Ну, тотальная не тотальная, а что касается анекдотичных стереотипов (в том числе относительно цензуры), то давно замечено, что любой стереотип дает дуба рядом с реальностью! Вот случай из жизни, рассказанный сайтом Lenta.ru: перед самым конгрессом кремлевская администрация, пригрозив срывом мероприятия, добилась изъятия из основного доклада слов о «запрете России председательствовать в "большой восьмерке" из-за существующей в стране цензуры». Выбросили из доклада и это, и еще пару самых резких пассажей такого рода. Доклад о цензуре, покореженный цензурой! — уж не знаю, смешно ли по такому случаю главе Федерального агентства по печати, а я обхохотался... Впрочем, свою порцию пендалей российская администрация все равно получила.

Выступая на открытии Всемирного газетного конгресса в Москве, президент Всемирной газетной ассоциации Гейвин О'Рейли подверг острой критике российское руководство за ситуацию со свободой слова в стране. О'Рейли заявил, что российской прессе угрожает коррупция и контроль со стороны финансовых групп, лояльных правительству, и обвинил российскую власть в цензуре.

Гейвину О'Рейли, страшно оклеветавшему российскую власть, немедленно ответил президент Путин. Ответ показал, что глава государства находится в хорошей форме и не утратил квалификацию «наперсточника». Как говорится, следите за руками.

Путин: «Господин О'Рейли сказал о растущем присутствии государства в СМИ. У меня другая информация по этому поводу. Доля активов государства на рынке российской прессы неизменно сокращается. Это легко проверить».

Теперь — замедленный повтор. И следите за руками, говорю вам! Итак: президент Всемирной газетной ассоциации говорил не о «присутствии государства в СМИ», как влегкую перевел его президент России, а совершенно конкретно — о контроле за прессой со стороны финансовых групп, лояльных российскому правительству. О'Рейли, значит, про фактический контроль, а Путин ему: доля активов государства сокращается, и это легко проверить... Я не понял: что будем проверять, Владимир Владимирович? Принадлежность государству «Лукойла», «Газпрома» и «Северстали»? Или — их лояльность власти? Про что речь-то? И заметьте, господа, это не лингвистическое недоразумение, а — стиль. Подробный ответ про Фому, когда спрашивают про Ерему — фирменная фишка нашего президента; за шесть лет он овладел искусством такого диалога в совершенстве! И стоит несчастный оппонент возле кремлевского «лохотрона», раскрывши рот и не понимая, под каким наперстком находится в настоящий момент шарик дискус-

сии... А наш первый по профессии продолжает удивлять «лохов» своим удивительным искусством...

Путин: «53 тысячи периодических изданий сегодня издается в России. Даже при всем желании их невозможно проконтролировать, даже если бы такое желание у государства возникло».

Понимаете? — «...даже если бы такое желание у государства возникло». Ну да: с чего вдруг у демократического государства может возникнуть желание контролировать свободные СМИ? Ну, сами рассудите: Ньянма тут вам, что ли? Разве у нас военные у власти? М-да... Ну, неважно. Главное: все 53 тысячи СМИ проконтролировать невозможно! Разумеется, невозможно, да и зачем? Даже в Ньянме не обязательно контролировать «МузТВ» и прочие растительные радости населения — пускай себе вырождается помаленьку! Другое дело — информационные службы, способные расстроить жителей Ньянмы рассказами о политзаключенных... или подробностями того, как ихняя хунта пилит бюджет страны... — вот такие бойкие информационщики нуждаются, конечно, в государственной опеке. Но и для этого, ей-богу, не обязательно давить всех! В армии (и не только в Ньянме) технология укрепления дисциплины отработана давно: берется один, желательно самый свободолюбивый солдат, и на глазах у взвода замордовывается до полусмерти. И остальные тридцать солдат... или три сотни телекомпаний... быстро соображают что к чему и становятся паиньками, на которых приятно посмотреть из Кремля (или как это называется у них в Ньянме?). А уж потом главнокомандующий может позволить себе заниматься пожизненной словесной эквилибристикой, не рискуя получить сдачи в ближайшем выпуске новостей.

Впрочем, оставим легкомысленный тон — кажется, борьба с коррупцией разворачивается не на шутку!

По данным следствия, арестованный мэр Волгограда Евгений Ищенко владел имуществом на десятки миллионов долларов, в том числе самолетом «челленджер» и яхтой, а также вел переговоры о долгосрочной аренде одного из островов на Мальдивах. При этом, по сообщениям СМИ, зарплата мэра составляла пятьдесят тысяч рублей в месяц.

Самолет «челленджер», двухпалубная яхта и остров на Мальдивах совершенно необходимы для руководства Волгоградом — странно, что этого не понимают следственные органы! И вообще, может, Ищенке были голоса, как Жанне д'Арк... Может, это Родина-мать позвала мэра на двухпалубную яхту...

При получении взятки в размере 300 тыс. долларов был задержан член Совета Федерации от Калмыкии Левон Чахмахчян. По данным следствия, это была часть полуторамиллионной взятки. Задержан также зять сенатора, работающий в Счетной палате. Комментируя этот факт, глава Счетной палаты Сергей Степашин дал интервью «Независимой газете» под заголовком: «Мы будем каленым железом выжигать нечисть в своих рядах».

Страшноватая картинка: Степашин, с каленым железом в руках, выходит из запытанной насмерть Счетной палаты на Зубовскую площадь и бредет в сторону Совета Федерации и Государственной думы... На голове — капюшон инквизитора, рядом медленно едет полевая кухня, чтобы каленое железо не остыло до Кремля. Прячьтесь, коррупционеры, ховайтесь по оф-

шорам, авось не выдадут Каймановы острова! Ужас!.. Ужас, конечно, но — не «ужас-ужас»... Потому что каленое степашинское железо, как мы все давно заметили, достается только по президентской отмашке и по отмашке же немедленно прячется обратно в печку.

Заместитель директора Центра политических технологий Алексей Макаркин в интервью газете «Новые Известия» высказал предположение, что все последние уголовные дела стали следствием объявленной президентом кампании, и, по мнению эксперта, кампания эта «не будет такой уж масштабной, потому что тогда надо будет просто перевернуть всю систему».

Ну, переворачивать всю систему никто не позволит, разумеется. Стабильность прежде всего! А залог нынешней стабильности — именно коррупция... то есть не сама по себе, а — как это говорится? — баланс интересов внутри. Взяли, скажем, за жабры ненецкого губернатора, а сверху команды брать не было! — и почти тут же в результате пинка улетает в добровольную, разумеется, отставку генеральный прокурор, свойственник зама главы кремлевской администрации, имевшего в виду, через родственный ресурс в Генпрокуратуре, обойти главу администрации и прибрать к рукам ненецкую «нефтянку». В этих условиях окружающие владельцы яхт и островов сидят ровно, никуда не бегут, понимают, умницы: текущий экстаз борьбы с коррупцией — часть привычного процесса «перекрышевания» собственности промеж тех, кто вхож в закрома Родины через Спасские ворота. Договариваться надо, и все будет тип-топ. А Степашин походит-походит при журналистах со своим каленым железом, да и назад, и в Счетной палате опять запрется.

А впрочем, не скрою, наблюдать происходящее приятно. «Сечинские» бодают «медведевских», «медведевские», встречным образом, курочат «сечинских»; за компанию рассаживаются по СИЗО наиболее яркие персонажи городского и регионального уровня... Конечно, прав Макаркин: скоро Кремль все это дело спустит на тормозах, из инстинкта самосохранения спустит... — но помечтать-то можно? Представляете: вот они там все друг друга, по периметру, пересажают, и останется нам только назначить нового генерального прокурора, чтобы впредь поддерживать экологически чистое состояние местности. А что? Напрячься всей страной — и найти еще одного такого казанника, который не ворует. Один-то найдется! Или такой старенький, что еще помнит приличия, или, наоборот, совсем юный и не успел вписаться... Или вообще подойти к вопросу кардинально и выписать генпрокурора из Голландии... По прецеденту! А что? В футболе, когда всех своих перепробовали, позвали же Гуса Хиддинка! А в Голландии, между прочим, с законностью еще лучше, чем с футболом... А у нас — еще хуже.

Но очнемся от антикоррупционных фантазий и перейдем к оборзению партийной жизни. Как я сказал? К обозрению, конечно, к обозрению... Первым делом — один сюжет местного значения. Тот самый калмыцкий сенатор, которого взяли с поличным, Левон Чахмахчян, — при ближайшем рассмотрении оказался не только специалистом по наличной американской валюте, но и видным членом партии, которую возглавляет его коллега, спикер той же палаты Сергей Миронов. «Партия жизни» называется! И если глядеть на вещи широко, полуторамиллионные сенаторские взятки можно считать как раз проявлением любви к жизни... Впрочем, спикер

немедленно отрекся от этой паршивой калмыцкой овцы в их прекрасном жизнелюбивом стаде!

«Членом нашей партии Левон Хоренович был до третьего июня, — передает слова Сергея Миронова агентство «Интерфакс». — Однако после произошедшего печального обстоятельства он был исключен из рядов партии». Миронов также отметил, что Чахмахчян не успел активно поучаствовать в деятельности российской «Партии жизни».

А вот это он зря, Чахмахчян! В смысле, мог бы и поучаствовать в деятельности партии поактивнее... при таких-то доходах. Но это мелочи, главное: до чего же хорош у нас верхний спикер! Прежде всего тем, что язык у него быстрее мозга, да и честнее, по всей вероятности. «Печальное обстоятельство», вы подумайте... Как будто у сенатора Чахмахчяна умерла собачка или залило квартиру. Печаль моя светла! — если полтора миллиона за раз, как утверждает следствие. Кстати, как ни крути грамматику, печаль во фразе спикера Миронова относится никак не к факту взяточничества в его сенате и его партии, а именно к факту задержания с поличным... Вот и я говорю: может вам лучше общаться с нами через пресс-службу, а, Сергей Михайлович? Они там подрихтуют ваши чувства до приличного смысла.

Пока спикер Миронов чистил ряды своей игрушечной партии, в главную партию страны по-прежнему волокли волоком.

Государственным служащим Орловской области дана команда вступать в «Единую Россию». Об этом корреспонденту агентства «Регнум» сообщили чиновники областной администрации, попросившие не называть их фамилии.

Нет, ну я не понимаю: какой смысл не вступать в партию, если ты все равно чиновник областной администрации! Странно даже — еще уговаривать их надо... Очевидные же преимущества — не идеологические, конечно (какая там, к черту, идеология, когда всем косяком загребают), но — практические преимущества видны невооруженным глазом! Вот, например, давеча в подмосковном пансионате «Бор» начался десятидневный семинар по политучебе для региональных отделений «единороссов». А пансионат «Бор» — это не профсоюзная развалюшка, а (цитирую рекламу из Интернета) «бассейн с джакузи, сауны с купелями, массаж, солярий, бильярдная, корты, конный манеж, лодочная станция» и черт знает что еще, включая душ Шарко и услуги логопеда, особенно важные для будущих крупных политиков! И все это на халяву, — если, конечно, не считать слишком обременительной платой десятичасовое ежедневное пребывание в обществе Пехтина, Катренко и других руководящих персонажей из Госдумы. Впрочем, если вице-спикер Володин расскажет региональным лидерам «Единой России», как, находясь на партийной работе, стать долларовым миллионером из списка «Форбс», — семинар можно считать удавшимся!

Теперь, уже по традиции, несколько слов о том, что все не только хорошо сейчас, но будет еще лучше и впоследствии...

В интервью «Независимой газете» глава Счетной палаты Сергей Степашин, в частности, сказал: «Что касается 2008 года, то абсолютно ясно, что национальным лидером останется Владимир Путин. Он попал в ре-

зонанс с настроением и мыслями большинства людей. Это бывает раз в 100 лет. Поэтому думаю, что проблемы 2008 года по большому счету не существует».

Это, я вам скажу, новый поворот темы! Не насчет 2008 года — тут все давно на полных парах, и давешние северные осетины из движения «Согласие и стабильность» уже хлопочут насчет плебисцита, и почти все губернаторы-сенаторы по намазу в эту сторону сотворили... И насчет того, что Путин попал народу в самый резонанс, говорено было многократно... Но вот периодичность такого счастья — раз в сто лет — глава Счетной палаты посчитал первый! Стало быть, уже не Конституцию Путину менять надо, а медкомиссию проходить. Потому что в таких обстоятельствах меньше чем на столетие заступать на пост номер один не имеет смысла. В русских народных сказках имеется один такой бессмертный, с иглой в яйце... Я ж говорю: срочно на медкомиссию!

Таким образом, решение будущих глобальных проблем найдено — теперь бы решить текущие мелкие... Потому что иногда вокруг самых, казалось бы, немудреных вещей начинают происходить драматические события...

По сведениям СМИ, Общественная палата никак не может разделить полмиллиарда рублей, заложенных в бюджете страны на этот год и предназначенных для поддержки общественных организаций. В связи с этим «Независимая газета» приводит слова главы Общественной палаты Евгения Велихова, обращенные к коллегам. «Нельзя быть такими легкомысленными, — заявил Велихов, — деньги уйдут обратно в бюджет!»

Не много есть на свете ужасных вещей, которыми можно пугать детей перед сном, но полмиллиарда, уходящие обратно в бюджет, — это, конечно, чистый хичкок! И хотя, по информации газеты, кремлевские общественники за несколько месяцев не смогли ни сформулировать внятные условия проведения конкурса, ни определить размеры грантов, ни описать принципы будущего финансирования, — но я почему-то твердо уверен: деньги обратно в бюджет не вернутся!

Теперь неприятные новости из Чечни. Вообще-то там давно все хорошо — строится аквапарк, проводятся конкурсы красоты, республика готовится к празднованию 30-летия Рамзана Кадырова... Но некоторым все неймется, все хотят нагадить в имидж! Как вы поняли, я говорю про правозащитников. На минувшей неделе, посередине нарастающего ликования, сотрудники центра «Мемориал» обнаружили в центре Грозного, в здании, которое только что покинула Оперативная группа МВД России, секретную тюрьму. И, вместо того чтобы тактично промолчать, правозащитники подняли крик, что в этих подвалах пытали и убивали задержанных — вплоть до мая сего года! И даже зафиксировали увиденное на пленку — и стены с бросающими в дрожь надписями, и показания потерпевших... И начали требовать расследования. Но этот номер у них, конечно, не прошел. Первым делом на защиту милиционеров встал уполномоченный по правам человека. А что, разве милиционеры не люди?

Опровергая информацию о существовании секретной тюрьмы на территории отдела внутренних дел, уполномоченный по правам человека в Чечне Нурди Нухажиев, в частности, заявил: «Если бы то, о чем говорится в

заявлении "Мемориала", соответствовало действительности, то этот вопрос ни при каких обстоятельствах не оставили бы без внимания президент Чечни Алу Алханов и глава правительства Рамзан Кадыров».

Кадыров и Алханов как метафизические носители законности — отличная отправная точка для деятельности омбудсмена! А раз оба этих деятеля оставили кровавые подвалы без внимания, значит, кровавых подвалов и не было. О-о, с таким уполномоченным по правам человека чеченцы могут расслабиться и продолжать получать удовольствие... Впрочем, послушаем еще его доводы.

Комментируя обвинения правозащитного центра «Мемориал» в адрес сотрудников МВД России, уполномоченный по правам человека в Чечне Нухажиев, в частности, сказал: «В правоохранительных учреждениях работали не дураки, чтобы оставить какие-либо следы, свидетельствующие о пытках и убийствах». «Кому-то хочется добиться нагнетания здесь напряженности», — заявил также Нухажиев.

О да! Это правозащитники пытаются нагнетать напряженность в счастливую жизнь республики! Это работники «Мемориала», войдя в здание отделения после ухода оттуда Ханты-Мансийского сводного отряда милиции, забрызгали кровью стены подвалов; они же густо исцарапали эти стены словами отчаяния, и отрезали ухо Алавди Садыкову, и заставили его рассказывать под пленку, как он сидел в этих подвалах три месяца и как милиционеры отбивали людям внутренности. Видимо, эти же отморозки (я правозащитников имею в виду) и похищали людей после допросов в пункте укрепления правопорядка (список чеченцев, бесследно пропавших после встречи с милицией во Временном отделе внутренних дел, зашкаливает за полтора десятка)... Что же до того, дураки или нет работали в этом отделе, чтобы оставлять такие следы, — по-своему, безусловно, не дураки работали! Поэтому ночью кто-то поджег в этих подвалах автопокрышки, чтобы закоптить надписи, а через пару дней здание просто снесли, несмотря на протесты родственников пропавших. И теперь прокуратуре ну буквально негде проводить следственные действия, какая досада! А они так торопились, так торопились... Так что на юридических подступах к законности все замуровано крепко. На внешнеполитическом фронте тоже стоим насмерть.

Комментируя предстоящий круглый стол Парламентской ассамблеи Совета Европы по проблеме нарушения прав человека в Чечне, спикер Народного собрания республики Абдурахманов выразил мнение, что «западным парламентам и международным организациям» стоит вообще закрыть обсуждение так называемого чеченского досье. В противном случае, заявил Абдурахманов, чеченские парламентарии на своих заседаниях станут «рассматривать ситуацию в этих странах, в том числе с правами человека».

Ну я бы на месте Европы не доводил чеченских парламентариев до такой крайности... Толпа номенклатурных горцев, озабоченных состоянием прав человека на Елисейских полях, — эту перспективу не стоит недооценивать... Лучше, ей-богу, договориться подобру-поздорову.

По сообщению агентства РБК со ссылкой на источник в администрации Президента России, глава Якутии Вячеслав Штыров может быть в ближайшее время отправлен в отставку. Причиной отставки эксперты на-

зывают «сложное экономическое положение в регионе, а также ряд коррупционных скандалов, затронувших представителей якутской элиты». Тот же источник сообщил, что Штырову будет предложена должность министра регионального развития.

Логика Кремля совершенно безупречна! Человек уверенно привел свой регион к сложному экономическому положению, обеспечил республике ряд коррупционных скандалов... — надо побыстрее распространить его ценный опыт по стране! Впрочем, конкуренция на этот счет у нас огромная: в сущности, на портфель министра регионального развития коррупции и сложного экономического положения может претендовать почти любой российский губернатор...

Счастья вам.

17.06.2006

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Этот «сырок» — последний перед долгим перерывом. В сентябре мы обязательно вернемся в эфир — может быть, даже с каким-нибудь новеньким продуктом (а то что все сыр да сыр?), а пока что бросим прощальный взгляд на первое полугодие 2006-го...

Некоторые итоги — не полугодия, а, пожалуй, пятилетия подвел в январе бывший советник президента Андрей Илларионов. Он и раньше отдельный голос подавал, а потом вообще сказал царю-батюшке последнее «прости» и вышел вон, громко хлопнув Спасскими воротами, — и опубликовал в газете «КоммерсантЪ» текст под названием «Другая страна». О том, что государство у нас теперь никакое не демократическое, а самое что ни на есть корпоративное, что власть принадлежит не народу, а этой самой корпорации, а как называется корпорация, догадайтесь с трех раз. В общем, другая страна! Венесуэлой обзывался... Ну в Венесуэле, конечно, тоже у власти любимый народом полковник, тоже все держится на нефти и изо всех сил противостоит Америке... Но как можно сравнивать полковника-десантника с полковником-особистом?! Это ж совсем другая корпорация. Страна, может, и другая, но это только если считать от первых лет демократии! А если от «совка», то как раз та самая страна — только Интернет появился, мобилы с детского сада и нефть подорожала, кормилица! Но свежие сюжеты то и дело отзываются старой отрыжкой. Ну вот хоть камень-тайник этот, помните? — английские шпионы какие-то, так до сих пор почему-то не арестованные, правозащитники, руководимые «кукловодами из-за границы» (конец цитаты из президента). «Кукловоды из-за границы»... Мама, роди меня обратно! Не могу я больше смотреть это кино! Вроде бы выпустили ненадолго из пыльного кинозала, дали вдохнуть свежий воздух... И вот уже следующий сеанс... Не найдется ли у вас лишнего билетика, граждане? В какой-нибудь другой зал, где показывают что-нибудь эдакое... от чего не тошнит?

Впрочем, хотя тошнит многих, но репертуар объявлен, а в России согласовывать репертуар с населением не слишком принято. В январе президент втайне даже от собственной пресс-службы подписал Закон «О неправительственных и некоммерческих организациях», и закон тут же вступил в силу, и прокуратура поганой метлой погнала с Кавказа английских, немец-

ких и американских гуманитариев, которые несколько лет оказывали помощь чеченским беженцам... Как я рад за беженцев! У них наконец началась нормальная жизнь под присмотром прокуратуры, от которой, правда, ни воды, ни пищи, но зато закона навалят столько, что хоть святых выноси!

Вообще с законностью все обстояло вполне традиционно. То есть ежели ты классово близкий — то гуляй по буфету и ничего не бойся, но ежели член семьи врага народа — то не обессудь: навалятся всей номенклатурной тушей! Вслед за Ходорковским взяли в железа нового главу ЮКОСа Алексаняна... Семь лет заключения получила юрист Светлана Бахмина... Вообще-то раньше такие сроки женщины с двумя малолетними детьми редко получали даже за убийства, но нынче у правосудия выработались такие рефлексы на слово «ЮКОС», что судья договорилась в приговоре аж до «строгого режима», хотя такого режима для женщин в УК РФ просто не существует. Оговорилась жертва Фрейда! Это, так сказать, забота о женщинах. Детей без внимания тоже не оставили.

Генпрокуратура наложила арест на недвижимое имущество и земельные участки лицея для детей-сирот, основанного экс-главой ЮКОСа Михаилом Ходорковским. СМИ отмечают, что в протоколе о наложении ареста не было указано, на основании решения какого суда был выписан ордер, а также неясно, в рамках каких следственных действий арестовывалось имущество лицея.

Но на ходорковских прихвостнях свет клином не сошелся! Минюст, прокуратура и суды, не смыкая глаз, отслеживали всех, кто хочет помешать нашему народу идти в его светлое будущее под руководством великого кормче... нет, не кормчего... и не фюрера, и не отца народов... как же его теперь зовут? Ну, неважно. Важно, что все, кто против него, враги, и с ними — разговор короткий!

Члены НБП, участники акции протеста, вывесившие в Петербурге транспарант «Такая Дума — позор России», были подвергнуты пыткам в отделении милиции. По сообщениям СМИ, пытками руководил и принимал в них участие чиновник Комитета по молодежной политике администрации Санкт-Петербурга.

Чтобы сохранить в душе политически правильное впечатление от данного случая, следует постоянно напоминать себе, что лимоновцы — это экстремисты, а чиновник Комитета по молодежной политике, выдирающий им волосы и выдавливающий глаза в отделении милиции, и сама милиция эта — охрана правопорядка! Запомнили? Отлично. Идем дальше...

Теперь краткие итоги того, что у нас называется «армейская реформа». Девять видов отсрочек от призыва будут отменены с 2008 года. В частности, в армию будут призываться отцы детей до трех лет, мужья беременных жен, сельские врачи и учителя, дети инвалидов и пенсионеров, а также учащиеся милицейских школ и те, кому право не служить в армии ранее предоставлял своим указом президент — молодые спортсмены, артисты и священники.

Лет десять назад враги Отечества чуть было не внедрили в головы россиянам мысль о необходимости профессиональной армии. Но пришла новая власть, и вновь свежо пахнуло старой портянкой из доброй советской

кирзы, и обнаружилось, слава те Господи, что кругом опять враги, и стали мы опять вместо дорог и поликлиник строить всей страной, на все деньги, ракету «Булава», а молодых отцов и детей инвалидов, врачей, учителей, милиционеров, священников и прочих «балалаечников» — стричь и строить в затылок. Портянку бы еще натянуть на флагшток вместо триколора — и хорош! Заодно демографию подправим до полного нуля, чтоб китайцам больше места досталось.

Ну а те, кто успел расплодиться до призыва, только рады будут уйти от жены напра-налево, к министру обороны Иванову... Правда, уйти-то к Иванову не проблема, проблема — вернуться от него обратно живым...

7 февраля нынешнего года на аэродроме Чкаловский под Москвой прошла образцово-показательная встреча солдата Андрея Сычева, искалеченного в Челябинском танковом училище. У спецсамолета Ту-134 носилки с солдатом встречало практически все военно-медицинское руководство страны, в том числе начальник Главного военно-медицинского управления Минобороны России, его заместители, главный хирург Вооруженных сил, представители Генштаба Вооруженных сил и госпиталя им. Бурденко.

Вот какая честь солдатику... Спецсамолет, генералы у трапа... Езда с эскортом... Не удалось засунуть дело Сычева в мешок и под воду, пронюхали подлые газетчики, разболтали врачи, ахнула страна — теперь Генштаб едет всем кагалом к черту на рога встречать искалеченного солдата! У нас если не убийство, то показуха, середины-то нет. Тем временем по всей стране продолжались «дембельские» развлечения и прочие армейские радости, кончающиеся ампутациями, сумасшествием и суицидом, — за время, прошедшее со случая с Сычевым, недели не было, чтобы мы чего-нибудь такое не узнавали... Но ко всем калекам Генштабом не поедешь — да и президент отмашку давал только на заботу о Сычеве, других фамилий произнесено не было... А страна? Что страна... Вместо того чтобы пинками погнать министра обороны и начать по мере сил трясти его главнокомандующего, пока в той голове, вместо звукосочетания «Байкалфинансгрупп», не появится что-нибудь человеческое... — страна прослезилась от небывалой заботы армейского начальства о рядовом Сычеве, и умилилась, и все простила! Честь и фанфары! А сколько еще проживет солдатик, и как, и скольких еще ребят угробят за это время на просторах нашей необъятной и плохо освещенной Родины, — это уж Генштаба не касается.

А что же главнокомандующий, спросите вы. Главнокомандующий высказал обеспокоенность ситуацией, и загнулась у него эта обеспокоенность в привычную сторону...

Путин: «Я хотел бы обратить внимание на то, что Российская армия — это часть нашего общества. Мы все ответственны за то состояние общества, в котором она находится. Это касается и средств массовой информации, это касается и воспитательной работы, это касается и волны насилия на экранах наших телевизоров».

Ну да, ну да... «Мы» ответственны, «мы» виноваты... Как «бабки» ходорковские делить, — они справляются довольно узким кругом, а как нести за что-нибудь ответственность — сразу вспоминают, что плоть от плоти народной! «Мы все» ответственны! А уж СМИ ответственны первым номе-

ром, за все пожизненно! Это ведь журналисты (вы помните) поставили под угрозу жизнь заложников в «Норд-Осте»! И уж как Путин от журналистов население защищает — чтоб он нас так от Басаева защищал! После «Норд-Оста» НТВ добил, после Беслана редактора «Известий» уволил... Теперь, за пытки с изнасилованиями в челябинских казармах мы призовем к ответу, я думаю, Френсиса Копполу с его апокалипсисами...

Видимо, Коппола же виноват и в отдельных эксцессах в Чечне. То есть вообще-то там уже давно объявлено о наступлении мирной жизни и под это дело взято из бюджета много денег — так много, что премьеру Кадырову приходится осыпать девушек на конкурсе красоты десятками тысяч долларов, чтобы как-то справиться с потоком финансирования... — но время от времени посреди этого рая вспухает такое, что никакому копполе не снилось. Ну когда охранники премьера начинают перестрелку с охранниками президента республики, это еще в копполу худо-бедно умещается, но вот личный зиндан главы правительства и забрызганные кровью подвалы отделения милиции в центре столицы, — это, по мнению правозащитников, уже перебор... Впрочем, правозащитники, известное дело, едят с ладони западных спецслужб, мы их слушать не станем, а у прокуратуры никаких вопросов ни к Кадырову, ни к бойцам ОМОНа не имеется. Так что поздравим Чечню с наступлением светлого будущего и будем ждать изменения обстоятельств. Потому что когда обстоятельства изменятся, прокуратура прозреет мигом, — вот увидите!

На минувшей неделе мигом она прозрела по делу о контрабанде мебели. А делу этому уже шесть лет. Еще в двухтысячном следователь Зайцев нарасследовал насчет торговых центров «Гранд» и «Три кита» такое, что его немедленно арестовали самого. Ну прокуратуру можно понять: ты расследуй-расследуй, а голову-то не теряй! Если совладельцем накрытой с поличным фирмы оказывается папа генерала Заостровцева, заместителя директора ФСБ (причем папа у него тоже генерал КГБ, а сынок у папы — личный друг Патрушева...) — так ты притормози расследование, ты уточни у знающих людей: надо ли это так глубоко расследовать? Не уточнил Зайцев, его самого и арестовали! Потом из Мосгорсуда уволили судью Ольгу Кудешкину, которая вынесла Зайцеву оправдательный приговор и обратила внимание прессы на открыто заказной характер дела против следователя... А потом убили журналиста «Новой газеты» Юрия Щекочихина, который писал о «мебельных» генералах и делал по этому поводу депутатские запросы, в том числе в следственные органы за рубежом. Заметьте, я не говорю, что Щекочихина убили по поручению славной семьи наследственных генералов КГБ Заостровцевых, я на это даже не намекаю, я просто констатирую очередность событий... Кстати, еще об очередности событий: шесть лет прокуратура в упор не видела в «мебельном деле» никакого криминала и вдруг, буквально через пару недель после отставки генерального прокурора Устинова, прозрела! Ну что же, будем надеяться на дальнейшие чудеса офтальмологии... Им там еще глаза протирать и протирать. До самого мозга...

Но вернемся к главным итогам полугодия. Вытоптав стадом слонов все живое вокруг себя, администрация затосковала в одиночестве. Общественной жизни ей, голубушке, захотелось, да где ж взять? Пришлось создавать

этого гомункулюса в пробирке. И очень скоро администрация вывела за ручку на свет божий такой вот специально отобранный народ — и назвала его Общественной палатой. Народец оказался хорошо надрессированный и команду понимает с полуслова. Иногда даже с опережением. Просто, как собака заполошная, рвется с места за палкой по замаху хозяина. Палка еще в руке, а собака уже в пути...

Секретарь Общественной палаты академик Евгений Велихов заявил в январе этого года: «Мы будем работать в согласии с президентом, администрацией президента, Госдумой и правительством». Развивая эту мысль, политолог Сергей Марков сказал: «Общественная палата — это орган президента, а не бюрократии».

Ну успокоил Марков, спасибо, голубчик... А то мы-то боялись, что Общественная палата станет органом бюрократии — так ничего подобного! Это будет орган президента! Работающий в полном согласии с администрацией президента, Думой и правительством. Еще раз, по слогам: Общественная палата вместе с президентом, администрацией президента, Госдумой и правительством будут преодолевать бюрократию! Ясно? Ладно, для совсем тупых, в последний египетский раз повторяю: при фараоне, фараонской администрации и коллегии жрецов создан совещательный орган для организации скорейшего выхода египтян из рабства в процессе строительства пирамиды. Ну если вы и сейчас не поняли, что такое Общественная палата, то уж я и не знаю, чем вам помочь!

Первые интеллектуальные подвиги этой новой кремлевской палатки не заставили себя ждать: в апреле ее глава, академик Велихов, предложил — в целях укрепления авторитета рубля — запретить хождение в России слов «евро» и «доллар». За идею немедленно ухватились депутаты Государственной думы и быстро надраили велиховскую идею до блеска ременной пряжки!

Тюлькин: «Может быть, еще дальше пойти и поправки в уголовный кодекс внести и использовать пороки на благо. Главный порок — это взятки. Так вот — за взятки, принятые в иностранной валюте, увеличить ответственность, срок и так далее, чтобы чувствовали уважение к рублю!»

Предложение депутата-коммуниста Тюлькина следует признать вполне резонным: все равно берут, так пускай берут патриотическим образом! По курсу Центробанка, с учетом инфляции... Дивная картинка. Вообще Дума умеет отзываться на вызовы времени адекватным образом. Ну вот еще, например...

Жириновский: «А птичий грипп, вы должны понять, это против России. Он погулял по всем регионам и остановился в Турции. За три дня охватил эту страну с населением 70 млн. А в марте эти перелетные птички полетят к нам! Именно оттуда они летят — из Турции — через Черное море. Надо заставить правительство прекратить этот перелет птиц! Эту песенку нужно поломать! Никаких перелетов больше на север! Пусть там, на юге, остаются! Отстрелять всех птиц! Поставить всех наших мужчин, войска от Сочи до Крыма! Любые перелетные птицы должны остаться там, где находятся! Это не шутки!»

Программное заявление вице-спикера Жириновского вызвало оживленное и сочувственное обсуждение в кулуарах Государственной думы...

Заметный вклад Государственная дума внесла и в святое дело войны с «Хванчкарой» и «Киндзмараули»...

Да... Удивительным образом зоркий взор главного санитарного врача Онищенко падает на продукцию именно из тех стран, с которыми в данный момент реида пособачиться наша администрация... Санитар-то у нас с геополитической жилкой! Но главное: Госдума-то тут вроде при чем? Ан нет! Специальное постановление приняли в поддержку жестких санитарных мер против Саакашвили! Чтобы весь мир видел уровень интеллекта. Молодцы! Хотя знаете: история с запретом грузинской минералки — это, конечно, полное ку-ку даже по нашим нехитрым санитарным меркам! Атака на «Боржоми» в стране, где население без ущерба для национальной идеи пьет метиловый спирт, — это незабываемо.

В минувшую среду Государственная дума отклонила законопроект, запрещавший чиновникам иметь недвижимость и банковские счета за рубежом. Законопроект был внесен группой независимых депутатов.

Эти независимые депутаты — натуральные провокаторы! Хорошенькое дело — не иметь счетов и недвижимости за рубежом! Тут недавно вице-спикер Володин, не приходя в сознание, вошел в русский список «Форбс» (с тремя без малого миллиардами рублей, для чего при нынешнем легальном жалованье вице-спикеру-единороссу пришлось бы работать без отпуска три тысячи лет). А вы предлагаете ему держать счета на Родине?! Чтобы, значит, любой перец из финансовой полиции мог заглянуть в цифру и поинтересоваться ее происхождением... В общем, правильно депутаты сделали, что забодали тот подлый законопроект! Патриотизм пускай лежит здесь, а бабки будем хранить по офшорам.

Но что мы все про деньги? Давайте вернемся к текущей политической жизни... То есть что значит политической? Политическая жизнь наша пять лет накрывалась медным тазом и накрылась наконец ко всеобщему облегчению. Теперь — только новости из Кремля, вокруг Кремля и по преимуществу во имя Кремля!

Очередная инициатива, касающаяся возможности третьего срока для президента Путина, была направлена в Госдуму и Совет Федерации в апреле этого года. Автором идеи на этот раз стало малоизвестное североосетинское общественное движение «Согласие и стабильность».

Вот удивительное дело! Зачем просить третьего срока для президента Путина, когда президент Путин несколько раз русским языком сказал, что на третий срок не пойдет? Он же пять раз сказал «нет», а осетины из никому не известного движения «Согласие и стабильность» настаивают! Отчаянный народ, слушайте: президента не боятся! Странно... Не послюнявить ли нам пальчик, не понять ли, откуда ветер дует? Что говорит внутренний голос? А внутренний голос, такая гадина, говорит: на всякий случай вариант с третьим путинским сроком совсем уж бросать не решились. Вот и возникают время от времени эдакие общественные движения, вовремя послюнявившие пальчик. Вот что говорит внутренний голос!

Третий срок, конечно, нужен, потому что президент — это видно невооруженным глазом — только вошел во вкус и начинает руководить на местности по-настоящему!

Вот президент лично указал министру пальцем точку на карте и вице-премьеру рассказал, как класть асфальт. Ну, слава богу, теперь за Байкал и трассу Чита—Хабаровск я спокоен. За них и за ветерана войны из Воронежа, которому Путин лично вернул надбавку к пенсии, указав на недоработку губернатору. Но ведь велика Россия! А сколько у президента пальцев? А если с ногами? Притом ведь и не все советы еще даны. Страна ждет дальнейших указаний по всему фронту работ, и до восьмого года явно не успеть. Про яйценоскость еще крестьянам не рассказал, отец наш, когда сеять, куда жать... Физики-теоретики, как сироты, ждут помощи. А мелиораторы? А физкультурники? Нешто Путин не друг физкультурников? Плюс, сами понимаете, проблемы языкознания! Короче, без поправок в Конституцию явно не обойтись, и мы все это уже хорошо понимаем, правда?

И напоследок — о нежданной радости глобального порядка. В марте этого года астрономы британской обсерватории университета Манчестера обнаружили в космосе гигантское спиртосодержащее облако протяженностью 463 миллиарда километров. Правда, спирт — метиловый, но эта подробность если кого и остановит, то уж точно не россиян. Так что, кажется, у нас наклевывается реальная национальная идея... Особенно если где-нибудь неподалеку обнаружится симметричное облако с закуской.

Счастья вам.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

в русской сетевой и бумажной периодике
второго квартала 2006 г.

Ситуация

С чего начать? А вот с чего. Патетическую апологию существующего порядка вещей предпринял **Олег Кашин** (**«На Дне»** — Русский Журнал, 9 июня) по случаю праздника 12 июня. Были «мрачноватые» 90-е и остались в прошлом. *«Мы прошли по краю пропасти и не сорвались в нее. Мы много потеряли, зато сами выжили. И теперь живем, и все у нас будет хорошо». «Мы празднуем День России в том числе и как день рождения своей власти. Мы долго не признавали ее своей, а теперь признали. Впервые за многие десятилетия оппозиционность вышла из моды. На смену равнодушию совка и агрессивному противостоянию девяностых пришли времена политического спокойствия. Мы дорожим им и празднуем в том числе и его наступление».* Как успех, впрочем, Кашин может предъявить лишь сохранение суверенитета: «У нас в стране американские морпехи никогда не будут устраивать своих учений. Не будут — потому что мы не хотим». Во как. И еще, не без хвастливого взвизга: *«Россия никогда и никого не признает за старшего брата, потому что она сама привыкла быть старшим братом... Поняв, что нам нельзя быть вторыми, мы поняли, что можем быть только первыми. Пока не знаем, как именно, робко формулируем что-то насчет энергетического лидерства и русского демократического проекта... придумаем и что-то более весомое».* Почему-то Кашин уверен, что бюрократия у нас не будет «конвертировать власть в собственность», чтобы «устроить себе спокойную старость вдали от русских берегов».

Апологетом режима выступает и **Аркадий Малер** (**«Конец большого маскарада»** — Русский Журнал, 24 мая) — с имперских позиций. Показательно его видение современной России. 2006 год кажется ему переломным. Пришла пора окончательно сломить хребет либералам во власти и в России вообще. Малер готовит к этому президента, который ведь с самого начала проявил себя как патриот: его избрание в 2000 году положило конец либеральной декаде. Вехи нового курса — подавление чеченского сепаратизма, дискриминация компрадорского олигархата, разгром холдинга «Медиа-Мост», выстраивание жесткой вертикали власти, качественное усиление державной риторики, затем удаление западнических партий из Госдумы 2003 года и появление там созданной Кремлем новой партии нелевого патриотизма «Родина»... В итоге в 2000-е годы радикальный русский национализм и империализм уже совершенно не предполагают непременного пребывания в оппозиции Кремлю, объявляет Малер. *«Первая половина 2006 года ознаменована рядом знаковых событий, еще более усиливающих пропутинские на-*

строения патриотической общественности: пересмотр внешней энергетической политики, однозначная поддержка и победа пророссийских сил на парламентских выборах Украины и президентских выборах в Белоруссии, отказ от вступления в ВТО и, в конце концов, ни с чем не сравнимое выступление президента Путина перед Федеральным собранием 10 мая, где даже главный геополитический оппонент России — США — был открыто назван "волком", — все это свидетельствует о том, что принятый язык европейской политкорректности неадекватен подлинному мессиджу Кремля...» Но власть пока непоследовательна, указывает Малер. Потому *«опасность антигосударственного бунта либералов под маской левых националистов»* не ушла бесповоротно в прошлое: «этот метод уже оправдал себя в известных странах и, по большому счету, иного пути для компрадорского реванша в России больше нет». Господствующий до сих пор в российской власти политический тип — включая самого президента — это если уже не либерал, то все еще западник, европеист. Господствующий в России политический класс — это еще верные наследники Модерна, инерциальные адепты «идеалов 1789 года». Есть в этой власти и люди явной либеральной тенденции. Дальнейшее содержание статьи — разоблачение *«одного из самых активных участников пропутинской пропаганды»*, журналиста Максима Кононенко (он же «Мистер Паркер»), в котором «консерватору» Малеру видится махровый агент мирового либерализма.

«Ниспровергалка у вас, ребята, еще не выросла, и даже почкой не набухла», — панибратски обращается к оппозиционерам **Кирилл Панкратов («Жизнь в интересные времена»** — Русский Журнал, 6 июля). Когда туша мейстрима мощно жиреет на мирном благополучии и заполняет пространство патриотическим пафосом, петросянами, «фабриками звезд» или «American Idol», размазанного по стенке этой самой тушей очкастого интеллигента охватывает экзистенциональный ужас — «чудище обло, огромно, стозевно». Но Панкратову не страшно. Начальный период эпохи стабильного экономического роста и накопления богатства всегда груб и неотесан. Виньетки и утонченный стиль, великое искусство и приятная гнильца богемы появляются позже. И сейчас мы переживаем как раз такую эпоху — успокоения и накопления жирка после бурных потрясений 80-х и 90-х. И эта ограниченность пространства вызывает причудливые метаморфозы у тех, кто ощущает себя за пределами мейнстрима. Разного рода оппозиционеры пытаются компенсировать свою малочисленность и равнодушие широкой публики пронзительным эпатажем и лоскутной эклектикой. Закаленные либертарианцы могут удариться во всевозможные левые повороты, записные защитники «обиженных русских людей» — петь осанну самым русофобским сепаратистам из ближних стран и с самых далеких окраин, бесчисленные стайки взаимно «нерукоподаваемых» могут дружно кучковаться на очередной крикливой, разоблачительной презентации. Не то чтобы власть их сильно преследует, а если и гоняет, то как-то лениво и вальяжно... Недоброжелатели выяснили, впрочем, что Панкратов сочиняет свои рассуждения, проживая в прекрасном американском далеке.

Неутешительные для России итоги ее пути фиксирует **Григорий Померанц («В пространстве без дорог»** — «Знамя», № 4). После крушения совет-

ской империи *«не нашлось в русском обществе ни одного политического гения, ни одного одаренного политического коллектива. Оказался вещим анекдот, придуманный про патриарха Пимена: будто он, изучив марксизм, пришел к выводу, что конец света возможен в одной, отдельно взятой стране. Как бы ни развернулся кризис западной цивилизации, мы уже сегодня покатились по наклонной плоскости. И я думаю, что это надолго, быть может, так же надолго, как в Италии XVI века, в Испании XVII века, в Германии после Тридцатилетней войны. Только одна остается надежда: на взрыв духовных сил, не признающих власти социального упадка. В период упадка в Италии творили Леонардо, Микеланджело, Рафаэль. В XVII веке были созданы духовные сокровища, которыми до сих пор гордится Испания (да и вся Европа). В разоренной, уничтоженной Германии, потерявшей две трети своего населения, творил Иоганн Себастьян Бах. А время Рублева? Когда человек в тупике, он либо впадает в отчаяние, либо уходит вглубь, открывает царствие, которое внутри него, и находит неистощимый источник сил. Так и народы в глубинах падения находят источники будущего подъема. Так Августин в разоренном, изнасилованном городе писал свою исповедь, которая до сих пор, через полторы тысячи с лишним лет, находит вдохновенных читателей. Ничего другого и нам не остается»*.

Счет режиму предъявляет **Александр Храмчихин («Одичание. Свобода без демократии ведет в тупик»** — GlobalRus.ru, 31 марта). Поскольку стремление к материальному благополучию являются основной (даже единственной) целью власти, то она и не выражает ничьих интересов. *«Какую еще социальную группу может интересовать кормление руководящих товарищей как единственная цель собственной жизни? По тому же самому эту власть никто не будет защищать. Даже если она купит себе наемников ("профессиональную армию"), в случае серьезных событий они испарятся мгновенно. Такова природа наемника»*. Отсутствие у власти идеологии и наличие чисто коммерческих интересов приводит к нынешнему парадоксу — свободе без демократии. Демократия для сегодняшней власти абсолютно недопустима, поскольку потеря власти означает неминуемую и мгновенную потерю денег. Поэтому власть теперь нельзя сменить демократическим путем. С другой стороны, власть, не имея идеологии, не видит ни малейшей необходимости кого-то «строить». Она крайне жестко, часто с иррациональной жестокостью реагирует на любой намек на то, что кто-то хочет стать ей политическим конкурентом (т.е. потенциальным отнимателем денег), но оставляет на беспривязном содержании всех остальных. Когда нет идеологии, т.е. каких-либо принципов, то действия и власти и ее интеллектуальной обслуги оказываются откровенно беспринципными, часто откровенно подлыми. Они могут мгновенно менять позицию на противоположную, перехватывать те лозунги, против которых только что выступали. Они очень активно используют свою монополию на ТВ, не допуская никакую содержательную дискуссию с собой. Два примера такого перехвата: дело Щербинского и «борьба с фашизмом». Официальный агитпроп под «борьбой с фашизмом» понимает борьбу с любой политической оппозицией. Имея монополию на интерпретацию действительности, власть с конца прошлого года перестала выдумывать что-то высокое (она оказалась неспособна приду-

мать высокое даже в чисто пиаровских целях) и прямо признала, что наша идеология отныне — труба. Это сказал лично Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин. Беда в том, что попытка жить с природной ренты пагубно сказывалась на развитии даже стран с устойчивыми демократическими традициями. *Сидение на трубе* всегда приводило к довольно быстрой деградации всего остального, с трубой прямо не связанного. *«Кроме деградации всех отраслей экономики, прямо не связанных с трубой, у подобного типа развития есть гораздо худшая сторона — он ведет к сокращению населения. Сама по себе труба требует совсем небольшого количества рабочих рук, также совсем немного народа нужно для обслуживания власти и сопутствующих трубе предприятий. Все остальные — лишние. Они не нужны для реализации каких-либо стратегических задач (задач нет и не будет), они не нужны для расширения территории (для нас и нынешняя великовата), они не нужны для защиты страны (власть искренне уверена, что от любого потенциального агрессора откупится, либо, в крайнем случае, испугает еще не до конца умершими СЯС). Более того, их ведь надо кормить, т.е. делиться доходами от трубы. Да еще и бояться какого-то бессмысленного и беспощадного возмущения с их стороны. Все это очень неприятно, поэтому людей не должно быть много. Вполне вероятно, что так прямо в Кремле не формулируют, но логика событий действует исключительно в этом направлении».* Наконец, одичание также становится неизбежным. *«Одичание — это когда в ящике ток-шоу, "Однако" и Мамонтов с камнем. Когда врач без денег даже умирающего не спасает, а препод даже в платном вузе экзамен продает». «Когда "Россия для русских" на заборах и стенах по всей европейской части, причем с каждым годом все больше».* Если власть возводит в принцип беспринципность, беззаконие и хапание, то это автоматически транслируется в общество. Если человека только понижать, то неизбежна деградация и разложение общества и, как следствие, исчезновение страны. Нынешняя власть не может противостоять одичанию, поскольку абсолютно искренне уверена, что человек — скотина. Она и действует исходя из этого понимания. Храмчихин резюмирует: «Нынешняя власть должна быть сменена полностью, просто нет другого выхода. Как ее сменить, не погубив страну, — вот главный вопрос». Стране требуется власть реальных людей, обладающих достаточной степенью идеализма. У такой власти национальных проектов будет столько же, сколько у нынешней, только они будут настоящие. Это: 1. Судебная система: люди должны быть реально равны перед законом. 2. Дети: их наличие должно быть выгодно родителям, а отсутствие — невыгодно. Детям, и только им, должны быть обеспечены по возможности равные и по возможности хорошие стартовые условия в области медицины и образования. 3. Армия: важнейший институт, обеспечивающий не только защиту страны, но и социализацию мужчин. Процессы деградации армии и мужчины в исконном понимании этого слова начались в СССР и зашли очень далеко. Кроме того, армия автоматически «вытаскивает» науку и промышленность, а не губит ее, как нынешняя труба. 4. Свобода: не сегодняшнее беспривязное содержание, а осознанная настоящая экономическая и политическая свобода. Этот проект начал реализовываться в 90-е и, несмотря на трудности, давал стране перспективу. Сейчас он прерван, а с ним и перспективы.

«Судьба экономических преобразований в будущем зависит от наведения элементарного порядка правоохранительными органами», — утверждает **Максим Момот** (**«Порядок прежде демократии»** — PROGNOSIS.RU, 18 апреля). С его очки зрения, проблема режима Владимира Путина не в том, что он является авторитарным, а в том, что он остается криминальным. Бизнес в таком государстве имеет тенденцию не к развитию, а к самоликвидации, инвестиции ничтожны. *«РФ мало чем отличается от сектора Газы, здесь тоже нет судов, и лишь запасы сырья, ради добычи которого европейцы и американцы научились договариваться даже с африканскими людоедами, еще привлекают в страну чьи-то взоры»*. Подходят к концу советские ресурсы — кадровые, инфраструктурные, научные, промышленные. От паразитирования на советских ресурсах РФ сегодня переходит к паразитированию исключительно на трубе. Экономика уперлась в невозможность развития в условиях отсутствия правовых гарантий экономической деятельности.

Новая тенденция. Редакция сетевого ресурса АПН-Агентство политических новостей отмечает, что политика руководства страны последних лет привела к возникновению того комплекса идей и настроений, который можно было бы назвать *«антигосударственным патриотизмом»* или же *«националистическим антиэтатизмом»*. Любой, кто следит за жизнью интеллектуального сообщества России, знает, что «отщепенство от государства» распространяется здесь со скоростью шквала.

Вот и сетевой публицист-державник правого толка **Владимир Голышев** разочарованно ушел в последнее время в оппозицию к режиму. Характерны его майские суждения (http://golishev.livejournal.com/543932.html?view=11446204#t11446204): *«...в свое время я видел то, что было — Путин уничтожал все альтернативные центры силы, концентрируя власть в своих руках... его благонамеренность — это была ГИПОТЕЗА... я не мог исходить ни из чего другого, ибо стремление к благу — первый человеческий инстинкт... а мне все говорили: "Он тупой! Он ошибки совершает! Он слабый!" ...а я отвечал: "Не п.здите! Он всех в итоге поубивает! Он — круче всех!" Что изменилось? Ничего... Просто гипотеза о благонамеренности не подтвердилась... его понимание блага оказалось предельно приземленным... Он, будучи гениальным политиком (с "технической" точки зрения), оказался ни грамма не исторической фигурой... ну просто НИ ГРАММА... я думал, что так не бывает... думал "магия власти"... думал штурвал жжет руки и любой, даже самый примитивный человек, взлетевший так высоко, перестает быть обычным и примитивным... я ошибался... Выяснилось, что Путин действительно стремится к благу... оно для него: ковер на стенке, транзисторный радиоприемник и модная нейлоновая рубашка... масштабы несколько другие... суть — та же». «Давайте хотя бы на мгновение поверим в ужасную правду: наш "вождь" со своими "клонами-вождятами" под звон фанфар опускает страну в липкую жижу "третьего мира", лишает будущего наших детей и окончательно решает "русский вопрос", несколько столетий подряд не дававший покоя надменному Западу»*, — вещает Голышев (**«Back in the USSR»** — АПН, 2 мая). И фиксирует: *«...я исхожу из того, что реальным содержанием всех сегодняшних действий руководства РФ является превращение до сих пор окончательно не определившейся России в классическую колонию стран-импортеров*

ее сырьевых ресурсов». Поворот этот у Путина, по Голышеву, случился в 2005 году. *«Великий перелом 2005 года»* — так это называет наш автор. *«Добрый молодец Путин перекувыркнулся и обратился серым волком». «Ликвидировав угрозу, исходившую от "элит", Путин перестал нуждаться в реальной поддержке общества... Оттого и шаги у него семимильные... В мире, который он сконструировал с помощью привычных пиар-инструментов, нас вообще нет...»* И далее: *«"Латиноамериканская" карнавальная пестрота времен Ельцина ушла в прошлое. Пришедшую ей на смену мышиную серость многие ошибочно приняли за примаковскую сталь. Последние иллюзии рассеялись в 2005 году — вместо Латинской Америки мы, в полном соответствии с Жюлем Верном, очутились в Африке — с позорным "народным представительством" придворных пигмеев, с генералами-бизнесменами и коррупцией, превратившейся из позорного недуга в один из важнейших государствообразующих институтов. Полным ходом идет процесс перехода всего, что есть в стране ликвидного (в первую очередь, сырья и энергетики), в собственность или под контроль туземной знати, сопровождающийся приглашением на роль совладельцев "белых господ" из Европы и США. В итоге мы получаем классическую "нигерийскую модель": "белые господа" качают нефть и газ из принадлежащих им месторождений (попутно загрязняя дельту Нигера или северный берег Байкала), туземная знать — в доле, население — в жутких условиях влачит нищенское существование».* Для этого, как полагает Голышев, нужно что-то сделать с имеющимся «европейским» населением. Крепость берется сразу по трем направлениям: 1) европейское большинство должно стремительно вымирать; 2) оставшиеся должны стремительно дичать (лишаться жилья, средств к существованию, нормального медицинского обслуживания, доступа в вузы и т.д.); 3) страна должна стремительно наполняться уже «готовыми неграми» (неквалифицированной рабсилой из стран СНГ и Северного Кавказа); именно эти «готовые негры» — наши завтрашние (а отчасти уже сегодняшние) «хозяева жизни», которым предстоит пасти в России «белое меньшинство» подобно тому, как арабы в Египте «пасут» коптов. Каков же выход из тупика? По Голышеву, раз страна у народа отнята, то народ может найти себя в другой стране, а на просторах бывшего СССР — нашей Большой Родины — подходящие страны есть. Скажем, Беларусь, Украина, даже Грузия. Здесь мы имеем модели нормального, естественного — «неафриканского» — развития. Лучший, по Голышеву, выход и для бизнесмена, и для специалиста — уехать из Путинланда: *«самое время дело закрывать и бежать — куда глаза глядят».* Почему бы не поискать работу в нашей Большой Родине? *«Скажете, непатриотично? А, собственно, почему? Ну, хорошо, допустим, искать нормальную человеческую жизнь для себя и своих детей вместо того, чтобы лезть на пальму (или ложиться в могилу) — стыдно. Ну а не дать посадить себя в тюрьму за то, за что положено награждать — тоже непатриотично? А помочь своему ребенку избежать участи Андрея Сычева и других ребят, искалеченных и погубленных в ивановской "армии", тоже нельзя?»* На Украине, в Беларуси, в Грузии *«"новые беженцы из РФ" окажутся, главным образом, молодыми здоровыми людьми, способными легко вписаться в окружающий их социальный ландшафт, найти себе работу и место в новой жизни».* Найдется там место и для тех, кто захочет учиться в вузах,

и для российской профессуры. *«Понимание того факта, что русский мир шире границ Российской Федерации, могло бы резко переформатировать сознание людей, которым нечем дышать в "путинской Африке"».*

В статье **Голышева («Второе обретение "прав человека"»** — АПН, 19 апреля) автор дополняет характеристику того режима, который, как он считает, сложился в 2005 году. Ликвидирован механизм выборов. Гражданское общество подменено «неконституционной» общественной палатой («"Гражданское общество" сегодня — это Алла Пугачева с обнимку с олигархом Фридманом, хасид-сектант Берл Лазар и 19-летняя полуграмотная девочка Юля из Тулы, модный писатель-ресторатор Липскеров и тетушка Чарли, торжественно въехавшая в подаренный ей за "общественные заслуги" театр»). Правительство трансформировано в «структуры» «Медведева-Иванова», «не прописанные в Конституции РФ». На Кавказе *«Путин капитулировал, Чечня победила»*. Власть уводит Россию из Европы, ее насильственно «опускают» в «третий мир», — в то время как ее предназначение быть «Другой Европой», и, состоявшись в этом качестве, мы могли бы стать для Европы Западной *«источником спасительного обновления»*. Россию делают Нигерией, являющей *«типичный пример парадокса изобилия»* с коррумпированной верхушкой, диким бесправным населением, стагнирующей экономикой, разрушенной социальной сферой и криминальным беспределом на улицах. К уже им определенным реальным направлениям работы властей Голышев добавляет *«выдавливание "слишком умной" местной молодежи в эмиграцию... из путинского ада». «В нашей удивительной "стране наоборот" Чечня преподнесена Путиным в дар переодетым боевикам (которых бесстыжее телевиденье опять предъявляет нам в качестве образца для подражания), армия — предана и измордована... за арестом Ходорковского последовал... новый этап передела собственности... а вовсе не пересмотр ее... "итогов"... строптивого олигарха-заключенного упекли на край света, где натасканная на человечину лагерная охрана глумится над ним с поистине садистской методичностью (явно не по своей инициативе)...»* Финальная мысль Голышева такова: *«Есть безошибочный индикатор — если наша нынешняя власть на кого-то спускает собак, значит, тот своей деятельностью вольно или невольно подрывает ее "африканизаторские потуги"»*. Отсюда вывод: нам нужны правозащитные независимые общественные организации, Страсбургский суд по правам человека. Не по любви, говорит автор, а по расчету. Тайного оппозиционера Голышев видит и в митрополите Кирилле.

«Режим Путина строит несправедливое, бессмысленное и неконкурентоспособное государство. С архаичной системой власти и отсутствием перспектив. Страну, которая рухнет, будет растащена на куски соседями, навсегда похоронив русскую государственность» — этим озабочен государственник **Петр Милосердов («Наше государство и наша революция»** — АПН, 10 апреля). Он обращает внимание на то, что для большинства своих граждан Россия стала чужим государством. Поддерживают же нынешний режим (ЭрЭф) номенклатура, менты, сырьевики, PR-персонал, обслуживающий интересы последних. *«Эти 3–5 процентов — настоящие патриоты путинской России. Патриоты не "от сердца", но от разума. Они понимают: вне этой системы они не выживут»*. Номенклатуре удалось создать свой «малый народ» — «из-

бирателей власти». Народ этот, составляя порядка 5 процентов от имеющих право голоса, под выборы раздувается до 10 процентов (за счет подкармливаемых пенсионеров). В итоге эти 10 процентов и составляют те самые 30—35 процентов, получаемых «партией власти» при 30—35 процентной явке, которые и обеспечивают победу «партии власти». Из этого следует, что победить на выборах оппозиции нельзя. Как же быть? Милосердов предлагает создать свою вертикаль власти. *«Необходимо создание путем всенародных выборов системы Советов всех уровней, которые призваны стать параллельными существующим органами власти<...> Гражданам России... необходимо самим стать властью и выдернуть из-под путинской вертикали государство, подобно ковру. Оппозиция должна дать возможность гражданам получить символический паспорт свободы, позволяющий выехать из путинской России в свою собственную».* Альтернативу этому пути автор видит в неизбежной потере Россией суверенитета, что его страшит и печалит. Ему мерещатся организованная извне массовая иммиграция русских из России в Европу (*«русский мигрант куда лучше араба или негра»*), распад страны на *«5— 6 мини-Россий: слабых либеральных государств, фактически не имеющих суверенитета».* Милосердов не обольщается: *«Люди, уже понявшие, что власть пожертвует их жизнями ради собственного престижа или спокойствия, с радостью променяют российскую несвободу на полусвободу иностранную».* Но ему хочется, чтобы в стране все-таки возникла новая, «гражданская власть».

«Мы получили страну, в которой бабло хранится за рубежом, интеллект не востребован, большая часть населения предоставлена самим себе, но при этом нет ни великих замыслов, ни свобод, ни увлекательной политики. Долго ли может простоять такая корпорация — каждый решает сам, но, поскольку запасы нефти ограничены, речь может идти в лучшем случае о двадцати годах, потом всё. Пустое место», — мрачно подытоживает свои рассуждения **Дмитрий Быков («Быков-quickly: взгляд-81. Корпорация "Русь"»** — Русский Журнал, 4 мая). О власти у него говорится так: «"схарчив" ЮКОС», Россия сама в него превратилась, *«как оно всегда и бывает по предвечному закону всех слияний и поглощений». «Поглотив противника, почти всегда начинаешь играть по его правилам. Главное правило всякой корпорации — эффективность, то есть среднесрочная выгода. После нас хоть потоп — закон всех корпоративных государств: корпорация рассчитана на сравнительно короткое историческое время. По-настоящему прибыльная конъюнктура долгой не бывает, это азбука рынка,— выигрывая в силе, проигрываем в расстоянии. Главная задача корпорации — нарубить бабла на чем-нибудь быстром, сугубо конъюнктурном, после чего деньги выводятся в безопасное место<...> Корпорация занимается не идеологией, а пиаром; она вербует людей не по принципу идеологической преданности, а по принципу соблюдения корпоративной этики<...> Бабло рубится, складируется в стабфонде и выводится за рубеж. Часть стабфонда расходуется на благотворительность, демонстративную и широко распиаренную; она проходит по графе "Национальные проекты" <...>. Корпорация содержит некоторое количество прессы, рекламирующей ее благотворительность; остальная ей не враждебна, а попросту не нужна. Она может поощрить культуру, но ровно в тех пределах, в каких эта культура способствует развлечению и отдыху служащих. Корпорация стро-*

ит жилье — но только для тех, кто в ней непосредственно занят; от остальных она это жилье отсекает мудрой ценовой политикой. <...> внешняя политика России все больше напоминает внешнюю политику корпораций, в которых больше всего боятся именно недружественного поглощения, а потому рассматривают весь мир как свору хищников, только и ждущих, как бы на нас броситься. <...> Как и всякая корпорация, Россия игнорирует население, в нее не входящее, и стремится оптимизировать количество входящего, то есть при максимальной эффективности добиться минимальной численности. Для этого делается многое и быстро: часть уезжает, часть лишается работы, часть вымирает от старости или запоя. Как всякая корпорация, Россия занимается обустройством только той территории, с которой можно стричь бабло: она быстро и эффективно избавляется от непрофильных активов. В число непрофильных активов попадают все отрасли хозяйства, не связанные с экспортом сырья и (во вторую очередь) с обороной... Население России, желающее выжить и сохранить работу, должно доказать либо свою насущную необходимость для добычи сырья, либо для обороны; все прочие занятия, включая всякую там "культурку", интеллектуальные поиски и сельское хозяйство, признаны нерентабельными». Быков подводит итог: у населения России очень небольшой выбор. Либо оно продолжит работать на корпорацию, смирившись с тем, что последней хватит на двадцать лет, а от России останется одно воспоминание — о водке, спутнике и балалайке; либо попытается создать альтернативную форму государства, основанную не на экспорте сырья и обладающую какой-никакой идеей.

«Неприятные гадости происходят в стране, а сказать, чтобы ясно и без фальши, трудно», — пишет **Виталий Лейбин** (**«Подлые казни»** — ПОЛИТ.РУ, 21 апреля). *«Приговоры сотрудникам ЮКОСа, которые уж точно не были ничьими врагами и ни для кого не представляют ни экономической, ни политической опасности,— это подло, серо и мелко. Какой-то расползающийся серый садизм»*. Казалось, что дело Светланы Бахминой достаточно публично; всем известно, что у нее двое детей и что никаких преступлений против человечности и против власти она не совершала. Статьи экономические, а жестокость приговора — звериная. Тут-то можно было показать и власти милосердными, и поставить ограничения садистской самодеятельности. Не случилось. По Лейбину, часть эффектов последнего времени — это «естественная» волна садизма, подлости и предательства: стая набрасывается на раненого, мародеры разгребают имущество. Но следует понимать, что в деле прекращения широкой и расширяющейся деморализации решающее значение имеет публичная позиция властей и элит. Собаки выпущены, но никто не загнал их обратно, хотя охота и закончена. Свора нападает уже не только на загнанного зверя, но еще и не на хозяев. Остановить — это царское дело, а подлость никак не сочетается ни с чем царским. Можно как-то пытаться понимать саму расправу с ЮКОСом и его акционерами, можно считать ее оправданной, а жестокость решительностью. Но подлость и гнусная мелочность не имеют оправдания и не могут быть выданы за строгость. Это разрушает и власть, и страну. Несмотря на мощную традицию «милости к падшим», мало кто из действующей элиты, из сильных людей высказался ясно и авторитетно. Поставить границы власти некому. Здесь Лейбин

приводит нынешней элите в пример иереев XVI века. В 1566 году в знак протеста против опричнины покинул кафедру митрополит Афанасий, потом был смещен митрополит Герман Полев, говоривший об обязанностях царя, подал челобитную Земский Собор (трое «зачинщиков» казнены), святитель и мученик митрополит Филипп отказал царю в благословении...

Андрей Илларионов («Прохладная война» — «КоммерсантЪ», 12 мая) обвиняет российские власти в развязывании «прохладной войны» с Западом. Илларионов указывает, что принципиальное решение о разрыве союзническо-партнерских отношений с США и Западом было обнародовано в серии оставшихся малозамеченными публичных заявлений российского руководства еще в январе–марте 2006 года. А поводом обнародовать радикальный поворот в отношениях была избрана речь Ричарда Чейни на конференции в Вильнюсе, в ходе которой, указывает Илларионов, вице-президент США был чрезвычайно мягок и сделал России предложения о дружбе и стратегическом партнерстве, о свободной торговле и столетии мира, об уважении национальной культуры и преодолении прошлых конфликтов, о взаимодействии «суверенных демократий» и сотрудничестве за столом «восьмерки». Однако российские политики и СМИ наградили это выступление следующими эпитетами: «ультиматум», «враг у ворот», «объявление холодной войны». Российским властям сегодня нужна конфронтация, пишет Илларионов. Нужен враг, причем лучше внешний. Но ресурсов для настоящей конфронтации у нынешней России нет. И потому нужна виртуальная конфронтация — не столько для внешнего мира, сколько для внутреннего потребления. Кремль стремится посеять в российском обществе чувство страха, мобилизовать его на борьбу с «врагами» и таким образом расправиться с оппозицией, попутно «освоив» сверхприбыли, получаемые благодаря благоприятной экономической конъюнктуре. «*Теперь все должно измениться. Еще вчера приверженность того или иного гражданина, партии, организации, газеты принципам свободы, демократии, прав человека, открытости, толерантности приходилось терпеть — ну что ж, бывают и такие чудаки в российской жизни. Завтра это будет не нужно. Завтра это будет уже не чудачество. Завтра это будет национальное предательство, измена Родине, деятельность врагов народа. А кто не с нами, с тем ясно как поступать. Ведь страна превращается в единый лагерь!.. Конечно же, исторические параллели никогда не полны. А повторение истории, как известно, иногда происходит и в виде фарса. Но как бы то ни было, совершенно ясно: путь, выбранный нынешними российскими властями,— это исторический тупик. Мы уже там были. Мы за это уже заплатили высокую цену*».

А вот **Андрей Пионтковский («Тени из будущего»** — Грани.Ру, 12 мая) полагает, что выступление Чейни в Вильнюсе сводится к одной фразе: «Холодную войну заказывали — получайте». В течение последних двух лет официальная пропаганда, все средства массовой информации усиленно изображают Америку в виде врага. До недавнего времени США не принимали брошенный им пропагандистский вызов. Но в последние месяцы антизападная риторика Кремля стала выражаться в конкретных внешнеполитических акциях вроде дружбы с террористической организацией ХАМАС или крышевания иранской ядерной программы. Окончательное

концептуальное завершение антизападная линия нашла в статье министра иностранных дел Лаврова «Россия в глобальной политике», где в противоположность знаменитому путинскому мессиджу 2001 года «Американцы, мы с вами!», утверждалось: «Американцы, мы против вас!» О совместной борьбе с исламистскими террористами речь уже не идет, а бен Ладен и Басаев поднимаются до уровня стороны в межцивилизационном конфликте... И Америка, считает Пионтковский, наконец подняла в Вильнюсе брошенную ей перчатку. Как считает Пионтковский, такая политика столь же самоубийственна для России, как сталинско-молотовская политика в период пакта с Гитлером, которая привела нашу страну к катастрофе 1941 года. Сейчас же она еще более абсурдна, поскольку вызов исламского терроризма цивилизованному миру, в том числе и России, вполне реален и в этом смысле 1941-й уже наступил. Сколько бы мы ни объявляли Запад врагом, враги Запада считают Россию частью именно Запада, причем самой уязвимой частью. Но, так или иначе, холодная война, одинаково абсурдная и убийственная в сегодняшней ситуации как для Запада, так и для России, началась. Об этом с по-мальчишески задорным смаком еще раз торжественно объявил президент Путин в своем ежегодном послании.

«Силовая вертикаль» доест все оставшиеся свободы, если не дать народу рычаги управления своими *«органами государственного насилия»*: сделать выборными должности начальников рай- и горотделов милиции, прокуроров. Это единственный шанс России устранить перекос и не рухнуть в пропасть авторитаризма. Так полагает **Алексей Рощин («Безоружная демократия»** — Газета.Ru, 29 мая). Контролировать систему правоохранения в обществе, «людей с ружьем», тех, кто призван «охранять порядок» и осуществлять функции государственного принуждения, — такое право народу необходимо. Без этого даже человек с культом реально беззащитен перед государством. Огромнейшая разветвленная система правоохранения в России — суды, прокуратура, милиция, судебные приставы — оказалась де-факто (да и де-юре) неподотчетной никому, кроме президента. Неудивительно, что степень разложения и коррумпированности в правоохранительных органах страны поражает воображение, и никакие кампании по «борьбе с оборотнями» тут не помогают. Кремль просто не в состоянии — даже если бы и хотел — контролировать ситуацию с повседневной работой органов правопорядка в каждом районе и городке России.

Брежневизмом называет политику Кремля **Александр Елисеев («Пятнадцать лет на раздумья»** — PROGNOSIS.RU, 18 апреля), имея в виду акцент на стабильность и недооценку динамических процессов. Автор задается вопросом: не повторит ли Россия судьбу СССР или Российской империи лет через двадцать, ведь *«тихие реформы не решают главной проблемы — перехода общества в новое состояние»*. Задача перехода в постиндустриальное состояние не была решена в брежневский период, не решается и сейчас. Из нынешней ситуации есть только два выхода. Первый — начать постиндустриальную технологическую революцию. Но где же субъект, готовый к такому рывку? Есть и второй путь. Утвердившийся в России новый «брежневизм» может найти *«внутри себя наиболее перспективный сектор, развитие которого позволит ему еще долгое время проводить стабильное развитие. Напри-*

мер, сосредоточит основные усилия на экспансии в космос». Если это у Елисеева юмор, то... смеяться не хочется.

О советском и постсоветском человеке рассуждает **Максим Шевченко** (**«Постсоветский человек: становление новой ментальности»** — Русский архипелаг, 27 июня). Постсоветский человек уверен, что ему никто (ни государство, ни корпорация) не гарантирует благ, а потому он должен ими завладеть сам (отсюда апология рынка, понимаемого как инструмент захвата, завладения благами). Суверенитет, с точки зрения постсоветского человека, — гарантия неприкосновенности нажитого, форма договоренности о законности владения им, как в формате шести дачных соток, так и в формате огромной страны, понимаемой зачастую также как огромные, но все-таки шесть соток! Добавим к этому появление «второго плана», определяемого через популярное, но бессмысленное слово «духовность». Это проявилось в виде суеверности и тяги к «странному», «сокрытому в нас». Религию постсоветский человек, кстати, также понимает через суеверие и прикладную пользу, абсолютно не веря в Дух и не принимая смерть как знак наличия абсолютно свободного, независимого Духа. Шевченко мечтает о «новом человеке» — воплощении всех добродетелей. *«Предельное воплощение в политическом и социальном действии внутреннего экзистенциального переживания, острое ощущение личной ответственности за глобальную историю (судьбы мира, Страшный суд, битва добра и зла и т.д.), презрение к материальным благам и неверие в любые формы государства, как всего лишь господства номенклатуры — вот основные контуры будущего русского человека»*.

От года к году нарастающая медиа-шумиха по поводу *«годовщин великой победы»*, пишет **Вадим Штепа**, зацикливают российское сознание на прошлом, застилая взгляд в будущее (**«Главный национальный праздник»** — АПН, 12 мая). Возможно ли залечить эту историческую травму, разорвать этот замкнутый круг? Штепа предлагает главным национальным праздником сделать иную дату: 12 апреля. *«День Космонавтики как главный национальный праздник вновь откроет нашему народу простор исторического творчества, обратит его к перспективным проектам и фантазиям о "прекрасном далеке"»*.

Михаил Ремизов уподобляет Россию «ковчегу», *«пространству, способному сохранить силовую автономию от глобального порядка последних времен»* (**«Суверенная теократия»** — «Стратегический журнал», № 2; АПН, 17 апреля). Чуть ли не сакрализуя понятие суверенитета и понимая его в духе внешних знаков независимости, автор статьи противопоставляет Россию Европе. По Ремизову, если в Европе суверенитет становится результатом секуляризации власти, то в России — результатом ее теологизации. В XVI веке в духе концепта Москва — Третий Рим пространство истинной власти совпало с пространством истинной веры. Государственность выступила как форма исповедания. *«Безусловно, это и есть момент рождения российского суверенитета»*. Отождествив государственность с религиозностью, Ремизов становится заложником этого тождества, полагая, что политическая религиозность — это для нас не вопрос вкусовых предпочтений или «глубоко интимного» выбора, а *«атрибут государственного стандарта»*. Правда, в финале автор что-то невнятное говорит о «конфессиональной карте», противопоставляя ее политической.

Миражом Третьего Рима зачарован и **Борис Межуев («От политического суверенитета — к религиозному»** — «Стратегический журнал», № 2; АПН, 17 апреля). Мысль его заражена глобальными абстракциями. Автор явно не различает реальную Россию и свою мечту о России. Есть праведная Россия. Есть неправедная Европа. Что между ними может быть общего? Конечно, ничего! Непреодолимым препятствием для русских к интеграции с Европой в «универсальное и однородное государство» является *«наивысшее экзистенциальное самоопределение — религиозное самоопределение»*. Так что *«вся острота борьбы за суверенитет России обусловлена особым религиозным выбором нашей страны — ее сознанием себя Третьим Римом, последним православным царством, утверждающим себя таковым перед лицом апостасии всего остального исповедующего Христа человечества. В конце концов, именно этот религиозный выбор, именно это подспудное, но тем не менее твердое осознание своей исключительной миссии на Земле, которую не в силах выполнить никто другой, и есть предельный мотив борьбы за российский "суверенитет", за особую российскую цивилизацию»*. А каков же путь Европы? Ответ хорошо известен: *«...либерализация сексуальной морали, вплоть до юридической легализации и даже церковного освящения однополых браков, агрессивный феминизм и какое-то болезненно настойчивое требование ввести женщин в алтарь, наконец, снятие табу на убийство в виде абортов и эвтаназии — все это, безусловно, свидетельство нового религиозного, только постхристианского самоопределения европейского человечества»*. О том же свидетельствуют и *«игры европейских интеллектуалов с некоей альтернативной религиозностью, как правило, языческого или, точнее, квазиязыческого происхождения»*. Антихристианское самоопределение Европы — это какой-то совершенно особый религиозный выбор, пишет Межуев, и для постхристианской цивилизации право на жизнь какого-нибудь редкого зверя более значимо, чем право на жизнь нерожденного младенца.

Технологии власти

«Путин — дядя очень строгих правил. Точнее, понятий. У президента РФ есть недвусмысленный моральный кодекс, который правильно было бы назвать "пацанским" (он почти копирует неформальные уложения постсоветских робингудских группировок)». Этику Кремля анализирует **Станислав Белковский («Пацаны, или Логика Владимира Путина»** — Lenta.ru, 26 июня, АПН, 28 июня). Важнейшее правило — четкий раздел сфер влияния. Правило номер два: нельзя использовать дружбу с Путиным против самого Путина. Правило номер три: если ты доказал свою дружескую надежность, тебе простится любая ошибка. Но если ты не хочешь быть лично преданным другом, ни на что не рассчитывай. Другие твои достоинства не важны и не будут востребованы. Путин никогда не нарушает правила первым. Потому все олигархи, бюрократы, оборотни, вампиры, хищники, чужие, рамзаны кадыровы и прочие, выучившие моральный кодекс и не отступающие от него ни в делах, ни в помыслах, могут спать абсолютно спокойно. Следуя прочным правилам игры, Путин нередко делал то, что ему политически и коммерчески было совсем не выгодно. Например — не только не отрекся от Бориса Ельцина, но и дал

последнему орден «За заслуги перед Отечеством» I степени. *«Тому що пацан есть пацан»*. Опираясь на логику Путина: кто же станет преемником нынешнего президента? Сам В.В.? Никогда. Третий срок — это не по-пацански. Беспредел — не путинский стиль. Преемник — тот, кто удовлетворяет четырем критериям. 1. Плод компромисса. Кремлевский наследник обязан устраивать не только Пацана № 1, но и остальных правильных пацанов — как минимум, президентского наставника Романа Абрамовича. 2. Психологическая зависимость. Преемник должен быть настолько внутренне зависим от предшественника, что совершенно точно не сдаст, не выдаст и не съест. 3. Избираемость. Преемник не может быть сернокислым либералом гайдаровского замеса — народ такого не примет. Скорее, наследнику Путина суждено явиться националистом-империалистом, пусть совершенно фальшивым. 4. Непохожесть. Благодарный народ не должен сравнивать грядущего обер-пацана с сегодняшним властелином. Иначе Путин может обидеться навсегда. Лучше, если б преемник был как-то качественно несравним с В.В., например оказался бы женщиной. Или священнослужителем.

О кремлевской политике «по понятиям», в духе пацанской этики, пишет и **Георгий Бовт** (**«Ребята с нашего двора»** — Газета.Ru, 29 мая). *«Надо просто следовать всем известным — простым и четким — понятиям. И все у тебя будет хорошо. И бизнес, и личная жизнь, и культурный досуг <...> Еще говорят, что наши пацаны стали совершенно непредсказуемы и, мол, вообще чуть ли не беспредельничают. Пустые сие наветы! Во-первых, они совершенно предсказуемы, разве что все еще удивляют в каких-то второстепенных деталях. Во-вторых, мир их вполне целостный, гармоничный и подчинен вполне законченной логике, системе ценностей и правил»*.

Бовт рассуждает также о ментальном парадоксе российской истории (**«Анти-Путин»** — Газета.Ru, 15 мая). Он исходит из якобы непреложного правила: в России всякий последующий правитель приходил к власти на отрицании опыта своего предшественника, да и воспринимался населением и элитой именно как антипредшественник. В этом был едва ли не главный его первоначальный успех, истоки народной популярности, можно сказать, корни его власти и источник вдохновения при проведении нового — антистарого курса. Далее Бовт переходит к технологиям власти. Решит ли Путин задачу найти себе такого преемника, который не только не был бы ни по сути, ни по форме, по народному восприятию анти-Путиным, но и, войдя во власть, продолжал бы оставаться под колпаком идейного и всякого иного воздействия экс-президента? Возможно ли такое в России? Бовт считает, что не случилось изменений в характере общества, которые позволяли бы в это поверить. *«На каждом шагу буквально наталкиваешься если не на тотальный общественный пофигизм, так на какую-то удивительную, часто беспричинную злобу, агрессивность и хамство. Подвластен ли такой народ сытому общественному континуитету? При том что нет никакого общественного согласия по базовым принципам — что политическим, что экономическим, что моральным и нравственным — устройства нашей страны и нашего общества <...> Такой народ любит, конечно, Путина. Но — лично. Как вождя. Беспринципно в буквальном смысле. Власть предельно персонифицирована, и новый вождь может добиться популярности тоже как "про-*

сто личность". Программа которой не суть важна: общих принципов-то нет. Просто как некая антитеза. Он по определению не может быть бледным "продолжением" Путина. Он должен быть отличен от него. Он в какой-то мере должен быть "анти-Путиным"». Гримаса истории состоит в том, что Владимир Владимирович должен создать анти-Путина фактически собственными руками. И пока он явно не знает, как это сделать.

В другой своей статье **Бовт** пишет, что новым президентом станет блюститель общественной нравственности (**«В ожидании моралиста»** — Газета.Ру, 5 июня). *«Всякий раз приход такого правителя должен встретить некое встречное движение снизу. Без этого такому политику лишь суждено прослыть пустобрехом-болтуном, если его вообще заметят. В наших условиях ему придется поднимать всех тех, кому сейчас все по фигу, всех тех, которые воспитаны в условиях идейного и нравственного вакуума, тотального цинизма-пофигизма. Для этого ему нужно будет применить некие очень сильнодействующие средства. Чтоб до костей пробирали. И найти некую такую генеральную идею, чтоб дух захватывало. Притом простую, как выстрел в тишине».*

«Россия медленно выплывает на рубежи, за которыми начинается неизвестность и разбалансированность», — извещает **Михаил Делягин («Кто и зачем придет к власти в 2009 году?»** — АПН, 28 июня). Он делает политический прогноз, суть которого в том, что смена власти для правящего режима смертельно опасна, но она случится. Делягин детально прописывает, как будут развиваться события: выдвижение и избрание в 2008 году номинального президента типа Медведева, его отставка через полгода, выдвижение на новый срок Путина, появление у него именно в этот момент реального соперника на волне народного недовольства интригами власти (*«Операция по сохранению власти будет проведена так, что лишит эту сохраненную власть легитимности и подорвет ее... таким, по-видимому, будет начало системного кризиса в России»*). Новый лидер *«никого не станет собирать: все сами придут и соберутся под его знамена, а при необходимости — сошьют их за одну ночь»*. Далее Делягин рассуждает о том, кем будет новый лидер, предлагая страшноватую формулу: *«страна переболела "системным" Штирлицем, обслуживающим некий "центр", и теперь нуждается в Воланде — внесистемном, жестком и самостоятельном созидателе справедливости»*. Лидер придет под лозунгами типа «Вернуть народу недра и инфраструктуру!», «Слабым — заботу, сильным — работу!», «Модернизация или смерть!», «Вор должен сидеть в тюрьме»... Но возникнет и шанс на вменяемый курс в интересах общества.

Общественные настроения. Правые и левые. Коммунизм, национализм, фашизм, нацизм, империализм

«Более чем десятилетний роман "социал-" и "национал-" идеологий в России окончательно разорван, кольца и письма отосланы, свадьбы не будет», — извещает **Дмитрий Ольшанский («Веймарский Первомай»** — Русский Журнал, 4 мая). Первого мая в Москве в Охотном ряду едва не произошло побоище между коммунистами и фашистами. Капитализм наконец вступил в свои права в безжалостном внимании к коммунальным платежам, торговым площадям и монетизированным лекарствам — а это значит, что аморф-

ное, наивно-послесоветское, карнавальное движение «красно-коричневых» времен Анпилова и покоренья Белого дома должно смениться подлинным противостоянием правых и левых. На тех, *«кто воюет с "требованиями рынка" как такового, без поправок на кровь и почву, — и тех, чей суетливый гнев призван остановить "русоцид" на одном, отдельно взятом базаре и отнять, наконец, у пришельцев с Юга принадлежащую наследникам Ивана Калиты баранью ногу!»* (*Сами желаем воровать!*) Возлагая на либералов у власти в 90-х ответственность за то, что в стране расплодились нацисты, Ольшанский приветствует *«крошечное войско»* левых, которое 1 мая пыталось дать отпор коричневым. Левые находятся *«в абсолютном меньшинстве в толпе деклассированных люмпенов, с завистью поглядывающих на вредящего державе инородца. В одиноком столкновении левых с озлобленной реакционной массой... — исход предрешен. Мы знаем этих славных мальчиков и девочек, так празднично и карусельно носящихся теперь с красными флагами и символикой НБП... Неужели всем им, через несколько пустяшных каких-то лет, суждено бессмысленно и страшно погибнуть в неравном противостоянии с "воспрявшим русским мастеровым"?»* Чтобы выжить и удержаться, а вместе с тем удержать и всю страну от такого предсказуемого, банального, но от того не менее настойчивого сползания в Веймар, молодым левым нужны союзники, этакий социальный тыл, пусть чужеродный, но способный сделаться нежданной стеной на пути хищного национал-гангстеризма. На власть надеяться нечего. И на то, что принято называть «народом» — нечего возлагать надежды. По мнению Ольшанского, левым, а с ними и всей стране, поможет только одно: вмешательство этнических общин, торгующих диаспор, чье хозяйственное и даже физическое существование в России будет поставлено под вопрос воцарением «чисто русского направления». Перед угрозой солидарных действий «торгового интернационала» доморощенным петлюровцам придется спасовать и торопливо уйти в кусты. Красную гвардию XXI века, способную загнать в подполье «Движение Крыс Против Кошачьей Иммиграции», составят те самые «международные трудящиеся», что составляют сейчас единственно существующий рабочий класс в России. И 1 мая — именно их праздник в сытом даровыми щедротами нефтегаза государстве. *«...адресатом всех принципов соц.солидарности отныне являются не вымершие заводы, не мифические "народно-патриотические" избиратели, а лица любой из "неправильных" национальностей. Только с их помощью русскому левому, вечному студенту с Моховой, удастся навсегда удалить с московской карты охотнорядца»*.

Иван Грушин («Победившие фашизм — 2» — Lenta.ru, 10 апреля) обращает внимание на то, что апрель ознаменован новым всплеском преступности на почве национальной и расовой неприязни. До недавнего времени следственные органы старательно делали вид, что в нападениях на людей с более темной кожей и волосами, с иной формой носа и иностранным акцентом нет никакой национальной подоплеки. Главы городов (включая губернатора Санкт-Петербурга Валентину Матвиенко) призывали «не делать поспешных выводов» относительно этой подоплеки. Когда под давлением общественности (как правило, в лице адвокатов пострадавших) все же удавалось переквалифицировать дело по «национальной» статье, суды зачастую оправдывали подсудимых (в особенности, если речь шла о статье 282 — «раз-

жигание межнациональной розни»). «Легальные националисты» твердили, что при той криминогенной обстановке, которая существует в России, народное возмущение должны вызывать в первую очередь преступления против «коренного населения», а не против иностранцев. И вдруг Генпрокуратура решительно взялась за дело: там, где еще недавно всеми силами старались «не разглядеть» националистической подоплеки, теперь с готовностью, сразу и напоказ ее признают. Обличениями фашистов как главных врагов российского государства и общества занялись государственные телеканалы, еще недавно громившие опальных олигархов и правозащитников, сотрудничающих с западными разведками. Русская православная церковь предложила собственную программу борьбы с общественным злом — в жесткой речи митрополита Кирилла. Наиболее влиятельные общественные институты вдруг разом пришли в движение. Перелом, похоже, все-таки случился. Генпрокуратуре надоела непрекращающаяся кампания против нее за то, что она фактически покрывает фашистов, возбуждая уголовные дела не по «национальным» статьям? Или начинает реализовываться политический сценарий, который уже давно называют одним из наиболее вероятных на 2007–2008 годы: власть — против фашистов? В то, что власть взялась за эту проблему просто потому, что решила не позориться, Грушину не верится.

Демократия начинается с того, что вам предоставляется возможность добродетельно казнить. Осуществленные демократией чаяния обывателя страшны. Низовое самоуправление, всегда основанное на простейших общностях; гражданская стихия, пребывающая в поисках врага. От этих максим отталкивается **Дмитрий Ольшанский**, анализирующий ситуацию со смертной казнью в России (**«Евродержавие. Антинародность»** — Русский Журнал, 31 мая). Мы прожили немалых десять лет при возвращенном к нам европейцами запрете на кровопускания, но теперь нас самым ужасным образом догоняет демократия. Общество желает совсем не *«свободы Чечне, НТВ и Ходорковскому»*, не выборности губернаторов, не вольготности для оппозиционных партий и не прав офшорного человека. Оно требует смертной казни. Одичавшие за полтора десятилетия «рынка» обыватели хотят убивать. Ольшанский убежден: этот рубеж сдавать нельзя, смертная казнь не должна быть восстановлена ни в коем случае. Традиционные аргументы против высшей меры хорошо известны и практически неоспоримы. Ольшанский перечисляет их. И добавляет: историческое отвращение от казней, государственное бремя гуманизма — это и есть краеугольный камень русской, самодостаточно-укорененной Европы. Нашего собственного, идущего еще от Елизаветы Петровны, европейского чувства первенства личности, так счастливо удаленного от жестокостей «протестантской этики» и животного бесчувствия «гражданского общества». Смертная казнь в этом смысле — идеальная лакмусовая бумажка, позволяющая отделить подлинного европейца, без связи с географией, — от приверженцев американского талибана и евразийского бантустана.

Одиночка в чужом и враждебном мире — таково самоощущение человека в современной России, согласно выводу **Бориса Дубина** из социологических наблюдений (**«В кругу чужих»** — Еженедельный журнал, 17 мая). Для российского самоощущения характерна сегодня отчужденность от ближнего.

Собственная «индивидуальность» осознается каждым как исключительность и исключенность. Отрезанность от других. Таков смысл распространенного ответа респондентов о возможном собственном поведении в трудных обстоятельствах: «Надеюсь только на себя» (его дают сейчас две трети опрошенных россиян, почти столько же — трое из пяти — могут, по их оценке, рассчитывать еще на родных и близких друзей). *«Дело не в том, что мы такие самостоятельные, а в том, что никто не поможет»*. Люди в России объединены сегодня не деловым интересом и не общечеловеческой солидарностью, а самочувствием некоего обиженного меньшинства, вокруг которого — большой и неизвестный, но наверняка враждебный мир. Более чем трем четвертям опрошенных мир видится враждебным по отношению к России, к русским; не согласны с таким видением лишь 9 процентов. Список «врагов» растет, убывает число «друзей» (включая «личных друзей президента»), а единственным партнером массам россиян все чаще представляется Белоруссия. В массе россиян крайне резко выражен сегодня этнический негативизм. Более развернуто свои соображения Дубин излагает в «Знамени» (№ 4; **«Россия и другие»**).

Мечтами о православной империи поделился объявивший себя русским консерватором **Дмитрий Володихин** (**«О государстве русском»** — АПН, 2 июня). Его радует кризис либерализма в России и антуражность «так называемой демократии». Он вполне удовлетворен тем, что власть вся сконцентрирована на самом верху и является прерогативой крайне узкого круга лиц: «царь», его приближенные и небольшая группа избранных экспертов. Консервативный проект Володихина предполагает как свои основания «умеренный изоляционизм» и самобытность. Такой консерватизм означает полное и безоговорочное расставание с проектом «единого человечества», «мирового правительства». В России видится, во-первых, территория самостоятельной цивилизации, во-вторых, пространство Империи. Стратегическая деятельность центра опирается на господствующую «русскую православную культуру», являющуюся плодом исторического творчества *«несущей нации»*. Консерватор володихинского типа *«готов в случае необходимости перейти к мобилизационным средствам развития и пойти на значительное сокращение "прав человека" в их евроамериканском понимании»*... Какое государство нужно Русской православной цивилизации в качестве «программы-максимум»? Самодержавная монархия византийского типа, несколько смягченная рядом представительных учреждений. Русская православная церковь обретает конституционно утвержденные права первенствующего конфессионального учреждения в стране, а православие — первенствующей конфессии. Интересны и рекомендации Володихина тактического порядка. Консерваторам нужно выйти «к власти». Это достигается доминированием в информационно-медийной сфере, поддержкой и продвижением «наверх» близких по духу людей, рекрутированием единомышленников в структуры исполнительной власти, борьбой с демократией. Принцип парламентарной демократии вместе с принципом «сдержек и противовесов» навсегда уходит из высших эшелонов политической организации страны. Современный демократический выборный парламентаризм — одна из худших систем власти, когда-либо придуманных человечеством, полагает автор. В духе традиций вульгарной критики демократического парламентаризма он утверждает, что последний

«обеспечивает абсолютную власть богатых людей. Побеждает тот, кто покупает СМИ и готов материально обеспечить "долгое позирование" перед камерами, то есть чрезвычайно дорогостоящую выборную кампанию претендента. Вот и весь сказ». Демократия хороша в полисном варианте, вот в низовых общественных ячейках она и будет господствовать... Конечный мираж Володихина таков: *«...постепенное продвижение единомышленников к верхам всех социальных иерархий может создать в России государство-семью, государство, основанное на благодушном и рачительном патернализме».*

Демография, стратификация, социальная мобильность, институты

Нынешняя правящая группировка не может позволить себе потерять власть, поскольку вместе с властью она потеряет не только деньги, но и свободу. В то же время, она не имеет ни силового ресурса для удержания власти, ни тем более объединяющей идеи, способной сплотить общество вокруг себя. Значит, власть надо удерживать исключительно технологиями (разводить и покупать). На таковые клюют, в первую очередь, низкостатусные слои населения, включая откровенных люмпенов; они не имеют доступа к альтернативным СМИ (их «окормляет» государственное ТВ) и часто просто не способны самостоятельно осмысливать реальность. Кроме того, их гораздо проще и дешевле купить. Следовательно, в интересах власти, чтобы таких людей было как можно больше, а самостоятельно мыслящих — как можно меньше. Так видит ситуацию **Александр Храмчихин («Для низкостатусных»** — Русский Журнал, 24 мая). Самостоятельно мыслящих можно сокращать путем выдавливания на Запад. Зато внутреннюю жизнь целенаправленно строить под низкостатусных. Само собой, все ТВ целиком — только для них (нормальные сегодня смотрят только «Спорт» и «Культуру»). В последнее время под них же начали делать армию и медицину. «Военная реформа» и национальный проект в области медицины удивительно похожи. В армии — люмпенизированная наемная пехота (она же — «профессиональная армия»), которая заведомо будет способна решать только задачи внутреннего, карательного характера. В медицине — терапевты, внезапно превратившиеся в элиту, предназначенные для оказания первой помощи низкостатусным. Теперь под низкостатусных пойдут и демографические программы. Понятно, что простое увеличение выплат на ребенка приведет к росту рождаемости среди люмпенов (они путем рождения детей-дебилов будут зарабатывать себе на водку) и некоторых народов РФ, в наименьшей степени интегрированных в российское общество. Но для того чтобы поощрять рождаемость в среднем классе, среди успешных людей, надо вообще отменить всякие пособия, зато активно использовать кредитно-налоговую политику, резко повысить уровень детской медицины и среднего образования (причем и то и другое должно быть бесплатным), стремиться к максимальному выравниванию этого уровня по всей стране. Государство должно оплачивать женщине отпуск по уходу за ребенком в размере 100 процентов любой ее зарплаты. А меры, предложенные Путиным, направлены совсем в другую сторону.

«России следовало бы сосредоточиться на сохранении собственного народа, а не на экономическом развитии или строительстве демократии» — такой

рецепт дает **Максим Момот** (**«Почему Россия деградирует»** — PROGNOSIS.RU, 20 апреля). Автор сравнивает Россию с тонущим кораблем. Период экономического роста после 2000 года выявил закономерность — страна может богатеть и разваливаться одновременно. Индивидуальные действия не сливаются в выгодное всем единство, а, напротив, ведут к мародерству, выталкиванию женщин и детей из спасательных шлюпок. Сколько бы пассажиры ни награбили, как бы ни разбогатели, корабль все равно утонет. Впечатление о России как о тонущем «Титанике» возникает от расползания единого политического и культурного поля страны. Чтобы проиллюстрировать степень разложения российского общества, Момот приводит пример страны с прямо противоположным самоощущением: *«Население Израиля в два раза меньше населения Москвы. Но что произойдет, если взять половину москвичей, расселить их на Ближнем Востоке и предложить защищать собственное небольшое государство от десятков миллионов арабов, желающих его уничтожить? Это государство не просуществовало бы и суток»*. Трудно отделаться от ощущения, пишет автор статьи, что нынешняя РФ — это нечто недолговременное и переходное. Именно это ощущение и заставляет мародерствовать как политическую и экономическую элиту, так и простых граждан. Люди чувствуют, что здесь им не жить, что земля из-под ног уходит, поэтому не считают себя связанными теми обязательствами, которые превращают население в народ, а управленцев — в правительство. Это ощущение обреченности автор связывает прежде всего с депопуляцией русских. *«Россия рушится в первую очередь из-за сокращения населения, она буквально исчезает на глазах... ключевой является проблема сокращения русского населения, поскольку ослабление контроля Москвы над Кавказом и Поволжьем связано с бегством русских с первого и этнической консолидацией республик второго. Китайская угроза также обусловлена сокращением русского населения на Дальнем Востоке»*. Неясно, однако, как автор статьи предполагает обеспечить рост рождаемости.

В другой своей статье (**«Республики распустят Россию»** — PROGNOSIS.RU, 17 мая) **Момот** указывает на этническую консолидацию в национальных республиках РФ как на фактор, который неминуемо приведет к распаду страны.

А **Петр Ильинский** (**«Демографический парадокс»** — GlobalRus.ru, 5 апреля) призывает не паниковать. В России демографические проблемы, замешанные на коктейле расовых, национальных и миграционных вопросов, возникли внезапно, и ни общество, ни государство не готовы еще в полной мере их обсуждать и предлагать разумные способы их решения. Ильинский полагает, что ресурсы и способы снятия демографического напряжения у России есть. Во-первых, бессмысленно бросать государственные ресурсы на то, чтобы поднимать рождаемость. Лучше поднимать экономику, тогда и рождаемость придет. Во-вторых, Россия имеет все возможности для того, чтобы обеспечить иммиграцию квалифицированных работников. Большая часть этих людей будет близка российской традиции как культурно, так и социально. С учетом смешанных браков и 99-процентного распространения русского языка успешная ассимиляция этих людей представляется весьма вероятной. Однако нужна продуманная государственная политика. Власть, по Ильинскому,

хотя бы пытается что-то сделать. А вот общество пассивно и безучастно смотрит на происходящее. Далее у автора получается, что и в огромных недоработках властей всех уровней, и в произволе милиции виновато именно общество. Хотя можно согласиться: *«Общество должно брать свое развитие в свои же руки, а не отстраняться и жаловаться»*. Ильинский оптимист: *«Следующей стадией истории России неминуемо станет выход на политическую арену экономически самостоятельных представителей среднего класса, людей, рожденных в 70-е гг. Именно они заставят власть работать не на себя, а на жителей страны — принимать разумные законы, заниматься решением насущных проблем». Время жить в России* может прийти довольно скоро. Тогда и демография выправится — заодно с культурой и экономикой.

Дмитрий Бутрин («Дети заблуждений» — Газета.Ру, 22 мая) комментирует программу решения демографических проблем, изложенную в послании президента. *«Вопрос не в том, сможет ли Россия под чутким руководством полутора миллионов освобожденных чиновников улучшить ситуацию с воспроизводством населения. Вопрос в том, отчего демографическая ситуация в России вызывает желание государства что-то с ней делать. Хорошо, повысить рождаемость. А зачем?»*. Какая тут прагматическая польза? Бутрин не находит на этот вопрос рационального ответа. Ведь для большей части городского населения количество детей в средней семье — это лишь вопрос вкуса и личного удобства, а не проблемой государственной важности. Да к тому же *«когда дети возможного путинского беби-бума вступят в трудоспособный возраст, система с огромной вероятностью будет трансформирована»*. Государство должно отдавать себе отчет в том, что импорт рабочей силы для него гораздо более эффективный способ решения проблем с народонаселением, чем дорогостоящие социальные программы. Ведь в другую страну, как правило, эмигрирует слой экономически активных людей, да и ожидания социальной поддержки со стороны этого слоя гораздо ниже, чем у нынешних жителей России. Если же говорить об угрозе потери национальной идентичности русского населения России в связи с разницей в проценте рождаемости между русскими, украинцами, татарами и населением Северного Кавказа, то гораздо дешевле было бы принять меры по сокращению рождаемости на Северном Кавказе. Очевидно, имеет смысл говорить только о том, что в нынешней парадигме обороноспособности сокращение численности населения России является проблемой Генштаба, да и то только если предположить, что к 2025 году Российская армия останется призывной. Но даже и в этом случае вряд ли в 2025 году кто-то собирается воевать так же, как в 1914 году — то есть большими пехотными соединениями. Так что, итожит Бутрин: *«Демографической программой от Владимира Путина мы обязаны исключительно инерции мышления»*. Правда, тут же успокаивает он, при предполагаемом масштабе госинвестиций в социальную сферу *«опасность реализации»* этой программы минимальна.

Судьбой русской нации озабочен **Ярослав Бутаков («Народная аристократия»** — АПН, 28 марта). Мыслит он ее как союз лучших людей русского этноса с лучшими людьми других этносов, спаянный служением русской государственности. *«Нация — это не эгалитарно-всесословное смешение, а активный носитель и сеятель национального сознания, политически-креативная*

элита». В наше время видимое единство остатков Российского государства сохраняется благодаря лишь тому, что *«пока еще все-таки существует, хотя и в политически приниженном положении, русская нация — миллионы людей, верных исторической России»*. В состав же исторической России Бутаков склонен включить все *«русско-советское державное наследство»*. В этой связи возникает технический вопрос: *«Как произвести отбор и консолидацию русской нации как народной аристократии и привести ее к власти?»*

«Никакой призывной армии в России нет. Ей в наследство от Советского Союза досталась рекрутская армия тюремного типа для юниоров», — пишут **Андрей Громов** и **Алексей Рощин** (**«Главная тайна Красной армии»** — «Эксперт», № 23, 19 июня). Долгое время Министерство обороны насмерть отстаивало необходимость длительности срочной солдатской службы два года и ни месяцем меньше. Недавно, как известно, Минобороны резко изменило мнение, сочтя, что и года службы для «настоящего солдата» хватит за глаза. О чем и доложило правительству 30 марта. Объяснений не последовало. И, что характерно, их никто и не потребовал: общество в который раз уподобилось веселому сорванцу, которому тоже никогда не приходит в голову допытываться у обычно строгого родителя, почему сегодня разрешается погулять с ребятами на два часа дольше обычного. Авторы предлагают задуматься об этих *странных материях* — «сроке службы» и «настоящем солдате». Призыв, указывают они, обеспечивал армии невиданную гибкость в комплектации личным составом: в мирное время государство могло позволить себе содержать относительно небольшую армию, занятую в основном подготовкой резерва; в случае же войны численность солдат в считанные недели увеличивалась чуть не в десятки раз, причем войска пополнялись уже обученным резервом. Однако все войны, которые наша армия вела в последние десятилетия, она вела призывниками, так сказать, «первого призыва», то есть 18–20-летними солдатами и сержантами. Вооруженные силы РФ — это вообще никакая не призывная армия. Наша армия — армия рекрутская. И существует она практически в том виде, в каком существовала до реформы 1874 года. Это вполне аракчеевская армия. Тут вам и «военные городки», и муштра. Париков только офицерам не хватает. Единственное отличие — рекрутов берут не на 25 лет, а на два года. И что же со всем этим делать? Переходить на контракт? Однако компактная, обученная, профессиональная армия хороша в мирное время, в случае же сколько-нибудь значительной войны нам нужны будут солдаты куда в большем количестве, чем может обеспечить контракт. Что нужно сделать? Авторы считают, что в мирное время следует принципиально разделять призыв и кадровую армию. Призыв работает только на обучение солдат. После обучения часть потенциальных солдат возвращается на гражданку и живет своей частной жизнью. Другая часть — те, кто желает и достоин, заключают контракт с Министерством обороны и поступают в кадровую действующую армию. Кадровая армия нацелена не на ведение крупномасштабной войны (для этого есть обученный резерв, который будет призван в случае надобности), а на решение локальных военных задач. Нет необходимости ни в миллионной, ни даже в полумиллионной армии — достаточно кадровой — компактной, но профессиональной, мобильной и очень хорошо оснащенной.

Сегодня термин *«молодежная культура»* есть форма публичной фантазии, модель сферы досуга для любого желающего хорошо проводить свободное время, чувствуя себя молодым и свободным. Таков один из выводов **Елены Омельченко**, размышляющей о специфике «молодежности» в современной культуре (**«Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры?»** — ПОЛИТ.РУ, 30 июня). По автору, само понятие молодежной культуры появилось в 20-е годы, когда в атмосфере джаза и танцев подростковый мир начал позиционировать себя как образ молодости. Постепенно эта ассоциация превратилась в клише. Молодежные интересы в моде, в ритуалах ухаживания, в практике свиданий, постоянное стремление молодых людей к использованию и сотворению новых стилей, подростковые дружба и любовь — популярные темы не только для большинства медийных проектов, но и для развивающейся сети молодежного потребительского рынка. Рекламщики повсеместно начинают использовать молодежные имиджи чувственности, сексуальности, утонченности и беззаботности для того, чтобы продавать товары, в реальности ничего общего с молодежной культурой не имеющие: *«Именно наш крем сделает вас моложе, чем сама молодость!»* Молодежная культура — часть общей потребительской культуры, в которой люди постоянно провоцируются на покупки, содержащие в себе «пилюлю» молодости: *«Доставь себе удовольствие, купи себе немножко молодости!»* Далее автор задается вопросом: что происходит с подобными рекламными образами, когда значение молодежи как социальной категории перемещается из пространства безответственности, безрассудности и свободного выбора в пространство бесполезности существования и постоянного ощущения принуждения, когда молодежь начинает широко восприниматься не как потребительская группа, вызывающая зависть, а как волнующая трудовая проблема, провоцирующая жалость? На этот вопрос невозможно ответить. Коммерческий имидж молодежи продолжает демонстрировать себя в журналах, на рекламных щитах и в видеоклипах, эксплуатируется еще более тонко, художественно изощренно и достаточно эффективно; проблема возрастных переходов выглядит еще более запутанной. Смена имиджей, стилей, модных ориентаций, замешанных на теме молодости, происходит невероятно стремительно, причем в самых разных направлениях, формируя новые модели отношения к ним. Довольно часто поэтому сами взрослые, занимающиеся подростковой индустрией (поп-культурой, модой и молодежным бизнесом), говорят о «конце века подростков» или «смерти молодежи». Однако это не означает, что модная коммерческая (в том числе и рекламная) индустрия перестает черпать из идеи молодости новые силы для развития своих товаров и услуг. Идея молодости в современном мире давно уже не является столь очевидно и однозначно прикрепленной к некоей возрастной группе, а стала чертой, акцентом, фокусом мировой культуры в целом. И все-таки молодежь существует, и она будет творить «молодежную культуру» как способ понимания собственных жизненных ситуаций. Теряя социальный приоритет в единоличном обладании идеей молодости, молодежь тем не менее не лишается качества перехода от одной социальной позиции к другой. «Век подростков» дал невероятно сильный толчок развитию всей современной индустрии моды, которая уже сама начинает во многом определять и формировать новые век-

торы в молодежной культуре. Выделить некие субкультуры в этой ситуации становится все более и более сложно, а определить субъектов воздействия практически невозможно. Пространство «вынужденного» досуга молодежи продолжает заполняться новыми и новыми культурными выборами. Завершает автор статью такой мыслью: не исключено, что скоро появится понятие/термин *«пенсионная культура/субкультура»*, потому что, вследствие падения рождаемости и продления сроков жизни, именно пенсионеры, а не молодежь станут основным потребительским субъектом, от культурных выборов которых будет зависеть общественное благополучие.

Население России убывает, а численность чиновников растет, замечает **Александр Напылов («На нашей шее»** — Lenta.ru, 12 апреля). Как сообщил «Росстат», только за 2005 год их стало больше сразу на 10,9 процента. Общее количество работников органов власти всех уровней достигло 1,462 миллиона человек. Совсем немного осталось до уровня брежневских лет, когда количество управляющих страной составляло 1,755 миллиона. Правда, при Брежневе и страна была побольше, и населения в ней было больше чуть не вдвое. В конце 30-х годов в СССР, напоминает Напылов, было 1,837 миллиона госслужащих и аппаратчиков. В пересчете на количество населения — как раз столько, сколько в путинской России. Но это был пик — впоследствии численность управленцев понемногу снижалась. Лишь Горбачев довел количество чиновников до 2,390 миллиона человек. В первые ельцинские годы чиновников осталось около миллиона. Но власть сразу же начала прирастать кадрами. К 2000 году в стране насчитывалось 1,163 миллиона управленцев. Потом началось выстраивание «вертикали власти», и численность «слуг народа» полетела вверх. Триста тысяч человек влились в их ряды всего за шесть лет. Например, в Федеральной службе по ветеринарному и фитосанитарному контролю еще в 2004 году работало 116 человек, а на конец 2005-го — 20469. Чиновники не просто размножаются — они еще и богатеют. За 2005 год их доходы увеличились на 44,1 процента. Для сравнения — в среднем по России зарплата стала больше на 21,3 процента. А если пересчитать номинальный и реальный рост, учитывая инфляцию, получится картина — 30 против 9 процентов. Прежде черная «Волга» была уделом крупной шишки, обычно не ниже секретаря горкома в крупном городе. Теперь же в дорогих иномарках раскатывает даже не первый, а четвертый этаж элиты.

О политической элите России размышляет **Андрей Колесников («Время средних»** — Газета.Ru, 6 июня): *«Элита ротируется. Но качество ее не повышается, как это обычно бывает при ротациях в демократиях, а падает, как это происходило с советской элитой начиная с 1970-х годов»*. Символы российской элиты начала XXI века — Михаил Фрадков и Геннадий Онищенко. Они как две головы российского орла. Выходцы из второго эшелона высшего чиновничества, они олицетворяют собой базовые принципы кадровой политики — «чичиковскую» усредненность внешнего образа и такую же безликую, усредненную управленческую политику, адаптированную под техническое выполнение политических задач, сформулированных на самом верху вертикали власти. Именно это волшебное свойство — главное конкурентное преимущество новой элиты, которая к концу второго срока Путина готовится занять командные высоты. Это будет команда людей

из ниоткуда, без фамилий, потому что фамилии их никому ничего не скажут, не высокие и не низкие, с незапоминающимися лицами, без взглядов, убеждений, мировоззрения. На выходе мы получим медиократию, власть средних, сереньких, невыразительных, способных построить не столько здание современной европейской демократии, сколько «замок» Кафки. Они, эти, кстати, сравнительно молодые или просто очень молодые люди, и рождены, чтоб Кафку сделать былью.

От «страстей по гей-параду» в Москве отталкивается **Алексей Байков** (**«Гей-политика и обыдление масс»** — АПН, 21 мая). Его первый вывод — сексуальные меньшинства стали действующим фактором российской политики, ведь *«лучшего повода для создания "долгожданного" объединения российских движений борющихся за права сексменьшинств и тесной смычки их с извечными союзниками — радикал-феминистками и либералами, просто невозможно придумать»*. Интереснее другая мысль Байкова — о социальном типаже тех, кто в начале мая громил гей-клубы: *«...мы увидим не "заядлого гомофоба", не "фашиста" и не "православного фундаменталиста", как о нем писала пресса, а всего лишь обычного паренька из рабочей семьи, родом из Южного Бутова, Медведкова или Мытищ. "Бить этих пидорасов" он пошел не потому, что они лично ему жить мешают, а потому что ему в обычной, довольно скучной жизни просто нечего делать. Пиво с друзьями на лавочке, раз в месяц — поход на футбол, иногда — послефутбольный "махач", диплом "заборостроительного института", армия, к 25 годам — свадьба, зачастую по "пьяному залету", далее — унылый и бессмысленный для него труд с 9 до 18, опостылевшая жизнь в четко отведенных обществом границах — ни вверх ни вниз»*. Это — жертвы «обыдления молодежи», продукты насилия и унижения со стороны милиции, способные лишь к ответному насилию. *«Советская власть в свое время пошла по пути более сложному и своими руками создала своего же могильщика — представителя советского "среднего класса", который, имея весьма приличное, полученное при этом бесплатно, образование, жил в условиях отсутствия современных методов интенсификации трудового процесса, вследствие чего у него оставалось время на размышления и он много чего о себе понимал. Именно этот человеческий тип всей душой поддержал перестройку, а затем своими руками вознес Ельцина на вершину власти. Нынешняя элита не собирается, похоже, повторять ошибок предыдущей. Даешь ударную ковку быдла в масштабах всея Руси!»* Есть, наверное, правда в том, что «стабилизация» обернулась уменьшением вертикальной мобильности в обществе.

Народ сохраняют не территории, не богатства и не военная техника. Народ сохраняют коллективные грезы, коллективное мнение о себе как об огромной драгоценности, допустить исчезновения которой ни в коем случае нельзя. Поэтому всякий народ, которому действительно грозит исчезновение, должен прежде всего позаботиться об укреплении своих коллективных грез, ибо их укрепление — это и есть национальный подъем, а их ослабление — национальный упадок. Пресловутая ностальгия по империи — это прежде всего ностальгия по чувству причастности к чему-то великому и бессмертному. Ибо жизнь в сегодняшней России дает очень мало пищи для этой важнейшей человеческой потребности. Тогда как именно ей служит система грез, именуемая «родиной». За это родину и любят. Так размышляет **Александр**

Мелихов («Национальная идея — возрождение аристократии» — «Нева», № 5). Отсюда практический вывод: *«Государство должно служить воображению, ибо человек и есть прежде всего его воображение»*. Однако осуществить подобное служение невозможно без возрождения национальной аристократии, то есть творцов и служителей коллективных фантомов. Если Россия хочет жить долго («вечно»), ей абсолютно необходимы люди-легенды, события-легенды, — то, что останется в памяти потомков. Первейшей национальной задачей надо признать развитие национальной аристократии — то есть расширение круга людей, мечтающих систематически поражать воображение.

Защитником Российской армии выступает **Владимир Голышев («Армия, которую послали»** — АПН, 12, 15 мая). В основном его интересуют авторитет армии в обществе и ее кадровый состав. По Голышеву, успех 2000 года Путину *«на 70% обеспечили Шаманов и Трошев, Казанцев и Шпак, кровь псковских десантников и "рождественский подарок" полковника Буданова (остальные 30% — экономический рост, полученный в наследство от правительства Примакова)»*. Вскоре популярные генералы были «вытолкнуты на гражданку, опорочены и тихо «слиты»». Однако сразу же было запущено долгоиграющее «дело Буданова», которое *«в течение нескольких лет планомерно сравнивало с землей авторитет героев чеченской войны»*. Следующей *«пощечиной армии»* стало назначение военным министром гэбиста Иванова, *«не служившего в армии даже срочную службу»*. Путинская «чеченизация», пишет Голышев, фактически обнулила всю солдатскую и офицерскую кровь, которая лилась в Чечне все 10 лет войны. *«Чечня в войне с Россией одержала полную и безоговорочную победу. Хасавюрт и масхадовская Ичкерия по сравнению с ней — детский лепет. Кроме полной независимости своей внутренней (и отчасти внешней) политики, воцарившиеся в Чечне кадыровские боевики получили два преимущества, о которых Масхадов не мог и мечтать: регулярные масштабные денежные вливания из федерального бюджета (распределением которых кадыровцы занимаются теперь самостоятельно) и открытые настежь границы»*. Еще одну угрозу Голышев видит в развитии в армии землячеств, которые, по сути, ведут к превращению славян в рабов компактных, но сплоченных групп, представляющих разные нацменьшинства, в рабочий скот, выполняющий «черную работу» под жизнерадостный гогот «детей гор». «Землячества», пишет Голышев, сознательно насаждаются действующим руководством РФ и ВС РФ с целью вытеснить из армии коренной русский элемент, привлечь в нее выходцев из СНГ, да и тех же чеченцев, чтобы армия выполняла роль янычаров: обеспечивала безопасность власти. Так началось превращение чеченцев в «элиту ВС РФ», а реально — в карательные силы. И это при том, что никакой вооруженной агрессии на территорию России в обозримом будущем не предвидится (а «необозримое будущее» действующую власть не интересует вообще)... Тем более что воюют нынче не за территории, а за рынки и ресурсы и нынешнее руководство РФ само все отдаст, причем на очень выгодных условиях... Создаваемая же «многонациональная» армия обладает главной путинской добродетелью — полнейшей и безоговорочной лояльностью. О боеспособности затравленных подростков, отданных на растерзание «землячествам», легионерам и «новоиспеченным офицерам», говорить не приходится... через этот «ад длиною в год» теперь будут пропус-

кать вдвое больше призывников, а это значит, что будет вдвое больше цинковых гробов, вдвое больше самоубийств, вдвое больше покалеченных морально и физически. *«Если согласиться с тем, что коренное население рассматривается действующей властью в лучшем случае как ненужный балласт, — новую конфигурацию можно признать чертовски удачной».*

Экономика и политика

Уже сейчас денег у государства больше, чем у СССР в лучшие его годы, утверждает **Михаил Делягин («О "вредности" денег для бедных» — ЖЖ** (delyagin); «Аргументы і время», 16 мая). *«Государство захлебывается от нефтедолларов. Это не шальные деньги, как нас уверяют, "упавшие с неба". А героический труд советских геологов и нефтяников, наших отцов и старших братьев принес богатство нашей стране. Но — не нам».* Правящая бюрократия не тратит их на нужды России прежде всего из-за лени. Зачем что-то делать людям, у которых и так все хорошо? Вторая причина безделья вечна — «разворуем». Третья причина — боязнь инфляции. И не важно, что она вызвана не избытком денег у россиян, а произволом монополий, на который бюджетные траты не влияют. Не желая использовать средства на благо страны, указывает Делягин, государство отказывается от своих неотъемлемых обязанностей. По данным социологического центра Левады, уровень нищеты — 13 процентов, бедности — 88 процентов, а государство спасает не людей, а статистику инфляции, хотя экономика не ощущает разницы между 10 и 13 процентами. Но возможны же улучшения, и начинать надо с обеспечения права человека на жизнь (сейчас же экономическое выражение этого права — прожиточный минимум, пищевая ценность которого близка к ценности пайка немецкого военнопленного в 1941 году). Второй шаг — поддержка рождаемости. Пособие на ребенка должно быть достаточным для воспитания этого ребенка. Третий шаг — доступное для всех качественное здравоохранение и образование. Помимо восстановления человеческого капитала нужна модернизация производства. Деньги государства (в первую очередь в виде гарантий по кредитам) должны идти на обновление инфраструктуры, развитие науки, технологий. *«Деньги на это — едва ли не впервые за всю историю — есть. Осталось дополнить их ответственностью и интеллектом».*

Бюджетный наказ президента правительству анализирует **Наталья Оленич («Наследство Путина»** — Газета.Ru, 1 июня). Государство старается, где возможно, освободиться от социальных обязательств, в крайнем случае перекинуть их на нижестоящие бюджеты. Что касается поощрения собственно граждан, то, по словам Путина, *«проведенная реформа системы натуральных льгот позволила повысить эффективность социальной поддержки населения».* Президент пытается в оставшиеся два года решить сугубо конкретные задачи. Дать налоговые послабления отдельным добывающим компаниям, типа Роснефти и Газпрома. Ускоренно приватизировать государственные унитарные предприятия. Урегулировать вопрос о снижении выкупной цены земельных участков под объектами, находящимися в частной собственности. Как развиваться стране, критически зависящей от нефтяных доходов, когда цены на энергоносители все же упадут, из бюджетного послания не очень

ясно. Как видно, «будущему поколению» придется лихорадочно придумывать, что делать с постпутинской и постэнергетической державой. Самому же *«везунчику Путину, которому, в отличие от Ельцина, сильно подфартило с ценами на нефть, думать о том, как будет жить в эту пору ужасную, явно не хочется».*

История и современность. Вопрос об имперском наследстве

«Мы, русские, — самая успешная нация прошедших ста лет» — такое парадоксальное суждение высказывает **Федор Шелов-Коведяев** (**«Лучшие»** — «Литературная газета», № 18). Он не согласен с тем, что Россия якобы проиграла Западу по итогам XX века. Ведь только мы сумели за 60 лет одолеть два тоталитаризма: гитлеровский и свой родной. И во втором случае — справились в одиночку. А подобное в истории не удавалось никому, никогда и нигде. Лишь у нас все решил действительно сам народ. Не пролив своими руками ни капли крови. Заодно мы подарили свободу половине света. Запад мы избавили от самой тяжелой зависимости — от его собственного страха. Из стран Центрально-Восточной Европы одни поляки могут гордиться собственной «Солидарностью». И народные фронты бывших республик СССР никогда бы ничего не достигли, не будь у большинства из них мощной поддержки «своих» и столичных русских. Эксклюзивное авторство России во всех случаях доказано тем, что мир оказался не готов к такому повороту событий и пребывает в растерянности до сих пор. Чем еще объяснить, что Запад не реализовал ни одного успешного масштабного проекта за истекшие 15 лет. Шелов-Коведяев делает отсюда практический вывод: *«вместо того чтобы гордиться, мы опять горюем», «так сменим комплексы на кураж! Мы никому ничего не должны. Тем, кто требует у нас компенсаций, ответим скромным вопросом: а что, ваша свобода уже ничего не стоит? Как можно ни во что не ценить собственную независимость?»*

«Кто ответит за геноцид?» — такой вопрос задает **Максим Артемьев** (GlobalRus.ru; 25 апреля). Речь идет о геноциде народов в советский период. Артемьев указывает на то, что все громче не только в странах Балтии, но и в Украине, Казахстане вспоминают о советских репрессиях и голодоморе. А в России эта тема не актуальна. Артемьев почему-то полагает, что *«после 1992 –1993 гг. российское общественное мнение достигло консенсуса — прошлое не ворошить, что было, то было, погибших и уничтоженное не вернуть, надо двигаться вперед, не оглядываясь».* На самом деле, речь, скорее, идет о бездарной политике российских властей. Впрочем, Артемьев мыслит исключительно прагматично: и русские гибли от голода; и этот факт — хороший аргумент, которым можно заткнуть глотку всяким там хохлам, когда те предъявят *«претензии к РФ, как наследнице СССР, с целью выплаты компенсаций». «Отчего же мы забываем собственные жертвы?!* — восклицает Артемьев. — *Зачем отдаем в чужие руки память о них? Разве б не было лучшим аргументом... в любом споре с коллегами по СНГ, что в России не менее Украины чтят память погибших и не забывают о сталинском геноциде, жертвой которого наша страна является еще в большей степени, чем какая-либо другая. Когда же мы занимаем позицию незаинтересованного созерцателя собствен-*

ной драматической истории, то заметно проигрываем на фоне других, более неравнодушных». Вероятно, адресатом своего мессиджа Артемьев видит чиновников, пытаясь говорить с ними на их циничном, суконном языке.

Событие XX съезда **Глеб Павловский** (**«Две речи — одно событие?»** — АПН, 10 июня) полагает своего рода моральным основанием советской цивилизации 60 — 80-х годов. Хрущевым было осуждено сталинское преступное государство, возобновлена *«легитимность Советской России в поствоенном, постхолокостном, антифашистском контексте».* В Кремле в марте 1956 года творится тайный суд народов. Устами Хрущева марксистская традиция впервые публично заявляет о себе: я подсудна! И вот *«государство примирено с действующими лицами советского общества... Оно признало над собой власть своего закона. Каким же образом? Порядочность является требованием и ценностью, она более не гонима в принципе — и потому может быть легально заявлена и легально противопоставлена действиям от имени государства»*; и *«самоосвобождение советских русских легло в основу обновленной позднесоветской советской цивилизации».* Этот суверенитет советского самоосвобождения до сих пор обнаруживается *«в составе легитимности России, перешедший к ней от СССР, продолжателем которого является нынешняя Россия (согласно постановлению Совбеза от декабря 1991)».*

Тридцатилетию Московской Хельсинкской группы посвящает свои заметки **Александр Черкасов** (**«Часовой прав человека»** — ПОЛИТ.РУ, 12 мая). Даются исторический обзор и обзор источников. Черкасов убежден, что затея основателя группы Юрия Орлова была успешной. Сработала идея: использование в качестве инструмента документов международного права — подписанных в августе 1975 года Хельсинкских соглашений. Именно в качестве инструмента, а не декларации! Второе слагаемое успеха — то, что группа была создана не для представительства, не для «заявлений», а для работы; теперь бы ее назвали «экспертно-аналитическим центром». Группа не стала ни трибуной для «выдающихся деятелей», ни стартовой площадкой для желающих выехать за рубеж. И в этом тоже заслуга Орлова, подбиравшего людей «поштучно». Вот «первый призыв»: Людмила Алексеева, Михаил Бернштам, Елена Боннэр, Александр Гинзбург, Петр Григоренко, Александр Корчак, Анатолий Марченко, Виталий Рубин, Анатолий Щаранский...

Полезное дело начал **Дмитрий Травин**, публикующий в «Звезде» (№ 1–6 и далее) авторскую хронику середины 1980-х — 1990-х (**«Пореформенная Россия: От расцвета до отката»**). Вот как видится, например, ему содержание 1990–1991 годов («Звезда», № 4). В 1990 году закатилась звезда удачи и популярности Горбачева. Стало ясно, что империя распадается, Горбачев больше не совершенствовал социализм, а начал движение к капитализму, однако главный экономический проект года — «500 дней» Явлинского со товарищи — так и остался проектом. Программе не было альтернативы, и Горбачев это понимал. Но ум и работоспособность Президента СССР, увы, сочетались с нерешительностью. Он оказался неспособен преодолеть страх перед социальным взрывом. Главным с экономической точки зрения у Явлинского было намерение добиться финансовой стабильности решительным рывком, по сути дела — шокотерапией. Либерализация цен (наряду с радикальной отменой дотаций предприятиям и снижением военных расходов) должна была

стать методом стабилизации. В этом программы Явлинского и Гайдара были похожи как две капли воды. По Травину, тот год был пиком и для Явлинского. Явлинский умел простым языком говорить о сложных вещах, шутил над святыми для догматиков принципами и создавал вокруг себя атмосферу научной тусовки, где только и могли появиться на свет по-настоящему оригинальные идеи. Позднее, когда Григорий Алексеевич ушел в большую политику, где превратился в неудачника, так ни разу и не сумевшего добраться до рычагов управления страной, молодой задор куда-то ушел, уступив место невероятному занудству. Его глаза потухли, лицо стало скучным, способность подойти к проблеме нестандартно полностью исчезла...

По всем направлениям маневрирования Горбачев к концу года потерпел сокрушительное поражение. Он подошел к естественной границе возможностей манипулировать обществом. Дальше жизнь стала развиваться по другим законам. Теперь всех собак вешали исключительно на Президента СССР. Как заслуженно, так и незаслуженно. Власть, не опирающаяся на общество, неизбежно становится объектом покушения. После того как Горбачев отверг программу «500 дней» и почти полностью утратил доверие общества, дальнейшее существование его власти могло быть обеспечено одним из двух возможных способов: либо путем установления откровенной диктатуры, либо путем обретения новых источников легитимности. В первом случае требовались армия и КГБ, во втором — можно было попытаться прийти к консенсусу с лидерами союзных республик, обладавшими поддержкой населения, но испытывавшими явный недостаток реальных властных полномочий. Какой путь выбрал Горбачев? Сразу два. Горбачев дал консервативным силам карт-бланш для восстановления экономической стабильности. В качестве «стабилизатора» оказался избран Павлов. Но его с таким трудом и позором внедренные стабилизационные мероприятия уже к лету 1991 года оказались полностью сведены на нет лоббизмом, вынуждавшим государство снова и снова «печатать» деньги. В целом деятельность премьера привела к негативному результату. Власть виделась народу смешной и неэффективной, а ее ведущие представители — бездарными и корыстными. Однако Президент СССР шел не только к диктатуре, но и к заключению нового союзного договора, осуществляя так называемый *новоогаревский процесс*. Генсек ни разу в жизни не действовал по принципу «или — или». Он всегда стремился оставлять пространство для маневра. Возможно, если бы во главе госбезопасности стоял человек иного склада, дело действительно кончилось бы диктатурой. Но Крючков был слабым лидером и не столько готовил серьезный путч по латиноамериканскому сценарию, сколько надеялся уговорить Горбачева поддержать создание ГКЧП. Тихий 67-летний старичок с Лубянки, может быть, и хотел бы установить твердый режим, но был так же не способен к твердости в политике, как Павлов — в экономике. Создание ГКЧП не имело логического завершения в реальной политической ситуации. Члены ГКЧП никак не рассматривали свои взаимоотношения с народом, не понимали того, что неувязочка может случиться не в Форосе, а в Москве, в районе Белого дома. ГКЧП погубил себя сам. Пассивность его ведущих членов избавила страну от самой страшной трагедии. Тем временем люди, у которых действительно хватало духа делать большую политику, взяли на себя сопро-

тивление. Утром 19 августа, вскоре после объявления о создании ГКЧП, Борис Ельцин, еще 12 июня избранный Президентом России, вместе со своим ближайшим окружением засел в Белом доме. А к стенам резиденции российского руководства постепенно стягивались десятки тысяч москвичей. Шансов выстоять в боях с регулярными войсками не имелось никаких. Однако куража у защитников было хоть отбавляй. Президент залезал на танк, штатские агитировали народ, военные делали вид, что организуют оборону. Крючков с его хваленым аналитическим аппаратом КГБ так и не понял главного: элиты выпустили контроль из своих рук; на сцену истории выступил народ.

Десять лет назад с избранием Ельцина на второй срок демократы одержали такую победу, которая не оставила шансов самой демократии, считает **Дмитрий Фурман («Судьбоносный выбор и его последствия»** — «Независимая газета», 23 июня). Первые же выборы верховной власти в «свободной России» носили имитационный характер, были выборами без выбора. После президентских выборов 1996 года в России окончательно утвердился режим безальтернативной власти. Преемнику Ельцин передал уже построенное здание постсоветской политической системы, и Путину оставалось лишь провести некоторые отделочные работы и убрать строительный мусор. Фурман задним числом полагает даже, что демократия в России была обречена, все было предрешено с самого начала. Наше политическое развитие определялось характером всех действующих сил и ситуацией, в которой они оказались после беловежских соглашений. 1996 год — рубеж, но не решающая точка «бифуркации» — такая точка была в 1991 году. Но именно в 1996 году обреченность нашей демократической попытки и неизбежность построения у нас «имитационной демократии» стала наиболее зримой. Если на защиту демократии не встают и демократы, утвердить ее невозможно. Ситуация 1996 года была не столько ситуацией выбора между Ельциным и Зюгановым, сколько ситуацией выбора наших «демократов» между честной игрой со всеми тяжелыми последствиями, которые в человеческой жизни может повлечь за собой честность, и игрой нечестной, гарантирующей победу, но ликвидирующей саму «игру». В больших, национальных масштабах это была ситуация морального выбора между невыгодной честностью и выгодной нечестностью, подобная тем, в каких мы оказываемся на каждом шагу. Победа Зюганова не гарантировала бы сохранения и укоренения демократии. Она стала бы тяжелым испытанием для демократов и демократии. И все-таки она давала бы шанс. Но победа Ельцина, достигнутая таким путем, каким она ему досталась, гарантировала конец нашей демократической попытки на сто процентов. Все, что пришло после, было предопределено событиями 1991, 1993 и 1996 годов, и все те, кто сейчас возмущается «басманным правосудием», ликвидацией свободного телевидения и свободной прессы, возмущаются неотвратимыми и естественными последствиями собственного «экзистенциального выбора» в ситуациях 1991–1996 годов. Как коммунисты, возмущавшиеся Сталиным и гибнувшие в сталинском терроре, возмущались естественными и закономерными следствиями своих собственных дел.

О судьбе конституционной идеи в России по поводу юбилея Конституции 1906 года размышляет **Юрий Пивоваров («Между казачеством и кнутом»** — «ПОЛИС (Политические Исследования)», № 2). Судьба эта в ос-

новном печальна. Целый ряд природных черт русской системы препятствовали формированию конституционной государственности. Власть в России по своей природе вотчинная (патримониальная); на протяжении многих столетий разделительная линия между властью и собственностью у нас почти не просматривалась. А еще — унаследованная от Византии модель взаимоотношений государства и церкви по типу симфонии, не предполагающая никакого ограничения или разделения властей. Далее, тягловый характер русского социума: проблематика автономии индивида, прав человека возникнуть здесь не могла. Как, впрочем, и база для формирования правового государства. Вместо Rechtsstaat строится *«государство правды»*, *«литургическое»* государство (П.Б.Струве). Полицейское государство, регламентирующее государство, воспитательная диктатура — так называют устройство послепетровской власти. Это государство было деспотической формой, которая стягивала распавшуюся на две субкультуры страну. Однако в деспотизме новой государственности таилась как репрессивно-подавляющая, охранительно-удерживающая, так и просвещеннически-реформистская, прогрессистски-революционалистская сила. Все цари-императоры были папой и Лютером в одном лице... Далее Пивоваров указывает, что создателем русского конституционного текста, конституционной константы был М.М. Сперанский. Черты его плана просматриваются даже в самой последней Конституции: власть президента огромна, он не «вписан» в разделение властей, а располагается над ними (и в этом смысле — римейк царской власти); правительство ответственно перед президентом (хотя Дума утверждает премьера, реально воздействовать на состав правительства, включая его главу, она не может); Госсовет преобразился в Совет Федерации, который вместе с Думой (ограниченной, как и ранее, в реальном влиянии на политический процесс) составляют двухпалатный парламент. На протяжении почти двух столетий (возможно, за исключением коммунистического периода) Россия фактически живет с одним конституционным текстом. Альтернативный проект первым создал Н.М. Муравьев. У него речь идет о парламентской форме правления, базирующейся на принципе ответственности правительства перед законодательной властью. В России под псевдонимами «президентский» и «парламентский» тип правления прячутся два различных типа общества, точнее — две властные схемы, корреспондирующие тому или иному варианту социума. «Президентский» — традиционно властецентричному, «парламентский» — возможному полисубъектному, антропоцентричному, гражданскому обществу. Пивоваров анализирует и тот шаг в развитии отечественной государственной идеи, который был сделан авторами сборника «Вехи». России была предложена государственная формула — демократическое, конституционное, правовое государство. Эта формула соответствовала тому типу социальной, экономической, политико-правовой и социопсихологической эволюции, которую переживала страна в конце XIX — начале XX столетия. Был найден и исторический преемник просвещенной бюрократии — интеллигенция. Но интеллигенции еще нужно было возвыситься до уровня стоявших перед ней грандиозных задач. Ей предстояла тяжелейшая работа по внутреннему «перерождению»и организации всех творческих сил русского общества — формировавшейся в городе

буржуазии, поднимавшегося в деревне самостоятельного хозяина, «остатков» (впрочем, не таких уж и малых) просвещенной бюрократии. Позднее к этим силам мог присоединиться и рабочий класс, окультуренный и ведомый динамичной и конструктивной социал-демократией. Так складывался исторический блок, которому было вполне по плечу строительство в России общества «совершеннолетних». Переходя к современности, автор указывает, что наша полития, русский политический организм, как и в прошлые времена, видимо, не очень-то и нуждается во всех этих конституциях и парламентах. Персонифицированная русская власть сохранилась и, как встарь, функционирует, опираясь на привластные органы. Ими и являются все эти парламенты и другие конституционные заморочки. У нас для конституции и парламента неудачное прошлое; сильны недемократические и неполитические традиции. Однако антилиберальный русский опыт XX века побуждает нас все-таки искать пути к конституционно-парламентской системе.

Лекция **Игоря Клямкина «Приказ и закон. Проблема модернизации России»** публикуется на сайте ПОЛИТ.РУ (27 апреля). Клямкин полагает, что отсутствие модернизации в современных условиях будет означать медленную, не очень заметную, но необратимую деградацию. Он характеризует три российские технологические модернизации: петровскую, проводимую Витте в период Александра III и Николая II и сталинскую. Все три проводило государство. Первые две затронули меньшинство населения. Первая и последняя имели отчетливо милитаристский оттенок. Но собственных источников и стимулов для своих инноваций не возникало. После этого, все пятьдесят с лишним лет после смерти Сталина, страна стоит перед вызовом, ей надо проводить четвертую в своей истории технологическую модернизацию. Она до сих пор ее не может провести потому, что вызов современной технологии — это вызов интенсивностью, а среды, условий для интенсивности здесь нет. Ответ заключается в отходе от государственных модернизаций, т.е. модернизаций, осуществляемых сверху, единственным субъектом которых является государство, которое знает, что и как заимствовать и что переносить. Но оно само не может создавать инновационную среду без частного бизнеса, без его свободы и инновационной деятельности. Задача — в переходе от государственных модернизаций к модернизации самого государства. Далее характеризуются социально-политические модернизации. Начиная с XVIII века происходило движение, связанное с переходом от приказной системы к системе юридической, системе законнической. С Петра III и особенно Екатерины II начался переход (медленный, частичный) к государственности, которую можно назвать правовой. Вторая социально-политическая модернизация проведена Александром II, который довел дело до раскрепощения основной массы населения. Был введен современный суд. Впервые было введено местное самоуправление. Впервые появилось право на самообложение. В этом смысле впервые появилось самоуправление. Впервые была демонтирована петровская армия, срок службы был резко сокращен, он был дифференцирован в зависимости от уровня образования, для того чтобы стимулировать развитие образования. Все базовые основания системы были разрушены, и самодержавие становилось лишним... Публикуется также обширное обсуждение лекции.

География

Скрещивают эстетику с социальными процессами «метагеографы» **Дмитрий** и **Надежда Замятины** (**«Где быть Центру России?»** — АПН, 6 июня). По их логике, страна должна иметь некие самобытные образы, ее репрезентирующие. А Россия внутренними образами довольно бедна. Несколько «ядерных», связанных с историческим ядром страны, — столицы, Владимир, Новгород. Значительно слабее купеческий, экономический Нижний, промышленный работящий Урал и околомосковские города (Калуга, Тула, Рязань и далее по кругу), воспринимаемые скопом, «как замки Луары». По-имперски ярки окраины: Сибирь, «Европейская Сибирь» Перми и Вятки, Кавказ и казачий юг, исконно-посконный Русский Север, сосновая Карелия. Сочное Черноземье — по сути, давно освоенная окраина Дикого поля. И еще: российский «орган юмора» Одесса, отрезанный самостийной Украиной, священный легендарный Севастополь, загадочный Туркестан, дико-природное «солнечное» Закавказье. Опора на окраинные образы — типичная имперская стратегия, неоднократно реализовывавшаяся в России. Опора на «сердцевинные» образы более характерна для централизованных европейских «национальных» государств. Существуют также и внутренние стратегии, основанные не на одном, но на системе географических образов. В России такой культурный баланс складывается вокруг пары «Москва — Санкт-Петербург». Авторы пространно и живописно рассуждают, где бы еще могла случиться столица России завтра. *«В России столицы переносили не раз... Поверить в остановку столичного движения тяжело: похоже, столица будет потихоньку тыкаться в разные концы страны и дальше: а вдруг влезет? Куда?»* Попадаются в статье и такие диковинные мысли: *«В конце концов, можно рассчитать оптимальный метагеографический вектор, указующий на абсолютное "минус-время" сибирских равнин, где жуть шаманских камланий остановит трансевразийскую ошибку-ошибку Атлантики и Пацифики»*. Петербург в качестве столицы авторы не приемлют из сочувствия: *«Петербург — замогильно холодный, в каменных склепах дворов, пусть серую кровь его высасывает ветер проспектов — все же очень целостный, законченный. А целостность надо уважать, жалко тыкать ее тупыми пиками лужковских — или какие там они будут — подмалеванных башенок... Москву жалко меньше: она привыкла»*. Неплох для этой цели Смоленск — *«Смоленск — место для экспансионистской столицы с видом на Белоруссию, а если взглянуть со старинных смоленских крепостных башен вниз по Днепру — то и на Украину. А может, и в Польшу <...> На Волге еще может быть столица. Дальше — нет, там столица попадет на другую чашу весов, рычаг будет огромен, и весы страны сломаются под непосильным весом <...> Остается Нижний. Почему нет: город даже похож на Москву — уже и так по-столичному эклектичный и амбициозный, по-купечески пошловатенький, со своим Кремлем и очень "отечественной" автомобильной промышленностью... Наконец, можно еще взять Казань»*. Что ж, завершают свою мысль авторы, это будет синтез татарско-азиатского стремления к самодостаточности и великорусско-евразийского желания объединить дотоле разнородные территории и улусы былой империи.

Обзор подготовил Евгений Ермолин

От редакции

Недавно «Континент» отметил тридцатилетие с того дня, когда в Париже вышел первый его номер, подписанный его основателем и первым главным редактором — Владимиром Максимовым. Между тем история парижского существования журнала (с 1974 по 1992 г.) до сих пор очень мало освещена, хотя очевидное и немалое значение максимовского «Континента» для развития русской — и не только русской — общественной мысли, для истории русской литературы и журналистики XX века вряд ли может быть подвергнуто какому-либо сомнению.

Доцент факультета журналистики МГУ ***Елена Юрьевна СКАРЛЫГИНА*** *уже не первый год занимается изучением парижского периода жизни «Континента», и мы надеемся, что с ее помощью мы не раз еще познакомим наших читателей с эпизодами его тогдашней истории. Настоящая подборка архивных материалов, о характере и целях которой рассказывает ниже сама Елена Скарлыгина, была составлена ею по просьбе редакции.*

ИЗ АРХИВА ЖУРНАЛА «КОНТИНЕНТ»

Архивные материалы журнала «Континент» хранятся в Историческом архиве Forchungsstelle Osteuropa при Бременском университете, ФРГ. Таким было решение основателя журнала и его первого главного редактора Владимира Максимова. В апреле 2006 года мне удалось поработать в этом архиве, за что я сердечно благодарю Татьяну Викторовну Максимову, Наталью Евгеньевну Горбаневскую и факультет журналистики МГУ. Я надеюсь, что составленная в результате этой работы и предлагаемая ниже вниманию читателей небольшая подборка архивных материалов поможет отчетливее осознать воистину историческую роль этого издания. Все письма, вошедшие в нее, публикуются с разрешения лиц, обладающих правами на них, и приводятся в соответствии с оригиналами и отпусками, хранящимися в HA FSO Bremen. F.2 (Максимов В.Е./Континент).

Публикация не случайно начинается с письма В.Е. Максимова А.Д. Сахарову (1974 г.). Одно из самых ранних в эмигрантском архиве «Континента» (супруги Максимовы выехали на Запад 1 марта 1974 года), оно отражает и близкие отношения Владимира Максимова с Андреем Сахаровым, и его постоянную включенность в общественные, политические проблемы, связанные с правозащитным движением в бывшем СССР. Журнал «Континент» и лично В. Максимов много способствовали развертыванию на Западе кампании в защиту опального академика и за присуждение ему в 1975 году Нобелевской премии мира. А.Д. Сахаров входил в редколлегию «Континента», не раз печатал на его страницах свою публицистику и политические заявления. Даже в самые тяжелые годы горьковской ссылки Андрей Дмитриевич и его

жена Елена Георгиевна Боннэр находили возможность для того, чтобы поддерживать связь с Владимиром Максимовым и его семьей.

О постоянной, тесной связи главного редактора «Континента» с диссидентским движением в России и странах Восточной Европы свидетельствуют также не только членство в редколлегии журнала Владимира Буковского, Александра Гинзбурга, Милована Джиласа, Юзефа Чапского, не только многочисленные журнальные публикации, но и переписка В. Максимова с Эдуардом Кузнецовым, Александром Воронелем, Петром Григоренко, Кронидом Любарским.

Редакция «Континента» осознанно стремилась к объединению всех «трех волн» русской эмиграции. На страницах журнала печатались Игорь Чиннов и Юрий Иваск, Леонид Ржевский и Ирина Иловайская, Иосиф Гессен и Сергей Голлербах. Владимир Максимов состоял в переписке с Александрой Львовной Толстой и активно помогал Толстовскому Фонду. В середине 1970-х и в начале 1980-х годов он переписывался с главным редактором «Нового Журнала» Романом Гулем. Среди постоянных корреспондентов Максимова был и Андрей Седых — главный редактор газеты «Новое русское слово».

В «Континент» приходили многочисленные письма из России, Израиля, США, Германии, Франции и других стран, в которых обычные читатели, подписчики журнала и даже те, кому (как это было в СССР) удавалось получить журнальный номер на день или на ночь, высказывали свое мнение о содержании и качестве публикаций, выражали свою горячую поддержку. Письма Рахили Коган, Абрама Фингермана и Александра Фридмана, включенные в подборку, — это тоже, на наш взгляд, очень показательные и ценные свидетельства эпохи.

Публикация произведений неподцензурной русской литературы, прозы и поэзии авторов, подвергавшихся гонениям на родине, — устойчивая характеристика редакционной политики «Континента». Борис Чичибабин и Геннадий Айги, Сергей Гандлевский и Александр Сопровский, Венедикт Ерофеев и Лидия Чуковская, Бахыт Кенжеев и Фридрих Горенштейн — вот показательный ряд имен советских литераторов (его можно продолжить), печатавшихся на страницах парижского «Континента». А публикуемые в этой же подборке письма Владимира Корнилова, чья повесть «Без рук, без ног» появилась в первом номере «Континента», а также письма Инны Лиснянской и Семена Липкина, чьи стихи «Континент» печатал в самые глухие годы брежневского застоя, — выразительная иллюстрация того, насколько важен и духовно необходим был этот журнал тем, кто сохранял душу живу и отчаянно сопротивлялся идеологическому катку тоталитарного общества.

Быть главным редактором «толстого» русского журнала — каторжный труд, но быть таковым в эмиграции, вдали от родины — во сто крат сложнее. История «Континента» — это в том числе и история конфликтов, резких расхождений с бывшими друзьями и коллегами, личных невосполнимых потерь (таких, как смерть А. Галича, В. Некрасова), обид со стороны многочисленных авторов. Одна из таких тяжелых страниц — многолетний конфликт между В. Максимовым и супругами Синявскими, начавшийся с

чисто редакционных разногласий, но затем переросший в непримиримую идеологическую и личностную конфронтацию. С 1978 года супруги Синявские начали издавать в Париже собственный журнал — «Синтаксис», и его страницы (как и *Колонка редактора* в «Континенте») не раз бывали наполнены резкой полемикой между двумя изданиями, а то и личными эмоциональными выпадами. Этот конфликт, а также неприятие Андреем Синявским взглядов А. Солженицына на западную либеральную демократию во многом раскололи «третью волну» русской эмиграции на два недружественных лагеря. Сегодня это уже страница истории, и остается только добавить, что в конце жизни Андрей Синявский и Владимир Максимов помирились. Их обоих потрясли события в Москве в октябре 1993 года. Обстрел парламента, разрушения и человеческие жертвы они восприняли как преступление и варварство, недопустимые в демократической стране.

Эмиграция — это всегда распри, интриги, борьба самолюбий, нереализованные амбиции. Трудно назвать писателя, поэта или публициста, который оказался бы выше всего этого. Однако нельзя не признать, что В. Максимов, как правило, дружески поддерживал вновь возникающие издания «третьей волны» эмиграции, предоставлял страницы «Континента» для их рекламы, помещал краткие обзоры содержания и развернутые рецензии. Он приветствовал появление не только газеты «Новый американец» (что видно из письма С .Довлатову), но и журналов «Время и мы», «Стрелец», «Третья волна», «Эхо», альманаха «Аполлон». По-разному складывались в дальнейшем личные отношения В. Максимова с теми, кто возглавлял эти издания, но факт остается фактом: такая поддержка им оказывалась.

Да, у главного редактора «Континента» был очень непростой характер. Как всякий зрелый человек со сложившимися убеждениями, яростно отстаивавший правоту своего дела, Владимир Максимов не мог не иметь врагов. Но он вел и вел журнал твердой рукой, хотя знал и тяжелые депрессии, и минуты отчаяния. Из писем Игоря Бирмана видно, как нуждался порой редактор «Континента» в простой человеческой поддержке, в добром и искреннем слове. Замечательно в этом отношении письмо В. Максимова Игорю Голомштоку, выразительно свидетельствующее, до какой степени журнал с первого же его номера стал едва ли не главным содержанием его эмигрантской жизни, тем любимым детищем, которому он неустанно и самоотверженно отдавал львиную долю своих сил и энергии. Поэтому кажется почти невероятным, что при такой огромной редакторской своей работе, при постоянных и нелегких усилиях, связанных с неустанным расширением влияния «Континента» в мире (в 1977 году журнал выходил уже на девяти языках!), Владимир Максимов все годы эмиграции продолжал публиковать и собственную свою самобытную прозу, свои пьесы, свою публицистику.

Владимир Максимов был верующим человеком — и, думается, именно вера и поддерживала его прежде всего в самые трудные минуты его подвижнической жизни..

Елена Скарлыгина

Владимир Максимов — Андрею Сахарову

1974, Париж

Дорогой Андрей Дмитриевич!

Давно собирался Вам написать, да не выпадало оказии. Попытаюсь это сделать теперь. Жизнь здесь во всех смыслах (как в личном, так и в общественном) оказалась много сложнее и своеобразнее. Любая борьба за людей, которые остались в России на воле или за проволокой, возможна здесь только с их собственной помощью. Одни мы бессильны что-либо сделать: сказывается обстановка «разрядки напряженности». Наши выступления (т.е. выступления выехавших людей) считаются здесь сведением личных счетов с обществом и властью, с которыми они не могли ужиться. Поэтому необходима постоянная координация всех действий. Для примера приведу историю с проблемой присуждения Вам Нобелевской премии. Работа против этого со стороны определенных кругов началась еще весной. И тогда же я немедленно предупредил Вас, что необходимо самое решительное выступление против братьев Медведевых[1], аргументация которых взята на вооружение не только госдепартаментом и господами вроде Фулбрайта[2], но и самыми широкими кругами левой интеллигенции. На словах (хотя, правда, и очень редко) они высказывают сочувствие к инакомыслящим в нашей стране (им необходимо соблюсти декорум объективности), но на деле они ведут самую злонамеренную и разрушительную работу против духовного возрождения в России, ибо считают, что они, эти инакомыслящие, компрометируют «великое дело социализма». Координация наших действий должна строиться на полном и взаимном доверии. Когда же (как было в случае с Медведевым) мы начинаем перепроверять друг друга, уходит дорогое время, и в результате они доводят свое черное дело до конца: Нобелевская премия в очередной раз присуждается политикам. Вы сами понимаете, Андрей Дмитриевич, что мы все здесь боремся за эту премию не только ради Вас лично. Ее присуждение Вам будет означать победу всей новой России и станет гарантией продолжения того дела, которое Вы в свое время начали. Сейчас Ваша кандидатура вновь выдвигается на следующий год[3]. Нам необходимо:

1. Коллективные и индивидуальные заявления писателей, ученых, общественных деятелей из России в поддержку Вашей кандидатуры.

2. Коллективные и индивидуальные письма из лагерей, тюрем и психиатрических больниц на ту же тему.

---

[1] Братья Жорес (биолог) и Рой (историк) Медведевы — участники правозащитного движения в СССР, публицисты. Жорес был политзаключенным, в 1973 году командирован в Англию и лишен советского гражданства. Ж.и Р. Медведевы активно выступали в западной и самиздатской печати, отстаивая «истинный марксизм» и «социализм с человеческим лицом». Их полемика с А.Сахаровым в 1970-е годы отражена в книге: *Медведев Ж., Медведев Р.*: Солженицын и Сахаров. Два пророка. — М.: Время, 2004.

[2] Уильям Фулбрайт — известный американский политический и государственный деятель 1970–1980-х годов, глава Сенатской комиссии США по иностранным делам.

[3] В 1975 году Андрей Сахаров был награжден Нобелевской премией мира.

Мы, со своей стороны, мобилизуем здесь все. Повторяю, Вы, Андрей Дмитриевич, делаете это не для себя, а для всех — и тех, кто остался на родине, и тех, кого судьба забросила за рубеж, а точнее, для всей России. На этот раз, чтобы не отвлекать внимание на сопутствующие и многочисленные проблемы, я хотел бы сосредоточить Ваше внимание и внимание всех тех, кто будет читать это письмо, только на этом.

Всегда Ваш,

обнимаем вас всех и помним,

моя личная просьба — передать всем пишущим: пусть шлют и шлют все, что у них есть — журнал должен стать голосом России и Восточной Европы, а не эмиграции.

Владимир Максимов — Андрею Сахарову

Без даты. Флоренция, на бланке отеля Minerva

Дорогие Андрей Дмитриевич, Люся[4] и Руфь Григорьевна[5]!

Тревожно, что от вас все меньше и меньше известий. Видимо, изоляция вокруг вас со стороны властей принимает тотальный характер. У меня лично осталась лишь одна надежная цепочка к вам: Рема[6]. Но и от него у меня все меньше новостей. Вот сейчас появилась первая за долгое время возможность связаться с вами. К сожалению, я не знаю, возьмет ли этот человек что-либо от вас, но хочу на это надеяться. Если возьмет, то у меня к Вам, Андрей Дмитриевич, лишь одна собственная просьба (Вам передавал о ней Рема): предпослать готовящемуся сейчас фильму о современной России маленькое приветствие. Работа над сценарием в самом разгаре. Рема будет консультировать (с правом «вето») всю Сахаровскую линию. Мне кажется, такой фильм сможет привлечь к Вашей борьбе и демократическому движению вообще внимание массового человека на Западе. Но все это мелочи, главное же в том, чтобы прорваться к Вам. Ваш голос в этом страшном мире необходим ежедневно и ежечасно, а для этого нужна информация, информация и еще раз информация о Сахарове и от Сахарова. Мне же лично без Вас и Вашей помощи и вообще было бы невмоготу.

Только Ваша поддержка помогает мне выстоять. Желаю вам всем самого главного: здоровья и крепости духа, которого нам здесь (!) так не хватает.

Всегда Ваш. В.

Елена Боннэр — Владимиру Максимову

22. XI.1980, г.Горький

Дорогой Володя! Только сегодня ночью из № 25 узнала, что тебе 50. Прими наши с Андреем сильно запоздалые, но не менее сильно дружеские

---

[4] Елена Георгиевна Боннэр.

[5] Мать Елены Георгиевны Боннэр.

[6] Ефрем Янкелевич — официальный представитель А. Сахарова на Западе в 1970–1980-е годы.

поздравления и пожелания! Как-то не думалось, что ты уже пятидесятилетний, хоть и за мальчика не держали, вот и прозевали юбилей. Это, конечно, непростительно, но нам хорошо — всегда можно сослаться на волжско-окские дали и горький Нижний и все всё простят (хоть на самом-то деле и не все и не всё). Но мы не ссылаемся, а честно чувствуем себя виноватыми, потому что про друзей надо знать и помнить. Живи как жил и первые пятьдесят — конечно, очень бы хотелось, чтоб тебя не заносило, чтоб не качало и был бы ты всегда чист и безупречен и чтоб всегда выражался только русским литературным и еще многое, многое такое же правильное.

Но будешь ли ты тогда ты, и не получится ли, что всем нам — друзьям-недругам придется иметь дело не с тобой, а с неким новым для нас, новым незнакомым человеком. А ну их всех новых-то, потому что к старости новое все трудней, у новых, как говорят на вашем (или не вашем) Западе, своя ментальность. Так что не выражайся, а говори, не заносись или хотя бы пореже, но всегда Будь. Будь здоров, будь весел (когда получится), будь трезв (если не всегда, то хоть в суждениях), радуйся на свое детище (а номер-то опять не идеальный!), радуйся на детишек и жену (с этим все в порядке — потому истины бесспорные), поцелуй их от нас. Благополучия вам и если не всяческого, то достижимого. Привет всем друзьям вашим-нашим!

От себя лично, а также «от имени и по поручению» моей лучшей, умнейшей, добрейшей, чистейшей и совестливейшей половины. Вот тут я ничуть не шучу, только в жизни обычной, в быту и прочем не каждую минуту об этом помню.

Люся.

Владимир Максимов — Игорю Голомштоку[7]

26.04.1975, Франкфурт

Дорогой Игорь!

Сижу во Франкфурте и, с опозданием на целый месяц, вновь сдаю номер. Уезжая в Америку, я оставил Вам только его сырой набросок, надеясь на то, что Вы доведете его до конца и сдадите. Но, видимо, слегка пройдясь карандашом по его полям, Вы сочли свою миссию исчерпанной. Но это, к сожалению, далеко не так.

Вы же помните, Игорь, сколько работы было для четверых при сдаче первого «Континента». Мы сидели здесь тогда несколько дней, и две машинки не переставали стучать с утра до ночи, а мы с Вами иногда по нескольку раз в день вышагивали в типографию для все новых и новых увязок и уточнений. А ведь материал был весь собран, оставалось лишь перевести часть его на русский язык, что, в свою очередь, с утра до ночи и делал Глеб Александрович[8].

---

[7] Игорь Голомшток — искусствовед, автор книг «Тоталитарное искусство», «Искусство авангарда в портретах его представителей» и многих других. С 1972 года живет в Лондоне, работал на Би-би-си. В 1974–1975 гг. был сначала сотрудником редакции «Континента», затем — представителем издания в Англии. В июне 1976 года вышел из состава редколлегии журнала.

[8] Глеб Александрович Рар.

Теперь конкретно о четвертом номере. Сдавая его, Вы поставили на полях много пометок и вопросов. Спрашивается, для кого? Ведь Вы же были на этот раз последней инстанцией с тем, чтобы довести работу до завершения и сдать ее в набор в окончательном виде.

К тому же, делая пометки, вы почему-то не заметили, что у Некрасова, например, не хватает страницы, а в Ионеско имеются бросающиеся в глаза разрывы в диалоге. А без исправления этих, казалось бы, несущественных огрехов рукопись вообще невозможно набирать.

Я уже не говорю о том, что Вы, искусствовед по специальности, совершенно пренебрегли хотя бы примерным наброском его будущего облика, т.е. обложки. Не говорю уже о таких мелочах, как биографии, заботы о заполнении вакатов[9], макете и т.д. и т.п.

Дорогой Игорь, поймите меня правильно, журнал — трудоемкое, изматывающее мозг дело.

Человек, делающий журнал, хочет он этого или не хочет, думает о нем день и ночь. Это, если хотите, его любовь, но и его проклятие. Если Вы до сих пор думали, что Максимов только тем и занимается, что отвозит собранный материал в типографию, то горько и глубоко ошибаетесь. Я, как в свое дитя, вкладываю в него все. Я его нянька и бухгалтер, его сторож, его пропагандист, его мальчик для битья.

Поэтому, дорогой Игорь, мы должны договориться, что если Вы не находите в себе силы стать ему со-матерью, то станьте его постоянным сотрудником, членом редколлегии и платным корреспондентом по Англии. Я думаю, что, по Вашем приезде в Париж, мы с Вами обо всем этом еще поговорим и придем к каким-либо окончательным выводам.

Не обижайтесь, дорогой Игорь, но что сказано, должно было быть сказано.

Обнимаю вас, до встречи,

В. Максимов

Владимир Максимов — Александру Суконику[10]

6.10.74, Париж

Дорогой Алик!

Начну по порядку. Удручающее положение с русскими журналами должно, на мой взгляд, не отталкивать от них, а, наоборот, вызывать желание им помочь и словом, и делом, и, главное, хорошей прозой. Ведь ты — русский писатель, а следовательно, должен быть заинтересован в воссоздании атмосферы русской литературной жизни. Под словом «русский» я имею в виду не нацию, а принадлежность к культуре. И если в материальном смысле твой «твердый курс на публикацию в американских журналах» правилен, то духовная ориентация на них кажется мне малоплодотворной, если не бессмысленной.

---

[9] Вакат — от *фр.* vacant — пустующий, свободный. Типографский термин: чистая страница, свободная от текста и иллюстраций.

[10] Александр Суконик — прозаик, близкий знакомый В. Максимова. Эмигрировал в Израиль в 1974 году. Его проза неоднократно печаталась в «Континенте».

Что же касается нашего журнала, то нам не до «авантюр». Вокруг него собрались серьезные люди с серьезными намерениями и столь же серьезными именами. Для нас это дело жизни, а не попытка самоутвердиться. У членов нашей редколлегии достаточно почетный возраст и широкая мировая известность (от Солженицына и Сахарова до Ионеско и Силоне), чтобы отдавать себе отчет, под чем они подписываются. Да, кстати сказать, и моя литературная биография не дает повода для подозрений в авантюризме. Так что здесь твоя ирония выглядит несколько натужно.

Что касается рассказов, то отношение мое к ним не изменилось, но, к сожалению, один я таких вопросов не решаю, и сейчас они, эти рассказы, пошли по кругу. И все же, если последние вернутся с отрицательным отзывом, один из них я напечатаю под свою ответственность. Кстати, должен заметить, что журнал наш, в отличие от прочих изданий такого рода, — платит, а это тоже не маловажно.

На этот раз все. Привет жене.

Обнимаю, В. Максимов

Владимир Максимов — Александру Суконику

31.12.1974, Париж

Здравствуй, Алик!

Все, о чем ты говоришь в первой половине своего письма, надо было ожидать. К сожалению, в м а с с е своей выезжают не лучшие. Это чаще всего люди, у которых больше амбиций, чем способностей для самоутверждения. Первый номер — это, так сказать, парад-алле перед представлением, этакая выставка имен, а еще не журнал. Но и в нем есть несколько бесспорных удач, а главная удача — само его появление на свет Божий. Материальный и политический успех на первых порах прямо-таки ошеломляющ (7000 экз. русского разошлось, продано более 30 000 немецкого. Около 200, в основном положительных, отзывов в печати), но мы не должны заблуждаться — удержаться на этом уровне будет очень трудно, для этого нам нужно качество, качество и еще раз качество. Будем стараться общими усилиями.

Еще раз с удовольствием прочитал твой рассказ. Он идет в третьем номере и, думаю, будет одним из лучших материалов. Гонорар — по выходе в свет. И — более чем приличный. Да, кстати, Синявскому твои рассказы очень понравились.

Только что получили ваши с Инной поздравления, спасибо. С опозданием, но тоже вас поздравляем, и конечно, все наши пожелания прилагаются! Очень для нас всех этот год важен.

Обнимаем, Володя и Таня

Владимир Максимов — Науму Коржавину

2.09.1975, Париж

Дорогой Эма!

<...>

«Континент» постепенно приобретает четкие журнальные очертания. Пятый номер — это примерно то, что я себе предполагал в своих издатель-

ских фантазиях. В прозе и поэзии: Гроссман, Войнович, Корнилов, Айги; в публицистике: Артур Кестлер, Йозеф Смрковский, Михайло Михайлов, Сергей Левицкий, Мелик Агурский; в критике и библиографии (раздел вводится впервые) первоклассная статья Абрама Терца о «Верном Руслане», очень хороший анализ «Чонкина» Виолетты[11], Бетаки[12] и целый ряд других первоклассных вещей.

Пока что журнал вышел на трех иностранных языках. Два номера на немецком (стал в Германии бестселлером), на итальянском (тоже вошел в десятку бестселлеров), на голландском (результатов еще не знаю). В сентябре ожидаем первый французский. Английский (вместе с американской версией) запаздывает, что весьма огорчительно.

Владимир Максимов — Александре Толстой[13]

24.10.1974, Париж

Дорогая Александра Львовна!

Прошу великодушно простить меня за опоздание с ответом: только что вернулись в Париж из длительной поездки. Получить от Вас письмо[14] для меня большая честь, за что сердечно Вам благодарен.

Дорого для меня и то, что мое понимание современного мира полностью совпадает с Вашим. Хотелось бы об этом долго и много говорить с Вами. Горячо надеюсь, что такой разговор состоится у нас в ближайшее время.

Что касается наших материальных дел, то они вполне благополучны, чего нельзя сказать о нашем душевном состоянии: слишком много дорогого для нас оставили мы на родине.

К великому моему сожалению, книги Вашей «Проблески во тьме» я до сих пор не получил. В свою очередь посылаю Вам первый номер журнала «Континент», который мы недавно начали.

Сердечный и низкий поклон Вам от меня и моей жены.

Владимир Максимов

Владимир Максимов — Александре Толстой

14.02.1975, Париж

Дорогая Александра Львовна!

Буквально на днях получил Вашу книгу «Проблески во тьме» (все еще сказываются последствия осенней забастовки почты во Франции). И тут же прочел ее с захватывающим интересом и благодарностью.

---

[11] Виолетта Иверни — литературный критик, многолетний сотрудник редакции журнала «Континент».

[12] Василий Бетаки — поэт, переводчик, с 1973 года живет в Париже. Многолетний сотрудник радио «Свобода» и редакции журнала «Континент».

[13] Александра Львовна Толстая (1884–1979) — дочь Льва Николаевича Толстого, общественный деятель и литератор. Возглавляла Толстовский Фонд — благотворительную организацию, оказывавшую помощь русским беженцам.

[14] Письмо А.Л. Толстой — В. Максимову от 3.10.1974 года было опубликовано в № 62 (1989, № 4) «Континента» под рубрикой «Из архива главного редактора».

Эта книга не только глубокий и волнующий человеческий документ, но и по-настоящему *художественное* произведение. Суметь выбрать из огромного калейдоскопа событий тех лет наиболее яркие и значительные и воплотить их в такой мастерски отточенной, образной и глубоко человечной прозе может только настоящий писатель, предельно подлинного, а не просто литературного дарования!

Кстати, Вы «страдаете» тем же писательским «пороком», в котором часто обвиняют и меня: неистребимым стремлением отыскать в каждом, даже самом, казалось бы, «погибшем» человеке светлые проблески, что, впрочем, полностью соответствует духу и традициям великой русской литературы.

Сердечно благодарю Вас за надпись, сделанную Вами на этой книге.

С признательностью и глубочайшим уважением,

Владимир Максимов

Владимир Максимов — Александре Толстой и Татьяне Шауфус[15]

2.09.1975, Париж

Дорогие Александра Львовна и Татьяна Алексеевна!

Дошел ли до вас четвертый номер «Континента», в котором помещено и обращение в защиту Толстовского Фонда. По мере возможности стараюсь всячески распространять его в иностранной печати.

Если у вас возникнет мысль о какой-то новой акции в этом направлении, то я и мои товарищи всегда к вашим услугам.

Чем больше времени проходит со дня нашей последней встречи, тем с большей теплотой я и моя жена вспоминаем о ней.

Еще раз благодарим вас за поздравления в связи с рождением нашей дочери.

Всегда ваш

В. Максимов

Владимир Максимов — Сергею Довлатову

27.06.1979, Париж

В газету «Новый американец»

<...>

Как говорится, безумству храбрых!

Действительно, чтобы начать газету на свой страх и риск, в чужой стране, в знакомой, но неизученной еще среде, нужно, помимо всего прочего, отменное мужество. Но я убежден, что побеждают лишь те, кто не боится рисковать. Уверен, что ваш профессиональный и человеческий уровень (а в газете это тоже немаловажно) окажется на уровне вашей смелости.

Хотелось бы только пожелать, чтобы новый периодический орган печати выражал себя не в противопоставлении другим газетам и журналам русско-

[15] Татьяна Алексеевна Шауфус (1891–1986) — сподвижница А.Л. Толстой, ее многолетний заместитель по Толстовскому Фонду.

язычной эмиграции, а в лояльном сотрудничестве и творческом соревновании с ними. Дай Вам Бог сил и уверенности в начатом деле![16]

Владимир Максимов

Владимир Максимов — Эдуарду Кузнецову[17]

25.08.1979, Париж

Дорогой Эдуард Самуилович!

Наш общий друг Корнелия Герстенмайер[18] уведомила меня о своем разговоре с Вами. В связи с этим я хотел бы вкратце очертить круг прав и обязанностей члена нашей редколлегии. Последний, прежде всего, имеет право опубликовать в «Континенте» любой материал (даже если таковой противоречит политическим и эстетическим принципам журнала), разумеется, сопроводив его собственным предисловием. Имеет он также и право «вето» на любой материал, готовящийся к публикации, разумеется, обосновав это «вето» достаточно вескими аргументами.

Обязанности члена редколлегии определяются им по своему выбору. Вы, например, могли бы просматривать и визировать все, что в нашем журнале касается еврейского вопроса вообще и конкретно Израиля в частности, а также посильно сотрудничать с нашим израильским изданием на иврите, которое готовится сейчас группой литераторов во главе с профессором Иерусалимского университета господином Леваноном.

Не могу скрыть от Вас, что, кроме всего прочего, Ваше прямое участие в работе журнала явится для всех нас, старых «континентовцев», не только веской моральной поддержкой, но и большой честью.

С искренним уважением, В.Максимов

Владимир Максимов — Эрнсту Неизвестному

24.12.1977, Париж

Дорогой Эрнст!

Как ты, наверное, уже знаешь, погиб Саша Галич. Погиб нелепо, если вообще объяснимо. В связи с этим у меня к тебе есть просьба. Не мог бы ты найти решение его памятнику и воплотить это решение в материале?[19] Разумеется, «Континент» оплатил бы работу, правда, в посильных для нас размерах. Сейчас мы начали сбор средств на такой памятник, а недостающую сумму мы покроем сами.

---

[16] Первый номер еженедельной газеты «Новый американец» вышел 8.02.1980 в Нью-Йорке. С. Довлатов стал ее главным редактором, начиная с № 13. Газета просуществовала два года.

[17] Эдуард Кузнецов — известный диссидент, правозащитник, политический деятель. Живет в Израиле. Член редколлегии журнала «Континент» с 1979 года.

[18] Корнелия Герстенмайер — немецкий историк и общественный деятель. В 1972 году создала во Франкфурте-на-Майне Международное общество защиты прав человека.

[19] Идея не была реализована. На могиле А. Галича (кладбище Сент-Женевьев-де-Буа) установлена надгробная плита с надписью «Блажени изгнани правды ради».

Что-то от тебя давно не было вестей. Как у тебя все? Напиши. Обнимаю. В.Максимов

Владимир Максимов — Кронид Любарскому[20]

27.02.1978, Париж

Добрый день, Кронид!

Целиком и полностью поддерживаю идею задуманного вами журнала и, разумеется, готов принять в нем посильное участие. Такое издание могло бы действительно сослужить хорошую службу для всех нас. В общих чертах Ваш проект целиком охватывает суть проблемы, поэтому мне практически нечего к нему добавить.

Единственное мое замечание касается тиража. Будущий журнал рассчитан прежде всего на читателя внутри страны. Здесь, на Западе, русское издание по этим вопросам едва ли найдет широкий спрос. Отсюда сразу же возникают две проблемы:

1. Проблема каналов и их пропускная способность. До сих пор никому еще не удавалось «пропустить» в Сов. Союз более трехсот экземпляров какого-либо журнала в месяц. Заранее приготовьте себя к тому, что своих каналов Вам почти никто не представит. Их придется искать и налаживать заново самому.

2. Хотя бы минимальная реализация издания, которая могла бы покрыть хотя бы часть расходов, ибо в Союз Вам придется передавать их бесплатно.

Уверен, что над этими проблемами надо задуматься прежде всего. Остальное — приложится, ибо идея дельная и союзники найдутся.

Сообщите, пожалуйста, как Ваши дела с Лобковицем[21].

Искренне Ваш В. Максимов

Владимир Максимов — Петру Григоренко[22]

6.02.1980, Париж

Дорогой Петр Григорьевич!

Удивлен, что Вы не читали в 21-м номере Вашей экспертизы. В 22-м, как мы и договаривались, пошла Ваша статья по национальному вопросу. Кусок из книги[23] немедленно присылайте. Все обозначенные в Вашем письме просьбы постараюсь выполнить.

---

[20] Любарский Кронид Аркадьевич (1934–1996) — активный участник диссидентского движения в СССР, публицист. Эмигрировал в 1977 году. В 1978 году приступил к изданию в Мюнхене общественно-политического бюллетеня «Вести из СССР. Права человека», выходившего два раза в месяц.

[21] Н. Лобковиц — современный немецкий католический философ.

[22] Григоренко Петр Григорьевич (1907–1987) — генерал Советской армии, разжалованный и арестованный за участие в правозащитном движении в СССР. Неоднократно подвергался насильственному лечению в спецпсихбольницах. В 1977 году был выпущен для лечения в США и лишен советского гражданства. Умер в Нью-Йорке.

[23] Мемуарные главы П. Григоренко «Начало жизни» опубликованы в № 29 (1981, № 3).

Горячий поклон Зинаиде Михайловне[24], а также всем чадам и домочадцам. Обнимаю, Ваш В. Максимов

Владимир Максимов — Александру Воронелю[25]

29.05.1980, Париж

Дорогой Саша!

Посылаю Вам еще одну кандидатуру на выезд по израильской визе. Это — жена прекрасного писателя Фридриха Горенштейна[26]. У него у самого вызов есть. Он получил его задолго до их бракосочетания.

Очень беспокоится Плющ[27], боится, что после Олимпиады мышеловка для его родни захлопнется. Если Вас не затруднит, сообщите, пожалуйста, как продвигается его дело.

В. Максимов

Владимир Максимов — Александру Воронелю

14.10.1980, Париж

Дорогой Саша!

Нельзя ли попытаться устроить вызов прекрасному художнику-карикатуристу Вяч. Сысоеву[28]. По моим сведениям, ему дали понять, что не возражают против его отъезда по израильской визе. Положение его в настоящее время крайне тяжелое, если не сказать больше. Данные прилагаю.

С уважением, Ваш В. Максимов

Владимир Максимов — Андрею Седых[29]

9.01.1978, Париж

Дорогой Яков Моисеевич!

Считаю необходимым поделиться с Вами своими соображениями по поводу одной предстоящей публикации в нашем журнале.

---

[24] Зинаида Михайловна — жена Петра Григоренко.

[25] Александр Воронель — правозащитник, один из лидеров сионистского движения в СССР, политэмигрант (с 1974 года). В настоящее время — главный редактор журнала «22», издающегося в Израиле. Профессор физики Тель-Авивского университета.

[26] Фридрих Горенштейн (1932–2002) эмигрировал вместе с женой в 1980 году, жил в Германии. На страницах «Континента» были опубликованы его повести «Зима 53-го», «Муха у капли чая» и несколько рассказов.

[27] Леонид Плющ — диссидент, жертва карательной советской психиатрии, политэмигрант. Эмигрировал в 1976 году.

[28] Вячеслав Сысоев (1937–2006) — художник-карикатурист. С 1976 года его сатирические рисунки публиковались на Западе. В 1983 году был арестован и два года провел в лагере. В 1989 году эмигрировал в Германию.

[29] Андрей Седых, настоящее имя Яков Моисеевич Цвибак (1902–1994) — журналист, писатель, с 1973 года главный редактор газеты «Новое русское слово», Нью-Йорк.

По уставу «Континента» каждый член редколлегии имеет право настаивать на публикации какого-либо материала, за который он берет на себя личную ответственность. Совсем недавно с таким настоянием обратился к нам Иосиф Бродский, предложив журналу стихи Эдуарда Лимонова. Большинство членов редколлегии, включая меня, безусловно против такой публикации, но пойти на конфликт с таким ценным и уважаемым сотрудником как Бродский мы не нашли для себя возможным. Мы решили в первый и последний раз опубликовать 3 рекомендованных им стихотворения с его, Бродского, препроводительными словами, выделив всю публикацию в отдельную рубрику[30].

Уверяю Вас, дорогой Яков Моисеевич, что для всех нас этот шаг — вынужденный. К счастью, по условиям того же устава «Континента» член редколлегии не может употреблять вышеупомянутого права дважды и подобная уступка с нашей стороны больше не повторится.

В силу сложившихся между нами отношений я считал своим долгом уведомить Вас заранее.

Примите мои поздравления с Новым годом и Рождеством Христовым,
Ваш В. Максимов

Владимир Максимов — Андрею Седых

9.02.1980, Париж

Дорогой Яков Моисеевич!

Уверен, что нам с Вами беспокоиться не о чем. Я действительно дал напутствие новой газете[31], с пожеланиями учиться у старших и не соперничать, а сотрудничать с другими русскими изданиями за рубежом.

Если Вы помните, я писал предисловие ко многим издательским начинаниям новой эмиграции («Третья волна», «Аполлон», «Эхо» и др.).

Всякое новое издание, на мой взгляд, при всей недолговечности большинства из них, в какой-то степени ослабляет внутриэмигрантское напряжение, отводя от нас с Вами злобу и ненависть многих несостоявшихся гениев и графоманов. Так пусть себе тешатся, а получится у них — дай им Бог.

Абсолютно убежден, что ни мне, ни Вам ни одна из этих скороспелок ничем не грозит.

Всего Вам доброго, сердечный поклон Вашей супруге.
Всегда Ваш, В. Максимов

Владимир Корнилов[32] — Владимиру Максимову

29.04.1975, Москва

Дорогой Володя! Тороплюсь, потому что торопит оказия. Спасибо тебе за звонок, за заботу о нас. «Континент» читают на родине. У меня могло бы

---

[30] Стихи Э. Лимонова с предисловием И. Бродского были опубликованы в № 15 (1978, № 1).

[31] Речь идет о приветствии В. Максимова газете «Новый американец», опубликованном в первом номере этого издания.

[32] Владимир Корнилов (1928–2002) — известный поэт, прозаик. Его произведения появились в первых трех номерах «Континента». В 1977 году за публи-

составиться состояние, если бы брал какую-нибудь мзду за прочтение. Ни один номер не пролеживается. Обещал Марату Векслеру подарить № 6, когда освободится, но уже сколько прошло, а конца желающим не видно...

Владимир Корнилов — Владимиру Максимову

8.11.1975, Москва

<...>

...Да, Володя, только что узнал, что тебя лишили гражданства!.. Не знаю, что говорить по этому поводу. Чего-то заморозили это решение на десять месяцев. Из-за Хельсинки? Сам не знаю, как к этому отнестись отсюда — и почетно и печально. По-моему, так. Напиши или звякни, если чего по этому поводу нужно сделать. Сочувствую тебе, но считаю, что можешь гордиться. «Континент» стоит этой обедни. Тем более что он тут здорово нужен и не только тем, кто там печатается — хотя для нас это прекрасно! — а еще больше тем, кто читает. Иногда хожу с набитыми карманами — формат хороший и зараз штуки четыре несешь.

Ты молодец и не грусти!..

Твой Володя

Владимир Корнилов — Владимиру Максимову

10.02.1979, Москва

...Сейчас все переживают альманах[33]. Ко мне и мне подобным, впрочем, это непосредственного отношения не имеет.

...Но интересно в смысле общего движения мысли и направления движения судеб и мыслей. Предвещают, что расправа над составителями будет не слишком строгой, но посмотрим. Москва по-прежнему верна твоему журналу, гоняется за ним, дает на два, на три дня. Очень ухудшает дело то, что экземпляров стало совсем мало. У меня после 13-го не было личных. А ведь все время в работе и до сих пор. Спрос не убывает. Нельзя ли наладить присылку?..

Владимир Корнилов — Владимиру Максимову

26.03.1979, Москва

<...>

...с альманахом как будто все кончилось. Ждут выхода. Держались они все как будто прилично. Но от следующего номера, по-видимому, отказались. Я с ними почти не вижусь. Они диссидентов в свою компанию не приглашали. Хотя какой я диссидент? Просто писатель, и это грех времени и России, что в ней обыкновенные писатели становятся диссидентами. А

кацию сочинений за границей и открытую поддержку коллег-диссидентов был исключен из Союза писателей СССР. На родине стихи В. Корнилова начали вновь печатать лишь в 1986 году.

[33] Имеется в виду самиздатский литературный альманах «Метрополь», вокруг появления которого и передачи текста за рубеж разразился громкий политический скандал в 1979 году.

может быть, и не грех как раз, а счастье. Это вопрос не письма, а романа или исследования....

Игорь Бирман[34] — Владимиру Максимову

26.6.1979, США, Мэрилэнд, Silver Spring

<...>

Я решительно не согласен с Вашими горькими словами, что там Вы ощущали себя нужным, а здесь живете в пустыне. Я понимаю, что только Вы знаете Ваши собственные ощущения, и все же думаю, Вы несправедливы, прежде всего по отношению к самому себе. Вы нужны как раз на Западе, именно здесь Вы сделали и делаете «Континент», и это Вам не забудется.

Мы более или менее знаем, как Вам трудно, в какие большие и мелкие битвы Вы вступаете. Я бы, наверное, не со всеми Вашими редакторскими решениями согласился, не подписался бы под всеми Вашими «колонками» (а Вы, разумеется, не приемлете какие-то места в моей статье и, тоже разумеется, я буду недоволен Вашей правкой). Ну и что с того, суета сует. Главное — журнал существует, делает очень большое, очень нужное (отнюдь не только для авторов) дело. И при всех несомненных горестях эмиграции Вы не сломались. Вы ведь работаете, черт возьми, пишете. И не в стол!

Да и не в пустыне Вы. Вас знают, вас любят и ненавидят, с Вами ссорятся и к Вам подлаживаются. Нормальная жизнь. И, согласитесь, если бы Вы были там, конечный результат Вашего пота и крови сердца был бы неизмеримо меньше.

Я не знаю буквально ни одного эмигранта, у которого бы не было многих горьких минут (не все в этом признаются), особенно у тех, кого оттуда прямо ли или косвенно выпихнули. И все же самое главное, вне зависимости от бесконечного разнообразия индивидуальных судеб, сохранить себя как личность, что для людей творческих значит — делать. Так ведь Вы-то сохранили. Вы пишете, вы редактируете, Вас читают и будут читать. Живите этим и знайте, что Вы далеко не в пустыне; будучи здесь на Западе, Вы нужны — и там и здесь. А вообще стоило бы потолковать.

Ваш И.Бирман

Игорь Бирман — Владимиру Максимову

13.05.1980

Дорогой Владимир Емельянович,

(в Америке я потерял отчество и меня все, включая зятя, называют Игорь, но если хотите, то по батюшке я — Яковлевич).

Я познакомился неделю назад с Седых. Он считает себя Вашим другом и полностью разделяет Вашу позицию в «Носорогах»[35], но втаскивать газе-

---

[34] Игорь Бирман — экономист, публицист, один из постоянных авторов «Континента», опубликовавший ряд статей об истинном положении советской экономики.

[35] Остро полемичная «Сага о носорогах» В. Максимова, в которой сатирически изображалась левая западная интеллигенция, была опубликована в № 19

ту в «спор журналов»[36] не хочет. Логика в этом во всяком случае есть, статью-письмо Эткинда[37] он ведь тоже не напечатал.

Если Вы думаете, что это было бы полезным, то можете от моего имени передать текст письма в «Русскую мысль». Если это неловко, то я им сам могу написать (но, повторяю, только если Вы, разбираясь в обстановке, советуете это сделать).

Прикладываю новый (выправленный) текст рецензии на книгу Ефимова[38]. Если он Вам не подходит, пожалуйста, напишите.

Сегодня мне звонил из Нью-Йорка Довлатов. У них раскололась редакция газеты «Новый американец», и он редакторствует. Просит писать ему. По разным причинам писать специально для них мне не хочется. Я ему сказал про эту рецензию, и он ее очень хочет иметь. Как Вы к этому относитесь и в целом, и в данной конкретной ситуации? Скажем, если Вы рецензию берете, то можно ли отдать текст и ему, разумеется, со всеми необходимыми ссылками и в четко согласованные сроки?

Всего Вам самого наилучшего,

Ваш И. Бирман

Рахиль Коган[39] — Владимиру Максимову

7.06.1976, Рим

<...>

Когда я уезжала, сотни людей в Москве просили передать Вам, Володя, поздравления по поводу «Континента» — и Бен Сарнов, Лев Зиновьевич Копелев, Войнович, Вася[40] (м.б., Вы его уже увидели, он получил разрешение на поездку в Америку), и Беллочка А., и Булат, Денис Драгунский, сын детского писателя Драгунского, молодой ученый лингвист из МГУ, и Володя Левин — в общем, все велели Вас обнять в письме, поцеловать, поздравить... Несмотря ни на что (вплоть до Лубянки) «Континент» читается в Москве, Ленинграде, читается тайно, по ночам, вслух, дают только на сутки,

---

(1979, №1) «Континента».

[36] Имеется в виду полемика между «Континентом» и «Синтаксисом».

[37] Эткинд Ефим Григорьевич (1917–1999) — филолог и переводчик, автор блестящих монографий по истории русского стиха и теории перевода. В 1974 году по политическим мотивам был лишен всех научных степеней и званий, эмигрировал в Париж. Сначала активно сотрудничал с «Континентом», но затем резко разошелся с позицией журнала и его главным редактором. Неоднократно полемизировал с В. Максимовым в печати.

[38] Игорь Ефимов — писатель, в 1978 году эмигрировал в США. Основатель и директор издательства «Эрмитаж» (с 1980 г.). О какой именно рецензии идет речь — неизвестно.

[39] Рахиль Коган — близкая родственница жены Анатолия Гладилина — известного писателя, эмигрировавшего в 1976 году во Францию.

[40] Василий Аксенов — знаменитый писатель. В конце 1979 года выехал для чтения лекций в США и вскоре был лишен советского гражданства. Член редколлегии «Континента».

поэтому собирается несколько человек, я сама в одном доме была шестая, а всего слушало 10 человек, надо сказать, что это было довольно опасно, Толя и Маша тоже ездили читать, но в другой дом. Еще в Вене в библиотеке Толстовского фонда я прочла последний номер (9) с Володей Корниловым, с Марамзиным[41], весь процесс над которым нам рассказал приехавший из Ленинграда драматург Александр Володин (он тоже велел непременно Вам кланяться). Мне очень понравилась статья Эммы Манделя[42] «Россия и современность», вообще мне ваш отдел публицистики кажется сильнее, чем другие. Правда. Почему у вас не был напечатан новый роман А.И.С.[43]?

Здесь, в Риме, в Гоголевской библиотеке на журнал «Континент» напали москвичи и ленинградцы, я тоже на очереди, его достать не так легко, кроме того, я жду очереди на книгу «Прощание из ниоткуда», мне ее обещал художник Игорь Кононов, с которым мы здесь познакомились и подружились.

Письмо читателя из США Абрама Фингермана

4.06.1979, Калифорния

Уважаемый Владимир Максимов!

Вы никогда не будете в профессиональной или политической изоляции. Дело Вы делаете правое и самое самое нужное. Носороги напирают — так иначе и быть не может. Когда Вы с друзьями начинали издавать «Континент», Вы же понимали, что вызовете огонь на себя. Не каждому Бог дал силы и талант делать такую работу. Вам дано.

Даже если один номер «Континента» попадет в Союз, то Ваша работа оправданна, ибо он будет читаться, переписываться, передаваться и умножаться 24 часа в сутки. И это не выдача желаемого за действительность, а сама правда. За кольцом из носорогов есть Ваши люди, есть Ваши читатели, есть Ваши единомышленники, есть несчастные подсоветские народы и есть везде Бог».

<Далее А. Фингерман выражает уверенность, что в скором времени «большинство советского народа возвратится к Богу и захочет избавиться от соцкоммунизма, и Бог даст им это».>

И все понимают, что это возвращение к Богу происходит сейчас на наших глазах с помощью таких людей, как Солженицын, Сахаров, Вы с Вашими товарищами, и многих еще.

С уважением А. Фингерман

---

[41] Владимир Марамзин — прозаик, составитель самиздатского собрания сочинений И. Бродского в 1971–1974 годах. Арест В. Марамзина в 1974 году совпал с публикацией его повести «История женитьбы Ивана Петровича» в № 2 журнала «Континент». В 1975 году эмигрировал в Париж. В № 8 (1976, № 2) была опубликована его повесть «Тянитолкай».

[42] Наум Коржавин — постоянный автор и бессменный член редколлегии «Континента». Его статья «Психология современного энтузиазма» под рубрикой «Россия и действительность» появилась в № 8 и 9 журнала в 1976 году.

[43] Александр Исаевич Солженицын. Возможно, речь идет о книге «Ленин в Цюрихе» (главы из эпопеи «Красное колесо»), появившейся на Западе в 1975 году.

Письмо читателя из США Александра Фридмана

Июль 1984 года, Хьюстон

Дорогой «Континент»!

10 лет назад, чудом выбравшись в свободный мир, я приобрел № 1, а затем и № 2 журнала. Меня уже тогда поразило, что он вовсе не походил на новорожденного, а как-то сразу проявил фундаментальность и незаурядность. Сейчас, перелистывая все 39 книжек, уже и тени сомнения нет в том, что «Континент» не идет в сравнение с другими изданиями подобного типа, что он ЯВЛЕНИЕ и СОБЫТИЕ в нашей литературной и общественной жизни.

Уверен, что если бы произвести анкетный опрос, то превосходство и популярность «Континента» в сравнении с другими эмигрантскими изданиями — оказались бы разительными. «Континент» был бы назван Лауреатом — не «Ленинской» или «Государственной» премии, а народным.

К сожалению, такой опрос невозможен в России, где он пользуется «спросом» и уважением наравне с шедеврами «самиздата» и передачами «Голоса Америки», Би-би-си» или «Свободной Европы»... (Это не значит, конечно, что там нету спроса на другие журналы или газеты. Ведь и в них порою печатают талантливые произведения.)

Отдел прозы «Континента» вряд ли можно расценивать (так предполагал у истоков журнала В. Максимов) как продолжение отдела прозы «Нового мира». Это и неудивительно: ведь и в лучшие времена журнал Твардовского был подцензурным.

«Континент», несомненно, имеет возможность печатать больше талантливых рассказов, повестей, стихов, эссе, отрывков из романов. Большому кораблю — большое плавание. Конечно, не все лучшее из написанного в России поместишь в «Континент». Главная же и несомненная ценность журнала — это его публицистика. Журнал — Гражданин. Идеология, философия, политика — три кита «Континента». И тут равного ему нет. Как и в трудах по защите узников совести. Отнюдь не формальных. Один лишь пример. Еще на заре рождения «Солидарности» я поделился с В. Максимовым мыслями о том, как хорошо было бы увенчать героическую деятельность Леха Валенсы званием Нобелевского лауреата. (Мне представляется вполне логичным подобное предложение в отношении «Континента»). Оказалось, что В. Максимов и сам об этом думает, он сразу же и подробно ответил мне, рассказав, как много могут сделать члены (и даже председатели настоящего и прошлого состава) комитета по премиям, входящие в состав редколлегии «Континента». И в том, что Валенса стал, в конце концов, лауреатом (что, вполне возможно, спасло его жизнь) — огромная заслуга журнала. Таких примеров — много.

Он наш, в самом лучшем значении этого слова, русский журнал. И не только русский. Роль его трудно переоценить. Как сказал Р. Конквест[44] во 2-м номере «Континента», «знание положения в России для западного человека означает начало здорового подхода к проблемам всей мировой политики».

---

[44] Роберт Конквест — американский историк и литератор. В № 2, 1974 года журнала была опубликована его статья «"Континент" и Запад».

Доброго здоровья и долгих лет тебе, «Континент» — штаб борьбы с тоталитаризмом и за демократию. Сердечное спасибо всем, кто его создал и делает. Новых успехов!

А. Фридман

Лев Лосев[45] — Владимиру Максимову

7.01.1984, США, Hanover

Дорогой Володя!

<...>

Кстати, две недели назад, на ежегодной славистской конференции в Нью-Йорке я делал доклад к десятилетию журнала. Было очень интересно сесть и пересмотреть «Континент» за 10 лет в один присест (жаль только, что делать доклад меня пригласили поздновато, на замену.) Главное впечатление от просмотра то, что — редкий случай в истории журналистики — журнал действительно выполнил и выполняет намеченную при основании программу.

Я говорил о том, что «Континент» только очень условно можно назвать эмигрантским журналом, что он всеми корнями — материалами, авторами, читателями и прежде всего темами — в России. Т.е. не главный эмигрантский журнал, как часто говорят, а главный русский журнал сегодня. Говорил, что и достоинства, и недостатки «Континента» суть точное отражение сегодняшней русской культурной сцены: богатейшая идеологическая и культур-философская публицистика, интересная и разнообразная поэзия, крайне неровная проза, более чем скромная критика. Многие рты поразевали, когда я заговорил о беспрецедентной толерантности редакционной политики «Континента», но это очень легко было доказать. Еще раз спасибо и всего доброго. Привет Вашей Тане и сотрудникам.

Ваш Леша Лосев

Инна Лиснянская — Максимовым

1980 год, Москва

Дорогие Володя и Танечка!

Большое Вам спасибо за публикацию состоявшуюся и грядущую[46]. Сами понимаете, как это сейчас для меня важно и дорого. Хочется, ой как хочется видеть свою книгу при жизни. А уж как сложится эта жизнь у меня здесь — неизвестно, уезжать не могу, нет ни моральных ни физических сил. Оставаться — дадут ли? Но все в руках Божьих, а эта книга — в Ваших[47].

Очень трудно с оказией, поэтому, как увидите, часть книги напечатана на одной стороне, а часть с двух сторон, спешила.

Если возможно издать книгу в этом объеме, то и в оглавление глядеть не надо. А для Вашего журнала выбирайте все, что помечено галочками.

---

[45] Лев (Алексей) Лосев — поэт, литературовед, эссеист. Эмигрировал в 1976 году в США. Постоянный автор «Континента».

[46] Стихи И. Лиснянской были опубликованы в 1980 году дважды, в № 23 и № 26.

[47] Сборник И. Лиснянской «Дожди и зеркала» вышел в Париже в 1983 году.

Вас здесь все помнят и вспоминают. Журнал читается, передается из рук в руки. <...> Кланяется Вам, Володя, и Семен Израилевич[48], мы с ним недавно вылезли из больницы, у него — инфаркт, у меня — декомпенсация тяжелого порока.

Если вас интересуют стихи Липкина — они у Васи[49] и в «Ардисе»[50]. Если с Васей переписываетесь, передайте привет.

Еще, хотя я и не знакома с Горбаневской[51], хотела бы передать ей и привет и то, что мне подарили ее книгу «Перелетая снежную границу», и она мне очень понравилась, и я ее все время даю читать другим.

Володя, очень жалею, что не удалось, кроме небольшого отрывка (задевшего меня за душу), прочесть Вашу последнюю вещь[52]. Столько о ней разговоров. А разве Достоевский не вызывал кипучесть подобного рода? Это всегда — за писателя и на пользу тому месту, какое он занимает в литературе.

Мои гонорары за № 23 и за дальнейшие публикации в Вашем распоряжении для издательства, как мне передали, «Имка-пресс». Если к Вам попадет иной вариант книги — он у Васи, — то не его надо иметь в виду, а то, что я сейчас посылаю.

Хотелось бы видеть книгу именно в таком виде. Очень прошу как-нибудь дать мне знать о моих делах при первой же определенности и оказии. Да, и перешлите мне с кем-нибудь мою новую публикацию в Вашем журнале. Передайте мой привет и Кире Сапгир[53].

Целую Вас, обнимаю и снова, снова благодарю.

Ваша Инна Лиснянская

Инна Лиснянская — Владимиру Максимову

5.07.1980, Москва

Дорогой Володя, очень обрадовалась, получив № 23. Спасибо. Ваша поддержка, в моем нынешнем положении[54], особенно для меня важна и дорога.

---

[48] Липкин Семен Израилевич(1911–2003) — муж Инны Лиснянской, известный поэт и переводчик

[49] Писатель Василий Аксенов.

[50] Издательство «Ардис» (США), которое возглавлял Карл Проффер, выпустило в 1970–1980-е годы десятки прекрасных русских книг, запрещенных в СССР цензурой. Сборник С. Липкина «Воля» был издан в «Ардисе» в 1981 году.

[51] Наталья Горбаневская — известный поэт и переводчик, правозащитник, с 1976 года — зав. редакцией, с 1982 года — заместитель главного редактора «Континента» вплоть до переезда издания в Москву. Сборник «Перелетая снежную границу» вышел в Париже в 1979 году.

[52] По-видимому, речь идет об автобиографической дилогии В.Максимова «Прощание из ниоткуда» (1974–1982 гг.)

[53] Кира Сапгир — поэт и переводчик, литературный критик, сотрудник газеты «Русская мысль». Постоянный автор «Континента».

[54] Включение семи стихотворений И. Лиснянской в самиздатский альманах «Метрополь» (1979) привело к полному запрету ее публикаций (включая переводы). Вместе с С. Липкиным она вышла в знак протеста из Союза писателей СССР, за этим последовало ее исключение даже из Литфонда.

Должна Вам сказать, что я стихи не посылала, мне хотелось напечатать у Вас небольшую поэму «Круг». Дошла ли она до Вас? Было бы хорошо, если бы Вы нашли возможность дать мне как-нибудь об этом знать, а также о Вашем отношении к поэме. Нам стало известно, что «Техник-интендант» Липкина Вам не подошел. Дошла ли до Вас другая его — маленькая — поэма «Литературное воспоминание»? Что Вы о ней думаете?

Сердечный привет от всех, кто Вас помнит и любит.

Инна Лиснянская

Семен Липкин — Владимиру Максимову

26.02.1990, Москва

Дорогой Владимир Емельянович!

Пользуюсь случаем, — возвращается домой Юрий Кублановский[55], — чтобы написать Вам несколько слов. Прежде всего, это слова восхищения Вами как художником, что отразилось в одном замечании в моей книге о Гроссмане («Ардис»), и как редактором одного из лучших русских журналов. Кстати, как это ни странно, в годы перестройки «Континент» стал для нас, для меня и моих друзей, менее доступен.

Я очень хотел бы с Вами увидеться в Москве. Уверен, что Ваш приезд стал бы праздником, по крайней мере, для большинства литераторов и знатоков, ценителей литературы.

Начиная с 1987 года, когда я вышел из больницы и начал принимать участие в литературных вечерах, Ваше имя, произносимое мной, Евгением Поповым, Юрием Карабчиевским, Инной Лиснянской, вызывало громкие рукоплескания зала. Я это пишу Вам для того, чтобы Вы знали, какая радость ждет Вас в Москве. Приезжайте.

У меня к Вам имеется и небольшое дело. В этом году, в благородном издательстве «Книжная палата», выходит моя книга, в которую включены повесть «Декада», поэма «Техник-интендант» и повесть «Картина и голоса», в свое время вышедшая в Лондоне благодаря Вам и с Вашим лестным для меня предисловием[56], и они решили поместить его в книге. Надеюсь, что Вы не будете возражать, «Книжная палата», повторяю, издательство благородное. Напишите, пожалуйста, мне — кому в Москве адресовать гонорар, в рублях, конечно, как это обыкновенно теперь делается. Очень хотелось бы получить хоть одну из Ваших книг, здесь неизвестных. Самый сердечный привет от Инны.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш С. Липкин

Комментарии Елены Скарлыгиной

---

[55] Юрий Кублановский — известный поэт, постоянный автор «Континента». Эмигрировал в Париж в 1982 году, в 1990-м вернулся в Россию. В настоящее время — заведующий отделом поэзии журнала «Новый мир».

[56] Книга С. Липкина «Картины и голоса» с предисловием В. Максимова была издана в Лондоне в 1986 году.

Яков РАБКИН

УГРОЗА С ТЫЛА: ДУХОВНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ СИОНИЗМУ

> Сколько еще еврейской крови придется пролить для сохранения их так называемого еврейского государства? Наш страх усиливается всякий раз, как сионистское государство развязывает войну. Мы убеждены, что оно со временем исчезнет, и молимся, чтобы его жителей обошла чаша страданий.
>
> *Раввин Амрам Блау, Иерусалим*

Мы говорим «евреи» — подразумеваем «Израиль»; мы говорим «Израиль» — подразумеваем «евреи». Связывать евреев с государством Израиль сегодня вполне естественно, хотя более половины евреев мира, несмотря на серьезные экономические, военные и научные успехи Израиля, в сионистском проекте не участвуют и в Израиль, жить в котором никто уже теперь не препятствует, не переезжают. Тем не менее евреев все еще сплошь и рядом представляют инородцами, иностранцами — другими словами, израильтянами, проживающими за границей. Особенно характерно такое восприятие для антисемитов, издавна убежденных, что евреи — чужаки, которые преследуют свои особые еврейские интересы, якобы подрывающие устои мира. Поборники сионизма[1], изначала представляющие свое движение как аван-

[1] Сионизм — политическое движение, возникшее в конце XIX века, преследующее цель переселения евреев всего мира в Палестину (Израиль).

Яков РАБКИН — родился в Ленинграде в 1945 г. После окончания Ленинградского университета защитил диссертацию по истории науки в АН СССР в Москве. С 1973 г. преподает историю науки и современную историю евреев в Монреальском университете. Автор и редактор нескольких книг, в том числе «Взаимодействие еврейской и научной культуры в современную эпоху» (Interaction between Scientific and Jewish Cultures. Edwin Mellen Press. 1995). Живет в Монреале. Настоящая статья основывается на его последней книге «От имени Торы: история еврейского сопротивления сионизму», вышедшей по-французски в апреле 2004 г. в Канаде. С тех пор она несколько раз переиздавалась и была переведена на шесть языков, в том числе на английский.

гард всего еврейского народа, также рассматривают евреев прежде всего как потенциальных граждан Израиля. Газеты многих стран привычно называют Израиль еврейским государством, да и простые люди автоматически проводит связь между своими соседями — евреями и израильскими солдатами, которых они столь часто видят на экранах своих телевизоров. Израильские политики также часто заявляют, что действуют от имени еврейского народа[2]. Многие сионисты полагают, что любая угроза Израилю несет в себе угрозу выживания всего мирового еврейства. С этой точки зрения Израиль становится одновременно как бы и защитником евреев, и знаменосцем иудаизма. Для многих евреев Израиль, точнее поддержка или даже сочувствие Израилю — последнее, что связывает их с чем-либо кажущимся им сегодня еврейским.

Однако на самом деле все совсем не так просто.

Последние годы в День независимости Израиля, чуть в стороне от массовых демонстраций, организуемых по всему миру в поддержку Израиля, стоят евреи, в корне отрицающие как сионизм, так и созданное этим политическим движением государство. В руках у этих бородатых, пейсатых, зачастую облаченных в траурное вретище иудеев транспаранты: *«Прекратить кровавую авантюру сионизма!»*, *«Мечта сионистов обращается в кошмар»*, *«Сионизм — это отрицание иудаизма»*. Те, кто бывал в Иерусалиме, возможно, видел эти лозунги. Примерно такие же воззвания на английском установлены на стенах одного из старейших его районов Меа Шеарим. В то время как израильские войска открывают военные действия в секторе Газа и Ливане летом 2006 года, иудеи — противники сионизма пикетируют израильские консульства в разных странах мира, протестуя против действий Израиля и подчеркивая, что войны Израиля ничего общего с еврейской традицией не имеют. Более того, они считают сионизм первопричиной насилия и войн на Ближнем Востоке и источником опасности для евреев всего мира.

Более подробно эта точка зрения изложена в брошюрах, которые антисионисты распространяют тут же среди прохожих:

Помимо того, что сионизм вызывает страдания, притеснения и человеческие жертвы, помимо того, что он ежечасно оскверняет Тору[3]*, он в корне*

---

[2] Тут помогает двусмыслица выражения «Народ Израиля» (Ам исраэль). В традиционном смысле оно означает весь еврейский народ, однако в современном употреблении оно может быть понято как народ государства Израиль, т.е. его граждане. Эволюцию термина «Израиль» весьма четко проанализировал американский раввин и профессор Джейкоб Нуснер (Neusner, 3–4).

[3] Тора (учение) — совокупность канонических текстов, составляющих письменную Тору (в основном соответствующую Ветхому Завету в христианской традиции), и устной Торы, представляющей собой устное толкование, которое, по традиции, Моисей получил одновременно с письменной Торой на горе Синай. Со временем устная Тора была частично зафиксирована, в результате чего была, в частности, составлена Мишна, а затем обширные комментарии к ней, известные как Вавилонский и Палестинский Талмуды. По традиции, устная Тора продолжает жить и развиваться, коль скоро учитель обучает Торе своего ученика и знатоки Торы (талмидей хахамим) продолжают толковать слово Божье. Считается, что Тора содержит 613 заповедей, которые охватывают полный диапазон человеческой жизни.

поражает еврейскую душу, тем самым радикально изменяя еврейское самосознание. Сионисты представляют евреев как секулярную национальность, подменяя тем самым веру нашего народа в божественную Тору. Для них изгнание евреев со Святой земли всего лишь следствие военного поражения, что начисто уничтожает религиозную подоплеку изгнания как кары за наши грехи. Сионисты посеяли смятение среди евреев как в Израиле, так и в диаспоре. Постоянно опираясь на жестокость и злоупотребления, они превратили нас в угнетателя-Голиафа в глазах всего мира.

Вот почему для еврейского народа и народов всего мира пятый день месяца ияра [день провозглашения государства Израиль по еврейскому календарю] это день боли и страдания. Правоверные евреи отмечают его постом как день траура, предаваясь покаянию, облачившись во вретище и посыпая голову пеплом. Да будем мы достойны лицезреть мирное исчезновение этого государства и восстановление мира между евреями и мусульманами всего мира[4].

Сторонники Израиля, превосходящие в числе антисионоистов, обзывают их предателями и даже обвиняют этих явно правоверного вида иудеев в том, что они «не настоящие евреи». Некоторые пытаются вырвать у них плакаты, и в дело вмешивается полиция, защищая одну группу евреев от другой. Такие сцены повторяются в Нью-Йорке, Бостоне, Монреале, Лондоне, Иерусалиме и ряде других городов мира.

Эти, казалось бы, местные эпизоды представляют собой внешнее проявление куда более широкого — и в то же время малоизвестного — движения: отрицание сионизма от имени Торы и еврейской традиции[5]. Очевидно, речь идет не о временной аномалии, а о более чем вековой оппозиции части евреев сионистской идеологии и порожденному ею государству. В отличие от политической критики слева, эта оппозиция сионизму опирается на общепризнанные принципы иудаизма и апеллирует к его классическим источникам. Что, естественно, усложняет попытки дискредитировать эту оппозицию сионизму как разновидность антисемитизма.

На первый взгляд, эта оппозиция может показаться парадоксальной. Однако как основоположники сионистского движения, так и его историки единодушно считают возникновение сионизма и провозглашение государства Израиль радикальным разрывом с еврейской традицией, великим переломом в еврейской истории. Известный израильский политолог (и бывший генеральный директор израильского МИДа) Шломо Авинери считает, что связывать сионизм с еврейской традицией и с той ролью, которую в ней играет Земля обетованная, есть не что иное, как *«дань пошлости, конформизму и апологетике»* (Avineri, 1981, 4). Для него, вполне светского интеллектуала, сионизм — это результат глубоких изменений в еврейском самосознании, а не благостное завершение многовековых молитв о возвращении на Святую землю.

---

[4] Israel «Celebrates».

[5] Еврейская традиция — это совокупность толкований Торы, обычаев и верований, сложившаяся в иудаизме в последние два тысячелетия. Она сильно влияет на поведение и образ мысли придерживающихся ее людей. Эта традиция отражает опыт жизни евреев в рассеянии по всему миру среди других народов, что объясняет отход от нее как в религиозных, так и в куда большей степени в антирелигиозных сионистских кругах.

Неудивительно поэтому, что с самого начала подавляющее большинство тех, кто следует еврейской традиции и толкует ее, отвергают сионизм и присущие ему планы построения нового общества. Они считают бессмыслицей само понятие «еврейская национальность» и выступают против массового переселения евреев в Святую землю, в особенности против использования силы для установления над ней политического контроля. По мнению израильского историка Иосифа Сальмона,

Сионизм представил собой серьезнейшую опасность, ибо он отнимал у традиционной еврейской общины — как в Земле Израилевой, так и в странах рассеяния — всю ее сущность: он лишал ее предмета упования на мессию. Сионизм бросил вызов всему традиционному иудаизму: своим переопределением евреев как обычной современной национальности, своим насаждением нового образа жизни, своим отказом от религиозного понимания рассеяния и искупления. Угроза сионизма проникла в каждую еврейскую общину; она была прямой и безжалостной, и противопоставить ей можно было лишь столь же бескомпромиссное сопротивление[6].

Познакомимся подробнее с истоками, характером и аргументами этого еврейского сопротивления «прямой и безжалостной» угрозе сионизма, с причинами продолжающейся вот уже более века решительной борьбы с сионизмом. Причем характерно, что эту борьбу ведут как ортодоксальные[7], так и либеральные евреи, и даже некоторые выходцы из национально-религиозного движения[8], ставшего в последние десятилетия основным оплотом сионизма. Общей чертой еврейской критики сионизма следует считать ее апелляцию к моральным ценностям иудаизма.

Чаще всего иудейская оппозиция сионизму, о которой идет речь в этой статье, высказывается раввинами. Раввин — не обязательно священнослу-

---

[6] Salmon. P. 25.

[7] Ортодоксия — движение, возникшее в Европе как реакция на реформу иудаизма, предложенной немецкими евреями в начале XIX века. Сторонники реформы существенным образом пересмотрели еврейский закон и литургию, основали новые реформистские храмы и, подчеркивая универсальность иудаизма и его моральных принципов, освободили прихожан от целого ряда запретов. Ортодоксы, напротив, подчеркивают значение преемственности и строгого исполнения заповедей Торы, а некоторые из них даже противятся новшествам, допустимым еврейской традицией. «Любое новшество запрещено Торой», — считал Хатам Софер, один из столпов ортодоксии. Реформистские, или либеральные, евреи составляют сегодня большинство в еврейском населении Соединенных Штатов, однако ортодоксальные общины, благодаря традиционному семейному укладу и высокому уровню деторождения, характеризуются самым высоким приростом населения среди евреев всего мира.

[8] Национально-религиозное движение ведет свое происхождение от движения Мизрахи (акроним мерказ рухани, или духовный центр), основанного в Российской империи в 1904 году раввином Исаком Яковом Райнесом. Сегодня движение объединяет сионистов, которые в основном придерживаются ритуальных предписаний ортодоксального иудаизма. Отличительной чертой этого движения в последние десятилетия является самоотверженная колонизация территорий, занятых Израилем в 1967 году.

житель или официальная должность, а звание, которым удостаиваются знатоки Торы, обычно прошедшие интенсивный курс изучения еврейского закона под руководством общепризнанных авторитетов. Напомним, что, в отличие от католической и православной церквей, в иудаизме, как и в исламе, нет официальной иерархии. Это обстоятельство позволяет сосуществовать весьма разнообразным, а подчас взаимоисключающим взглядам, особенно по вопросам философского, политического и морального толка. Поэтому всегда следует с осторожностью относиться к высказываниям «от имени иудаизма» или «от имени Торы».

1. Причины противостояния сионизму

Сионизм — последнее из оставшихся в жизни политических движений за построение нового мира и создание нового человека, унаследованных из прошлого столетия. Идеи сионизма возникли и зрели в обстановке отхода многих европейских евреев от традиций иудаизма в течении XIX и XX веков. Хотя основателем политического сионизма был весьма респектабельный австро-венгерский буржуа Теодор Герцль (1860–1904), наиболее активные сионисты были выходцами из местечек Российской империи, многие имели опыт работы в революционном движении. Фактический основатель государства Израиль Давид Бен-Гурион (1886–1973) восхищался Лениным и Октябрьской революцией: *«Великая, важнейшая революция, которая должна полностью искоренить настоящую действительность, до глубины расшатать основы этого изжившего себя, прогнившего общества»*[9]. В 1960 году, когда уже более сорока лет как прекратился приток поселенцев из России, более 70 процентов членов Кнессета (израильского парламента) были уроженцами Российской империи. Евреи российского происхождения сыграли важную роль в развитии сионистского движения во многих странах: от США до Марокко. Методы работы и многия положения сионистского движения несут в себе важные элементы российской культуры.

Сионизм — вполне естественная, хотя и несколько запоздалая, разновидность европейского национализма позапрошлого века. В то время Восточная Европа жила идеями самоопределения наций, возрождения забытых языков и попранных культур. Эти идеи вдохновляли тогда чехов и поляков, литовцев и украинцев. Они же вдохновили и отошедших от религии евреев, которые создали свое национальное движение, преобразуя при этом традиционную надежду на мессию и на возвращение евреев в Святую землю в современный национализм. Сионизм преследует следующие цели: 1) превратить основанное на Торе и заповедях вненациональное самосознание евреев в национальность европейского типа; 2) по примеру других европейских народов создать общий разговорный язык на основе древнееврейского языка; 3) переместить евреев в Палестину; 4) установить и укрепить в Палестине новый политический и экономический порядок.

Задачи сионизма намного превосходят по своим масштабам задачи любого другого националистического движения современности. Сионизм —

[9] Barnavi et Friedlander. P. 219.

это среди прочего и важный проект массовой модернизации и европеизации. Сионисты ставили своей целью осуществить двойную модернизацию: погрязших в традиции евреев и страны, которую они считали отсталой и созревшей для возрождения с помощью европейской колонизации. В этом смысле создание государства Израиль — попытка осуществить западную модернизацию в регионе, который до наших дней с трудом поддается такого рода попыткам. Продолжающееся более века кровопролитие в Святой земле свидетельствует о том, что сионистское движение, несмотря на свои неоспоримые экономические и военные успехи, окончательной победы пока не одержало. Причем враждебность сионизму проявляют с самого начала колонизации не только арабы, но и палестинские евреи, которые категорически отвергают сионизм и отказываются от каких-либо контактов с его носителями.

Правоверные евреи, противники сионизма, считают, что Тора обязывает их открыто отвергать идею и практику сионистского движения. В связи с этим упоминаются две заповеди. Первая требует от еврея самоотверженно бороться с осквернением имени Божьего: ради этого предписывается даже жертвовать жизнью. Осквернение имени Божьего, хиллуль ашем, настолько серьезное прегрешение, что традиция лишает повинного в этом еврея места в мире грядущем. Недостойное поведение еврея бросает тень на репутацию не только данного человека и даже всего еврейского народа, а как бы на репутацию самого Бога. Ибо, согласно традиции, избранность еврейского народа заключается не в превосходстве или каких-либо привилегиях, а в обязанности выполнять волю Господа и тем самым служить примером всему человечеству.

Классики иудаизма подчеркивают, что еврейский народ сложился не на основе языка или территории, а в результате коллективного присутствия при откровении Божьем на горе Синай, где людям была дана Тора. Именно Тора и указанные в ней заповеди стали основой той общности, что вот уже несколько тысячелетий принято называть еврейским народом. И хотя повествование Торы изобилует случаями нарушения евреями божественного закона, лежащая на них обязанность исполнять заповеди продолжает составлять сущность традиционного еврейского самосознания. Поскольку государство Израиль зачастую выступает и действует как бы от имени всего еврейского народа, и даже во имя принципов иудаизма, противники сионизма считают своей святой обязанностью разъяснять общественности — в особенности неевреям, что сионистское государство не представляет ни иудаизм, ни евреев всего мира. Тем самым они считают, что они защищают от бесчестия Тору и как бы репутацию самого Господа.

Вторая заповедь касается сохранения человеческой жизни. Иудейские комментарии не раз напоминают, что заповеди даны для того, чтобы по ним жить, а не умирать. Ценность человеческой жизни абсолютна. Например, для того, чтобы выжить в условиях голода, еврей обязан есть запрещенную Торой пищу. В субботу, когда запрещено пользоваться транспортом, еврей обязан отвезти к врачу больного, жизнь которого оказалась в опасности. *«Сомнение относительно опасности для жизни равноценно признанию такой опасности»*, — написано в еврейском законе (*сафек пикуах нефеш — пикуах*

нефеш). Тем более важно сделать все возможное, чтобы отвести опасность от всего еврейского народа.

Противники сионизма считают, что сионизм угрожает евреям не только в земле Израиля, но и за ее пределами. Подчеркивая противоречия между теорией и практикой сионизма, с одной стороны, и моральными ценностями иудаизма — с другой, они надеются тем самым отвести от евреев вселенский гнев, который, по их мнению, вызывает само создание государства Израиль, не говоря уже о его политике или действий его армии. Поскольку в последние годы участились нападения на евреев диаспоры в ответ на те или иные действия Израиля, антисионисты опасаются, что евреев стран рассеяния постепенно превращают в заложников Израиля и его политики. Этому способствует позиция многих еврейских организаций, которые открыто встали на защиту политики Израиля. Именно поэтому противники сионизма напоминают, что сионизм представляет собой очевидный отрыв от еврейской традиции, и требуют, чтобы Израиль называли не еврейским, а сионистским государством. Среди евреев есть и такие пылкие хулители сионизма, для которых сионистское государство — не что иное, как исчадие ада, которому суждено исчезнуть до прихода мессии.

Критики сионизма из хасидов[10] подчеркивают контраст между материальной землей и духовным понятием Святой земли. Для них сионизм представляет воистину происки сатаны: он заменил сверхъестественное естественным, религиозное — безбожным, терпение и веру в Бога — политическими и военными действиями. Предводитель мукачевских хасидов раввин Эльазар Шапира (1892–1937) считает, что в Святой земле могут жить лишь особо праведные люди и что материальные успехи поселенцев неизбежно приведут к полному духовному упадку. Он весьма образно описывает свое путешествие в Палестину и впечатления от сионистской деятельности:

Перед тем как я сел на пароход, направляющийся в Святую землю, я сказал Искусителю: «Каюта дорогая. Ты решай, кто сядет на пароход: либо ты поплывешь в Святую землю, а я останусь здесь, либо ты оставайся, а я сам поплыву в Святую землю. И он решил остаться. <...> Я плыл в радости. Но, достигнув Святой земли, я сразу заметил в порту Искусителя. В отчаянии я крикнул ему: «Что ты здесь делаешь?! Разве мы не договорились, что ты останешься в Стамбуле?» А он мне и отвечает: «Здесь мое постоянное обиталище, а в Стамбуле ты говорил лишь с моим заморским представителем»[11].

---

[10] Хасиды — ортодоксальные евреи, приверженцы хасидизма, мистического движения в иудаизме, возникшего в XVIII веке на территории сегодняшней Украины. Распространившись по Восточной Европе, хасидизм раскололся на десятки течений, во главе каждого из которых стоит «реббе», духовный наставник и общинный предводитель. Хасидские движения, или «дворы», известны по названию местечек, где они возникли (например, Любавичи Смоленской области, Сатмар (Сату-Маре в Румынии), Мукачево в Западной Украине), хотя в настоящее время хасидские общины разбросаны по всему миру и их связь с местечками, где они возникли, ограничивается паломничеством и охраной могил их основателей.

[11] Ravitzky. P. 67.

Для этого крупного хасидского раввина сионизм — дело рук сатаны и всякое общение с сионистами грозит сбить евреев с пути истинного и оставить Тору. Именно он вдохновил раввина Йоэля Тейтельбаума, главу сатмарских хасидов, написать книгу «Вайоэль Моше», которая стала идейной основой иудейского сопротивления сионизму.

2. Вероисповедание или национальность?

Непременным пунктом иудейской критики сионизма, как ортодоксальной, так и либеральной, является определение того, кто такой еврей. Традиционно считается, что еврей — это понятие по своей сущности нормативное: человек, чье поведение должно подчиняться заповеданным Богом принципам, составляющим общий знаменатель евреев разных стран мира. Немецкий (переехавший позже в США) раввин Шимон Шваб, обращаясь к соотечественникам-евреям вскоре после прихода нацистов к власти, пишет, что заповедь Торы: *«Вы будете для меня царством священников и святым народом»* (Исход 19:6) — остается основой еврейской общности:

Еврейский народ на каждом материке жил своей жизнью, посвящая себя служению Богу, в стороне от политических перипетий окружавшего мира, от которого иногда исходила вынужденная любовь, иногда безграничная ненависть <...> Иудаизм давал лишь одно истинное определение еврейского предназначения, еврейской истории и будущего евреев: верность учению Божьему составляла смысл жизни каждого еврея. Она же служила основой этнической общности, национального единства евреев, которое пережило развал политической независимости евреев [в начале новой эры][12].

Критики сионизма единодушно отказываются от нового определения евреев как нации или национальности. Это понятие (отголосок возникшего в недрах христианства разделения понятий нации и религии) действительно плохо применимо к восточного типа общностям, будь то евреи или мусульмане. Традиционно историческая общность евреев определяется не только происхождением от матери-еврейки, но и приверженностью Торе и заповедям. Так, например, переход человека в иудаизм обусловлен принятием обязанности соблюдать заповеди Торы, что делает его полноправным евреем, каким бы ни были его происхождение и цвет кожи. Присущее евреям и мусульманам понятие народа — умма — не ограничено этническими рамками или государственными пределами, а включает в себя всех, кто принял на себя соблюдение соответствующих иудаизму или исламу законов и правил. Именно это понятие было заменено на более объективное определение еврея как национальности, что преобразило еврейскую историю и самосознание значительной части еврейского народа.

Несколько позже, и в немалой степени как реакция на сионизм, мусульманское самосознание также претерпело изменения. В результате возникло понятие арабского национализма, одним из вдохновителей которого был Гамаль Абдель Насер. Как известно, эти концепции оказались весьма

[12] Schwab. P. 10.

недолговечными. Об этом свидетельствует усиление мусульманского самосознания по всему миру, в том числе и на Ближнем Востоке, где светский национализм европейского типа переживает в наши дни очевидный упадок. Пример тому — победа исламского движения Хамас над националистической Организацией освобождения Палестины, а также результаты выборов в ряде стран с мусульманским большинством.

Расщепление еврейской общности на религиозную и национальную уходит корнями в историю Европы, где евреи живут уже более двух тысяч лет. Христианство, считающее себя наследником и правопреемником иудаизма, зачастую видело в евреях убийц Христа или во всяком случае упрямцев, отказывающихся признать в Нем мессию. Во многих христианских странах евреи регулярно подвергались ограничениям, преследованиям и даже массовым убийствам, хотя были и периоды весьма гармоничного сосуществования евреев и христиан. В целом история евреев христианской Европы несравненно менее благополучна, чем история их проживания в странах ислама.

Просвещение и отход от религии (секуляризация), характерные для европейского сознания в последние три века, не могли не повлиять на евреев. Однако особенно сильное влияние оказывает на евреев эмансипация, т. е. официальное уравнение в правах, начавшееся во второй половине XVIII века и навязанное наполеоновскими реформами большинству завоеванных стран Европы. При Наполеоне евреи Франции принимают на себя обязанности и привилегии французского гражданства, торжественно отказавшись от общинных форм самоуправления. Получив в Западной и Центральной Европе равенство в правах, евреи становятся одной из религиозных групп в составе той нации — англичан, французов или итальянцев, в среде которых они живут испокон веков. Массовый отход евреев от иудаизма идет, конечно, в большинстве европейских стран, однако евреи, каким бы ни было их личное соблюдение заповедей Торы, социально и официально остаются в рамках иудаизма. Евреи становятся «французами израилитами» или «немцами моисейского вероисповедания». В той мере, в которой они сохраняют свое еврейское самосознание, оно остается иудейским, или религиозным.

Отношение западно-европейских раввинов к сионизму примерно одинаковое, ибо оно определяется не столько местными обстоятельствами, сколько присущими иудаизму критериями. Как мы увидим позже, оно вполне созвучно реакции их восточно-европейских собратьев. Главный раввин Франции Задок Кан заявляет накануне первого сионистского конгресса в 1897 году: *«Если все их законы — гражданские, политические и религиозные — не еврейские, почему называть новое государство еврейским?»*[13]. Французские раввины были весьма единодушны: «Мы, французы-израилиты, имеем родину и намерены оставаться в ней»[14]. Многим французским евреям Герцль и его сообщники казались «бандой немцев», «бошами» (т.е. «фрицами»). Вполне ощущая себя французами, они проявляли немалую солидарность и заботу по отношению к евреям в России и в арабских странах. *«Французские евреи*

[13] Abitbol. 1989. P. 39.

[14] Nicault. P. 21–22.

всегда четко отличали свое пренебрежение к еврейскому национализму от глубокой привязанности к Святой земле»[15].

В Германии отношение к сионизму было не менее отрицательным. Национальная организация немецких евреев воспротивилась проведению сионистского конгресса в своей стране, почему он и состоялся в Базеле, на швейцарском берегу Рейна. По их мнению, *«попытки так называемых сионистов учредить национальное государство в Земле Израилевой противоречат мессианским целям иудаизма, отраженных в Писании и прочих религиозных источниках»*[16].

Эмансипация позволяет многим евреям преуспеть как в финансовом, так и в профессиональном смысле. Всем известен вклад евреев в современную культуру и науку Германии, Франции, Италии, Австрии. Их преданность выражается также в участии в вооруженных силах своих стран. Хорошо известны фотографии времен Франко-прусской войны, на которых изображены отдельные церемонии иудейского молебна Судного дня по обе стороны фронта. Преданность евреев своим странам была доказана в течение последних двух столетий.

Поэтому новое историческое самосознание — еврей как национальность — чуждо западно-европейским странам. Напротив, оно быстро распространяется на территории Российской империи, оставаясь существенным новшеством, неизвестным в других еврейских общинах мира. В России эмансипация — в отличие от секуляризации и проникновения социалистических идей — заставляет себя ждать. Евреи Российской империи не только подвергаются ряду официальных ограничений, но и испытывают на себе погромы вскоре после убийства террористами Александра II. Реакция евреев на погромы не однозначна. Полагаясь на многовековой опыт, многие бегут, в основном в Северную Америку. Немало евреев включается в разного рода революционные движения, надеясь построить новое общество и тем самым уничтожить всякую дискриминацию в корне.

Одним из таких движений становится сионизм, который предлагает евреям взять судьбу в свои руки и построить свое собственное новое общество в Палестине. Чуть ниже мы подробнее поговорим о сионизме и его разновидностях, сейчас важно подчеркнуть, что он находит в России благодатную почву именно потому, что значительная часть евреев начинает определять себя не как вероисповедание, а как национальность: приверженность Торе и заповедям превращается для многих из них в пережиток прошлого. Несмотря на официальное определение евреев как иноверцев, многие из них ощущают себя частью обычного народа, подобно другим национальным меньшинствам империи.

В то время как в Западной Европе евреи селятся в крупных городах, вливаются в культуру своих стран, входят в нееврейские семьи и многие из них просто исчезают как евреи или, другими словами, ассимилируются, растворяются в окружающей среде, все более отчуждаемые от иудаизма российские евреи, не имея разрешения покинуть черту оседлости, не могут

[15] Abitbol. P. 43.

[16] Ravitzky. P. 14.

полностью влиться в русскую культуру. В условиях России официальные ограничения не позволяют еврейским массам, отошедшим от соблюдения Торы, ассимилироваться с такой же легкостью, как на Западе. Отбросив иудаизм, они продолжают жить среди евреев и говорить на идише.

Стремление к ассимиляции при отсутствии эмансипации создает неизвестный дотоле тип: «светский еврей», который открыто отвергает иудаизм, но в то же время продолжает считать себя евреем. Понятие «светский еврей» приобретает в определенных кругах положительный или по крайней мере нейтральный смысл, которого, конечно, лишены такие традиционные способы описания нарушающего еврейский закон еврея, как «вероотступник», «еретик» или даже «предатель». Слово «светский» описывает это превращение неточно: речь идет, скорее, об активном отказе от соблюдения заповедей и даже борьбе с религией, так что термин «безбожник» более удачен, да к тому же лучше соответствует современному израильскому понятию «хилони». Интересно наблюдение молодого еврея из местечка на восточной стороне российско-австрийской границы: *«...постричь бороду и пейсы, сделать себе красивую прическу, одеться по последней моде, поговорить с барышнями, играть по вечерам и ночам в карты и т.п. — считается родителями конечным идеалом для своих детей»*[17].

Таким образом отставлена в сторону нормативная концепция еврейского народа как последователей иудаизма. Их еврейское самосознание становилось национальным, сродни самосознанию поляков, литовцев или украинцев, чей национальный подъем служил многим евреям примером для подражания. Таким образом, в их понимании еврейство становится объективным признаком, а не субъективным, личным решением придерживаться законов и обычаев иудаизма. Концептуально это понимание соответствует возникшему в конце позапрошлого века расовому антисемитизму, для которого еврей остается евреем вне зависимости от его религиозной принадлежности. Со временем эта новая еврейская национальность становится не только основой сионистского движения, но и частью сталинской национальной политики.

Такое переосмысление понятия «еврей» имело, как известно, далеко идущие последствия. И если крещение в свое время спасало евреев от преследований во многих христианских странах, то от национального или расового признака избавиться невозможно. Уничтожение евреев по расовому признаку опирается на принятые нацистами Германии законы, которые — на сей раз для предоставления убежища от преследований — становятся позже основой принятого в Израиле закона о возвращении, который позволяет многим людям, имеющим весьма далекое отношение к евреям и иудаизму, стать полноправными гражданами государства Израиль. Среди почти миллиона русскоязычных граждан Израиля довольно много тех, кого еврейский закон за евреев не считает. Однако они выучили иврит, служат в армии и прекрасно вписываются в современное общество Израиля, иногда добавляя, что «евреем можешь ты не быть, но сионистом быть обязан». Более того, израильские социологи обнаружили, что подавляющее большин-

[17] Быть евреем... С. 75.

ство иммигрантов приезжают в Израиль по причинам, отнюдь не связанным с сионистской идеологией.

Сколь это ни парадоксально, евреи-революционеры, будь то анархисты, социал-демократы (меньшевики и большевики) или эсеры, несмотря на их отход от еврейства, оказываются в этом смысле более верными еврейской традиции, чем сионисты. Они уповают на освобождение всего мира, считая, что, как у евреев, «у пролетариев нет отечества». Они отрицают всякий национализм, в том числе и еврейский, оказываясь тем самым среди противников сионизма, в одних рядах с уже чуждыми им по поведению и мировоззрению раввинами.

Определение евреев как национальности основывается на биологической или расовой принадлежности. В этом смысле, напоминают его критики, сионизм концептуально подобен расовому антисемитизму, и именно поэтому он вызывает неприятие как со стороны значительной части традиционного еврейства, так и среди евреев, придерживающихся принципов равноправия и политического либерализма.

Столь радикальное превращение еврейского самосознания из субъективного в объективное вызывает резкое осуждение со стороны раввинов как ортодоксального, так и либерального толка. К примеру, венский раввин Мориц Гюдеман (1835–1918) обвиняет сионистов в том, что, проповедуя национализм, они «низводят евреев до скотского состояния» (Nationaljudentum). Столь же резко осуждает сионизм и крупный раввин из Западной Белоруссии Израиль Меир Каган (1838–1933), известный как Хофец Хаим по названию его книги о запретах злословия, издающейся по сегодня сотнями тысяч экземпляров. Иронизируя по поводу сионистского (а ныне израильского) гимна «Атиква», который призывает евреев стать «свободным народом в своей земле», он подчеркивает, что понятие «свободный еврей» — бессмыслица: еврей не может оставаться евреем, если он считает себя свободным от заповедей Торы. Один из основателей современного ортодоксального иудаизма немецкий раввин Исаак Бройер (1883–1946) считает, что «*сионизм — страшнейший враг еврейского народа, который убивает народ и водружает его труп на пьедестал*» (Breuer).

Такого рода реакция на сионизм весьма типична и для либерального крыла иудаизма, в Германии, США и других странах мира. Так же как и ортодоксы, они считают себя полноправными гражданами стран рассеяния, а не потенциальными гражданами Израиля. Они прежде всего — члены религиозной общины, а не «лица еврейской национальности». Так, на своем съезде в Питтсбурге (США) в 1885 году делегаты — иудеи либерального, или реформистского, толка — резко выступают против идеи еврейской национальности. Они полагаются на общечеловеческие ценности равенства и правовой защиты и считают, что призвание евреев — быть примером морали и светочем Торы среди народов мира. При этом они отвергают одно из основных положений сионизма о неистребимости антисемитизма и о необходимости собственного государства для выживания и самозащиты евреев как национального меньшинства.

Иудаизм вообще весьма прохладно относится к идее собственного государства. Упоминания о государстве в Пятикнижии сопровождаются пе-

речислением опасностей, которые оно несет в себе. Более того, Бог не раз разрушает еврейские государственные образования, изгоняет и разбрасывает евреев, но при этом отнюдь не кладет конец еврейской истории, которая протекает большей частью без собственной государственности. Известный израильский ученый и философ Ешаяу Лейбович (1903 — 1994) напоминает:

Исторический еврейский народ никогда не считал государственный аппарат частью своей национальной сущности. То же относится и к земле. Вопреки тому, что заявляет Декларация независимости [Израиля], а именно, что «на земле Израиля встал еврейский народ», вот уже восемьдесят или сто поколений, как в коллективном сознании сохраняется память о том, что уже существующий народ захватил землю Ханаан и превратил ее в Землю Израиля. Народ помнил, и ему об этом напоминали, что он был чужим в земле египетской <...> Позже он стал независимым, однако не в государстве, а в пустыне, у которой вообще нет определенных границ... Совершенно очевидно, что не государство и не земля создали этот народ... Его национальная сущность воплощается в одной, особой, имманентной составляющей — в иудаизме[18].

Весьма открытый современным идеям Ешаяу Лейбович, отнюдь не антисионист, считает глубоко ошибочным основной тезис сионизма, согласно которому еврейский народ привязан к некой территории, был из нее изгнан и поколениями стремился на нее возвратиться: *«Уникальность еврейского народа как раз в том, что он сохранился в изгнании на протяжении веков без какого-либо территориального или политического стержня»*[19].

Для своих противников сионизм — это не только результат исторического отхода европейских евреев от иудаизма, но и весьма эффективный способ ускорить этот процесс отчуждения и распространить его на еврейские общины вне Европы. Многие идеологи сионизма открыто призывают *«освободить еврея от пут иудаизма и поднять его до уровня цельного, сильного и свободного, пусть и эгоистического, сверхчеловека»*[20]. Для убежденных сионистов история евреев в диаспоре — это период упадка творческой жизни, в результате которого *«иудаизм заслонил евреев»*[21]. Образ пейсатого, бородатого иудея глубоко отвратителен этим идеологам: это образ «несчастного прошлого», которое необходимо осудить и уничтожить. *«Мы — последние евреи — или первые ростки новой нации»*[22]. Сионистские плакаты тридцатых годов столь же откровенно изображают «нового человека» вполне арийского вида, в котором не найти и намека на его еврейское поисхождение. Некоторые ученые находят в презрении многих израильтян к религиозным евреям знакомые черты европейского антисемитизма, вплоть до оскорбительных своим расизмом карикатур (Efron). Многих христианских богословов раздражало само существование евреев после прихода Христа: христиане заняли их

[18] Leibowitz. P. 95–96.

[19] Ibid. P. 28, 41.

[20] Быть евреем... С. 166.

[21] Там же. С. 168.

[22] Там же. С. 169.

место, став к тому времени *«истинным Израилем»* и *«новым Иерусалимом»*. По схожим причинам многих израильтян раздражают ортодоксальные евреи, которые должны были кануть в Лету и уступить место «новому еврею» не только в сионистском государстве, но и во всем современном потоке еврейской истории.

Этот порыв к коллективной ассимиляции вызывает резкое осуждение мыслителей традиционного толка, которые полагают, что иудаизм и сионизм несовместимы. Руководитель движения любавичских хасидов Шолом Дубер Шнеерсон (1860–1920) пишет в начале прошлого века, что сионизм представляет собой более серьезную угрозу иудаизму, чем христианство, ибо он позволяет без угрызений совести и осуждения близких оторвать евреев от иудаизма, к чему всегда стремились христианские миссионеры[23]. Такое отношение к сионизму разделяют и многие светские интеллектуалы, такие как М.О. Гершензон, который считает, что *«сионизм есть отречение от идеи избранничества и в этом смысле измена историческому еврейству»*. Литературовед и просветитель Аркадий Горенфельд (1867–1941) восклицает: *«Мне смешны те, которые, говоря и думая по-русски, выросши на русской литературе, воспитанные в русской школе и просто затопленные потоком русской традиции, кричат: мы евреи!»*[24].

3. За нашу еврейскую родину

Противники сионизма столь же резко критикуют представление об Израиле как исторической родине евреев и в особенности осуждают использование военной силы для ее захвата и защиты. Еврейская традиция подчеркивает особый характер отношения евреев к Святой земле: связь с ней евреев радикально отличается от отношения русских к России или французов к Франции. В отличие от русского или французского, в древнееврейском языке отсутствует понятие «родина», что вынудило основателя современного иврита Элиезера Бен-Иуду (1858–1922) — как и большинство пионеров сионизма, выходца из Российской империи — переосмыслить библейский термин «моледет» (родня), впервые упоминаемый в приказе, который Бог дает Аврааму — покинуть отеческий дом (Быт. 12:1).

«Если мы не сохраним Тору, то нас не спасет ни государство, ни общий язык», — предупреждает в начале века Хофец Хаим[25]. Он не скрывает своего сарказма: *«Разве мы для того проливали кровь восемнадцать веков, чтобы догнать Болгарию?»* Ныне здравствующий ветеран антисионистского движения раввин Израиль Домб развивает эту мысль более подробно:

Абсурдно считать, что мы ждали две тысячи лет в страданиях, надежде и молитвах для того, чтобы занять такое же место, что Албания или Гондурас. В высшей степени бессмысленно полагать, что все потоки крови и слез, которым мы были свидетелями в нашем поколении, нужны были лишь для того,

[23] Ор лайешарим. С. 19-24.

[24] Быть евреем... С. 38 — 39.

[25] Розенберг. С. 476.

чтобы добиться национальной независимости, которую румыны или чехи, например, получили без всех этих страданий и с куда большим успехом[26].

Проникнутые русской культурой первые поселенцы-сионисты перенесли на почву Палестины не только понятие Родина-мать, но и вытекающее из него обязательство быть преданным Родине и защищать ее с оружием в руках. Различия в отношении к использованию военной силы между двумя основными ветвями сионизма — олицетворяемыми Давидом Бен-Гурионом и Владимиром Жаботинским (1880–1940), — представляются сегодняшним историкам, скорее, косметическими (Shapira). Российские евреи не только составили основной костяк политической элиты Израиля, но и сыграли решающую роль в развитии израильской армии, а до этого в организации сионистских военизированных подразделений в период британского мандата. Герои израильских войн — Моше Даян, Эзер Вейцман, Исаак Рабин, Рафаель Эйтан, Ариэль Шарон — российского происхождения. Их объединяет не только бесстрашие, но и полное отчуждение от еврейской традиции с ее культом смиренности и миролюбия.

Это бесстрашие — результат сознательного сионистского воспитания. Так, родители Шарона дарят ему на бар-мицву кинжал, определенно нетрадиционный подарок. Достижение совершеннолетия означает у евреев принятие на себя обязанности выполнять заповеди Торы (отсюда и термин «бар-мицва», т.е. «сын заповеди»), и соответственно юноше дарят ритуальные принадлежности (филактерии, талит), книги по еврейскому закону и иудейской философии. Кинжал — подарок нового типа, который как бы определил судьбу будущего израильского полководца: он отражает ментальность сионистов российского происхождения, ревностно взявшихся за защиту собственных интересов в негостеприимной Палестине.

Понятие об отдельных так называемых еврейских политических интересах возникает в лоне российской действительности начала прошлого века, причем речь идет не об улучшении условий соблюдения иудаизма (соблюдение субботы, доступность кошерной пищи и т.п.), а именно о национальных интересах, ничего общего с иудаизмом не имеющих. Выделение собственно еврейских национальных интересов представляет еще одно новшество, внесенное российскими евреями в историю, в ходе которой евреи других стран участвуют в политической жизни не как евреи, а как обыкновенные граждане. Неудивительно, что опасность еврейских политических интересов «раскрывают» связанные с российской полицией авторы антисемитской фальшивки «Протоколы сионских мудрецов». Это произведение продолжает пользоваться популярностью и в наше время, когда равнение большинства еврейских организаций диаспоры на Израиль и его политические интересы никем не скрывается и никого не удивляет.

Признание особых еврейских политических целей привело в дореволюционной России к вполне логическому следствию, присущему исключительно российским евреям: использование насилия для достижения своих политических целей. Именно в России возникли комитеты еврейской самообороны. Именно в России значительное число евреев примкнуло к

[26] Domb. P. 14–15.

террористическим группировкам. Их пример и опыт вдохновил первых поселенцев-сионистов — в основном также выходцев из России — на создание военизированных организаций в Палестине. Так, в 1920 году была создана организация «Хагана». Причем насилие применялось не только против местных арабов, но и против местных евреев, сопротивлявшихся еще более решительно захвату сионистами контроля над Палестиной. В 1924 году в Иерусалиме агенты «Хаганы» застрелили Якова Де Хаана, собиравшего тогда делегацию палестинских евреев в Лондон — они должны были отговорить британские власти от сотрудничества с сионистами. Авраам Штерн (1907–1942) создал в Палестине ряд террористических организаций, которые внушали ужас как арабам, так и англичанам.

Стычки с арабами сионисты из России воспринимали как погромы, от которых либо бежали сами, либо понаслышке знали от других. Память о погромах играет важную роль в формировании у поселенцев-сионистов отношения к арабам Палестины. Известный поэт Хаим Нахман Бялик (1873–1934), ставший позже классиком израильской литературы, один из многих идеологов российского происхождения, вдохновляющих читателя на месть. В произведении, написанном вскоре после кишиневского погрома 1903 года, Бялик стыдит евреев, которые прячутся в зловонные ямы в то время, как соседи-погромщики насилуют их жен и дочерей. Апеллируя к гордости, он призывает их восстать не только против насильников, но и против иудаизма, который приучил евреев к смирению: *«Огромна скорбь, но и огромен срам»*.

Чувство стыда охватывает тогда многих евреев, в том числе и переводчика процитированных слов Бялика на русский язык Владимира Жаботинского, который позже становится идеологом политики с позиции силы в сионистском движении. Воспитанные на западной и русской литературе, они смотрят на современные им трагические события с европейской, светской точки зрения, где нет места ссылкам на божественное провидение. Куда более жестокие погромы эпохи Богдана Хмельницкого не вызывают ощущения стыда и срама, ибо в то время евреи продолжают воспринимать несчастья как знак божественного провидения и зов к моральному самоусовершенствованию. Отнюдь не оправдывая своих мучителей, религиозные евреи в то же время не считают себя безвинными. Оставив религиозную систему, построенную на понятии о божественной справедливости, воздающей за добро и зло, евреи-безбожники не могли не ощутить бессильную злость, ненависть и жажду мщения. Причем насилие направлено не только на внешнего врага, но и на самого себя, на многовековую традицию, ставшую для евреев за два тысячелетия второй натурой. Такое восприятие еврейской истории усиливается после массового уничтожения евреев во время Второй мировой войны и продолжает играть важную роль в оправдании силовых действий Израиля. Американский еврейский богослов Марк Эллис считает, что современные евреи переносят свое ощущение безвинной жертвы из сферы страданий, которых немало выпало на их долю, в область применения силы в сравнительно новом для них положении военного превосходства Израиля над своими соседями. Ощущение безвинной жертвы удивительно живуче, тем более что оно поддерживается политической культурой сионистского движения и государственной системой воспитания в Израиле.

Бялик — бывший ученик знаменитой ешивы в Воложине — хорошо знаком с традицией, которую он теперь решительно отвергает. Действительно, еврейская традиция осуждает применение силы. Это может показаться странным, если вспомнить сцены библейских книг, в которых идет речь о кровавых завоеваниях и междоусобицах. Однако еврейская традиция истолковывает все эти победы и поражения исключительно в ключе подчинения воле Господней. Следование заповедям Торы приводит к победам, отход от них кончается поражениями и катастрофами. Разрушение римлянами Второго храма лишает евреев не только политической независимости, но и религиозной системы принятия решений, необходимых для объявления войны; война становится незаконной, а стало быть, невозможной. Уроки, которые извлекают раввины из этого поражения, составляют сегодня основы иудейского отношения к применению силы. Патриотизм зелотов, защищавших Иерусалим до последней капли крови, не только не ставится в пример для подражания будущим поколениям, а, наоборот, считается грехом. Классики еврейской традиции неоднократно напоминают, что, если бы не безумное сопротивление зелотов, иерусалимский храм не был бы разрушен (комментарий Сфорно на Бытие 33:4).

В Талмуде прославляется поведение раввина Иоханана Бен-Закая, причем тут же упоминается, что он послал римлянам из осажденного Иерусалима нанизанную на стрелу записку, в которой он называет себя одним из поклонников римского цезаря. Позже, прикинувшись мертвым, он в гробу выскальзывает из Иерусалима и в результате сговора с римским полководцем добивается права преподавать Тору горстке учеников в городке Явне. Так берет свое начало еврейская традиция, которая существует уже почти два тысячелетия. Иоханан Бен-Закай закладывает основы того, что называется раввинским иудаизмом, то есть он превращает религию, построенную на сосредоточении евреев в Святой земле и на богослужении в иерусалимском храме, в систему моральных принципов и ритуальных обязательств, которая действительна в любой точке света. Бен-Закай создает своего рода «портативный иудаизм», последователи которого, сохраняя память о Иерусалиме, возносят молитвы о мессианском избавлении и возвращении в Святую землю, но не берутся за оружие, чтобы ее отвоевать.

Еврейская традиция понимает силу в положительном смысле лишь как силу воли по исправлению собственных недостатков для лучшего выполнения заповедей Торы. Мишна дает классическое определение героя: *«Кто всех сильнее? Укротитель собственных страстей»*[27]. Причем это определение опирается на библейское изречение: *«Долготерпеливый лучше сильного, а побеждающий собственный дух лучше завоевателя городов»* (Притч. 16, 32). Отказ от применения силы настолько вошел в еврейский обиход, что для произнесения застольной молитвы со стола обычно убирают все ножи, ибо они ассоциируются с насилием и войнами. Причем отказ евреев от применения силы столь широко известен, что даже Наполеон, призывая евреев поселиться в тогда завоеванной им Палестине, заверяет их, что воевать им не придется, а их безопасность будут гарантировать французские войска.

[27] Молитвенник. С. 290.

Впрочем, еврейская традиция разрешает использовать силу для защиты населенного евреями города, даже если это приходится делать в субботу: *«Если кто придет убить тебя, встань и убей его»*[28].

Принципиальный отказ еврейской традиции от использования военной силы для завоевания Земли Израилевой опирается в основном на три клятвы, которые приводит Талмуд в трактате Кетубот на странице 111 а. Талмуд указывает, что евреи приняли эти клятвы накануне изгнания из Святой земли после разрушения иерусалимского храма в I веке новой эры: 1) не стремиться к национальной автономии, 2) избегать массового возвращения в Израиль и, наконец, 3) не восставать и не воевать против других народов. Всякий раз, когда возникала реальная возможность возвращения на Святую землю, раввины, ссылаясь именно на эти три клятвы, единодушно предупреждали против переселения в Палестину (Ravitzky). Эти три клятвы составляют основу сопротивления сионизму и в наши дни.

Так, например, произошло во время изгнания евреев из Испании в 1492 году. Палестина была тогда частью Османской империи, предоставившей убежище массам еврейских беженцев. Однако массового переселения в Палестину не состоялось: лишь горстка богобоязненных евреев перекочевала тогда на Святую землю, ибо до прихода мессии было немыслимым представить себе массовое возвращение евреев в Святую землю. Теперь понятно, почему сосредоточение большого числа евреев на Святой земле до прихода мессии — да к тому же евреев, в основном пренебрегающих законами Торы, — вызывает в традиционных еврейских кругах сильные опасения.

Иудейские противники политики силы, которую проводит государство Израиль, опираются также и на более поздние источники, которые составляют еврейскую традицию миролюбия. Они указывают на бесперспективность использования оружия: несмотря на подавляющее превосходство израильской армии, простой израильтянин, опасаясь очередного теракта, боится сесть в автобус или зайти в кафе; на него падают неуправляемые ракеты, запускаемые куда более слабым в военном отношении противником. Они считают, что ядерное оружие защищает государство, а не его граждан, ибо интересы сионистского государства постоянно берут верх над интересами граждан, особенно когда идет речь о вопросах жизни и смерти.

Воинская доблесть и преданность родине — одна из основных задач сионистского воспитания. Новый еврей должен коренным образом отличаться от традиционного еврея рассеяния, которого в системе сионистского образования представляют (и не без оснований) как достойного презрения слабака. Неудивительно, что критика такого еврея приобретает иногда откровенно антисемитский характер. На самом деле, еврейская традиция призывает еврея быть стеснительным, благодетельным и сердобольным. Идеал израильского еврея диаметрально противоположен: он должен быть напористым, жестким и уметь постоять за себя. Не надеясь на Бога, он призван завоевать землю и охранять ее от внешних и внутренних врагов. В его понимании, все несчастья евреев в течение двух тысячелетий проистекали от их

[28] Вавилонский Талмуд «Йома». С. 85 б.

физической и военной слабости. Отсюда и постоянный упор на силу, сноровку и безусловное военное превосходство.

Упор на применение силы в отношениях с местным населением Палестины создает в сионистской среде особую культуру, присущую сегодня все большему числу израильтян. Поскольку эта культура в значительной степени создана выходцами из России, в нее легко вписываются многие эмигранты из бывшего СССР, воспитанные в большинстве своем вне иудаизма. Более того, они удачно применяют элементы советской патриотической культуры в новой ситуации. Лозунги времен Великой Отечественной войны продолжают звучать весьма актуально. *«За нашу еврейскую родину!»* — призывает один националистический веб-сайт на русском языке. *«За Родину, за Бен-Гуриона!»* — пародирует другой советский лозунг один из героев израильского фильма о войне за независимость 1948 года.

Именно эта культура вызывает отвращение у значительной части религиозных евреев, и особенно у противников сионизма. *«Мы потеряли Иерусалим не из-за того, что у нас не было генералов, а из-за наших грехов. Только истинное раскаяние, а не военные победы откроет путь мессии*, — напоминают они в своих речах и памфлетах.— *Мы оказались в изгнании не потому, что у нас не было Хаганы или таких политических деятелей, как Герцль и Бен-Гурион. Мы были изгнаны именно потому, что у нас были такие руководители и мы шли у них на поводу. И совершенно очевидно, что избавление евреев не произойдет с их помощью»*[29].

Представитель движения Нетурей Карта раввин Довид Израиль Вайс высказывается с несколько иной точки зрения:

Только слепой догматик может считать государство Израиль чем-то положительным для еврейского народа. Организованное якобы для предоставления убежища, оно вот уже пятьдесят лет неизменно оказывается для еврея самым опасным местом на земле. Из-за него погибли десятки тысяч евреев, разрушено столько семей; оно оставило позади себя длинную череду скорбящих вдов и сирот И не забудем добавить к физическим страданиям евреев страдания палестинцев, народа, приговоренного к нищете, преследованиям, бездомной жизни, полного отчаяния и столь часто безвременной смерти (Weiss).

Эти соображения гуманности переплетаются с предупреждениями метафизического толка. *«Все то, что противится божественному указу об изгнании, не может не обернуться кровавым фиаско»*, — продолжает раввин Вайс.

Действительно, придерживающийся традиции еврей, будучи убежденным в избранности еврейского народа и в неусыпном внимании, которым окружает его Господь, полагается на божественное провидение, а не на политическую или военную деятельность. Религиозных евреев зачастую обвиняют в пассивности. Однако сами они считают, что выполнение заповеди, каждый добрый поступок оказывает влияние на судьбу всего мира. С их точки зрения, они активно влияют на мир и отнюдь не считают себя фаталистами. Более того, они должны быть постоянно начеку, чтобы не поддаться соблазну национализма. Так, например, во время недавнего конфликта в Ливане раввины одной из крупнейших ешив Израиля отказались возносить молит-

[29] Domb. P. 20.

вы за победу израильских войск, ограничиваясь лишь молитвой за спасение человеческих жизней. Точно так же после блистательной операции израильского спецназа в Энтеббе раввины предостерегали своих учеников, что всякое чувство гордости за «сионистских солдат» подобно идолопоклонству. При этом надо учитывать, что большинство ортодоксальных евреев Израиля освобождено от воинской повинности и остаются в стороне от одного из наиболее важных видов совместной деятельности, которая сплачивает израильское общество. Сионисты видят в изгнании евреев со Святой земли в I веке н.э. историческую несправедливость, которую они пытаются исправить, осуществляя «возвращение евреев в историю». Религиозные евреи считают, что изгнание — часть наказания за прегрешения против Торы и ее принципов, и потому полагаются на молитвы о прощении и постоянную работу по моральному самоусовершенствованию. Как мы уже не раз видели, разрыв между двумя видениями мира разителен.

Вот, к примеру, что писал о сионистах один из хасидских раввинов в начале прошлого века:

Они используют политическую и военную стратегию для того, чтобы покорить Иерусалим силой, и тем самым нарушают клятвы, данные Богу <...> Они настаивают на том, чтобы возвращение из изгнания состоялось до прихода мессии. Но это не путь святости, ибо ни с помощью силы, ни с помощью военной мощи мы не сможем по-настоящему вернуться на нашу землю, и никакие политические ухищрения тут не помогут[30].

Другими словами, возрождение евреев на Святой земле может осуществить только мессия.

4. Мессия и надежда на избавление

Ожидание мессии составляет основу еврейского понимания истории, другими словами — еврейского самосознания. *«Евреи уповали на приход мессии — помазанника Божьего, который должен был собрать сплоченное человечество у святилища Бога. То была трепетная надежда, всепоглощающее стремление к пока еще сокрытому будущему»*[31], — читаем мы у нашего современника раввина Шваба. В еврейской традиции мессия — человек, помазанник Божий, который должен возвестить преобразование всего человечества, установление мира и гармонии между людьми и признание всеми единого Бога (что не предполагает, однако, массового обращения в иудаизм). Одним из следствий этой коренной мессианской перестройки мира будет возвращение евреев в Землю обетованную, о чем евреи продолжают молиться на протяжении почти двух тысяч лет.

Как мы уже видели, молитвой дело не ограничивается. С точки зрения известного историка и философа Иосифа Ерушалми:

В промежутке между разрушением и восстановлением [иерусалимского храма] основная задача евреев — полностью реализовать божественный план превратить их в святой народ. Это означает изучение и выполнение пись-

[30] Розенберг. С. 362–363.

[31] Schwab. P. 11.

менной и устной Торы, организацию общества на ее принципах и идеалах, а в том, что касается будущего, жить верой, терпением и молитвой[32].

Отношение к мессии может показаться противоречивым, ибо оно отражает некое напряжение, которое хорошо передает классическая формулировка Маймонида: *«Верую вполне искренно в пришествие мессии, и хотя он медлит, при всем том я каждый день надеюсь, что придет»*[33]. Традиция считает, что приход мессии сопряжен с опасностью, и именно этим объясняется чрезвычайная осторожность традиционных еврейских источников в этом отношении. В то время как, полагаясь на Его сердобольность и сострадание, евреи ежедневно молят Бога о возвращении в Израиль, традиция требует от них терпения, предупреждая даже против излишне рьяной молитвы о приходе мессии. Возвращение на Святую землю — это не вопрос географии и авиаперевозок, а часть вселенского преобразования мира.

Поскольку изгнание из Святой земли считается карой за нарушение законов Торы, только раскаяние евреев и последующее за этим прощение их Богом может вернуть их на землю Израиля. Поэтому в годовщину разрушения иерусалимского храма в I веке новой эры — в 9-й день еврейского месяца ав — евреи продолжают соблюдать траур, поститься, стремясь исправить свое поведение и тем самым заслужить божественное отпущение грехов, без которого традиция не мыслит возвращения в Святую землю. Разрушение храма Талмуд приписывает беспричинной ненависти среди евреев, поэтому только беспричинная любовь — по принципу «мера за меру» — может привести к его восстановлению и возвращению евреев в Святую землю. Так что не следует удивляться, что, даже находясь у Храмовой горы в Иерусалиме, еврей повторяет по молитвеннику освященные традицией слова: *«За грехи наши мы изгнаны из земли нашей, удалены от страны нашей и не можем восходить, являться и поклоняться Тебе...»* Даже самым нетерпеливым энтузиастам национально-религиозного движения не придет в голову изменить слова этой молитвы.

Шломо Авинери находит парадоксальным отношение евреев к Земле обетованной. Он признает ее центральную роль в формировании еврейского самосознания, но в то же время отмечает, что никогда до появления сионизма евреи не делали ни малейшей попытки массового переселения в Святую землю:

Сколь бы сильны ни были ее эмоциональные, культурные и религиозные стороны, связь с Палестиной ничуть не влияла на праксис еврейской жизни. Евреи могли молиться три раза в день об избавлении, которое преобразует мир и вернет их в Иерусалим, они могли ежегодно скорбеть о разрушении храма в день 9 ава и оставлять неоштукатуренным в память об этом один кирпич у входа в дом, но они туда не переезжали[34].

Согласно Торе, Святая земля не исконная среда обитания евреев, а чужая страна, которую Господь обещал праотцам Аврааму, Исааку и Якову. По библейским текстам, евреи складываются как народ в Египте, а не в

---

[32] Yerushalm. P. 24.

[33] Молитвенник. С. 110.

[34] Avineri. P. 3.

Израиле. И если вообще можно говорить в применении к евреям о «Родине-матери», то это, скорее, Египет, в лоно которого неоднократно просят у Моисея вернуться евреи на протяжении своего сорокалетнего блуждания по пустыне. Отношения со Святой землей ничем не напоминают отношения с Родиной-матерью, которая всегда готова принять даже блудных своих сыновей. Напротив, Земля Израилева представлена в Пятикнижии как страна, пребывание в которой зависит от соблюдения законов Торы. Земля потому и святая, что она требует особого поведения и готова в противном случае выдворить евреев за свои пределы. Ежедневная молитва Шема Исраэль, или «Слушай, Израиль», которую еврей читает три раза в день, содержит такое предостережение:

Берегитесь, чтобы не обольстилось сердце ваше и чтобы не совратились и не стали служить иным богам и поклоняться им; и гнев Господа воспламенится против вас; Он замкнет небо, и не будет дождя; земля не даст растения своего, и вы скоро исчезнете с хорошей земли, которую Господь дает вам[35].

Дамоклов меч изгнания постоянно висит над евреями, живущими в земле, которая ведет себя по отношению к евреям не как всепрощающая мать, а как строптивая и требовательная жена, которая в любой момент может выгнать из дома. Жизнь в Святой земле сопряжена у евреев с большей ответственностью, чем жизнь в рассеянии. Прегрешения, совершаемые при дворе, наказываются более строго, чем если бы они совершались вдали от царского взора.

Несмотря на неприязнь к еврейской традиции, сионисты нередко прибегают к религиозным аргументам для оправдания своих прав на Землю Израиля. Известно, что Бен-Гурион указал рукой на Библию, когда английские политики спросили его, по какому праву сионисты добиваются контроля над Палестиной. Как лаконично заметил один израильский историк, *«наше право на Землю Израиля можно обобщить очень просто: бога нет, и он завещал нам эту землю»*. В наши дни некоторые занимаются подсчетом упоминаний Иерусалима в Торе, другие ссылаются на еврейскую литургию для того, чтобы показать, что евреи всегда мечтали о возвращении в Сион. На это еврейские критики сионизма замечают, что речь идет о молитве, о просьбе, обращенной к Богу, а не о самоуправстве, в котором и обвиняют сионистов.

Один их хасидских раввинов начала прошлого века писал:

Даже если царь турок — будь он благословен — или любой другой правитель разрешили бы народу Бога поселиться в Святой земле, завладеть наследством, как это произошло во времена Эзры [пророка], мы ответили бы, что если избавление не пришло от Великого Избавителя во всей его славе, то это не путь к истинному, издавна вожделенному спасению. Мы даже не посчитали бы это мирским, случайным освобождением, а лишь мухой, которая попала в масло помазания [мессии][36].

Такого рода осторожность объясняется не только тем, что еврейская традиция опасается преждевременного подъема мессианских чувств, но и тем,

---

[35] Молитвенник. С. 56.

[36] Ravitzky. P. 19.

что поселение в Святой земле по собственной инициативе может повести за собой еще более сильное наказание и новое, более жестокое рассеяние по всему миру. Если к этому добавить, что такое возвращение осуществлено евреями, открыто отвернувшимися от Торы и заповедей, то трагический конец представляется религиозным антисионистам неизбежным.

Напротив, национально-религиозное движение делает упор на своего рода троицу: Тора Израиля, Земля Израиля и Народ Израиля. Их вдохновляет учение раввина Авраама Исаака Кука (1865 — 1935), которого британские власти назначают первым Главным раввином Палестины. Не только раввины, но и светские историки считают раввина Кука *«радикалом и революционером»*[37]. Он ценит самоотверженный труд поселенцев-сионистов по освоению Палестины, считая их *«белым ослом, на котором мессия должен въехать в Иерусалим»*. Отказываясь от понятия «еврей-безбожник», он, будучи мистиком, надеется, что освоение Святой земли сионистами неизбежно приведет к их возвращению к Торе, чего, однако, до сих пор не происходит. Более того, сионистское движение и Израиль создают исключительно благоприятную среду обитания для «еврея-безбожника», который проявляет куда большую враждебность по отношению к традиционным евреям, чем в других странах мира.

Учение раввина Кука развивает и дополняет (с учетом уже образованного к тому времени государства Израиль) его сын раввин Цви Еуда Кук. Под его руководством в Израиле вырастает несколько поколений религиозных сионистов, в мировоззрении которых государство и служение ему занимает центральное место. Завоевание связанных с библейской историей палестинских территорий в 1967 году как бы подтверждает божественное благоволение к армии и народу Израиля. Национально-религиозное движение приобретает практическую цель: освоить и заселить новые территории, и эта цель вдохновляет на поселенческую деятельность десятки тысяч добровольцев, среди которых много учеников Кука-сына. Они быстро овладевают политическими и военными навыками и, на фоне отхода от сионистской идеологии все более благополучного среднего израильтянина, подхватывают знамя сионизма и становятся его самыми верными поборниками. Несмотря на их сравнительно незначительное число, они успешно влияют на политических руководителей страны и приступают к массовой колонизации оккупированных территорий.

Их энтузиазм базируется на радикальном отходе от традиционного иудаизма, в частности на вере в то, что приход мессии следует ускорять посредством практического освоения Земли обетованной, в том числе вооруженного ее захвата. В отличие от традиционных ортодоксальных евреев, которые обычно в армию не идут и умышленно держатся в стороне от израильского общества, религиозные сионисты легко в него вписываются и самоотверженно участвуют в современной жизни государства.

Не следует забывать и отличие действий национально-религиозного движения в последние десятилетия от позиций его основателей, категорически отказывавшихся связывать сионистскую деятельность с приходом мессии и радевших лишь о религиозных нуждах и правах тех поселенцев,

[37] Avineri. P. 254.

которые продолжали выполнять заповеди Торы. Основатель движения раввин Исаак Яков Рейнес (1839–1915) вообще считает сионизм движением «еретическим и опасным». Будучи в курсе мнения крупнейших раввинов того времени, основатель движения Мизрахи утверждает, что *«всякий, кто считает, что сионистская идея каким-то образом связана с грядущим избавлением и пришествием мессии, очевидно заблуждается»*[38].

Раввин из Сараево Иуда Алкалай (1798–1878) и прусский раввин Цви Иуда Калишер (1795–1874) считаются предшественниками религиозного сионизма, однако и они откровенно оправдывают свою поддержку тем, что евреи должны брать пример с итальянцев или немцев, которые добились к тому времени создания своих национальных государств. Другими словами, в отличие от раввина Кука и его последователей, они никак не связывают сионизм с приходом мессии. Это и неудивительно, учитывая то, как еврейская традиция относится к идее возвращения евреев на Святую землю.

Для горстки религиозных авторитетов, готовых сотрудничать с сионистским движением до Второй мировой войны, речь шла не более чем об улучшении материальных условий жизни евреев. И даже такая программа выглядела серьезным отступлением от еврейской традиции. Из ешивы Слободка в пригороде Каунаса, одного из наиболее уважаемых традиционных учебных заведений, за симпатии к движению Мизрахи не только автоматически исключают, но даже грозят отобрать раввинское звание у тех, кто его уже получил[39]. Хофец Хаим называет религиозных сионистов вооруженными бандитами, тогда как сионисты-безбожники для него — бандиты без оружия. Один сефардский раввин из Иерусалима считает религиозных сионистов опасными лицемерами, которые способны совратить больше еврейских душ, чем сионисты-безбожники. Хасидские раввины уподобляют последователей движения Мизрахи свинье. Так же как свинья лежит, выставляя напоказ свои раздвоенные копыта — что является признаком кошерности[40], мизрахисты показывают, что они соблюдают заповеди Торы. Именно из-за этого «обмана» свинья вызывает особую неприязнь у евреев. Таким образом видно, что противостояние сионизму принципиально, а не состоит в том историческом обстоятельстве, что большинство сионистов отбросили соблюдение заповедей Торы.

Однако синтез религии и национализма оказывается привлекательным для многих советских евреев, выросших вне иудаизма, и для сефардских евреев, не испытавших в странах ислама идеологических конфликтов, буквально расколовших еврейские общины в Европе и особенно в Российской империи. Именно присутствие сефардского большинства, возникшего в еврейских общинах Франции в 1960-е годы в результате деколонизации стран Магриба, объясняет рост популярности национально-религиозного мировоззрения во Франции, где отношение к сионизму, как мы видели, было до этого более чем сдержанным.

---

[38] Ravitzky. P. 34.

[39] Shapiro. P. 12.

[40] То есть признак, согласно которому пища может считаться кошерной, т.е. соответствующей требованиям еврейского закона.

Национально-религиозное движение создает новую систему ценностей — таких как еврейская национальная гордость и воинская доблесть, которые отсутствуют в еврейской традиции. Сионистское мировоззрение в целом пытается как бы построить мост длиною в две тысячи лет от героических защитников Иерусалима времен Римской империи до сегодняшних израильских солдат, сражающихся в Ливане. Две тысячи лет существования в диаспоре представляются не более чем печальным эпизодом, влияние которого может лишь помешать строительству нового общества и воспитанию нового еврея. В обход традиции, воспитанники национально-религиозных учреждений ощущают себя прямыми наследниками библейских героев.

Помимо активного участия в жизни страны, идеологи национально-религиозного движения делают упор на более дословное прочтение библейских текстов, зачастую игнорируя классические комментарии, на которых основывается традиционное прочтение этих текстов. В то время как еврейская традиция аллегорически толкует полные насилия эпизоды, такие как завоевание земли Ханаанской в изложении Книги Иисуса Навина (Еошуа), и подчеркивает, что победа зависит лишь от моральных качеств и выполнения заповедей, в школах и молодежных организациях национально-религиозного движения, наоборот, подчеркивается военный аспект завоевания территорий.

Для многих национально-религиозных идеологов государство Израиль и его армия обладают имманентной святостью. Руководители этого движения не раз высказываются за жесткие меры против арабов, ссылаясь при этом на еврейские источники. Зачастую проводятся параллели между палестинскими арабами, чье присутствие препятствует освоению территорий сионистами, и семью языческими народами, которым принадлежала земля во времена Иисуса Навина. Их высказывания и действия, которые за ними следуют, вызывают резкий протест, причем подчеркивается, что мусульмане — монотеисты и никак не подпадают под категорию идолопоклонников. Однако ссылки на еврейские источники не только влияют на поведение поселенцев и военнослужащих, но и представляют иудаизм в весьма непривлекательном свете, давая дополнительные аргументы антисемитам в различных странах. В отличие от традиционного еврейства, чуткого к впечатлению, производимому на остальной мир, национально-религиозные деятели активно этот мир провоцируют. Они считают, что единственное место евреев — это Израиль и усиление антисемитизма лишь побудит их быстрее туда перебраться. В этом смысле национально-религиозное движение продолжает дело основателей сионизма, которые открыто считали антисемитов своими объективными союзниками, а их последователи умышленно провоцировали антисемитские акты в 1940-х и 1950-х годах в ряде арабских стран — с тем чтобы ускорить отъезд оттуда еврейского населения.

Мобилизация еврейских источников затрагивает не только вопросы армейской морали. Краеведческие экскурсии — важный элемент сионистского воспитания с начала XX века — приобретают особую эффективность, когда на помощь приходят тексты Торы, к которой у экскурсантов с детства привито не только чувство уважения, но в которой они видят и руководство к действию. Современное озвучивание Торы оказывает сильное влияние на молодежь, которая на деле составляет авангард национализма

и тем самым отличается от в значительной степени потерявшей патриотические идеалы израильской молодежи, выросшей в большинстве своем вне контакта с религиозным миром.

Обожествление государства и армии несколько слабеет в последние годы, в частности после насильственной эвакуации поселенцев из сектора Газа и нескольких поселков Западного берега реки Иордан. В некоторых поселениях перестают произносить в синагогах молитву за благополучие Израиля, в которой государство называется «началом цветения нашего избавления». Некоторые представители национально-религиозного движения открыто задают вопрос, не сделали ли они кумира из государства Израиль, при этом используя Бога для достижения своих собственных политических и военных целей. Так раввин Моше Собер, выросший в рядах национально-религиозного движения, не согласен с тем, как многие религиозные сионисты оправдывают любые действия Израиля ссылкой на божественный промысел:

Мысль о том, что мы можем делать что угодно, поддаваться любому соблазну и предаваться любому способу самовозвеличивания без страха наказания, ибо у нас с Богом есть особые связи, полностью противоречит религиозной вере. Это — оскорбление Бога, чью власть определять курс истории мы узурпируем <...> Эта слепая вера — не вера в Бога, а вера в самих себя. Мы превращаем Всемогущего в орудие, в секретное оружие, цель которого обеспечить нам успех, в чем бы нам ни пришло в голову. Это — языческая идея, за которой скрывается иррациональная вера в нашу собственную непобедимость[41].

Столь же непримиримую критику вызывает поведение национально-религиозного лагеря у Ешаяу Лейбовича, который говорит о *«проституировании ценностями иудаизма»*. Для него синтез религии и национализма — богохулие, лицемерие и одна из разновидностей идолопоклонства: *«золотой телец не обязательно должен быть сделан из золота»*[42]. Он считает, что идеологи, вдохновляющие на жестокость к арабам, — это «евреи-нацисты» (*еудонаци*), тогда как в Израиле национально-религиозное движение молодежи подчас сравнивают с гитлерюгендом. Противостояние по этим вопросам чрезвычайно резкое.

Религиозный сионизм переживает в наши дни серьезный идеологический кризис, что, однако, не мешает его идеологам высказываться по злободневным вопросам войны и мира. Так, во время израильских бомбардировок Ливана летом 2006 года они не только оправдывают военные действия против гражданского населения, но и вменяют такие действия в обязанность национально-религиозным военнослужащим. В то время как национально-религиозные деятели призывают к беспощадному уничтожению врага, включая женщин и детей, противники сионизма осуждают военные действия Израиля и называют их апологетов отступниками от иудаизма.

Вне связи с текущими событиями распространенное в национально-религиозных кругах мнение, что государство Израиль является как бы предтечей мессии, вызывает резкое осуждение — как в ортодоксальных кругах, так и вообще в израильском обществе. Дело в том, что с самого начала идеологи

[41] Sober. P. 30–31.

[42] Leibowitz. P. 176.

сионизма с пренебрежением относились к ожиданию мессии. *«У Израиля нет мессии»*, — провозглашает выходец из России поэт Иосиф Хаим Бреннер (1881–1921)[43]. Один из предвестников сионизма в России Перец Смоленскин (1842–1885) предупреждает еще в 1881 году: *«Если вы стремитесь основать колонии в Земле Израиля, то да прибудет у вас сил... Но если вы таким образом надеетесь расчистить путь к приходу мессии, вы встретите отпор как со стороны верующих, так и со стороны просвещенных [т.е. неверующих]»*[44].

Идеологи национально-религиозного движения согласны с классическим положением о том, что мессианское избавление должно последовать за эпохой упадка и разрушения. Разница заключается в том, что, с их точки зрения, эта эпоха закончилась в 1945 году, тогда как ортодоксальные противники сионизма считают, что уничтожение миллионов евреев в Европе — лишь начало длительного процесса разрушения, которое сионизм и государство Израиль только усугубляют. Согласно этой точке зрения, Израиль — препятствие на пути к мессианскому освобождению и все его материальные достижения будут сметены перед приходом мессии, и это делает Израиль особенно опасным местом для проживания евреев, а сионизм — «самоубийственным сумасшествием». По мнению раввина Собера, *«традиционное наказание за это — быть брошенными без всяких поблажек и божественной защиты во враждебный мир до тех пор, пока мы не выучим, что только те, кто выполняет волю Бога, могут полагаться на Его защиту»*[45].

История иудаизма полна эпизодов так называемых лжемессий, которые возбуждали массы, но в конечном итоге приводили к массовому разочарованию и зачастую к переходу в другую религию. Один из наиболее известных эпизодов связан с Шабтаем Цви (1626–1676) из Смирны. Провозгласив себя мессией, он приобрел последователей в разных странах мира, которые с готовностью ждали чудесного возвращения в Святую землю. Однако все кончилось тем, что Цви принял ислам, а его последователи испытали горькое разочарование.

Самую мощную религиозную поддержку сионизму, и в частности, поселенческому движению, оказывают сегодня христиане, в основном члены новых евангелических конфессий. Число христиан-сионистов превышает сегодня 50 миллионов человек — в несколько раз больше всего еврейского населения мира. Большинство их живет в США, где они обладают сильным политическим влиянием, в частности на Республиканскую партию. По мнению некоторых наблюдателей, это влияние вызвало «ликудизацию»[46] американской внешней политики, явным проявлением чего они считают войну против Ирака, начатую в 2003 году. В основном это харизматические движения, для которых государство Израиль, а точнее, возвращение евреев в Святую землю представляет собой преддверие второго пришествия Хри-

---

[43] Ravitzky. P. 35.

[44] Ibid. P. 36.

[45] Sober. P. 30–31.

[46] Неологизм, образованный из названия израильской партии Ликуд, программа которой делает упор на политику с позиции силы, игнорируя причины сопротивления Израилю со стороны арабов.

ста. Согласно их представлениям, евреям будет тогда дана возможность либо признать, наконец, в Иисусе спасителя, либо погибнуть в апокалиптическом финале этой драмы. Как заметил израильский журналист Гершон Горенберг, посвятивший этому движению целую книгу, *«это — пьеса в пяти актах, где мы исчезаем в четвертом»*. Для традиционных авторитетов иудаизма, которые осуждают «мессианскую ересь» религиозных сионистов, поддержка сионизма со стороны христиан является дополнительным указанием на то, что сионизм не имеет ничего общего с иудаизмом.

5. Масштабы и значение еврейской оппозиции сионизму

Противостояние сионизму зачастую воспринимается как предательство по отношению к еврейскому народу. Сегодня легче критиковать Тору и иудаизм, чем сионизм и государство Израиль. Вера в государство Израиль и оказание ему политической поддержки заменили многим евреям мира иудаизм, против чего как раз и предостерегали в начале прошлого века раввины, опасаясь, что сионизм станет новой религией. Эту нелегкую дилемму четко обрисовали раввины Либеральной синагоги Лондона: *«Нам приходится выбирать между верностью народу и верностью Богу. Разве пророки не любили свой народ? Однако они безжалостно критиковали вождей народа. Разве кто-либо любил свой народ более страстно, чем пророк Иеремия? Однако он осуждал его за его грехи и именно в силу своей любви осуждал его особенно страстно»*. Поэтому в рамках этой пророческой традиции естественная этническая солидарность уступает место заботе о сохранении духовного наследия иудаизма.

Хотя либеральное движение в целом смягчило свое непримиримое отношение к сионизму и Израилю после Шестидневной войны 1967 года, приверженность либеральных евреев моральным ценностям иудаизма объясняет их участие, в том числе раввинов, в защите палестинцев от действий израильской армии. Либеральные раввины играют важную роль в деятельности организации «Раввины за права человека» (www.rhr.israel.net). Принципиальную линию оппозиции сионизму с точки зрения либерального иудаизма последовательно проводит Американский совет по иудаизму (American Council for Judiasm), который выпускает периодические издания и распространяет свои идеи в Интернете (www.acjna.org).

Однако крупнейшее сообщество евреев, продолжающих борьбу с сионизмом, составляют последователи автора фундаментального труда по еврейскому сопротивлению сионизму «Ва-иоэль моше» хасидского раввина Иоэля Тейтельбаума — сатмарские хасиды, выходцы из довоенной Венгрии. Эта книга вдохновляет также антисионистскую группу Нетурей Карта (Защитники города), приверженцы которой, как и сатмарские хасиды, в основном живут в США, Западной Европе и Израиле[47]. Книга раввина Тейтельбаума

[47] См. русские сайты: www.netureikartaru.com и http://iudaizm-protiv-sionizma.ru, а также английский: http://www.nkusa.org; см. также сайты других движений иудейского сопротивления сионизму: www.jewsnotzionists.org и www.jewsagainstzionism.com.

широко используется и в деятельности антисионистской еврейской общины Лев Тахор (Чистое сердце), члены которой живут в Канаде, США и Израиле. Интересно, что работа этих групп проводится независимо друг от друга, без какой-либо координации или даже обмена опытом. Со стороны противников сионизма не наблюдается никакого «еврейского заговора».

Что предлагают религиозные евреи — противники Израиля? Поскольку сионистское государство с еврейским большинством существовало всего лишь с 1948 по 1967 год, многие ратуют за мирное превращение Израиля и палестинских территорий в единое государство, где евреи, мусульмане и христиане могли бы жить вместе на равных правах. В Израиле нередко называют сегодняшнее положение «кровавым тупиком», так что понятно, что идея единого государства возникает в последние годы все чаще, причем развивают ее как арабы, так и евреи (www.one-state.org).

Любопытно, что история России как бы тяготеет над судьбой Израиля. Кризис империи, приведший к погромам и массовому насилию, оказал прямое и долгосрочное влияние на сионизм и государство Израиль. Признание и помощь со стороны Сталина обеспечили военное превосходство Израиля в первые годы его существования. Общее с советским понятие «еврейская национальность» продолжает оставаться краеугольным камнем сионистской структуры государства. Сегодня многие религиозные противники сионизма ссылаются на пример распада СССР, указывая, что, если Господь смог мирным способом развалить ядерную сверхдержаву, он как-нибудь разберется с небольшим сионистским государством.

А тем временем, считают они, евреям надлежит соблюдать заповеди Торы и заниматься благотворительностью, жить в мире и согласии в изгнании, которое сегодня для них ничуть не менее ощутимо в Тель-Авиве, чем в Москве. Однако те, кто считает Израиль дьявольским промыслом и нарушением божественного порядка, предсказывают ему апокалиптический конец. Они видят в Израиле сосредоточение зла и источник всех мировых проблем, в том числе основную причину обозленности исламистов, которые атаковали небоскребы в Нью-Йорке и поезда в Мадриде. Они опасаются, что терпению народов придет конец и не только Израиль, но и евреи всего мира понесут тяжелую кару. Такое мнение можно услышать в Бруклине и Антверпене, в Иерусалиме и Лондоне.

Противники сионизма категорически отвергают оправдание существования Израиля ссылками на трагическую судьбу европейского еврейства в середине XX века. Поскольку еврейская традиция рассматривает преследования евреев и погромы как кару божью и призыв к раскаянию, массовые убийства евреев во время Второй мировой войны также представляются наказанием за отход от законов Торы (Schwartz). Некоторые антисионисты полагают, что катастрофа европейского еврейства не только не оправдывает создание государства Израиль, а, напротив, представляет собой кару за увлечение сионизмом.

Место сионизма и государства Израиль в современной истории евреев продолжает служить предметом ожесточенных дебатов в еврейской среде. Само по себе это вполне соответствует традиции: как говорят, два еврея — три мнения. В последние годы появилось немало книг, в основном в Англии

и Северной Америке, которые пытаются критически осмыслить сионизм и изменения, привнесенные им в еврейскую жизнь. Причем речь идет не только об ортодоксальных критиках сионизма, но о довольно широком интеллектуальном и религиозном спектре. Более того, в обсуждение включились и кинематографисты. Израильские фильмы уже не первый год резко критикуют сионистскую практику, в особенности ее упор на насилие. Недавний фильм Стивена Спилберга «Мюнхен» вынес эту тематику на международный уровень. В то время как в его «Списке Шиндлера» идет речь о физическом выживании евреев, «Мюнхен» поднимает вопрос об их духовном выживании. Он открыто противопоставляет еврейскую мораль упору на насилие, принятому в государстве Израиль, что объясняет, почему влиятельные журналисты заклеймили этот фильм еще до его премьеры. Однако сам тот факт, что всемирно известный американский еврей-режиссер счел нужным вынести на экран эту проблему, показывает, что наступает эпоха пересмотра ценностей в широких кругах мирового еврейства. Одновременно продолжаются попытки дискредитировать серьезное обсуждение сионизма: перед лицом арабско-мусульманской угрозы надо сплотить ряды, а не способствовать врагу критикой сионизма. Зачастую таких критиков обзывают «самоненавидящими евреями» (*self-hating Jews*), что, впрочем, непросто делать в отношение ортодоксальных иудеев, опирающихся на многовековую еврейскую преемственность.

Поддержка, которой пользуется Израиль со стороны официальных еврейских организаций многих стран, вызывает у критиков сионизма серьезное беспокойство. Они опасаются того, что евреев не только снова начнут подозревать в «верности двум странам» (*dual loyalty*), но их просто станут считать агентами Израиля. Массовое присутствие израильтян в еврейских организациях, демонстрации в поддержку Израиля и центральное место, которое занимает Израиль в ближневосточных конфликтах, делают верность Израилю качественно иной, чем, например, симпатии американцев ирландского происхождения к своей родине. Во многих странах слышатся предостережения, что произраильские действия могут сильно ослабить или даже свести на нет все те достижения эмансипации, которых евреи добились за последние два века. В частности, поддержка еврейских организаций, которую завоевал в последние годы Джонатан Поллард, приговоренный американским судом к пожизненному заключению за шпионаж в пользу Израиля, вызывает опасения в разжигании антисемитских настроений в США. Роль связанных с Израилем евреев в подготовке войны в Ираке и, в более общем плане, исключительное влияние, которое приобрело в ряде стран произраильское лобби, может также обернуться против евреев. С другой стороны, такой оборот событий может только подтвердить сионистское положение о непреходящем характере антисемитизма и об эмансипации как опасной иллюзии.

Некоторые противники сионизма готовятся к «постсионистскому» периоду, устанавливают связи с палестинскими и мусульманскими кругами, посещают страны (такие, как Иран), занимающие непримиримо антисионистские позиции. Один из руководителей движения Нетурей Карта раввин Моше Хирш из Иерусалима был даже назначен министром в правительстве Ясира

Арафата. Небезынтересно содержание письма, которое Арафат направил раввину Хиршу в ответ на выражение соболезнования по поводу жертв среди палестинцев в результате действий израильской армии:

Ваши соболезнования — бесценный пример долголетних и тесных отношений между арабами и евреями; они демонстрируют резкое отличие вечных и благородных принципов иудаизма от агрессивных начал сионизма. Они чрезвычайно важны для того, чтобы палестинский народ и арабы всего мира поняли эту разницу, поняли, что действия государства Израиль никак не связаны с традициями, верованиями и законами иудаизма. Жизненно важно подчеркнуть, что нет вражды между евреем и арабом.

Естественно, что такого рода контакты с арабами вызывают ненависть со стороны сионистских кругов, особенно вне Израиля. Любопытно, что еврейская религиозная оппозиция сионизму воспринимается куда спокойнее в Иерусалиме, чем в Париже. Можно предполагать, что принципиальное противоборство с сионизмом будет продолжаться до тех пор, пока существует сионизм и сионистское государство. Тем временем углубляется разрыв между последователями традиционного иудаизма и поборниками еврейского национализма. Трудно сказать, преодолим ли уже этот разрыв. Для одних (сионистов) Израиль — победоносное завершение еврейской истории. Для других — бесплодный ее эпизод, основанный на трагическом заблуждении. Некоторым представляется, что еврейский национализм, подобно раннему христианству, развивает свое собственное самосознание и теряет связи с традиционным иудаизмом. Другими словами, остающиеся верными традиции евреи находят все меньше общего с большинством евреев, чье еврейское самосознание ориентировано прежде всего на сионизм и государство Израиль.

Однако, по мнению израильского ученого Боаза Эфрона, такого рода ориентация эфемерна:

Все государства в мире, в том числе и государство Израиль, появляются и исчезают. Государство Израиль тоже, конечно, исчезнет через сто, триста или пятьсот лет. Однако еврейский народ будет существовать, коль скоро существует иудейская религия, быть может, еще тысячи лет. Существование этого государства не имеет никакого значения для существования еврейского народа <...> Евреи мира могут прекрасно жить без него[48].

Насколько значительно сопротивление сионизму? По мнению израильского социолога Иосифа Ходары, *«еврейский религиозный антисионизм с точки зрения демографии и идеологии угрожает Израилю как государству и как общности, обладающей неким коллективным самосознанием. Причем речь идет об угрозе более масштабной и серьезной, чем вражда со стороны палестинцев и других арабов»*.

Действительно, на каждого активного противника сионизма приходится множество евреев, которые просто не считают себя сионистами. По всему миру рассеяны сотни тысяч таких людей. Многие из них живут в Израиле, однако им чужд какой бы то ни было патриотизм; они не служат в армии и даже стараются избегать в разговоре официального названия «го-

[48] Leibowitz. P.154.

сударство Израиль», предпочитая традиционные словосочетания: «Святая земля» или «Земля Израилева». Для них сионистское государство — не более, чем очередной этап политической истории, как было до него правление на Святой земле Османской и Британской империй. Вскоре после кончины одного из столпов антисионизма раввина Элиезера Шаха (1902 — 1994) главную улицу города Бней-Брак, оплот традиционного иудаизма к востоку от Тель-Авива, переименовали из проспекта Теодора Герцля в проспект раввина Шаха. Символизм такого переименования очевиден.

В то же время религиозные противники сионизма несомненно составляют меньшинство. Более того, большинству евреев сегодня чужды иудейские принципы, на которых зиждется эта оппозиция. Однако она примечательна не только своим упорством: *«вся история евреев показывает, как строго придерживающиеся традиции меньшинства в конце концов побеждают и составляют большинство»*[49]. Тот же автор (кстати, нееврей, искренне симпатизирующий сионизму) дает убедительное объяснение этому явлению, замечая, что *«иудаизм всегда был важнее совокупности его последователей. Не евреи создали иудаизм, а иудаизм создал евреев. Сначала был иудаизм. Он не результат [деятельности евреев], а программа, воплощению которой евреи призваны служить»*[50]. С учетом этой особенности еврейской истории важно понимать природу религиозной оппозиции сионизму. Прежде всего это важно для настоящих сионистов: ведь игнорировать угрозу с тыла особенно опасно.

Однако отделение исторической судьбы народа от судеб национального государства — вопрос, который интересует не только евреев. Развитие национального самосознания вне рамок «своего» государства волнует сегодня миллионы людей. Еврейская история показывает, как народ способен сохранить свое самосознание в течение двух тысячелетий, не имея ни общего разговорного языка, ни общей территории, при этом в условиях едва ли благоприятных даже для простого физического выживания. Этим несомненно объясняется интерес, который сионизм и еврейское сопротивление ему вызывают сегодня во всем мире.

Библиография

Abitbol Michel. Les deux terres promises: les juifs de France et le sionisme. Paris.: Olivier Orban.1989.

Barnavi Elie et Friedlander Saul. Les Juifs et le XX siecle. Paris.: Calmann-Levy. 2000 (есть русский вариант).

Breuer Isaac. Judenproblem, Halle, 1918. Цит. по: Zionism and Religion. Hanover.: NH, Brandeis University Press et University Press of New England. 1998.

Efron Noah. Real Jews., New York.: Basic Books. 2003.

[49] Джонсон. С. 549.

[50] Там же. С. 582.

Israel «Celebrates» Fifty Four Years of Heresy and Bloodshed, листовка движения Нетурей Карта от 17 апреля 2002 г.

Nationaljudentum. Leipzig. 1887. Цит. по: Zionism and Religion.

Neusner Jacob. Jew and Judaism, Ethnic and Religious: How They Mix in America. Washington.: Issues, American Council for Judiasm. Spring 2002.

Nicault Catherine. La France et le sionisme. Paris.: Calmann-Levy. 1992.

Ravitzky Aviezer. Messianism, Zionism and Jewish Religious Radicalism. Chicago.: The University of Chicago Press. 1996.

Ravitzky Aviezer. Munkacs and Jerusalem : Ultra-Orthodox Opposition to Zionism and Agidism. — В кн.: Zionism and Religion...

Salmon Yosef. Zionism and Anti-Zionism in Traditional Judaism in Eastern Europe. — В кн.: Zionism and Religion...

Schwab Simon. Heimkehr ins Judentums (Homecoming to Judaism). New York. 1978 (оригинальное немецкое издание вышло во Франкфурте в 1934 году).

Schwartz Yoel. Shoah: a Jewish Perspective on Tragedy in the Context of the Holocaust. Brooklyn — NY. : Mesora. 1990.

Shapira Anita. Land and Power: the Zionist Resort to Force. New York.: Oxford University Press. 1992.

Shapiro Marc. Between the Yeshiva World and Modern Orthodoxy.London.: Littman Library of Jewish Civilization. 1999.

Yerushalmi Yosef Hayim. Zakhor: Jewish History and Jewish Memory. Seattle.: The University of Washington Press. 1983.

Быть евреем в России. Материалы по истории русского еврейства. 1900-1917 гг. Составление, заключительная статья и примечания Нелли Портновой. Иерусалим.: Принтив-пресс. 2002.

Джонсон Поль. Популярная история евреев. Москва. 2000. Цит. по: *Paul Johnson.* A History of the Jews. New York.: Harper and Row. 1987.

Молитвенник. Цит. по перепечатке 1960-х годов, выполненной в Монреале.

Ор лайешарим. Варшава.: Геллер. 1900.

Розенберг Аарон, ред. Мишкенот ароим. Нью-Йорк.: Нехмод. 1984-1987.

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ
в зеркале прессы
(Июнь – август 2006)

(Краткий обзор)

О событиях в Сурожской епархии

В начале лета окончательно оформилось разделение между «старыми» и «новыми» прихожанами Сурожской епархии в Великобритании. После принятия бывшего управляющего епархией епископа Василия (Осборна) в юрисдикцию Вселенского Патриархата за ним последовало значительное число клириков и прихожан. По мнению экспертов, «под Константинополь» «из-под Москвы» уйдут не менее двух третей «сурожцев».

«Новые известия» (19. 06.) приводят мнение **протодиакона Петра Скорера**, внука русского философа Семена Франка, о причинах раскола: *«Сурож был уникальной епархией во всей Московской Патриархии благодаря работе митрополита Антония. Она терпела владыку Антония, потому что он привел не только огромное количество людей к православию в церковь в Британии, но и в самой России. Теперь свободная, соборная, ни на что не похожая епархия в русском контексте стала для России неудобной. Они хотят, чтобы все было "под одну шапку", чтобы церкви за границей, которые сейчас во многих странах строят, являлись немножко чем-то вроде посольских храмов до революции. Они и являются представительствами Москвы. И ими управляют не местные архиереи, а Отдел внешних церковных связей».*

«Синод Русской православной церкви признал неправомерным и "канонически неправомочным" решение Константинопольского патриархата о принятии в свою юрисдикцию епископа Василия (Осборна)», — сообщает **«Российская газета»** (15. 06). Издание приводит мнение главного ньюсмейкера ОВЦС **протоирея Всеволода Чаплина**, который заявил: *«Сурожская епархия по-прежнему остается самой собой и будет исполнять миссию и заветы своего создателя митрополита Антония. Несмотря на то что некоторые люди решили ее покинуть, множество священников и мирян с этим не согласны».*

Сергей Бычков в **«Московском комсомольце»** (20. 06) пишет, что среди сторонников «промосковской» партии оказалось немало «подберезовиков» — людей, близких к опальному олигарху Борису Березовскому.

Кризис в Сурожской епархии и разворачивающиеся вокруг него события в изображении СМИ напоминают своего рода шахматную партию, где среди фигур — церковные иерархи разных юрисдикций, близкие к церкви политики и простые верующие. Однако конфликт в туманном Альбионе со всей остротой обозначил не только социально-политические, но и экклезиологические проблемы. Об этом пишет один из известных деятелей Православной Церкви в Америке **протоиерей Леонид Кишковский** (перевод его статьи опубликован на сайте **«Благовест-инфо»**: http://www.religare.ru/print30694.htm). В частности, о. Леонид говорит о том, что, *«с точки зрения экклезиологии, существует только одна Православная Церковь, с единой литургической жизнью, объединенная единой православной верой. Православная*

Церковь достаточно широка, чтобы объять собой все диаспоры, но ни одна диаспора не может быть достаточно широка, чтобы объять собой всю Православную Церковь». «Нужно четко понимать, — пишет далее о. Леонид, — *что крупные, а подчас продолжающие расти национальные и культурные православные диаспоры современности заслуживают пастырского окормления и миссионерской работы. Это не только законное право Православной Церкви, это ее прямая обязанность. В то же время следует хорошо понимать, что православные христиане западной культуры, носители языков Запада, не менее других верующих заслуживают пастырской заботы. И если понятия "вселенскости", "кафоличности" Православной Церкви сегодня актуальны, то критически важно, чтобы православие не было просто "церковью для эмигрантов"».*

И в заключение сюжета — мнение основателя Свято-Филаретовского института в Москве **священника Георгия Кочеткова**. На вопрос корреспондента **«Портала-Кредо»** (http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=news&id=44621): «Что бы Вы могли сказать о ситуации в Сурожской епархии?» — о. Георгий ответил: *«Западно-европейские русские приходы Константинопольского Патриархата — это, в первую очередь, Церковь, которая осознала свою задачу как свидетельство о вселенском православии, как мирное распространение православия в инославной среде. Заметьте, что владыка Василий ушел не в какую-то иную православную юрисдикцию — их ведь весьма немало на Западе, а именно в русский экзархат Константинопольского Патриархата, что означает для него верность наследию митрополита Антония, верность свободному духу, но при этом и духу святоотеческой аскезы и богословскому наследию "парижской школы"».*

К 300-летию Саровской обители

В 2006 году исполнилось 300 лет Саровской пустыни. Эта круглая дата стала поводом для организации масштабных церковно-государственных торжеств в местах духовных подвигов преподобного Серафима.

В Сарове, где ныне размещается Федеральный ядерный центр, появилась монашеская община. **«Российская газета»** (31. 07) в связи с этим фактом приводит слова патриарха Алексия: *«Открытие небольшой монашеской общины в Сарове оправдано. Это будет давать духовную поддержку и утешение тем, кто работает здесь».* Далеко не все желающие смогли попасть в «закрытый» Саров. Поэтому часть торжеств состоялась в «открытом» Дивееве. *«В этом году в Дивееве,* — пишет издание, — *собралось около 8 тысяч паломников и более 200 журналистов, которым по монитору транслировали торжества из "закрытого города". Для паломников оборудованы три палаточных городка, каждый из которых рассчитан на две с половиной тысячи человек».*

«Комсомольская правда» (02. 08) подробно описала богослужение в Дивееве: *«На Соборной площади к девяти часам утра было не протолкнуться — помолиться и посмотреть на необычайное по красоте действо пришли несколько тысяч человек. Среди них оказалось и немало московских гостей. Например, глава Росатома и бывший полпред президента в Приволжском округе Сергей Кириенко».*

Корреспондент интернет-издания **«Портал-Кредо» Валерий Емельянов** поделился с читателями впечатлениями от праздника: «*Визуальное простран-*

ство и атмосфера наводили на мысль об особенной традиции эпохи синодального православия с его экстатическим и давящим мистицизмом. Кроме того, в обители, глядя на многочисленные раки со святыми мощами и могилы, почувствовалось то, что для нецерковного человека называется на современном языке культом смерти. Хотя, может, это и показывает то, как через подвижническую кончину можно прийти к вечной жизни, ступая по Канавке за Пресвятой Девой» (http://www.katolik.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=12058).

Международная научно-богословская конференция «Свобода — дар Духа и призвание в церкви и обществе»

С 16 по 17 августа в Москве прошла научно-богословская конференция «Свобода — дар Духа и призвание в церкви и обществе». Это уже шестнадцатый форум, который ежегодно проводится Свято-Филаретовским православно-христианским институтом (СФИ). В подготовке конференции принимали участие Преображенское содружество малых православных братств и журнал «Вестник Русского христианского движения». Для участия в конференции прибыли гости из разных городов России и мира (Париж, Иерусалим, Женева, Брюссель, Прага, Денвер и др.). Обычно подобные мероприятия проводились в сентябре. Но на этот раз форум прошел незадолго до праздника Преображения Господня и приходящейся на это празднование большой встречи Преображенского содружества.

«В связи с этим, — пишет **сайт Свято-Филаретовского института** (http://www.sfi.ru/rubrs.asp?art_id=7311&rubr_id=186), — *ректор СФИ и духовный попечитель Преображенского содружества свящ. Георгий Кочетков в своем вступительном слове обратился к истории конференции, первоначально родившейся именно как часть собрания братства — из стремления в церковном, братском духе обсудить проблемы, "которые невозможно было не обсуждать". Он выразил надежду, что и сейчас, когда Институт решил проводить свои, более академичные, конференции отдельно, обсуждение, открытое не только для специалистов, но и для всех участников, принесет свои плоды и позволит ответить на главные вопросы, связанные с темой дара свободы: как осуществить призвание, как принять дар, не редуцируя его?».*

Продолжило тему информационное агентство **«Благовест-инфо»** (http://www.prochurch.info/index.php/news/more/6368), которое подробно рассказало о работе первого дня конференции. С богословским докладом **«Свобода как дар Духа»** выступил доцент СФИ **Давид Гзгзян**. Как «уловить» истину и свободу? Как не превратить их в «безнадежные абстракции»? Как не свести жизнь христианина к «благочестию та́инственной жизни»? В чем состоит свобода «нищих духом»? Над этими и другими вопросами размышлял автор доклада.

Поэт и филолог **Ольга Седакова** говорила о свободе в эсхатологической перспективе. Сначала она обратилась к понятию «святая свобода» в европейской поэтической традиции, отметив, что после Иосифа Бродского гимн свободе и в русской, и в европейской поэзии кончается. В современном понимании теряется *«высокое измерение свободы»*, она сводится к прозаическому, практическому толкованию: превращается в «пустое понятие, наполненное чем угодно», требует уточнений («свобода от...», «свобода для...»),

количественных характеристик («слишком много свободы» и т.д.). По словам О. Седаковой, с точки зрения современной «негативной антропологии» свобода кажется вещью фатально невозможной. Однако на помощь приходит Дух Святой, дарующий подлинную свободу, которую нельзя «присвоить». *«В Св. Писании нет "гимна свободе", свобода не имеет там расширенного толкования, но сама история, явленная в Св. Писании,— это история освобождения. Мессия приходит, чтобы освободить каждого»*, — делилась О. Седакова своими размышлениями.

Главный редактор издательства YMKA-PRESS (Париж) и «Вестника РХД» **Никита Струве** говорил о понимании свободы в русской Церкви в эмиграции в первой половине XX века. По его словам, Церковь разделилась на две половины именно по принципу отношения к свободе: в Карловацкой Церкви «свобода de facto отрицалась», а митрополит Евлогий (Георгиевский) и его паства признавали свободу «движущей силой Церкви». Особое место в докладе Н. Струве было уделено пониманию свободы о. Сергием Булгаковым, который не только *«исповедовал свободу в Церкви, но и был сам ее носителем»*, отметил Струве. Он говорил также о подвиге жизни и смерти прпмчц. Марии (Скобцовой) — «глашатая свободы» во Франции 30–40-х годов.

«Нужна ли Церкви и обществу бердяевская свобода и булгаковская софиология?» — так полемически сформулировал тему своего сообщения **о. Георгий Кочетков**. Называя Николая Бердяева и о. Сергия Булгакова *учителями современного человечества*, о. Георгий отметил, что в их трудах по-новому зазвучали многие вопросы христианского мировоззрения и жизни, в частности проблемы «общинно-братской социологии христианства». Выступавший подчеркнул, что *«дерзновенная, подлинная свобода Бердяева и Булгакова не несла ничего деструктивного, ниспровергающего основы вероучения»*. Созданное этими христианскими мыслителями нельзя назвать «учением», отмечает о. Георгий, в их трудах явлено «пророческое откровение». *«Верно оно или нет — должна судить Церковь, но она не судит»*, — с сожалением заключил докладчик.

По окончании заседания выступили историк **Юрий Афанасьев**, игумен **Вениамин (Новик)**, **Лев Регельсон**.

Газета Преображенского содружества **«Кифа»** также подробно осветила работу конференции. В частности, она рассказала о состоявшемся в рамках форума круглом столе **«Солидарность поколений как фактор гражданской свободы»**, посвященном поколению 60 — 70-х годов.

Во второй день конференции прошли дискуссионные семинары (всего четырнадцать). На одном из них побывала корреспондент **«Ежедневного журнала» Светлана Солодовник**. Семинар этот был организован Свято-Архангельским братством из Архангельска и посвящен опыту диалога церкви и общества. В семинаре приняли участие дочь Лидии Корнеевны Чуковской Елена Цезаревна, ученица Л. Чуковской Софья Богатырева (Денвер, США), режиссер Аркадий Серенко, поставивший фильм по повести Л. Чуковской «Софья Петровна», литератор Самуил Лурье. *«Но почему, собственно, такое внимание к семье Чуковских, и в первую очередь к Лидии Корнеевне?»* — задается вопросом Светлана Солодовник. И отвечает: *«Дело в том, что в ее предельно честной, по сути, подвижнической жизни (всего здесь не перечислить, но достаточно упомянуть повесть о сталинских репрессиях "Софья*

Петровна", написанную непосредственно по следам событий в 1939/40 году и впервые изданную лишь в 1988-м, с риском для жизни сохраненные записи о встречах с Ахматовой и открытое возмущение травлей Пастернака, Солженицына и Сахарова) члены братства и увидели тот самый "прорыв немоты", поступок освобождения внутри себя, освобождения от духовного рабства, от того, что мешает проявлению в человеке образа Божия».

К вопросу о преподавании «Основ православной культуры» в школе

Перед началом нового учебного года в СМИ снова возникла тема преподавания «Основ православной культуры» (ОПК) для школьников. Состоится ли введение конфессионального предмета в светских российских школах? В общероссийском масштабе сегодня об этом говорить не приходится, хотя в отдельных регионах, например в Белгородской области, с 1 сентября он становится обязательным.

Размышляя о перспективах ОПК, **Иван Новгородцев** на сайте **«Портал-Кредо»** (http://news.invictory.org/news6604.html) замечает: *«Достаточно трудно найти серьезные аргументы против преподавания основ православной культуры в российских школах. Никто ведь не спорит, что российские школьники должны в приоритетном порядке изучать русскую историю или литературу. Православие же — неотъемлемая часть этой культуры».* Вто же время автор считает, что превращение ОПК в обязательный школьный предмет вряд ли станет явлением положительным, поскольку в российских реалиях такой предмет неминуемо превратится в обязательный курс «Закона Божия». Новгородцев напоминает: *«До революции во всех гимназиях в обязательном порядке изучался "Закон Божий". При этом выпускники гимназий практически поголовно оказывались, в лучшем случае, совершенно равнодушны к православию».*

О своем отношении к преподаванию религии в школе заявил председатель Совета Федерации **Сергей Миронов**. Как сообщает сайт **«Религия и СМИ»** (http://www.rsnews.net/index.phtml?show=article&id=5657&lang=RUS), Миронов считает необходимым изучение истории традиционных конфессий в рамках школьного курса отечественной истории. Традиционными религиозными конфессиями Миронов назвал православие, мусульманство, иудаизм и буддизм.

Министр образования Российской Федерации **Андрей Фурсенко** высказался против преподавания ОПК в школе. По сообщению информационного агентства **«Интерфакс»**, Фурсенко предлагает ограничить изучение религии в школе историческим материалом. **Патриарх Алексий II** в интервью **«Интерфаксу»** так прокомментировал эту позицию: *«Подобные высказывания говорят только об одном: нам нужно продолжать вести диалог с властью и обществом для того, чтобы сложившаяся в советское время монополия атеистического видения мира наконец прекратилась в российской образовательной системе. Если об особой роли Православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры упоминает преамбула Закона "О свободе совести и религиозных организациях", то почему об этой роли молчит школьная программа*?» (http://www.pravoslavie.ru/news/050622153939).

Обзор подготовили Александра и Борис Колымагины

РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ
в русской периодике первого полугодия 2006 г.

«Вестник русского христианского движения» (№ 190) публикует лекцию **Сергея Аверинцева «СВЯЩЕННОЕ ПРЕДАНИЕ ВЕТХОГО ЗАВЕТА В ХРИСТИАНСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ»**. «Чудом» называет Аверинцев тот факт, что Церковь преодолела и преодолевает соблазн отвергнуть Ветхий Завет, ограничившись одним Новым. А о том, что такое искушение действительно велико и реально, свидетельствуют две полярные точки зрения — фундаменталистов-христиан и иудеев-ортодоксов: *«Христианские антииудаистские полемисты и иудаистские антихристианские полемисты в течение веков сделали свое дело <> они постарались внушить идею принципиального различия между тем, что верующий иудей называет Танах, и нашей христианской Библией Ветхого Завета»*. Говоря о проблеме соотношения Писания и Предания у христиан и иудеев, Аверинцев показывает, что принцип «только Писание» не характерен как для большинства христианских конфессий, так и для иудаизма: *«Священное Писание существует внутри жизни верующих людей, и эта жизнь, передача веры от поколения к поколению, есть нечто первичное по отношению к Писанию, как таковому. Наиболее разумные из древних раввинов, как кажется, это понимали»*.

Аверинцев поднимает и еще одну важную проблему — восприятие христианами «внутреннего» иудаистского предания и высказывает мысль, на первый взгляд, парадоксальную, но, если вдуматься, очевидную: христиане должны знать все оскорбления, которым иудеи подвергли их Учителя, ведь *«в Талмуде имеются весьма недоброжелательные упоминания Иисуса»*. Однако, встречаясь с такими упоминаниями, *«мы получаем шанс почувствовать, до чего серьезным, до чего острым был вопрос об исповедании мессианства Иисуса. И это должно отучить верующего христианина раз и навсегда от того, чтобы выговаривать "Иисус Христос" бестрепетно»*. И в этом смысле иудейское предание для христианина — возможность всегда быть в «тонусе» своей веры. Аверинцев подробно останавливается на исполнении Иисусом Закона Моисеева и делает следующий вывод: *«Никто не смеет себя чувствовать выше обрядности, потому что если тот Единственный, кто мог бы поставить Себя выше ее, не сделал этого, то насколько менее мы»*. Аверинцев также рассматривает ключевые для христиан понятия «Сын Божий» и «Христос» в иудейской традиции и останавливается на непростых отношениях учеников Иисуса и учеников Иоанна Предтечи. Завершают публикацию ответы на вопросы.

Одна из главных опасностей, подстерегающих богословов, пишет **Андрей Десницкий («Несколько слов в защиту Бога от богословов»** — «Альфа и омега», № 45), состоит в том, что Бога невозможно окончательно *определить*, поскольку *«любое данное Ему определение, пусть даже самое верное, будет неполным и неточным»*. Богословские понятия делятся на две услов-

ные группы: конкретные вещи и идеи, которые даже носителями одного языка воспринимаются по-разному. Собственно, эта вторая группа — группа идей — и составляет основной предмет споров и вечный источник ересей. Часть их Десницкий подробно разбирает, подчеркивая терминологическую путаницу. Она возникает тогда, когда носители разных языков говорят об одном и том же, например о волях во Христе. При этом даже Новый Завет не может быть абсолютно твердым терминологическим фундаментом для богословских споров, поскольку, как указывает Десницкий, *«Христос не писал катехизисов, а рассказывал слушателям о виноградарях, рыбаках и овцах. Он обращался не к усредненной аудитории, а к конкретному живому человеку в конкретной ситуации»*. Напротив, стремление некоторых богословов все «каталогизировать» часто приводит к печальным последствиям, особенно если оппоненты превращают Библию в цитатник, вырывая отдельные фразы из контекста. При таком подходе, замечает автор статьи, любые споры неразрешимы. Более того, подобное обращение с текстом — прямая дорога к сектантству, которое начинается именно там, *«где из полного текста Писания на ходу выдергивается некое количество цитат, которыми при известной ловкости можно доказать вообще все, что угодно»*. **ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БИБЛИИ КАК ЦИТАТНИКА** или инструкции способно превратить любые, даже самые лучшие формулировки в «идолов», которые запросто могут исказить и убить сущность христианства. Это происходит тогда, когда человек превращает Бога в божка, созданного по своему образу и подобию, когда *«вписывает Бога в существующие у него представления о любви, или свободе, или спасении»*... Ведь *«каждый выбирает себе идола по своему складу характера, воспитанию, привычкам. А все лишнее извергается вон»*. Однако, как замечает Десницкий, эти опасности совершенно не делают богословие ненужным или неважным для человеческого спасения: *«Богословие — очень важная вещь, но не для Него, а для нас, чтобы мы не сбились с той дороги, которая ведет к Нему»*. Заметим от себя, что опасности, сформулированные Андреем Десницким, подстерегают людей не только по отношению к Богу, но и к людям. Митрополит Антоний Сурожский называл стремление построить вечные формулировки и подогнать к ним Бога или человека, желанием того, «чтобы любой человек совпадал с тем планом, который я о нем составил».

Анализируя тексты, рекомендованные для обучения детей и повышения квалификации учителей истории, **Никита Струве** пишет, в частности, и об участии Русской Православной Церкви в **ПОПЫТКАХ ОПРАВДАТЬ СОВЕТСКИЙ СТРОЙ** (**«К реабилитации советской системы?»** — «Вестник РХД», № 190). Отбеливание столь одиозных исторических персонажей, как Сталин, Берия, Дзержинский или Андропов, указывает автор стати, никак не повысит ни квалификацию педагогов, ни историческую память о страшном отрезке российской истории. Но еще печальнее замечать попытки такого отбеливания в выступлениях иерархов РПЦ и даже патриарха Алексия II. Так, к примеру, Предстоятель Русской Церкви сказал на встрече с молодежью в Калуге: **«Социалистические нормы поведения,** по которым полагалось выстраивать свою жизнь человеку, **были внешне близки заповедям Христовым»**. Комментируя эти слова, Струве пишет: *«И это сказано не*

про просто безбожный, а про насквозь богоборческий, тоталитарный, полицейский режим, угробивший задешево не сотни тысяч, а десятки миллионов ни в чем не повинных людей!» Однако значит ли это, что патриарх Алексий II желает восстановления советского строя? Конечно, нет, пишет Струве, ибо в личных беседах он слышал от патриарха другие характеристики советского строя. Тем не менее высказывания, подобные процитированному, отражают определенные тенденции внутри РПЦ и носят *«отпечаток умонастроений некоторых теперешних референтов Московской патриархии, которые заворожены идеей мощного православного государства, союза между Церковью и новой, постсоветской властью»*. По мнению Никиты Струве, *«Церкви следует остерегаться слишком тесного союза с государством, каким бы оно ни было, искушения властью»*. Последует ли РПЦ этому совету — покажет время. Мы же добавим от себя, что на протяжении всей русской истории практически все попытки православной «симфонии» на деле оборачивались подчинением Церкви интересам государства. «Объятия императорской власти» (по выражению историка Дмитрия Поспеловского) во многом и привели к той трагедии, которую РПЦ пережила в XX веке. Есть ли возможность удержаться на краю бездны и не кидаться в эти костоломные объятия?

Статья **о. Павла Адельгейма «Сокровище веры»** («Вестник РХД», № 190) почти целиком посвящена **КРИЗИСУ СОБОРНОСТИ** в Русской Православной Церкви. Эту проблему о. Павел характеризует предельно жестко: *«Единство Церкви подменяется господством, которое Христос запретил Своим апостолам. Соборность Церкви подменяется клерикализмом»*. Поставив предварительный «диагноз», автор переходит к подробному анализу определений Церкви в Символе веры и начинает с дефиниций Церкви как «собрания» или «дома», «здания». Все они присутствуют в различных европейских и славянских языках и во многом определяют традицию отношения к «соборности» у разных народов. Особо автор статьи останавливается на словах апостола Павла о Церкви как о «Теле Христовом», а далее противопоставляет подлинной «соборности» ложные «единства», которые епископат может формировать вокруг себя: *«Епископ становится стержнем, вокруг которого его человеческая прихоть формирует не Церковь, а партию. Определяясь случайными признаками взамен соборности, партия епископа неизбежно противопоставляет себя Церкви»*. В качестве примера распространенного искажения соборности о. Павел приводит Архиерейский собор и Синод РПЦ, которые фактически подменили собой Поместные соборы. Подробно разбирая понятие «соборности» и древний перевод греческого слова «кафоликон» на славянский язык, автор указывает на значение этих слов как в греческом языке, так и в старославянских и древнерусских рукописях XI века, а затем обращается к богословскому пониманию соборности и разбору заблуждений о соборности и «вселенскости», характерных для современного православия в России. Прежде всего, *«соборность Церкви может выразить только церковный собор, в котором принимает участие иерархическая полнота: епископы, клирики, иноки и лаики*»*. Однако в РПЦ в последнее

* В данном случае — миряне.

время наметилась совершенно иная тенденция: епископы принимают некие декларации на Архиерейском соборе, а затем знакомят с ними собственную епархию. При этом практически всегда отсутствует обсуждение этих решений с клириками и мирянами. Причину этого о. Павел видит в своеобразной узурпации понятия «соборности» епископатом: *«Если между епископом и народом отношения формальные, обсуждение невозможно: уровень разный. Собор обращается в орган представительной власти. Мы подчиняемся власти не потому, что ее авторитет является гарантией истины, а потому, что он является гарантией порядка»*. При таком подходе, как замечает автор, соборность подменяется корпоративностью, а Церковь превращается в партию. Автор указывает, что признаки корпоративности в РПЦ в последнее время весьма усилились: *«Устранив клир и мирян от участия в обсуждении вопросов веры, нравственности и канонического устройства, Церковь разделилась на иерократию, приватизирующую церковную истину, и "охлос"**, *лишенный права обсуждать и свидетельствовать Теряя связь с клиром и народом, независимая элита вычленяется из Тела Христова в прагматичную администрацию олигархов, шефов и боссов, озабоченных проблемами высокой политики*, личного престижа и благополучия». Свидетельствует ли столь мрачная картина о глубочайшем кризисе соборности в РПЦ? По мысли автора статьи, и да, и нет. В качестве примера нормального епархиального устройства о. Павел приводит Сурожскую епархию во времена покойного ныне митрополита Антония. В опыте последнего автор и нашел некое «противоядие» создавшейся ситуации; как заметил однажды владыка Антоний, *«своего епископа надо воспитывать»*. Путь этот необычайно сложен, тернист и таит в себе опасности, но, как замечает в заключение статьи о. Павел, *«воспитание не следует понимать как формальную власть, но как общение и любовь, необходимые обеим сторонам»*. Остается только надеяться, что епископат и остальные члены РПЦ смогут вести продуктивный и взаимный диалог любви, без которого невозможны ни соборность, ни сама Церковь Христова.

МЕСТО ХРИСТИАНСТВА В ОБЩЕСТВЕ — тема размышлений **епископа Саратовского и Вольского Лонгина «Заметки о христианстве в современном мире» («Альфа и омега»**, № 45). Епископ выражает свою обеспокоенность тем местом, которое отводится христианству вообще и РПЦ в частности в современном секулярном обществе, и выражает свое несогласие с термином «постхристианская цивилизация»: *«В самом этом слове кроется глубокая неправда, потому что "постхристианская" — это как бы цивилизация, которая наступила "после христианства", то есть предполагается, что христианство благополучно отжило своей век и наступила некая иная эпоха»*. Естественно, что епископ Лонгин спешит разочаровать скептиков, доказывая, что слухи о смерти христианства сильно преувеличены. Напротив, это именно гедонистическая и потребительская цивилизация, в которой отсутствует моральная и религиозная составляющая, а высшей ценностью и целью провозглашается человеческое наслаждение, обречена на недолгое существование и гибель, что история неоднократно и доказывала. Во вто-

* Масса, толпа, чернь (*греч.*).

рой части статьи автор переходит к анализу места православия в подобном обществе. Да, пишет епископ Лонгин, Церковь меняется с течением времени, но не приспосабливается к современности в главном, в своей сути, поскольку христианству свойствен здоровый консерватизм: *«Подлинный консерватизм верующего православного человека проявляется в верности Христу, в осознанном и постоянном следовании евангельским заповедям»*. Однако, указывает епископ Лонгин, консерватизм должен быть именно здоровым, Церковь в погоне за сохранением традиции не должна впадать в архаику. Не случайно автор статьи напоминает читателю о «Трех разговорах» Владимира Соловьева, где настойчиво проводится мысль о том, что главное в христианстве — Сам Христос. Заключительная часть «Заметок» посвящена защите Церкви как от сторонников секулярного устройства общества, так и от слишком ревностных православных. По точному замечанию епископа Лонгина, и те и другие, по сути, хотят загнать христианство в некое гетто. Одни предлагают превратить Евангелие в универсальную инструкцию по правильным действиям в любой ситуации, сделать из него своего рода *«измерительный прибор и соотнести с ним все жизненные ситуации»*. А подобное использование Евангелия противоречит самой сути христианства. Полемизирует епископ Лонгин и с теми, кто видит в Церкви лишь один из социальных институтов, некое «министерство по обслуживанию верующих»: *«Нам говорят: "Вы занимайтесь там престарелыми, а еще лучше — даунами. Можно в тюрьму пойти, так и быть, — эти люди уже как бы вычеркнуты из общественной жизни. А в школу — лучше не надо, школу мы вам доверить не можем. Ступайте лучше в колонию для несовершеннолетних"»*. Увы, в обществе господствует мнение, что здоровым, успешным и молодым христианство не нужно, ибо это приют для сирых и убогих неудачников. Смогут ли православные христиане в России преодолеть это, начнут ли они отвечать на реальные вызовы времени и вести диалог с обществом на равных и будут ли при этом услышаны? А главное, захотят ли сами православные это сделать? От этого зависит будущее христианства в России.

О РОЛИ ТЕЛЕВИДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ размышляет ответственный редактор газеты «Церковный вестник» **Сергей Чапнин**. Журнал «Церковь и время» (№ 35) публикует его доклад на конференции в Вене **«Благая весть и "плохие новости": христианские ценности в масс-медиа»**. Сегодня, отмечает Чаплин, телевидение присвоило себе пастырскую роль. Это оно в значительно большей степени, чем религия, помогает человеку ответить на основополагающие вопросы: «кто я?», «как я должен жить?». Иными словами, именно СМИ во многом формируют сейчас морально-религиозные представления большинства россиян; современными «проповедниками» становятся телесериалы, «мыльные оперы» и рекламные клипы. И Церковь уже не может просто игнорировать этот аспект современной жизни человека. *«Значение "мыльных опер" на религиозном уровне,* — утверждает Чапнин, — *не в том, как они, порой негативно, показывают представителей той или иной веры, но в их вкладе в поддержание слухов о Боге»*. Очевидно, что эти «слухи о Боге» почти всегда не имеют ничего общего с традиционными религиозными доктринами, зато, как правило, в них пышно расцветают народное «богословие» и фольклор. Православие перестало иг-

рать культурообразующую роль в России, его место заняли СМИ. Реклама и пиар активно обращаются не только к религиозной символике, но и к глубинным принципам построения образа и общей организации образных систем. Современная секулярная культура не только активно использует язык богословия, она стремится заменить собой религию. Формирование на основе современных СМИ квазирелигии становится насущной проблемой. Чапнин цитирует интервью одного из крупнейших брэнд-менеджеров России: *«Сегодня потребление — это путь к спасению; специалист по маркетингу — если не мессия, то духовник; а человек, по воскресеньям посещающий не церковь, а IKEA, решает, по сути, те же психотерапевтические задачи»*. Отдельно Чапнин остановился на методике подачи теленовостей, проницательно отметив, что в моде сейчас «плохие новости», поскольку они лучше продаются. *«Новости предельно обостряют ключевые вопросы христианской апологетики. Образ современного мира, который в новостях складывается из войн, катастроф, криминала... делает проповедь Божественной любви, действующей в истории, невероятно трудной»*. С помощью подобных новостей в обществе упорно закрепляются личные и общественные страхи, поскольку телевидение делает картину мира совсем уж неприглядной: окружающий мир выглядит более страшным и опасным, чем он есть на самом деле. Из новостей исчезает красота мира. Конечно, наивно было бы полагать, что религия способна противостоять медиа и так же интенсивно формировать положительный образ мира. Но она может дать своим последователям хотя бы некую прививку от «апокалиптических» новостей. Доклад завершается достаточно тревожно: *«Сегодня информация восстала против знания, прежде всего против знания иконичного, в основе которого лежит знание Истины, Слова и Образа, которые соединяются во Христе. Но в этом я вижу прежде всего призыв к тому, чтобы миссия Церкви развивалась и ширилась, в том числе и в информационном пространстве»*. С одной стороны, в этих опасениях сквозит надежда, но с другой — слишком много зависит от РПЦ, которая должна активнее «заиграть на информационном поле». В противном случае православие в России еще раз станет «религией упущенных возможностей», о чем предупреждали многие люди еще в советское время.

Консультант Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата **Виктор Малухин** в статье **«Русская Церковь, светские СМИ и христианские ценности в постсоветской России»** («Церковь и время», № 35) размышляет об особенностях освещения **РЕЛИГИОЗНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ**. Он обнаруживает, что за двадцать лет, протекших с перестроечной эпохи, СМИ, по сути, так и не научились писать на религиозные темы. Среди причин этого — медиаформат светских изданий и читательский «заказ»: *«В основном малосведущий и жаждущий всеобъемлющей информации читатель формулировал социальный заказ на тему Церкви в перестроечной прессе, а, с другой стороны, журналистский корпус с готовностью стремился эту потребность максимально удовлетворить»*. Достаточно долго обе стороны были удовлетворены низким уровнем публикаций, в основном носивших просветительский характер. Однако, с грустью отмечает автор, *«большинство светских СМИ доныне пребывает в освещении церковной темы на том же уровне фольклорно-лубочных*

и народно-обрядовых представлений». К сожалению, за примерами далеко ходить не надо: достаточно на Пасху, Рождество или Крещение посмотреть новости на федеральных каналах, чтобы убедиться в правоте автора. И дело тут даже не в фактических ошибках и выдаче суеверий за православие, а в самой тональности подачи материала, которая рассказывает о православии в России с какой-то интонацией наивного исследователя, невзначай забредшего в лагерь папуасов и увидевшего там племенной праздник. Для того чтобы изменить создавшуюся ситуацию, Малухин предлагает журналистам, пишущим о религии, приобрести два таланта: один — *«для адекватного постижения внутренней специфики религиозного мира»*, а другой — *«для доступного и корректного свидетельства о нем, способного быть воспринятым потребителем на всех уровнях, включая профанный»*. В противном случае даже повышенный интерес к тем или иным церковным документам, например Декларации X Всемирного русского народного собора, не гарантирует объективного освещения и квалифицированного комментария в светских СМИ. В заключение Малухин напоминает о том, что диалог между Церковью и СМИ должен быть взаимным, а это предполагает необходимость и самой РПЦ активнее участвовать в медиапроектах. Однако здесь есть определенные трудности, поскольку православная, сугубо конфессиональная пресса рассчитана на достаточно узкую целевую аудиторию и, будучи в системе российских СМИ достаточно маргинальным явлением, вряд ли станет площадкой для интеллектуального диалога и позитивного взаимодействия общества и конфессий. Необходимо, считает Малухин, *«появление на российском медиарынке общенациональных светских изданий и телеканалов, формально не связанных с Церковью, но руководствующихся в своей профессиональной деятельности религиозно мотивированными представлениями о добре и зле»*. Другой вопрос — возможны ли такие СМИ и будут ли они пользоваться популярностью. Однако уже сейчас понятно, что ниша, связанная с объективным и профессиональным описанием религиозной тематики в светских изданиях, по-прежнему не заполнена.

Владимир Легойда в статье **«Религиозный дискурс в современных СМИ: можно ли говорить о христианстве в эпоху секуляризма»** («Церковь и время», № 35) пишет о двух составляющих любой религии — культурологическом и собственно религиозном, и подробно разбирает их взаимоотношения. *«Религиозные СМИ и публикации в светских изданиях о религии*, — утверждает он, — *не представляют да и не должны представлять собой учебные пособия по догматике»*. То есть публикации о религиях в СМИ (за исключением специализированных изданий, не должны походить на заумные богословские трактаты. Но это совершенно не значит, что о вере нельзя писать вообще или писать только в примитивно-лубочном стиле. Единственное требование к таким публикациям, по мнению Легойды, состоит в профессионализме авторов. Но важно и другое: чтобы разговор о Церкви и вере на страницах СМИ велся на привычном для данного издания языке и был понятен читателю.

Далее автор переходит к оценке двух типов публикаций о РПЦ — скандальных и поверхностно хвалебных. Первые вызывают больший гнев православных, но Владимир Легойда четко показывает, что вред от вторых ничуть

не меньше: *«Существует вещь куда более опасная: это некоторые положительные публикации о Церкви и церковной жизни. Публикации, в которых церковная жизнь редуцируется до "колоссального культурного значения", "основ отечественной культуры" и предстает в виде обязательного хождения в храм по воскресеньям, соблюдения постов и победоносного поедания пасхального кулича. И все... Вот это чрезвычайно опасно. Это тот самый формат, который пока еще можно разрушить и который, если такого разрушения не произойдет, превратится в прокрустово ложе, "форматирующее" любой текст, любую идею по своим стандартам. Семьдесят лет атеистического режима не смогли разрушить то, что может тихо, но глубоко утоптать подобный "позитив". Многие современные положительные публикации о Церкви (а их не так мало — практически каждое издание и телеканал сегодня в обязательном порядке "отзываются" на основные православные праздники и посты) создают православию музейную славу, превращают его в культурный заповедник»*. В этой достаточно большой цитате сосредоточены основные проблемы современных материалов о православии к «празднику», бороться с которыми чрезвычайно трудно, поскольку для очень многих людей подобная «клюква» является символом «благонамеренности» автора и свидетельством того, что он *разбирается* в православном христианстве. Почти в самом конце статьи Легойда говорит о том, что журналисты должны понимать: подлинный образ православного христианства весьма далек от вышеприведенной картины. *«Мы обязаны говорить, что Церковь — это не ежедневные хождения в храм, "правильная" одежда и даже не исполнение всех заповедей. Это нечто неизмеримо большее, что, однако, возможно только пережить самому, а не выучить по книжкам. Конечно, нельзя сделать так, чтобы, прочитав газетный или журнальный материал, человек пережил это, но можно написать таким образом, чтобы читатель захотел пережить»*. Остается только надеется, что когда-нибудь публикации подобного уровня будут занимать большее место в светской и конфессиональной журналистике, пишущей о религии.

Проблема отношения Европы к гомосексуализму, двойные **СТАНДАРТЫ ЛИБЕРАЛИЗМА**, а также наличие разных типов **ТОЛЕРАНТНОСТИ** применительно к разным группам людей — тема **«Апологетических заметок IV» Сергея Худиева** («Альфа и омега», № 45). Небольшая статья целиком посвящена истории шведского пастора-пятидесятника Оке Грина, которого шведский суд сперва приговорил к месячному тюремному заключению за негативные высказывания о гомосексуалистах во время проповеди и лишь затем оправдал. Худиев замечает, что речь в данном случае идет о двойных стандартах, от которых страдают прежде всего христиане: *«Принцип либерализма "Свобода Вашего кулака кончается у моего носа" толкуется так, что христианские носы никаких ограничений для либертианских кулаков не составляют, а вот носы активистов гей-движения приобретают такую фантастическую длину, что пошевелиться, не задев их самым преступным и наказуемым образом, становится затруднительно»*. К сожалению, это довольно резкое высказывание имеет под собой достаточные основания, что показали события, связанные с так называемым *карикатурным скандалом*, когда резонанс от публикации карикатур на Пророка Мухаммеда резко превзо-

шел реакцию на периодически появляющиеся то здесь, то там оскорбительные для христиан слова и действия. Худиев также предупреждает о том, что в Европе формируется своеобразная «диктатура толерантности»: *«Конечно, один человек, которого отправляют в тюрьму за то, что он открыто выражает христианские взгляды, — это еще не ГУЛАГ. Но утверждение принципа, по которому "некоторые более равны, чем другие", а за неугодные "более равным" речи сажают в тюрьму, — неизбежно приведет к ГУЛАГу».* Конечно, оправдание шведского пастора позволяет надеяться, что картина не столь пессимистична, но напряженные отношения между сексуальными меньшинствами и христианами разных конфессий возникли давно, и в последние годы власти разных стран куда активнее поддерживают первых, чем вторых.

Имя беллетриста **СЕРГЕЯ НИЛУСА** до сих пор является неким «знаменем». Положительное или отрицательное отношение к его трудам (а особенно к печально знаменитым **«ПРОТОКОЛАМ СИОНСКИХ МУДРЕЦОВ»**) воспринимается многими как отличительный признак: свой/чужой. «Новое литературное обозрение» (№ 78) посвящает ситуации с современным «нилусоведением» подборку статей под общим заголовком **«Нилус как вызов»**. О проблеме отношения к Нилусу в литературоведческих кругах пишет **А. Рейтблат** в обзорной статье **«Нилус и "Протоколы сионских мудрецов"»**: библиографическую справку о писателе так и не решились внести в 4-й том словаря «Русские писатели. 1800–1917» (том вышел в свет в 1999 году). Подобная лакуна, пишет Рейтблат, демонстрирует *«сильную идеологическую ангажированность (или, если применить наркологическую терминологию, зависимость) современного отечественного литературоведения. <...> почему настоящие исследователи, которые должны были бы "без гнева и пристрастия" изучать эту явно неординарную фигуру, оказавшую немалое влияние на русскую журналистику, публицистику, а возможно (кто знает?), и литературу, столь брезгливо сторонятся ее? Почему они прячутся в "башню из слоновой кости", где обретаются только Пушкины и Мандельштамы, Платоновы и Набоковы?»* Рейтблат отмечает, что большинство значимых исследований выходили за рубежом — но и они посвящались в основном исключительно «Протоколам», а также личности самого писателя, «душевно неуравновешенного визионера» (по словам одного из авторов, Хадассы Бен-Итто). Любопытна та часть статьи, где Рейтблат предпринимает разбор «патриотического нилусоведения», в частности работ А. Стрижева и О. Платонова, которые, впрочем, отказывается считать научными. О книге Платонова, в частности, сказано: по внешнему виду этот увесистый том можно принять за научную монографию, *«но даже поверхностный просмотр показывает, что это — антисемитский трактат, лишь маскирующийся под исследование»*. В чем же причина столь низкого уровня большинства отечественных работ о Нилусе? Рейтблат дает достаточно четкий ответ на этот вопрос. С одной стороны, профессиональные литературоведы «брезгуют» заниматься столь ангажированной фигурой. С другой — для определенного круга «православных патриотов» имя этого неудавшегося священника и духовника царской семьи давно стало символом борьбы с *проклятым Западом и масонством*, а тут уж впору писать не литературоведческое исследование, а «житие». Пока же ситуация коренным образом не изменится, ре-

альная личность этого беллетриста и его роль в истории русской литературы никого не будет интересовать. Между тем Рейнблат уверен, что, несмотря на всю остроту темы, написать объективную статью об этом словарном персонаже можно. Что он и пытается сделать, публикуя в том же номере «НЛО» собственную биобиблиографическую статью **«Нилус Сергей Александрович»** — ту самую, исключенную из словаря.

В работе **Леонида Кациса «Текстология "Протоколов сионских мудрецов"»** («Новое литературное обозрении», № 78) высказываются различные гипотезы о происхождении и истории издания «Протоколов». Статья представляет собой хороший анализ основных проблем изучения «Протоколов», но не более того. Остальному творчеству Нилуса в данной публикации места не нашлось.

Зловещая и неоднозначная фигура **ГРИГОРИЯ РАСПУТИНА** все еще подвигает публицистов на новые тексты, в которых так или иначе затрагивается религиозная составляющая личности «друга царева» или «антихриста», погубившего Российскую империю. Попытку систематизировать несколько последних публикаций об этом человеке предпринял **Борис Витенберг («По направлению к Распутину (Обзор книг о Г. Распутине)»** — «Новое литературное обозрение», № 77). Анализируя ряд изданий о Распутине (в том числе книги А. Амальрика, А. и Д. Коцюбинских, Э. Радзинского, А. Эткинда), автор приходит к неутешительному выводу о том, что в современной России складывается новая мифология о личности Распутина. Виттенберг отмечает, что имея Распутина стало национальным российским «брендом», а слава его «затмила» Пушкина, Чехова, Менделеева и прочих действительно достойных сынов России. Это доказывает хотя бы нездоровый ажиотаж вокруг публикации так называемых дневников Распутина: *«Лондон, Сан-Франциско, Париж, радио "Свобода", Би-би-си, кажется, даже "Таймс" и т.д. и т.п., не говоря уже об отечественных теле- и радиоканалах и изданиях, — все жаждали подробностей и права издания "дневника"* <...> *Правда, вскоре эта, ураганом пронесшаяся по всему миру сенсация, за крайне малой содержательностью распутинских листков (которые были почти тут же и опубликованы), улеглась. А вот тягостное впечатление, что Распутин — нечто вроде заложенной в российской истории бомбы, готовой в любой момент взорваться, — осталось»*. Отечественная «распутиниана», указывает автор статьи, пестра и разнородна. Не будем останавливаться на политической и сексуальной сторонах новых мифов о Распутине, о которых также рассказывается в статье, нас интересует религиозный аспект. Распутин, как указывает Виттенберг, — фигура, отражающая определенные псевдорелигиозные чаяния части верующих; с ним связываются представления о своеобразной «симфонии» царя и народа, о некой **«ПРАВОСЛАВНО-САМОДЕРЖАВНО-НАРОДНОЙ» МОНАРХИИ**. В книге «Распутин: анатомия мифа» А. Боханов предпринимает попытку сделать его праведником и невинно оклеветанным страдальцем; в этом стремлении он не одинок: в «трудах» О. Платонова «старец Григорий» совсем уже превращается в святого. Причины этого Виттенберг видит в изменениях политических и религиозных реалий в современной России, когда *«не только произошла канонизация Николая II и его семьи, но и наметилось охватившее некоторые российские*

православные круги движение за канонизацию Григория Распутина, а заодно и такой не менее, мягко говоря, противоречивой персоны, как Иван Грозный. Движение это в последние годы явно набирает силу, хотя и не находит пока что поддержки в высших церковных сферах». Однако, отмечает Виттенберг, все исследователи признают, что Распутин был всего лишь ярким представителем «Хлестаковых», по воле рока имевшим влияние на российскую политику начала XX века, да и влияние это сильно преувеличенно. По мнению автора статьи, Распутин был предтечей современных «политтехнологов», потому-то на его уловки и попались некоторые российские и зарубежные исследователи его личности.

Что только не может стать в России основанием для религиозных/эзотерических учений! «Культ из еды» сделали в наши дни последователи вегетарианства. Истории этого учения посвящена статья **Петера Бранга «Особые судьбы русского вегетарианства»** («Неприкосновенный запас», № 2 (46)). Первый же абзац этого материала представляет собой программное заявление: *«Еда — потребность экзистенциальная. Обычно мы едим каждый день. Хлеб насущный дай нам днесь. Еда и связывает, и разъединяет различные человеческие общности — народы, религиозные сообщества, семьи»*. Далее автор переходит к подробной классификации различных типов вегетарианцев, существующих в наши дни, а также достаточно точно связывает историю появления и распространения этого учения с разновидностью христианства, наиболее распространенной в той или иной местности. В частности, он пишет: *«"Современное" вегетарианство начинает возникать на Западе с XVIII века, и прежде всего в протестантских странах, уже не знавших церковного поста. В первую очередь оно возникало в той среде, в которой потребление мяса на душу населения было особенно высоко (Англия, США)»*. То есть **ВЕГЕТАРИАНСТВО** изначально рассматривалось **КАК АЛЬТЕРНАТИВА ХРИСТИАНСКИМ ПОСТАМ**, если понимать под ними только пищевые запреты. Иными словами, сформировалось новое религиозное учение, только потом попытавшееся обосновать себя с помощью медицинских и экологических доводов. Прямую зависимость между распространением культуры поста в обществе и проповедью нового учения подтверждает и дальнейшая история вегетарианства: *«В римско-католических странах — во Франции, Италии, Польше, а также и в католических немецкоязычных землях — вегетарианство до сегодняшнего дня получило меньшее распространение, во многом именно благодаря наличию церковного поста. Во Франции до революции 1789 года духовенство и миряне постились около 160 дней церковного года. Но между 1850-ми и 1920-ми годами число постных дней постоянно сокращалось, а во второй половине XX века церковь вообще практически отказалась от строгого поста»*. Соответственно, вегетарианство, напротив, укрепило свои позиции. Сходная ситуация была и в России, где об этом учении не слышали до начала XX века, зато *«уже имелась тысячелетняя традиция религиозного воздержания от мясной пищи. Не только для русского монашества, но и для верующего православного мирянина пост до начала XX века продолжал играть бóльшую роль, чем в европейских странах. Четыре длительных периода постов и постный режим по средам и пятницам приводят к тому, что общее число постных дней в году превышает 220»*. На станов-

ление нового движения большое влияние оказали труды Льва Толстого, ставшие своеобразной «библией» русского вегетарианства. Учение развивалось достаточно бурно вплоть до самого октябрьского переворота, при этом в основе его лежали не «гастрономические», а этические принципы: 16 февраля 1896 года в Москве на «собрании у мода» в присутствии Татьяны Львовны Толстой и под председательством Павла Бирюкова было *«единогласно установлено считать главными принципами вегетарианства его нравственные основания»*. Вновь русское вегетарианство стало возрождаться лишь после падения советского режима. Сегодня, с сожалением констатирует автор, оно уже не связано с этическим максимализмом и надеждами на коренное общественное обновление и все больше ассоциируется с модной ныне эзотерикой, что, безусловно, дискредитирует учение в глазах общества.

Обзор подготовил Андрей Зайцев

Беседы в редакции

Ольга СЕДАКОВА

«БЫТЬ СВОБОДНЫМ — ЭТО БЫТЬ ХОРОШИМ, КАК БЫ СМЕШНО ЭТО НИ ЗВУЧАЛО...»

С Ольгой Седаковой беседовал член редколлегии «Континента» Александр Кырлежев

— У темы свободы — много аспектов, и разговор о свободе можно начинать по-разному. Вполне естественно начать его с того, как тема свободы звучит в последнее, постсоветское время — после выхода общества из ситуации «советской несвободы». Прежде всего другого в этот переходный период свобода, как мне кажется, выступала в значении освобождения.

Да, конечно, причем как освобождение, полученное даром, сверху. Никак нельзя сказать, чтобы это была отвоеванная или заработанная нашим обществом свобода. Исключение — чудесные дни августа 1991-го. Вот когда веяло не освобождением, а свободой, волей к свободе, любовью к свободе. Помните, какое послание тогда написал Патриарх — о нашей стране, которая была подобна бесноватому и из которой, наконец, вышли бесы.

В России была история свободы, не только история страданий и зверств — свободы чаще всего одиноких и гонимых людей. Но «освобожденная» страна не вошла в эту историю, не приняла *этого* наследства. Вольные годы быстро приобрели довольно безобразный облик.

Вот одна из дарованных свобод — свобода вероисповедания. Дарованная она, конечно, для тех, кто пришел в храмы, когда стало разрешено. Для других эта свобода существовала и прежде, и мы знаем, чего она стоила: около миллиона уничтоженных за исповедание православия с 1918 года по 1939-й. Им не нужны были разрешения. Но вот разрешили, и разрешением воспользовались миллионы. И посмотрите: идет процесс канонизации новых российских мучеников, свидетелей веры в богоборческом мире — а разве новый церковный народ чувствует себя *их* духовными наследниками? Могут ли новые православные подумать: это *наши* святые? Да нет, «нашими» для них были совсем другие люди. Тех они или не заметили, или смотрели на них с другой стороны. «Наш» для них был и остался маршал Жуков. А вот мать Мария «нашей» не будет.

Ольга СЕДАКОВА — родилась в 1949 г. в Москве. Окончила филологический факультет МГУ и аспирантуру Института славяноведения. Кандидат филологических наук, поэт, автор многих книг, в том числе собрания сочинений в 2 томах и тома избранного «Путешествие волхвов». Постоянный автор «Континента». Живет в Москве.

Свободой воспользовались, как вольноотпущенники. Поведение вольноотпущенников хорошо описано у римских сатириков, и через две тысячи лет прибавить нечего*. Вольноотпущенник, в отличие от свободного человека, на самом деле ничего не любит, все вокруг ему чужое; времени у него, он знает, немного: нужно скорей «оторваться», а там будь что будет. Он не различает безумных запретов прошлого (например, на абстрактную живопись или на употребление слова «гуманизм» без уточнения «социалистический») — и фундаментальных законов человеческого общежития, от которых «освобождает себя» только мародер. Он не отличает искреннего уважения — от «покорности авторитетам». Преданности чему-то — от «зависимости». Он не отличает благодарного почтения к дару и труду другого человека — от «культа личности» (сколько таких «культов» вроде «культа Ахматовой» оказалось развенчано! Зато в таких фигурах, как Берия, искали «трагические сложности»). Я помню знаменательную дискуссию о «Плахе» Ч. Айтматова. С.С. Аверинцев, указывая на нелепейшие ошибки в тексте, сказал, что тот, кто берется за евангельский сюжет, должен все-таки хоть что-то узнать об этом. На что «прогрессивный» критик возразил: «Хватит! Мы уже достаточно стояли по струнке!» Дело плохо, подумала я. По этой струнке — по струнке точного знания и добросовестного культурного труда — в советское время как раз никогда и не стояли. Больше того: по ней не позволено было стоять, это называлось «буржуазным объективизмом». Такая свобода — свобода от правды, свобода от простых различений («а кто вообще что-нибудь знает?»), которые тебя к чему-то обязывают, — пришла как раз из советских времен. И разгулялась под новым именем «плюрализма».

— Но ведь для так называемого «обычного человека» это была навязанная ситуация — освобождение. У него не было иного опыта — он был в рабском состоянии, и это была понятная реакция на снятие запретов.

Да, понятная и даже предсказуемая, но от этого не менее некрасивая. Ко времени перемен не только почти не оставалось сопротивления, но мало кто и чувствовал себя особенно ущемленным. И уж точно виноватыми себя не чувствовали. Мои рассказы о жизни советских времен и ее правилах часто вызывают возмущение у тех, кто, как и я, жил в эти годы («ничего подобного не было!») — и изумление у их детей, моих студентов: «А мои родители этого не помнят!» Они ничего такого не заметили! И не странно: уже школьники умели тогда исполнять все эти запреты цинически. Я знаю это по опыту репетиторства. «Вы жизни не знаете, Ольга Александровна!» — говорили мне ученики 16–17 лет. «Знать жизнь» значило: писать сочинение «как нужно». Наверное, и многое другое.

---

* Впрочем, есть образ поновее, чем древнеримский вольноотпущенник. Христос Яннарас, в прошлом году посетив Москву, которую он видел до того только в брежневские времена, так обобщил свои впечатления: «Раньше все здесь было похоже на монастырь — плохой монастырь, может быть, даже дьявольский монастырь. А теперь — на второсортный курорт третьего мира». Да, зона сомнительных развлечений и дурных денег... Эпицентр столичной свободы.

Однако о ком мы говорим как об «обычном человеке»? О молчаливом большинстве? Оно, мне кажется, и оставалось молчаливым в эти шумные годы. Вряд ли ему нравилось происходящее, особенно в экономической области. Да и в культурной. Но демократический авангард с этим большинством не разговаривал, ему ничего по-настоящему не объясняли. Так что для большинства неведомые у нас прежде «общечеловеческие ценности», «свобода», «демократия», «права человека» намертво связались с криминальным беспределом и разрухой. И, как мы видим, реакция не заставила себя ждать. Но интересно: взамен этой «чрезмерной свободы» люди требуют не столько закона, сколько «порядка», «крепкой руки», пресловутой «вертикали». То есть просто другой, привычной и «надежной» формы беззакония.

Я решительно против того, чтобы противопоставлять хищную анархию «свободных лет» советским временам как упорядоченным и законным. Они были абсолютно беззаконными, на чем и держались — на «воле партии», на «исторической необходимости». За приверженность к законности, как известно, сажали и высылали (правозащитников). Во время освобождения это централизованное беззаконие было «приватизировано», вот и все. Его опять захотели обобществить. Ведь только человеку советского воспитания может импонировать хлесткая формула «диктатура закона». Диктатура — это, с римских времен, именно чрезвычайная ситуация, когда действие законов временно приостанавливается. А действуют законы только вне диктатуры. Ей-то они и противопоставлены, а не частной свободе. Законопослушный человек, отдающий кесарю кесарево, свободней, чем нарушитель. Мне всегда хотелось быть законопослушной (Веничка Ерофеев говорил, что у меня не описанный Фрейдом «комплекс послушной дочери»), но только не отдавать кесарю Божье. Нормальный, законный кесарь этого и не требует. Вы спросите: где я видела таких нормальных кесарей? Видеть не видела, но полагаю, что они есть. Или могут быть.

По моему впечатлению, в эти годы, когда свободное высказывание было возможно, как, может быть, никогда в русской истории, ничего по-настоящему хорошего почему-то публично не говорилось. Хорошего нового, уточню: хорошее старое (до того запрещенное или перевранное) издавалось, переводилось. В большой перспективе этот прорыв культурной блокады непременно скажется. Скажется и многое другое, что стало возможным только благодаря освобождению: хорошие частные школы, например, в которых растят совсем другого человека... Да много еще чего.

Нет, годы освобождения — не какой-то страшный провал, как любят изображать их наши левые. Но возможности — многие — упущены. Первая из них, по-моему, — окончательно освободиться от советского прошлого, вынеся о нем решительное суждение. Такого суждения, общего, не было вынесено, и близко к тому не подошло. Обдумывать собственное прошлое кончили сразу же после победы Августа, после смехотворного суда над компартией. Было ли это общее настроение — «не ворошить прошлого», не устраивать «охоты за ведьмами», как тогда говорили? Или кто-то «не позволил», то есть до полного освобождения от этого «кого-то» дело так и не дошло? Он только постоял в стороне, а теперь опять выходит на сцену. Если бы (что я уже сказала о виноватости) без всяких подобий Нюрнберга, без

всяких люстраций это прошлое было названо своим именем — преступное, может быть, иначе бы переносились и беды смутных времен. Может быть, те, чей привычный уровень благосостояния это разрушило, могли бы на минуту подумать: а может быть, это расплата? Надо же чем-то расплатиться за собственные дела. Мы грабили награбленное и передавали его по наследству, теперь и с нами так поступили... Мы всенародно осуждали Солженицына и Сахарова, а теперь ждем хорошей пенсии?

Вторая упущенная возможность — попытаться убедить нашего человека в благе законности. Это была бы действительно революционная перемена в нашей истории. Но, увы, сделать это убедительно можно лишь тогда, когда законы действительно не враждебны человеку, когда он не вынужден, просто чтобы выжить, нарушать наличную систему законов. Этого не произошло. Ни нового типа законности, ни нового отношения к законопослушности не возникло. Человек, обходящий законы (а такими сделан почти каждый житель нашей страны), абсолютно уязвим. Его всегда есть на чем поймать, и он это знает. Главной свободы — свободы чистой совести, сознания собственной невиновности — он лишен. То, что ловить будут тоже не по закону, а по понятию, кого сейчас *нужно,* — другой вопрос.

Вы можете спросить: а почему я говорю об этих освобожденных годах как сторонний наблюдатель, как будто меня здесь не было? Кто мне лично мешал сказать то, что я считаю нужным? Акустика, отвечу я. Это была такая акустика, что высказывания не только что мои, но куда более почтенных людей, к которым прислушивались «до освобождения» (как вышеупомянутый Аверинцев), были совершенно не слышны. Серьезное, внутреннее, глубокое вдруг стало совсем не актуально. Как будто у мыслящих людей отобрали микрофон, а в него стали болтать, захлебываясь, новые культуртрегеры, ди-джеи вроде Бориса Парамонова. Я никогда не чувствовала себя такой ненужной дома, как в эти вольные годы. Все, что мне интересно и дорого, было здесь ни к чему. Поэтому я охотно ездила всюду, куда приглашали. И за это, между прочим, спасибо освобождению! В самом деле, огромное спасибо.

В.В. Бибихин как-то — в самом начале 90-х — сказал у нас в МГУ, на кафедре мировой культуры: «Нам будет стыдно за то, как мы прожили эти годы». С.С. Аверинцев, подумав, сказал: «Наверное, Вы правы». Да, для ученых главной наукой этих лет стала грантология. Для самых знаменитых — гастрольный туризм по всему свету.

И вот этот не происшедший переворот в отношениях отдельного человека и всего общества с законностью сказывается теперь в обсуждении «прав человека». Ведь признание этих прав — это область юридическая прежде всего. Не моральная, не религиозная, не противопоставленная «ценностям» и морали. Правовая в строгом смысле. Видимо, реальных документов, в которых изложены права человека, никто из их критиков не читал. А воображение рисует им то «право», о котором кричит пьяный мужик, когда лупцует жену: «А имею право!» — или как говорил упомянутый критик: «Имеем право считать “Понтий” личным именем и употреблять с уменьшительным суффиксом, как у Айтматова: “Понтюша”!» Но такого права — права на невежество, так же, как права огреть кого захочется дубиной по голове (права, которое было у неандертальца, как говорит Солженицын), никакая хартия о правах

не предоставляет. Признание прав человека — это не отмена уголовного кодекса. И не отмена профессиональной дисциплины. Но обсуждают эти права так, как будто это отмена уголовного кодекса и разрешение каждому делать все, что заблагорассудится. А заблагорассудится ему, предполагается при этом, прежде всего «оторваться» и побезобразничать. Но права человека не об этом!

— А о чем права человека?

О достоинстве отдельной личности перед лицом в основном могучих безличных инстанций: о достоинстве, юридически закрепленном. О защите *слабейшей* стороны: ведь в такой конфронтации — с государственной властью, с какими-то другими институциями или установлениями — отдельный человек, несомненно, слабая сторона. Об этом у нас не думают! Кто рассудит подданного с властителем, если этот подданный лишен формально установленных прав? Скажем, в числе прав гражданина Объединенной Европы есть право на хорошее начальство. Это значит: тот, кто определяет общую работу, должен быть прозрачен в своих планах и подчиненный имеет право знать о них, поскольку это его лично касается. Человек имеет право, участвуя в общем деле, знать, куда это ведет и зачем это все затеяно. Разве это не справедливо, не естественно? Кому может не нравиться такое право? Отчаянному мизантропу, как Великий Инквизитор у Достоевского. Или тому, кому нужна полная свобода манипулировать другими. Им, конечно, удобнее «чудо, тайна и авторитет».

— С понятием о правах человека в России очень много проблем. Для того чтобы представление об этих правах утвердилось, нужна своего рода культурная революция.

С правами человека в их реальном исполнении везде много проблем. На наших глазах в последние годы «свободный мир» сдает их под угрозой терроризма. Кто поверил бы, что человек, уже столетия живущий с чувством гарантированной телесной неприкосновенности habeas corpus, в поле действия презумпции невиновности, позволит себя ощупывать, разувать и шмонать, как теперь в любом аэропорту мира? Там тоже начинается «чрезвычайка», «необходимость» (а что еще делать в такой ситуации?). Между безопасностью и свободой общество выбирает безопасность. Утешает, что не без сопротивления.

Но главное: признаются ли эти права по существу, как некоторый горизонт, как фундаментальное — sine qua non — основание современной цивилизации? Признаются ли они не только властями, но и самим населением? Я не вижу, чтобы у нас многие (в том числе, весьма просвещенные люди) эту реальность признавали и чтобы эти права их радовали. Например, конкретное право: на жизнь. Из него следует запрещение смертной казни. Меня это запрещение радует, но очень многих — совсем нет. Вы правы, здесь требуется не меньше, чем культурная — или, скорее, моральная, — революция, перемена какого-то самого общего самочувствия. От привычного у нас самочувствия человека в чрезвычайном положении (когда какие-то крайние обстоятельства — знаменитая марксистская «историческая необходимость» — вынуждают делать то, что «вообще-то» нехорошо, несправедливо, незакон-

но) пришлось бы перейти к другому самочувствию, где «вообще-то» и «в этих конкретных условиях» не так далеко расходятся. К самочувствию человека среди людей, прежде всего. А не, как пелось в поздней советской задушевной песне, «тонкого колоска в русском поле». А в другой, ранней романтике — гвоздя среди гвоздей («Гвозди бы делать из этих людей»).

У меня есть французское издание «Прав гражданина Объединенной Европы», откуда я и процитировала право подчиненного на хорошее начальство. В грустную минуту я люблю заглядывать в эту книжицу. Очень утешает — и поверьте, ничего похожего на право безобразничать там не содержится! Свобода насилия и преступления человеку отнюдь не гарантируется. Повторю: стоит познакомиться с этими правами, прежде чем ими возмущаться.

В наших обсуждениях права человека обыкновенно противопоставляют его обязанностям, а также ценностям, устоям. Но это просто другая область! Здесь, в формальных, юридических, повторю, документах речь идет, как я говорила, о защите слабой, подвластной стороны. Мы не встретим, например, такого положения: «Родители обязаны любить своих детей» или даже: «Родители обязаны не издеваться над своими детьми». Право будет изложено относительно страдательной стороны, то есть ребенка. А ценности и обязанности — это совершенно другое дело, иная область. Говорить, допустим, о патриотизме в сопоставлении с правами человека (выше он или ниже этих прав) нелепо, потому что эти вещи располагаются в разных пространствах, в разных ярусах действительности. Патриотизм — не юридическое лицо, как его защищать? В качестве личной позиции человека он защищен в ряду прав на свободу убеждений. Так что, если какая-то властная инстанция захочет запретить человеку быть патриотом, ей это возбраняется.

— Повышенное внимание к отдельному человеку многими воспринимается как разрушение целого. У нас, в постсоветский период, долгое время не было такого хорошо работающего целого, от которого надо защищать отдельного человека. Отсюда болезненная реакция на внедрение принципа прав и свобод человека, который представляется неуместным и вредным.

Мысль о ценности отдельного человека у нас всегда назвали бы не иначе как «повышенным вниманием» к нему (а какое внимание «в меру»?), поощрением «индивидуализма». «Индивидуализм» (как и «формализм», и «юридизм») принято считать западным качеством — и полагать, что у нас есть кое-что получше, «соборность» и «духовность». Когда я впервые побывала в Европе, меня удивил вовсе не индивидуализм, а совсем другое: вошедшее в кровь европейца чувство солидарности, которого у нас я просто не видела. На самом обыденном уровне. Я спрашивала в Англии: «Почему у вас не воруют телефонные книги в уличных автоматах?» (у нас в то время и трубки срезали). Мне удивленно отвечали: «Но ведь они кому-то потребуются! Этим кем-то следующий раз могу оказаться и я!» Я могла бы задавать такие вопросы на каждом шагу. Почему у вас не пытаются прорваться без очереди? И т.п. и т.п. Крайними индивидуалистами в сравнении с ними выглядим как раз мы, в чем я многократно убеждалась. Удивительно, что славянофилы XIX века замечали европейский индивидуализм — и не заметили той ставшей повседневной рутиной солидарности, на которой держится этот

мир, такой хрупкий на взгляд того, кто привык, что крепко все держится только страхом и насилием. Я не настаиваю на самом этом слове «солидарность», но имею в виду постоянное чувство соотнесенности твоего движения и волеизъявления с движениями других, как в ансамблевом музицировании. Но для этого нужно чувствовать, что мы исполняем общую музыку, и при этом сложную, требующую внимания. У нас как будто каждый — солист. Я видела как-то сцену, показавшуюся мне символической: два грузчика несли тяжелую вещь, и когда кто-то из них хотел передохнуть, он делал это, не предупреждая другого! Не держа внимания на другом и других, *вместе* можно только скандировать лозунги из трех — пяти слов. Сплоченно. У нас в советские годы было любимое слово для человеческого единства — «сплоченность». Когда теперь, в постсоветские годы, говорят «соборность», боюсь, имеют в виду ту самую «сплоченность». Это слово, этот образ вызывает у меня ужас, даже больше, чем слово «толпа». В «сплоченности» не предполагается личного внимания друг к другу, памяти о другом, участия, уважения. *Свободного*, добровольного единства свободного человека с другими, тоже свободными. Простейшее выражение единства такого рода — этикет, учтивость. «Сплоченные» люди друг с другом не церемонятся (помните, как у нас преследовались «буржуазные манеры»?), чего там — все свои. «Сплоченность» — опять «чрезвычайное», военное слово. Я думаю, что на самом деле противоположны друг другу не индивидуальность и общность, а такие формы единства, как «сплоченность» и солидарность.

Что касается традиционного отличия ценности одного отдельного человека, разной цены одной жизни, одного личного мнения на Востоке и на Западе, об этом столько говорилось, что добавить нечего. Мне удивительно одно. Когда язычник или «материалист» не стыдясь объявляет, что есть вещи и поважнее, чем человек, поскольку он фантом для первого и «винтик», или материал («человеческий материал»), или фактор («человеческий фактор») для второго, это, пожалуй, естественно. Но когда такого мнения придерживаются те, кто считают себя христианами, вот это уже необъяснимо. Допустим, мы Восток — но христианский Восток. Или нет? Я думаю, что принцип прав человека направлен против идолов. Он неприемлем для идолопоклонников.

Но в таком масштабе, в такой полноте признание прав каждого человека независимо от его... (не буду перечислять, чего) — это новое дело и для Западной Европы. Вероятно, это плоды страшного опыта XX века, опыта тоталитаризма (в нацистской форме прежде всего насчет коммунизма и в Европе не достигнут консенсус), опыта крайнего надругательство над отдельным человеком.

Об этом (о том, что любой человек бесконечно ценен) говорили веками — но от того, что можно назвать «мыслями прекрасных людей» (так, русские писатели всегда выступали против смертной казни), до общепринятых юридических установлений — огромная дистанция. Как от мыслей Диккенса об ужасе детской эксплуатации и работных домов до реального упразднения этих явлений в Англии.

Мне кажется, что всеобщим, обыденным, юридическим это восприятие человека стало довольно поздно, после Второй мировой войны, когда разрушилась сословная система. Например, в Италии, как мне рассказывали,

разрушение традиционного общества произошло только после войны. И сопровождалось шоком. В послевоенные годы благородная синьора ужасалась тому, что ее дочь и дочь ее кухарки учатся в одной школе и одеваются одним образом. Похоже, что окончательная демократизация Европы на публичном уровне произошла тогда...

— Но одновременно на Западе совершалась культурная революция. Происходила так называемая сексуальная революция, и в то же время в Америке шли «культурные войны» по поводу как раз нравственных ценностей. Усиливался конфликт между либералами и консерваторами, и последние считали, что в совершающемся раскрепощении всего и вся виновата излишняя свобода.

Да, и много других революций: потребительская, информационная... Итальянский дипломат и писатель Серджо Романо назвал свой очерк о советской жизни в ранние горбачевские годы: «Страна без революций». Смешно, правда? Мы-то считали «дореволюционным» весь мир за границами «социалистического лагеря». Романо имел в виду именно эти революции, глубоко изменившие западную цивилизацию. И конечно, у них очень разные и отнюдь не всех радующие последствия. И мы после открытия железного занавеса увидели совсем не тот Запад, какой представляли, не «страну святых чудес». Представляли мы Запад «дореволюционный». Пореволюционный — так называемое «терапевтическое» или пермессивное (позволяющее) общество — многих (и меня отчасти, признаюсь) огорчил. Но это другая, отдельная тема. Наша проблема с неожиданной свободой, скорее, другая. Она в том, что люди увидели высвобождение плохого и низменного — и не увидели (или очень мало увидели) явления того хорошего, что было прежде запрещено. Ведь, если вспомнить, разве по сексуальной свободе мы тосковали в брежневское время? Да нет, ее (как и коррупции, и воровства), между прочим, и тогда хватало. Что это за миф о высокой нравственности советских лет? Мы (я имею в виду людей моего круга) тосковали по исторической правде, по высокому искусству, по сложной мысли, по содержательному обсуждению... По свободе от фельдфебеля в роли Вольтера. И в самом деле: фельдфебели удалились, пытка «передовой идеологией» кончилась. И на том спасибо! Я не смела надеяться, что это произойдет при моей жизни. Но на освобожденном пространстве развернулись не высокая мысль и великолепное искусство, а какие-то новые формы тривиальности и посредственности. Теперь еще и теоретически обоснованные: ведь демократия — это царство посредственности и прозы, важно говорили властители дум; вот гений, идеалист — они тоталитарны. Кажется, мы хотели каких-то других свобод...

— Что значит «других свобод»? Разве не из одного источника происходит и доброе, и худое, если этим источником считать свободу? Может быть, правильнее говорить о конфликте ценностей в ситуации свободы, о том, что уже нет общих норм и свобода позволяет выбирать любые возможные представления о том, что можно и что нельзя делать?

«Любые возможные» — сомневаюсь! Это у лесковских нигилистов они любые. Например, что можно варить чужой скелет. Теперь, правда, есть эксцессы почище: художественные поделки из трупов. Конфликты ценностей,

отсутствие иерархии, условность морали... Вот это у нас и твердили «либералы» все эти годы — как о нашем светлом будущем.

В самом деле, кризис норм в современной цивилизации постоянно обсуждается. Но без малейшего самодовольства, отнюдь не как наше светлое настоящее, наоборот. Это область тревоги. Первыми, и уже давно, эту тревогу огласили христианские мыслители — Честертон, Бернанос... Но, стоит заметить, даже этот кризис пока не дошел до свободы людоедства. Не стоит преувеличивать. Такие крайности допускаются только в области «эстетической». Для того эта область и существует, чтобы не подлежать суду здравого смысла. Кто этого не понимает — тот не культурен, так предполагается. Скажем, кусать незнакомых людей не похвально, с этим все согласятся, даже учитывая исторический релятивизм норм. Но художнику (нашему О. Кулику) на его «акции» это можно. Это его художественная находка. Это принесет славу, успех, и деньги за это заплатят. Искусствоведы откомментируют. Можно повторять этот номер на бис: покусать посетителя вернисажа в Стокгольме, в Берлине, в Торонто... Роль, отведенная искусству в этом кризисе норм, мне очень не нравится. Правда, а что такое искусство? Мы уже не обладаем самым минимальным определением границ искусства. В эпоху школ и обязательных ремесленных требований художник должен был доказать, что он профессионально пригоден. Теперь нет такого необсуждаемого умения, относительно которого сдается экзамен. Это говорит только о том, что искусство не слишком существенно для современности. Представьте, чтобы действительно общественно необходимые вещи — например, выпечка хлеба — оказались в таком плюралистическом пространстве. Хочет пекарь, печет хлеб из муки, а хочет — из глины. Или обувщик. Может производить хорошую обувь — а можно дрянную, за ту же цену. Какие еще каноны! Актуальное эстетическое действие сводится к провокации и скандалу: разрушить очередной «предрассудок», еще что-нибудь обличить и деструктировать (простейшим образом, не по Хайдеггеру, а с помощью топора). Здесь уже хочется повесить табличку: «Осторожно, искусство!» Этот эстетический терроризм похож на месть за собственное бессилие. Честно сказать, и обсуждать этого не хочется. Со злом не нужно спорить, говорил Бродский, наше внимание придает ему ту реальность, к которой оно стремится. Зло хочет привлечь к себе внимание и тем самым как-то «быть». Так что лучшее ему возражение — просто не поддаваться на провокацию, оставить ее без внимания. Кусайтесь себе на вернисажах, варите скелеты, а нам есть чем заняться. Поглядим альбом офортов Рембрандта или рисунков Клее.

— Разве не существует представления о некоем континууме искусства — от древности, через последующие эпохи вплоть до сего дня? Так что и так называемое современное или актуальное искусство вписано в этот ряд?

Нет, то, что называет себя «актуальным искусством», сознательно отрезает себя от этой истории. Здесь разрыв континуума. Актуальные выставки даже размещают в отдельных зданиях. Существует обычно музей вообще — и музей современного искусства. А еще существует и «смерть музея». Смерть жанра, смерть автора, смерть дискурса, смерть новизны... Честное слово, скучно об этом говорить. Граница проходит где-то около классического

авангарда. Дальше все — «пост». Это не мнение критика. Так себя позиционируют сами актуальные артисты.

— Если коснуться темы свободы в художественном творчестве, то здесь, как кажется, есть две главные позиции. «Либералы» говорят, что любой канон закрепощает, «консерваторы» — что внутри канона достаточно свободы. Есть ли свобода или освобождение в отказе от канона?

Канон может делать и то, и другое — и закрепощать, и вдохновлять. Кто на что способен. И у кого какие потребности в свободе. Некоторым кажется, что и традиция умываться закрепощает. Кроме позитивно определенного канона есть еще некоторые договоренности, неформальные идеологии, которые закрепощают сильнее, чем ремесленные правила. Актуальное искусство крайне несвободно, куда больше, чем те, кто работали «по прорисям». Актуальный художник — раб идеологии «современного»: идеологии, а не реальности. Есть множество вещей, которых «современный» автор заведомо не может делать, иначе он будет «неактуальным»; он оказался в крайне узком поле поиска. Он смертельно боится не попасть в «современность». Какая уж там свобода! Он слова в простоте не может сказать. Но в этой несвободе ему так же привычно, как советскому человеку при режиме.

Лет десять назад в Италии мне пришлось встретиться с одним старым монахом-францисканцем, который живо меня расспрашивал о том, что происходит в России. Я сказала, что мне кажется, что к добру дело не идет, потому что люди у нас очень боятся свободы и ищут, кому бы эту свою свободу отдать. На что он мне сказал: «Это не только в России, это во всем мире. Человек боится свободы, и нужно признать, что бессознательно он поступает мудро, боясь ее. Потому что свобода заставит его встретиться с самим собой, а это нелегкая вещь. И, кроме того, на свободе в нем начнет действовать — чего он в сознательном поле может не знать, но что, видимо, знает сама его природа — ничем не сдерживаемая воля к власти, самый тяжкий грех. А отдав свободу, он по крайней мере от этого греха остается в стороне». Я с удивлением спросила: «Вы думаете, *каждому* так уж нужна эта власть? Вот мне, клянусь, — упаси Боже!» Он улыбнулся: «Вы — художник, а художникам, людям с прирожденными дарами, власть обыкновенно не нужна, ведь власть — это замена даров...» Не буду обсуждать дары, но мне в самом деле власть всегда представлялась пугающей обузой, опасной и лишней ответственностью. Вероятно, это не очень хорошо. Но я повторяю строки Хлебникова:

Вот почему никогда, никогда
Я не буду правителем!

Еще вопрос, насколько человек свободен в так называемом «свободном мире»...

— В чем несвободен человек в «свободном мире»?

В каких-то отношениях он, конечно, несравненно свободнее, чем при тираниях, особенно идеологически обоснованных тираниях. В политическом, гражданском отношении ему предоставлены как будто все возможности личной, внутренней свободы. Но может ли он ими воспользоваться?

Естественно, он скован экономической необходимостью. Она в своем роде не легче идеологии, только что морально оправданнее. Но, мне кажется, даже не это главное. Свобода по-настоящему реализуется не в пользовании предоставленными тебе правами, а там, где о правах не ведется речи: в неоговоренной, *новой* ситуации, где каждый решает на собственный страх и риск. И здесь, как мне кажется, в нашей, никогда не знавшей гражданских свобод, стране потенциал свободы, как ни странно, больше. Вы помните, Мандельштам в статье о Чаадаеве писал о «даре нравственной свободы» как особом даре России, ее религиозном даре, который стоит созидательного и исторического дара Запада: «...туда, где все — необходимость, где каждый камень, покрытый патиной времени, дремлет, замурованный в своде, Чаадаев принес нравственную свободу, дар русской земли, лучший цветок, ею взращенный» («Петр Чаадаев», 1914). Я как-то выступала с лекцией в Венском университете, и глава факультета германистики после этой цитаты вскричал: «Это черный юмор! Россия, тюрьма народов, принесет нам свободу!» Я пыталась успокоить его: другую свободу. Не удалось.

Что значит эта «нравственная свобода»? Трудно описать, но легко почувствовать. А надо бы попытаться описать, надо бы, вопреки Тютчеву, «умом понять»... Это свобода остаться наедине с последними вещами, рядом с которыми многое, многое становится совсем несущественно. Почему-то здесь, в России, я чувствую, путь к ней короче. Может быть, последние вещи ближе расположены, как Рильке замечал.

Человеку, выросшему у нас, в условиях политической несвободы, мало известно другое закабаление — диктат общественного мнения, принятых стандартов, того, что описывали экзистенциалисты. Это безличное общее мнение («что люди скажут», по-русски) интериоризируется и изнутри распоряжается человеком. Это внутренний цензор другого рода, чем наш государственно-идеологический. Моя итальянская подруга в старое время мне говорила: «Ты не можешь оценить, какая у вас в определенных отношениях свобода: к тебе в гости приходит Лотман, и ты наливаешь ему чай в треснутую чашку... У нас, если ты хочешь поддерживать такие высокие связи, ты должен их обставить соответствующим образом: у тебя должен быть сервиз, подобающее угощение, а для этого нужно зарабатывать и зарабатывать...» Впрочем, она заметила, что и нам не избежать в дальнейшем тех же стандартов. И я отнюдь не против них — и не за плохую посуду как знак «духовности». Просто у нас остается (еще остается?) возможность отстраниться от этих стандартов, не держать их за последнюю реальность.

Я не хочу здесь изображать конкуренцию нашей свободы с западной, просто это ее разные зоны. Для человека, выросшего в России, даже в советской России, почему-то легче оказаться визави с простейшими ценностями и смыслами, не задумываясь о том, как это оценивают другие и что это значит в истории. Вы скажете: это другая сторона нигилизма? Да, это то, на чем нигилизм успокаивается. Здесь люди могут позволить себе встретиться как два человека на голой земле перед лицом небес. Чего всегда искало искусство.

— Поэтому и возникают жесткие политические режимы — когда в пустыню к таким «натуральным» людям приходит политическая власть!

Да, возможно, эти вещи между собой связаны. Но повторю: мы хорошо знаем, что такое государственный террор, но мы не так хорошо знаем, что такое деспотизм общественного мнения, «супер-эго». Это тоже не сахар! Теперь мы, кажется, начинаем это узнавать. Если я публично заявлю, что ничего интересного не нахожу в «Элементарных частицах», то чувствую, что совершаю поступок: могут причесть к реакционерам! «С моей ханжеской точки зрения», как начинал в таких случаях Аверинцев.

— А разве людям так называемых свободных профессий общество не позволяет быть другими?

Вы имеете в виду богему? Да, но это выбор социальной роли, весьма определенной. Можно и вообще покинуть общество и жить в глуши, как поэт Филипп Жакоте в своем Гриньяне. Но я не об этом. Позволяют ли они, люди свободных профессий, сами себе быть другими? Быть бунтарем и нарушителем общественных приличий, например, теперь не значит «быть другим», как во времена Бодлера. Теперь за это сразу же премию дадут. Появился даже такой термин: «потребление критики», «потребление дискомфорта». В этом смысле Жакоте — больше «другой», чем Уэльбек. Теперь больше мужества требуется, чтобы решиться писать о чем-нибудь милом, чем о самых гнусных патологиях. Мой друг немецкий поэт Вальтер Тюмлер (он переводил мои стихи) однажды предложил тост: «За вашу смелость!» Я удивилась: в чем она? «Вы не боитесь писать добрые вещи». — «Тогда выпьем за мою доброту!» — предложила я. «Ну нет, доброты у вас не так уж много, у нас, наверное, и побольше — но мы боимся о ней говорить!» Чего боятся? Современности.

— Если обратиться к самому существу свободы как выбора, то оказывается, что свобода, как таковая, то есть сама возможность направлять волю в ту или другую сторону, действовать непринужденно и т.п., — сама свобода внутренне бессодержательна, так сказать, пуста. Это инструмент, способ, модус. Проявление свободы — событийно, но содержательное наполнение этого события само по себе свободой не является. Это, конечно, чисто теоретическое рассуждение.

Вы знаете, для меня «само существо свободы» никак не выбор и не содержательная пустота. В непосредственное переживание свободы входит как раз чувство совершенного отсутствия выбора (как у Мандельштама: «Я здесь стою и не могу иначе») и чувство удивительной — хотя и беспредметной — полноты. Мы с вами до сих пор обсуждаем *возможности* осуществления свободы, но не ее реальность, не ее опытное переживание. Мне интересно прежде всего это. Прежде всего — но не в противопоставлении гражданским свободам. Для меня свобода связана с самым высоким наслаждением, с такими вещами, как праздник, радость, жизнь, родина, покой и многое другое — переживаю ли я сама это состояние или нахожу его в другом. Какое счастье видеть свободного человека — каждого ребенка до четырех лет, например. Но особенно это присутствие свободы восхищает во взрослом, потому что это почти чудо. Прежде всего, я нахожу присутствие свободы в искусстве. Знак состоявшейся свободы — красота, по-

тому что несвободной красоты не бывает. Где примешано рабство, корысть, страх, там красоты не образуется. Когда в действительности переживаешь, как вы сказали, событие свободы, то это прежде всего свобода от страха. Нечего бояться и не о чем заботиться. Нечего скрывать и нечего выказывать. «Тишина свободы», по слову Марии Петровых:

Не шум дежурной оды,
Газетной болтовни,
Лишь тишина свободы
Прославит наши дни.

Однажды во Франции я участвовала в публичной беседе, в связи с выходом французского перевода моей прозы, «Путешествие в Тарту». Ведущая беседу — во Франции есть замечательные журналисты по культуре, которые заставляют своего собеседника думать и говорить вещи, новые для него самого, — вот такая тележурналистка попросила меня прокомментировать один совсем неприметный абзац из этой прозы. Это замечание a propos в связи со странным свойством Пушкина оставлять вещи незаконченными — иногда не подобрав одного-единственного слова и оставив пробел на его месте. «Вот что в конце концов я назову свободой: возможность предпочесть чистоту всему прочему. Не поставить никакого эпитета, если единственно правильный не приходит на ум».

И моя собеседница проницательно спросила: «Не затронута ли здесь главная для вас тема?» И благодаря ее вопросу, я поняла, что, вероятно, именно так и есть. Что, вероятно, главная тема всего, что я делаю — и в прозе, и в стихах, и даже в филологических работах, — это, скорее всего, свобода. Свобода именно в том смысле, как описано выше. Возможность предпочесть чистоту. Имеется в виду при этом не «сохранение» чистоты, а ее приобретение.

По моим наблюдениям, свобода делать хорошее в нашем мире (я имею в виду не постсоветский, а вообще наш мир) затруднена гораздо больше, чем свобода делать плохое. И только духовное основание может дать тебе возможность осмелиться быть свободным в этом смысле. Не боясь нарушить приличия (так не принято!), быть неправильно понятым, смешным, кого-то задеть.

Я не думаю, что эта привязанность к свободе — какое-то мое особое персональное свойство. Это общая традиция нашей поэзии — от Пушкина, прежде всего. Но не только. И связанная не только с его «тайной свободой», которую так часто поминают и, как правило, неверно понимают: слово «тайный» в его языке значит не «потаенный», «секретный», а как в церковнославянском — «таинственный» (Музу он называет «девой тайной»). У Пушкина есть стихи об обычае отпускать птицу на Благовещенье — с удивительной «моралью», самой своеобразной теодицеей, какую я встречала:

Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

Творческое задание и мыслительное задание исполняются тогда, когда это дарует человеку свободу. И возможность даровать свободу — конечно,

сама по себе дар. Может, кто и хотел бы «отпустить на волю свои крепостные вымыслы» (опять из Пушкина) — да попробуй это сделай. Пушкинская тема свободы, дарующей свободу, стала наследством всей русской поэзии, вплоть до Марии Петровых, чью строфу я вспомнила выше, вплоть до Бродского, которому свобода «всего милей, конца, начала»... Действительно, свобода, которая *всего милее*.

Эту внутреннюю свободу часто противопоставляют внешней: есть рассказы о том, как ее переживают в крайне стесненных условиях: в тюрьме, перед казнью. Но мне кажется, слишком простое противопоставление здесь не годится.

Однажды мы с моим другом пианистом были в гостях у старого Марка Рейзена, великого певца, которому в сталинские годы выпало побывать и в большом фаворе у «кремлевского горца», и в тяжелой опале (после его гениального «Годунова», который был истолкован как политический намек). Рейзен ставил нам свои старые записи, и пианист ему сказал: «Но ведь вы пели лучше, чем Шаляпин!» Рейзен на это горько ответил: «Зачем вы сравниваете меня, раба, со свободным человеком Шаляпиным? Шаляпин, если ему нужно было, мог разорвать занавес или потребовать сменить дирижера. А я после каждого спектакля в Большом театре дрожал, прислушиваясь к машинам: не за мной ли приехали? Вы думаете, что это не перешло в само звучание голоса?» Мне, честно сказать, этого совсем не было слышно. Был слышен великий и мудрый (мудрее Шаляпина) артист. Но сам он, Марк Осипович, знал.

Для меня удавшееся искусство — это знак удавшейся свободы, личной свободы автора, которая несет в себе освобождающее начало для других. Радость, когда мы слушаем Моцарта: наконец-то голос человека, который *совсем* свободен! И прав. Вычеркнутая строфа Мандельштама:

Не прелюды он и не вальсы
И не Листа листал листы,
В нем росли и переливались
Волны внутренней правоты

(интересно, тот же образ правоты появляется у Пастернака в связи с концертом того же Г.Нейгауза:

Опять Шопен не ищет выгод,
Но, окрыляясь на лету,
Один прокладывает выход
Из вероятья в правоту).

— То есть искусство как бы перестраивает воспринимающего и сообщает ему свободу?

Да. Оказывается, что быть самим собой в данном случае, в случае вдохновения, — вопреки мнению францисканца, не так страшно; это не значит, что ты погрузишься в какие-то фрейдовские погреба. Наоборот, ты поднимешься туда, куда тебе на самом деле всегда хотелось. К «внутренней правоте», «из вероятья в правоту». Я думаю, что человеку хорошо именно там, где он хорош. Быть свободным — это быть хорошим, как бы смешно это ни

звучало и как бы об этом ни рассуждало общество или государство. У нас есть для этого внутренний судья.

— В случае с Шаляпиным свобода порождает некоторые права, а не наоборот — когда права дают свободу?

Права, конечно, свободы не дают; они ее охраняют или расширяют возможность ее достичь. Но реальность достижения — это всегда личное дело.

— Но это вообще вне политических аспектов свободы и нравственного выбора между заданными возможностями...

Нет, никак не вне. Этот дар, этот опыт внутренней свободы с «чувством внутренней правоты» отнимается, когда человек идет на слишком явные компромиссы с внешними требованиями, входит в сговор с врагами свободы. Он может продолжать говорить верные вещи, но у его высказываний отнимается убедительность.

Свобода — радостная вещь, и если она дана человеку, ее уже ничто не отнимет. Этим она напоминает мне ту радость, о которой обещано, что «радости вашей никто не отнимет». Только ты сам у себя ее можешь отнять — тем, например, что вступишь в союз с насилием, поверишь в «необходимость» зла в данном случае. И поскольку мы живем в условиях «мира сего», неизбежно возникают ситуации выбора, политического в том числе. Но свобода не в самом выборе, а в том, что после неправильного предпочтения этот дар, дар свободы, нас покидает.

— То есть дело в самопорабощении. Одни бегут от свободы...

Те, кто бегут, не ждут добра от свободы. И трудно этого добра ждать, если прежде не попробовал.

— Получается, что это удел избранных. Малое, избранное, одаренное меньшинство, у которого есть внутренняя интуиция свободы А средний человек обречен быть вне этого опыта.

Я люблю христианство, в частности, потому, что в нем нет деления на избранных и неизбранных. Предполагается, что этот дар дается каждому человеку. Другое дело, примет ли он его — или посчитает, что это менее значительно, чем что-то другое, и променяет на это другое.

— Это зависит и от того, как ему истолковывают христианство и место свободы в христианстве...

Однажды, когда я в Пасху оказалась в Иерусалиме, израильский писатель Йозеф бар-Йозеф спросил меня: «Мы на Пасху празднуем освобождение из Египта. А вы, христиане, какое освобождение празднуете, если это тоже Пасха?» Я говорю: «От мира сего, от смерти, от греха...» Он с интересом посмотрел на меня: «Да? И вы правда уже оттуда вышли?» Сильный вопрос, да? «Настоящие христиане, святые — да, а мы... ну кто как может...» — что-то такое мне пришлось ему ответить. Но благая весть христианства — весть о свободе, об освобождающей Истине, о том, что мы выкуплены (искуплены) на свободу из плена.

Свобода — та́инственная категория.

— Слушая то, как вы описываете свободу, можно подумать, что речь о чем-то другом. Потому что можно говорить о чистоте, празднике, радости — и вообще обойтись без слова «свобода».

Нет, обойтись нельзя, потому что без свободы ничего этого просто не будет. Можно подыскать и другие слова: например, бессмертие — стоит только задуматься. Но первое название того состояния, о котором я говорила, это как раз свобода.

— Тогда что же такое несвобода?

Отчуждение от самого «своего» по разным причинам, внешним и внутренним. Страх, выгода, забота. Забота уводит от свободы. Как в Херувимской поется: «Всякое ныне житейское отложим попечение». Что не значит, конечно, что требуется всегда ни о чем не заботиться («*всякое* попечение»). Но в какой-то важнейший момент — «*ныне*» — нужно суметь перестать беспокоиться. Хотя собственными силами этой беспечности («беспечалия», по-славянски) не достичь. Это божественный дар. От нас требуется только довериться ему — и не верить пословице «На Бога надейся, а сам не плошай». Плошай, хоть иногда.

— Получается, что освобождение, обретение нового качества — это связано с каким-то трансцензусом: «переступание» обыденности, попечений, природной данности...

Да. После вспышек такой свободы мы оказываемся в том же мире и так же выполняем все те же обязательства, но опыт свободы остается. И поэтому все уже как-то изменено...

— Классическое христианское: в мире, но не от мира, в свободе от мира. Свободное пространство возникает, когда есть что-то большее, чем данность. Это опыт большего, чем данность — отсюда и новое качество?

Да. А этот мир, от которого свобода освобождает, обширнее, чем политический режим, и общественное мнение, и собственная природа. Так что напрямую связать эту свободу с правами человека трудновато. Но определенная связь есть: человек, которому знаком опыт свободы, никогда не полюбит бесправие, насилие, не захочет его применять к другим и относительно другого инстинктивно выберет то решение, которое назовут, наверное, либеральным.

— Имеется в виду насилие в широком смысле — как навязывание, втискивание в обязательные рамки?

Да, потому что вынужденного результата просто не нужно: все, чего добиваются насилием, не настоящее, оно не устоит. Это и Аристотель знал: «Нельзя приказать быть мужественным». Можно приказать поступить так, как поступил бы здесь мужественный человек. Но, конечно, наша жизнь состоит не только из совсем настоящих вещей. Настоящих совсем мало.

— И поэтому главное — быть собой и стоять на своих ногах.

Но интересно, что быть собой (скорее: стать собой) можно только не своими силами. И если бы на своих ногах нужно было стоять на твердой почве! А то ведь — не иначе как на воде.

— Эти речи только убеждают, что ценность свободы не укоренится в этом мире, на уровне обыденности, рядом с приземленными аспектами жизни. Получается, что свобода — это возвышенное. И освободиться можно, только переступив границу этого мира...

Не укоренится — но и не перестанет посещать. Как ученица Аверинцева, я не люблю такие простые дуализмы: если не рай — то ад. Наш мир ни то и ни другое, и лучше, когда в смертном больше бессмертного, то есть свободного. Целиком бессмертного, как мы знаем, здесь не бывает, но это не значит, что в таком случае пропадай все пропадом, пускай тогда все будет радикально тленным. Тогда самым правильным образом мира сего будет концлагерь. Вот в нем и переживайте вашу тайную свободу, благо это возможно. Но я так никогда не скажу. Это образ ада, а не нашего, как ностальгически вспоминают у Данте обитатели ада, сладостного мира, где светит солнце и можно различать семь цветов.

— Но есть и свобода именно как инструмент общественного устройства — один из инструментов. Таковым и стал в определенных исторических обстоятельствах принцип прав и свобод человека. И чтобы от ситуации «лагеря» перейти к ситуации «свободного общества», этот принцип должен как-то начать работать в самой ткани межчеловеческих отношений. Но у нас он не работает и даже порой воспринимается как бóльшая опасность, чем «лагерь».

Я давно думаю, что есть некое фундаментальное, неполитическое — можно сказать, мистическое — обоснование того, что в России мы всегда меньше хотим политических свобод, организованного свободного общества, чем в Западной Европе. Мы больше, чем они, убеждены в том, что «мир во зле лежит» и сами мы во зле лежим. Чересчур убеждены. Как мой деревенский сосед говорит: «Бить нас надо, иначе добра от нас не дождешься!» Вы представляете себе европейского крестьянина восьмидесяти лет, который скажет: «Бить нас надо!»? Мне в этом видится своего рода манихейство, глубокое недоверие к доброкачественности мира и человека, которому нельзя давать свободу, потому что он слишком плохой. Утрачено чувство, что и в человеке, и в мире есть благость. Что в усилии что-то исправить, на что-то понадеяться есть какой-то смысл. Что не все фатально. И люди, с которыми с детства так обращаются, как будто подтверждают верность этого метода, этой великой презумпции всеобщей виновности: в самом деле, таким свободу давать нельзя. Как вырваться из этого замкнутого круга? В рабстве свободе не научишься — а дать поучиться свободе на свободе слишком рискованно. Откуда начинать? Я бы предпочла — с риска. Я бы не сомневаясь предпочла продолжение свободы, даже такой неприглядной, как получилось у нас, новому упорядочиванию по вертикали. Но избиратель так не думает.

— На Западе все это вызревало постепенно и утверждалось тогда, когда еще существовал некий моральный консенсус. Но затем появились проблемы: ценностный плюрализм, конфликт приоритетов, образов жизни, вер, религий... И сам консенсус стал искомым, задачей для социальной этики.

Согласна, и наша встреча с западным обществом произошла не в самое счастливое время, когда и там все в кризисном состоянии. Мы действитель-

но переживаем переход к планетарной цивилизации и к такой широте горизонта общежития, какой человек прежде не представлял.

Что касается этического консенсуса в полиэтническом, полирелигиозном мире, мне кажется, был человек в XX веке, который отыскал ключ или ход к такому решению. Это Альберт Швейцер с его мыслью о «благоговении (Ehrfurcht) перед жизнью». Это тот минимум — как бы сказать? — естественного, универсального, неформального благочестия, который не лишает организацию человеческого общества секулярного характера. «Благоговению перед жизнью» не нужен организованный культ и жрецы, не нужна какая-то разработанная доктрина. Это отношение универсально — и, с другой стороны, совершенно интимно. Мне представляется, что швейцеровский принцип — как этический минимум — очень практичен: исходя из него можно оценивать многие проекты цивилизации. Например, клонирование.

— Но сейчас такой высокий гуманизм — это ушедшее в прошлое сознание, он вряд ли может реально работать. Абстрактно все люди равны по природе. На практике же они, скорее, ищут возможности проводить демаркации и определять себя через другого, но не мирно и в творческом соработничестве, а через противопоставление... Позиция Швейцера не может стать консенсусом.

Но никто еще и не попробовал! Я не думаю, что такие интуиции уходят в прошлое. Она, как все великие вещи, в будущем. Но о будущем почему-то теперь меньше всего думают. И прежде всего — современное искусство о нем не думает. Ему комфортнее жить на пороге конца света, ввиду какой-то финальной катастрофы. А ведь искусству принадлежит важнейшая роль и в судьбе Швейцера, и в находке этой ключевой формулы. Сам Швейцер, когда ему вручали премию за его труды с африканскими прокаженными, сказал, что все, что он сделал, меньше реализации содержания одной музыкальной фразы Баха или строки Гете. Вот как можно понимать энергию искусства и ее практический эквивалент. Но новейшее искусство как будто сговорилось делать противоположное, производить своего рода антиэнергию разрушения жизни.

— Есть слова Гете: «Истина давно обретена и соединила высокую общину духовных умов. Ее ищи себе усвоить, эту старую истину» (Аверинцев цитирует их в связи с Вяч. Ивановым). Но и эта интуиция, кажется, тоже не работает — противоречит основным напряжениям и динамике эпохи.

Я тоже люблю эти строки, хотя и по-другому бы их перевела: «Крепко держись ее, этой старой истины!» Я не возьмусь обобщать, в чем состоит динамика нашей эпохи. И кто в ней участвует. Иоанн Павел II участвует? А он был другом «этой старой истины» — и страстным полемистом с многими характерными интенциями эпохи. Он назвал господствующую цивилизацию «цивилизацией страха и смерти». Есть обширное движение, вероятно, мейнстрим, идущий против всего, что хоть как-то относится к «этой старой истине», к идее «связи высоких умов». Но есть и сопротивление этому мейнстриму, и не только в лице церковных движений. Я встречаю в разных

странах разных людей, одиноких или соединенных в разные кружки и союзы (вроде клуба друзей Гельдерлина), которые не принимают общей спекуляции на понижение. Такие люди никуда не делись. Только голоса их в публичной сфере почти не слышно. Они вытеснены на обочины культуры.

— *Они не востребованы?*

Востребованность — это вовсе не данность, не реальный спрос реальных людей, наших современников. Когда у нас показывали по телевидению беседы с Лотманом, я слышала отзывы многих людей, о которых бы я никогда не подумала, что им такое интересно. И как они были рады! И обычно прибавляли: «Если бы такое чаще показывали!» Кто спросил их, что ими востребовано? Так называемая востребованность организуется, и весьма целенаправленно. Организаторы востребованности исходят из собственной модели спроса «современного человека». Например, на радио «Орфей» в настоящее время проходит перестройка: новое руководство уверенно заявляет, что «современный человек» не может слушать серьезную музыку больше пяти минут. На эту его возможность и следует ориентироваться. Реальные письма слушателей, не согласных с этим, при этом ничего не значат. Вот вам и востребованность. Не так грубо, но в целом в ту же сторону движется публичная культура Европы — к превращению всей гуманитарии в индустрию развлечений. Кто, почему загоняет человека в душевное ничтожество — невозможно понять. Дух времени? Но сопротивления такой «динамике современности» очень мало. Ее предлагают принять как фатум, как историческую необходимость. В историческую необходимость я не верю, это божество из другого пантеона. Я хочу свободы в этой «современности». Подчеркну — в этой, а не от этой.

МЕЖДУ ЛЮБОВЬЮ И НЕНАВИСТЬЮ

Философская, социологическая и политологическая мысль в русской периодике второго квартала 2006 г.

В философской периодике квартала выделяются работы известного литературоведа и культуролога **Михаила Эпштейна**.

В эссе **«К философии возраста. Фрактальность жизни и периодическая таблица возрастов»** («Звезда», № 4) Эпштейн излагает свою антропологическую концепцию. За основу он берет математическое понятие *фрактала**. Важнейшее свойство фрактала — *самоподобие*. Эпштейн берется рассмотреть фрактальное устройство человеческой жизни и исходит из пятичленной схемы: детство, отрочество, молодость, зрелость и старость. Каждый из пяти возрастов, соответственно, отражает пятичленное устройство целого. Так, в детстве, например, как отдельные фазы различаются: детство детства, отрочество детства, молодость детства, зрелость детства, старость детства. То же касается и прочих возрастов. Возрасты не только сменяются, но порой соприсутствуют, в каждый момент жизни человек состоит из всех своих возрастов. И такая многослойная (фрактальная) структура личности *«отзывается на фрактальную структуру мироздания и может сама отозваться в нем»*. Однако находиться в резонансе с мирозданием способен не всякий человек, а лишь *многовозрастный* (или даже *всевозрастный*). Такого человека Эпштейн противопоставляет *одновозрастным* людям. Всевозрастность — это полнота человеческой жизни, но внешне она не всегда ясно выражена. Открывает ее любовь. *«По сути,* — пишет Эпштейн, — *любовь есть особый дар раскрывать в человеке его многовозрастность»*. Когда люди любят друг друга, в каждом из них *«приоткрывается множество возрастов, и все они начинают сцепляться и играть с возрастами любимого <...> И все эти нити разновозрастных отношений сплетаются в тугой узел душевно-телесной близости, который оттого так трудно разорвать, что он состоит из множества дополняющих и укрепляющих друг друга возрастных союзов»*. Великий человек — это тот, кто живет по законам «любимости», *«в увеличительном стекле любовного к себе отношения: столь же свободный, искрящийся, неиссякаемый, каким его видит и знает любовь»*. Правда, любовь обычно преображает любящих в глазах друг друга, но редко в глазах окружающих. Поэтому велики не все и многовозрастность предстает лишь как дар отдельных личностей.

Любви посвящены и две другие публикации **Эпштейна**, представляющие собой дальнейшую разработку особой дисциплины — *эротологии*. Разработкой эротологии Эпштейн стремится противостоять характерной тенденции нашего времени: любовное вытесняется сексуальным. Эротология,

* «Фрактал» (от *лат.* frangere — ломать, разбивать на части) — неправильная геометрическая форма, состоящая из подобных же форм меньшего размера, которые в свою очередь состоят из своих уменьшенных подобий и т.д.

в противоположность сексологии, *«изучает не сексуальные отношения, а любовь и ревность, желание и наслаждение, запрет и соблазн, страсть и игру как специфически человеческий феномен»*. Она изучает *«духовно-телесную природу, психокультурную проблематику и условно-знаковые формы любовных отношений»*, сотрудничая при этом с философией, этикой, эстетикой, психологией, лингвистикой, семиотикой, теорией искусства. В эссе **«К эстетике любви. Таланты. Жанры. Стили»** («Звезда», № 6) говорится о литературном и художественном в любви; здесь сделана попытка взглянуть на любовь как на творчество. Как и в искусстве, утверждает автор, в любви есть таланты, а есть бездари. Да и сами дарования могут быть различны. В частности, они могут иметь разную жанровую направленность: идиллия или драма, элегия или ода, эпос или трагедия. Жанров множество: от сказки до физиологического очерка. Любовь-эпопея и любовь-афоризм, любовь-басня и любовь-детектив, любовь-новелла и любовь-эссе, любовь-ода и любовь-элегия. Но чаще всего любовь не укладывается в рамки чистого жанра, она — многожанрова: начинается как анекдот, а затем перерастает в поэму или переходит от лирического гимна к желчной эпиграмме. *«Жанрово любовь все время находится в движении, в переливах от высокого к низкому, от прекрасного к ужасному, от серьезного к игровому, и этим она отличается от большинства литературных произведений, замкнутых в рамках одного жанра»*. Здесь бывает решительно все, любой жанр может переплестись с любым другим или перейти в него. Наряду с жанрами Эпштейн выделяет в любви стили и направления: здесь бывает импрессионизм и сюрреализм, сентиментально-мечтательная любовь и любовь реалистическая, символизм и акмеизм. Конечно, это лишь цвета видимого спектра, едва ли не важнее внежанровый опыт любви. *«Но и по разнообразию жанров и стилей любовь не только не уступает литературе, но и превосходит ее. Ведь литература — это только маленький сегмент изящного слова в человеческой жизни, а любовь — это вся жизнь»*.

Идентичность любви, то есть то, что делает ее именно любовью, не позволяя спутать ни с чем другим, **Михаил Эпштейн** устанавливает через анализ четырех обязательных составляющих: желания, вдохновения, нежности и жалости (**«Четыре слагаемых любви»** — «Человек», № 2). Без любой из этих частей, пишет он, любовь перестает быть любовью. Перечисленные составляющие не механически соединяются друг с другом, но образуют единый организм любви. Эпштейн разбирает их именно в перечисленном порядке, хотя подчеркивает, что любовь может начинаться с любого из них.

Желание вроде бы самая понятная составляющая, хотя автор настаивает на том, что, говоря о желании в любви, не следует путать его с плотским хотением. Желание — не только телесное влечение, но душевная жажда и невозможность обойтись без другого (его предмет именно «кто», а не «что»). *«Душа другого человека,* — пишет автор, — *вот главный предмет желания»*. В поэтическом описании желания, которое дает Эпштейн, тело и душа неразрывно сплавлены в единое целое. Желание — это существование двоих в магнетическом поле взаимного притяжения. Желание не предполагает и не допускает утоления, поскольку предмет его бесконечен. Неутолимая потребность в другом означает, что тебя старого уже нет и ты либо все

потеряешь, либо обретешь все новое в магнетическом поле желания, которое делает любящих одним целым. *«Желание — это болезнь другого, переполненность, беременность этим другим»*.

Если желание — «беременность», то *вдохновение* — «роды желания». Любящие взаимно рождают друг друга новых. Вдохновение создает нового человека, свободного от себя прежнего. Вдохновение лучше всего передается метафорой полета. Не случайно эту компоненту любви Эпштейн иллюстрирует картиной Марка Шагала «Над городом». Вдохновение есть творчество личностей немыслимое в одиночестве. Ведь «записать» себя как личность можно лишь в душе другого человека. *«Вдохновение — это взаимное преображение любящих»*. Желание без вдохновения не есть еще любовь, его правильнее назвать страстью. В страсти нет той внутренней свободы, которую приносит вдохновение.

Но и желание, объединенное с вдохновением, еще не любовь. К ним должна присоединиться *нежность*. *«Нежность — это имя самоотдачи, которая все, приобретенное любовью, теперь отдает любимому, охраняя каждый его шаг»*. Нежность — это *райская чувственность*, где нет деления на внутреннее и внешнее, а плоть прозрачна. Достигнув нежности, любящие могут ощутить блаженный покой райского сада.

Но смертное существо не может остаться в покое рая. Поэтому нет еще любви, если к желанию, вдохновению и нежности не прибавится *жалость*. Жалость — это новая тревога, страх недодать, «недоделиться». Предмет ее — слабости любимого. Ведь даже у самого совершенного и сильного человека всегда есть по крайней мере одна слабость — его смертность. Оба любящих обречены умереть, и неизвестно, не разлучит ли их смерть невозвратно. В любовной жалости мы подходим к чаянию бессмертия, которое немыслимо врозь для подлинно любящих. Именно в жалости любовь *«вступает в состязание со смертью»*.

Смысл любви, заключает автор, состоит в том, чтобы *«достраивать нас, частичных, до целого»* и вписать в круг вечности. Антропологические размышления, объединяющие все три рассмотренные текста, упорно выводят Михаила Эпштейна на тему вечного в человеке, или, как сам он выразился, — «сверхвременья».

От разговора о всевозрастности, собирающей расползшуюся и распавшуюся во времени человеческую жизнь, и любви, соединяющей людей и вписывающей их в круг вечности, перейдем теперь к обсуждению того, что более всего разделяет людей и теснейшим образом сплетается с ненавистью.

Для последних двух десятилетий во всем мире характерен всплеск интереса к этничности и *национализму*. Большинство исследователей соглашаются, что эта тема — одна из самых острых и обсуждаемых сегодня. Московский философско-литературный журнал «Логос» посвятил этой теме целый номер — № 2 (53). Номер открывается статьей о вспышках насилия в современном социальном мире, автор которой известный словенский философ **Славой Жижек** пишет: задача философа *«не в том, чтобы предлагать решения, а в том, чтобы заново сформулировать саму проблему»*.

С позиций либерализма свое отношение к проблеме высказывает в статье **«Строительство политической нации и этнонационализм»** политолог из Екатеринбурга **Виктор Мартьянов** (там же). Мартьянов — конструктивист, а это означает, что он понимает под «нацией» не природную (или духовную) данность, а социальный *конструкт* (образование политического порядка, идеологический суперэтнос). Возникают такие конструкты лишь на рубеже XVIII — XIX веков и непосредственными наследниками этносов не являются. «Нация» в современном понимании, пишет Мартьянов, — синоним слова «государство». Исторически нации-государства вытеснили и заменили собой архаические племена-этносы, создав социальные общности на основе совершенно иных принципов — понятий гражданства и права. В основе современных наций-государств лежит смешение различных этнических групп, они полиэтничны. При этом нация-государство уравнивает в правах не этносы, а граждан; этническая же принадлежность того или иного гражданина есть, в рамках нации-государства, его частное дело. В России, в отличие от Запада, пишет Мартьянов, национальная политика обычно понимается в советской традиции — т.е. как сфера регулирования межэтнических отношений в государстве; национальное при этом отождествляется с этническим. Такая политика не только не решает национальный вопрос, но, напротив, до крайности его обостряет. Ошибкой была попытка создать нацию-государство «советский народ» как совокупность автономных и неделимых этносов. После исчезновения управлявшей страной реальной партийной вертикали общество оказалось в идеологическом вакууме. Идентичность же «россияне», официально внедряемая последние 15 лет, не смогла успешно объединить население России в политическую нацию. Кризис политической идентификации, наложившийся на кризис модернистской идеологии вообще, привел к тому, что именно этнические и религиозные идеи стали определять новейшие политические ценности. Однако усиление этнонациональной проблематики не является объективной закономерностью. Следует помнить, что в обществе *«категории описания политической реальности, как ничто другое, порождает эту реальность»*. То есть, поясняет Мартьянов: *«Борьба с ксенофобами создает ксенофобов, даже если их в реальности не существует»*. Исследования показывают, что дети не замечают своих этнических и расовых различий. Эти различия постепенно конструируются и осваиваются в процессе социализации, т.е. навязываются взрослыми. Поэтому и к утверждениям о неизбежности национальных конфликтов на полиэтнических территориях стоит отнестись с долей скептицизма. Сплошь и рядом, пишет Мартьянов, *«взрывоопасную смесь»* создает сама этнонациональная политика. И не будет ли в такой ситуации самой эффективной этнополитикой сознательное ее отсутствие? Ведь для регулирования частных споров граждан хватает действующего административного и уголовного права. Этнические же, конфессиональные и подобные им различия, являющиеся частным делом граждан и их корпораций, государство не должно регулировать. Этнические конфликты могут и должны восприниматься как борьба различных меньшинств за свои частные привилегии. Особое же внимание следует обратить на *«целенаправленный подъем уровня политической идентичности граждан России до системного, т.е. общегосударственного»*.

Если Мартьянов выступает как конструктивист, то противоположная позиция представлена статьей историка **Сергея Сергеева «Пришествие нации? Полемические заметки»** («Москва», № 6). Автор исходит из «примордиалистского»* подхода к пониманию «нации» и «этноса». Автор статьи критикует конструктивизм как характерное порождение постмодернистского сознания, как субъективистское своеволие и свидетельство окончательной утраты онтологического видения мира. Конструктивизм разрушителен для национально-государственного сознания и бытия, считает Сергеев, ведь если нация — всего лишь «конструкт», стало быть, ее можно перестроить, вмонтировать в другой социальный механизм или даже «разобрать» совсем. Обращаясь к политической истории Нового времени, Сергеев демонстрирует, что «гражданских наций» в природе не существует, они водятся только в головах либеральных идеологов.

Сторонник русского национализма, Сергеев определяет *национализм* как идеологию, главной ценностью которой является *нация* как единое целое. Это можно трактовать по-разному: как биологическую популяцию, территориально-экономический союз или духовно-культурную общность. Но, в любом случае, нация для примордиалиста не сводится к феномену общественного сознания; в основе ее — некая объективная реальность, некая *сущность* (по-латыни — essentia, отсюда другое название этого подхода — «эссенциализм»): кровь, хозяйственные связи, язык, «народный дух», «Божий замысел» и т.п. Для Сергеева несомненно, что этничность — это важнейшее онтологическое свойство человеческой природы, а нация — лишь современная форма этноса, то есть такой этнос, для которого на первый план выдвинулась проблема политического и культурного единства.

Сергеев согласен с теми, кто считает, что наблюдаемый в настоящее время рост русского национализма — это естественный механизм выживания этнической группы, ощущающей угрозу своему бытию. Он полагает также, что нацией в европейском смысле слова, т.е. культурно-политической общностью, постулирующей в качестве основания своего бытия собственную самоценность, русские еще не были. «Трансфер этничности» происходил через ценности и структуры традиционного общества — православие, самодержавие и общину. Советская цивилизация также являла собой своеобразный вариант традиционного общества, вернее — переходную стадию на пути к модерну. Становление же наций, указывает Сергеев, неразрывно связано с буржуазными революциями, причем ксенофобия — неизбежный их спутник (достаточно вспомнить Великую французскую революцию). А чем 1990-е годы не Великая русская буржуазная революция? — вопрошает он. Нация формируется стихийно (снизу), а не целенаправленно (сверху), и бороться с «русской ксенофобией» бесполезно. Дихотомия «свои — чужие» неустранима из человеческого сознания и уж тем более из бессознательного. И если в начале 90-х годов все хотели быть либералами и «общечеловеками», то сегодня настало время агрессивного

* Примордиализм (от *англ.* primordial — изначальный, исконный) настаивает на органичности происхождения наций и видит в современных нациях продолжение многовекового развития древних или средневековых этносов.

русофильства. Сергеев считает, что национальное самосознание надо не подавить (все равно это невозможно), а облагородить и «оправославить». Желательна была бы, полагает он, дружественная встреча этого нового социокультурного явления с российской властью. Но о серьезной поддержке современного русского национализма со стороны власти можно будет говорить только тогда, когда будет принята программа правительственной поддержки рождаемости в русских семьях. Пока же Сергеев приветствует *«первое пришествие русской нации»*.

Либералов, однако, критикуют не только националисты. Историк из МГУ **Максим Момот** в статье **«Ловушка либерализма: Как долго может существовать терпимое общество?»** («Логос», № 2) разоблачает мифы либерализма с умеренно консервативных позиций. Едва ли не самым главным из таких мифов он считает этнически индифферентный подход к политике. Вся история человечества, пишет Момот, — это история народов, то есть история самоидентификаций по принципу «свой — чужой»; и расовый тип здесь не столь безразличен, как приятно было бы думать. Все сколько-нибудь значимые государства по природе своей национальны, обладают этнической основой. Национальным государством остаются до сих пор и США, в основе которых — ядро английских колонистов. Размывание этого ядра и проблема интеграции потока иммигрантов являются здесь серьезной угрозой для существования единого культурного поля страны. Национальным государством следует признать (по признаку существования государствообразующей нации — русского народа) также Россию и даже Советский Союз. Ненациональные государства вообще составляют исключение. Основой же современного миропорядка остается национальное государство, и размывание его чревато катастрофой. Это вовсе не означает, что в стране не могут жить представители разных народов. Просто существует предел: покуда до него не доходит, этнические противоречия можно называть «мультикультурализмом», но стоит преступить, и они станут угрозой существованию страны. Обычно ссылаются на глобализацию, в ходе которой национальные границы теряют свое значение. Но сама глобализация, замечает Момот, на поверку оказывается лишь национальной доктриной США. Ирония же состоит в том, что столь безобидный с виду мультикультурализм разрушает ядро самой сверхдержавы, обеспечивающей глобализацию. Результаты деятельности западных государств и обществ обращаются против них самих, что наглядно проявляется в проблемах, связанных с иммиграцией. С чем же связано упорное нежелание ряда национальных меньшинств интегрироваться в европейское или американское общество? Момот напоминает, что европейцы и американцы — это нации-завоеватели, и полагает, что корень всех бед — в само́м западном обществе. Только изменившись само, это общество сможет решить проблему с иммиграцией. *«Мир устроен не так, как его представляют либералы. Тот, кто не может поддерживать и распространять свою власть, неминуемо будет уничтожен. Других примеров история не знает. Западные народы смогли позволить себе терпимость лишь после того, как захватили почти весь мир»*.

Момот делит иммиграцию на позитивную и негативную. Позитивная иммиграция — это когда человек едет в страну, чтобы работать. Иммигра-

ция в США и Россию в основном позитивная. В Европу же слишком часто едут не работать, а получать пособия. Это негативная иммиграция. Она тесно связана с весьма распространенными в Европе социалистическими пристрастиями. Комбинация социализма и массовой иммиграции оказывается взрывоопасной, что ярко проявляется в беспорядках, имеющих место во Франции. Слишком развитая система социальной защиты, воплощающая именно социалистические чаяния, лишает людей стимула к труду, разрушает семью как экономический институт. Всё растущие экономические требования обращаются исключительно к государству, а когда оно не может их выполнить (что естественно), это порождает экстремизм. В итоге — угроза распада общества.

Либеральная идеология имеет самое прямое отношение как к процессу взлета, так и к процессу нынешнего упадка Запада. Когда говорят об упадке Запада, имеют в виду ряд взаимосвязанных явлений: 1) сокращение белого населения с европейскими корнями в США и Канаде, постепенное исчезновение белых европейцев в самой Европе и необходимость привлечения иммигрантов; 2) ликвидация прямого западного контроля над большей частью мира; 3) «падение нравов». *«Главная идея либерализма*, — пишет Момот, — *в том, что людей надо оставить в покое, не вмешиваться в их жизнь без крайней нужды ни со стороны государства, ни со стороны церкви, ни со стороны общества»*. Именно эта идея вызвала цивилизационный рывок, породивший господство западных народов. Но теперь тот же либерализм превратился в идеологию примирения Запада с упадком и деградацией. В этом-то и заключается «проклятие второго поколения» — парадокс и ловушка либерализма: чем трудолюбивее, умнее и успешнее родители, тем лучшие условия они создают своим детям, а чем лучше условия у детей, тем менее у них оснований к чему-то стремиться, за что-то бороться и чего-либо добиваться в жизни. Достигая стадии изобилия, народы начинают опускаться и вымирать. И дело здесь не в конкретной идеологии (либерализм), как и не в моральном разложении (порнография, гомосексуализм)... Это общая закономерность. Однако последнее соображение, по мнению Момота, не отменяет справедливости консервативной критики в адрес нового радикального либерализма, отражающего потребности и желания «второго поколения». Здесь перед нами целый «заповедник мифов»: миф об отмирании национальностей; миф о постиндустриальном (информационном) обществе; миф о прогрессирующей перенаселенности планеты; миф о «войне с терроризмом», за которым скрывается реальная война между США и исламским миром. Выход автор статьи видит в отказе от радикального либерализма. Ведь *«еще не известен способ, позволивший бы либеральному, терпимому обществу существовать сколько-нибудь длительное время»*.

Ярослав Шрамко в статье **«Логика вопросов без ответов»** («Логос», № 2) предлагает осуществить логико-семантический анализ «национального вопроса». В результате анализа он приходит к заключению, что этот вопрос, практически без каких-либо смысловых потерь, может быть переформулирован так: «*Кто виноват* в том, что мы, русские (украинцы, татары, немцы и т.д.), так плохо живем?» При этом неявно предполагается, что некая социальная общность «русские» (или какая-либо другая) живет «плохо» (в

противоположность другим общностям, которые живут «хорошо»), а также, что у этой плохой жизни есть «виновник», которого следует выбрать среди подобных общностей. Все эти предпосылки построены по схеме разграничения и противопоставления «своих» и «чужих». Причем отношение к «чужакам» не ограничивается, как правило, просто равнодушием, они вызывают зависть и ненависть, что неизбежно порождает вспышки насилия. Почему мы убеждены в необходимости делить людей таким образом? — задается вопросом автор статьи. Можно ли обходиться без этого разделения? В свое время этот простейший механизм, действующий в обществе, убедительно объяснил Фрейд. Но разве знание научных теорий и объяснений что-то меняет для каждого человека как личности? Здесь мы покидаем политологический и психологический уровень рассмотрения проблемы и открываем ее *этическое* измерение.

Об этическом измерении проблемы национализма напоминает научный редактор «Логоса» **Виталий Куренной** в **«Заметках о русском национализме»** («Логос», № 2). По сути отвергая националистический дискурс, как таковой, автор статьи так определяет, кто является для него русским националистом в положительном смысле: «*Если брать сферу интеллектуальную, то это, безусловно, тот, кто вносит какой-то вклад в русскую культуру. Своим учительствованием, своей научной работой, своими просветительскими усилиями, своими переводами — короче говоря, своим* ***трудом*** *на ниве русской культуры*».

Этический пафос является определяющим и для статьи профессора права и этики Чикагского университета **Марты Нуссбаум «Патриотизм и космополитизм»** (там же). Патриотизму как особой верности определенной этнической группе автор статьи противопоставляет космополитизм как ощущение себя в первую очередь просто человеком. Патриотизм, полагает Марта Нуссбаум, морально опасен. Следуя этическому идеалу древних стоиков, она предлагает каждому человеку представить себя в центре системы концентрических кругов: самый маленький — родственники, далее — этнические, расовые, языковые, исторические, профессиональные, гендерные, религиозные, классовые и т.п. идентичности; самый большой круг включает все человечество в целом. По мнению автора статьи, вовлечь всех людей в *«сообщество диалога и участия»* позволит космополитическое образование. Важно, чтобы другие, сильно непохожие на нас люди перестали быть для нас абстракцией, стали полнокровной частью нашей жизни. В этой позиции, настаивает Нуссбаум, нет игнорирования различий между людьми, человеческое многообразие признается очень ценным, но *«регулятивным ограничением наших политических действий и стремлений»* должно быть морально равное отношение ко всем людям. (Заметим, последнее утверждение диктуется не политической выгодой и не властью либералистского мифа, — это нравственный императив. Принятие другого человека определяется тем, что он *человек*. Национализм амбивалентен: он сплачивает с одними, но ценой разобщения с другими.)

Отстаивая космополитическую позицию, Нуссбаум делает акцент на ее практической полезности при международном сотрудничестве и т.п., что лишь маскирует императивность ее подхода. Христиане именуют так и не

названное ею основание *любовью*. Правда, не любовью-эросом, о которой пишет Эпштейн, а любовью-агапе, любовью-принятием. Принятие это опирается на признание абсолютной ценности каждого человека, сотворенного Богом. (Впрочем, Эпштейн также затрагивает проблему принятия в своей фрактальной теории возрастов: принятия друг друга разными поколениями, раскол между которыми по принципу «свой — чужой» тоже имеет место.) Любовь к ближнему — вот что Евангелие предлагает взамен национализма. Вспомним слова апостола Павла об обновленном во Христе человеке, что для него нет ни эллина, ни иудея (Кол. 3:11). Здесь перед нами не новое решение национального вопроса, но призыв перейти на тот уровень отношений, где этого вопроса нет. Это важно напомнить, поскольку националистический дискурс склонен понимать «православие» не как христианство, а как этническую религию (например, в рассмотренной выше статье Сергеева).

Обзор подготовил Владислав Шапошников

От редакции

Василию Розанову 150 лет. Великолепный писатель, оригинальный мыслитель, удивительно — до мозга костей — русский человек, не расторжимый со своей блистательной и трагической эпохой, он был и будет нашим спутником на путях земных. Еще памятны те времена, когда, находившийся под неофициальным запретом, в полузабвении, Розанов приходил к нам контрабандой, без публичной огласки. Памятна и первая любовь к нему — любовь чистая и пристрастная, отбрасывавшая из представления о личности опального литератора многие сложности и противоречия. Потом мы учились ценить его сложность и судить его за слова и дела. И вот критик нового поколения предлагает сегодня свежий взгляд на уже классическую фигуру Розанова.

Наталья ШАРОВА

ПОПЫТКА ВСЕЛЕНСКОГО БРАТСТВА

Литература, писательство, писатели в книге Василия Розанова «Опавшие листья»

Самосознание литературы

Искусство — это отражение объективно существующего мира в субъективной, только что созданной реальности. Искусство — это удваивание мира, это зеркало мира, это живое зеркало. Удваивается все существующее в реальном мире. Если само искусство тоже существует реально, значит, у него есть возможность изображать и себя. Творец художественного произведения — уменьшенный двойник Того Творца, Который создал Все, и этот маленький уменьшенный творец в своем маленьком уменьшенном мирке тоже создает своего двойника-творца: художника, писателя, артиста — и в искусственной жизни существует свое, искусственное искусство.

Литература, выделяясь из всех искусств своей болтливостью, тем более любит поговорить о себе. Раз уж именно литература взяла на себя великую роль быть самосознанием общества, как же не поговорить об этой важной своей роли, тем более что есть возможность? Если литература привыкла раскрывать душу, как же не сказать о самом болезненном для себя — об искушениях творчества, о музах-демонах, о страшном роке, который заставляет бесконечно писать, об ужасной жажде писать, и если вдруг исчезнет

Наталья ШАРОВА — родилась в 1982 г. в Москве. Закончила факультет журналистики МГУ. Работает в информационном агентстве. Живет в Москве.

эта жажда, то вместо покоя почувствуешь пустоту и бессмысленность жить теперь, когда замолчали боги.

То, как и что литература говорит о себе, зависит от очень многих причин, от того, какое искусство считается в данную эпоху главенствующим, от степени гордости литераторов, от того, в какой степени они выполняют свой долг Небу и Земле — Богу и людям. Самосознание литературы в конечном счете зависит от личности литератора — литература как-никак живет во многом благодаря таким личностям. И чем самобытнее личность литератора, тем интереснее проанализировать, как она (то есть он, Василий Васильевич Розанов) осознает себя в литературе.

Личность

Всякий человек больше литератора: литератор — это только часть человека. Если представить личность как конус, то осознание себя литератором будет вершиной — это некая устремленность человека к Богу, которая выражает себя как желание отдать Богу долг своими писаниями. Не все однозначно.

«Опавшие листья» В. Розанова переполнены высказываниями о литературе. Некоторые исследователи, например Генриетта Мондри, даже считают, что «высказывания Розанова по поводу русской литературы составили каркас "Уединенного" и "Опавших листьев", в которых он поругивал русскую литературу, русских писателей за распространение ложных личных и общественных идеалов». Кроме того, что Розанов ругает русских писателей (а это, по мнению многих, кощунственно), он еще и помещает о них противоречивые сведения, причем как о мертвых писателях, так и о живых. Более того: обзывает Гоголя «идиотом», сомневается в способности Мережковского «совокупляться», называет Струве «транспарантом» (будучи уверенным, что Мережковский и Струве обязательно прочитают это о себе) — в общем, невероятно эпатирует всех: и предков, и потомков, и современников.

«— Реакционер, он, конечно, закоренелый?
— Еще бы.
— И нет ничего более оголтелого?
— Нет ничего более оголтелого.
— Более махрового, более одиозного — тоже нет?
— Махровее и одиознее некуда.
— Мракобес?
— От мозга до костей» (Венедикт Ерофеев).

Но ведь это неправда! И Ерофеев тоже знает, что это неправда, он ведь специально начинает с внешнего, поверхностного впечатления от личности Розанова, чтобы потом сказать, что Розанов на самом деле страдалец и что он «был веселей всех и добрей всех», а еще он жалел всех людей и собак, пытался полюбить даже транспаранта-Струве, всю жизнь хотел помириться с Христом и поверить в воскресение из мертвых, а еще он мучился от того, что был писателем. И «высказывания о литературе» — вовсе не каркас «Опавших листьев», вовсе не самое главное.

Когда мы имеем дело с творчеством Розанова, очень кстати оказывается афоризм Козьмы Пруткова «зри в корень». То есть «только психологический анализ может привести к постижению Розанова», как написал его друг Эрих Голлербах. Если сам Розанов — дерево, а труды его — опавшие листья, то суть нужно искать в корнях, а корни питают *метафизические реки*.

Метафизические реки

Розанов живет как бы в некоем метафизическом потоке, который непрерывно влечет его куда-то, и Розанов будто бы вынужден следовать этому течению, так как он не может, не хочет и вообще не представляет возможным из него выбраться. Об этом его качестве — погруженности в метафизический поток — писали многие, в том числе Эрих Голлербах и Андрей Синявский. Сам Розанов тоже знал это о себе. «Я никогда не владел своим вниманием. *Таинственное* внимание владело мной», — цитирует Розанова Голлербах. Ему была свойственна «задумчивость» (применяет Голлербах выражение самого Розанова), в случае Розанова это некая погруженность внимания в какой-то поток, т.е. поток сознания. «Иногда чувствую что-то чудовищное в себе. И это чудовищное — моя задумчивость». Эта задумчивость — способность время от времени впасть в этот метафизический поток. Он мог впадать в задумчивость очень на долгий срок (например, Розанов пишет, что, прочитав «несколько строк Метерлинка, впадал в часовую задумчивость»). Эта задумчивость иногда мешала ему видеть происходящее вокруг и правильно, добро реагировать. Эта задумчивость как бы строила вокруг него стену субъективизма, за которую он не мог заглянуть, не мог увидеть тех людей и понять те мысли, к которым его не нес этот «метафизический поток». (Сам термин «метафизический» близок Розанову.) Розанов говорит о «своей метафизической связи с другом» (женой Варварой). То есть этот метафизический поток вынес Розанова к «другу», чтобы Розанов что-то понял, прочувствовал и чтобы у него появилось в жизни что-то свое (он пишет, что все остальное, все, кроме «друга», было чужое, не его). Всех людей и все мысли посылал Розанову этот «метафизический поток». Единственно, кого-то принесенного себе судьбой он мог «проглядеть», например переживал, что не смог вовремя понять Соловьева (об этом пишет Голлербах). Будучи поглощенным этим потоком, Розанов был одновременно и рассеянным, и сосредоточенным.

«Рассеянный человек и есть сосредоточенный. Но не на ожидаемом или желаемом, а на другом и своем... Имей всегда сосредоточенное устремление, не гляди по сторонам. Это не значит — будь слеп. Глазами, пожалуй, гляди везде: но душой никогда не смотри на многое, а на одно».

Будучи сосредоточенным на том, что несет ему поток сознания, Розанов был абсолютно рассеян ко всему остальному. Его больше ничего не интересовало, кроме того, что ему несли метафизические реки. Если эти реки приносили людей — он обращался душой к этим людям. Если эти реки приносили ему мысли — он записывал их «в вагоне», «за вечерним чаем» (сноски в «Опавших листьях»), где подарят, там и записывал. Голлербах пишет, что, когда Розанов был «весь погружен в Египет, он ни о чем другом говорить не мог».

Синявский называет эту его задумчивость «зачарованностью», то есть речь уже почти напрямую идет о каких-то «чарах». Розанов мог настолько глубоко «задуматься», что чуть не сесть, например, на пол. Все «опавшие листья» — плоды этой «зачарованности», опавшие листья несет мистическая река.

Именно поэтому ему были чужды логические «здания», которые строил Толстой (об этом Розанов сообщает в «Опавших листьях»), потому что принцип мысли, который сочетался с основным принципом жизни, у Розанова был другой. Розанов писал о себе, что в нем есть «хитрость», но эта хитрость — не «догадки», не «угадывание», а — озарение.

Это озарение Голлербах сравнивал с «мистическим опытом — с его типическими свойствами: интуитивностью, экстатичностью, кратковременностью и почти невыразимостью». Все эти свойства — интуитивность, экстатичность — имеют прямое отношение к чувствам, поэтому возникает известное понятие розановской эстетики «полумысли — получувства».

«— И ни одной мысли за всю жизнь?

— Одни измышления. И то лишь исключительно злопыхательского толка» (Венедикт Ерофеев).

И — ехидное: «А все-таки Розанов не все говорит, что знает, главным образом то, что чувствует» (Голлербах).

«Связь с миром иным — на час, на минуту, на миг» (Голлербах). И насколько верно такая связь может быть выражена словами? Но ведь это и не совсем Розанов выражает ее словами, она сама «написалась» (цитирует Розанова Голлербах).

К этой «задумчивости» примешивается талант — в результате «пишутся» мысли. Он ведь не старался, писал «без всякого усилия, без заботы о стиле» (Голлербах). Он увидел внутренним взором Достоевского — «всадника в пустыне, с одним колчаном стрел. И каплет кровь, куда попадает стрела». И описал так подробно, как увидел. Он внутренним взором видит *образы*: здания Толстого, Гоголя-манекена, Достоевского-пьяную бабу, Рцы с ариями «Фигаро» в животе. И фиксирует то, что показали. А показывают ему — истину ли, не истину — в момент возникновения образа он, наверное, не может почувствовать, — пишет, что «не лгал».

Трагизм духовной жизни Розанова заключается в том, что его несут подземные потоки жизни и он не может им не поддаваться. Встреча с «другом» Варварой — «Провидение», мысль сама приходит и записывается сама, задумчивость берет в плен, он же сам по себе, без задумчивости, ощущает бессилие, безволие, более того, он чувствует, что это не какая-то там метафизическая река несет его по жизни, он чувствует, что это Бог — поэтому он так и уверен, что он с Богом, что постоянно чувствует Его. Если его несут эти волшебные силы, значит, должно получаться, что он прав. Он не может не верить метафизическим потокам, но получается, что они несут его не обязательно туда, куда нужно. Или же они несут туда, куда нужно, но сам Розанов по своей слабости или пассивности не всегда умеет правильно реагировать в возникшей ситуации, и получаются трагедии. Судьба принесла ему «друга» («судьба с другом», как он пишет), но оказалось, что такое положение дел противоречит христианству — они не могли венчаться из-за их предыдущих браков, — а Розанов любит Христа. И что же делать?

К Розанову приходят образы, полумысли-получувства, он записывает их, и тоже непонятно, прав он или не прав. Он же искренне их прочувствовал, искренне понял одну тысячную правды в черносотенстве и философию отчуждения в социализме, искренне записал свои мысли, искренне пришел в газету, отдал статьи, получил деньги («люблю деньги»), с радостью принес их домой или к нумизмату, а в обществе, прочитав отдельные и противоречивые его мысли в разных газетах, подняли скандал, Струве обиделся за «транспарант», Горький — за то, что «Мальву» и «Трое» должны читать «только специалисты-любители», а это на самом деле вовсе не Розанов виноват, а его метафизические реки. Он запутался в метафизической паутине.

Отсюда метания Розанова, ставшие традиционными для исследователей его «противоречия». Потому что у реки есть тайные течения, потому что иногда к чистой воде примешивается болотная тина, потому что у реки может быть два русла, и потому что в нее могут впадать другие реки. Потому что жизнь состоит из противоречий, и сознание Розанова получало эту противоречивую «жизнь» в ее «сыром» виде, без логической обработки, даже без нравственной обработки — отсюда «мокрые» грехи, отсюда зависть Розанова к людям без таких «грязных грехов», в которой он исповедуется в «Опавших листьях».

Для человека-воды Розанова «изменчивость входит в самый план мира... В самом деле, «по эллипсам», — все «сбивающимся в одну сторону» от прямой линии, все «уклоняющимся и уклоняющимся» от прежнего направления, — движутся все небесные светила». Розанов, конечно, лучше нас знает, что «входит в самый план мира», потому что ему дано чувствовать и знать эти законы мира, пребывать под постоянным их воздействием. Но в этой цитате заключена и трагедия — «Бог переломал об колено прямую линию», Розанов доверяет своему Богу, раз переломал, раз изменчивость, значит, так надо, надо подчиниться, но как же в таком случае внебрачные дети, обиженный Мережковский, суд над «Уединенным»? Как можно любить Христа и не мочь прийти к Нему? В этой переломанной линии трагедия жизни Розанова — боль за детей, «задавленная семья» — и трагедия творчества: все выпады Розанова, «забавная галиматья» (как отзывается о его творчестве Веничка), которой оборачиваются его сокровеннейшие откровения «за чаем», настолько сокровеннейшие, что он бросается их записывать, пораженный, а в результате — отзыв читателя: «голова моя стала набухать чем-то нехорошим» (Венедикт Ерофеев).

Но судьба Розанова не заключалась в том, чтобы погрязнуть в тине своих метафизических рек.

Розанов — это не только «созерцательность». Но еще и поиск.

В пути

Жизнь Розанова это не болотное прозябание, а некое движение, течение, развитие. Розанов еще не дошел до конечной точки. Он даже еще не знает, есть ли она; не знает, что за смертью — ничего или же, как он пишет, — Царствие Небесное так же реально и осязаемо, как гривенник и булочка.

Его суетливые мысли — это поиск. Он ищет, какой есть Фонвизин, вдруг — озарение: Фонвизин есть западник в «Недоросле» и славянофил в «Бригадире» — и это правда, и это — открытие. Но точно так же можно проколоться: например, случай с некрофилией Гоголя. Какая радость, я понял тайну Гоголя! Некрофилия Гоголя вызывает смех у многих исследователей Розанова. Но — а вдруг он прав? Вдруг он своим «острым взглядом» (тем, которым, по его же словам, русский человек смотрит на русского человека) увидел, а мы не замечаем? Розанов ведь видит совсем по-другому, чем мы. Его находки настолько ярки, индивидуальны и неповторимы, что их очень сложно оценивать. Чтобы понять, был ли прав Розанов, нужно пользоваться его собственным методом анализа. Как пишет Генриетта Мондри, «Розанов узнавал Пушкина, узнавая Пушкина в себе и Розанова в Пушкине». «Текст русских писателей лишается контекстуальности и вплетается Розановым как иллюстрация к темам, которые он выбирает, исходя в своем отборе материала из субъективных принципов: при этом субъективизм является осмысленным методом анализа и имеет двойную структуру — с одной стороны, Розанова интересует собственный субъективизм восприятия, а с другой — проявление и манифестация личного субъективизма со стороны авторов, которых он анализирует. Поиск точек соприкосновения в субъективизме парадоксально служит для Розанова проявлением объективности существующих категорий, с которыми он работает».

Путь Розанова — это путь «с носовым платком в Царствие Небесное», как охарактеризовал его Синявский. Это Царствие он ищет интеллектуально, посредством коллекционирования «озарений»; «озарения», следуя одно за другим, приводят Розанова к неким интуитивным выводам, на основе которых стоится розановская мудрость. Розановская мудрость субъективна. Какие-то люди родились идейными и объективными, а другие — субъективными, а при этом погрязшими в русской литературе настолько, что многие идеи мира у них срослись с литературными образами, с литературными типами.

Как описывает сам Розанов, мудрость пришла к нему в жизненном опыте — «судьба с другом» (отношения с женой Варварой) и этот субъективный опыт стал основой его философии, которую он тут же принялся доказывать и развивать («появились темы»). Субъективизм у Розанова был всегда, и он всегда очень субъективно отзывался о русских писателях, которых всю жизнь анализировал. Розанова Бог создал, такого субъективного, чтобы он своим индивидуальным путем понял, как ему надо жить, и что в мире существует, и какой Бог, и какой светлый лик у Христа. Розанов должен был прийти к Богу философским путем, то есть путем этих своих «озарений». При этом одна из задач Розанова была — записывать свои «озарения», поэтому ему Бог дал талант «писательства». Где же Розанов должен был искать сырье для своих «озарений»? Он был слишком философом, чтобы погрязнуть мыслями только в жизни. Конечно же, в своих философских исканиях он должен был питаться русской литературой («Пушкин... Я его ел»). Он ведь начал с анализа Достоевского (одно из первых исследований Розанова — «Легенда о великом инквизиторе»). В том числе и через философствования русской литературы он и должен был искать Царствия Небесного. Он и не должен был анализировать их объективно — то есть научно,

то есть класть свою лепту в копилку мировых объективных знаний. Нет, он должен был найти свою, субъективную правду у русских писателей, ту, о которой они даже и не догадывались, когда писали. Но ведь авторы и их произведения относятся друг к другу как две пересекающиеся окружности: то есть в чем-то писатели больше произведений, а в чем-то произведения больше писателей. Розанову был дан талант, чтобы он рассказал о своих субъективных находках, потому что в чем-то он лучше понимает русских писателей, чем другие люди: он умеет образно, очень конкретно-материально-чувственно изобразить тайну творчества какого-нибудь русского писателя, перевести творчество писателя из ноуменального плана в феноменальный. Горький у него «ловит самолюбивую рыбку», в Герцене нет музыки, а только шум. С другой стороны, для того, чтобы понять ноуменальную суть какого-либо писателя, Розанов опирается на его внешний вид — это свойство природы Розанова. «Поиск монистского синтеза, соединяющего кантовские категории ноуменального и феноменального», «синтез природы и духовно-божественного» (Мондри). Когда он смотрит на живот Венгерова, Розанову, как он признается, хочется писать обличительную статью, потому что этот живот как-то не сочетается с розановской «гармонией мелочей».

Розанов находится в пути, поэтому его высказывания не имеют статуса объективной истины, а имеют статус озарения, открытия, гения. В них открывается революционная суть Розанова. То есть тяга к новым неожиданным идеям, которые переворачивают старое, привычное. С этой точки зрения Розанов был одновременно и консерватором, и революционером: то есть его притягивало старое и он одновременно был склонен к радикальным перестройкам (поселить молодоженов в Церкви, запретить всю журналистику).

Высказывания Розанова отрывочны как раз по двум этим причинам: потому что отрывок мысли был принесен метафизическим потоком и потому что мысль Розанова не имеет статуса последней, конечной правды. Если хорошо приглядеться, получится, что мысли Розанова даже и не так уж и противоречат друг другу. Во всяком случае, заметно, что они выросли из одной и той же жизненной и философской ситуации. Эту противоречивость и одновременно непротиворечивость Розанова мы рассмотрим на конкретных примерах, анализируя, как Розанов чувствовал, понимал и осознавал литературу, писательство и писателей.

Литература, писательство и писатели

«Уединенное», «Опавшие листья» и другие похожие произведения написаны не по принципу главной темы и ключевой идеи. Тем не менее «темы» в них есть, и сам Розанов это признает и даже именно этим словом их называет: «В 1895–6 году я определенно помню, что у меня не было тем.

Музыка (в душе) есть, а пищи для зубов на зубы не было.

Печь пламенеет, но ничего в ней не варится.

Тут моя семейная история и вообще все отношение к "другу" сыграло роль. Пробуждение внимания к юдаизму, интерес к язычеству, критика христианства...»

Музыка — это те самые метафизические реки. «Пища для зубов» — это философское сырье для духовного пути. А «темы» — это основные проблемы, которые нужно решить Розанову на пути «с носовым платком в Царствие Небесное». И писательство на самом деле тоже стоит в ряду этих тем. Может быть, такая тема здесь и не перечислена, потому что писательство не является смыслом — не является проблемой на уровне «во что верить», проблемой на уровне «Бог и пол» (по Синявскому — главная антиномия Розанова), проблемой на уровне «пришел с дочкой Таней в Церковь и почувствовал, что мы чужие, что нас здесь не ждут» — якобы потому, что она внебрачный ребенок.

Может быть, проблему литературы и писательства можно поставить на второе место после главных розановских проблем. Почему?

Во-первых, Розанов всю жизнь писал про писателей. В приблизительном плане издания своих сочинений Розанов много томов своих будущих книг отвел для публикации статей, тематически связанных с писателями, писательством, литературой, литературными изгнанниками, с тайным внутренним язычеством русских писателей и т.д.

Писатели для Розанова — это и друзья-единомышленники: Рцы, Флоренский, Шперк, Говоруха-Отрок, Леонтьев, Рачинский и другие. (Эти писатели должны были войти в том, посвященный литературным изгнанникам.)

Писатели для Розанова — это поле для философских поисков: мысли о «Легенде о Великом Инквизиторе», мысли о роли в литературе Гоголя, Толстого, Леонтьева. С мыслями о роли в литературе связаны мысли об истинной сути этих писателей как людей, потому что Розанов считает, что внутренняя суть человека напрямую связана с его биографией, внешним видом (человек — целен). По мысли Розанова, Дарвин изобрел теорию эволюции, потому что эта теория как-то соответствовала тому внутреннему закону, который был заложен в его личности.

Розанов хочет найти духовную суть личности Леонтьева, а духовная суть — это вера, вот он и анализирует христианские и языческие пласты личности Леонтьева. Почему именно христианство и язычество — потому что именно христианство и язычество больше всего интересуют Розанова, потому что он видит всех людей сквозь призму своих главных интересов, не умея освободится от плена своего субъективизма.

Розанов анализирует писателей с точки зрения их человеческой ценности. И оказывается, что Толстой хотел мученичества, а грешил тщеславием, что Леонтьев страдал, оттого что его не принимала литературная братия, но не мог понять других же страдающих, отзывался о своем отце как о «тупом и плоском помещике», зависел от благополучия. Зато Толстой был нравственно выше всех русских писателей («К идеалу!»), а Леонтьева Розанов «любит».

Писатели для Розанова — и любимое чтение. Правда, в «Опавших листьях» он пишет, что разлюбил литературу, но он ведь до «Опавших листьев ее любил. Он мыслит образами литературы, как часто они встречаются в «Опавших листьях» и выступают подмогой и инструментом для анализа современных реалий: «Добчинские» — о мелких литераторах, «медведь несет Татьяну» — теперешние комментаторы Пушкина.

Для Розанова существует круг родных писателей, тех, кого он может анализировать своим субъективным способом, не боясь попасть впросак, так как эти писатели духовно ему близки. Например, Достоевский. С точки зрения Синявского, Розанов является продолжателем традиции Достоевского, сам Розанов — «человек из подполья». Достоевский внутренне близок Розанову, «Достоевский внутри Розанова» (Синявский). Поэтому, объясняет Синявский, «прямых высказываний о Достоевском не так уж много, очевидно, Достоевский вошел в Розанова настолько глубоко и органично», что и нечего о нем впадать в «задумчивость». Поэтому «Достоевский нужен», Достоевский для Розанова — что-то интимное, и Достоевского получается сделать своим интимным. Розанов всех других тоже хочет ввести в интимную сферу своей души, а поскольку его произведения построены по принципу «уединения», то всякий писатель, попав в пространство розановского текста, уже претерпевает на себе тяжесть этой розановской интимности: Розанов заставляет Мережковского «целовать Владимира Набокова», не говоря уж про курсистку и попадью, так как интимность Розанова *телесна*.

Может быть, Розанов воспринимает Пушкина тоже метафически близким себе, а что бы решил сам Пушкин, непонятно. Говоря языком того же Розанова, «виноват ли Пушкин, что его не понял Писарев». То есть многие любят или не любят Пушкина, а некоторые еще и считают себя ему метафизически близкими. Понятие «метафизически близкий» очень важно для Розанова. Если человек оказывается не близким метафизически, то есть не из той же метафизической реки, то Розанов обычно считает такого человека не человеком, а «транспарантом» или даже «нечистой силой», как он писал о Гоголе. Хотя Розанов искренне хочет всех любить и с радостью просит прощения, если виноват (сообщает Голлербах). Но Розанов, наверное, не может почувствовать человеческое индивидуальное добро, если тот, кого нужно полюбить, сделан из другого материала, чем те люди, которых Розанов любит. Полемика Розанова, и в «Опавших листьях» тоже, очень зависит от человеческих предпочтений Розанова. Тех людей, которых Розанов не может почувствовать и понять, он выдумывает, пользуясь своим богатейшим образным мышлением, и нападает уже на выдуманный образ (примеров — множество: Гоголь, Струве, декабристы, все сатирическое направление). По мысли Синявского, Розанов любит людей двух типов: «Божьих людей», тихих, глубоких и нравственных от природы («друг», «бабушка» — мать жены) и «юродивых людей», странных, ярких (по Синявскому, к ним он причисляет и себя). Не любит Розанов людей «корректных», «заштампованных», эти люди, по мысли Розанова, руководствуются в жизни «моралью», которую Розанов считает чем-то искусственным, в отличие от «природной нравственности» людей, рожденных «ладно» или от святого «вздоха» рожденных «не ладно», но все же взывающих к Богу людей. «Корректные люди» очень претерпевают от выпадов Розанова, причем, наверное, нападки Розанова кажутся им особенно странными и дикими, а сам Розанов — «мракобесом». «Угадки» Розанова у таких людей редки. Конфликт с людьми такого типа — вечное розановское свойство. Он не может их увидеть и полюбить («он для меня — кирпич, и я для него — кирпич»), хотя хочет, поэтому выдумывает их в своем метафизическом духе, кипятится от выдуманного зла, и от него «летят пух и перья». И

грусть человеколюбца Розанова о таких случаях: «Может быть, я расхожусь не с человеком, а с литературой? Разойтись с человеком страшно. С литературой — ничего особенного».

Литература для Розанова — это долг, это необходимость борьбы с литературой ради общества. Розанов абсолютно верит в действенную силу печатного слова. О Гоголе — «он не понимает, что за словом должно быть *что-нибудь*, — между прочим, что за словом должно быть *дело; пожар* или *наводнение, ужас* или *радость*». С точки зрения Розанова, все общественные события происходят благодаря влиянию литературы, и в революции 1917 года во многом виновато сатирическое направление, которое Розанов тоже недолюбливал.

Писатель, влияние которого Розанов считает убийственным для русской жизни, — Гоголь. Битва Розанова с Гоголем сделала Розанова комичным в глазах многих его современников. «Именно Розанову принадлежит самая жесткая и тотальная критика Гоголя» (Синявский). При этом Розанов «очень высоко оценивает художественное мастерство Гоголя» (Синявский), пишет о гоголевской «мощи». Дело не в мастерстве Гоголя, а в его общественном влиянии. С точки зрения Розанова, Гоголь «гениальный живописец внешних форм», а вот содержания у него никакого нет — пустота. Не просто пустота — то есть ничего, а бездна, метафизическая черная дыра, в которую все проваливается, вечный источник тоски. Гоголь, по Розанову, был «одержим демоном тоски». И в эту тоску проваливается все добро, которое мы видим в жизни. Читая Гоголя, мы забываем о добре в действительности. Мы тоже становимся одержимыми духом трагедии и больше не верим в повседневное добро. Розанов считает, что дело тут в мистической «мощи» Гоголя. «Гоголь — Александр Македонский», победил всю Россию своей тьмой, и все перестали верить в благость России и стали замечать друг в друге только Собакевичей и Коробочек. Все условно живые персонажи Гоголя на самом деле мертвы, а все мертвые — ужасающе живы. Гоголь, по мысли Розанова, этой своей эстетикой отравил русскую жизнь и русское общество. Поэтому маленький обыватель Розанов вступил в поединок с Гоголем, с огромным манекеном, с «нечистой силой», одержимый мистическими реками Розанов во всем видел то, потустороннее, и Розанов с Богом вступил на путь Дон Кихота и честно, выдерживая насмешки и издевательства, пытался спасти всех, не видящих ужасный вред Гоголя, слепых, не понимающих, к чему Гоголь может привести. И ведь привел. В результате тьма революции охватила Россию, а эту тьму, по мысли Розанова, принес отрицатель Гоголь. Самое ужасное то, что в конце концов Розанов тоже был побежден Гоголем. Розанов тоже поверил в тьму жизни. Он, видя ужасы революции, признался, что Гоголь был прав! То есть Гоголь ослепил и его. Розанов с бревнами в глазах сражался против сучка в глазу Гоголя.

Вся полемика и общественная борьба Розанова имеет те же корни, что и поход против Гоголя. Розанов не любил «оппозицию», сатирическое направление и постоянно выступал против его представителей. Дело в том, что Розанов нашел свое субъективное добро и свою субъективную истину как раз в «самодержавии, православии, народности». Он любил Царя, «попов», Бога, тихих, несчастных русских людей, жалких собак-Шариков. И не

любил Запад, буржуазию, пафосные слова, отрицание, парламент и все нерусские ценности («свобода» — неправильная тема, к которой устремилась Франция). Сатирическое направление, по мысли Розанова, искажало добрую русскую жизнь в своих произведениях. А все печатное слово имеет результат. Этот результат — большевики. В «Опавших листьях» об этом еще никто не знал. Но предчувствие трагедии было у всех.

В «Опавших листьях» слово «литература» имеет много разных значений. Розанов, как человек водный («Кукха», как его называл Ремизов), а не логически-словесный, не стремится к точности слова. Под словом «литература» Розанов иногда понимает совокупность основных направлений печати своего времени. И в этом смысле он не отделяет литературу от журналистики, печати, прессы. Для него это одно — некое давящее детище Гуттенберга, что-то опустошающее, суетливое, насыщенное мелкими страстями, честолюбием, протекциями, «убеждениями» (которых у Розанова, по специфическому устройству его природы, не было — магические реки плюс поиск пути), какими-то нелепыми мелкими дрязгами между «черносотенной», «социалистической», «правительственной» и другой печатью. И Розанов хочет преодолеть и эту «литературу» тоже — «может быть, своей психологичностью я преодолею литературу». «Литературу» — что-то гордое, пустое, самолюбивое, отдаляющее людей друг от друга. И что же Розанов предлагает взамен?

Уединение

Вдруг случайно Розанов открыл идеальную для себя литературную форму — стремительное записывание идей-образов, которые приносит ему метафизический поток и к которым приводят его философские поиски. Мысли, пришедшие ему в «уединении». «Ищи уединения, только в уединении можно обрести цельность». Цельность — противоположное современному газетно-печатному распылению. И Розанов неожиданно для себя из философа и критика стал писателем. Талантливым писателем. Метафизический поток стал даже приносить ему «мысли, которых не было у Ницше и Леонтьева». Он почувствовал свой талант на кончиках пальцев. И издал свои случайные записи, которые он записывал не для читателя, а для себя: Розанов — человек, устремленный в прошлое, и для него очень важна память и очень важны мелочи, для него очень важно коллекционирование (он увлекался нумизматикой), и для него в момент написания «Уединенного» было важно фиксировать, коллекционировать мысли, принесенные метафизической рекой, потому что ведь все постоянно меняется, а память — это стремление к какому-то постоянству ценностей, что ли. Поэтому «Уединенное», «Опавшие листья» — принципиально без читателя. Без этого современного, пресыщенного пустой информацией читателя современной литературы, которая пичкает его убеждениями, а он пассивно их глотает, а потом идет на выборы голосовать или идет громить беззащитных евреев.

Нет, Розанов свое «уединенное» («Опавшие листья» он тоже называл «Уединенным») написал для другого *уединенного*. Письма этих других *уединенных*, «сидящих в колодце», молящихся о здравии раба Божия Василия

и рабы Божией Варвары, Розанов поместил во второй «короб» «Опавших листьев».

Он знает, что, с точки зрения «литературы», общественного, это дико, ужасно — публиковать «уединенное», личное, мамочкину боль (его жена была очень больна) и фаллические монеты (он их коллекционировал).

С другой стороны, это «нужно» — это рок, судьба, но это нужно. Почему? Тут он уже чувствует некий долг, противоречащий тому долгу, который заставлял его бороться с Гоголем. Этот долг — понимание своего «писательства», осознание себя писателем и осознание необходимости пустить полученные от Бога таланты в оборот, чтобы вернуть ему сторицей. «Она старается о том, о чем ей вложено. Разве я не стараюсь о вложенном мне?» Характер своего таланта он очень четко осознает. Метафизический Розанов очень остро осознает какую-то роковую общественную и историческую необходимость появления себя и своего такого странного и даже какого-то порочного таланта. Ведь для Розанова ничего не случайно. И поэтому он должен исполнять свой метафизический долг — писать «Уединенное», и в последние минуты своей жизни тоже писать, писать о том, как он умирает (об этом говорится у Синявского), все в той же феноменально-ноуменальной манере, описывая потусторонние явления бытовыми образами.

С другой стороны, его мучает именно этот долг перед Богом, почему ему Бог дал «только дар слова», а не дал благость, гармонию, покой. Он должен писать и все время осознавать, что он «фу, гад, исчезни». И еще писать о том, что он сознает свою гадкость.

Ведь Розанов не хотел бы, может быть, быть литератором. То есть его иногда мучает «мокрый порок» — желание известности, но ведь не в известности дело, главное — это попасть с носовым платком в Царствие Небесное, главное — вечная жизнь с другом, Богом, детьми, Христом, бабушкой, Шперком, со всеми людьми. (Удивительно, почему он не пожалел Гоголя? Наверное, пожалел бы Гоголя и тоже бы взял его к себе. Даже Струве, не говоря про «М<ережковского> и его Зину».)

Ведь литераторство отвращает от главного. Синявский пишет, что это типично для русских писателей — не любить свою писательскую суть, потому что она не есть главное для души. Потому что «человек Розанов» больше и важнее «писателя Розанова».

Чтобы стать писателем, писатель должен преодолеть в себе писателя. «Что такое “писатель”?

Брошенные дети, забытая жена, и тщеславие, тщеславие...

Интересная фигура». Вот это и нужно преодолеть. Оставить только то, зачем родился писателем.

«Почему я *издал* “Уедин.”?

Нужно.

Там были и побочные цели (главная и *ясная* — соединение с “другом”). Но и еще, сверх этого, слепое, неодолимое». Слепое, неодолимое — это тот самый «рок».

«Отсюда и “Уед.” Как попытка выйти из-за ужасной “занавески”, из-за которой не то чтобы я не хотел, но не *мог* выйти...

Это не физическая стена, а духовная, — о, как страшней физической». Стена субъективизма.

«Общество, *окружающие* убавляют душу, а не прибавляют.

"Прибавляет" только одна теснейшая и редкая симпатия, "душа в душу" и "один ум". Таковых находишь одну — две за всю жизнь. В них душа расцветает.

И ищи ее. А толпы бегай или осторожно обходи ее».

«Опавшие листья» — это удавшаяся попытка вырваться за эту стену одиночества, от субъективизма, это стремление к людям. «Опавшие листья» обращены к другу, но уже не к «другу»-Варе, а к еще неведомому другу, которому можно говорить все: и о «гниде» в голове, и о вине за то, что «не уберег» Варю, и о грибочках в чистый понедельник, и о Пушкине (Мережковскому — ты же любил Пушкина), и о Рцы, Флоренском — любимых, и о том, как дочь Таня читала «Когда для смертного умолкнет шумный день». «Мамочка» (жена Варвара) сказала ему не печатать, но он же доверяет все своему неведомому другу и поэтому решил напечатать даже это и даже мамочкины слова, чтобы доказать свое доверие. Друг — друг-ой. С одной стороны вне «эготизма», другой, иной, но — близкий, невероятно, интимно близкий. Ведь Розанов радикально интимен. Поэтому ему так чужды Струве и остальные, что у них другая граница интимности, их нельзя обнять. А этот неведомый друг может быть близким, может все принять, и понять, и полюбить.

«Писательство» Розанова — это попытка вселенского братства, любви всех Божиих детей, это крик: вот он я, я люблю тебя, неведомого друга, и ты люби меня, люби меня, хотя я грязный, странный, юродивый, и наша любовь через мою рукопись («какая же любовь с книгою?») будет так же близка, и реальна, и осязательна, как булочка за гривенник, как канун в Церкви. И смерть нам, неведомым друзьям, будет не страшна. Ведь Розанов нашел себе неведомых друзей не только при жизни (письма читателей), но и после смерти (Венедикт Ерофеев, который ему смог рассказать «тоже о врожденной вине и посмертных реабилитациях», тоже об одиночестве «отщепенца» перед лицом холодной и напрочь материальной (уже не позитивисты, а материалисты) общественности).

Таким образом, Розанов формирует вокруг себя вневременное и внематериальное братство, и в идеале к нему должны присоединиться не только отщепенцы, но и все люди. «Мы драгоценных вас будем пестовать, а вы нас — лелеять, если вы согласитесь растаять в лучах моего добра» (Ерофеев). И не говорите, что мое добро — не добро. Да, я грешный и рожденный «не ладно», но все мы люди, и поэтому не замечайте во мне того, что вам неприятно. Может быть, я и еретик, но покаявшийся. И помолитесь за упокой души раба Божьего Василия и рабы Божией Варвары. Авось еще встретимся.

И когда встретимся, мы уже не будем Лев Толстой и Василий Розанов, писатели, а будем просто люди, просто братья, просто обыватели, просто Вася и Лева.

В «Опавших листьях» Розанов разрушает структуру общественных отношений, в том числе отношения писатель — читатель, великий писатель Гоголь — начинающий критик Розанов, важный общественный деятель Струве — голодающий беспринципный «мракобес» Розанов, семейные тайны

Розанова — «рынок». Потому что там, в метафизическом пространстве, нет политиков, писателей, рынка, а есть только люди, и при этом телесные, потому что ведь Фома вложил персты в язвы Иисуса, а это значит, что Христос весь воскрес, телесно тоже.

И как можно после всего этого ценить Гуттенберга, который лишил людей индивидуального чтения, превратив душу живую в какие-то слова, мнения, убеждения, когда человек вот он, живой, милый, поэтому «Будем целовать друг друга, пока текут дни. Слишком быстротечны они — будем целовать друг друга.

И не будем укорять: даже когда прав укор — не будем укорять».

Розанов — человек своего времени

Самосознание литературы ярко проявило себя на страницах «Опавших листьев». Если рассматривать Розанова не с точки зрения его индивидуальности, а с точки зрения общего литературного процесса, то мысли Розанова о литературе, его страдальческое самосознание себя как литератора оказываются даже типичным явлением. Ведь Розанов жил на самом деле в переломную для общества и литературы эпоху. Ведь его литература впитала в себя и черты прошлой эпохи, и черты будущей (документализм). Ведь символизм и акмеизм — это выражение в литературном процессе последней грани (куда уж дальше от мира, куда уж ближе к Богу), а затем уже начнется новое — и футуристы уже будут открыто говорить, что все стало новое. Розанов был не стилистически, а мировоззренчески близок символистам. Его литература стоит на предпоследней ступени лестницы Иакова и уже готовится ступить на последнюю, в неизреченный Свет.

А футуристы только начинают подниматься вверх. У них уже совсем другая ноша.

Валерия ПУСТОВАЯ

РОЖДЕННЫЕ ЭВОЛЮЦИЕЙ

Опыты по воспитанию героя: Яцутко, Чередниченко, Кабаков, Павлов, Санаев, Зайончковский

У папаши Кроноса новый малыш.

Малыш розов и округл, как нуль. В нем звонкая пустота возможности...

Кронос — хранящая мир великая, не свергаемая данность. Плотное тело свершенного, в которое колко тычется воздушный нуль возможности. Мировое время, которое и длится благодаря неизменности своего хода. Поглотить розовый нуль — значит сделать его частью плотного тела свершенного. Поглотить значит воспитать.

Воспитание, собственно, это реакция раздражения. Паника безличного тела данности, ощутившего укол индивидуального взгляда. Для Кроноса, для данности, для внешнего мира воспитать малыша — значит продлиться еще на одну жизнь, сделав будущее этой жизни свершенным, предопределенным, не враждебным привычному ходу вещей.

Итог воспитания — договор малыша с поглотителем. Мера съеденности души мировой данностью определяется способностью малыша научиться влиять, изменять, преобразовывать великое «До», строить будущее с поправкой на собственную, новую, не предусмотренную данностью волю.

В современных историях воспитания ощутим переход судьбоносной миссии от внешнего мира к развивающемуся внутреннему миру героя. Прошедший век абсолютной, казалось бы, подавленности индивидуальной судьбы — грандиозными лавинами общественных перемен — доказал в итоге, что винить в личных несвершенностях только внешнее время — то еще духовное ловкачество.

Эпическое тяготение романа воспитания к изучению хода истории смещает акцент в нем с человека на приметы его времени. Герой собирает разрозненные события века в единый сюжет своего свидетельства, и вот уже не он растет, а взрослеет, неминуемо приближаясь к сроку исторической пенсии, воспитавшая его эпоха. Человек здесь выступает в не свойственной для него роли фона, иллюстрации к значительным сдвигам времен, становится точкой осуществления революционных задумок истории.

Валерия ПУСТОВАЯ — родилась в 1982 г. в Москве. Закончила факультет журналистики МГУ. Литературно-критические статьи публиковались в «Знамени», «Континенте», «Новом мире», «Октябре» и др., в сборнике «Новые писатели России». Работает в редакции журнала «Октябрь». Живет в Москве.

Подпирая судьбу человека логикой развития его общества, мы стараемся повысить в цене итоги его жизни за счет связи их с выводами времени. Мы хотим, по выражению М. Бахтина, снять «частный характер» истории воспитания.

Но если понять взросление как проблему отвоевания человеческой свободы, «частность» его получает значимость мистерии. Для такого решения истории взросления бывает достаточно не романа даже, а повести воспитания, в которой судьба человека не доводится до конца — дается лишь заявка на нее, итог детства, оценка преобразовательных сил новорожденной души.

Мы сравним опыты романтической подачи темы воспитания в повестях Д. Яцутко и С. Чередниченко, где соперничество с миром за право определять его законы высвобождает в героях чистую энергию личностного начала. Увидим колебания между внешне-историческим и этическим определением хода воспитания в романе А. Кабакова. Сопоставим воспитательное значение «исключительного» и «нормативного» детства в повестях О. Павлова и П. Санаева и романе О. Зайончковского.

Сюжет воспитания подобен пресловутому поиску Героя. Не найдя его, мы делаем попытку вырастить его из воображенного малыша.

Детство — время страдательного залога, и вырваться из него, найдя в себе опору для действенной жизненной позиции, — цель всех героев сюжета воспитания.

Баррикады на вырост

Опыт воспитания в романтическом духе

(Денис Яцутко. Божество: Повесть, рассказы. М.: ОГИ, 2005. Сергей Чередниченко. Потусторонники: Повесть // Континент. 2005. № 125)

Два книжных мальчика, пришедшие в «этот чужой мир», где должны были жить «против своей воли» (Яцутко). Один покончит с собой в двадцать два, другой, назидательно вмазав электрической лампочкой в морду обидчику, заявит о своем решении пойти в педагогический институт. Два интеллектуальных текста, претендующих на обобщение опыта взросления как столкновения личности с миром.

Пестование Голиафа. Мотив детского видения, проявляющего абсурд взрослых законов и отношений, — распространенный прием в историях детства, обычно — комический. Денис Яцутко делает его основным приемом своей повести «Божество».

Ее герой, мальчик Давид, экспериментально наделен не по годам развитым и проницательным умом. Первая часть заставит нас не раз удивленно поежиться, когда из детских его уст вылетят ученые вороны вроде «хтоническое почтение», «галломанские кальки», «ступидый бастад».

Объяснить это можно на двух уровнях. Самый простой подсказывают нам сведения о родителях Давида: он мальчик из образованной семьи диссидентствующих интеллектуалов, приученный ими повязывать пионерский галстук тем же узлом, каким «привык завязывать обычные галстуки... к ве-

чернему костюму». Родители воспитали в Давиде восприимчивость к ценностям, о которых умалчивает обычное советское воспитание. Герой, таким образом, выходит пророком идеалов цивилизации и просвещения на фоне невежественной дикости: он шокирован, что его новые друзья могли в ботинках пробежать по его дивану, а учительница вторглась с глупыми «пятерками» в авторскую собственность его рисунков. Но наступит момент, когда просвещенные родители Давида вооружатся ремнем и запретами, вмешаются в пространство его личной комнаты, выдернут проигрыватель из сети — они сольются с системой, от которой декларативно отгородились. В повести появится более глубокий конфликт: не конкретного ребенка с конкретным общественным строем, а познающей мир личности и общества в целом.

«Божество» — повесть, отстаивающая божественное достоинство личности, воспевающая творческую и познающую силу личностного начала, в противоположность инерции и невежеству послушливой стадности.

Динамика сюжета «Божества» — борьба личности с широким миром данности за свободу своего собственного, только рожденного и нащупывающего свой облик мира. Повесть и сосредоточена вся на этой динамике: судя по вскользь брошенным замечаниям, Давид ведет стандартно-молодежную жизнь (игры и курение, вино и модные танцы, болтовня и девочки), но его взросление показано не через внешне-узнаваемые приметы детства и юности, а через оригинальный образ динамики его личного мира.

Повесть открывает мир снов — это индивидуальная вселенная героя, которая кажется ему безальтернативной и беспредельной. Мир снов устроен по гибким законам: там есть только одно, теперешнее лето, там можно летать, если только ты произошел от людей-птиц — а Давид, конечно, произошел, ведь его бабушка Елизавета имеет милую склонность превращаться в сороку и прыгать по дорожкам своего сада. Когда героя отдают в детский сад («ох уж эти мне галломанские кальки!» — хмыкает герой, помнящий еще, что такое настоящий jardin), начинается отсчет стремительной эпохи сужения его индивидуального мира. Давид долго путает явь и сон, воспринимая границу между ними как простой «переход» из одного подлинного, широкого, волшебного мира в другой, тоже подлинный — но поуже, поплоше, где его заставляют принимать на веру глупые предписания и сентенции. Спор героя с данностями широкого мира — это осмысленное сопротивление личности автоматизму общественного сознания, борьба с воспитанием как попыткой внушить непроверенные, лживые в основе правила и оценки. Эта борьба и задает тон тексту — интеллектуальный, ироничный тон философа, умеющего добираться до истины и немало сожалеющего о тех, кто живет на полуфабрикатах готовых правд, только и годных для принуждения людей к вялой покорности.

Чтобы дать представление об этом вдумчивом, но ироничном тоне рассказчика, не грех привести здесь шутливый эпизод приобщения Давида к удовольствию от дразнилок, с каким остальные дети изводят друг друга в саду. «Энергия и энтузиазм, с которым это проделывалось, заинтересовали меня, и я попробовал пообзывать Сашу Стрекозина, который как-то, подойдя ко мне, сказал: — Ты Давид — в голове динамит. — Сначала я не

понял, что он обзывается, а просто принял к сведению, что Саша весьма удачно зарифмовал мое имя. <...> Но когда Саша Стрекозин повторил этот стишок несколько раз... я понял, что он дразнится и, следовательно, считает, что эта фраза для меня обидна. <...> Я сказал ему: "Саша, ты тупой упрямый мальчик, повторяющий, как попугай, одно предложение. Зачем ты это делаешь? Ты об этом думал? Или ты дурак?" Саша очень серьезно посмотрел на меня и сказал: "Ты неправильно отвечаешь. Надо в рифму". "Зачем?" — изумился я. "Так надо, — сказал он. — ...Так все делают". — "Саша-простокваша", — сказал я, прислушиваясь к вкусу этих бессмысленных слов, и в тот же миг невыносимо заскучал, так что умер бы, наверное, от скуки, повтори я их еще раз <...> Я встал и, направляясь к полке с книжками, ответил ему, обернувшись: "Ты тупой баран, Саша. Но ты этого не понимаешь, поэтому я не буду больше тебе этого говорить"». Этот выход из игры — по сути, призыв к точности и осмысленности общения, к внятности мотивировок действий, не подсмотренных у других.

«Общий мир оказался скучным и безрадостным. Поняв это, я очень полюбил спать». Разочарование в агрессивности, инертности и неизменимости мира вокруг (от забавных логических несостыковок в детском саду герой переходит к настоящему романтическому бунту в школьном возрасте) логично приводит Давида к мироотрицанию. Автор проницательно показывает связь отрицания мира с ощущением его деспотичного, неотменимого всевластия над тобой, отчаянное бессилие абсолютного бунта. Попытка закрыть глаза на существование объективного мира — подростковый этап взросления, когда становится невозможным долее длить эпоху детства.

Ведь что такое детство? У Яцутко это никакие не декларативно лучшие годы, а период мучительного труда личности по вхождению в мир, этап ученичества и зависимости. Детство — это неясность личности для самой себя, сгусток тумана, который большой мир не замедлит рассеять, если только он вовремя не загустеет до упругой, способной к сопротивлению плотности.

Подростковый бунт и есть паника несоответствия: необходимо срочно становиться собой, но ты сам себе пока не явен. Предельная степень бунта — состояние «точки» («я превратился в точку»). Быть «точкой» — значит быть максимально непроявленным в общем мире, незаметным и недвижным. «Каждый шаг — куда бы я ни шел — был для меня страшным разочарованием <...> Я возненавидел сам процесс ходьбы <...> Я был точкой. Я перестал думать. Я больше ничего не хотел. Уроки делались автоматически. Я был пустой человек. Видимо, именно такой я устраивал своих родителей абсолютно. Они перестали конфликтовать со мной». Логично, что пустота точки устраивает большой мир совершенно: она никак не угрожает его данности, его законам и установлениям.

Но «точка» обозначает начало нового вектора сюжета: суженный до предела, внутренний мир героя вдруг разворачивается силой упругости его обретенного «я». Впереди у него опыт разочарования в коллективном психозе школьной влюбленности, поиск друга-«сомирянина», ироничное путешествие по клубам интересов, где он тщетно надеется найти единомышленников. Повесть придвигается к взрослению как решимости героя изменить общий мир по законам мира своего, внутреннего: «Тут я стал взрос-

лым, и в привычной пустоте мира никого не стало взрослее меня. Я окинул мысленным взглядом это непочатое поле детства и начал выводить линии буквы "А"... Откройте ваши тетрадки».

Повесть Яцутко — интеллектуальная проза с живым человеколюбивым пафосом. Она существенно выделяется незлопамятностью тона: ее обаятельный, сильный и благородный герой с достоинством и рассудительностью подбирает оценки себе и окружающим людям, управляя своими страхами и обидами при помощи абсолютного чувства справедливости.

Роковая красота Цахеса Ц. Манифест и памфлет, гордость и самоумаление, декларации и опровержения — пафос повести Сергея Чередниченко «Потусторонники» удивительно (и намеренно!) противоречив. Любителям логических загвоздок этот текст показался бы ребусной грибницей, до такой степени он множит споры с самим собой. Мы же, попробовав все-таки выделить в нем логику авторской позиции, решили указать герою повести на его, пожалуй, главное заблуждение, особенно отчетливо ясное на фоне опыта взросления Давида.

Горя Андреев принципиально иной рассказчик, чем Давид. Это интеллектуал, разум которого не решает загадки, а задает их. Сомнения и импульсы надрывной веры, возвышение над миром и самоотстранение — герой занят активным выяснением себя, своего отношения к миру, места и роли в нем.

Если Давидом руководит рациональное чувство несправедливости, то Горей владеет острое, инстинктивное чувство грязи, своей загрязненности миром. Давид стремится наладить связь с миром, получить власть над его законами и отношениями — Горя хочет вообще освободиться от мира, достичь не совместимой с жизнью чистоты, будто идти не касаясь земли. В его жизнеощущении не хватает примиряющей иронии — иронического чувства масштаба, которое в случае Давида не позволило, скажем, предаться отчаянию по поводу пробуждающегося полового влечения. Хмурая требовательность Гори превращает самые мелкие человеческие огрехи в строку на карательных свитках Страшного суда.

Хорошо бы, если бы требовательность Гори была двунаправленной. Но его претензии к миру уравновешены строгостью к самому себе только на первый взгляд.

Мироотрицание Гори — остросоциального толка. Это прежде всего обличение века. Пафос нового поколения, попавшего будто бы в исключительно разломанные, порочные, невосстановимые декорации конца двадцатого века — сильный прием самооправдания: «Столько лет вы срали на церкви, а ныне вдруг одумались — падаете на колени и стараетесь поскорее расшибить лбы <...> Но как мы станем верить? — Под нашими ногами провалилась эпоха — у нас хронический нигилизм, он в крови». Увлеченные перечнем грехов отцов, которые заставили нас присягнуть в пионеры, а потом отобрали галстуки, которые добились для нас ложной свободы, которые не уберегли нас от цинизма и наркоты, которые разорили страну, заставив наших матерей постареть на тяжелых работах, — увлеченные этим «Обращением к отцам», как назван лучший поколенческий манифест Гори Андреева, мы как-то забываем о том, что ключи от сцены уже у нас в руках и пора бы придумать, не починить, не поменять ли доставшие всех декора-

ции эпохи. Хотя бы — начать новый спектакль, не тянуть эту волыночную всероссийскую оторопь от перемен в стиле «не ждали». Протест Гори против мира ограничивается самоустранением, вплоть до трагического финала самоубийства, которое ведь, если разобраться, тоже — не вызов миру, а признание его победы над личностью.

Соглашательство со злом мира — одна из самых темных и спорных черт Гориного мировоззрения.

«Ненавидеть и презирать всё — это одно из двух возможных правильных отношений к миру», — Горя не уточняет, в чем же состоит второй правильный взгляд на мир. Вряд ли он его знает. Горя, по сути, приходит к ложной альтернативе, року всякой последовательной оппозиции: можно или присоединиться к миру, слившись с его злом, или презирать мир, навсегда расставшись с возможностью чего-то в нем добиться. Он словно не верит в способность человека привнести в мир преобразующее начало своей личности, сдвинуть что-то в нем, не замаравшись. Напротив, Горя подспудно демонстрирует убежденность в том, что соприкосновение с миром неотвратимо портит бессильного сопротивляться ему человека (отсюда как раз его надрывный идеал чистоты, неизменности, нетронутости миром).

Хочется привести самые мелкие образцы проявления веры героя в то, что именно мир виноват в его бедах и недостатках. Их мелкость была для меня особенно показательна. Когда-то Горя «любил все живое» — но на школьной биологии «нудная училка отучила любить. Теперь я ненавижу все, что умеет и может быть в живых». Когда-то Горя учился в музыкальной школе — но через год утомительные привычки его педагога вынудили его бросить скрипку, причем заодно под прицел обвинения попали и дядя с тетей, коварно ликовавшие от неудачи героя. А как-то после, в конце повести, Горя зашел к знакомой женщине, имевшей на него недвусмысленные виды, — и прилег с ней, уже раздевавшейся, на кровать — о, коварная «мягкость дивана», отдавшая отрока во власть агрессивной вакханке. Герой долго читает ей морали, жалуется нам на вес насильницы — вместо того чтоб просто повернуться и уйти.

А если не уйти — то не жаловаться и не делать из обычной женщины демонический повод (не причину, конечно, о причине отдельно) к самоубийству.

Акценты обвинения, которые расставляет герой, поразили меня и в эпизоде одной вечеринки, на которой Горя пытается «спасти» друга Андрея. Андрею выпал жребий рассказать о самом сальном поступке в своей жизни, и вот он, думая поставить компанию на место, с циничным бесстыдством рассказывает им о вполне весомом грехе — изнасиловании пьяной девушки. Герой считает нужным пояснить для нас, что эта гадкая Аня не заслуживает, конечно, нашего сочувствия, потому что, далее с комментариями, «многократно отказывалась стать его любовницей, мотивируя свое "ломание" представлениями об идеальной любви и памятью о прошлых трагических связях. Прикол (это забавно?? — *В.П.*) состоял в том, что история была притчей во языцех у всей игирмской тусовки. Причем Аня горячо отрицала факт изнасилования, дескать, она никогда не пьянеет настолько, чтобы отрубиться и не почувствовать. (То есть это ЕЕ позор в том, что она так напи-

лась, а не ЕГО — что он этим воспользовался? — *В.П.*) Но Андрей, будучи человеком еще и артистичным, рассказал с подробностями и так, что не поймешь — исповедался он или похвалился (а что, тут еще можно выбирать?? — *В.П.*). Словом, всем волей-неволей пришлось поверить. (В доблесть Андрея? — *В.П.*) И поверив, все как-то ссутулились и притихли. Потеряли интерес к игре. Нужно было выручать друга. (Как — друга? Разве не пострадавшую Анну? — *В.П.*)». В следующем акте этой компанейской драмы герой истово желает спасти Андрея от позора игры, в которой участников вынуждали лизнуть банан в презервативе. Отметим не только то, что герой оставляет без внимания честь игравшей вместе с Андреем девушки, но и то, что Горя называет эту дебильную, но по своей дебильности как раз совсем не обидную для просвещенного человека шалость «ночным банановым кошмаром». Где ваше чувство этической меры, дорогой Горечка?

Но от шуток придется вернуться к серьезным вопрошаниям. Самосознание Гори — важнейшая тема повести. Основой его понимания своей жизненной позиции выступает абсолютная убежденность в том, что как раз он-то, Горя Андреев, в отличие от всех этих гопников, дядь и развратниц, не привносит в мир никакого зла. Он свысока, как о представителях иной расы, рассуждает о людях «толпы»: «Видишь, Кора, тут просто скрепя сердце приходится признать: мертвый человек. Живой труп. И такие ли будут строить Розу Мира? А с другой стороны — что с ними делать. Истребить всех? Да ведь что тогда от нас самих останется, кто мы сами будем после этого? Те же звери. И ладно старшее поколение, они естественным биологическим путем уйдут. А те, что совсем дети?». На предположение Коры, жены героя, о том, что он грешит очернением действительности, он даже решает привстать с кровати и в праведном гневе съязвить: «Да, я. Это я придумал государственную машину, это я придумал и войну, и ненависть, и ревность, и одиночество, и похоть. Именно так. Все семь смертных грехов — моих рук дело». Горя глядит таким декларативным агнцем. Именно декларативным — мы вынуждены поверить на слово ему и окружающим его людям в том, что Горя талантлив, убедителен, владеет «мощной и страшной» стилистической энергетикой, лидер местной молодежи, который «чувствует Богоприсутствие и Заброшенность одновременно» (это последнее утверждение особенно цепляет — узнаются чудные годы институтских лекций по философии...). А также в том, что он «умел помогать людям проявлять их лучшие качества, умел помочь им раскрыть себя», что он «хороший» (дядя и тетя «всегда хотели видеть во мне самое плохое, чего и в помине не было. А добра и чистосердечия старались не замечать»; «Я не знаю правды, но я уверен, она не в том, что стыдно быть хорошим»), что его слабость «не от мира сего», то есть она не безволие, а принцип жизнеотрицания.

Пока Горя грезит о «молитвах за человечество», он все больше отдаляется от конкретных людей в своем окружении. «Синюшной советской курицей», издающей «собачий вой», представляет он нам свою мать, последовавшая в повести смерть которой никак не освещена в его исповедании. Жену Кору рисует асексуальным и безличностным материнским началом, только и пригодным в его жизни для того, чтоб выслушивать его бесконечные рассказы о снах, болях и мире во зле. Кора безлико внимает речам героя,

в ней явлено стандартное представление о женственности. «Она целует мне руку <...> Ты напишешь еще, Горенька. Ты все напишешь, мальчик мой милый. — Она целует мне руку, потом лоб, потом щеки. Становится тепло и беззаботно, и я вытягиваюсь на кровати... — Мальчик мой, Горенька... — шепчет она», — идеал жены Художника, при ней можно так расслабиться, что даже не мыться (*Кора:* «Встань хотя бы, помойся, почисти зубы». — *Горя*: «Зачем? Мне же не идти на свидание»)! При этом сексуально привлекательной Горе кажется поэтесса Леля, под влиянием которой он даже переименовывает жену в Мару, по сути предавая интимные обряды их любви. «Светлый образ» Коры переименован в «лицо истерички», едва она обретает себя и начинает сопротивляться мировидению героя.

Решить наглотаться но-шпы в день уговоренного сватовства и всю оставшуюся жизнь попрекать невесту в том, что вытащила его с того света. Лежать на диване, но обижаться на то, что Леля предпочла «тискать» более мясистого Андрея. «Грубо» отстранять руки жены, а свою пятнадцатилетнюю хватку умиленно назвать «кулачком». Задирать нос, считая себя непризнанным «аристократом», потому что не курил «Приму» и вытерпел один год музыкальной школы (это называется «потому что я был скрипач»). Приходить со своим уставом в обитель рерихолюбов, от души презирая их и кляня, при этом жаловаться на непонимание с их стороны: «Я говорил им о своей боли. Я обнажил и вывернул наизнанку свою душу (у меня есть Душа — зачем мне вечный свет?!). А они... Они ничего не поняли»...

Перечислять ли еще? Или уже теперь выразить недоумение перед жалобой героя на то, что в конце повести «в этом городе на 300 тысяч жителей у меня не было никого, к кому бы я мог прийти и сказать: так и так, негде ночевать и не на что пожрать, не поможешь?».

Одна из главных неудач повести — слабо прописанный событийный план. Автор будто нарочно выманивает нас на поле абстрактного разговора о мучительности жизни, о том, стоит или не стоит доводить до конца свое испытание рождением. Он нарочито отрывочно приводит аргументы правоты мироотрицания Гори (его испытания) и его неотмирной доблести (редкие поступки). К несчастью, уровень и оппонентов героя, и его испытаний, и деяний слишком средний, чтобы стать аргументами в таком серьезном разъяснении вопроса жизни и смерти. Дядя Боря, с которым отчаянно спорит герой, — среднестатистический мужик, суждения которого о жизни не стоят продемонстрированного нам накала духовного сопротивления. К тому же драма его давления на героя нивелируется тем очевидным фактом, что Горя от него никак жизненно не зависит (сравним, ниже, с духовной властью бабушки в повести П. Санаева, где герой зависим в каждой подробности прожитого дня). Мучения детства поверхностны: детский сад назван «Гулагом в миниатюре» только за то, что там «кормили нас гороховой кашей, похожей на кучу поноса. Я не ел ее. А из супа выбирал склизкий, как сопли, вареный лук». Обличение мира легко уживается в герое с пассивным соглядатайством его зла: «он у какого-то первоклассника карманы вывернул. Там денег-то было — только на обед. А он забрал и еще пинком его, тот аж полетел. А я стоял, и смотрел, и не сделал ничего. Стоял, и смотрел, и, кажется, даже улыбался — как он умело его пнул. И ничего не

сделал». Выражением абсолютной свободы становится сбегание «с самых нудных и самых наиважнейших лекций», манифестом святой слабости — то, что постеснялся в театре согнать незаконно занявших его место. В детстве герой был смелее: однажды дал в ухо девочке, попросившей у него его любимого зайца поиграть, а как-то даже поджег дверь в квартире директрисы, которая уж слишком радовалась закрытию подвала — места сбора его компании. Теперь же Горя легко принимает защиту от своих женщин: смелая Любка сама давала по морде, «если кто-то другой приставал к ней», а Кора «посреди выжженной солнцем степи, возле раскаленной автодороги, (разбег-то на эпическое ристалище! — *В.П.*) ...искупила все свои грехи на жизнь вперед», своевременным криком защитив героя от агрессивной овчарки злого нарка: «я пошел, полный гордости за нее и немого ликования».

Горю Андреева спасла бы перемена мест слагаемых его мировоззрения: ему бы больше смирения в отношении к миру и больше требовательности к самому себе. В нем же, напротив, преувеличены внутреннее смирение (от меня ничего не зависит, мне нет смысла быть лучше, я ничего не изменю) и внешняя требовательность (все обязаны соответствовать высшим идеалам Григория и Даниила Андреевых). Если я правильно поняла логику развития Гориного образа (а понять ее, повторю, мудрено: времена и мотивы в тексте нарочито спутаны), кризис, «похеривший» его идеализм, начался у него с разочарования в собрании поклонников учения Рериха: «вот тебе несерые люди, о которых мечтал-просил». В преувеличенном пафосе, «приторной чистоте» собрания Горя видит пародию на идеализм и вместо того чтобы просто решить, что это общество не для него, делает вывод о карикатурности любого идеализма, все равно не умеющего изменить жизнь.

Проблема разлома мира на жизненное и духовное начала остро ставится в повести. Но Горя недаром считает себя потомком Степного волка, незрелого, экспериментального персонажа Г. Гессе, который попытался вместить в себя все антиномии мира, так и не поднявшись ни до настоящей духовной цельности, ни до жизнетворческой силы. Горя точно так же не понимает сложного взаимодействия противоположных начал, особых условий земной жизни, суть которой можно выразить в обыденных словах его учителя Перфильева: «Не было проблемы с тем, что печатать, а вот на что... эта проблема остро стояла».

Это простой и роковой закон земной жизни, по которому ни одно движение духа не может быть сделано, если одновременно не шагнуть по реальной земле. Идеал воплощается через самые земные связи и действия. Дух, не впавший в жизнь, лицемерен и беспомощен. Напротив, Дух не запертый, Дух на дороге, Дух в песне о еде и очаге настигает свое земное воплощение, являя миру счастье, которое ведь и есть — самый серьезный оппонент мирового зла, единственное благо, не предусмотренное логикой земных искажений, являющее на земле образ райской неотменимости и безмятежности.

Но Горя перекрывает путь к реализации своего идеала, требуя, напротив, от мира — избавиться от противоречивости и искаженности. Он не может примириться с тем, что поэт может заниматься онанизмом, его жена — уйти в «секретарши» или «лепщицы пельменей», дядя — разбираться в машинах, но не отличать Моцарта от Бетховена. В самореализации ему видится раб-

ство социальной роли: «Остается только встать на конвейер и выдавать по книге в год <...> И — что жутко — я довольствуюсь этим вживанием в жизнь, я ловлю от нее кайф!»

По сути, Горя сопротивляется самому сюжету повести — взрослению. Он хочет остаться в детстве как времени чистоты — данной, не выстраданной, автоматической чистоты малыша, еще не испытанного миром. Он хочет «остаться собой», не установив, кто он, и замирает, если пользоваться лексиконом Яцутко, в состоянии «точки». Изменение мироощущения, необходимость определить свое «я», чтобы и дальше противостоять миру, пугают героя. Столько раз оперировавший христианскими символами, он выходит из-под религиозного восприятия жизни как послушания, сбрасывает с себя крест уж точно не самой тяжелой жизни.

Невозможно однозначно осмыслить финал повести. Е. Ермолин предложил назвать ее «историей поражения». Сам автор, комментируя в ЖЖ отзыв критика С. Белякова, замечает: «Для меня конец "Потусторонников" полон оптимизма: капитуляции не произошло именно потому, что... он (герой. — *В.П.*) умер по закону, который сам над собой установил, и добился своей цели — остался собой, остался ТОТАЛЬНО верен себе».

Пожалуй, я согласилась бы с автором: повесть кончается оптимистично именно в смысле соблюдения логики этого персонажа. Уход из жизни — последний аргумент Гори в споре с его главным оппонентом, журналистом и педагогом Перфильевым: смерть «лучшего» подопечного, по сути, должна привести учителя к смысложизненному краху, обнулить результаты дела всей его жизни — молодежного Лито как рассады цветущего будущего России, опровергнуть его стратегию малых преобразовательных дел.

Самоубийство для Гори не трагедия, а в самом деле честное, последовательное воплощение своего бунта, манифестация своего неумения и нежелания ничего в этом мире «жути и пошлости» изменить. Взваленная на себя роль пророка ли, искусителя мешает герою найти и реализовать свое настоящее предназначение, так что добровольный уход из жизни выглядит в конце повести заменой самоосуществления: не определившееся «я» подтверждает свое небытие физическим исчезновением из мира.

Отличная выделка лягушачьей кожи

Опыт воспитания на фоне эпохи

(Александр Кабаков. Все поправимо. Хроники частной жизни: Роман. М.: Вагриус, 2005)

Роман Кабакова «Все поправимо» внешне отлично подходит для иллюстрации «самого существенного», по Бахтину, вида романа воспитания — такого, где взросление героя определено созреванием его времени, так что перипетии его жизни приобретают вес исторического свидетельства, утрачивая характер случайный и личный. Судьба Миши Салтыкова не отделима от судьбы его страны: в конце концов, сюжетообразующими силами в ней становятся именно знаки эпох, будь то доносы в начале 50-х, азарт вольномыслия в 60-х или бандитские рожи в 90-х годах.

Однако «частная жизнь», отмеренная в бесстрастных единицах «хроники», не вплелась в эпоху, а вытянулась в ее параллель. Миша Салтыков засвидетельствовал не логику истории, а долгий, пожизненный оксюморон: принципиально «частную» жизнь, которая не захотела стать эпизодом жизни общегосударственной, а потому — выпала из истории. Вырасти в эпоху торжествующей государственности, «не заметив» эпохи, и значило — соединить несоединимое.

Из жертвы советской эпохи герой постепенно становится частным лицом, грехи и неудачи которого целиком на его совести. Но, начав с исторической драмы и закончив погружением в частные обстоятельства, автор так, кажется, и не решил, какое толкование судьбы героя предпочесть. Поэтому третья часть романа от первой невыгодно отличается случайностью и путаностью выводов.

Царь, царевич. Действие романа не случайно запускается в ход с описания — многостраничного изображения ежеутреннего ритуала одевания Мишиного отца. Салтыков-отец — своего рода гений частной жизни, сумевший создать пространство красоты, уюта и счастья на пятачке своей маленькой семьи. «Теплое сияние» исходит от его неуязвимых для грязи сапог, от элегантных туалетов и книг его жены, от воспитанности его сына, от принципов взаимного уважения и терпения, на которых строится вся их домашняя жизнь. Уже сведения о семье близкого друга Миши, Игоря Киреева, показывают герою, как хороша, беспримерна — как нелепа была его семья. Впрочем, не жалкие страхи и инцестуозные потуги Киреевых выбраны автором в качестве оппозиции домашнему миру героя. Он берет глобальнее: весь городок Заячью Падь, в уменьшенном масштабе явивший нам жизнь советского государства.

«Жить в Заячьей Пади было страшно. Возвращаясь из Москвы, Мишка каждый раз чувствовал, как со всех сторон облепляют этот страх, и тоска, и уныние». Городок, центром и смыслом которого стал завод при исправительном лагере, тоже удостаивается подробного описания — с сугубо частной, будто исподней, а потому не знающей надличных оправдывающих обстоятельств точки зрения. Такой взгляд фиксирует искажение образа времени во всех предметах и движениях быта. Молчанка улиц, где не держат собак — есть только охранные, лагерные, гул «барака школы», где дети играют в аресты, поразительное, бьющее в глаза уродство повседневности: автор нарочно досаждает нашим органам чувств, фокусируя описания на невыводимых прыщах, грубом белье, перешитых из форменных брюк юбках, «зеленовато-соломенном компоте», криках, щипках, тычках, тайной похоти и открытой враждебности здешней жизни.

Утрированная, сгущенная снурость окружения сосредоточивает внимание главного героя на внешней яркости и независимости как главных жизненных ценностях. Ключевыми образами счастья в Мишином сознании становятся... да хоть бы эти самые «носки-гольфы с кисточками вверху по бокам», однажды увиденные на сыне санаторного стоматолога! «Вот эти носки поразили Мишку больше всего, ...что-то было в них такое, что объясняло и прекрасную игру, и общую уверенность в себе, исходящую от мальчишки». Быть первым — значит первым завладеть такими гольфами. Работать — значит быть

голубовато-серым костюмом, несущим домой мороженый торт. И пусть соседский Гарик перспективный борец и отличник, ему, очкастому и некрасиво стриженному, никогда не повергнуть на маты «пухлую кепку-булку» и «белую толстую каучуковую подошву» звезды «Торпедо» Роберта Колотилина.

Символами ненавистной снуросги становятся «запах крестьянской шерсти», преследующий героя призраком нищеты и раздавленности, а также полученное от столичных детей прозвище «колхозник», обидное вопреки декларативной установке эпохи на уважение к людям труда.

Тяготение Миши к предельно необщественным ценностям укрепила гибель его отца. Салтыкова-старшего задавила Падь. Она толкнула дверь в его дом и попросила одолжить его близких на сколько-то лет исправительных работ. Все равно ведь космополиты, — разводила руками Падь и шарила по углам: не спрячет ли? «Какой, к черту, случай, когда в висок?» — это виртуозно-опосредованное извещение о самоубийстве старшего Салтыкова начинает отсчет самостоятельных лет Мишкиной жизни. Он приходит в нее с опытом исключительного, ни на чье вокруг не похожего частного существования, с памятью о красоте и гармонии их дома, где все было не просто как должно быть, а даже еще лучше. Желая в дальнейшем сохранить свой частный мир от коварного вторжения эпохи, Миша инстинктивно сторонится любых общественных начинаний: для него и доносы, и комсомольские собрания суть явления одного, не касающегося его порядка. Благодаря этому становится возможной единственная в романе линия внятной эволюции героя: укрепление в нем молчаливого, непоказного мужества убегания от системы. Заставляет уважать героя не только его уход в армию как бессловесный отказ от судьбы завербованного в сексоты. Хорош и «тихий щелчок», с которым Миша молча, не спрашиваясь и не прощаясь, покидает комсомольское собрание по его делу, «осторожно» прикрывая за собой дверь, — это именно не демонстрация, не даже осознанный вызов системе, а тихое мужество убежденного частного человека, его искреннее отвращение к вмешательству должностных людей в частные дела.

В конце первой части Миша умудрено рассуждает о том, что личные мотивы, побудившие кого-то написать донос сперва на брата матери, уже отобранного у семьи на работы, а потом и на нее саму — личные мотивы не представляют угрозы. «Страх, и зависть, и ревность, и злоба» — всю эту тепленькую человечность можно понять, а значит, и побороть. Но как понять мотивы тех, кто читает доносы и принимает по ним решения из неких внеличных целей?

Огромная масса общественного — от указов власти до распорядка стандартного рабочего дня — надвинулась на жизнь Миши раскидистой лесистой падью. Общественное Миша встретил как антиличное и потому повернулся к нему спиной. По ту сторону глаз при этом остались не только вульгарный коллективизм эпохи, не только ее скрепленность порукой взаимного предательства — но и заслоненный ею массив не анти-, но *над*личных ценностей. Вторая и третья части романа доводят до логического конца драму пытающегося отыграться частного, не сумевшего опереться ни на что вне своих частных нужд, — драму, которая чуть не погубила и героя, и этот роман, и всю нашу страну.

Райское оперение. В фестивальный сезон Москва полна ощипанных иностранцев, с которых сдергивают, сманивают, скупают их невиданное оперение с карманами на заду, превращающее совка в человека, по поверью стильных охотников. Мишка Салтыков давно уже Солт, давно в Москве, с новым другом Женькой Белоцерковским. И этот друг, посвященный в законы стиляжьей столицы, и эти вольные московские девушки в похожих сарафанах, шитых у одной и той же мастерицы по одной и той же картинке из заграничного журнала, и эти деньги, которые так опасно, но обильно ссыпаются на тебя, если ты не жлоб и умеешь трясти стоящей шмоткой перед желающим модно обтянуться кошельком, — все это красиво и легко, все в радость.

Резвости полета в магическом оперении, впрочем, мешает нехилый камень, которым Падь мстительно пометила вырвавшегося из нее навсегда Мишку. Вот-вот умрет вернувшийся к ним после амнистии мамин брат — к ним, потому что жена и дочь в его отсутствие погибли от тифа. В доме останется только ослепшая от потрясения мать, и, будто мало ее беспомощности, к ней добавится двойным грузом беременная жена Нина, тоже напоминание о Пади — одноклассница, любовь детства.

Во второй части жизнь героя — вызов эпохе коллективизма: в ней подчеркнуто частные нужды и частные трагедии. Его диалог с университетским активистом Глушко показывает глубину непонимания эпохой — нужд и прав частного человека. Глушко воплощает собой грандиозный крен пренебрежения к личному, исказивший тогдашнюю жизнь. «Матери у всех... Все из одного места вылезли», — цинично обрывает он оправдания героя, не желая понять, что значит мать не как у всех — слепая вдова самоубийцы, что значит страх безденежья, страх за вверенные тебе судьбой три беспомощных жизни. Постоянный страх «катастрофы», что из-за неявки на собрание по абстракционистам тебя исключат, всплывет коммерция, припомнят карманы и кепки... «Армия... Мать. Нина. Ребенок. <...> Жизнь кончалась, у него отнимали жизнь».

Пренебрежение времени к этой правде частной нужды гипертрофированно компенсируется в изгнанниках эпохи, ставших в романе ее королями, — стилягах.

Вторая часть переполнена описаниями приличной, редкой, модной, как настоящей, и правда из U.S.A. одежды. Каждый эпизодически введенный в действие человек оценен по его молниям и лейблам, разрезам и воротничкам, ткани и прическе. «Судьба ему улыбнулась» — планида кожаной куртки столкнулась со счастливой звездой героя. А как вам нравится «нездешней красоты» — «цветастая клеенка»?

И — нужная деталь: герой идет мириться с не на шутку расстроенной и разозленной Ниной, и автор не преминул при приближении к лежащей в постели героине описать одеяло и «красивый, с прошвами пододеяльник».

Этот удивительный вещизм эпохи идеологических ценностей, конечно, происходил от дефицита — нехватки вещей, удобства, внимания к повседневным радостям цивилизации вроде носков с резинками, которые можно не подвязывать. Стиляги знаменовали собой возвышенную тягу прочь от уродства, сдавленности, колкости жизни — стиляги это воля к прекрасному. К тому же они не зря считаются первыми либералами, боровшимися за

частное право, частное дело, за выдворение государственного носа из твоих личных обстоятельств. Но стиляги выражали собой и униженность человека дефицитом, компенсаторное рабство его пред внешними приметами человеческого достоинства. Клянчить вещи у иностранцев, клянясь в любви чужой отчизне; позволить стильным дружкам заглянуть при встрече на обратную, с этикеткой, сторону галстуков, чтоб убедить: не подделка; доблестно корежить язык: «Бросим кости по Броду, в коке посидим», — сейчас к мальчику с таким процентом сленга в крови и не подойдешь, а тогда бы клюнула обязательно, как же, не жлоб, ра-амантик.

Теперь, в романе, все это смотрится какой-то огромной ценностной ошибкой, искаженным продолжением ошибочности самого режима. Когда «новая, невероятная жизнь» героя повиснет над пропастью — окажется, что ему не за что ухватиться: легкий скарб райских перьев не в счет.

Куда стрела попадет. История любви отражает крушение жизненной стратегии героя. Миша строит новую жизнь как анти-Падь, в двух словах — *красивую жизнь*. Красивая жизнь — это свобода и удобство, это богатство и дозволенность утолять любые желания и заводить новые, а главное, это ценностная безотчетность, когда можно крутить шуры-муры с юностью, не задумываясь о требовательном приближении ее исхода. Красота жизни должна вытеснить из Мишиной судьбы уродство и мрачность Пади.

С другой стороны, Падь — это еще и дом, счастливая их семья, любимая Нина, которая пока единственная и не раздваивается в личиках пылких любовниц.

Это противоречие — стремление вырваться из прошлого и желание вернуть его цельность, скрепленную настоящей любовью и искренним долгом, — раздваивает жизнь героя на протяжении всей второй части.

Герой наново ужился и с Ниной, и с перебравшимся под столицу неудачником Киреевым, но мы-то не забыли, как удивился он в конце первой части, в начале московской эпохи жизни — как неприятно удивился, получив письма от них: «Мишка уже почти забыл их, как забыл и вообще почти всю жизнь в Заячьей Пади, ...потому что начал жить совершенно по-новому». Даже не обидно: ведь за свою жизнь герой успел по нескольку раз забыть не только о любви детства и лучшем друге, но и о студенческой, и поздней профессорской любвях.

Он живет «мгновенным ощущением счастья», увлекаем противоречивыми порывами: вплотную — врозь, горячо — равнодушно, только увиделись — и брык, и наслажденье, и уж верит, что кроме Нины (Тани, Лены) не любил никого. Но это не банальная череда альковных интриг — это логика крушения безопорной жизни, это путь малодушия и избегания выбора, путь, который длится пожизненным возмездием неволи, бессмыслицы, раскола и отчаяния.

«Оглушающая, невыносимая тоска» — вот что чувствует герой, когда в разгар летнего фестиваля, разгоряченный танцами творческого коллектива негритянок и жадной до ласк гостьей столицы Зощькой, он получает письмо от Нины, тогда еще невесты. Нина — тоска невыплаченного долга, по малодушию принятая на себя кабала. Отдаление от Нины всякий раз рождает в герое чувство освобождения и облегчения, но он не смеет отбежать настолько, чтобы порвать цепь этой болезненной, тоскливой привязанности.

Герой не любит Нину, и свои отношения с ней по юности объяснял для себя рациональными доводами мужской выгоды: «Единственное, до чего он додумался, — любить Нину имело смысл, поскольку было очевидно, что красивее ее все равно никого нет. <...> А раз Нина самая красивая, то Миша, конечно, не мог ее не любить, тем более что она сама его любит. И можно было считать, что Мишке повезло, потому что он женится на Нине, а жены не у всех бывают красивыми, а у Мишки будет». «Не у всех», «а у Мишки будет»: герой выбирает Нину, как лучшую, настоящую, не поддельную, единственную в Москве кожаную куртку. Брак с Ниной и похож на какое-то однообразное, поверхностное взаимодействие с вещью. Герой заботится о прокорме и одевании Нины, герой жалеет Нину и любит применять ее по назначению.

Странным образом автор романа явно считает секс достаточной формой выражения и подтверждения любви — во всяком случае, всякий раз, когда герой мирится с Ниной, это выражается в описании того, как им ночью снова было хорошо. К счастью, в наш свободный век секс не является исключительным правом брака, и мы можем отличить страсть от глубокого духовного совпадения, заметив, что Нина никогда не разделяла увлечения мужа, а тот, скажем, ни разу не поинтересовался, что пишут ее родные из Одессы.

Глубочайшее неведение друг о друге, душевное молчание под стоны страсти и ревности — это длящаяся ошибка героя, увязающего в малодушии. Решительный, основанный на внимании к произошедшему в нем пересмотру жизненных ориентиров разрыв с Ниной спас бы Мишу от трагедии жизни, потраченной на метания и боль, прошедшей в ощущении безвыходности. Судьба подготовила ему Таню — вторую любовь, совсем не похожую на Нину: некрасивую, богатую, уверенную в себе, беспечную, легкую, джазманку с иняза. А впереди могла ждать еще и «главная», по мнению героя, любовь — коллега по кафедре Лена, которую Миша чувствует как предназначенную ему от рождения. Но все оборвется и забудется, будущее приносится в жертву прошлому — упорство в браке с Ниной выдает в герое желание потащить за собой детство: «Потому что если я разлюблю Нину, то получится, что ничего не было, ...всей той жизни, которая уже прошла, не было, ...и отца тоже не будет даже в прошлом».

Любовь Миши и Нины («такой любви не бывает, да мало ли чего не бывает, а есть», — проникновенно резюмирует автор) жива только как память об идеальном времени детства. Роман движется от цельности к распаду, от гармонии к несовпадениям, от верности к сомнениям, но чистый воспитанный мальчик Миша с уверенной в грядущем счастье девочкой Ниной не желают этой динамики, не желают взрослеть, потому что все уже было, как надо, только раньше — в эпоху их детства. Драма в том, что память об этой цельности детства не разделима с памятью о страхе, уродстве и гибели в Заячьей Пади. Сдвинуться из прошлого не взрослея, повзрослеть не изменившись — одно из двух, и ни одно не возможно. Позади (I часть) осталась органичная, объяснимая, логичная, расплетенная на отчетливые дороги жизнь. Впереди (II и III части) — клубок обрывающихся неясностей.

Стекла Изумрудного города. Классическое возмужание героя на фоне истории предполагает, что итог его жизни совпадет с выводами эпохи — во

времени, масштабе, проблематике. Итогам в романе посвящена третья часть — новое время в России, новые, крупные дела героя, в конце второй части оставленного нами в армии, куда он скрылся от преследований советских спецслужб.

Кафедра, бизнес, заграница, дома — казалось бы, герой должен благословить наступление новых времен, но он резко осаживает наш энтузиазм. В романе звучат грядущие мотивы «Московских сказок» Кабакова — образы новорусской фантасмагории, иллюзорности, претенциозности и безвкусицы. Новая Москва — бутафория на гнили, могущество из пустоты, богатство, каждый раз блекнущее перед новым изобилием, распаляющим жажду обладания и одновременно разочаровывающим в вещах, которые так доступны, что даже и не надобятся.

Кабаков в романе предается в общем-то модному сетованию на ложь новой эпохи, давшей какую-то *не ту* свободу, не те блага, поманившую и оставившую ни с чем таким, о чем стоило мечтать. Читатель же, особенно после этого романа, волен испытать к новым временам благодарность: в конце концов, уже само освобождающее сознание тщеты вещей, манких в советские годы до дрожи, — разве не ценно?

А опыт абсолютной свободы, проверившей тебя на способность к самоуправлению, без полицейских чинов и ассортимента ориентиров, — ужели не достойная возможность себя проявить?

Итогом эпохи в романе Кабакова становится масштабное историческое разочарование, скепсис по отношению к любым революциям, которые разве что «ускоряют смену поколений». Каков же на этом фоне итог жизни героя? — Он... постарел.

Антагонизм эпохи и ее антигероя, государственной громадины и слабой, но не сдающейся частности, основополагающий для второй части романа, в третьей части обессмысливается. В новое время, не теребимый более общественными понуканиями, герой остается один на один с собственными делами и мыслями. И оказывается, что время, полувековое время сложнейшего этапа истории, прошло побоку, не задев, и жизненное разочарование герой может записать на счет только собственных ошибок.

Самое печальное (и смешное) то, что он ведь и этого самообвинения не доводит до конца. Любые его рассуждения в третьей части оканчиваются примиряющей ссылкой на возраст: «ну да чего ждать от брюзгливого старика». Возрастная динамика перевешивает и историческую, и нравственно-психологическую.

В первой части герой — жертва эпохи, во второй — ее тип, необходимая принадлежность времени, в третьей — просто старик. «Все поправимо» — и все непоправимо заканчивается.

Три части романа строятся одинаково: завязкой выступает страшное известие (собрание по космополитам, исключение из института и дело о фарцовщиках, угрозы компаньона), бесполезные усилия приближают отчаяние героя, кульминацией становится крушение прежней жизни (детства в Заячьей Пади, модной институтской молодости, достатка дельца) — и все заканчивается неожиданным выходом в следующей главе: отъездом в Москву, бегством в армию, уходом в дом престарелых. Испытания героя не при-

водят его ни к какому итогу, кроме вывода о том, что «трение побеждает всегда» — побеждает человека время, не историческое, а простое безличное время, стирающее жизнь и смысл ее.

«Нет ничего» — излюбленные слова героя в третьей части, итог его жизни, выдаваемый им за мудрость типичной старости. Этому «нет ничего» вторит «кто же я такой?» из второй части и эпиграф из Бунина: «Неопределенное сознание себя и всего окружающего и есть моя жизнь, не понимаемая мной».

Автор хочет примирить нас с неизбывной частностью, бессмысленностью всякой жизни. А значит — с ее безответственностью, независимостью итогов воспитания от личных усилий воспитуемого.

И в романе самое ценное — не идейный (идеи противоречивы и брошены на полдороге), не исторический (выстаивание против советской эпохи обессмысливается разочарованием в новом времени), не событийный (тайны так и не раскрыты, повороты судьбы случайны) — не все эти внешне заметные, эпические планы, а лирика разлитых по роману тонов удовлетворения и тревоги, света и замутненности, увлеченности и апатии. Это психологический по исполнению, исторический по форме и абсолютно неэтический по смыслу роман воспитания. Он растит героя в логике и праве частного стремления, с детства внушив ему отторжение от любых целей, которые не могут быть таким непосредственным источником счастья, как, скажем, придвинутая к кровати табуретка с посоленным хлебом и водой в большой отцовой кружке.

Старик, с которым не разговаривает его собственная жена — женщина, чью жизнь он исковеркал малодушием. Доктор наук с математическим образованием, «никогда не увлекавшим его всерьез». Обыватель, легко осуждающий тех, кто не смог устроиться в новой жизни: растерялись, не дернули в Америку или, как он, хоть в бизнес — разворовывать ресурсы или продавать просроченные заграничные отбросы...

Сосредоточенность на ценностях частного бытия не принесла Мише счастья и не сделала его Героем. Как не осчастливила и не возвысила все наше общество, только сейчас начинающее, кажется, испытывать потребность в целях, расположенных чуть дальше берущей руки.

Никакие внешние преобразования эпохи не спасли ее свидетеля от стылой внутренней стагнации. Опыт воспитания героя на фоне эпохи закрепил победу за глоткой данности.

Заколдованное семейство

Опыт негативного воспитания

(Олег Павлов. В безбожных переулках: Повесть // Октябрь. 2001. № 1. Павел Санаев. Похороните меня за плинтусом: Повесть. М.: ЗАО МК-Периодика, 2005)

Нильс в доме больших вещей. Историю детства своего героя Павлов начинает рассказывать в обратном порядке. В 1999 году он опубликовал о нем в «Октябре» повесть «Школьники», а позже, в 2000-м, припомнил до-

школьные, более глубокие пласты его детских переживаний. По сравнению с более поздней «В безбожных переулках», повесть «Школьники» выглядит наброском основных мотивов, разработкой образа героя и мира его детства, собранием ключевых фрагментов. Основы восприятия мира в повестях в самом деле принципиально одинаковы. Импульсом к началу повествования в них становится ложь взрослого мира, с которой пытается ужиться, но не примириться ребенок.

В «Школьниках» средоточием лжи и власти взрослых выступает гиперболично ужасная директриса, этакое исчадие зла, наделенное как физиологической, так и духовной недоброй внушительностью. В «Переулках» конфликт со взрослым миром гораздо более сложен и тонок — мальчику приходится с сокрушением сердца осознавать неправду, клевету и взаимную мстительность родных людей, самых близких: матери, отца, деда, сестры, бабушки. Углубляется образ уродства, безласковости, жесткости, стенной шершавости мира: «безликое громоздкое строение школы» с «будто отрубленными» головами классиков над парадным подъездом уступает место таинственной, пустынной привлекательности лестниц, дворов и улиц, которые герой «Переулков» постигает как владения бездомья и одиночества.

Сам герой, «становясь» в «Школьниках» старше, вызывает уже меньшее сочувствие: ему, кажется, пора бы начать разбираться со злом и уродством мира, учиться самостоятельно оценивать его и делать из оценок выводы в виде поступков, проявляющих его волю. Однако школьником он, как и малышом, по-прежнему живет в субъективной кажимости, ощущенческом слепке мира, путаясь в своих и чужих винах, долженствованиях, ожиданиях и клятвопреступлениях. Его склонность преувеличенно этически воспринимать любые мелочи событий и отношений начинает выглядеть простой психологической ущербностью, неволей мышления.

Проза Павлова о детстве — невеликодушная, памятливая на обиды проза. Привкус непрощенности оттеняет ее эпизоды невыводимыми пятнами горечи и сожаления.

Обратной стороной этого, пожалуй, недостатка выступают редкие достоинства: нервическая внимательность к тончайшим нюансам отношений, погружение в напряженный, неравнодушный к добру и злу мир этических промахов и достижений, наказаний и вызволений из кабалы покаяния.

Несмотря на то что первая же фраза повести «В безбожных переулках», выбрасывает нас будто в контекст широкого времени советских годов («в детстве я любил “брежнева”»), на всем протяжении текста мы живем в малом времени детского опыта героя. Причем опыта не внешнего, познавательно-социального, а глубочайшего внутреннего опыта прояснения своей правоты и желанности в мире взрослых, куда вытолкнуло его однажды рождение.

Показательно преломление традиционных сюжетов детства в напряженно-этическом мире этой повести. Щенок и елка. Две радости, которых ждет всякий ребенок — так говорят нам выросшие дети, сделавшие кино и мультфильмы о том, как они были маленькими. Но попробуйте и впрямь стать маленьким — вспомнить ничтожную малость свою перед неправдой и необъяснимостью. Не мультяшный щенок, принесенный отцом, обмочил герою колени, подставив его под родительский гнев. Герой ревниво ощущает несоответствие

между удовольствием подарка, получаемого отцом от щенка, и его недовольством своим сыном: «Он щенка этого любит, любит с ним играть, а вот лежит, глядит на мокрое пятно, и нет у него для меня снисхождения. А сказать, что это сделал щенок, не могу, потому как случилось то, что никогда я еще в своей жизни не видел. Не вытерпеть — это унижение, внушенный уже позор». Легко почувствовать, как Павлов переворачивает невинный эпизод игры со щенком в историю несправедливого обвинения, более того — взятой на себя ребенком чужой, собаки, вины! Такой узел логично развязывается только взаимным прощением, избавлением обоих «преступников» от приговора вины: «От сухих да глаженных, будто бумажных, колгот такое ощущение, как если бы простили грех. И лицо после плача — сухое, бумажное. <...> Душа теплится осознанным счастьем: то ли спас его (щенка. — *В.П.*), то ли простил».

А вот Новый год — как новое горе. Елка в квартире «жила», как новая властительная хозяйка, и герой Павлова чувствует трепет перед обрядами ее временной власти. С елкой и новогодьем связан ряд глубоких страхов мальчика, страхов, от которых взрослые, по непониманию, не могут его освободить. Напротив, они выступают бессознательными мучителями, ежегодно подвергающими героя неясной пытке. Всякий раз «новый ужас» — мать под потолком довершает елку звездой. Всякий раз страх, когда мать десятерится в гостьях, дарящих сладости, и герой боится потерять память о том, кто из них настоящая.

Заметно, что Павлов нарочито подчеркивает тонкость чувств героя — по сравнению с уже разучившимися так воспринимать мир взрослыми. Эпизод о разбившейся в руках малыша елочной птичке рассказывает об одиночестве героя в опыте острой вины и сострадания, на фоне захваченных эгоистичными эмоциями родных: «Сестра бросается на меня с обидой, и близко вижу ее лицо, но какое-то некрасивое; а отец теперь садится на диване и выговаривает матери... Птичка, разбившаяся об пол.., разлетелась у моих ног. Ору, реву, бросаюсь бежать, думая, что убил птичку, а это разбилась бездушная вещица, стекляшка».

Наконец, именно новогодний опыт притворной веры в Деда Мороза — его открывшейся фальши при необходимости продолжать громко выпрашивать у него подарки, в такой форме извещая маму о своих мечтах, — становится для героя ключом к пониманию фальши взрослого мира: «С тех пор я знал, что играю с кем-то в прятки... Неожиданно для себя скрыл я от всех, что это знаю, и много лет еще загадывал под елкой желания, чтобы слышала мама. Я скрывал, что знаю, как бабушка Нина не любит маму, а та уж не любит в свой черед мою бабку. Скрывал, прятал в себе очень многое, страшась того, что увидел или сделал понятным для себя».

Детство героя Павлова пронизано страхом, с переживания страха начинается и его описание. Первая глава, посвященная пребыванию героя у своего «киевского дедушки», показывает триединство образов власти и устрашения в сознании малыша: его дедушки, «брежнева» из телевизора и Бабая из дедушкиных угроз.

По мере чтения начинаешь все с большей настойчивостью отмечать про себя, что герой у Павлова постоянно плачет. Он винит себя и подозревает других, он страшится и сожалеет. Он истово ненавидит ребенка соседей, все-

лившихся после смерти живших здесь до них стариков, и остро прикипает любовью-жалостью к консьержке, немощно открывающей двери обитателям дома. «Все пороки человеческие» слышатся ему в рассерженном гвалте толкающихся в автобусе баб, «наказанием без вины» считает он усталое возвращение после дальней прогулки. Самое болезненное для него — переживание своей слабости и ненужности, он все время тянется к живому, в надежде наделить кого-то теплом, которого сам лишен. Жалкость, беззащитность становится для него главным основанием любви — в таких существах и людях герой умеет полюбить образ самого себя, слабого и достойного, по его ощущению, сострадания. Холодность его к сестре объясняется ее силой и независимостью в глазах героя: «Мне могло быть одиноко и тоскливо без нее, но не бывало ее жалко». Любовь к матери начинает осознаваться с сострадания: «Нежность, что доходила порой до страдальческого трепета, во мне пробудил однажды вид ее страданий». Жалкость становится способом вымолить теплоту: «А получил я больше ее любви за то, что оказался так жалок».

Это на грани истерического срыва смешение жалкости и страха, эта немощь перед враждебностью мира, эти постоянные слезы объясняются беззащитностью героя, его действительной незащищенностью миром семьи.

Основным сюжетом повести как раз и становится развал семьи: развод родителей, понимание того, что отец героя неродной его сестре по матери, год жизни с бабушкой, пытающейся спасти брак сына как возможность поделить заботу о нем с еще одной женщиной. Пьянство и беспутность отца, истеричная враждебность сестры, беспомощность матери, коварство бабушки: «Все мы — родные — должны были мучить друг друга и никогда уж не распутаться. Судить друг дружку, чувствуя в этом справедливость. Быть друг для друга орудием пытки нравственной».

Атмосфера семейной жизни удачно показана в отношении к принесенному в дом щенку: «Лельку никто не полюбил, разве навязалась еще одна живая неприкаянная душа». Живая и неприкаянная — то есть та, что все чувствует, но чьих чувств никто не замечает и не берет в расчет. Душу героя, также живую и неприкаянную, все время обременяют непосильными задачами, надрывают недетской болью: его вынуждают клеветать на родителей, выбирать одного из них и прогонять другого, его то отталкивают, то подкупают лаской, изводят подарками и вниманием, за которые надо платить предательством.

Я хотела бы привести только один эпизод, отражающий глубокое душевное неблагополучие героя: ведь крушение веры в родных для ребенка — это начало искаженного восприятия мира вообще. Эпизод хорош тем, что дает опосредованное, без скандалов и драк, представление о мироощущении героя. После того как явившийся к матери отец напился вместе с ней и увел ее в ночь — видимо, в очередной попытке зажить с ней вновь одним домом, — герой долго ждет их, а потом выходит искать на улицу. Одиноко и бессмысленно бродя по темному городу, он «нашел качели, будто знакомое, живое, и остался в этом месте, где было уже не так страшно: вроде как не один». Сиротливо породнившись хотя бы с бездушной качельной конструкцией, герой вдруг слышит в одном из окон — семейную ссору, и получает в ней своеобразное утешение, освобождение от одиночества своей боли: «Я слу-

шал все это... с удивлением, даже облегчением, понимая вдруг, что одной ночью в разных домах происходит, наверное, одно и то же».

Не удивительно, что навязчивым мотивом детства героя становится поиск истинной семьи, благополучного, прочного мира. Он легко входит в роль чужого сына, ластясь своей откровенностью к матери друга, он болезненно тронут деньгами, которые его киевские бабушка с дедушкой не забыли за целый год прислать ему к дню рождения: «Это вдруг так уродливо преувеличивало мою любовь к ним, что в душе рождалась вера: там, где они, и есть моя семья». Чужие окна манят героя шансом на обретение детского счастья согретости: «Тянуло жалостно заглянуть в каждое окно, ...как если бы можно было там где-то незаметно приютиться». Но драма беззащитности, заброшенности, озяблой покинутости ребенка наедине со своими болями и страхами так и не разрешается счастливым финалом. Вместо него Павлов рисует отличную по точности и глубочайшую по печали картинку. «Последнее лето» героя с уже как будто не своим отцом. Отец с хозяином дома напились после рыбалки и забыли мальчика в телеге, запряженной хозяйскими лошадьми. Герой просыпается ночью — к сознанию своего полного непроглядного одиночества, особенно яркого на фоне колыбельно-красивой южной мглы: «Таратайка медленно плыла по цветущему, похожему на пестрый рукотворный ковер, полю гречихи. Никого со мной кругом на поле этом, огромном, непроглядном, не было, так что отмирала душа... Я лежал лицом к небу и тихо плакал». Когда привычные кони довезли мальчика домой, «оказалось, что и дядька, и отец давно дрыхнут».

«В безбожных переулках» — повесть, приобщающая нас к глубочайшему опыту детства. Неблагополучие семейного мира проявляет в ее герое яркую этическую восприимчивость, благодаря которой история его детства избавлена от нудной поверхностности перечисления примет, игр и стандартных событий. Вместе с тем нельзя не заметить, что повесть принципиально сосредоточена только на проживании страданий и страхов, в ней есть какая-то установочная безвольность, которая не позволяет герою вырваться из страдательного залога, попробовать перебороть схему вины—наказания, жалкости—сострадания в отношениях с миром и людьми. Из его детства словно нет выхода, так что заброшенность и жалкость, сострадательность и самообвинение грозят вырасти в пожизненную миробоязнь героя.

В Африке ужасный серенький волчок. В отличие от хмуро сосредоточенной, глубоко рефлексивной повести Павлова, книга Санаева «Похороните меня за плинтусом» (первая публикация состоялась в журнале «Октябрь», 1996, № 7) сперва похожа на легкую и подвижную комедию положений.

Первые главы ее посвящены поверхностному изображению быта Саши Савельева, живущего у дедушки с бабушкой. Собственно, бабушка и является источником комического и проблемного поля повести. Из-за нее случаются абсурдные диалоги, смешные оступки и проговорки, жульничество и преувеличения, от нее исходят пышные риторические громогласности вроде: «Будь ты проклят небом, Богом, землей, птицами, рыбами, людьми, морями, воздухом!»

До поры до времени все это совсем не страшно, даже и сам герой вроде бы не очень страдает от утомительно обильного, надзирательного и звуч-

ного присутствия бабушки в его повседневной жизни. Аннотация к книге торопится укрепить в нас веселый настрой: «Санаев отпел в ней и похоронил вместе с бабушкой своего героя ту невозможную страну, которую мы все примерно тогда же потеряли. Стоит только раскрыть эту книгу — и вам достанется такая порция отборной брани от этой неугомонной старухи, что оторваться вы уже не сможете, не получив от нее по полной программе».

Аннотация обманывает нас дважды. Во-первых, укрепляет в нас инерцию мышления, привыкшего вписывать историю детства в большую историю общества. А во-вторых, предлагает нам поверхностно-веселое восприятие шалостей «этой неугомонной старухи».

«Похороните меня за плинтусом» — повесть глубоко интимная, созвучная в этом с повестью «В безбожных переулках». Но если Павлов констатирует и заново проживает драму детства, изображая ее непоправимо личным, внутренним, не внятным никому другому опытом, то Санаев в итоге выводит нас прочь из завязавшейся драмы, делая отдельный опыт детства общезначимым экспериментом по отстаиванию свободы и самостоятельности личности.

«Неугомонность» бабушки — это эвфемизм, сокрытие острейшей жизненной правдивости этого образа. Бабушка Саши может показаться гротескной, небывалой, отлично придуманной только непосвященным. В действительности же я знавала не одного человека с таким же точно нравом, как у нее, — с такою же психической болезнью, с ее неотменимой логикой, так что при чтении узнавала дословно отдельные ее выражения. Бабушка в повести — это жесткая, константная правда жизни, относительно которой можно вычислять переменные любого воображенного действия, воображенных так или иначе и внуков, и дедушек. Одно из художественных достижений Санаева как раз и состоит в том, что он избежал простого изображения типических проявлений ее болезни, а смог исподволь вскрыть ее экзистенциальный смысл.

По кусочкам мы узнаем биографию этой женщины. К старости у нее набралось немало утрат и разочарований. Несбывшаяся мечта о сцене, смерть первого сына в эвакуации, к которой ее принудил муж, и последовавшее за этой смертью ложное известие о наступившем бесплодии; мания преследования и опыт лечения в психиатрической больнице; болезненная дочь, развод ее, выросшей, и связь с пьющим художником. Нам сообщают, что дочь слишком увлеклась новым мужчиной и не находит времени заботиться о сыне. Саша же нуждается в постоянном, особом уходе и потому передан бабушке с дедом на попечение.

Неискупимая вина родных и неизбывная болезненность детей — вот основные мотивы этой истории жизни. Собственно, на них построено и теперешнее существование Нины Антоновны. В заботе о внуке она как будто и впрямь проявляет недюжинный героизм. Мальчик, конечно, «сгниет» к шестнадцати годам, но доживет он до этой своей смерти — такой вот мрачный нонсенс — только благодаря стараниям бабушки, а не матери, которая бросила его ради «карлика-кровопийцы», пьяницы и неудачника, жадного до московской прописки.

Эксклюзивность детства Саши Савельева в том, что, если большинство детей часто хотят чем-нибудь отличиться от своих сверстников, ему как раз

хочется «хотя бы однажды оказаться в чем-нибудь как все». Научившийся играть в казнь приговоривших его к процедурам и анализам врачей (неплохо смыть их бумажками в унитаз), с детства поставленный в известность о своем идиотизме («у меня в мозгу сидел золотистый стафилококк. Он ел мой мозг и гадил туда»), спящий в колготках («я все время чувствовал, как они меня стягивают»), угощаемый вымытыми кипятком и мылом фруктами, принимающий гомеопатию шесть раз в день, обедающий размытыми бабушкой шариками рыбной мякоти и тертыми яблоками, Саша Савельев обидно ущемлен в норме, обыденности, неотличимости детства.

Драма аномальности его детства начинает вскрываться в главе «Парк культуры». Это глава похороненной мечты о приобщении к обычным детским радостям, которая заканчивается «большой белой лужей» растаявшего мороженого. Отчаяние недостижимости, запретности, ускользания мира, в котором ему все запрещено, где ему ничего не сделать, в котором страшно остаться без присмотра и вспотеть, забыть надеть на ночь колпак и снять колготки, в которой любое робкое пожелание обрывается обещанием того, что тебе такого купят сто штук и все переломают на голове, начинает осознаваться нами в истинном своем значении.

«Раза три уже думал в гараже запереться. Пустить мотор, и ну его все. Только и удерживало, что оставить ее не на кого», — жалуется дед на свой кандальный брак.

Дедушка Саши — образ двоящийся. Он, как и внук, и дочь, — жертва бабушкиного нрава, но за годы жизни с ней он успел потерять жертвенную невинность в сообщничестве. Дед — человек, отравленный ложью бабушкиного мировоззрения, подчинившийся ей, научивший убеждать самого себя в абсурднейших из ее суждений. Сострадание к жене смешано в нем с зависимостью приспособившегося раба, не знающего, что бы и делал на свободе.

Под видом заботы бабушка прибирает к рукам людей. То, что она, жалуясь на предельный вес хлопот по уходу за внуком, при этом никак не старается облегчить свою ношу, позволив ему хоть что-то делать и решать самостоятельно, — больше, чем распространенная ошибка воспитания. Это стратегия порабощения личности, присваивания ее жизни — себе, за каковое удовольствие воспитатель готов платить дань каждодневного двойного труда. Бабушка, по сути, крадет жизни своих детей: неудивительно, что дочь ее развелась, ведь «бабка к ним на квартиру почти каждый день ходила, помогала... Весь дом на ней был». Двуличие и симуляция, угрозы и подкуп — ее излюбленные пути к цели. А цель ее — заронить в чужой душе страх перед жизнью, заволочь ее в кокон безволия и бездействия. Она ведь и сама боится жизни — ее внезапности и неуправляемости, ее рисков и случайностей, и захваченные во владение души для нее представляют заповедную обитель подконтрольной, предсказуемой, то есть омертвленной, обездвиженной, боящейся самой себя жизни.

Бабушка — это антидетство. Это наступившая в десять лет старость. Это вытравление духа игры, бесстрашия и приключений, это извращение знаменитой и непревзойденной формулы Дж. М. Барри: *пока дети веселы, бесхитростны и бессердечны.*

Саша не весел («второй такой унылой физиономии не нашлось бы во всем парке»), не бесхитростен (постоянно ловчит, чтобы выторговать у бабушки малейшее дозволение), не бессердечен («Жизнь нужна была, чтобы переждать врачей, перетерпеть уроки и крики и дождаться Чумочки, которую я так любил») — Саша познал утраты, коварство и неутоленную любовь. Он не болен — он взят в плен, в заложники бабушкиного мировоззрения. Бабушка начинает вживаться в него, замещать его «я», проникать в его мысли и страхи.

Заметен повествовательный прием — вкрапление чужого, бабушкиного голоса в рассказ героя: «Она поставила на стол гречневую кашу и котлеты паровые на сушках. Паровые, потому что жареное — это яд и есть его могут только коблы, которых не расшибешь о дорогу...» В подтверждение бабушкиных стращаний, герой заболевает от любого соприкосновения с жизнью и уже выучивается бежать ее: успокаивается, когда бабушка в автобусе загораживает его от взглядов других детей, боится дотронуться до ручки, на которой, как ему кажется, прямо написано слово «инфекция», радуется, что бабушка готова защитить его и их имущество от расчетливого «карлика-кровопийцы».

Он боится своей скорой смерти, о которой знает от бабушки не только он, но и лифтерши, и воспитательницы, и все соседки и родители одноклассников, которые подыгрывают бабушке, запирая героя на переменках в классе, запрещая ему обычные детские игры — множа его детское горе. Он боится «рисовать кресты, класть крест-накрест карандаши, даже писать букву "х". Встречая в читаемой книге слово "смерть", я старался не видеть его, но, пропустив строчку с этим словом, возвращался к ней вновь и вновь и все-таки видел». Он боится и смерти матери и уже подобно бабушке злится, что не может проконтролировать: осторожна ли она, не подсыпал ли ей чего в еду ее «карлик»?

Когда мать в финале все-таки похищает Сашу у бабушки, на него ожидаемо наваливаются все страхи повседневного существования, паническое ощущение своей беспомощности без бабушкиной опеки: «Мы что-то сломали, и без этого, наверное, нельзя будет жить. Как я буду есть, спать, где гулять? У меня нет больше железной дороги, машинок, МАДИ, Борьки...»

Уют дороже свободы, проверенные блага привычки интересней призрачных плодов познания — этому его бабушка почти научила.

Финал повести, посвященный сюжету похищения героя, разыгрывает поединок бабушки и мамы Саши Савельева. Бабушка и мать — это две антагонистичные картины мира, это страх перед жизнью и жизнь, в которой все благословенно и на пользу, это щит рабства и меч свободы, это угрозы и правило подтверждения только хороших примет. В самых сильных, психологичных, надрывных главах «Похороните меня за плинтусом», «Ссора» и «Чумочка» (такое ласкательное посмел произвести для своей мамы герой от бабушкиного ругательства) показан начинающийся надлом личности Саши, его метание между правдой «праздника» (матери) и правдой «жизни» (бабушки). Он сильно простужается, выведенный таким образом из боя за свою душу. Меч поднимает Чумочка, которой автор внезапно дает право голоса и изложения своей версии подоплеки событий.

«Потаскуха», «идиотка», которую бросил муж и подобрал для квартиры пьяница-«кровопийца», оказывается едва начинающей взрослеть женщи-

ной, пытающейся спасти свою, опять же едва не поломанную жизнь. Она «боится каждого самостоятельного шага», и если бы не поддержка нового мужа, никогда бы не довела дело своего освобождения до конца: «Она опять его отнимет. Она придет, я сдамся. Это мы повод придумывали, что денег у нас нет, что пока не расписаны... А я боюсь ее! ...Забирала его, будто крала что-то. Такое чувство, что это не мой ребенок, а чужая вещь, которую мне и трогать запрещено». Амплитуда бабушкиных уловок — от удара по жалости и притворного обморока до запугивания топором и «проклятьем страшным» — вводится в действие в обширном монологе под дверью, цель которого — убедить дочь в необходимости своими руками, по доброй неволе, отдать свое счастье. Но книга Санаева избавляет и ее, и героя, и читателей от страха перед жизнью, от колпачков на голове, убедительно показывая, что любая свобода лучше такой безопасности.

Спокойные ночи малышей

Опыт нормального воспитания

(Олег Зайончковский. Петрович: Роман. М.: ОГИ, 2005)

Это не психологическая и не событийная — изобразительная проза. Роман Олега Зайончковского «Петрович» посвящен живописанию нормы детства, такого, каким оно должно быть. Здесь нет миростроительных оппозиций: личность не сталкивается с обществом, дети и взрослые не спорят о принципах. Мир «Петровича» строится на безальтернативности нормы, и намеки на отступления от нее играют роль назидательную или оттеночную, как дурнушки в свите красавицы.

Если Павлова и Санаева принципиально интересовал исключительный опыт детства, то Зайончковский реализует общую мечту о взрослении без испытаний и ломок, без выбора и отчаяния. Проблема выстаивания личности уступает здесь место проблеме самосохранения жизни за счет воспроизведения в каждом новом поколении ее нормального хода.

Малыш Георгий, по прозвищу Петрович, воспитан на уверенности в окружающем мире: он защищен семьей, как маленьким космосом, который до поры до времени мешает большому миру до него добраться. Имя «Петрович» — отражение отведенного ему места в семейной иерархии: он пока чей-то, отцов, «самый малый пассажир» «большого и налаженного состава их семейной жизни». У состава есть «локомотив» — дед Генрих, родоначальник, в первой и второй части романа еще «незыблемая скала», за спиной которой могут найти защиту все члены дома. Гармоничность их семейной жизни такова, что мать Петровича может сказать: «как с тобой тяжело!» только за то, что сын не хочет надевать чулки, а Петрович может заплакать, если «старшие» растеряются, «потеряют лицо»: «он не привык видеть их такими».

Жизнь Петровича вправлена в циклы большого мира. Автор уделяет внимание череде времен года, вписывает в историю детства героя — давнее детство его деда Генриха, и, дорисовав таким образом синусоиду жизни в прошлое, намечает ее и в будущем: «Вот, брат... Когда-нибудь и ты доживешь до такого», — молвит Генрих Петровичу, узнав о наступившей пенсии.

Петрович — шанс жизни на сменность и, одновременно, неизменность. Заметно, что автор подчеркивает в герое черты маленького мужчины. Насмешка героя Яцутко над драками, к которым понуждают соперников одноклассники, сокрушение героя Павлова об оглушенной по дедушкиному велению рыбе — подобные эпизоды невозможны в детстве Петровича. Вторая часть романа — это, по сути, инициация героя во взрослые мужские игры (машины, борьба, рыбалка, первые проявления сексуальности), так что кажется, будто драма временного, как раз не дольше этой части, ухода отца из семьи Петровича только и нужна была для возмужания его сына. Оно и происходит: в конце второй части Петрович случайно встречает отца и возвращает домой: инициатива в действии переходит от отца к подросшему сыну.

Герой без всякой жалости нанизывает на крючок рыбку-приманку и считает драку «серьезным поступком», он любит ездить в автомобилях и презирает троллейбусы, к вождению которых недаром, по его мнению, «допускались толстые болтливые тетки».

Кстати, о женщинах. По роману Зайончковского можно было бы учиться нормальному распределению половых ролей — с точки зрения традиционного, ориентирующего полы на семейное взаимодействие, общества. В мире романа женщина (мама Петровича) не умеет купить сыну игрушечной железной дороги, она (бабушка) кудахчет над синяками внука, почем зря спугивая его мужской аппетит. И конечно, есть маленькая женщина, предназначенная нашему маленькому мужчине. Феминисткам и поклонникам романтического идеала женственности советую пропускать страницы, благоухающие Вероникой. Ах, эта красивая — другой нам не надо! синеглазая и золотистая с «маленьким носиком» — нежный архетип покорной жены! нарядная в короткой белой шубке и колготках — все парни из класса ее заметили! работящая и ловкая — на таких женятся! любящая и нежная — не стерва какая-нибудь! но своевольная и кокетливая — а то станет совсем скучно! — девочка, пахнущая «розовым маслом».

Догадайтесь, чем закончится роман! Нет, не свадьбой, это старо, но фактически брачной ночью и, что важнее, брачным утром.

Мир книги Зайончковского укомплектован, как правильный конструктор из серии «Я познаю мир»: грузовики и кошки, поезда и воробьи, дворы и парки, дети и старушки, подвалы и голуби. Все это подробно, пространно, с удовольствием описывается, вплоть до того, как хвост мешал кошке охотиться, как люди «боком» ездят в метро, как собирали палатку, как шумит школа и как работают машины на стройке...

В какой-то момент чувствуешь, что обманываешь автора. Что тебе должно быть лет на -цать меньше: роман начинает глядеть дидактическим повествованием для детей. По сути, в романе два голоса: удивленный Петровичев и всеобъясняющий голос наставительного рассказчика. Текст романа не раз всерьез посвящает себя воспроизведению известных формул, принятых образов и ассоциаций, приводит поговорки и набившие оскомину мудрости — такое впечатление, что роман учит маленького читателя судить о мире, воспринимать его в рамках нормальных, то есть принятых, воспроизводимых от поколения к поколению, представлений.

Дети (Петрович) так не думают — так их учат думать и отвечать на уроке в школе на вопрос типа «За что я люблю книгу?»: «С помощью книжки, — втихаря подсказывает добрый автор, — можно было путешествовать в такие места, куда не дойдут никакие ...ноги».

Поучительно прилежание в труде, проявленное Петровичем на рыбалке: «Вылезать из палатки не хотелось, но долг повелевал. Сидеть сложа руки путешественнику не пристало, ведь нянек на природе нет».

Познавательны описание «извечного противостояния» дней и ночей, иллюстрация к «мудрой пословице про грабли», замечание о том, что если осуществимые мечты «греют» душу, то несбыточные «могут ее испепелить».

Доступно излагает мысль прием одушевления, необыкновенно частый в романе: свойство именно детской литературы объяснять все события простыми эмоциями вещей.

Радует подборка четырех описаний осени: укороченные дни (познавательный образ об устройстве мира), засыпающие мухи (картины природы), «что поделаешь, осень. Печальная, в сущности, пора» (образец рассуждения, прививающий стереотип отношения к предмету речи), «осень уже не стесняясь сыпала листьями» (одушевление, воспитывающее поэтизм мышления). Снег — вата, воробьи — сорванцы, злая женщина — с ярко накрашенными губами, злая воспитательница — в очках, злая девочка — рыжая, хорошая девочка — синегла... ах да, мы об этом уже сказали.

Дидактическое — скажем так: стилизованное под миф о добром старом детстве, когда нам читали такие вот вроде бы книжки, — дидактическое построение романа особенно видно в этическом плане воспитания Петровича. Героя (и нас) приучают к педагогическому закону жизни, который никогда, кроме как в детстве, рядом с родителями, не срабатывает так буквально, как в романе Зайончковского.

Суть этого закона — в непременном следовании награды за хорошим поступком. Будь хорошим мальчиком — и все к тебе притянется. Никакие страдания не напрасны. Вот смотри, как Петрович: его очень обидели в саду — и его забрали домой, он не заплакал из-за неудачного подарка — и получил такой, о каком и не мечтал, подрался за девочку — она его и поцеловала. При этом интересно, что за ослушанием, то есть за поступком *плохого мальчика*, в романе наказания не следует. Зайончковский совершенно исключает сюжет испытания из истории взросления своего героя.

Понятно, что это ход именно дидактической прозы, то есть воспитывающей понарошку. В том ее и суть, что, демонстрируя свое проникновение в вопросы нравственности, она не знает истинного этического напряжения: ведь напряжение — это искания, а в дидактическом мире все известно заранее, весь сюжет движется к подтверждению заявленного правила, так что и подумать нельзя, что может быть как-то иначе.

Герой, воспитанный в таком мире, конечно, не будет знать жизни. Познает ее только тот мальчик, который уже в детстве столкнется с абсурдностью, незаслуженностью страданий и невознаградимостью, то есть бескорыстием, добра — читайте, к примеру, о таком опыте детства в рассказе-притче Дмитрия Новикова «Предвкушения».

Когда душа не болит ни виной, как у героя Павлова, ни отнятой любовью, как у героя Санаева, можно заняться обычными заботами детства: «засевать почву» под всходы нужных подарков, тосковать от «чулок и рисовой каши». В первой части автор пытается провести героя через страх одиночества — Петрович боится, что его бросят родители, и впадает в панику, когда мама долго не выходит из магазина, — но это выглядит неубедительной авторской придумкой: с чего бы мальчику из заботливой, внимательной семьи, гордящемуся своей непринадлежностью к братству «безнадзорных оболтусов» с «никем не утираемыми соплями», испугаться такой ерунды — вспомним, в конце концов, как печально бросили героя Павлова, и, что называется, сравним!

Таким образом, взросление Петровича — это внешне-половое, нормальное созревание мужчины. Этот маленький буржуа, уверенный в себе и своих правах, не склонный винить себя в пустяках вроде шишки на вредной девчонке, с достоинством домашнего холеного малыша презирающий детсадовцев за то, что могут «жрать эту запеканку», в оценках «хорошист», то есть не хулиган, но и не слишком увлеченный ученик, — милый мальчик, не забывающий даже в волнении сказать «спасибо» за ужин.

И все бы хорошо, если бы от обаяния «насупленной благовоспитанности» Петровича к призывному возрасту не осталось и следа. Глава «Павильон», эпилоговая к детству героя, помимо воли автора вскрывает опасность *нормального* воспитания.

Мы вместе с Петровичем попадаем в переходную эпоху: прочность советского мира рушится на глазах, служащие изнывают от бессмысленности табельных дней и потихоньку сбегают в предпринимательство. Петрович, зависший между училищем и армией в московском дизайн-павильоне на ВДНХ, мается общей неясностью жизни. Космос семьи больше не определяет его роль в мире, а свою новую, хотя бы профессиональную, роль он пока не нашел. Но даже не это страшно. Удивительна та заурядность и усредненность, в которую превращается когда-то умилительная нормальность Петровича.

Человек дидактического детства на выходе из него дает прирост массы не знающих себя, не умеющих самостоятельно направлять свое духовное развитие людей. Петрович живет на шее у московской тети — и не спешит придумать, чем заняться. Зато легко находится для хамства. Если раньше он долго обдумывал чужое суждение о мире — то теперь охотно повторяет сплетни. При первом же окрике трусит и мечтает сбежать...

Автор хочет по-прежнему выдавать его за интересного и невинного ребенка — но слабости героя заматерели и потеряли обаяние, а игра в невинность выглядит безответственностью.

Из-за этого несовпадения умиленности автора и выросшего из нее героя последняя глава романа сама становится внутренне противоречивой: к оценкам и суждениям в ней легко придраться. Символом этого раздвоения становится финальная эротическая сцена ночи Петровича с приехавшей к нему Вероникой — текст готовит шибающий в нос шейк из неуместной иронии подглядывающих за интимной тайной школьников, дутой серьезности любовных романов, шаблонной невыразительности.

Может, автор просто стеснялся писать о сексе в романе, который написан не только под взрослого, но и под маленького читателя?..

Роман Зайончковского помогает осознать, что история воспитания — это все-таки история испытаний. Его герой просто впитывает норму детства как данность и долженствование бытия, не тратя на достижение этой нормы ни движения души, так что та вступает во взрослую жизнь совсем не тренированной. Но что с того — если Зайончковский угадал нашу тоску по нормальному, не искаженному испытаниями, этим атрибутом взросления, детству? Что с того, если так сладостно хоть об одном герое истории воспитания прочитать: «Выкупанный до телесного скрипа Петрович уложен был в свою кровать и, сладостно дрожащий, укрыт, подобно озимой травке, медленно опустившейся огромной простыней».

Баю-бай, дорогие читатели.

Кто победил?

«Тема детства может показаться банальной — но взгляните, например, как ее решают представитель "совестливого реализма" Олег Павлов (повесть "В безбожных переулках") и представитель "современной литературы" Денис Яцутко (повесть "Божество"). Оба жалуются на жизнь, оба не любят своего детства, оба капают читателю на мозги. А жизнь не нуждается ни в "лакировке", ни в "очернительстве" — она нуждается в любви и прощении», — Лев Пирогов высоко оценивает опыт победы над злом, предпринятый Зайончковским («Ex libris НГ», 22 декабря 2005 г.). Но подобно тому как в книге рассказов этого писателя «Сергеев и городок» критик не заметил ни тяжелой драмы алкоголизма, ни драк с топором («Первая книга Зайончковского... живописала городок — "где утомленному есть сердцу уголок". <...> Где не смотрят телевизор, не жрут водку и не гоняются друг за другом с топорами»), так и в романе о детстве он не заметил драмы слишком «светлого, незамутненного взгляда» на взросление.

Что вообще можно любить в своем детстве? Свободу? — но истинную свободу дает только взрослая, драматически связанная с ответственностью, жизнь. Беззаботность? — ну это если повезет с родителями, герою Павлова вот не повезло... Так называемую невинность? — но чего стоит врожденная невинность без опытности, которая рушится, едва ребенка коснется мир? Блаженство неведения о сложности жизни? — но в таком случае тосковать о детстве — все равно что тосковать по сну эмбриона, когда свернулся себе и даже кричать не надо, чтоб мама оказалась рядом, — а отсюда уже только шаг до тоски по загробному покою, как у героя Чередниченко...

Детство гораздо более драматичное духовное состояние, чем принято думать и в песнях распевать. И главный его соблазн — продлить детство пожизненно, так и не решиться проявить себя, перевести детский опыт послушания в пожизненное малодушие не-самости. Так хочется не быть собой и ни за что не отвечать. Проглоти меня, папа Кронос, мне сладко свариться в твоем животе...

Но, может, по пути в китово чрево нулю вооружиться острой единицей миссии, для которой он был рожден?

Евгений ЕРМОЛИН

ПРОСЬБА О ЛЮБВИ

Уэльбек — фигура очевидно маргинальная. Но мир повернулся сегодня так, что именно маргиналы оказываются в центре внимания. Именно их голос важнее и существенней всего. Новый, четвертый, роман Уэльбека «Возможность острова» (далее «ВО») — это событие. Это больше, чем событие. Если в наше время, в новом веке, появляются такие книги, значит, не все проиграно. Значит, существует литература. Значит, Европа не погрузилась в духовный анабиоз. Значит, у человека есть шанс. Есть *возможность острова*.

Роман, вышедший в 2005 году, вызвал реакцию почти истерическую в среде европейских записных вольнодумцев (среди которых многовато людей со слишком короткими мыслями). Одна из первых читательниц, Мартина Майстер, обозреватель «Frankfurter Rundschau», назвала роман «верхом литературного цинизма и нагромождением банальностей». В манере необязательных предположений она усмотрела в романе вероятность «антисемитизма, исламофобии, женоненавистничества, мизантропии, ненависти к детям», но в итоге установила, что на самом деле цель его автора — «нарушение последних табу». Пророк Уэльбек превратился в пустозвона, этот «Гарри Поттер» для взрослых не вызовет резонанса, несмотря на все собранные в нем провокации, была уверена Майстер.

Уэльбеку, собственно, не привыкать к инвективам в свой адрес. Левые его не любят за резко сатирическое изображение «детей цветов» в «Элементарных частицах», да и за ту самую «исламофобию». Как известно, судебный процесс 1998 года по обвинению в оскорблении религиозных чувств приверженцев ислама был выигран Уэльбеком благодаря заступничеству авторитетного литературного критика и издателя Филиппа Соллерса, а иск, предъявленный ему позже, был отклонен под влиянием общеевропейского шока — слушания по «делу Уэльбека» пришлись на 11 сентября 2001 года (в 2001 году писатель написал роман «Платформа», в котором был выведен исламский экстремизм; роман был опубликован за 18 дней до событий 11 сентября). Но и перед правыми писатель провинился, как-то назвав себя коммунистом (хотя оговорился, что не признаёт марксизм).

Неадекватность растиражированной в СМИ (в т.ч. российских) реакции бросается в глаза. В сочетании с пафосом перманентного припадка она

Евгений ЕРМОЛИН — родился в 1959 г. в деревне Хачела Архангельской области. Окончил факультет журналистики МГУ. Доктор искусствоведения, ректор Института истории культур, профессор Ярославского университета. Автор многочисленных литературно-критических статей и нескольких книг. Заместитель главного редактора «Континента». Живет в Москве.

наводит на мысль, что Уэльбек снова задел за живое. Что его размышления о судьбе европейца, человека христианско-гуманистической цивилизации в момент ее острого кризиса, касаются самых болезненных, самых интимных тем современности. «Он разнес вдребезги политкорректное мышление, чтобы дать слово своему поколению и своей эпохе», — характеризует Уэльбека журнал «Lire». Похоже на то.

Только отодвинем в сторону дешевизну разговоров об инспирированных скандалах, о выгодных способах рекламы, о провокативной натуре Уэльбека, о доходах Уэльбека, о расходах Уэльбека...

Ну да, можно вспомнить хорошо известное. «Его фигура стала особым "медиа-феноменом", которому посвящены специальные исследования и эссе». Права на издание романа издательство «Файяр» перекупило у «Фламмариона», выплатив автору огромный гонорар: миллион евро (не считая авторских процентов с продаж). Скандальности добавило то обстоятельство, что издательство решило избежать предваряющих публикацию недоброжелательных рецензий. Оно разослало пресс-тираж новой книги только пятнадцати критикам, в положительном отклике которых можно было не сомневаться. Остальные были вынуждены писать о романе, так и не прочитав его перед выходом в свет, — и пребывали поэтому в гневе. Эксперты престижной Гонкуровской премии прошли мимо романа. Утешительным призом стала премия «Интералье», присуждаемая обычно не авторам романов, а эссеистам. Но «ВО» разошелся во Франции рекордным тиражом 300 тысяч экземпляров. (Совокупный тираж вышедших в 1998 году «Элементарных частиц» составил, как пишут, полмиллиона экземпляров, но это, кажется, с учетом всей Европы.)

В России роман был переведен Ириной Стаф и вышел в 2006 году. Стартовый тираж романа был распродан за два дня. Общий же тираж «ВО», как обещал директор монополизировавшего издание книг Уэльбека в России издательства «Иностранка» Сергей Пархоменко, составит сто тысяч экземпляров. Летом 2006 года Уэльбек представлял роман в Москве и Петербурге. В приветственном слове глава Федерального агентства по культуре и кинематографии Михаил Швыдкой назвал гостя «главным писателем конца XX — начала XXI века». Мне кажется, это не было дежурным комплиментом. Чиновника можно ругать или хвалить, но в уме и зоркости ему не откажешь.

Кажется, Уэльбек прав и в том, что «ВО» — его лучший роман. Вот и отказавший роману в больших достоинствах и вообще мало что в нем понявший рецензент «Ведомостей» А. Вислов хорошо уловил общий смысл того, чем занимается Уэльбек. «Он, — замечает Вислов, — сумел вернуть в литературу такие подрастерянные ею понятия, как трагизм, буря и натиск, преодоление табу, подлинный и чреватый последствиями эксперимент, бесстрашно пропускаемый через существо, а не весело имитируемый. И не своей футурологией, и не связью с космосом писатель нам дорог. А связью с великой французской традицией дерзновенного и отчаянного письма, идущей от маркиза де Сада и "проклятых поэтов" и обретшей в фигуре Уэльбека отчетливо сегодняшнее выражение».

Между тем в России о романе не спорят. Появилось несколько рецензий довольно спокойного тона — и пока все. Впрочем, время на споры не ушло.

Уэльбек написал роман о самых главных, по сути, вещах. О смерти. О любви. О том, что значит для человека любовь, возможна ли взаимность, можно ли прожить без любви. И о том, как избежать смерти, о проблеме бессмертия.

Простые, вечные темы! Как раз сегодня, когда я пишу эти строки, в сетевом дневнике одного моего виртуального приятеля появилась запись: «Я очень боюсь умереть... я не хочу этого... я хочу узнать что будет дальше я хочу жить вечно... и я очень боюсь умереть». На что немедленно последовал ответ одного из читателей, где эмоция спрятана за *падонковским* сленгом: «глупо боящца того, что неизбежно»...

Недоброжелательный рецензент в Newsinfo изложил содержание романа так: «Повествование в "Возможности острова" ведется от лица стремительно стареющего комика-стендаписта Даниэля, бонвивана и женолюба, а также пары его далеких потомков, полученных с помощью клонирования. Мучительно скорбя об ускользающих возможностях, Даниэль пьет горькую, мечется между бывшей старой женой и новой юной любовницей, кидается от отчаяния к надежде и обратно. В конце концов он оказывается одним из последователей секты "элохимитов", собирающей у своих адептов ДНК для последующего клонирования. А и действительно: зачем мучительно стариться, нервно считать уходящие годы и оставшиеся зубы, рожать неблагодарных, крикливых, неопрятных и вообще совершенно бесполезных детей, если можно всего этого избежать? Уэльбек, устами своего героя, разражается длинными, страниц по десять, и весьма неполиткорректными монологами. Это пропаганда и "движения childfree", и необходимости избавления от социального балласта — стариков и инвалидов, а также рекомендация безо всякого стеснения пользоваться дарами молодости — силой, крепким здоровьем и стабильной эрекцией. За гробом все равно ничего хорошего нет, а тех, кого разгульная жизнь подкосит в цвете лет, можно будет с легкостью воспроизвести из генетического материала — будет как новенький».

Что является здесь предметом иронии критика? Наверное, автор, выбравший такого несимпатичного героя, стареющего любовника, дурака и эгоиста. При этом предполагается, что герой — рупор идей автора... Чтение по поверхности текста дает именно такой эффект, и Уэльбека охотно упрекают (следом за его героями) в инфантилизме (Н. Александров), в обывательской ограниченности (М. Мишуровская).

Об авторе чуть погодя. Но рецензент не заметил и того, что герой — популярный эстрадный комик — измучен жаждой ускользающего смысла. Его клоунада — это довольно уже традиционный способ непатетически пережить главные сюжеты существования. Может быть, это уже даже единственно возможный способ в том мире, который слишком недоверчив к искреннему выражению чувств, скептичен или циничен.

Проза Уэльбека в основе комична там, где он говорит о современном обществе, но он вливает сюда и лирическую тему о драме героя, которого он любит, несмотря на то, что сам герой тоже комичен. Но герой хорош хоть тем, что понимает, как он смешон и жалок. Даниэль — это типичный европейский интеллектуал наших дней. По замыслу автора, герой, сочиняющий и исполняющий неполиткорректные скетчи на актуальные темы (арабы и евреи, порно и насилие, социалисты и демократы), — шут, которо-

му одному позволено говорить королю правду в глаза. «В наше время такой король — это политкорректный благополучный член общества», — отметил Уэльбек в интервью «Коммерсанту».

С другой стороны, Уэльбек — социальный реалист. Его Даниэль аккумулирует в себе проблемы среднего европейца. Может быть, он осознает их чуть более остро и болезненно, но проблемы средние и уровень осознания вполне типичный. Это исповедь среднего человека. Среднего, но страдающего. Страдающего, но среднего. Эгоиста, гедониста, скептика, даже циника. Который может себе позволить констатации такого рода: «В день, когда мой сын покончил с собой, я сделал себе яичницу с помидорами. Живая собака лучше мертвого льва, прав был Екклесиаст. Я никогда не любил этого ребенка: он был тупой, как его мать, и злой, как отец. Не вижу никакой трагедии в том, что он умер; без таких людей прекрасно можно обойтись».

«Меня упрекают в том, что я показал в деталях "серое" человечество, — говорит Уэльбек. — Многие не хотят, чтобы я это говорил».

«Даниэль — безупречный представитель новейшего европейского декаданса, злобный интеллектуал конца времен, отвратительный, симпатичный и жалкий» (К. Решетников). Даниэль успешен и востребован. Он богат и может позволить себе многое. Но жизнь его довольно банальна. Без великого свершения, без подвига, без сильной страсти... Пожалуй, главное событие в его жизни — любовь. Но она скукожена, приземлена, подменена сексом. Ровесница героя Изабель оставляет Даниэля, когда осознает, что теряет телесную форму и перестала интересовать мужа с сексуальной стороны, а живущая расчетом юная Эстер покидает героя, уезжая учиться в Нью-Йорк, — «старик» ей больше не нужен.

Далее рецензент Newsinfo добавляет: «Уэльбек вводит в повествование второго рассказчика — собственно клона комика Даниэля. В своих кратких ремарках к мемуарам своего предка клон просто не в состоянии скрыть, какая скука одолевает его в бесконечном его клонированном существовании. Детей нет, секс надоел, о том, что такое любовь, за пару тысяч лет "неочеловеки" успели забыть, а о страхе смерти и упоении риском и не знали никогда... Насколько эффективна такая антипропаганда, судить читателю. Но все-таки кажется, что она не может служить достаточным противовесом тому заряду желчной мизантропии, который изрыгает Даниэль и за которым слишком прозрачно читается усталость от жизни самого Уэльбека».

Ах, хочется воскликнуть, всем бы вот такую *усталость от жизни*! Или хотя бы некоторым — такую острую, нервную, точную реакцию на происходящее в мире! Не на мелкие и частные события, которых Уэльбек, как оказалось при его встречах с москвичами, иной раз просто не замечает. А на то, что происходит с человеком в его экзистенциальной основе.

Вот факт: кризис веры, ее утрата. Умирание духовного дискурса христианства, да и других «исторических», «традиционных» религий. Уэльбек застигает человека на обломках, на руинах веры. Вне ее.

Совершенно очевидным образом утрата веры ведет к смерти любви. Любовь теряет смысл, объяснение и оправдание — а следом уходит как факт. Этот процесс мог бы показаться умозрительно описанным, если бы не способность Уэльбека очень точно и жестко схватывать социальные про-

цессы в их связи с ключевыми проблемами духа — и выпукло представлять их в образах и ситуациях.

...Итак, руины. Дальше — два пути.

Личные поиски смысла, которые неотвратимо приводят к разочарованию и страданию. Да, это движение от секса к сексу — это инструментальная замена все более проблематичной любви, уже почти неведомой, как объявляет герой, новому поколению европейцев. (В интервью «Коммерсанту» Уэльбек назвал себя «сексуальным реалистом»: «В моих книгах секс занимает столько же места, сколько в мыслях среднего человека».) Это паника от утрат. Это страх старости. Это ужас ухода и небытия.

«Сексуально озабоченный невропат», по характеристике одного легкомысленного сетевого критика, Уэльбек констатирует, что для духовно обнищавшего европейца секс — чуть ли не единственное, что еще может дать подобие счастья. Поэтому хороши только молодость и красота, позволяющие брать сексуальные удовольствия горстями. И так ужасна асексуализированная старость. Старость (она начинается лет в 40, когда человеческое тело начинает увядать) — конец жизни. И бороться с этим бесполезно. Старики — отбросы.

Характерные рассуждения героя: «Когда исчезает секс, на его место приходит тело другого, его более или менее враждебное присутствие; приходят звуки, движения, запахи; и само наличие этого тела, которое нельзя больше осязать, освящать коитусом, постепенно начинает раздражать; к сожалению, все это давно известно. Вместе с эротикой сразу исчезает и нежность. Не бывает никаких непорочных связей и возвышенных союзов душ, ничего даже отдаленно похожего. Когда уходит физическая любовь, уходит все; вялая, неглубокая досада заполняет однообразную череду дней. А относительно физической любви я не строил никаких иллюзий. Молодость, красота, сила: критерии у физической любви ровно те же, что у нацизма. Короче, я сидел по уши в дерьме...»

Сетевой автор Booklo остроумно иронизирует по поводу этого комплекса европейца: «Как страшно, когда ты старый. Девочки не любят старых. Даже миллионеров. Старые зачесывают волосы на лысину, втягивают брюхо, натираются чудо-кремами: бесполезно. Страх дряхления охватывает женщин, как только они покупают крем "начиная с 25 лет" и утягивающие колготки 46-го размера, и не оставляет уже никогда. Миром правит ужас старения. Только и остается пенсионерам, что отдать свою ДНК модной секте, в надежде, что когда-нибудь их клонируют красивыми, точно только что с конвейера фирмы "Маттель" или с обложки глянцевого журнала»...

Подспудно обозначена в опыте героя другая проблема. Но, по сути, она оказывается едва ли не центральной. Это одиночество. Один из авторов Живого Журнала, skuzn, почувствовал это тоньше многих критиков. Позволю себе дословную цитату: книга — «про то, что интимный контакт между людьми невозможен. Еще точнее: невозможен для аутичного и нарциссичного героя. И как при этом его не хватает. Ну, вот когда е..шься есть чувство, что он есть — но и это вызывает какое-то сомнение, потому что вот живешь с женщиной много лет, налево не ходишь, все дела — а тут выясня-

ешь, что даже в момент е.ли никакой близости нет, потому что е.ля ее, собственно, не очень интересует. О мужиках и говорить нечего».

Наконец, смерть. Вот принципиальный фокус, ведь и старость — лишь иносказание, лишь эвфемизм для нее. Кто-то уже вспомнил историка культуры Филиппа Арьеса, который в исследовании об истории форм и способов восприятия смерти заметил, что в нашем мире смерть, когда-то считавшаяся важнейшим событием жизни, перестала быть фактом, достойным упоминания. Уэльбек возвращает читателя к тому, чего общество пытается не замечать. Он идет и дальше, к трагифарсовому гротеску: человек, как таковой, оказывается обречен на небытие не только личное, но и как род. На смену виду homo sapiens идут «неолюди», крепкие, эластичные, почти лишенные чувств.

Собственно, здесь писатель излагает то, в чем он, судя по всему, на самом деле убежден: человеческий род не есть окончательная данность. Он преходит и прейдет. «Нам всем — кранты, кердык, финиш, полный абзац». В новом романе к истории о личном крахе добавлена другая история — о пути и о крахе общем.

...Есть второй выход из драмы существования, нам, в России, отчасти ведомый: коллективный проект бессмертия. Впрочем, у писателя на западный манер. Это секта со всем ее пафосом коллективных эмоций и жестов. Здесь найден, кажется, выход, как победить старость и обрести вечную жизнь: с помощью клонирования. Ты умираешь — тебе на смену приходит твоя точная генетическая копия, а значит, это снова ты, значит, ты снова живешь.

Говорят, что, работая над «ВО», Уэльбек сблизился с сектой раэлитов, пропагандирующей размножение посредством клонирования и объявившей в 2002 году сенсационную новость о появлении в частной клинике клона человека. В интервью «Эху Москвы» он это даже подтвердил. Хотя заметил, что он все сильно преувеличил, добавил, так сказать, жести, и что на самом деле его просто реально волнует проблема соотношения жизни долгой и жизни вечной.

«Меня упрекают в том, что я уверен: все, что возможно технически, будет реализовано, даже если это не гуманно, — говорил Уэльбек. — Клонирование неизбежно. Многие не хотят, чтобы я это говорил». Клонирование человека у Уэльбека — дело ближайшего будущего. Его начинают элохимиты — новое человечество, вырастающее из секты, созданной шарлатаном. Даниэль оказывается среди них довольно случайно, но постепенно проникает в смысл этого проекта и увлекается им. Для «потомков»-клонов он пишет дневник — историю о себе (этот дневник мы читаем).

«Вполне вероятно, что неверующий Уэльбек — член показанной в романе секты, обещающей вечную жизнь и обеспечивающей оную: отменив (уже во второй раз, вслед за "Элементарными частицами") секс как форму человеческой коммуникации, Уэльбек открывает секрет клонирования человека, "модифицированного и улучшенного"» (А. Долин). Сетевой автор Booklo фиксирует: «Неолюди питаются пилюлями, не болеют, не знают, что такое слезы, смех и любовь, изредка посылают немногочисленным сетевым знакомым короткие записки, читают философские произведения и жизнеописания своих "прадоноров", играют с домашними животными, которых клониру-

ют вместе с хозяевами, и готовятся к пришествию Грядущих... 24-й и 25-й Даниэли брезгливо комментируют доставшуюся им рукопись Даниэля 1: "прерывистый, мучительный, безудержно-сентиментальный и в то же время откровенно циничный, противоречивый со всех точек зрения" рассказ об истории секты, а главное — о любви и смерти».

Однако и этот проект, по Уэльбеку, не спасает. Преувеличивать его сближение с раэлитами едва ли приходится. Клоны у него — почти растения, фитосущества, явно обделенные тем, что придает значительность бытию человека. Это не ницшеанство, это пародия на сверхчеловека Ницше.

Но и они, в далеком будущем знакомящиеся с воспоминаниями предка и комментирующие их, в итоге приходят к выводу о бессмысленности своего безболезненного, дистиллированного бытия.

Автор ЖЖ 1984 born изложила впечатления от романа как личный мрачный опыт: «...после возможности острова ничего не хочется в принципе... только умереть... любые другие попытки тщетны, потому что всем и всему хана... старость у Уэльбека — ужасна, собственные дети тоже... враги, о которых ты обязан заботиться до конца жизни... те редкие минуты счастья, которые мы переживаем, даже не любовь, а секс, но и он не идет ни в какое сравнение с муками в конце жизни... остров и впрямь квинтэссенция всей жести, что есть в других его романах... та же колода карт, только совсем уж лихо перетасованная... и нет никому награды, здесь даже надежды не мелькает, сквозь "вакуумную оболочку" к новому поколению людей, просачивается грусть, тоска и мечты о несбыточном... так страшно смотреть вперед, перелистывать календарь... сегодня ты знаменит, а завтра впадаешь в маразм... старческое одиночество у Уэльбека намного мучительнее сладкой жизни... есть ли от этого спасение, или нет, так и не узнали ни герой, ни их более совершенные потомки... и так интересно, узнал ли это сам Уэльбек?»

Или вот, еще одна чисто эмоциональная реакция рецензента: «Хочется свернуться калачиком и забиться куда-нибудь в темный угол — так беспросветна проза Уэльбека. Человек с нестабильной психикой, пожалуй, и счеты с жизнью может свести. Европейской молодежи, впрочем, такие тексты нравятся. В чем, по-моему, и заключается самое страшное» (В. Владимирский).

В итоге обретаемое бессмертие оказывается вполне личным, индивидуальным и основанным не столько на коллективных мифах, сколько на супертехнологиях клонирования. И, тут рецензент прав, покупается оно ценой отказа от любви. Безмятежное блаженство — ценой чувств и драм бытия. Потому что любовь и страдание оказываются нераздельными. Но существование без любви и без страдания оборачивается кромешной скукой — и идеальный клон в конце концов покинет свой благополучный дом и отправится на поиски острова, где люди живут иначе: чувствуя и страдая.

Как это правдиво и как это глубоко — вот что хочется сказать в этом месте. Роман читаешь, не отрываясь, слишком часто и слишком многое узнавая. И печаль автора, его глубочайшая меланхолия не мешают понимать, как сочувствует он своим героям и как жалеет их.

Кажется, Уэльбеку нечем их и нас обнадежить. Как социальный аналитик и критик он приговаривает западное человечество и человечество вооб-

ще. Даже мусульмане у него обречены поддаться соблазнам общества потребления и на полшага позже, чем христиане, забудут про религиозную идентичность. Нам представлен мир тотальной капитуляции, что выглядит правдоподобно для средних величин социальной жизни — но, пожалуй, грешит явной недооценкой ресурсов личностного духовного сопротивления, основанного на традиционных религиозно-гуманистических ценностях. Слишком легко, отчасти наспех разделывается писатель с людьми веры как историческим и социальным фактором.

По сути, он представил нам апокалипсис без *Остатка верных*, мир, где практически все поддаются сомнительному, едва ли не антихристову проекту альтернативного «спасения».

Но все-таки именно этот его роман оставляет впечатление какого-то просвета. Да, биографическая перспектива каждой жизни скорей мрачна и безысходна. Такое ощущение, что Уэльбек не видит в реальной жизни реальной альтернативы. Многие читатели романа находят его беспросветно мрачным. Корреспондент «Радио Культура» Регина Тамм, скажем, заключает: «И не надейтесь пожалуйста. Хэппи-энда не будет. Спасительного острова — тем более. Хотите любви? Заведите собаку. А рецепты неувядающей красоты — в гламурных журналах».

Но какой-то шанс на лучшее писатель, думаю я, хочет дать, и он его дает.

Во-первых, любовь возможна вопреки всему. Пусть на миг. На час. Пусть смешная и нелепая. Да, *возможность острова*. Вера в Остров. Как сказано в предсмертном стихотворении шута и паяца Даниэля:

И мне, ровеснику Земли,
Единый миг любви откроет
Во времени — безбрежном море —
Возможность острова вдали.

Только это остров не в пространстве, где безуспешно ищет его герой-клон, вообразивший себе неведомый и прекрасный Лансароте, а, скорее, во времени. Точнее, в вечности.

Прав М. Визель: «Но самое главное и самое невероятное — в романе появляется любовь... подлинная человеческая страсть — та самая, что движет солнце и светила, заставляет людей совершать безумства и геройства, ведет к расцвету новых религий... и толкает на далекие опасные путешествия, как то случилось с презревшим благоустроенную бесстрастную жизнь героем далекого будущего. “Эти несколько часов, — вспоминает 47-летний Даниэль свою первую ночь с 22-летней возлюбленной, — были оправданием всей моей жизни”. И мизантроп с внешностью усталого циника, Мишель Уэльбек так выстраивает свой роман, что ему веришь: “остров”, символ рая на земле, к которому стремится лишенный страстей неочеловек Даниэль 25, — возможен, несмотря на все наши несовершенства». То ли иронично, то ли простодушно и Booklo резюмирует свои наблюдения: «А может, все к лучшему: в сети, связывающей мозги клонов, к описываемому Уэльбеком времени уже началась мутация программного обеспечения. Возможно, благодаря ей неолюди усовершенствуются, возродят города и заново научатся любить»...

Да, потенциал и сама реальность любви — они были, есть и будут спасительными для человека и для человечества. Именно и больше всего в любви человек достигает того сущностного богоподобия, которое оказывается спасительным... Впрочем, что это я? Эти истины не нуждаются в тиражировании. О них разве что стоит иногда напоминать.

В своем интервью «Ле Монд», приуроченном к выходу «ВО», Уэльбек признался: «Когда я писал мой первый роман, то был уверен, что он перевернет мир. Сейчас я уже оставил эту идею». Да, еще ни один роман не перевернул мир. Но новая вещь Уэльбека все-таки очень нужна сегодня нам, чтобы трезво оценить ситуацию и перспективы — и жить в общем-то перпендикулярно им.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И КРИТИКА

1. Художественная проза

(Второй квартал 2006 г.)

А. «Дружба народов», «Знамя», «Новый мир», «Октябрь»

Среди самых заметных вещей сезона — **повесть Михаила Письменного «Литературы русской История»** («Дружба народов», № 5). Провинциальные гении. Литературные мечтания и грубошерстная жизнь. Литература как средство роста и обретения идеального смысла в пучине бытия. Юродство, шутовство, надрывы. И все это — в форме собранных в одной тетради комментариев разных лиц к жизни местного поэта Веревкина, взявшего псевдоним Вервий. Стихи этого Вервия, которые цитируют рассказчики, кстати, очень неплохие.

Роман Петра Алешковского **«Рыба. История одной миграции»** («Октябрь», № 4) — серьезное повествование о русской женщине, медсестре. Детство, юность, археологические экспедиции, заманки Азии... Встреча с насильником... Волей судеб героиня — вечная странница. Родилась в Таджикистане, беженкой эмигрировала после распада СССР в Россию, где такие, как она, возвращенцы никогда не привечались. Еще б: «понаехали!»... Роман написан от первого лица. Важная проза, в которой автор одним из первых касается значительной социальной темы и дает портрет яркого, интересного человека.

«Сентиментальное путешествие» — таков подзаголовок (определение жанра?) новой вещи питерца **Михаила Кураева «Осторожно — Кукуев!»** в «Дружбе народов» (№ 4–6). Написана она как своего рода опровержение довольно известной в позднесоветские времена книжки Вадима Кожевникова «Знакомьтесь — Балуев!». У официозного совписа Кожевникова Балуев — положительный герой, рабочий и руководитель нового, близкого к идеалу типа. Кураев же изображает махинатора и прощелыгу, плута и артиста, который умело эксплуатирует идеологические клише эпохи (каким, кстати, и оказался при более близком рассмотрении житейский прототип кожевниковского героя). Вещь, пожалуй, даже перегружена технологическими подробностями кукуевских махинаций. С одной стороны, Кураев вместе со своим честным следователем Сергеевым вдохновляется пафосом разоблачения ложного героя. С другой — его герой, подобно персонажу плутовского романа, обладает каким-то отрицательным обаянием. Но самая сильная эмоция Кураева — это сарказм: люди неисправимы, социум неисправим, литератор бессилен. Как обычно, писатель обильно снабжает текст своими комментариями и остроумными суждениями по разным смежным вопросам мироустройства.

КАРТИНКИ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

«Говорит:» Линор Горалик («Новый мир», № 6) — коллекция записей. Автор то ли придумала, то ли подслушала короткие истории и реплики, как правило, трагикомического свойства, которые так или иначе характеризуют

жизнь и человека. Яркий, концентрированный текст. Пара коротких примеров: *« — ...Жена пришла, а кошка пахнет чужими духами»*; *« — ...Я Ленку за руку схватила — и бегом к соседям. И теперь так раз в неделю, уклюкается и как попрет на нее, и лапами так перед собой гребет, знаешь, как экскаватор. Так мы с ней уже наученные: прыг в сапоги — и бегом. Но кроме этого, Наташа, грех жаловаться. Мне все говорили: ни один мужик чужую дочку любить не будет, а вот поди ж ты»...*

«Повествование в рассказах» волгоградца **Бориса Екимова «Родительская суббота»** («Новый мир», № 4) — характерное для этого писателя нежное воспоминание о прекрасном и человеческом, о том, чем жила душа, что любила. Мать, дом, соседи, родные... Горячая волна любви и горький привкус печали. Хорошая, екимовская вещь. Из финала: *«Угаснут, дотлеют усадьбы и дома, свой век доживающие. Народ старый да горемычный, какой с нынешней жизнью не сладил, скоро перемрет. Одного за другим их таскают на кладбище <...> Они так быстро уходят, словно торопятся, один поперед другого <...> В годы последние, понимая свою близкую смерть, мать говорила: "Хочу умереть осенью. Много цветов..." Она и умерла осенью... Цветов было столько, что в банках с водой они не уместились и лежали грудой на могиле, переливчатым ворохом: астры, розы, циннии, хризантемы <...> А возле старого дома, на улице, на воле, играют ребятишки. Порой допоздна. Звенят и звенят детские голоса... Уже рано темнеет. Впереди долгая, по-южному теплая, но все же осень. А потом настанет зима».*

Рассказ ростовчанина **Дениса Гуцко «Ева не нужна»** («Дружба народов», № 5) — история о любви. Девочка Ева влюбилась в женатого мужчину, а ему она совсем ни к чему с ее большой любовью. Сослуживица Евы сначала завидует ей, а потом злорадствует. Сама-то она давно похоронила свою любовь (хотя предмет ее жив-здоров). И, кажется, не жалеет. Обстоятельное письмо, создающее свободное, непринужденно разворачивающееся перед читателем пространство жизни.

Три **рассказа** молодого уфимца **Игоря Савельева** («Знамя», № 5) — истории из современной жизни: как правило, со смазанным фокусом, без дидактики и авторского вывода. Большие и мелкие драмы существования — в собственном их соку. Истории с плохим концом. Если и можно оттуда вынести что-то по поводу современного человека, то выводы эти окажутся довольно грустными: гедонист, приспособленец, без царя в голове или во всяком случае без твердых ценностей... У Савельева хороший слог, он умеет четко и лаконично расставить надлежащие акценты, не стесняя течение жизни.

В **рассказе Натальи Смирновой «Цветочница»** («Знамя», № 4) представлены высокомерный холодный художник (от его имени ведется повествование) и глупые, грешные, вульгарные, но живые обыватели-торгаши. Художник по старинной романтической привычке строит в жизни конфликт между гением и плебеями. А торгаши... ищут, как могут, любви, заботятся, страдают... В итоге они и побеждают, от героя уходит жена. Вот только от чистоты романтического противоборства к этому моменту остается не так много. Не слишком-то автор симпатизирует гению-эгоисту.

«Повесть о Михаиле Петровиче» петербуржца **Анатолия Бузулукского** («Знамя», № 5) — история о современном обывателе, заскорузлом, своеко-

рыстном, эгоистичном среднем городском жителе. Завистнике в придачу. Социопсихологический портрет, довольно удачный. Герой однажды по ошибке предположил, что он почти случайно убил на улице подростка. К тому же — сына своего бывшего сотрудника. И этот случай даже что-то повернул в его душе. Но ошибка прояснилась, и Михаил Петрович будет счастливо, успешно и банально жить дальше.

«Жизнеописание в рассказах с непременной моралью» **Алексея Слаповского «Как Емельянов...»** («Знамя», № 4) — это серия коротких историй, «современных притч». Автор щеголяет среднего качества афоризмами и парадоксами, к примеру так: *«Не делайте слишком много добрых дел в обществе, которое к этому не готово. Сумма плюсов превращается в минус, торопливое насаждение добра становится злом, что мы, дети и внуки советской власти, чувствуем на своей шкуре до сих пор. Хотя наверняка там, где советской власти не было, та же история».*

Эффектную историю придумал нижегородец **Евгений Эрастов (рассказ «Пауки»** — «Наш современник», № 6). Пауки — это всевозможные новые русские хищники. К ним относится и дочка советского номенклатурщика, успешно пристроившегося при новой власти, Мирослава. Женила на себе перспективного парня, потом отсудила при разводе немереные баксы, ввиду бесплодия наняла суррогатную мать... Но ждет ее возмездие. И поделом. Бойкая социальная беллетристика. А в **повести «Небывальщина»** («Москва», № 4) Эрастов изобразил непрактичного, несовременного провинциального доцента-биолога, увлеченного наукой. На него сыплются неприятности и беды, а он все о своем, и доходит ведь в самый критический момент жизни до научного открытия!.. Еще один **рассказ** Эрастова, **«Милая Ади»**, в «Москве» (№ 5) художественно интереснее. Это письма немецкого солдата из Сталинграда неизвестной девушке в Германию. Сам по себе такой заход немного искусствен, но драма довольно среднего, но все-таки неплохого человека, попавшего в мясорубку войны и ставшего орудием зла, изображена довольно убедительно.

В рассказе **Юрия Рябинина «Игра "игра в деньги"»** («Москва», № 6) писатель и его дочь учреждают собственную валюту в деревне Макеиха. Товарно-денежные отношения, начавшись с детской игры, приобретают реальную власть. В финале, когда игра пресеклась, местный старик мудро отмечает: *«А макеинки эти я сохраню. На память. Все-таки здорово вышло! Оно, конечно, подурачились. Не без того. Но мы же им показали! — Емельяныч погрозил кулаком куда-то в сторону. — Показали, что и сами проживем, если надо будет! Без них!»*

Рассказ Олега Зоберна «Плавский чай» («Новый мир», № 4) — история глуповатая, этакий дураковатый сказ на религиозную тему, не без спекулятивной скороминки. Герой помог священнику, родному дяде, приобрести машину. Священник в награду за труды предлагает племяннику купить что тому захочется. А юный племяш, не будь дураком, просит денег на проститутку. «"Хорошая машинка у тебя теперь, отче, — говорю я. — А все благодаря кому?" — "...Тебе, конечно. — Он кивает и продолжает шутливо: — Проси чего хочешь!.." Смотрю на девочку возле трансформаторной будки и, сам не понимая, шутя или нет, говорю: "Купи мне, батя, вот это чудо.

Ненадолго. Вот эту тварь Божью...” Отцу Николаю не по себе, но денег он дает. Правда, свиданье в кукурузном поле кончается для героя конфузом. А все батюшка: “Я молился, чтобы у тебя не встал!” — громко говорит он и, остервенело похохатывая, дает по газам». Ладно, племяш — дурак и, видать, не без дерьмеца. Ладно, священника Зоберн придумал тоже нестандартного. Но к чему весь этот рассказ? Так часто бывает у Зоберна — к финалу смысл по нулям. Пустой талант.

В **повести Марианны Гейде «Энтропия»** («Новый мир», № 6) некий преподаватель провинциального вуза с тяжелым детством (о нем рассказано во вводной части), читая курс «Концепции современного естествознания», пугает студентов факультативными подробностями. Простоватым коллегам это не нравится... Вещь написана замысловато. Гейде мало того что знает слова и умеет тщательно копаться в деталях душевного опыта. Она еще и поэтесса, вот и проза ее — поэтическая. То есть почти нечитаемая. Ум за разум.

Два **рассказа Марии Филатовой** («Знамя», № 5) — две истории. Одна об удачливом предпринимателе, который тоскует и куролесит в своем особняке (он увиден глазами пожилой домоправительницы, которая пишет обо всем сыну за границу). Вторая — о назойливой дачнице, не знающей меры в советах и комментариях и утомившей ими соседей; прелестное, несовременное созданье. Не ясно только, зачем Филатова употребляет так много слов, чтобы сказать так немного.

Рассказы воронежца **Ивана Евсеенко** в «Нашем современнике» (№ 6) — это рассуждения с примерами. Рассуждает автор о том, что русский человек странен и непонятен, никак он не научится быть русским, рыпается да ерепенится. В **рассказе «Ненависть»** старик-ветеран приходит на митинги, собирающие таких же пенсионеров. Приходит — и ругает русских: плохой народец. Вот такой непатриот. В **рассказе «Однофамильцы»** выведены казачок-приспособленец, который всегда при власти и как сыр в масле, — и его однофамилец-простофиля.

Виктор Дьяков в **рассказе «Житейское дело»** («Наш современник», № 5) представил моральную коллизию. После смерти деревенского старикана его дети с удивлением узнают, что у них есть еще брат с сестрой, плоды папиных послевоенных романов. Все в итоге плачут.

В **повести Николая Ивеншева «Едоки картофеля»** («Москва», № 5) на фоне жизни психушки плавно трогается рассудком здешний врач Голубев.

Евгений Шишкин в **рассказе «Черная сила»** («Наш современник», № 6) касается такого социального бича, как пьянство. История драматическая. Иван на спор бросил пить и два года радовал жену трезвостью. А потом срок испытания закончился, он выпил — и умер. В **рассказе «Лгунья»** представлен невзрачный курортный роман. Точнее, прелюдия к неслучившемуся роману. **Рассказ «Лапти»** — воспоминание о колоритных стариках, которые все кончились. Шишкин пишет вязко, многословно. Не чуждается и дидактики.

Николай Евдокимов в **рассказе «Доченьки, доченьки, доченьки мои...»** («Дружба народов», № 6) изобразил старика, впадающего в беспамятство. Он потерял всех своих родных, дочь и внучку на «Норд-Осте», но иногда забывает про это, и отсюда возникает трагифарсовая коллизия. Сентиментальная проза.

Терроризм как реалия жизни возникает и у израильтянки **Юлии Винер**. Ее **«Место для жизни»** («Новый мир», № 5) — подборка рассказов о простых людях. Сентиментальные и комические истории, с драматическим лейтмотивом: терактами, уносящими жизни и поворачивающими тем самым судьбы. Теракты на улицах городов изображены как нечто вполне обычное и привычное, заурядный компонент общего течения жизни. Культурная проза.

«Другая жизнь и город дальний» Бориса Василевского («Дружба народов», № 4) — разговоры рассказчика с бывшим политзэком, евреем и психиатром. О любви. О жизни, обо всем.

В № 5 «Октября» редакция дает подборку текстов, смысл объединения которых не вполне понятен. Маленькая **повесть** алмаатинца **Ивана Глаголева «Десять нот веселого блюза»** — трогательная и нежная история любви двух молодых людей. Изящный, акварельный опус... Вероятно, с личным опытом автора связан текст **Александра Снегирева «Сделано в Америке»**. Два приятеля пытаются как-то жить, странствуя по тамошней стране. Вот и весь смысл истории, прелесть которой состоит лишь в избытке забавных подробностей. Да уж, не Керуак. На «Бродяг дхармы» не тянет... **Повесть Михаила Баженова «Happy Hour»** — о китайских приключениях молодого героя, немного негодяя. Культурный вымысел... **«Наш алфавит»** актрис **Натальи Заякиной** и **Людмилы Глушковой** — собрание рассказов, расположенных в соответствии с местом в алфавите буквы, с которой начинаются названия. Остроумная, талантливая игрушка.

«Плацкартный вагон» Василины Орловой («Октябрь», № 6) — мозаическая коллекция воспоминаний, случаев и ассоциаций. Заготовки к будущей, более внятной прозе? Иной раз Орлова сильно напрягается, впадая в лирический стресс; вот ее миниатюра о Москве: *«Город-морок, город-наркотик, город-галлюцинация шизофреника. Фосфоресцирующая, мерцающая, словно все туже и туже завинчивающаяся воронка, словно блестящая космическая змея, плавная, опасная, равнодушная,— затягивает, заглатывает, засасывает в себя. Многие москвичи страстно любят путешествия. До дрожи. Путешествие привлекательнее всего предвкушением возвращения. Въезжая на автомобиле, вползая на поезде, вонзаясь на самолете в Москву, они испытывают чистое, незамутненное удовольствие. Москва. Город-соблазн (приблазнившийся город). Видение. Воплощенный фантазм...»* и т.д. Есть ощущение, что что-то здесь спутано с Питером, а что-то резонирует чуть ли не на Буэнос-Айрес.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ГЕРОИ в жизни. Про них тоже пишут прозаики.

В **рассказах Розы Хуснутдиновой** («Знамя», № 5) герои странноватые, но милые. Художник не от мира сего. Деревенские бабушки, отваживающие опасных приезжих браконьеров. Неприкаянные городские маргиналы, которые нашли друг друга благодаря стечению анекдотических обстоятельств. Живая, нежная проза.

Владимир Карпов в **рассказе «Без любви войны не выиграть»** («Наш современник», № 4) с большой теплотой повествует о людях, которым трудно пришлось в новой России, но постепенно они нашлись здесь и преуспевают. А главное, новая жизнь обернулась и новой любовью, и немолодой режиссер Бибиков однажды даже принял роды у своей юной подруги (сцена, кстати, яркая). Неплохая история.

Вологжанин **Олег Ларионов** в **рассказе «Беда над Спасом»** («Наш современник», № 5) изобразил старика, упрямого ветерана, который в одиночку копает отвод, чтобы река в разлив не заливала деревни. Нет ему помощи от хищного начальства, но он копает. Почему-то односельчане решили поучаствовать в этом деле только после смерти надорвавшегося героя.

В **рассказе Марка Харитонова «Голуби и стрижи»** («Октябрь», № 4) на фоне больничных быта и нравов разворачивается история о тонком и деликатном культурном чувстве, соединившем двух немолодых героев, Ингу Лазаревну и Якова Львовича. Сюжет с сантиментом.

В **рассказе Николая Кокухина «Агния»** («Наш современник», № 4) израильские солдаты и полицейские мешают русской паломнице переночевать в храме Гроба Господня. Изувечили. Другой **рассказ**, **«Веруня»**, — о сельской богомолке. К счастью, евреев в селе нет, а недоброго соседа так однажды окоротили в милиции, что он счел за благо продать дом и уехать в Калужскую область, где таким и место. Никто теперь не мешает Веруне жить благообразно.

Анатолий Клименко в **повести «Души неприкаянные»** («Москва», № 4) представил непрактичных молодых людей. Вася вернулся из армии на родину, а места в жизни себе не нашел. Люся — полудитя, наивное созданье. И их невнятный роман в тщательно детализированном бытового кроя повествовании.

В **рассказе** белгородца **Александра Тарасова «Никто не уходит навсегда»** («Наш современник», № 4) два сельских соседа ведут прения на моральные темы. Довольно ходульным получился у автора положительный герой, учитель.

А другой белгородец, **Станислав Тарасов**, в **рассказе «Воскресение и смерть Коли Коржикова»** («Наш современник», № 4) поведал о современном адюльтере. Жена нищего провинциального актера ходит налево, к богатому осетину. Актер, узнав об измене подруги, умирает.

Елена Долгопят в **повести «Правитель мира»** («Знамя», № 4) собирает текст из фрагментов, которые друг с другом практически не связаны. Героиня едет в подмосковной электричке — одна история, с колоритными соседями, забавными словами. Ту же героиню с ее матерью навещает непоседа-сестра, которая блуждает по миру. Сестра рассказывает, как она отдалась влюбленному мальчишке и забеременела от него. И вот он, плод этой связи, оставлен на попеченье домашним, а сестры уже снова нету, осталась только записка, что сыну ее назначено стать правителем мира. Дальше проходят годы скороговоркой, мать умирает, рассказчица остается с племянником, и постепенно к ней приходит материнская любовь к мальчику. Вот он: стал парень правителем мира героини! Долгопят — сказитель опытный. Но зачем же так сумбурно?

ИСТОРИЧЕСКИЕ И КВАЗИИСТОРИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ

Калужанин **Юрий Убогий** написал **повесть** о Пушкине в последние годы его жизни (**«Покой и воля»** — «Наш современник», № 6). Рискованный замах. Иногда это чуть ли не поток сознания героя. В целом вещь оставляет довольно странное впечатление. Скорей всего, это все-таки Убогий про себя сочинительствует, а Пушкин тут сбоку бантик.

Павел Пальчиков в документальной **повести** о генерале армии Д. Павлове (**«Он был обречен»** — «Москва», № 5) дает подробное жизнеописание

расстрелянного в 1941 году военачальника и напоминает, что в конце 50-х обвинения с него сняли, а реально виновен в тогдашних неудачах нашей армии Сталин.

Советскому военачальнику И.Черняховскому посвящена **повесть Анатолия Седых «Летнее солнцестояние»** («Наш современник», № 5). Довольно посредственная проза.

«Всевидящее око» и **«Сашка»** воронежца **Михаила Федорова** («Москва», № 4) — два сюжета из жизни одного героя, деревенского парнишки послевоенной поры, со страстью к живописи. Суховато, даже почти протокольно, хотя с перебоями, изложенная самим героем история его несчастий и бед. Послевоенный мир в описании Федорова мрачен и состоит в основном из дураков и мерзавцев, хорошие люди наперечет. Как ни странно, герой все-таки и уцелел, и, кажется, преуспел.

«Летейские воды» Александра Басманова («Знамя», № 4) — *«повесть в рассказах»*, представляющая собой старомодную панораму а-ля Марсель Пруст, состоящую из ностальгических воспоминаний и культурных ассоциаций. Раствор получился перенасыщенным, да к тому же не без импрессионистической необязательности в деталях и в общем ходе повествования. Самодовлеющий эстетизм как вызов — текущему времени, читателям, критикам... Как программа художественной фронды.

Рассказ Анатолия Шавкуты «На полпути к поражению» («Знамя», № 4) посвящен трудной жизни начинающего писателя в советские времена. Споры о литературе, безбытность, выпивки, попытки приспособиться к соцзаказу... Но герой готов идти *«дальше — на бандитскую дорогу литературы»*.

Рассказ белгородца **Сергея Бережного «На развалинах цитадели»** («Наш современник», № 4) — весьма жесткая идеологическая конструкция. Смысл ее прозрачен. Война в Карабахе, кругом смерть, и только русские солдаты (отряд имперской армии) выручают вчера азербайджанцев, а сегодня армян. Засели в развалинах древней крепости, чтобы прикрыть уход мирных армян из села — и наверняка погибнуть от воинственных «азеров». Командир отряда однажды спас от изнасилования и расправы армянскую девушку, она к нему привязалась и провела с ним его последнюю ночь, а поутру унесла *«в себе крохотную зарождающуюся жизнь»*.

Повесть Бориса Хазанова «Апостол» («Дружба народов», № 5) — обычный для этого автора культурологический парадокс. Собиратель фольклора встречается в глухой деревне с полусумасшедшим стариканом, который с пятого на десятое вспоминает, как в незапамятные раннесоветские времена по этим местам ходил некий учитель, сильно напоминающий Иисуса Христа. В конкретно-исторических перипетиях как бы заново реализовались базисные ситуации архетипической мистерии.

В «Новом мире» (№ 2 — 4) опубликована новая версия старой повести писательницы из Израиля **Светланы Шенбрунн «Пилюли счастья»**, когда-то уже напечатанной в «Иерусалимском журнале». Теперь это **роман** — кажется, о том, что нет в мире совершенства, а все мужчины... ну, известно — кто. Нина, эмигрантка средних лет, выехавшая из СССР где-то в 80-х, благополучно обитает в Скандинавии, в браке с шведским бизнесменом. Семейная идиллия: прекрасный муж (издатель), дети, квартира... Скучно, де-

вушки. А потому в радость и тяжелые воспоминания о советском житье-бытье (ленинградские коммуналки, обиды и раны). Драматическим противовесом идиллии являются и отрывки из дневника бабушки, ленинградской блокадницы. Постепенно в роман входит галерея отвратительных мужчин — моральных уродов. Чего стоит только алкаш и бездельник Пятиведерников, отсидевший в юности за убийство, а в лагере прибившийся к диссидентам: оказавшись на Западе, он ворчит и злопыхает, подумывая вернуться в Советский Союз... К финалу скандинавское благополучие рушится. Исчезает подруга Нины, чудаковатая Паулина, самоотверженная правозащитница, помогавшая советским диссидентам. Почему-то на героиню упал взгляд КГБ: задавлена машиной ее любимая собака. Муж разбит параличом, разорен, Нина чувствует себя одиноко и беззащитно перед ударами судьбы. Тут и не захочешь — а заистеришь, тронешься рассудком, что с героиней, кажется, и происходит... Интересно, что вокруг питерских сюжетов и реалий сформировался боевой отряд плодовитых писательниц вот такого нервно-истерического тона, иногда с резким феминистским оттенком: Чижова, Палей, Москвина, Бешенковская... Шенбрунн — из этих рядов.

В прозе квартала есть несколько **ФАНТАЗИЙНЫХ ТЕКСТОВ**, авторы которых решают, впрочем, весьма разные задачи.

Начинающий автор **Евгения Мальчуженко** из Петербурга в **романе «Эльфы в городе»** («Новый мир», № 6) предъявляет игру воображения довольно инфантильного характера. Эльфы живут в современном мире, где лесов-полей, которые не испоганил человек, осталось мало. Поэтому им приходится прописывать себя в произведениях живописи из музеев и там, в пейзажах или натюрмортах, черпать питательные средства. Отношения между эльфами трогательные, нежные, и аура этой нежности, простая позитивность чувств делают скромную вещь Мальчуженко симпатичной. Вышла этакая мечта о гармоническом, в принципе вполне закономерно перерастающая в социальную утопию: чуть ли не все население Удмуртии решило стать эльфами.

А вот у москвича **Шамиля Идиатуллина** в **повести «Эра Водолея»** («Знамя», № 6) получилась крутая антиутопия на тему о перерождении человека как вида в... ископаемого ящера. В татарском райцентре начали качать воду из недр земли — и оказалось, что в ней есть активные вещества, которые трансформируют человека и делают его каким-то кентавром, ящером с человеческим сознанием. Идиатуллин умело опрокидывает эту ситуацию в современный политический контекст, связанный с играми в управляемую демократию, с засильем политтехнологий, с общей брутальностью российской власти. Получился наполовину политический памфлет о молодом карьеристе, который неожиданно для себя получает новые возможности карьеры...

Повесть Георгия Гратта «Тула — Туле. Праздник, который всегда без тебя» («Дружба народов», № 4) — забавный комический анекдот. На учениях русский танк заблудился и оказался вдруг почему-то в Польше. А дальше танкисты, бесшабашные и не шибко грамотные ребята, решили ехать в Париж... Вокруг их европейского тура тем временем накручиваются всевозможные кривотолки, а в целом история у Грата получилась довольно веселая и мирная.

Леонид Костюков в **романе «Пасмурная земля»** («Дружба народов» № 6) продолжает историю, начатую несколько лет назад в романе «Великая стра-

на». В начале текста изложено то, что читателю нужно вспомнить: бизнесмен *«Давид Гуренко на Багамах сделал себе пластическую операцию и сменил пол. И тут якобы подоспели агенты ФБР и в новое тело встроили новое сознание <...> Мэгги»*. Два в одном. Теперь Мэгги возвращается в свое тело, чтобы дальше играть с судьбой... А кончается роман горячей молитвой, обращенной к Промыслителю.

В рассказах у **Алексея Лукьянова** («Октябрь», № 6) тоже есть присутствие какого-то фантастического элемента. Загадочно ведет себя китайский компас в **рассказе «Плохой фэн-шуй»**. Цыган–сиамский близнец колдует и сдвигает реальность в **рассказе** о детях из центра реабилитации **«И вот решил я убежать...»** (здесь, кстати, неплохо изображен нервный дикий мальчишка). Ну а в **рассказе «Крестослов»** просто куча форменной абракадабры.

Цыгане появляются и в одном из **рассказов Бориса Евсеева**, **«Тайная жизнь имен»** («Октябрь», № 6). К ним рассказчик забредает однажды мальчиком. Таборная живопись, драматические повороты, магия имен. В **рассказе «Дневные огни»** — роман рассказчика с вдовой австралийского фермера сопровождается необычными визуальными явлениями. В **рассказе «Жизнь уходит...»** герой, преуспевающий адвокат, пережил некий загадочный стресс, впал в столбняк и повалился ничком...

ЛИРИЧЕСКАЯ ПРОЗА. Разновидности ее разные. Есть и классический, так сказать, формат: события из жизни автора.

Близок к такому разряду исповедальной словесности **Валерий Попов**. В «Новом мире» (№ 5) у него вышла новая **повесть «Комар живет, пока поет»**. Там снова довольно много про несчастливую долю современного прозаика, которого не хочет содержать грубое и равнодушное общество. Но лучшие страницы — это рассказ об отце рассказчика, ученом-аграрии. Отец — большой, трудный, упрямый человек — умирает, цепляется за жизнь, и нам представлена почти что хроника этого умирания с избытком физиологических подробностей, с бессмысленно детальной фиксацией стариковского быта. Это придает повести какой-то экспрессионистический уклон.

Светлана Василенко в **рассказе «Город за колючей проволокой»** («Новый мир», № 5) рассказывает о том, как она с киношниками приехала в город своего детства, Капустин Яр, один из самых закрытых, работавших на войну с Западом городов советского времени. Рассказ выглядит как кусок жизни, где концы с концами трудно сходятся. Один план — воспоминания о Карибском кризисе, когда ядерная война с США казалась неизбежной, в городе началась эвакуация и т.п. Другой план — собственно съемки фильма. Почему-то фильм снимают не об известной писательнице и ее родине, как значится в заявке, а о местном мальчике-дурачке, весьма трогательном (эта тема — дети не от мира сего — у Василенко лейтмотивная). Третий план — современный упадок; город больше не нужен, и здешним военным это непонятно, они пребывают в глухой тоске, которую склонна разделить с ними автор, поскольку рецептов помочь людям, дело жизни которых оказалось напрасным, она дать не в состоянии, а судить их тоже не хочет. Наконец, еще один план. Нежелание судить и вообще слишком трезво и прямо анализировать феномен военного советского города связано у автора и с ностальгической любовью к людям, с которыми прошло детство, и с

чувством вины: когда детей эвакуировали в ночь перед войной, местную девчонку-дурочку не взяли в автобус, так она и осталась одна — может быть, на смерть. И автор — тогда девочка — ей не помогла. Она встречает теперь женщину, эту самую блаженненькую девчонку, и между ними происходит трогательная сцена с ливнепадом слез. Хорошая проза.

Потоки сознания, хаос неупорядоченных мыслей в сочетании с эрудицией и словесным щегольством. Таков довольно распространенный способ написания текстов, печатаемых затем в толстых журналах и кем-то, вероятно, даже прочитываемых.

Молодая кировчанка **Мария Ботева** идет именно этим путем. Ее *«поэма»* **«Что касается счастья (Ехать умирать)»** («Новый мир», № 6) представляет собой свободный ассоциативный набор впечатлений личного опыта и игр воображения. Непрожеванный, по сути, детский текст умной девочки из культурной семьи. Оч-чень культурно и едва ли перспективно.

Еще более искушенно и разнообразно работает в этом ключе **Андрей Левкин** в *«трактате»* **«Счастьеловка»** («Знамя», № 6). Это рассуждения обо всем и ни о чем, произвольное обозрение порядка вещей в голове автора. Некоторые фрагменты свидетельствуют о незаурядном остроумии. Но очень много и довольно серых слов, вял способ выражения... Наверное, если такие тексты принимают в печать от звезд так называемой отечественной интеллектуальной прозы, значит, это кому-нибудь нужно.

Более организованная версия лирической рефлексии — *«рассказы стихийного философа»* **Виктора Коваля «Разговор о понятиях»** («Знамя», № 6). Через примеры из жизни автора, исторические прецеденты и литературные цитаты Коваль делает попытку раскрыть конкретное жизненное содержание понятий «неловкость», «субъективность», «запрет». Текст получился интересный, содержательный, с широким диапазоном смыслов, от комических до драматических.

МЕМУАРИСТИКА И ОЧЕРКИСТИКА

В «Знамени» (№ 5) — воспоминания **Сергея Юрьенена «Суоми»**. Автор из США рассказывает о себе и о своих питерских-ленинградских родственниках. У Пяти углов. Судьбы на фоне эпохи; экспрессивное, динамичное письмо с крутыми ассоциативными виражами.

Анатолий Жуков вспоминает о Николае Рубцове (**«Соловей в терновнике»** — «Наш современник», № 4). Они учились вместе в Литинституте в 60-х. Рубцов у Жукова небезобидно шутит, комплексует из-за низкого роста (женщинам не нравится), ну а автор воспоминаний любит его за всё, но помнит не так уж много.

Лилия Карась-Чичибабина вспоминает в «Знамени» (№ 4 — **«Ответим именем его...»**) об А.Галиче и Б.Чичибабине.

Николай Рыжков продолжает вспоминать о развале Союза ССР (**«Разрушители державы»** и **«Суверенитет по-прибалтийски»** — «Наш современник», № 4 — 6). Виноваты в развале все, кроме него самого.

«Непостижима русская душа...» Ольги Дубовой («Наш современник», № 5) — очерково-житийное повествование о солдате Евгении Родионове, который был убит в 1996 году в Чечне *«за отказ принять ислам и стать в ряды боевиков»*. Временами автор сбивается на газетную манеру.

О роковых страстях в современной деревне повествует **Галина Корнилова** в очерке нравов **«Леди Макбет Александровского уезда»** («Знамя», № 4).

Замечательные очерковые записки **Эльвиры Горюхиной «Темный лес — трава густая»** («Дружба народов», № 4) имеют характеризующий их содержание подзаголовок: *«Хождение по селам Севера, Юга России, Алтая и Сибири»*. Зачин у Горюхиной такой: «Я никогда не знаю, где будет на моей дороге свороток и сверну ли я. Маршруты хождений прокладывает жизнь. Например, случайная фраза "Дорога на Синявку идет через Париж". Вот и идешь в Синявку, а там фермерша Марина с козами и петухами. Так появилась Воронежская область. Дошел слух, что два села Архиповское и Новоалексеевское взбунтовались. Идешь в Краснодарский край и диву даешься, откуда такая охота работать на земле. ...Плачет дед со старухой: "всю домашнюю птицу перебили". Идешь в Баклуши. Это Сибирь. Знаешь, что не можешь пособить горю, но идешь. Услышишь в автобусе: "Китайцы захватили Плотаву". Ищешь Плотаву и находишь ее на границе Алтайского края и Казахстана. Сельские школы — это часть моей профессии. Чем глуше деревня, чем дальше от железной дороги, тем роднее. Слух на деревенскую жизнь определяет мои маршруты <...> Хожу и буду ходить, сколь сил определит Господь».

Анастасия Чеховская в путевых заметках **«Провинция у моря»** («Октябрь», № 6) подробно рассказывает о своей поездке на Сахалин. Масса впечатлений, живые наблюдения и умный, энергичный слог.

А ваш покорный слуга, **Евгений Ермолин**, в том же «Октябре» (№ 4) представил очерк **«Мой Юг»**: сводный отчет о встрече с тремя южными русскими городами: Астраханью, Краснодаром и Пятигорском.

ПУБЛИКАЦИИ

В 1956 году сельская учительница **Ирина Недзвецкая** записала красивую семейную историю о необычной судьбе своей сестры. Ее теперь публикует «Знамя», № 6 (**«Сестра Галя-Патьмат Карасева-Мархиева»**). Преодолев все преграды, крестьянская дочь из-под Брянска Галя вышла замуж за «черкеса» Бей-Султана. Любовь победила социальные и религиозные условности эпохи.

Небольшие фрагменты дневника **Льва Тихомирова** 1915–1917 гг. с информативной вступительной статьей А. Репникова: «Наш современник», № 4, 5.

Письма монашествующих **к Василию Розанову**, подготовленные И.Воронцовой: «Наш современник», № 4.

В «Знамени» (№ 5) публикуются интересные **письма** советского поэта **Владимира Луговского**, адресованные его первой жене Тамаре Груберт.

Необычное мемуарное свидетельство напечатал «Новый мир» (№ 6). Это **неопубликованное письмо Лидии Чуковской Давиду Самойлову**. Возражая на суждение Самойлова, публично однажды объявившего Солженицына плохим человеком, Чуковская, в доме которой и у отца которой жил Солженицын перед вынужденной эмиграцией, горячо, взволнованно рассказывает о том, какой ХОРОШИЙ человек А.И. Текст на самом деле волнующий и трогательный. Он свидетельствует не только о живом Солженицыне (дай ему Бог здоровья), но и о чудесной Лидии Корнеевне.

Обзор подготовил Евгений Ермолин

В. «Звезда», «Нева»

На этот раз в питерской прозе на удивление много романов.

Патриарх «шестидесятнической» литературы **Валерий Попов** публикует в «Звезде» (№ 5, 6) **роман «Горящий рукав»**. Произведение, как водится это у Попова в последние годы, мемуарно-ностальгическое. Герой его — писатель Валерий Георгиевич Попов — уже исследован автором буквально со всех сторон, в ракурсе и реалистическом, и романтическом, и авантюрном, и фантастическом. Нынешний опус освещает детские и юношеские годы автора, а следом за ними — процесс его же вхождения в литературу и знакомства с тогдашними корифеями ленинградской прозы и поэзии. Каждому из них посвящен отдельный очерк романа — Глебу Горышину, Андрею Битову, Владимиру Арро, Виктору Конецкому, Федору Абрамову, Александру Володину. Из бесчисленной когорты литературных новичков выделяется сам В. Попов, хотя и начинающий, но очень заметный. Сложный человек, этот Валерий Георгиевич, недаром его так пристально изучает писатель В. Попов. Главная сложность состоит в том, что этому талантливому — безусловно, талантливому — автору никак не уйти от бурной своей, колоритной, громокипящей молодости; быстротекущие же лета неумолимо к суровой прозе клонят... А «суровой прозы» всё нет. Есть, скорее, извечная русская грусть-тоска. Вот и родился на свет «Горящий рукав» — пронзительное прощание с прошедшей молодостью и счастьем от самого факта жизни. Яркая, колоритная, страстно-ностальгическая, горячая проза. Оно и понятно: будь на дворе хоть трижды тоталитаризм, а жизни ему все равно не одолеть. Скорее всего, от этого он и кончился...

Мрачный искатель всевозможных уродств и ненормальностей **Сергей Арно** представляет новый **роман** на излюбленную свою тему под названием **«Фредерик Рюйш и его дети»** («Нева», № 4). Заглавного героя автор извлек из голландской истории XVII века. Рюйш — гаагский судебный медик, без которого не обходилось ни одной казни. Но внимание автора он привлек не поэтому. Рюйш стал великим анатомом, производившим опыты над телами казненных (поскольку преступники не имели права на христианское погребение) и собравшим гигантскую коллекцию уродов. Главным образом он ломал голову над поиском эликсира, способного сохранять мертвую плоть от разложения, обеспечивая, так сказать, бессмертие смерти. Объект писательского внимания любопытен, но, при всей экстравагантности, динамики ему явно недостает. Все ж таки перед нами роман, а не история биохимических исследований, пусть даже и любопытных. Это почувствовал и автор, сделавший историю Рюйша своеобразным «романом в романе». Роман о средневековом ученом якобы пишет сегодняшний писатель средних лет (вполне можно подумать, что это сам С. Арно), по ходу дела попадающий в детективную и вместе с тем романтическую историю. Юная соседка писателя на свою беду пламенно в него влюбляется. Писатель озадачен: соседка-то хороша, соблазнительна, спору нет, но жену-то куда денешь? Проблема серьезная, что и говорить. Еще одна тема Арно — Петербург, куда к царю Петру перекочевала Рюйшева коллекция уродов. А Петербург-то и сам по себе — «город монстров», ибо построен на гиблом месте. К тому же именно

сюда, оказывается, собирались уроды со всего света. Тут автор подсыпает, наконец, и сатирического перчику: пришедшие к власти большевики, разъясняет он, а следом за ними и вся прочая российская власть есть потомки таких монстров. *«Оттого и народ страны, нефтью, лесами да недрами богатой, в нищете прозябает и прозябать будет, оттого что монстры правят»*. Вот так вот.

Сюжет **романа** красноярского прозаика **Романа Солнцева «Диалоги с Платоновой»** («Нева», № 5) внешне напоминает любовную линию из опуса С. Арно. Пожилой (а возможно, средних лет) учитель из «лицея логики и красоты» (имеется такой, рассказывает автор, в крупном городе «на берегу великой сибирской реки») влюбляется в бывшую свою ученицу, а ныне студентку университета. А она, Таня Платонова, такова, что не влюбиться в нее — грех: и собой на удивление хороша, и умная, и талантливая, и добрая, хотя немного странная, и характером наделена мужским, сильным. А главное — она тоже любит своего учителя, в чем горестно ему признается. Беда, разумеется, одна: учитель женат, жену свою любит и предать никогда не сможет. Она ведь тоже чудесный человек, его жена, когда-то из-за него бросившая столицу и уехавшая за ним в полуголодную Сибирь. В общем, беда. Надо сказать, что Р. Солнцев эту донельзя заезженную коллизию передает с большим тактом, бережно и человечно. Его герой — учитель не по должности, а по призванию. Кипит в романе бурная школьная (лицейская) жизнь, проблем — море разливанное, детишки, пусть и не маленькие, в основной своей массе — трудные, надломленные, нервные, как и весь наш век. Сомнительно в романе одно: вставленные в него «сожженные главы», точнее, несколько страниц из одной главы булгаковского «Мастера и Маргариты», не вошедшие в канонический текст и якобы доставленные герою от его коллеги по Верховному Совету СССР (когда-то главный герой там состоял). Зачем автору понадобилась эта выдумка — сказать трудно. Неизвестные страницы Булгакова — не та вещь, которой можно играть. Хотя читать любопытно. Воспроизводится небольшая сцена из беседы Понтия Пилата с Иешуа, когда прокуратор находит некоего «лицедея» и заставляет его разыграть роль подлинного отца Га-Ноцри.

Еще один **роман** — это **«Ода утреннему одиночеству, или Жизнь Трдата»** эстонца **Калле Каспера** («Нева», № 6). Написана вещь от лица талантливого и умного человека, киносценариста Трдата. Герой романа — чистокровный армянин, человек высокой культуры, отнюдь не зацикленный на проблемах «крови и почвы». Изюминка текста — в множестве тонких и очень любопытных наблюдений и рассуждений человека творческого, живущего на сломе эпох и в ситуации невиданного обострения межнациональных проблем. Ситуация такова, что и семейных, и творческих проблем невпроворот. Развод, с женой, горячей армянской патриоткой. Тяжкое мужское одиночество. Отъезд из Еревана. Москва — город, родной по языку и культуре и злобно-чужой по отношению к человеку «кавказской национальности». В самом деле — где она, его родина? *«Моя родина*, — говорит он себе сам, — *там, где на десятке квадратных метров, тесно прижавшись друг к другу, стоят мои любимые книги, в какой бы стране, в каком городе ни находились полки с ними. Еще моя родина там, где после того, как в просторном помещении потухнет*

свет, на белом полотнище появляются отражения чужих сознаний. И на разложенном диване, где рядом со мной едва помещается женщина, которую я люблю и которая любит меня». Но и армянская кровь, кровь и предков, и собственных детей, зовет и не отпускает. В последних главах романа звучит неизбывное горе вкупе с извечной, непреходящей тоской изгоя — несчастнейшего из людей. Нет ему и никогда не будет покоя.

В том же 6-м номере «Невы» опубликована мрачноватая **повесть Андрея Неклюдова «На Крюковом».** Колорит ее обусловлен обстоятельствами, в которых живет герой — бедолага-аспирант, получающий гроши и вынужденный содержать на них жену и крошечного ребенка. К тому же молодой семье негде жить. Вот и попадает парень в зловонное болото — полуразрушенную коммуналку из разряда типично питерских трущоб, с тараканами, крысами и пьяницами-соседями в придачу. Жить здесь страшно, зато платить недорого. Но незлобивого по природе парня забулдыги-соседи доводят до звериного бешенства, и он едва не убивает одного из них. Впрочем, заканчивается история вполне благостно. Из страшного пожара, поразившего дом на Крюковом канале, семью парня спасает как раз один из пьяниц. После чего парень ощущает прилив невероятной любви ко всему и всем, включая и забулдыг.

Повесть Татьяны Ролич «Навсегда» («Нева», № 6) продолжает одноименную историю, рассказанную этим же автором в «Неве», 2004, № 12. Тогдашняя повесть обрывалась многозначительно и невнятно. Герой ее, удачливый бизнесмен из «новых русских», но, в отличие от большинства себе подобных, человек открытый и доброжелательный, панически сбежал за границу от реальной угрозы себе и своему бизнесу. Заканчивалась повесть тем, что герой *«растворился во многих нас окружающих людях».* Теперь усилиями автора он возвращен на родину и продолжает поиски личного счастья. Вникая в его жизнь и видя окружающую персонажей обстановку, все эти роскошные особняки с зеркалами на потолке и шныряющие туда-сюда заграничные иномарки, понимаешь, что впечатления от жизни этого слоя общества почерпнуты автором главным образом из телесериалов. Стандартная обстановка, безликие герои-марионетки, кукольные страсти на фоне шикарных интерьеров и пейзажей. И стандартный, безликий язык, типичная бесстилевая гладкопись. Тот самый герой, что *растворился в окружающих*, ныне материализуется в облике стандартного красавчика, богача и умницы и находит свою единственную любовь.

В **повести Григория Фукса «Реквием по Пупку»** («Нева», № 4) перед читателем предстает история жизни, а потом нелепой гибели талантливого мальчишки-спортсмена, чемпиона по настольному теннису. Автор и сам некогда был спортсменом, причем высокого уровня, так что быт этого привилегированного в советское время сообщества знает не понаслышке. Написана повесть «байками». Так именуются у автора коротенькие главки, рассказанные самим пацаном. Несчастный он, конечно, человек. Вырос без отца, с матерью-алкоголичкой. А тренер его, может быть, человек и неплохой, и заботливый, но помешан на причудливых иностранных штучках и всевозможном барахле, которое привозит из-за бугра. Ну и попался, как тогда, в 80-е, водилось, на какой-то сделке. А паренька убили бандиты. Жалко.

Лиричный **рассказ «Братья»** петербургского поэта и прозаика **Александра Крестинского**, недавно скончавшегося в Израиле, опубликован в «Неве», № 5. Речь в нем идет о двух старших братьях автора, тогда, в 30-х, маленького мальчишки, — братьев, правда, не родных, а двоюродных. Заботливые, любящие, эти два молодых парня арестованы почти одновременно, в июле 1941-го. Впрочем, эта семья давно была под чекистским прицелом, поскольку расстрелянный в 37-м «враг народа» Николай Крестинский, нарком финансов и бывший советский посол в Германии, приходился будущему писателю родным дядей. Выжить одному из братьев в концлагере помогло только то, что он с детства тренировал себя «под Рахметова». Трепетно и нежно передана в рассказе удивительно теплая атмосфера профессорского дома, взаимное радушие, семейный журнал «Василий», выпускаемый будущим писателем и названный «в честь» случайно пораненного котенка Васьки. И — страх. Жуткий, леденящий. Собственная фамилия, выделенная в газете жирным шрифтом, словно гипнотизирующая мальчика. Возглас в классе: *«Враг народа пришел!»* И слова учительницы: *«Дети! Никогда — вы слышите? — никогда не произносите этих слов!»*

Повесть в рассказах **Кати Капович «Три зимы под копирку»** публикует «Звезда», № 4. В них оживают учеба и быт юных, а потом повзрослевших гуманитариев-диссидентов 70-х — начала 80-х. Кишинев, куда рассказчица сбежала из нижнетагильского пединститута, пленки с Галичем и Высоцким, литературная студия при Союзе писателей Молдавии, встречи с Виктором Кривулиным, главным тогда неофициальным поэтом Ленинграда. Удивительно, по какому острому краешку эта молодежь ходила и как на редкость благополучно кончались далеко не детские игры. Много и забавного. Намертво впечатывается в память автора эпизод из вузовской жизни: рассказчица во время экзамена слушает пересказ какого-то произведения. Итак, слова студентки: *«Тогда этот парень стал сильно переживать, заболел, все время сидел на камне и только смотрел на лужи. Уже было много луж, и река разлилась, и люди тонули прямо рядом с его камнем. А он все сидел»*. Преподавательница одобрительно кивает головой. Оказывается, это пересказ «Медного всадника».

В «Звезде», № 4 публикуются несколько **рассказов** екатеринбургской писательницы **Анны Матвеевой** из книги «Каждые сто лет». Так или иначе каждая история выводится к теме «звезд», в каком смысле слово ни употребляй. Итак, Амстердам — город *«серьезных наркотиков и застекленных проституток»*, а также узаконенной эвтаназии, героиня — русская девушка-«нелегал», без диплома и документов пристроившаяся работать в больницу. Рассказ **«Гаснущие звезды»** — история болезни и смерти бывшей русской актрисы, спрятавшейся в Голландии от российской перестройки. В рассказе **«Мальчик-звезда»** мир взрослых и детей своей жестокостью к ребенку-олигофрену резко контрастирует с упоительной природой и морем. Рассказ **«Звездная болезнь»** пронизан тоской одинокой больной девушки, готовой прилепиться душой хоть к кому. **«Звезда над пропастью»** — история странной русской четы, остановившейся в голландском отеле. Странность ее в том, что обожаемая мужем жена — хроническая алкоголичка, которая шагу не может ступить без вина или водки.

Шальная, диковинная жизнь полугородка-полудеревни, обиталища тех, кто служит в ракетных войсках стратегического назначения, — тема **рассказов Валерия Шабанова** (**«Поселок городского типа»** — «Звезда», № 6). Бытие жителей этого поселка — некоей гауптвахты Министерства обороны — просто фантастическое. Приведена коротенькая схема, по которой удобно и даже вполне законно можно обирать несчастных солдат, покуда они не покроются прыщами от нездоровой пищи. Сначала прапорщики — самый привилегированный армейский класс — воруют подсолнечное масло бочками, муку — мешками, сливочное масло — брикетами, бязь и сукно — километрами. А потом, под старость, у них — и квартиры с центральным отоплением, и автомобиль рядом с домом, в теплом гараже, прикрытый мягким шинельным сукном, и в женах — самые красивые и бойкие барышни. Над этим сообществом, «как горный орел», парит генерал: он вместе со своими прожорливыми домочадцами тут и царь, и бог, и воинский начальник. В рассказе **«Командующий академией»** представлен лихой генерал — начальник академии, запросто обходящийся в своих судьбоносных решениях парой-другой матерных слов, и дежурный по академии — профессор, заслуженный деятель науки, удостоившийся «высочайшей беседы» с этим хамом. Рассказ **«Броня крепка»** — о дикой суматохе в ракетной дивизии, приключившейся после получения правительственной телеграммы. В рассказе **«Знакомство»** с ракетными войсками решает познакомиться сам Маршал Советского Союза, но застает одну только бестолковость и страх перед начальством. **«Инспекция»** — эпизод из жизни старого маршала, ветерана еще Первой мировой войны, неожиданного наградившего находчивого майора орденом — за удаль и отличную память.

Некую мистическую историю, довольно невнятную, излагает **Григорий Демидовцев** (**рассказ «Пришедшая из прошлого»** — «Нева», № 5). Работник офиса встречает у служебных дверей знакомую даму, пришедшую сюда в поисках работы. Но спустя некоторое время выясняется, что все фирмы, где она прежде работала, разорялись, а их руководители умирали. Однако загадка так и не проясняется. Даже не любопытно.

Светлана Мосова предъявляет на читательский суд **цикл рассказов**, исполненных в мягкой пастельной манере («Звезда», № 4). **«Моя дорогая Флер»** — история одинокой женщины, упрямо отвергающей правильную, размеренную, благоустроенную жизнь. **«Незнакомка»** — мистический сюжет, в котором мужчина, встречаясь с женщиной, принимал ее за другую. А та, *другая,* лишь однажды промелькнувшая в его жизни, но не забывшаяся, давно умерла. В **рассказе «Этажерка»** эта самая этажерка представлена как некое живое существо — своеобразные ступеньки жизни семейной пары. **«Камень, ножницы, бумага»** повествует о вещах и их таинственной связи с владельцами.

В **рассказе Екатерины Белявской «История одной поездки»** («Звезда», № 6) героиня, интеллигентная дама бальзаковского возраста, сначала долго мечется по жизни в извечных поисках любви и счастья, а в решающий момент — жених в Канаде горит нетерпением! — отступает. Все. Перегорело. Перебродило.

А молодая женщина из **рассказа Вероники Капустиной «Ветер в голове»** («Звезда», № 5) обладает редкой способностью — в решающий момент

падать в обморок. Нет, это не актерство. Падает — и все тут. Даже просто от невероятно острой жалости, пронзившей ее, как игла. А жалеет она — мужчин. Потому что в подсознании у нее крепко сидит: их первыми убьют на войне; они не имеют права заплакать; им очень легко сделать больно. Вот и живет она — как ходит босиком по острым камням.

У **Юрия Колкера** в **рассказе «Бронзовый Хорхе»** («Звезда», № 6) герой — пожилой журналист из Эквадора — внезапно и с острой тоской в сердце узнает в бюсте, выставленном в Британской библиотеке, — себя. И даже читает о себе статью в энциклопедии. А он уж давно не считает себя поэтом... Сломанная, бескрылая жизнь, горькая необходимость принимать благотворительные подачки... *«Как много сулила молодость! Но обманула. Она, как и Бог, всегда обманывает»*. Однако главное в рассказе — не тоска, а светлое умиротворение, которое как благодать дается герою на закате жизни. Художник из **рассказа «Лемболово»** всю жизнь пишет портрет любимой женщины; портрет, естественно, старится, но женщина на нем становится все красивее и значительнее — с тем чтобы в конечном счете излучать насмешку и злорадное торжество. Полотно это он изрезал. А рассказывают об этом две его любовницы, навещавшие художника в больнице и под руку возвращающиеся оттуда.

МЕМУАРЫ И NON FICTION

Известный петербургский этнограф **Наталья Юхнева** в очерке **«Минувшее проходит предо мною... Страницы воспоминаний 80-х годов. Три эпизода»** («Нева», № 4) о советском антисемитизме, о дискриминации евреев и о том, как все это подвигло ее, русскую, на занятия иудаикой и на бурную общественную деятельность. А почвы для последней хватало. Еврейская национальная жизнь была задушена в Ленинграде еще в 30-е. Антиеврейская кадровая политика, проводимая советскими верхами, вкупе с антисионистской и антиизраильской пропагандой были секретом Полишинеля. Это был *«странный, молчаливый антисемитизм, никогда нигде до того не встречавшийся. Евреев окружили заговором молчания. Еврейская тема была абсолютно невозможна ни в печати, ни в устных публичных выступлениях. Само слово "еврей" было почти что непроизносимым. Евреи как бы не существовали»*... Положение изменилось только с перестройкой, но и антисемитизм в те годы, к ужасу интеллигенции, разгулялся неслыханно. Н. Юхнева рассказывает, с каким тележным скрипом проходили в печать, даже в эпоху гласности, материалы о разгроме еврейского кладбища в Ленинграде, о том, что целью фашистов было полное уничтожение евреев, о Дне памяти.

Очерк **Ирины Фоминой «Как я была гувернанткой»** («Нева», № 5) — заметки интеллигентки на непростую тему. Как-то очень это непривычно — быть гувернанткой, почти что прислужницей. Да и у кого — у многажды осмеянных «новых русских»! Ан нет. Гувернантка, рассказывает автор, — лицо авторитетное, так повелось еще с давних пор, и дети ее слушают порой даже больше, чем родителей. Правда, с детьми из сверхбогатых семей сложно. Девочка, ее подопечная, не знала, например, не то что столицу России, но и вообще не имела представления о том, что это такое — «столица». В метро она тоже никогда не была. В восьмикомнатной их квартире не было ни единой книги: *«Книги портят интерьер»*. Ну ничего, пробралась сквозь эти

дебри героиня. И с успехом доказывает в очерке, что нет таких крепостей, которых бы не взяли гувернантки!

Леонид Шлимонов в очерке **«Инородцы»** («Звезда», № 6) касается трагической истории своего народа — ассирийцев. А народу этому более четырех тысяч лет. Всего ассирийцев лишила советская власть — и языка, и собственной территории, и государственности. Увезли их в 1949-м из азербайджанской земли, объявив вне закона, — и никаких объяснений. Высадили в тайгу, где люди в массовом порядке стали заболевать туберкулезом и умирать один за другим. А тем, кто остался в живых, в 1955-м и возвращаться-то было некуда.

«Путь к "Востоку"» Бориса Полоскина, математика и по совместительству известного российского барда («Нева», № 6) — воспоминания о ленинградском клубе авторской песни «Восток», возникшем в 1965 году. Молодежь объединялась там вокруг А. Городницкого, Е. Клячкина, Ю. Визбора, композитора А. Петрова и поэта Л. Куклина. Молодость, романтика, шутливые соревнования — и неизбежное расставание с уехавшим в Москву Городницким, в Израиль — Клячкиным.

Александр Рубашкин в юбилейной статье **«Борфед и другие»** («Звезда», № 5) рассказывает о Борисе Федоровиче Егорове, известном литературоведе (в этом году ему исполнилось 80 лет). Работая в 50–60-е в Тартуском университете с Ю. Лотманом, он, *Борфед*, будучи человеком самодостаточным, не поддался комплексам Сальери и не позавидовал старшему товарищу. И сегодня без свидетельств Егорова невозможна ни научная, ни чисто человеческая биография его коллеги.

Сам **Борис Егоров** в очерке **«Трагическая судьба ученого, отрицавшего принцип "не высовываться"»** («Звезда», № 5) рассказывает о своем школьном друге Диодоре Сологубе, одной из самых светлых личностей, с которыми ему довелось знаться, настоящем русском интеллигенте. Именно на нем, пишет Егоров, *«ярко демонстрируется абсолютное несоответствие советского строя главному принципу социализма — от каждого по способностям. У таких, как Дорик, не были востребованы его способности. Скорее — задавлены».*

Обзор подготовила Евгения Щеглова

2. Литературная критика

(*Первое полугодие 2006 г.*)

А. «Вопросы литературы», «Дальний Восток», «Дружба народов», «Знамя», «Москва», «Наш современник», «Новый мир», «Октябрь»

«ЛИТЕРАТУРА — ЭТО ПРАКТИКУМ ПО МЕТАФИЗИКЕ, — утверждает **Владимир Ермаков**. — *Всё прочее — изящная словесность»* (**«Вещи, которые лучше молчания. Смерть автора и воскресение героя»** — «Дружба народов», № 2). Метафизика есть вечный ответ Адама на Божий вопрос *«где ты?»* (Быт. 3, 9). История русской литературы, однако, — это последо-

вательное вытравливание метафизики; это подмена онтологии социальностью; это безбожные вариации на тему евангельской нищеты духа; это умаление «маленького человека» вплоть до полного удаления его метафизической сущности. «*Православие,* — пишет Ермаков, — *не выработало иммунитета против исторического материализма*», и в советское время концепция личности была окончательно принесена в жертву истории. Литература сменилась пропагандой, а «*писатель, пройдя курс переподготовки, получил квалификацию инженера человеческих душ*». Однако общий метафизический голод давал себя знать, отражаясь в читательском интересе к магическому реализму — к тем же «Хранителям» Толкина, например. Поскольку эстетическое переживание позволяет на миг прикоснуться к полноте бытия, узреть слепящий отблеск истины, понятно, почему культовыми становились такие книги, как «Мастер и Маргарита» или «Улитка на склоне», «Альтист Данилов» или «Белка». Сегодня отчужденная от метафизики литература окончательно вырождается в культурный ритуал. Словесность работает с концептами, не обеспеченными реальным содержанием: «традиции», «деревня», «общество», «свобода», и тут, как считает автор статьи, что Распутин, что Пригов — *концептуалисты* в равной мере. Но, что бы ни происходило, природа человека не изменилась, и вопрос *«где ты?»* звучит все настойчивее, и обращен он к каждому человеку изнутри его существа. А между тем, никем не замеченное, начало современной метафизики было, оказывается, положено Венедиктом Ерофеевым, автором, в котором *«на нашем веку наиболее полно воплотился национальный гений»*. Это он, оказывается, обнаружил во глубине России, на пути из Москвы в Петушки, обетованную землю — реальный мир, обладающий *«онтологической глубиной и собственным временем»*, мир, в котором *«есть предопределение и возможна свобода»* и где возникает *«экзистенциальное напряжение жизни, которое...в практической метафизике очевидного зовется судьбой»*. Сегодня Ерофеев широко известен, но современную метафизику, не укладывающуюся в прокрустово ложе традиционной религиозности, по словам автора статьи, в поэме «Москва — Петушки» обнаружила лишь одна Ольга Седакова, чье поэтическое творчество (наряду с творчеством Бахыта Кенжеева и Льва Лосева) Ермаков также относит к *«скрытым метафизическим точкам»* современной словесности. Это, может быть, и так, но следующее умозаключение автора выглядит все-таки слишком сильно: *«Покаяние настигло Савла по дороге в Дамаск и преобразило в Павла. Катарсис настигает читателя по дороге из Москвы в Петушки»*. Вот ведь как! Кто бы мог подумать...

Современное **СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА** вызывает тревогу, пишет **Михаил Эпштейн** (**«Русский язык в свете творческой филологии»** — «Знамя», № 1). Тут, как и с нашим населением: *«мало того, что **убыль**, но еще **и недород**»*. Обеднение словарного запаса бросается в глаза; замедлился или совсем прекратился рост исконно русских корней, а прирост словаря осуществляется исключительно за счет англицизмов и блатных словечек. Огромное количество неологизмов предпочтительнее читать на латинице: так, фразы типа *«бодибилдинг— бизнес не эксклюзивно для стрэйт мен»* по-русски выглядят не лучше, чем *«железобетонная конструкция в березовой роще»*. В такой ситуации кажется более естественным перейти на латиницу, недаром уже суще-

ствуют словечки-гибриды вроде Муз TV, Shэйкер, Shit-Парад и т.п. Нашему языку впору уже оправдывать необходимость кириллицы. А между тем вполне реально растить язык из его собственных корней. Ведь творят его конкретные люди — писатели, артисты, общественные деятели и т.п., а не анонимный народ-фольклороносец. Эпштейн делится собственным проектом творческого развития языка и демонстрирует ряд своих неологизмов: «входчивый», «сбывчивый», «своеправый» и т.д. Приживутся эти слова или нет, но язык надо спасать, убежден автор статьи, мы же, загипнотизированные хрестоматийными изречениями о его величии и могуществе, почиваем на лаврах XIX века, не замечая, как скукоживается наш язык на лингвистической карте XXI века, как впадает в провинциальную зависимость и подражательство.

Игорь Милославский ничего страшного в том, что сегодня многие атрибуты быта и массовой культуры обозначаются заимствованными словами, не видит (**«Русский язык как культурная и интеллектуальная ценность и как школьный предмет»** — «Знамя», № 3). Где родилось явление, там рождается и понятие. И русские эквиваленты таким американским словам, как «пейджер», «кассета», «диск» или «блокбастер», нужны не больше, чем французским «лупа», «медаль» или «конверт». Зато предметы сугубо русские — балалайка, самовар, матрешка — во всем мире называются по-нашему.

Язык языку — не враг, пишет **Рой Медведев** в статье **«Русский язык на просторах СНГ»** («Дальний Восток», № 3), и там, где национальные языки сильны, их не заменит и не вытеснит никакой английский. Русский же язык — это лучшая часть наследия, оставшегося на постсоветском пространстве и от Российской империи, и от СССР. И оказался он богаче многих других именно потому, что способен легко и естественно ассимилировать чужие слова и понятия, недаром еще Пушкин говорил о русском как *«переимчивом и общежительном в своих отношениях с чужими языками»*. Только за последние пятнадцать лет за счет английского и французского языков наш словарь расширился на несколько тысяч слов. *«Все съели, все переварили, ко всеми приставили свои приставки, прицепили суффиксы, сочленили падежными окончаниями и поставили на рельсы литературной и разговорной речи железнодорожный состав великого русского, очень трудно усвояемого иностранцами языка»*, — цитирует автор слова Лидии Григорьевой. Однако борьба с иностранными заимствованиями наблюдается сегодня повсеместно: Россия борется с англиканизмами, а бывшие союзные республики — с русским, забывая, что в СССР он был языком экономики и науки, что вся техническая документация крупных предприятий, строек, электростанций, транспорта и т.д. велась по-русски. С распадом СССР, пишет Медведев, литературный труд бывших советских писателей обесценился и с общекультурной, и с материальной точки зрения. Все это тяжело отозвалось на судьбах многих *нерусских русских* писателей, в одночасье оказавшихся иностранцами. Как сиротство воспринял распад страны всю жизнь проживший на Украине Борис Чичибабин. *«О как бы край мой засиял в семье народов. Да черт нагнал национал-мордоворотов»*, — писал он незадолго до смерти. Трагичен путь белоруса Василя Быкова. Свои книги он писал изначально на белорусском, затем сам же переводил (или тщательно руководил переводом) на русский язык; именно в русской версии проза Быкова станови-

лась известной, именно с русского Быков переводился на другие языки мира. После распада СССР отстаивавший белорусский язык и духовную суть национальной культуры писатель оказался в рядах радикальной национальной оппозиции, не был поддержан собственным народом, порвал отношения с большинством друзей и последние свои годы провел в эмиграции в Германии. Киргиз Чингиз Айтматов, наоборот, писал изначально на русском, затем сам же переводил (или тщательно руководил переводом) свои произведения на киргизский язык; именно в русской версии проза Айтматова становилась известной, именно с русского Айтматов переводился на другие языки мира. Приверженность писателя русскому языку вызывала недовольство националистически настроенной интеллигенции и в советские времена; в годы перестройки это недовольство лишь усилилось. И, получивший в начале 90-х предложение возглавить посольство Киргизии в странах Бенилюкса, Айтматов уехал в Брюссель, где с тех пор и живет, продолжая писать и публиковать свои произведения сначала по-русски, а потом по-киргизски. Народный поэт Казахстана Олжас Сулейменов бóльшую часть своих произведений на родной язык даже не переводил. После распада СССР Сулейменов возражал против требований оппозиции перевести все делопроизводство на казахский, заявляя, что отказываться от такого богатства, как русский язык, — бесхозяйственно. В итоге уже более десяти лет Сулейменов живет и работает в Риме в качестве посла Казахстана в Италии. В несколько лучшем положении оказались те представители бывших союзных и автономных республик, кто жил и работал в РФ, — Фазиль Искандер, Даниил Гранин, Расул Гамзатов, последнему и принадлежит замечательный афоризм: *«Язык языку не враг»*.

Мы, русские, никогда не чувствовали ответственности перед теми, кого «присоединили», пишет **Михаил Арапов («Наш великий и могучий...»** — «Знамя», № 2). И теперь получили, с одной стороны, русскоязычную диаспору за рубежом, с другой же — иммигрантов, еле-еле владеющих русским на бытовом уровне. И если в СССР на интеграцию работали и крупное производство, и школа, и армия, худо ли бедно ли учившие инородцев русскому языку, то сегодня замкнутая этническая группа без труда находит в мегаполисе собственную нишу, а в итоге московский грузин девяти лет говорит сегодня по-русски хуже, чем сорок лет назад говорил его ровесник, ни разу не выезжавший из Тбилиси. Более того, в глазах национальных меньшинств авторитет русского языка стремительно падает: для них русский — это наречие мало популярной власти, попсы и блатняка: *«на русском языке по всему СНГ говорит тюрьма и уголовный мир»*. Аукается сегодня и то, пишет Арапов, что наш язык чуть ли не весь XX век служил не наиболее адекватному выражению мыслей и чувств, а совершенно обратному: миллионы русских избегали называть вещи своими именами и стремились излагать мысли как можно туманнее. Теперь же наступили времена, когда словарный состав языка обновляется с невероятной быстротой, так что не только приезжим, уже и самим русским нужно постоянно совершенствоваться в языке, который перестал вдруг быть безотказным инструментом для постижения окружающего мира. И, должно быть, пишет автор, *«немало людей сегодня испытывают дискомфорт, непрерывно слыша непонят-*

ную речь на улицах, не поддающиеся дешифровке фразы вроде "бокового тренда евробондов" по телевидению, видя бессмысленную вязь из латинских и русских букв на рекламных щитах и таинственные загогулины-граффити на каждой стене».

За пятнадцать лет в стране (а стало быть, и в языке) произошло столько перемен, что они просто не могут казаться современникам благотворными, считает **Гасан Гусейнов («Жесть технология»** — «Знамя», № 4). Вот общество-старец и зудит о «порче языка», не желая понимать, что само ответственно за речевой облик своих наследников: *«чем больше взрослым дядям и тетям что-то не нравится в языке их детей и племянников, тем, стало быть, уродливее прожили они свою собственную молодую жизнь, тем больше лгали, фарисействовали, засовывали между строк сокровенные мысли».* История языка — это история поколений, а вовсе не история слов, пишет Гусейнов, и тонны новорусского мусора для живого языка ничуть не опаснее советского идеологического мусора. Однако вступивший в силу со 2 июня нынешнего года Закон о государственном языке нацелен на борьбу с тем же фантомом — с порчей языка. При этом (что любопытнее всего) инстанцией, определяющей языковую норму, закон назначает не Академию наук, не Институт русского языка и даже не Союз писателей, а... Правительство Российской Федерации. Разумеется, замечает автор статьи, живому языку это ничем не грозит. Эту бессмысленную войну государство все равно проиграет, тем более что, согласно новому закону, государственный язык пришлось бы защищать от самих государственных и культурных деятелей — жириновских и киркоровых всякого рода. Но странно, пишет Гусейнов, не замечать прекрасного в современном языке — в языке создаваемой на наших глазах свободной литературы, современной поэзии, свободной мысли. Странно не понимать, что языковая норма — лишь верхушка айсберга, а девять его десятых — это тот основной массив, без которого никакое целое немыслимо. *«Не совсем понятно,* — пишет Гусейнов, — *с какого бодуна должны говорящие по-русски люди отказываться, например, от блатного жаргона или от американизмов».* Увы, ни это *«с какого бодуна»*, ни *«жесть»* в заглавии статьи, ни иные инкрустации того же рода, довольно искусственно вкрапленные в текст, как-то не убеждают в необходимости жаргонизмов, да и статье весомости не прибавляют.

Принято считать, что звучащая вокруг нас речь сплошь груба, безлика и нецензурна, пишет **Вера Харченко («Русский язык: бедность или богатство?»** — «Знамя», № 6). Однако, когда профессионально охотишься за словом и ищешь позитивное, обнаруживается, что обыденная речь наших соотечественников содержит куда больше «плюсов», чем ожидалось первоначально. И это отрадно, потому что язык неотрывен от любых видов интеллектуальной деятельности (мы и мыслим-то отчасти аллюзиями прочитанного), а бедность словаря может привести к бедности решений. Харченко напоминает мысль американского критика Гарольда Блума: «сильные поэты» (такие, как Маяковский или Цветаева) создают словарь, а все остальные поэты этим словарем пользуются.

Язык есть отражение национального мировоззрения, пишет **Мария Захарова («Языковая игра как факт современного этапа развития русского**

литературного языка» — «Знамя», № 5). Для современной России характерно постмодернистское ощущение, что «уже все сказано», а от этого рождается стремление избежать избитых формулировок, не использовать чужие штампы, обмануть ожидания слушателя-читателя. Решить все эти проблемы позволяет интертекстуальность. Это ей мы обязаны намеренным снижением «высокого» стиля, коверканием устойчивых словосочетаний и привычных смыслов, подчеркнутой ироничностью, а также письменными и устными высказываниями, состоящими из сплошного набора цитат. В нашей литературе появился даже новый жанр — «игровой текст». Собственно, это не столько жанр литературы, сколько широкая языковая и культурологическая игра, где все от начала до конца ненастоящее и где нам предлагается мета- или гипертекст: выдуманный якобы заграничный автор (вроде Макса Фрая или Хольма Ван Зайчика), его биография, фамилии его переводчиков, комментарии, этими переводчиками написанные, примечания редактора, эпиграфы, библиографические ссылки, аннотации и т.п. — и все эти элементы представляют собой часть игры, и все не менее важны, чем собственно роман Фрая или Ван Зайчика.

О **ВАРИАЦИЯХ НА ТЕМУ КЛАССИКИ** пишет **Николай Работнов** в статье **«Никелируем золото»** («Знамя», № 2). Переделка (remake) или дописывание (sequel) знаменитых произведений — явление для России в определенном смысле новое (хотя первая попытка «дописать» Пушкина датируется 1830 годом), поскольку при советской власти шутки с классикой не поощрялись. На Западе же *«реинкарнация классических героев»* — явление привычное, оттого и у нас обозначает его английский термин. Первые по количеству римейков места, как указывает Работнов, занимают «Евгений Онегин» и «Война и мир». Вышедшая не так давно антология «Судьба Онегина» содержит около сорока стихотворных текстов: восемь вариантов окончания романа, двадцать шесть переделок и три реконструкции десятой главы. Среди авторов, бравшихся заканчивать пушкинские произведения, — Валерий Брюсов, Владислав Ходасевич, Владимир Набоков, Корней Чуковский, Александр Архангельский; особый случай — *шестая повесть Белкина* «Талисман» Михаила Зощенко. Однако статья не об этом, основная ее часть посвящена пьесам Бориса Акунина «Чайка» и «Гамлет». Почему для своих криминальных пассажей Акунин выбрал чеховскую пьесу, — очевидно: там имеется персонаж по фамилии Дорн (стало быть предок Эраста Фандорина (фон Дорна) — любимого акунинского героя). А вот за что такая честь оказана Акуниным шекспировскому шедевру, не очень ясно, хотя фамилию фон Дорн там получает друг Гамлета Гораций — *норвежский шпион-диверсант немецкого происхождения.* Отдавая дань восхищения акунинской способности виртуозно стилизовать разговорную речь, Работнов тем не менее сравнивает всю эту драматургию с *«фортепьянным этюдом — не Шопена и не Скрябина, а, скажем, Черни — демонстрирующим голую технику, сюжетную беглость пальцев автора».* Как пример того же рода цитируется в статье и перевод на феню знаменитого шекспировского монолога, выполненный Фимой Жиганцем, уже переведшим таким манером произведения Пушкина, Лермонтова и Крылова:

Жужжать иль не жужжать, вот в чем, бля, заморочка...

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ КАК ФАКТ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ» — так называлась очередная Букеровская конференция, материалы которой печатает журнал «Вопросы литературы» (№ 2). Проблемы, рассматривавшиеся на этой конференции, зачастую узкопрофессиональны, потому мы ограничимся лишь немногими цитатами.

• **Игорь Шайтанов**: *«Букеровская позиция и выбор часто не совпадают с читательским выбором, и это, я думаю, хорошо».*

• **Дмитрий Бак**: *«Рискну утверждать, что искусство, как таковое, в его самой что ни на есть неразменной подлинности напрямую зависит от литературных премий — плохих, хороших, разных».*

• **Ольга Славникова:** *«Литературная премия в нынешней ситуации существует ровно для того, чтобы настаивать на... сохранении художественности, эстетических критериев».*

• **Наталья Иванова**: *«Премий сегодня так много, что <...> писателей, замечательных произведений уже не так много, как этих премий... У нас существует шесть премий им. Шолохова, три — им. Андрея Платонова, две — им. Достоевского, две — им. Гарина-Михайловского, две — им. Бунина,.. две — им. Константина Симонова, две — им. Фадеева... две — им. Николая Семеновича Тихонова, две премии им. Льва Николаевича Толстого... и т.д.»*

• **Владимир Новиков**: *«Премий у нас очень мало. Если посчитать писательское население разных стран, количество премий на душу писательского населения у нас невелико».*

• **Алексей Алехин**: *«Сегодня действительно недостатка в премиях нет: от президентской до вполне экзотических вроде Андрея Белого, состоящей из бутылки водки и яблока <...> Беда в том, что эти премии не складываются в сколько-нибудь осмысленный ансамбль. Собственно, и уставам своим следуют не всегда. Записано в уставе: "за книгу" — а дают за общий вклад; записано "за вклад" — а дают... по состоянию здоровья...»*

• **Андрей Немзер**: *«Премия — один из немногих механизмов напоминания обществу о том, что литература существует».*

• **Олег Зайончковский**: *«Иногда кажется, что этот премиальный процесс может каким-то образом заменить литературную жизнь собой, то есть литературная жизнь может превратиться в непрерывный премиальный процесс и процесс общения между премиальными процессами».*

Итоги дискуссии подвел **Игорь Шайтанов**, сказавший: *«Пусть премий действительно будет больше, хороших и разных. Хотелось бы, чтобы их было больше хороших, оказывается, что их пока что больше разных, но и это хорошо».*

В том же № 2 «Вопросов литературы» опубликована подборка материалов Студебукера. Вот выдержка из манифеста жюри: *«Чтобы претендовать на премию "Студенческий Букер", произведение должно быть оригинальным, но не провокационным, провокационным, но не бездуховным, духовным, но не назидательным, назидательным, но не публицистичным, публицистичным, но не откровенно, откровенным, но не без загадочности, загадочным, но не темным, темным, но все-таки ясным, ясным, но не примитивным».* Напоминаем читателям, что победителем премии «Букер — открытая Россия 2005» был назван роман Дениса Гуцко «Без пути-следа», студенты же выбрали роман Дмитрия Быкова «Эвакуатор».

Статья **Андрея Рудалева «Обыкновенная война»**, опубликованная отчего-то сразу в двух журналах («Москва», № 4 и «Дружба народов», № 5), посвящена прозе о **ЧЕЧЕНСКОЙ КАМПАНИИ**. Полноценной и самодостаточной литературы на эту тему, как считает критик, еще нет, поскольку далеко не исчерпан сам «сюжет»; анализ же, рефлексия предполагает отстранение. Для тех же, кто побывал *там* и вернулся, отстранение наступит еще не скоро. Для пишущего по горячим следам — это кровоточащая рана, стоп-кадр, мгновенье, чистое переживание, восклицание. Суммировать же опыт, сделать попытку анализа, посмотреть на ситуацию ретроспективно пытается разве что Александр Карасев. «Художественнее» же всех говорить о войне получается у тех, кто далек от ее ужасающей эмпирики, для кого война — лишь одна из произвольно выбранных реалий; таковы Андрей Геласимов («Жажда») или Владимир Маканин («Кавказский пленник»). Для Маканина самое страшное в войне — утрата способности видеть красоту, потому что именно красота призвана спасти человека, не дать ему полностью войти в роль, навязанную войной. Совершенно иначе обстоит дело в прозе тех, кто испытал войну на себе. Для Аркадия Бабченко («Алхан-Юрт») красота нефункциональна, более того — опасна: она отвлекает бойца, обманывает его, ведь красота, как и тишина, — это только мираж. Настоящая сущность войны — уродство, грязь, вязкое засасывающее болото. На войне человек в человеке умирает, взамен же рождается солдат — *«пустой и бездумный, с холодом внутри и ненавистью на весь мир. Без прошлого и будущего»* (Бабченко). В отличие от публицистически-безыскусного творения Бабченко, «Патологии» Захара Прилепина — настоящий роман, написанный по всем законам беллетристического ремесла с учетом читательских ожиданий: тут и несколько сюжетных линий, и постоянная смена художественных декораций, и «вечные» темы — даже любовная. По существу же, это та же, что и у Бабченко, искренняя попытка выложить личный опыт, высказать себя без остатка, полностью обнажить себя, — *«чистой воды солдатский дневник — только в подарочной упаковке»*. И то, что Прилепин выговорился полностью, по мнению Рудалева, подтверждается позднейшими публикациями прозаика: *«унылые тексты, такие, как будто из них вытащили душу»*. В целом же до «Войны и мира» всей этой прозе пока далеко; пока что молодые писатели пытаются проговорить свой личный опыт, объяснить — прежде всего самим себе, что же все-таки произошло со страной и с человеком, с нравственной составляющей жизни и с общей системой ценностей. Молодые прозаики, пишущие о войне, дают увидеть всем нам: *«есть две России — в одной убивают, а в другой дарят цветы»*.

«Бесланские события лишь подтвердили: главный символ, главное действующее лицо и главная жертва этой войны — вечная баба с дитем,— пишет **Ольга Лебедушкина («Соглашусь жить в аду»** — «Дружба народов», № 5), — *даже материнские сны о мертвых детях бесконечно похожи, как будто и сон у матерей один на всех, общий, как горе»*. Автор статьи размышляет о документальных книгах — «Войне матерей» Виктора Бакина, составленной из разговоров с родителями погибших солдат, и сборнике школьных сочинений «Быть чеченцем»[1], вспоминает давнее уже, 2000 года, «Путешествие учи-

[1] Подборку статей об этой книге см. в «Континенте», № 122.

тельницы на Кавказ» Эльвиры Горюхиной. Одна общая война объединяет два поколения матерей. Афганская и обе чеченских в сознании осиротевших женщин предстают абсолютно одинаково — как бессмысленные, абсурдные, не нужные никому, кроме развязавших их властей. Пока статья писалась, вышел еще один сборник — «Бесланский словарь» Юлии Юзик, Лебедушкина приводит отзыв на эту книгу из Интернета... Книги-свидетельства, страшные книги, каждая из которых могла бы произвести эффект взрыва. Однако никакого взрыва не происходит и не произойдет — общество молчит, страна не содрогается. И это, как считает критик, — самое страшное. Лебедушкина цитирует Германа Садулаева: *«Мы все ответственны за это, все, жирная довольная Москва— в первую очередь»*. А *«молчаливое войско материнской войны»* тем временем прирастает с каждым днем — с каждым погибшим или искалеченным мальчиком. Этим женщинам нечего бояться и нечего терять...

О прозе **«НОВОГО РЕАЛИЗМА»**, или так называемой *молодой прозе*, пишет **Жанна Голенко («Здравствуй, племя младое... знакомое?»** — «Вопросы литературы», № 1). Это проза тех, кого именуют «братством тайных агентов», «поколением 007», «потерянным поколением» и даже отчего-то «безъязыким поколением». По крайней мере последнее очевидно неверно: «двадцатилетние-тридцатилетние», пишет Голенко, весьма языкаты; они заявляют о себе громко и бойко, *«они даже не говорят, а сразу кричат, так как боятся (и не без основания), что их не услышат»*. Громогласность и напористость стилистики — лишь одна из примет, общих для таких вещей, как «Ура!» Сергея Шаргунова, «Мемуар двадцатилетнего» Ника Лухминского, «Рахиль» Андрея Геласимова, тексты Ирины Денежкиной или любое из произведений, вошедших в «Антологию прозы двадцатилетних» (2003 г.). Автор статьи считает, что поколение «новых реалистов» в целом говорит на некоем *литературном эсперанто,* едином для словесности не только русской и не только последнего десятилетия, оттого-то проза эта отличается отчетливым качеством вторичности. (Голенко даже уверяет, что шаргуновское «Ура!» — не что иное, как переложение поэмы «Облако в штанах», «Рахиль» — попытка создать на российской почве нового «Улисса», не говоря уже о какой-нибудь «Ане Карениной», творении Лилии Ким.) Молодая проза, не способная напитать многочисленные заимствования собственным творческим «я», представляется критику неким общим текстом, собранием бродячих сюжетов и литературно-стилевых архетипов. Таких архетипов Голенко выделяет всего несколько: 1) негероические герои-неудачники — *«этакие романтики почти байроновского покроя, только без плаща, потому что на плащ у них денег нет»*; 2) ощущение непрочности мира, необходимое для выражения экзистенции героя; 3) жанровый синтез — *«полудневниковость, полуэссеистичность, полуманифестарность, полумемуарность... полифоничность, ирония, дух комизма и т.д.»*... В основной своей массе, пишет критик, и герои, и авторы новой прозы — «мученики», «блудные дети», которые перед читателем *«исповедуются, но не каются»*: каяться они не способны просто потому, что не имеют этического авторитета. Все это Голенко предлагает обозначить термином *«протестный романтизм»*.

Свою статью о новом реализме **Андрей Рудалев** начинает с утверждения: обществом утрачены определенные нравственные представления, и такая

ситуация рождает даже некое смакование, упоение разложением и упадком: *«С позиций политкорректности — в качестве нормы жизни — воспринимаются зло и порок»* (**«Письмена нового века»** — «Октябрь», № 2). Подтверждением тому служит не только творчество молодых — к примеру, драматурга Василия Сигарева, автора «Агасфера», где нет ни одного положительного персонажа, а мир представлен этаким гадюшником, но и мастеров старшего поколения — скажем, поэта Евгения Рейна, провозглашающего *«необходимость ненависти как движущего фактора литературы»*, или драматурга Михаила Рощина, восторгающегося Сигаревым и почитающего персонажей «гадюшника» самыми *обыкновенными* людьми, словно примитив, злоба и мерзостность вкупе с суицидальными намерениями и есть самое *обыкновенное* дело, то есть подлинная и единственная реальность. Однако, пишет Рудалев, существует противоположный взгляд и на искусство, и на реальность. Отзвуки нового гуманизма, идущие извне, из другого поколения и, скорее, как защитная реакция на «новый реализм», обнаруживаются в предисловии Евгения Ермолина к повести Романа Сенчина «Один плюс один»: критик стремится реабилитировать человека, отказываясь верить в *нормальность* описанного Сенчиным тупикового мира, где люди уподоблены мухам на липкой ленте, где каждый сам в себе несет «свой ад, свой адик». О том, что человек вовсе не муха на липучке, что он сам отвечает за себя и свободен оставаться личностью, что бы ни выпало на его долю, свидетельствуют и отдельные произведения молодых прозаиков — «Ленкина свадьба» Ирины Мамаевой или «Ферзь» Александра Карасева. Заканчивает свое выступление Рудалев цитатой: *«Реальность — это то, что преображено»* — таков один из заветов нового реализма, по мнению молодого критика Валерии Пустовой.

«Новый реализм» — словосочетание едва ли не бессмысленное, считает **Дарья Маркова**, автор статьи **«Новый-преновый реализм, или Опять двадцать пять»** («Знамя», № 6). Явление это надуманное и искусственно раздуваемое семинарами молодых писателей, премией «Дебют», некоторыми толстыми журналами и критиком Валерией Пустовой лично. На самом же деле то, что принято называть «новым реализмом», *«больше существует в манифестах и программных статьях, чем в реальных произведениях, он больше характеризует восприятие молодых — их желание влить в литературу свежую кровь, переделать мир, чем новое литературное направление»*.

Критики вроде Валерии Пустовой или Евгения Ермолина отстаивают свой «новый реализм», не зная элементарнейших вещей, полагает **Наталья Рубанова** (**«Килограммы букв в развес и в розлив»** — «Знамя», № 5). Берутся поучать писателей, а сами путают художественную литературу с журналистикой, не догадываясь, что смысл искусства в самом искусстве. Такая критика и литература, такой критикой опекаемая, дай им только волю, даже «Евгения Онегина» готовы выхолостить в скучнейший производственный роман (жаль, Рубанова, должно быть, не слышала про вульгарный социологизм, а то самое бы место ввернуть). Какое *«странное упорство "рожденных ползать" в желании опустить на серый асфальт тех, кто может летать»*, а ведь писатель-то *«на самом деле, никому ничего не должен: только себе, любимому, и "шедевру" — только перед собой, любимым, суд чести, и "шедевром", это же так просто, просто, просто, просто»*. И лучшие произведе-

ния выходят из-под пера образцово безответственных и внеморальных сочинителей, а вовсе не тех, кто носится со своей «святой миссией» и озабочен соображениями «пользы», «ультрасмысла» или «активной гражданской позиции». Единственный смысл искусства — само искусство, единственный критерий — эстетическое качество текста, единственное оправдание — талант, сообщает непросвещенным автор статьи. Да почему же? — поинтересуемся мы, непросвещенные. Да потому, разъяснит к концу статьи Рубанова, что это самое «чистое», «образцово безответственное» и «внеморальное» искусство состоит в прямом родстве с более важными вещами — с вечностью, с бессмертием души и еще с чем-то довольно путано изложенным, но вполне высоким. И вот именно это родство с вечным, бессмертным и истинным, так счастливо открытое Рубановой (и, без сомнения, ни Ермолину, ни Пустовой не известное), почему-то освобождает искусство от ответственности именно перед вечным, бессмертным и истинным — перед упомянутой в начале обзора метафизикой, а заодно и такой мелочью как моральный закон. То есть, открыв, что эстетическое существует *не само по себе*, автор статьи делает из этого изумительный вывод: пусть оно будет само по себе — и оставьте его в покое. Как говорил в схожей ситуации Честертон: я не поспеваю за вашими парадоксами.

ЧТО ПРОИЗОШЛО С ЧИТАТЕЛЕМ? — недоумевает **Михаил Холмогоров**. *«Куда делись миллионы подписчиков (общим числом не меньше пятнадцати, десятая часть населения России) наших толстых журналов? Вымерли? Вот так сразу?»* Почему те, кто только что с восторгом глотали «Чевенгур», «Жизнь и судьбу», «Приглашение на казнь», вдруг потянулись за *«Блюхером и милордом глупым»*? (подборка статей **«20 лет на свободе»** — «Знамя», № 6).

За последние полтора десятилетия, пишет **Евгения Вежлян («Литература в поисках читателя. Хроника одного ускользания»** — «Новый мир», № 3), отношения между читателем и автором претерпели значительные изменения. Началось все в 90-е. Тогда для вышедшего из подполья андеграунда мысль о читателе была чем-то не входящим в систему ценностей. В те годы образовывались салоны; возникло замкнутое сообщество интеллектуалов — «своих»; *«появились тексты, рассчитанные на прочтение больше, чем на публикацию, появились авторы, понимание которых невозможно без уяснения их салонного имиджа»*. Парадоксальность кружкового движения, пишет автор, заключалась в том, что уникальные свойства новой литературы извне оценить было некому, некому было и утвердить *«маргинальный мейстрим»* во главе литературного процесса: читателю «старой» литературы просто не хватало профессионализма, да он о салонах и знать не знал. Читатель «старой» литературы — это читатель толстых журналов, то есть *не «интеллектуал», но интеллигент*. Своеобразие этого интеллигента, пишет Вежлян, заключалось в том, что он был достаточно образован и ориентирован на образцы «высокой» культуры (именно в кавычках), с другой же стороны абсолютно непрофессионален, то есть совершенно равнодушен к *«литературе, как таковой»*, а именно к речевому изыску. *«Литературное произведение для такой аудитории — это прежде всего знак особого, "высокого" содержания*[2]. *Она*

[2] См. выше статью Натальи Рубановой.

ждет от произведения прорыва, просветления, катарсиса — как это ни банально звучит сегодня — "содержательной глубины". Интеллигенции всегда нужен Лев Толстой. И Пастернак. И желательно — в одном лице». Привыкшая к тому, что культура есть нечто «явленное», не поддающееся девальвации, и не обнаружившая однажды в киосках ни серьезных книг, ни толстых журналов, интеллигенция пришла к выводу, что всего этого больше не существует — *«и оказалась в культурной пустоте, которая очень быстро заполнилась ставшим более доступным масскультом».* И толстые журналы оказались в ситуации, не менее парадоксальной, чем салоны: оставшиеся без привычной аудитории, они продолжали на нее ориентироваться. Хотя в действительности читало их теперь (и едва ли не в единственном числе) именно противостоящее им «салонное сообщество». Более того, не испытывающие, казалось бы, к толстым журналам особого почтения, представители «салонной» литературы и по сегодня продолжают именно толстые журналы ассоциировать с «настоящей», не «поддельной», самой «литературной» литературой, и для большинства писателей именно публикация в толстых журналах (а не салонная репутация и не членство в творческих союзах) все еще остается свидетельством принадлежности к «большой» литературе. Вежлян видит в этом залог грядущего слияния обеих литературных сфер, образования *«неоднородной, но единой тусовки»*, предвестником которой в известной мере стала сеть заведений ОГИ, — если бы еще там собирались именно «бескорыстные» читатели, а не рвущиеся на подмостки потенциальные писатели.

Толстые литературные журналы, по мнению социолога **Бориса Дубина** (**«20 лет на свободе»** — «Знамя», № 6), *«фактически стали сегодня малыми литературными обозрениями московского масштаба, столичной площадкой для дебюта и выхода на сцену пред светлые очи тех или иных премиальных жюри».* Больше всего они напоминают не элиту или салон, а *«закрытую советскую шарашку то ли из "Круга первого", то ли из "Девяти дней одного года", где нужно собрать все ресурсы, чтобы произвести хотя бы* ***что-то*** *нормальное».*

Литература, поскольку за эти двадцать лет ею интересовались все меньше и меньше, получила свободы куда больше, чем СМИ, пишет **Александр Агеев** (**«20 лет на свободе»** — «Знамя», № 6). Правда, в эпоху гласности казалось, что борьба за свободу слова — это борьба за свободу «хорошего», «правильного» слова. На деле выяснилось, что свободное слово может оказаться «свободным грязным словом», «свободным глупым словом», «свободным лживым словом» — и так далее. И *«довольно скоро трогательная советская привычка верить всему напечатанному обернулась почти тотальным потребительским цинизмом».*

Основным дефектом новой ситуации **Михаил Айзенберг** называет «расфокусированный» взгляд читателя: нарушена координация, человек жил *как все*, но никаких *всех* уже давно нет. *«Те, кто продолжают читать, начинают читать очень быстро, то есть бегло. Не столько читают, сколько проглядывают... За новым типом чтения следует новый род письма, как раз предполагающий чтение "по диагонали"»* (**«20 лет на свободе»** — «Знамя», № 6).

Критики, берущиеся сегодня рассуждать о том, *«что читает средний класс»*, неверно представляют себе самого этого читателя, поскольку в основу понятия «средний класс» помещают имущественный признак, пишет

Георгий Циплаков («При чем тут маркетинг? Средний класс как вопрос русской литературы XXI века между жанрами» — «Знамя», № 4). В действительности же *читатель среднего класса* — это целая совокупность привычек, врожденных талантов и жизненных обстоятельств. Ведь что-нибудь кроме Донцовой читают далеко не все клерки с определенным уровнем дохода, а лишь «наиболее сознательная» их часть — *«новые умные»*, офисные интеллектуалы, которые *«относятся к среднему классу так же, как пролетариат в работах Ленина относился к классу рабочему»*.

Массовый читатель выбирает Маринину, пишет **Кирилл Юхневич («Чьи имена напишут на обломках?»** — «Октябрь», № 5). У социума были проблемы, которые он решал и продолжает решать с помощью подобной литературы. А литературная критика и публицистика, за редким исключением, говорить об этих проблемах оказались не готовы. Высоколобая толстожурнальная критика грустит о советском литературоцентризме и упивается своей мессианской ролью; но и «гламурные мальчики» из глянцевых журналов, считающие литературу товаром, а читателя — потребителем, ориентируются не на реального читателя, а на мифические представления о среднем классе, по большей части заимствованные из переводных учебников по маркетингу. Отсюда — и главная разница между отечественной и зарубежной литературной критикой: *там* критика рынок формирует, *здесь* — либо игнорирует, либо пассивно подчиняется его законам.

Предмет исследования **Капитолины Кокшеновой — СОВРЕМЕННАЯ ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОЗА** в лице Бориса Агеева, Василия Дворцова, Петра Краснова и Сергея Щербакова **(«Другие сеятели»** — «Москва», № 3). Сравнительно с предшественниками-шестидесятниками, замечает критик, у нынешних деревенщиков изменилось отношение к городу, который больше не мыслится лишь символом зла и непотребства: *«между городским и деревенским нет разницы, если мерить самой главной мерой — христианской <...> именно городские едут в деревни за землей, именно городские восстанавливают сельские храмы и монастыри. Город, выманив человека с земли, теперь сам стал нуждаться в восстановлении жизни на земле»*. Застарелые вопросы о городе и деревне, о культуре и цивилизации как составные части вмещаются в главный вопрос — вопрос о душе. Почему-то все перечисленные глобальные вопросы представляются Кокшеновой национально-русскими.

Если литература — все-таки зеркало, то сегодня оно все чаще отражает не человеческие лица, а лапы, хвосты и клыки; быть человеком нынче немодно — по крайней мере, для героя **БЕСТСЕЛЛЕРА**, пишет **Ольга Лебедушкина («Про людей и нелюдей»** — «Дружба народов», № 1). Новый герой — то маг, то мутант, то оживший покойник, а то и вовсе какой-нибудь луч Света Изначального. И ладно бы, если бы речь шла о дешевеньком масскульте или сетевой фэнтези, но сказанное касается прозаиков, пребывающих «на верхних этажах современной словесности» — *почти классика* Людмилы Петрушевской, *эстета* Павла Крусанова, *властителей дум* Виктора Пелевина и Владимира Сорокина, а также всерьез обсуждаемых толстыми журналами Бориса Акунина (проект «Жанры») и Сергея Лукьяненко. И если в середине 90-х, замечает критик, писали так, чтобы в любой момент

можно было сказать: *«Вы думали, это всерьез? А я пошутил»*, то теперь пишут, подразумевая: *«Вы что, думали, что я шутил все это время? А я всерьез»* — и являют читателю *«себя настоящего»*. Все меньше в произведениях постмодернистов иронии и самоиронии, все меньше развенчания и пародирования мифов, все больше убийственной серьезности, неомифотворчества, «хмурой антропологии» и мрачного религиозного пафоса. Все острее встает вопрос: ***что же такое вообще человек?*** И все отчетливее слышится ответ: мы живем в *постгуманистическую* эпоху, а homo sapiens — не больше чем «мясная машина» (Сорокин) или «бесхвостая обезьяна» (Пелевин). С точки же зрения вечного Света, человеческое уродство вообще невыносимо, и, конечно, хочется в таких условиях *«пожалеть затравленного Минотавра, накормить его и вывести из лабиринта»* (так сказано у Крусанова — с дальнейшим трогательным заверением, что *«на свободе Минотавр прокормится сам»*). Нам снова и снова дают понять, что будущее человечества — это его глубокое прошлое, а на этом фоне понятен всплеск интереса к мифу и сказке как тем самым «истокам» и «корням», в сторону которых устремлен исторический вектор. Так что вся эта **АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА** с тем же успехом может быть названа **НЕОМИФОЛОГИЧЕСКОЙ**. (Чемпионкой же обеих игр оказывается Петрушевская, в романе которой «Номер Один, или В садах других возможностей» и мифологическая схема разворачивается с учебной четкостью (*«прямо по Фрейденберг»*), и главный герой — по профессии антрополог). Герои статьи — писатели разных поколений и разных убеждений, но совпадения у них обнаруживаются поразительные. Так, к примеру, выясняется, что практически все названные авторы (за единственным исключением — Петрушевской) прямо-таки *«зачарованы магией спецслужб»* и в их книжках *«либо сообщества сверхчеловеков построены по образцу спецслужб, либо сами спецслужбы приобретают сверхчеловеческие возможности, перед которыми любой человек — "мясная машина"»*. Также объединяет всех отчетливый антибуржуазный пафос, несколько меньший у откровенно коммерческих Акунина и Лукьяненко и максимальный в «Американской дырке» Крусанова. Однако, пишет Лебедушкина, все сочиненные писателями-антропологами «нелюди» — на самом-то деле люди, да и постгуманизм нашей отнюдь не массовой литературы — мнимый и имеет все ту же «масскультовую» природу: *«Нынешняя культурная ситуация такова, что уже нельзя заставить весь мир читать про Оливера Твиста. Но если посадить его на метлу — то можно»*. Короче говоря, *дело лишь за тем, чтобы или превратить «маленького человека» в мага, или приделать ему хвост...*

Содержание трилогии Владимира Сорокина очень внятно пересказывает **Алла Латынина** в статье **«Сверхчеловек или нелюдь?»** («Новый мир», № 4). Романы «Лед» и «Путь Бро» повествуют о том, что на Земле среди миллионов людей с пустым сердцем, ничего не зная о своей высшей природе, живут 23 тысячи голубоглазых и светловолосых носителей Света Изначального, призванных восстановить гармонию. Отличить их от простых людей — «мясных машин» или «пустышек» — позволяет удар ледяного молота, пробуждающий сердце ото сна. Мир «мясных машин» омерзителен, полон низости и порока; и самоотверженные братья Света трудятся, не щадя живота своего: арестовывают голубоглазых и светловолосых, простукивают

их сердца ледяным молотом где только можно — в чекистских подвалах, в нацистских лагерях, в бетонных гаражах, в лесах и оврагах, — братьев Света пробуждают для дальнейшего служения гармонии, а бесполезных «пустышек» — пристреливают. *«Вот это и есть сорокинский фокус — изобразить труд палачей как героический*, — с чувством, похожим на восхищение, пишет Латынина. — *Поменять местами моральные полюса — это задача посложнее, чем играть со стилями и дискурсами, и Сорокин ее блестяще решает»*. Однако, по мнению критика, *«всегдашний сорокинский имморализм неожиданно оборачивается отчетливой морализаторской нотой»*, что становится особенно ясно в свете третьего романа, «23 000» (даже заставившего кое-кого говорить о «новом Сорокине»), где выясняется, что решает писатель и другие задачи: демонстрирует зыбкость границы между добром и насилием, скептицизмом и верой, тотальным разочарованием и готовностью претворять в жизнь утопию. В заключительном романе трилогии слово дано «недобиткам» — тем, кто умудрился выжить после ледяной инициации в чекистском подвале. И вот тут-то (через каких-нибудь четыре года после выхода первой части трилогии и к огромному разочарованию большой части сорокинских поклонников) оказывается, что 23 тысячи белокурых бестий — не сверхчеловеки, как с 2002 года привык думать читатель «Льда», а «живые мертвецы», нелюди и «враги всему живому». Заодно выясняется, что Земля вроде бы создана все-таки Богом и согласно Его плану, а вовсе не побочный продукт неосторожности лучей Света (тут критик к месту напоминает, что имя «Люци-фер» переводится как «Свето-носец»). Впрочем, Сорокин весьма политкорректен: насыщает трилогию обманками, меняет местами черное и белое, потом резко разворачивается на 180 градусов, а точек над і так и не ставит. Политкорректен и критик. *«И правильно делает,*— одобряет Латынина. — *Чем у́же пространство интерпретации, тем банальнее смотрелась бы... концовка романа»*. Или вообще нет разницы?

О феномене **РОЛЕВОЙ КУЛЬТУРЫ** в России и грустной роли в ней Джона Роналда Роуэла Толкина размышляет **Мария Галина** (**«Жизнь по книге»** — «Знамя», № 2). Трилогия «Властелин колец», а затем и «Сильмариллион» появились в России в начале 90-х — в самый подходящий исторический момент, когда *«с одной стороны, пали цензурные запреты и прекратился жестокий контроль над неформальными объединениями, с другой — началось "смутное время", вызвавшее тоску по жестким, непреложным этическим ориентирам»*. Толкин ответил всем потребностям времени, предложив читателям именно то, о чем они тосковали. В трилогии есть всё: и добротная англиканская мораль, и мощный свод западной мифологии, и собственный мир с подробной географической картой, с древней историей и особым эльфийским языком, открытым для развития и углубления не меньше, чем столь же искусственный иврит. И в результате возникла целая литература — продолжения, подражания, вариации, пародии, а также массовые ролевые игры, — причем в специфически перекошенном отечественном виде: *«сложился пресловутый образ "толкинутого"— человека в зеленом плаще, высоких сапогах и с деревянным мечом за спиной... Мало того, сложилась целая субкультура — со своими героями, еретиками, живыми легендами, быличками, анекдотами, даже языком»*. Ведь, как пишет Галина, мир игры — ком-

фортный мир: он не то чтобы реальней, он *правильней* настоящего, поскольку совершенно очевидно подчиняется законам добра и зла. Однако противники Толкина указывают на то, что далеко не все у него этически безупречно: высшие и низшие расы; существа, хорошие по определению, и существа, по определению плохие; мир, подчиненный строгой иерархии, и так далее. Но так или иначе, замечает Галина, практически вся **ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФЭНТЕЗИ** выросла именно из Толкина, к несчастью унаследовав не столько английскую сдержанность и чувство юмора, сколько кастовость, тягу к эзотерике и иные печальные особенности книг о Средиземье. И вот, завершает свою статью Галина, *«магический спецназ кочует из романа в роман, на свой лад толкуя высшие идеи Света и Справедливости, и добро выходит победителем из очередной схватки по той простой причине, что оно хитрее и кулаки у него больше»*.

Мария Галина — не только автор статей о ролевых играх и фэнтези; ее перу принадлежат ряд научно-фантастических произведений, а также сочинения в духе «магического реализма». О романе Марии Галиной «Хомячки в Эгладоре» идет речь в статье **Марии Ремизовой «Игры с огнем»** («Новый мир», № 6). Начинается роман как жестокая пародия на ролевые игры: двое молодых людей от нечего делать соглашаются исполнить роль хоббитов в толкиенистской игре, однако, поначалу скучная и нелепая, игра эта очень скоро перестает быть игрой, герои *на самом деле* ввязываются в опасные приключения и, как пишет Ремизова, *«реальность трещит по швам, и в образовавшиеся прорехи угрожающе неотвратимо вползают законы ирреального. Неуклюжих и недалеких марионеток вытесняют с поля настоящие игроки, те самые силы добра и зла, чьи помыслы недоступны пониманию человеков»*... Короче говоря, критик считает, что «Хомячки» — это лишь с виду простенький текстик с хеппи-эндом во вкусе домохозяек, на самом же деле здесь прячется *«пестрая гирлянда очень разных смыслов»* (и личное дело читателя эти смыслы улавливать: хочет — видит, а хочет — нет). По мнению критика, в романе осуществлен синтез мифологического и рационального видения мира, явлена магическая сила ритуала — то есть *«механизм сакрализации в процессе коллективных действий»*, когда *«сугубая кондовая реальность замещается вибрирующим мистико-магическим пространством»*. Правда, если судить по пересказанной выше статье из «Знамени», складывается ощущение, что для Галиной реальность вовсе не кондова (и не, как еще сказано в статье, *«плоска и тошнотворна»*), да и добро и зло представляются Галиной вещами, человеческому пониманию все-таки доступными, и эзотерику она не особо жалует. Но роман опубликован, выпущен из рук; критик его прочел — и кто его знает, критику, может, виднее... А критик убежден: *«забор, отгораживающий реальности современного рационалистического мира от космических сквозняков, весь в трещинах и щелях, а некоторые штакетины уже совсем сгнили и рассыпались в труху»*. А потому играющий с мифом подобен ребенку, играющему со спичками: *«Ну, до поры до времени со спичками, а потом-то — огонь»*...

Амбивалентность творчества Галиной заметила не одна Ремизова. Тут пора добавить, что Мария Галина не только прозаик и литературный критик, она еще и поэт, автор книги стихов «Неземля». А еще она кандидат

биологических наук, о чем пишет **Данила Давыдов («И страсть печальная скользит...» —** «Новый мир», № 2), тоже высказывающий мысль о диалектичности Галиной, сочетающей позитивистский взгляд на вещи с мистериальным. Вот так, например:

> ...У тебя такие нежные гланды, говорит он, я схожу с ума.
> Она молчит, поскольку знает сама, —
> У нее красивая печень, которой на пользу сухое вино
> (впрочем, сама она предпочитает коньяк), и крепкие мышцы ног,
> ее почки распускаются, как цветы,
> ее мальпигиевы клубочки
> чисты.

Статья **Веры Галактионовой** (точнее, выступление на писательском форуме в Южной Корее в мае 2005 года) называется **«Новый литературный герой: выразитель интересов своего народа или идей глобализации?»**. Текст этот, опубликованный журналом «Наш современник» (№ 1) и отчего-то выдаваемый редакцией за особенно смелый, изумителен тем, что 1) заявленный в заголовке вопрос в нем не рассматривается вовсе и 2) единственным произведением современной литературы, удостоившимся упоминания Веры Галактионовой, оказывается ее собственный роман «5/4 накануне тишины». Впрочем, если верить романистке, мировое зло распоясалось уже настолько, что никакой другой приличной литературы попросту не существует.

Время от времени у критиков (по преимуществу почему-то «почвенного» направления) случается что-то вроде сезонного обострения: кто-то из них в очередной раз открывает **«МАСТЕРА И МАРГАРИТУ»** и принимается гонять там чертей, норовя и всех окружающих убедить, что роман этот еретический и душегубительный, а автор его спознался с нечистой силой. Однако и в самом деле чем больше читаешь таких статей, тем тверже убеждаешься: с булгаковским романом и впрямь связана какая-то мистика. Едва усмотрит какой-нибудь критик в «Мастере» произведение сатанинское или там гностическое или хотя бы просто примерится к роману с аршином православной догматики, как немедленно превращается такой критик в *часть той силы, что*, по словам какого-то остроумца, *вечно хочет как лучше*. И лишь диву даешься, наблюдая, в какие места в подобных случаях оказывается вымощена дорога. Так что в наших обзорах роман «Мастер и Маргарита» и всегда-то появлялся с завидной регулярностью, а теперь и подавно: под Новый 2006 год телевидение показало одноименный сериал. Придирчиво посмотревший его **Андрей Воронцов** убежден, что до уровня искусства телеверсия не дотягивает единственно по причине богословской безграмотности режиссера Бортко (**«Прочтение по диагонали. О телевизионном сериале "Мастер и Маргарита"»** — «Наш современник», № 3). Постановщик, к примеру, даже не заметил в романе сатанинской мессы. А обязан был заметить, ведь она же у Булгакова есть! Мысль эта аргументирована довольно своеобразно: *«Зачем понадобилось всемогущему Воланду измываться над буфетчиком Соковым, человеком... маленьким? <...> Это, разумеется, сделано Булгаковым не случайно. Поскольку недобросовестный,*

жадный буфетчик Соков — первый богобоязненный человек, встреченный Воландом и его свитой в Москве, то, издеваясь над ним, они издеваются над апостольской идеей — идеей, по мнению сатаны, вздорной, несуществующей, как не существует "осетрины второй свежести". Здесь Воланд сознательно прибегает к древней христианской символике — рыбе. А по Бортко выходит, что он просто острит»... Каково, а?! Осетрина второй свежести в качестве раннехристианского символа — это, бесспорно, новое слово, с какой точки зрения ни посмотри: что с литературоведческой, что с теологической, что с банальных позиций здравого смысла...

Куда как скучнее у «либералов»! Вот **Юлия Идлис** (**«Переводные картинки»** — «Октябрь», № 5) ни о каком сатанизме Булгакова и слыхом не слыхивала, а потому считает, что причина неудачи в том, что экранизировать художественную литературу телевидение пока что не научилось. Для режиссеров и сценаристов книга — не столько литературное произведение, сколько узнаваемый бренд, про который средний телезритель обязательно слышал, но никогда ее не читал, как и вообще ничего не читает. Так что телевизионщики не переводят книгу на другой художественный язык, а просто создают иллюстрацию, пририсовывая литературным героям лица знакомых актеров, да еще и адаптируют текст для совсем уж малограмотных: «не в Соловки» отправить Канта, а «в лагеря» — чтоб не подумали, что речь идет о турпоездке. В случае же сериала — и вовсе беда: текст первоисточника расчленяется на несколько часовых отрезков, в каждом из которых должна быть завязка, кульминация и развязка, чего в исходном литературном произведении никогда не бывает. К тому же избыток экранного времени оказывается настоящей бедой: чем «бережнее» обращается с литературным материалом сценарист, чем больше сохраняет авторского текста, тем сильнее получившееся кино напоминает аудиокнигу с картинками, где загримированные «звезды» по ролям читают текст. *«Мы не умеем переписывать романы в кино*, — резюмирует автор статьи. — *И это значит, что в конечном счете мы не умеем их читать».*

Ну, это «либералы» не умеют. Вернемся лучше к «патриотам». Вот **Владимир Семенко** обращает наше внимание на то, что сериал показывали под Новый год, то есть все эти *«бесовские игрища»* демонстрировались не когда-нибудь, а во время Рождественского поста. И очень понятно, по какой причине: таким способом ведут свою *богоборческую войну «хозяева преступной машины телевидения»* (**«"Триумф" демонизма. О духовных и культурных итогах 2005 года»** — «Москва», № 5). Но, как и в случае Андрея Воронцова, некоторые утверждения из этой ни чем более не примечательной статьи способны изумить и богословов, и специалистов-литературоведов, и рядовых почитателей романа, которых Семенко сурово именует *«либеральной образованщиной»*. Так, Семенко уверенно сообщает, что весь разгул романной бесовщины происходит *«начиная примерно с полудня Страстной среды до вечера Великой субботы, когда в преддверии Святой Пасхи, накануне Воскресения, звучит знаменитая фраза: "Мессир, солнце близится к закату, нам пора". Бесовское воинство не в силах вынести света Христова Воскресения. "Великий бал у сатаны" происходит в ночь с Великого четверга на Великую пятницу, когда Христос уже умер, но еще не воскрес и силы зла временно*

торжествуют». Оставим вопрос о Страстной неделе на совести того, кто первым выдумал, что в «Мастере» описана именно первомайская Москва. Каждый, в конце концов, имеет право на заблуждения. Диковиннее другое. Вернемся к процитированному отрывку. Итак, Семенко пишет: *«Москва отдана в распоряжение Воланда и его свиты... начиная примерно с* ***полудня*** *Страстной среды»*. Таким образом булгаковский *«час* небывало жаркого *заката»* враз превращается в полдень. Потом точно тем же способом пятница становится четвергом: хотя достаточно открыть роман, чтобы убедиться, что означенный бал происходит в ночь не с ***«четверга на пятницу»***, как у Семенко, а с пятницы на субботу. И третье — самое изумительное в цитате, повторим: ***«в ночь с Великого четверга на Великую пятницу... Христос уже умер, но еще не воскрес»***. Ну ладно, допустим, роман «Мастер и Маргарита», презрительно названный в статье *«этой "библией" либеральной образованщины»*, Семенко не перечитывал. В конце концов он и не обязан читать всякую ерунду. Но зато как бы предполагается, что с *настоящей-то* Библией он знаком — уж, во всяком случае, с Новым Заветом... Однако перечитаем-ка еще раз написанное черным по белому: *«в ночь с Великого четверга на Великую пятницу, когда Христос уже умер, но еще не воскрес»*... Перечитаем, поверим, наконец, своим глазам и поспешим напомнить тем, кто не в курсе: в ***ночь с Великого четверга на Великую пятницу*** Христос вовсе не был мертв; в эту ночь Он молился в Гефсиманском саду, затем был схвачен, доставлен к Каифе и утром в пятницу приведен к Пилату. Каждый христианин — да что христианин, сегодня любой либеральный образованец знает, что происходило в эти страшные дни: Великая среда — предательство; Великий четверг — Тайная Вечеря, Гефсиманский сад, Моление о чаше; Великая пятница — Страсти Христовы, багряница и терновый венец, бичевание, насмешки и плевки, казнь и крестная смерть... Как можно тут перепутать?!! Однако статья напечатана. И теперь, увы, каждый любопытствующий может открыть журнал и убедиться в том, сколь опасная штука ослепление праведным гневом. Убедиться в том, как, разоблачая *триумф демонизма*, легко не пощадить и Того, за Кого ратуешь. А может, мистические свойства булгаковского текста все-таки ни при чем и Семенко высек себя самостоятельно?

Любопытнейшая интерпретация «Мастера и Маргариты» попалась и **Бенедикту Сарнову**, чья статья, посвященная ***антидогматическому литературоведению*** и модному ныне методу **ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ**, озаглавлена блоковской строкой **«И стать достояньем доцента...»** («Вопросы литературы», № 3). Сарнову «посчастливилось» отыскать и вовсе фантастическое произведение — книгу А.Н. Баркова «Роман Михаила Булгакова "Мастер и Маргарита": альтернативное прочтение», в которой названы следующие прототипы булгаковских героев: Мастер — А.М. Горький, Маргарита — М.Ф. Андреева, Воланд — В.И. Ленин. Того же рода, разве что *поквазинаучнее* труд Игоря П. Смирнова «Роман тайн "Доктор Живаго"» или статья «Гамлет Энского уезда», автор которой, Вадим Смиренский, указывает на *поразительное сходство и тесную связь* «Двух капитанов» Каверина с... трагедией Шекспира. Общая черта всех этих «исследований», замечает Сарнов, — абсолютное равнодушие к предмету исследования, абсолютная

глухота и неверие в то, что для писателя его писательство есть дело, за которое заплачено жизнью, есть самая жизнь, а не такая же пустопорожняя игра, как для критиков-постструктуралистов, *«у которых, о ком бы и о чем бы ни шла речь, что ни слово, то — **тайна**. А если не тайна, то — **загадка**. А если не загадка, то — **шифрограмма**, или **криптограмма**, или **код**, к которым надобно подобрать **ключ**»*. Замечает Сарнов и еще одну вещь: описываемый им метод так прост, что *доступен любому старшекласснику*, поскольку позволяет *«ЧТО УГОДНО сравнивать С ЧЕМ УГОДНО»*.

Слова Сарнова о любом старшекласснике заставляют вспомнить статью из предыдущего номера того же журнала. В совсем коротенькой рецензии без названия **А. Репин** («Вопросы литературы», № 2) весьма одобрительно отзывается о книге Елены Полтавец «"Война и мир" Л.Н. Толстого на уроках литературы». То есть о книге, где тому самому горемыке-старшекласснику всерьез предлагается именно то, от чего предостерегает Сарнов: интертекстуальные забавы, рассматривающие литературное произведение как шараду и позволяющие произвольно играть смыслом, вскрывая «коды» и «шифрограммы», по случайному признаку сближая предметы, ничего общего между собой не имеющие. Однако, по мнению Рябова, Полтавец *«во всеоружии подошла к задаче филологического прорыва: здесь и двадцатилетний опыт работы в школе, и недюжинная научная эрудиция, и исследовательская хватка»*. Да, конечно, давая рецензируемому *«филологическому прорыву»* столь лестные характеристики, Репин не скрывает некоторых смутивших его особенностей авторской концепции, он даже перечисляет кое-какие из этих особенностей: упомянуты и дуб, означающий *«мировое древо, то есть Голгофу»*; и крепостная девочка Пелагея, прочно ассоциирующаяся с дантовской Беатриче; и гоголевская Коробочка, не менее прочно ассоциирующаяся с волшебницей Цирцеей, и другие озарения Полтавец, читателям нашего журнала уже знакомые[3]. Но вот что удивительно, по мнению Репина, *«борьба со школьным шаблоном и скукой готовых методических рецептов»* вполне искупает все издержки такой вот «исследовательской хватки» госпожи Полтавец. Да так ли уж, спросим мы, страшен школьный шаблон, что ради борьбы с ним ни мертвым Толстым не жаль пожертвовать, ни живым старшеклассником? А может, проспал бы себе школьник «Войну и мир» на соответствующих уроках, — глядишь, и прочел бы когда-нибудь, когда дорастет, — и, кто знает, вдруг даже ему и понравилось бы... А теперь вот не сумеет, не приведи господь, заснуть под развеселый *«экзегетический курс»* Полтавец, да и будет, бедолага, потом всю жизнь думать, что это сам Лев Толстой страдал такой вот *«недюжинной научной эрудицией»*, сам не имел за душой ничего святого и сам греб в общую кучу сведения по мифологии и экзегетике, без разбора и стеснения почерпнутые из словарей, справочников и популярных брошюр... Грустнее всего, что по какому-то недоразумению похвальное слово *такой* книге появилось именно в «Вопросах литературы» — журнале, на дух не переносящем «литературоведения» как раз подобного толка.

---

[3] Многочисленные цитаты из этой поразительной книги можно найти в статье Льва Айзермана «Интертекстуальные связи, или Третий завет от Льва Толстого» — «Континент», № 128.

О ПОЭЗИИ

«Блин, меня высаживают наши поэты, это просто писец. Щас проходим по литре всякую хренотень, блин, нам училка пропихивает, типа, о блин, сколько смысла в этих стихах, нужно вырасти духовно, чтобы понять, понять что нах??? Пару примеров, блин, Анна, блин, Ахматова или как там ее нах, пишет блин: "ты меня бросил. Кто я теперь? Цветок или письмо?" Ну чо за хренотень блин, какое нахрен письмо, какой нахрен цветок??? Она под герычем что ли всю эту фигню писала??? А этот, блин, как его нах, Осип, блин, Мандельштам, блин. Чо этот нарик пишет??? "А люди на луне плетут корзинки..." Ну какие нахрен еще корзинки блин, на какой еще луне блин??? Да такую фигню любой кретин написал бы блин, вон я ща скажу блин, люди на марсе вяжут носки блин, и чо нахрен??? Смысл блин глубокий нах??? Зашибись, к училке подошли, спросили про эту луну блин, сама ничего не ответила, потому что ВСЕ ЭТИ СТИХИ — ХЕРНЯ!!!» Такую вот цитату, почерпнутую на одном из молодежных интернет-форумов приводит (слегка облагородив) сочинский школьник **Егор Логвинюк («Не в коня корм, или Тинейджер в пространстве поэзии»** — «Знамя», № 5). Почему, спрашивает он, интерес к поэзии в последнее время так увял? Отчего новые ритмы, метафоры и смыслы молодому поколению несут не поэты, а рэп- и рок-группы? Может, иронизирует юноша, чтобы возродить интерес к настоящей поэзии, стихи стоит рекламировать наравне с йогуртами, сникерсами и пивом? Примерно под такие слоганы:

Весело и вкусно! Поэзия!
Обещайте ей что угодно, но дарите только Поэзию.
Быстро и надолго. Поэзия.
Поэзия. За качество отвечаю.
Поэзия. Ведь вы этого достойны!

И тут же Егор Логвинюк делится собственным опытом поэтической пропаганды. На праздновании 110-летия со дня рождения Сергея Есенина Егор обратился к присутствующим с такой провокационной речью: *«Я живу в индустриальном обществе, вокруг автомобили, заводы, высотки, sex-shop'ы, фастфуды! И поэтому мне чужды стихи Есенина. Я не узнаю себя, я не узнаю своих проблем. Что же касается так называемой "есенинщины" с разрыванием рубахи на груди, разгульным посвистом и суицидной тоской, то кого этим сегодня удивишь? Драйв покруче пошел...»* И от этих слов аудитория неожиданно распалилась, кинулась на защиту Есенина. И *«самыми ярыми заступниками поэта*, — пишет автор статьи, — *оказались не какие-нибудь бабушки и дедушки, а вполне современные продвинутые юноши и девушки. С пеной у рта они начали доказывать мне мою неправоту, защищая честь и достоинство певца "святой и грешной" Руси. Грешной, но любимой бесконечно. У каждого из выступающих был свой Есенин и свои трактовки его творчества. <...> но если бы вы видели, как горели глаза у тех, кому нечего было сказать. Я имею в виду старшеклассников, которых "привели" учителя. Они были ошеломлены, что об этом (о поэзии!) можно так горячо спорить. Они, может быть, впервые прониклись поэзией! Значит, классик делается актуальным, "живым" лишь тогда, когда о нем спорят».* А зачем, собственно, одиннадцатикласснику из города Сочи понадобилось, чтобы его ровесники заинтересовались стихами? Ответ,

который дает Егор Логвинюк, подкупающе прост: *«ДУМАЮ, МИР ПРЕВРАТИЛСЯ БЫ В СКОТНЫЙ ДВОР, ЕСЛИ БЫ НЕ ПОЭЗИЯ»*.

Статья **Артема Скворцова «Энергия самовозрастания»** («Знамя», № 6) — о поэзии Олега Чухонцева. Одним из важнейших свойств этого поэта Скворцов считает открытость — открытость во всех смыслах. Это открытость другим голосам, дающая стихам Чухонцева редкий в поэзии психологизм и делающая его стихи равно внятными и рафинированному интеллектуалу, и деревенскому забулдыге. Это и доверчивая открытость читателю, и та кажущаяся простота, когда *«усилий не видно, а голос не фальшивит»*. И еще это открытость абсолютно любой эстетике, любым краскам и приемам, которые у Чухонцева естественно адаптируются и становятся его собственными: *«сохраняя уникальный голос, Чухонцев переплавил в личном поэтическом тигле множество разнородных и характерных для современной поэзии примет»*. У Чухонцева нет характерных навязчивых штампов, готовых приемов и клише, и оттого ему невозможно подражать, как невозможно и пародировать. Точность языка Чухонцева заставляет вспомнить прозрачность и захватывающую глубину чеховской прозы, но это не означает, что поэт пишет рифмованную прозу: у него важны не столько слова, как бы тесно и осмысленно ни были они спаяны между собой, сколько *«воздушные паузы между ними»*.

«Ольга Седакова с ее метафизическим мышлением, с ее поисками мифа и духа в поэзии кажется чужой во всех поэтических лагерях», — пишет **Владимир Бондаренко («Остров озарений Ольги Седаковой»** — «Дружба народов», № 4). Поэзия Седаковой отстоит от ее же публицистики, а в чем-то и опровергает ее. Эта поэзия воспринимается как дар правоты, она *«сопоставима с духом Господина Великого Новгорода, с духом свободы, личной независимости и одновременно кротости и смирения. <...> Как ни парадоксально, ее изысканная поэзия почти целиком посвящена земле и людям земли. <...> Ее поиски равновесия между духом и мифом, которые она ведет в своей поэзии, опираясь и на великого Данте, и на католика Клоделя, и на хорошо знакомого в России Рильке, с неизбежностью оказываются чересчур русскими»*. Чураясь и космополитизма, и официального почвенничества, пишет критик, Седакова возрождает традиции Серебряного века с его всеевропейским охватом и в своем поэтическом творчестве превращает Европу в русскую провинцию.

Игорь Кондаков в статье **«“Басня, так сказать”, или “Смерть автора” в литературе сталинской эпохи»** («Вопросы литературы», № 1) воссоздает жизненный и творческий путь Демьяна Бедного — этого *кавалериста слова*, по выражению Льва Троцкого. В феномене Бедного Кондаков обнаруживает стремление не просто декларировать свою интеллектуальную и художественную «бедность», но вовсе добровольно самоликвидироваться, слившись с рабочей и крестьянской массой. Однако, как показано в статье, кондовый демьяновский «советский стиль» был свойствен не одному Демьяну: ровно те же простейшие сентенции, тот же набор банальнейших штампов, те же примитивные вирши для «народа» слагались и от лица русского самодержавия:

Там, над Днестром, во мгле туманной,
Все с той же песней боевой,
Все той же поступью чеканной
Советский ходит часовой!

Теперь ты наш. Прости, родная хата,
Прости, семья! С военною семьей
Сольешься ты родством меньшого брата,
И светлый путь лежит перед тобой.

Взят от сохи, полей вчерашний житель,
Ты на часах сегодня, рядовой,
Недремлющий, терпенья выразитель,
Неколебим, могуч и тверд душой.

Приведенные строки — это не единое стихотворение, они взяты из трех различных произведений *«как бы народной»* музы. Первое четверостишие принадлежит Демьяну Бедному, два других — знаменитому К.Р., великому князю Константину Романову.

Обзор подготовила Ирина Дугина

В. «Звезда», «Нева»

«Культура устала от постмодернизма» — так считает молодой петербургский критик **Дмитрий Шаманский** («Нева», № 1). В эпоху перестройки и журнального бума литература (не возвращенная, а рожденная в то время) была в массе своей «провокационной», поскольку все тогдашние эксперименты объединяла общая цель — *«испытать на прочность основы традиционной литературной парадигмы»*. Однако русская почва — она русская почва и есть, на ней все по-особому, и *«изощренная словесная игра»* обратилась у нас карнавальным кавардаком, а читательское сотворчество — депрессией. Слишком важными для нас были и остались упраздненные оппозиции — высокого и низкого, традиционного и нового, своего и чужого, а православие быстро заменилось удобной и светской русской идеей. Шаманский анализирует творчество молодых, чьи опыты вошли в книгу «Антология современного русского рассказа, или Истории конца века». Среди них А. Валеев, И. Клех, Ю. Буйда, Н. Полянский, А. Росляков, А. Седин. Вывод критика таков: эпатаж и игровое сомнение остались в прошлом, конец света опять откладывается. А в итоге *«культура сделала глубокий вдох, теперь — медленный выдох»*.

Темой своей статьи **«Игра в фашизм» Константин Фрумкин** избрал, на первый взгляд безобидные, виртуальные игры в войну и в фашистов (не с фашистами, а именно в фашистов), перекочевавшие и в соответствующие книги («Нева», № 1). В современном культурном пространстве, утверждает критик, обнаруживается настоящий культ фашистской Германии. Он присутствует и в фантастической литературе, и в иллюстрированных справочниках, освещающих фашистскую символику, мундиры и оружие. Нас окружает любовь к войне. В «Штурмфогеле», романе Андрея Лазарчука, лидера «германофильского» направления нашей фантастики, Третий рейх предстает титаном, затравленным лилипутами. На крайне правых националистических позициях стоял и чрезвычайно популярный у нас японец Юкио Мисима, «красиво» закончивший жизнь с помощью харакири. В его пьесе «Мой друг Гитлер» заглавный герой произносит высокопарные речи о собственном величии и о том, почему своим уделом он избрал разрушение. Фигура Ми-

симы, пишет Фрумкин, заставляет по-другому взглянуть на нынешних российских пропагандистов войны и бунта, начиная с Эдуарда Лимонова и кончая Александром Дугиным.

Писатель милостью Божьей, человек совершенно фантастической судьбы, сочинивший свою биографию и отсекший подлинное свое прошлое и даже свой род, — таков Владимир Богомолов, классик русской военной прозы, каким вырисовывается он под пером **Ольги Кучкиной** (**«"Момент истины" Владимира Богомолова»** («Нева», № 1). И действительно ведь — человек-загадка! До 1953 года он носил фамилию Войтинский, по отцу, юристу-правоведу, погибшему в психиатрической больнице после допросов и пыток в сталинских застенках. За будущим писателем всегда водились странности. В 1943-м он, 18-летний, исчез, с тем чтобы предстать после войны пред материнские очи живым и невредимым. Никто из его друзей не знал и не знает, что происходило с ним в военные годы. Он и лицо свое прятал: нигде нет или почти нет его фотографий. В Союз писателей он тоже упорно отказывался вступать, хотя его «вербовали» многие — от Константина Симонова до Юрия Бондарева. Целую жизнь он провел, пишет О. Кучкина, *«как в окопе, зорко вглядываясь в передвижение людей, фактов, событий, "отстреливаясь" при любом тревожном поводе»*. Он и писал так — многажды отделывая каждую фразу, избрав войну, которую он знал как никто, стержневой основой творчества, в страшном одиночестве. И тайны его творчества, которые он унес в могилу, *«только укрупняют и драматизируют эту фигуру»*.

Елена Иваницкая в статье **«Masslit»** («Нева», № 3) продолжает свою работу исследователя массовой литературы. Обращено внимание вот на что: в масскультовых книгах все чаще в качестве кровавых палачей-мучителей выступают инвалиды. Именно им, людям с умственной отсталостью, приписаны особо садистские, людоедские наклонности. При изучении этих книг автор *«только в виде большого исключения обнаружила инвалида-жертву, преступниками же оказались фактически 100%»*. И это при том, что, во-первых, в нашей стране приблизительно 10% инвалидов (людей, как правило, беспомощных и бедных), а во-вторых, социальные исследования показывают, что значительная часть населения считает, что «неполноценных» надо ликвидировать. И второе наблюдение Иваницкой — лживость и невежество в отношении всевозможных болезней. Так, например, в книге Тианы Весниной «Насилие истиной» героиня убивает раненую подругу собственной отравленной после желтухи кровью, — и та, представьте себе! — мгновенно умирает. А ВИЧ-инфицированные буквально во всех произведениях такого рода тем только и заняты, что «мстят человечеству» за свою болезнь. Поинтересоваться, как в действительности протекает та или иная болезнь, — хотя бы взглянуть на популярный плакат — творцам масскульта недосуг. Для них инвалидность и болезнь — знак преступных намерений, и только. Оттого книги эти — злокачественная и бесчеловечная ложь.

О неистовой распре между самым ярким прозаиком русской эмиграции Георгием Ивановым и самым ярким ее поэтом Владимиром Сириным (Набоковым) рассказывает в статье **«Виссон. Георгий Иванов и Владимир Сирин: стихосфера» Андрей Арьев** («Звезда», № 2). Клубок литературной вражды между ними, пишет литературовед, завязался примерно с 1923 года, когда

в берлинских магазинах появилась книга Сирина «Гроздь». Иванову, человеку мнительному, стихотворение из нее «О, любовь, ты светла и крылата...» сразу же напомнило собственную, не единожды осмеянную «пьесу». Далее вражда росла, крепла и прорывалась обменом печатными нелюбезностями. Но, делает вывод Арьев, взаимоотношения между двумя литераторами все-таки сложнее и прихотливее, и взаимное родство их творчества едва ли не более тесно, нежели личное взаимоотталкивание.

Ирина Чайковская в статье **«В ахматовском зазеркалье»** («Нева», № 3) рассказывает о книге Аллы Демидовой «Ахматовские зеркала», жанр которой — вовсе не литературоведение, хотя актриса-исследовательница строфа за строфой анализирует поэтические тексты. Демидова углубляется в психологический подтекст самого появления слова, строчки, имени, реалии. В результате на свет выведено многое прежде скрытое, не всплывшее. В книге много «золотинок» — лапидарных, точных рассказов о «героях» «Поэмы без героя», такими героями не ставших. Наконец, повествует актриса и о трагической судьбе и поэта Ахматовой, которой посвящены два страшных партийных постановления, и женщины Ахматовой, в личной своей жизни глубоко несчастной. Словом — замечательно, тонко, пронзительно.

Как всегда, очень интересен острый, умный взгляд **С. Гедройца** в рубрике **«Печатный двор»**. Вот, например, что написано о суперпопулярном Борисе Акунине («Звезда», № 2): акунинские герои — *«не просто персонажи, а назначенные автором типичные представители того либо сего»*. Так, в «Статском советнике» имеются три главные фигуры: Смерть, Россия и Фандорин, благородный сыщик. А самое замечательное свойство акунинских книг, отмечает Гедройц, — то, что они *«забываются так же моментально, как поглощаются»*.

Книга Якова Лурье «В краю непуганых идиотов», предполагает **С. Гедройц**, — самая разумная книжка из тех, что вышли в Петербурге за год («Звезда», № 3). Она восстанавливает справедливость по отношению к Илье Ильфу и Евгению Петрову. Ведь не секрет, что, памятуя об их Лоханкине, великих сатириков обвиняли в ненависти к русской интеллигенции. Но ведь, замечает Гедройц, *«перед Лоханкиным открыты все пути. Лично я полагаю, что он сделался сотрудником Пушкинского Дома. Либо классиком патриотической прозы»*.

Иосиф Нелин в статье **«Критика или литературоведение?»** («Нева», № 6) останавливается на теме крайне интересной. Критики в журналах все меньше, пишет он, и интерес к ней угасает. Нелин с надеждой бросает взор в литературоведение — и, увы, обнаруживает там намеренно затемненный язык, тьму иностранных терминов и повальную невнятицу. А ведь когда-то Пушкин писал, что дело критика — *«открывать красоты и недостатки в произведениях искусства»*, да и сегодня современный критик Мария Ремизова советует коллегам избегать абстракций и почаще обращаться к конкретным разборам. Да только критика все больше тянется к литературоведению, а оно и вовсе — к надзвездным высям. Автор цитирует пассаж из статьи Александра Скидана «Сумма поэтики» («НЛО», № 60), где *«цезура, а вместе с ней и полиритмия, функционируют... как метрико-лингвистическая (точнее, экстралингвистическая) кодировка миссианического времени...»*. Куда же податься читателю?! Нелин вспоминает раздраженные статьи львовского филолога Валерия Сердюченко, с болью констатировавшего: исчезли нынче и читатель, и писатель.

Для советских властных тузов, а также для тех, кто сегодня определяет литературную конъюнктуру, Виктор Соснора — «нелюдь», «отклонение от нормы и стандарта», — пишет **Владимир Новиков** в статье **«Школа одиночества. К 70-летию Виктора Сосноры»** («Звезда», № 4). И действительно. *«Он зашел далеко. В самозаточении, в отъединении от людей. В индивидуализации поэтического языка и ритма. В расщеплении слова и добывании из него ядерной энергии, созидательной для будущего и сокрушительной для прижизненного обыденного бытия»*. Одиночество свое Соснора, считает критик, возводит в квадрат. Этот поэт даже близких разлучает, *«каждого из нас — мордой в свое собственное одиночество»*. А в собеседниках у него — весь мир. Быть может, заключает Новиков, так вел себя только Виктор Шкловский.

Необычна и ярка статья **Станислава Яржембовского «Нас принижающий обман»** («Звезда», № 5), посвященная 150-летию со дня рождения Зигмунда Фрейда. Правда, на юбилейную она совершенно не похожа, если принять, что такая статья предполагает дифирамбы в адрес юбиляра. Статья же Яржембовского носит прямо противоположный характер. Трудно вообразить себе, пишет автор, *«худшую терапию, чем фрейдовский психоанализ: постоянное расковыривание психологической раны, которая тем больше воспаляется, чем больше ее бередят»*. Фрейдизм — это паранаука, утверждает автор. И, как всякая паранаука, она пренебрегает фактами, принося в жертву самой себе отдельные человеческие судьбы. Всякое попавшееся ему под руку психическое «тело», пишет Яржембовский, Фрейд *«сразу же тащил в анатомический театр своего психоанализа»*. Правда, отмечается в статье, именно он первым восстал против ханжеского замалчивания темы сексуальности. Однако теория Фрейда именно потому так и популярна сегодня, что очень удобна и позволяет не только обсуждать, но и морально оправдывать то, что прежде прикрывалось завесой тайны. И вообще: если читать его труды достаточно долго, *«ощущение такое, будто попал в сумасшедший дом, в котором врачи и пациенты поменялись местами»*. Вот такая антиюбилейная статья.

С пространным **«Словом об Александре Грине»** в «Неве», № 5, выступает **Владимир Березин**. Знаменитый писатель-неоромантик был кумиром 50 — 60-х, когда молодежь поголовно упивалась им, а в каждом приморском городе был ресторан «Алые паруса» и кафе «Романтики». Но Александр Грин — фигура неоднозначная, и Березин причисляет себя к исследователям именно *сложности* этого писателя. Чтение книг Грина, замечает исследователь, наводит на мысль *«о неистребимой зависти»*, снедающей многочисленных его персонажей. И красоты в этой романтике, если разобраться, не много. Кроме того, пишет критик, писатель ненавидел науку, зато беззаветно любил чудо, заставляя героев мечтать о находке толстого кошелька. *«Герои Грина*, — пишет Березин, — *это ламарковско-лысенковские персонажи, у которых неистовое хотение заменяет эволюцию, а желание — поступок»*. И все-таки пусть таинственный, романтичный Грин и впрямь писатель уязвимый, пусть половина его эстетики из Бёклина и перевозится она на лодочке с «Острова мертвых», пусть вся эта инаковость растет из Ницше, пишет автор, — но и сегодня *«славно гладить трепаные обложки серого цвета, с бело-красным шрифтом и пересекающимися бело-красными же линиями, символизирующими волны <...> Не моя вина, что все время подтверждаются слова о том, что*

нельзя прикасаться к кумирам,— следы позолоты остаются на ваших пальцах». Будь у Грина юбилей, тоже можно было бы сказать, что статья антиюбилейная.

«Наброски к ненаписанному портрету» Игоря Кузьмичева («Нева», № 6) — это статья о творчестве родных братьев — писателей Олега Базунова и Виктора Конецкого. Базунов был искусствоведом Русского музея, автором философских и поэтических записок любителя городской природы, а также повести «Мореплаватель». В. Конецкий — морской офицер, ходивший Северным морским путем и добиравшийся до Антарктиды. Конечно, разногласий у них хватало. *«Конецкий избегал вольностей формы, стилистических изысков, а Базунов мог искусно сплести вычурный триптих "Собаки, петухи, лошади"...»* Отдельно Кузьмичев останавливается на том, как по-разному писали братья о море.

Литературовед **Ирма Кудрова**, исследовательница творчества Марины Цветаевой, откликается на уже успевшую прославиться книгу Дм. Быкова «Борис Пастернак» (**«Свет мой, зеркальце...»** — «Звезда», № 6). Кудрова, ученый въедливый и кропотливый, обвиняет Быкова прежде всего в спешке и верхоглядстве, которые, по ее мнению, не позволяют ему выстроить текст главки о Цветаевой и Пастернаке продуманно и доказательно. Подмечает она и безапелляционность суждений Быкова о расчетливости Цветаевой в ее отношениях с Пастернаком. Пастернак отнюдь не испугался бурной интенсивности чувств М. Цветаевой — «сам был такой!». *«Человеческий облик Цветаевой*, — сказано в статье, — *предстает в книге Быкова почти чудовищным; безапелляционные характеристики автора таковы, что оторопь берет. Оспорить их ничего не стоит, но к каждой полуфразе пришлось бы делать длинные отсылки, между тем как сам автор не удостаивает читателя никакими».* Отсюда недоверие исследовательницы к другим страницам книги.

Взглянем теперь на авторскую рубрику **С. Гедройца «Печатный Двор»** в «Звезде».

Такую вроде бы «несерьезную» книгу, как сборник сказок и стихотворений Сергея Козлова «Все о Ежике, Медвежонке, Львенке и Черепахе» (СПб., 2005) С. Гедройц оценивает исключительно высоко («Звезда», № 4). И даже более того: *«Из писателей московских и вообще провинциальных мало кто достоин завязать Сергею Козлову на ботинке шнурок».* А все потому, что он, выбрав себе в читатели малыша, сохранил свободу и талант. Его Медвежонок и Ежик переживают счастье и наслаждаются своим общением, греясь в нем, как в золотом луче. С удовольствием Гедройц выписывает из книги диалоги, действительно необыкновенно чистые и прозрачные, потому что *«Сергея Козлова как начнешь выписывать — не остановишься».*

На *«кузминологии» как «царице наук»* (слова, естественно, несерьезные) **С. Гедройц** останавливается, рецензируя «Дневник 1908 — 1915» Михаила Кузмина («Звезда», № 4). Да и вообще, сказано в рецензии, — благодаря скрупулезным специалистам по М. Кузмину, о нем известно *«куда больше, чем про А. С., Ф. М. или Л. Н.».* Да и сам Кузмин передавал бумаге все нюансы своего поведения, своих поступков и размышлений, правда, получались все больше *«истерические смешки сквозь истерические же слезы».*

Обзор подготовила Евгения Щеглова

Из почты «Континента»

«ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН»

Зрительские ощущения до, во время и после ужина у товарища Сталина и размышления вокруг них

В 126-м номере «Континента» я прочла эссе Сергея Юрского «Тень. Ощущения после ужина у товарища Сталина и размышления вокруг них» — раздумья исполнителя главной роли и режиссера-постановщика спектакля «"Вечерний звон" (Ужин у товарища Сталина)» по пьесе Иона Друцэ. Размышления, обстоятельства и события, описанные в эссе Юрского, невольно всплывали в моей памяти и во время следования в театр, в силу удивительной схожести обстоятельств просмотра, и во время спектакля — в сцене, когда Юрский, игравший Сталина, пел: «Вечерний звон, как много дум наводит он» Этот спектакль, эссе Юрского «Тень», его книга «Игра в жизнь», история его творческой жизни, отношений с ленинградскими властями и властителем БДТ легли в основу работы, которая была названа мною «Стора о ЮРСКОМ периоде БДТ», сокращенная для журнала «Континент» до небольшой заметки, как своеобразный отклик на публикацию эссе Сергея Юрского, как продолжение тех дум — впечатлений, ощущений и размышлений, но уже не актера и режиссера этого спектакля, а его ЗРИТЕЛЯ.

Вечером 24 мая 2006 года город Сочи находился в преддверии двух событий — культурного и политического, и эти два события, казалось бы, ничем не связанные между собой, неожиданным образом тесно переплелись, да так, что одно наглядно проиллюстрировало другое. Первое из этих событий не особо афишировалось: открывался саммит Россия — Евросоюз и в город съезжались высокие гости из Европы и ближнего зарубежья. Второе событие анонсировалось обильно и броско: с афиш и рекламных растяжек траурного колера напряженно вглядывался в грядущее «вождь всех времен и народов» — бесконечный ряд черных профилей на красном фоне. В этот самый день сочинцам и гостям города представлялась уникальная возможность увидеть тот самый ужин у товарища Сталина. Единственный спектакль.

Понимая, что из-за прибытия заграничных гостей могут возникнуть сложности на дорогах, мы с друзьями выехали из Адлера за три часа до начала (хотя ехать до центра Сочи от силы минут сорок). Но в тот вечер мы не столько ехали, сколько стояли: не только центральная магистраль, но и параллельные улицы оказались заблокированы; через посты время от времени просачивались две-три машины, затем движение снова замирало. Никакой необходимости перекрывать все дороги не было, и, действуй местные власти профессионально и рационально, они обеспечили бы проезд гостей, не парализуя всю жизнь города. Но, видимо, было решено, что «лучше перебдеть, чем недобдеть». Вот властные структуры и бдели.

...Они — бдят! Мы — стоим. Время неумолимо приближается к началу спектакля, а мы еще стоим на крутом взгорке возле церкви. Колокола молчат, но и без того ясно, что по первому акту спектакля «Вечерний звон» они уже отзвонили. Отвлекаем себя разговорами и утешаемся мыслью, что еще есть шанс увидеть хотя бы второе действие. Но чем дольше стоим, тем чаще, кроме мыслей о том успеем или не успеем, все настойчивее в голову приходят совсем иные — и совсем уж неутешительные раздумья. Все неотступнее всплывает вопрос: кто и во имя чего так играет нами? Впрочем, нами даже не играют (велика честь!), нас попросту не берут в расчет. Какие там еще личные проблемы, духовные и культурные потребности российских граждан, когда в России такое важное политическое событие! И невольно в сознание закрадывается мысль, что, несмотря на то что товарища Сталина давно уже нет в живых и он даже вынесен из мавзолея и похоронен, но все же он и *дело его* остаются живее всех живых и как производное живехонька-здоровехонька остается беспощадная и унизительная форма отношения власти к гражданам, которыми эта власть правит.

Курим, разглядываем портреты Сталина на очередной афише и ведем разговор о природе Власти. Пытаемся вспомнить и то, как давно Сергей Юрский начал интерпретацию этой темы — Власть и Личность. Спектакль «Мольер» — по пьесе Булгакова «Кабала святош» — Сергей Юрский поставил в БДТ к 300-летию со дня смерти Мольера — то есть в феврале 1973 года! Значит, уже более трех десятилетий эта тема волнует Юрского и не отпускает до сих пор. Удивляют и совпадения: в «Мольере» был ужин у тирана — ужин, на который король Франции пригласил великого драматурга. И в нынешнем спектакле, как мы знаем, тоже ужин, на который также приглашена творческая личность (солистка Большого театра певица Надежда Блаженная). И рождается мысль о некоей знаковости и этого совпадения, и вообще всего происходящего как живой и печальной иллюстрации все к той же теме — Власть и Личность.

Не могло не вспомниться и то, как нелегко складывалась режиссерская судьба самого Сергея Юрского, потому что его режиссерская судьба — это тоже своеобразная иллюстрация той же самой темы Личность и Власть. И не только государственная власть, но и театральная власть главного режиссера может быть абсолютной. Именно такой была власть главного режиссера БДТ Товстоногова. Сергей Юрский в своей книге «Игра в жизнь» очень точно именовал БДТ как некое государство — ТОВСТОНОГОВИЕЙ, в которой верховный властитель абсолютистски распоряжался как судьбами творческих личностей, так и их творениями. Спектакль «Мольер» был третьей режиссерской работой Юрского в БДТ. Две его первые постановки: «Фиеста» по роману Э. Хемингуэя и «Избранник судьбы» по пьесе Бернарда Шоу — не были допущены Товстоноговым на сцену БДТ. И хотя спектакль «Фиеста» через два года был поставлен Юрским на телевидении и имел большой успех как телевизионный спектакль, а «Избранник судьбы», хотя и состоялся как театральная постановка и даже получил премию, но сцены БДТ удостоен не был. Сергей Юрский в своей книге «Игра в жизнь» позже напишет о «Фиесте»: «Спектакль умер. Умер мой первенец. Что-то не пришлось в нем императору, и император приказал ему не жить».

А о сыгранном вне стен БДТ спектакле «Избранник судьбы», который прошел всего 28 раз, Юрский с горечью напишет: «Спектакль быстро задохнулся. Исчезло мое второе детище».

И когда в «Мольере» — его третьем детище, увидевшем наконец-то свет подмостков БДТ, Олег Басилашвили, игравший короля, спрашивал, как поживает его крестник, и получал от Юрского, игравшего Мольера, горький ответ, что ребенок умер: «Не живут мои дети, государь», то из подтекста было понятно, о каком «государе» и о каких «детях» идет речь. И становилось больно от сознания, что и это детище Юрского не будет иметь в БДТ долгой и счастливой жизни. И хотя «Мольер», третий спектакль, поставленный Юрским, и прожил на сцене БДТ пять лет и прошел с успехом сотню раз, но он никогда не вывозился «в свет»: ни в Москву, ни тем более за рубеж. Власть всегда найдет благовидные причины, чтобы «не пущать», и «Мольер» считался невыездным, так же как и его режиссер-постановщик, Сергей Юрский, хоть и негласно, стал невыездным. Ну а желание Товстоногова угодить негласному желанию ленинградских властей вполне можно было прикрыть благовидными причинами, например слишком громоздкими декорациями (замучаешься с транспортировкой одних только гигантских канделябров!). Однако когда спектакль был снят с репертуара театра, постановочная часть БДТ почему-то от этих громоздких декораций избавиться не спешила, хранила их больше десяти лет. И именно в этих королевских декорациях спектакля «Мольер», поставленного Юрским, театр прощался со своим главным режиссером.

Когда же это было? Товстоногов умер 23 мая 1989 года. Стало быть, последний раз декорации «Мольера» на сцене БДТ монтировались... ну да — 24 мая 89-го года. И по странному стечению обстоятельств я вспоминаю об этом спустя 17 лет — тоже 24 мая... День в день! И становится не по себе все от той же мысли, что словно приведена в действие некая машина времени, воскрешающая тени великих мира сего, и тень их власти продолжает витать над творческой Личностью...

И, конечно, тогда в ожидании, когда же наша колонна двинется с места, я не могла не вспомнить эссе «Тень», напечатанное в журнале «Континент», где Сергей Юрский делился своими мыслями о природе власти вообще и о нынешней «загримированной российской власти»; о ее корнях — в том числе и религиозных; о парадоксальности власти; о том, как живучи сталинизм и страх — в том числе и страх власть эту утратить, заставляющий «бдеть и не пущать», демонстрируя всем силу своей власти... Ситуация встречи именитых гостей, описанная в статье Юрского, была, увы, типичным явлением нашей действительности и поразительно напоминала сочинскую встречу высоких политических гостей...

...А на всем пути нашего следования к театру нас сопровождал растиражированный по всему городу в афишах профиль Сталина. Это воспринималось настолько зловеще, что трудно было не усмотреть во всем этом некое роковое совпадение и предупреждение.

Вот в таких пессимистических рассуждениях и прогнозах (в том числе и о том, что, наверное, не успеем и на второй акт) мы наконец-то выехали на улицу Театральную и, наспех припарковав машину, побежали к театру. И в

этом бессмысленном беге, который уже не спасал ситуацию, мы были не одиноки: вместе с нами по ступеням бежали другие люди, опоздавшие к началу спектакля. Завернув за угол, у центрального входа мы увидели неспешно беседующих и покуривающих людей. Все подбегавшие дергали их одним и тем же вопросом «Уже антракт?!» и изумленно останавливались, получив неожиданный ответ, что спектакль еще не начинался: ждут зрителей. Оказывается, театр *взял нас в расчет*!

Мы присоединились к ожидающей публике. Царила удивительная атмосфера взаимопонимания и единения — словно на кухне в советские времена. Ничего подобного мне не приходилось испытывать уже много лет. Давно распался тот Союз, и тем неожиданнее и трогательнее был на краткое время возникший хрупкий театральный СОЮЗ единомышленников. И даже когда, наконец, объявили, что спектакль начнется через пять минут, то зрители потянулись в зал неспешно — хотелось длить эту неожиданно возникшую атмосферу единения.

Но эта атмосфера не была утрачена, а только усилилась во время спектакля, а, когда, наконец, на сцене появился вождь всех времен и народов — товарищ Сталин, зал замер от неожиданности: Юрский играл БЕЗ ГРИМА. Лишь после долгой паузы и оцепенения грянули аплодисменты. И эти аплодисменты были адресованы даже не столько любимому артисту, сколько автору спектакля за то, что он зримо и точно донес до зрителей мысль, что во все времена любая власть одинаково беспощадна и жестока, будь она в том или ином гриме, а то и без него. И зрители приняли этот режиссерский прием и с глубоким пониманием очень точно и тонко, реагировали на каждую реплику и коллизию спектакля, возможно еще и потому, что каждый сидящий в зале, подобно героине спектакля певице Блаженной, только что сам пережил ситуацию унизительной зависимости от Власти и властителей.

А тем временем на сцене товарищ Сталин сокрушался о том, что Россия не стала Третьим Римом, потому что верховная власть не усвоила вторую часть известного постулата «Разделяй и властвуй!». «Властвуй!» — это они усвоили, а нужно было сначала усвоить ее первую часть — «разделяй!». Тогда вторая составляющая придет сама собой. Сталину удалось стать хозяином положения и страны во многом именно потому, что он накрепко усвоил и в совершенстве овладел формулой власти: сначала беспощадно разделял, а потом безгранично властвовал! Изощренно разделял своих подданных самыми разными способами — в том числе на врагов и на... потенциальных врагов, которые только прикидываются, что присягают на верность, но в любую минуту могут предать, особенно если им дать возможность чувствовать свое единение, мыслить и ощущать себя личностями. Нет, этого ни в коем случае нельзя было допускать. И никто не должен сметь мнить себя личностью, а должен ощущать себя лишь песчинкой, щетинкой или, в лучшем случае, винтиком государственной машины, на которую обязан работать, не допуская никаких сбоев...

Любой сбой, в том числе и в сознании, рождающий инакомыслие или даже инако-чувствование — это преступление, за которым неминуемо должно следовать наказание. Такие личности были обречены, как была обречена приглашенная на ужин солистка Большого театра, которая от страха и не-

возможности петь в неволе не справилась с собой и дала сбой в колоратуре. Эта певичка вместо того, чтобы быть исправным винтиком, обязанным безропотно и без сбоев работать на благо и усладу своего властителя, видите ли, позволила себе чувствовать и мыслить, возомнила себя личностью! И властитель считает необходимым поставить ее на место: винтик — должен осознавать себя винтиком, который легко может быть уничтожен и заменен, поскольку сам по себе — ничто. Песчинка мироздания — не более того!

И зрители, до начала спектакля (в полном соответствии с формулой власти) ощущавшие себя разрозненными и ничего не значащими песчинками, но во время спектакля, ощутив свое единение, пережили чувство, которое было сродни катарсису, потому что все мы (пусть всего лишь на время спектакля!) перестали чувствовать свое одиночество и незащищенность перед лицом этой Власти. Мы были защищены этим единением и не чувствовали себя «песчинками», «щетинками» или «ягодками», одну из которых в это время на сцене держал в своих руках товарищ Сталин, размышляя о том, как устроена каждая ягодка-виноградинка... Какая тонкая у нее кожица, какая сочная под этой кожицей мякоть... Но ценность и суть этой ягодки в другом — в том семечке, что находится у нее в сердцевине. А что из этого семечка может произрасти, если допустить, чтобы каждая и каждый в сердце своем посмеет ощутить себя личностью!

И в бешенство приходит товарищ Сталин, когда такая вот «ягодка», всего лишь смазливая певичка, — и та мнит себя личностью и не чувствует себя осчастливленной тем, что ей позволено скрасить одиночество вождя. Не сдержав раздражения, Сталин срывается на звериный рык: «Никогда! Никогда не построим мы великое государство, если не сумеем проникнуть внутрь этой... ягодки!» И нам, зрителям, кажется, будто вовсе не виноградину сжимает товарищ Сталин в своих беспощадно жестких и цепких пальцах, а жизнь человеческую держит в руках... Держит, а затем отшвыривает прочь, как отработанный, бракованный материал. А на что еще она может пригодиться, если не может или не хочет служить ему и его великим целям?!

А зрительный зал замирает в оцепенении. Гробовая тишина: ни вздоха, ни кашля, ни хлопка... Потрясающая сцена — трагическая и гипнотическая одновременно. Именно «гипнотическая» — потому что, помимо страха, мы отчетливо ощутили на себе еще и некий гипноз этого диктатора, которому не просто вынуждены подчиняться — а которому хочется подчиняться... даже вопреки своему желанию. Мы вдруг на себе ощутили тот магнетический механизм, ту силу, которой воздействовал Сталин на людей. Словно мы стадо кроликов или баранов, готовое добровольно (а то радостно!) стройными рядами отправиться в пасть удава или тирана с сильной, хоть и подвысохшей рукой. Вдруг стало понятно, почему об этой сильной руке многие мечтают и по сей день. Видно, есть некая сладость в рабском подчинении силе и власти, и сладость эта накрепко засела уже даже не в головах, а в генах наших.

И вдруг я с ужасом поймала себя на странной мысли: а может быть, так и надо? Может, есть в этом высший смысл и ради построения Великого государства, ради создания сверхдержавы, подобной Третьему Риму, стоит пожертвовать той или иной личностью, а то и миллионом личностей, если они мешают осуществлению грандиозной идеи?.. И эти мысли пронеслись

в моей голове, несмотря на то что у меня со сталинизмом свои фамильные счеты и я всей душой не приемлю Сталина, его учения, законов, мыслей и мыслишек!..

И это мощнейшее гипнотическое воздействие актерской игры Сергея Юрского на мое сознание я преодолела с большим трудом. Преодолела, но подумала: а что, если бы сейчас на политической арене появился человек, обладающий таким же гипнотическим воздействием на сознание людей?! Да к тому же еще и обладающий сталинскими амбициями и такой же жаждой власти?.. Так, на собственном опыте я прочувствовала, как могли прийти к власти люди, подобные Сталину и Гитлеру... И испытала страх от уязвимости собственного сознания и мировосприятия.

А ведь только что мы все посмеивались над выходками товарища Сталина (типа вбивания гвоздя, на который он вешает свою шинель), да и над тем, как он бесится, будучи не в силах овладеть сердцем человеческим, созданным не по его мыслям и целям, а по образу и подобию Божию и потому оказавшимся не подвластным великому Сталину! И только что мы восторгались тем, как все-таки здорово, что наступили другие времена и можно открыто говорить о власти — как минувшей, так и нынешней — все, что нам вздумается!..

Но отчего же в памяти всплывает поговорка: «Собака лает, а караван идет»? Да оттого, что, похоже, караван истории продолжает идти все в том же раз и навсегда выбранном властью направлении, не учитывая ни интересы народа, ни права его. И когда уже по окончании спектакля товарищ Сталин, как бы благословляя этот путь, вдруг появляется из тайной двери в стене и поднимает руку в характерном жесте, и без слов красноречиво говорящем: «верной дорогой идете, товарищи!», то мороз продирает по коже: кажется, что вовсе не артист благосклонно приветствует своих зрителей, а сам «отец народов» приветствует и благословляет власть, идущую той же самой дорогой, не разбирая и не учитывая интересы винтиков, песчинок, ягодок. Наши интересы.

...А Надежда Блаженная, оправдывая свою фамилию, поверив, что товарищ Сталин отпускает ее на волю, наконец-то поет напоследок «Вечерний звон» — да так, что комок подкатывает к горлу. Она почувствовала свободу и поет, как вольная птичка. От всей души. И в полную силу своего таланта. Так, как того и хотел товарищ Сталин. И так, как не могла она петь, пока ощущала себя невольницей, потому что свобода является необходимым условием для всего живущего на земле, изначально рожденного быть свободным.

А политики всех времен и всех народов не терпят свободомыслия, но умеют настолько искусно гримироваться под него, что мы принимаем все за чистую монету и склонны вдохновляться утопическими идеями и верить в доброго правителя, попадаясь на приманку. И это самое страшное, поэтому не стоит забываться и пренебрегать предупреждениям Шарля де Костера, который говорил, что политик, «надев личину свободомыслия, неподкупности, любви к человечеству, уличив момент, потихоньку возьмет — да и придушит человека или нацию». Прикрываясь псевдоальтруистическими лозунгами, Власть целеустремленно и беспощадно идет к удовлетворению только своих целей и амбиций, закатывая и поглощая инакомыслящих.

Кто бывал летом в казахстанской степи, тот видел, на первый взгляд, безобидное растение, именуемое в народе перекати-поле. Тот знает, как это перекати-поле может закатывать и поглощать попадающееся ему на пути. Еще ребенком я видела, как образуется «смерч» из этих растений без корней: сухой ветер гонит по степи маленькие — не больше детской головы — шары перекати-поле. И казалось, что на самом деле катятся по степи головы человеческие, отрубленные Чингисханом, Иродом или другим страшным тираном. Шары перекати-поле натыкаются на другие, тесно сплетаются своими колючками — и катятся дальше, и растут на глазах... И вот уже громадный, чудовищный, пугающе-огромный черный ком, словно смерч, несется, по безбрежному морю степи. Эта картина преследовала меня во сне: колючая живая жуть гонится за мной... И вот-вот настигнет, и вот-вот закатает, уничтожит...

Этот детский кошмар вдруг всплыл во время спектакля, потому что Сталин вдруг показался мне сродни тому колючему растению без корней, которое вырвало из родной земли и понесло по миру, сталкивая и объединяя с такими же лишенными корней существами, гонимыми ветром. Мы знаем, к чему привел подобный союз, который, на первый взгляд, выглядел так безобидно... Вот и в спектакле тиран, на первый взгляд, безобидно и мирно поет «Вечерний звон» (таким образом Сталин иезуитски прощается с ним, перед тем как запретить к исполнению), а между куплетом и припевом вставляет традиционную музыкальную фразу грузинского песнопения. Эта фраза и едва заметное характерное движение рукой и плечами вдруг заставили сжаться сердце — от неожиданной щемящей жалости к этому безжалостному человеку, утратившему и душу, и национальные корни, и корни религиозные, а взамен приобретшему полмира — и поистине вселенское одиночество...

Но, возможно, что в тот момент я испытывала чувство сострадания не столько к Сталину, сколько к исполнителю, поскольку его играл человек, который волей властей был вырван с корнем из родного города и театра...

Мы выходили из зрительного зала со сложным чувством. Да, мы прошли искушение, которому подверг нас Сергей Юрский, и пережили чувство единения и катарсис. Но отчего-то на лицах зрителей уже не было той эйфории, того счастья единения, той защищенности, того торжества некой победы над Властью, которую мы ощущали во время спектакля. Все отводили глаза, никто не делился впечатлениями, никто не высказывал своих мыслей. Может быть, наступило отрезвление или мы стали мудрее? А может, просто взглянули и в себя, и в то самое историческое Зеркало Памяти, которое поставил перед нами спектакль, реанимировавший и обострывший нашу память?

Честно говоря, многим (а может, и большинству) хочется забыть уроки истории и жить в состоянии душевного комфорта и покоя. К чему болезненные воспоминания и размышлизмы, к чему постановки, будоражащие мысль и совесть, — не проще ли развлечься, посмотрев по телевизору «Кривое зеркало», чем всматриваться в Зеркало Памяти, испытывая душевную боль?! Но я убеждена: это нам нужно. Быть может именно эта боль и поможет спасти наши души и разум и от непонимания того, что происходит

вокруг нас, и от забвения уроков истории, и от очерствения души. Конечно, осмыслить историческое прошлое не просто и порой болезненно, но нельзя допустить, чтобы перестал биться в наши сердца пепел Клааса — отца героя «Легенды об Уленшпигеле». Но, чтобы осмыслить историческое прошлое своей страны, заглянуть в свое собственное сердце и вглядеться в себя — для этого нужно (как минимум!) иметь ЗЕРКАЛО. И совсем не случайно Шарль де Костер дал своему герою имя Уленшпигеля, которое еще и расшифровывал своим читателям: "Ulen Spiegel" — ваше зеркало, ваше, господа крестьяне и дворяне, управляемые и правящие: зеркало глупостей, нелепостей и преступлений целой эпохи». И не было гиперболизации в высказывании Эмиля Верхарна о том, что «Легенда об Уленшпигеле» помогла ОБРЕСТИ СЕБЯ стране, стоящей на распутье памяти или беспамятства, утраты или обретения себя.

И современной России третьего не дано. А утрата и развал начинаются с утраты памяти, поэтому и стране и ее гражданам нужны не «Кривые зеркала», а ЗЕРКАЛА — ОРИЕНТИРЫ, чтобы можно было все четко увидеть, осмыслить и выбрать верный путь, дабы не утратить, а обрести себя, не повторять глупостей, нелепостей и преступлений целой эпохи! Но такое Зеркало Памяти и души еще нужно создать, а это дано лишь избранным творческим Личностям, которые могут предоставить возможность «крестьянам и дворянам, управляемым и правящим» взглянуть в это созданное ими Зеркало Памяти, не позволяя глядящим в него забыться и очерстветь душой настолько, что перестанет «биться в сердце пепел Клааса». И в данный исторический период, как мне думается, создание таких «ЗЕРКАЛ» должно быть сверхзадачей для творческих Личностей, которые помогут управляемым и правящим извлечь и осмыслить уроки истории. Только при этом условии у России и ее граждан может появиться надежда на единение и на обретение себя. И такое единение пока еще возможно. В этом я, как и другие зрители, наглядно убедилась в мае сего года, когда на сцене сочинского театра шел спектакль Сергея Юрского «"Вечерний звон" (Ужин у товарища Сталина)», потому что автор спектакля дал нам возможность взглянуть в то самое Зеркало Памяти...

Право исторического выбора остается за нами — пока не опущен занавес, как не был закрыт и театральный занавес в спектакле «Вечерний звон». Опустилась лишь серо-стальная, но еще легкая и прозрачная тюлевая завеса — как паутина, как флер, как легкий камуфляж, скрывающий часть сцены, где происходил ужин у товарища Сталина. Сквозь этот занавес еще видны декорации, еще можно все разглядеть, еще есть возможность осмыслить происходящее — если не запутаемся в паутине событий минувшего и — как следствие — нынешних. Занавес в спектакле не опускается, словно Юрский дает понять современникам, что у России еще есть шанс, что занавес нашего исторического сознания и памяти еще не опустился окончательно и, если, конечно, захотим, мы сможем воспользоваться этим шансом.

Наталья Постная
г. Сочи

Игорь ВИНОГРАДОВ

ДНЕВНИК РЕДАКТОРА

Выпуски второй и третий.
Апрель–июнь и июль–сентябрь 2006 г.

Что же все-таки это такое — «национальная идея»?..

1. Опять нечто сугубо личное, но вынужденное

Так случилось, что только к прошлому номеру редакция сумела подготовить публикацию, которая была задумана еще полгода назад. Я имею в виду напечатанную в 128-м номере стенограмму Шестых Максимовских Чтений, проходивших в ноябре 2005 года в «Доме русского зарубежья». Они были посвящены феномену так называемой ***национальной идеи***.

Этой темы, повсюду так бурно ныне обсуждаемой, я отчасти уже касался в предыдущем выпуске «Дневника». Но именно что отчасти и очень тезисно — лишь в связи с выходом сериала по роману А.Солженицына «В круге первом». А мне давно хотелось высказаться на этот счет более обстоятельно. Конференция «Континента» предоставляла как будто бы такую возможность, но увы, — желающих выступить было столько, что я — как модератор конференции — предпочел пожертвовать правом на собственное участие в дискуссии, чтобы дать слово как можно большему числу приглашенных. За полтора дня работы на Чтениях выступили 30 человек, и времени не хватило даже на то, чтобы завершить конференцию хоть сколько-нибудь внятным подведением ее содержательных итогов, так что по необходимости пришлось ограничиться лишь неким коротким и, в сущности, сугубо протокольным заключительным словом. Меня несколько утешало разве лишь то, что мы в редакции уже тогда твердо решили опубликовать материалы выступлений и я мог рассчитывать в какой-то мере еще вернуться к тому, от чего пришлось отказаться во время конференции.

Но когда к середине мая этого года стенограммы выступлений были, наконец, подготовлены к печати и я смог еще раз — без спешки и достаточно внимательно — осмыслить все то, что было сказано за полтора дня на Чтениях, я даже подумал, что, может быть, и хорошо, что тогда, на конференции, для меня все обернулось так, как обернулось. Нет худа без доб-

---

Игорь ВИНОГРАДОВ — родился в 1930 г. в Ленинграде. Окончил филологический факультет МГУ. Литературовед, критик, публицист. Автор семи книг и многих статей по русской классической и современнной литературе, по проблемам эстетики и культуры, социологии и религиозной жизни. С 1992 г. — главный редактор «Континента». Живет в Москве.

ра: досадно, конечно, что не удалось тогда ни выступить, ни толком подвести какие-то итоги проделанной работы. Зато теперь появилась возможность сделать это много основательнее, чем в условиях лихорадочного ритма конференции и к тому же имея в подспорье разве лишь беглые записи со слуха, сделанные во время выступлений. Никогда ведь сразу не сообразишь, где потеряешь, где найдешь. На конференции, как согласится, вероятно, читатель, успевший, надеюсь, уже познакомиться с ее материалами, было высказано такое крайнее разнообразие интереснейших и самых противоположных идей и суждений, что вся эта сложная и пестрая мозаика просто взывает, можно сказать, к тому, чтобы попытаться как-то ее осмыслить и разобраться в ней. С тем, чтобы понять, чем же, в конце концов, помогает она — и помогает ли? — продвинуться в понимании проблемы, столь бурно и разнообразно ныне не только обсуждаемой, но и нещадно эксплуатируемой, и просто профанируемой.

Именно такого рода попытку я и решил предпринять, получив в руки стенограммы конференции. Пусть в порядке изложения всего лишь, разумеется, моей сугубо личной, не претендующей ни на что большее точки зрения на проблему. Но все-таки именно в том самом формате обобщенно-итогового анализа, какого именно и требуют материалы Чтений.

Однако произошло это, повторяю, лишь в середине мая — то есть в самый разгар последнего, самого напряженного месяца подготовки 128-го номера. И к моменту сдачи его в типографию я, увы, закончить свой разбор конференции просто не успел, хотя мне очень хотелось, чтобы читатель получил возможность познакомиться с ним в том же номере, в каком он прочтет и ее стенограмму. Но работа оказалась много сложнее и потребовала много больше времени, чем я рассчитывал поначалу. Был, конечно, и такой выход — дать в 128-м номере хотя бы начало обзора, а окончание перенести уже в 129-й, сентябрьский Но стоило ли так дробить единую, в сущности, тему, разрывая ее для читателя интервалом в три месяца? И я предпочел сделать то, что и сделал, — нарушить обещанную регулярность «Дневника» и пойти на его сдвоенный выпуск в 129-м номере, но зато дать всю тему единым и цельным текстом.

Так что пусть простит мне читатель это слишком, конечно, личное и слишком частное вступительное объяснение, единственным побудительным стимулом к которому послужило желание как-то все-таки оправдаться за нарушение обещанного формата «Дневника». Тем более, что пойти на это пришлось чуть ли не на самом уже его старте (на что мне не раз уже и попеняли).

Но я не счел возможным как-то обойти этот щепетильный для меня момент.

Итак, обратимся к материалам конференции «Континента», со стенограммой которой читатель мог ознакомиться уже в прошлом номере. Причем я предпочел бы, конечно, чтобы это именно так и произошло — так проще ему будет судить, насколько резонны, убедительны или, напротив, необоснованны те или иные мои оценки и суждения.

2. Хотели, как лучше, а получилось как всегда?..

Если иметь в виду не выступления на конференции сами по себе, по отдельности, а как бы некий общий итог Шестых Максимовских Чтений, то у немалого числа читателей, которые познакомились с их стенограммой, вполне могло сложиться, я думаю, именно то от них впечатление, которое лучше и не передашь, как бессмертным афоризмом нашего неподражаемого языкотворца, давшим название этой главке.

Действительно, — ведь как *хотели*?

Об этом вполне можно судить по тому редакционному предисловию, которым была начата публикация материалов Шестых Максимовских Чтений в прошлом номере.

Напомню: если кратко, то замысел наш был попытаться осуществить некий совместный мозговой штурм прежде всего ***самого́ понятия*** «национальной идеи». Разобраться в том, стоит ли за ним какая-то действительная реальность или нет, актуален ли этот лозунг для сегодняшней России или это всего лишь идеологическая мифологема, никому, кроме ее создателей, не нужная.

Этот акцентированно ***методологический*** замысел конференции казался нам крайне важным уже потому, что термин этот в современной России употребляется в таком количестве самых разных смыслов и значений, что действительно требует того, чтобы разобраться, наконец, в правилах и границах его использования. И рассчитывать на это нам казалось тем более уместным и реальным, что участвовать обсуждении были приглашены, что ни говори, умнейшие головы современной интеллектуальной России, которым в стихии подобных проблем и карты в руки. Тем более, что всем им было разослано и то послание с предполагаемой программой дискуссии, которое тоже приведено в Предисловии к публикации стенограммы Чтений в 128-м номере. Имелось в виду, что уж кто-кто, если не они, именно и способны откликнуться на призыв к конструктивному теоретическому диалогу — с тем, чтобы в процессе совместной выработки каких-то возможных общих решений и подходов к проблеме придти, в конце концов, к тому или иному, как модно ныне выражаться, *консенсусу*.

Ну, а что получилось?

А получилось, как горестно посетовал **Лев Аннинский**, выступавший одним из последних, вроде бы ровно наоборот: «мы за два дня столько наговорили друг другу, что можно месяц разбираться, кто что имел в виду»...

И правда — «наговорено» было столько и высказанные позиции почти всякий раз были настолько индивидуальны, что разобраться во всей этой разноголосице и найти в ней какие-то общие точки соприкосновения и в самом деле не просто.

Вот, напомню, выступает **Наум Коржавин**, истово верующий в Россию, и не без сарказма замечает, что любимая его «Россия все время ищет национальную идею», а он, Коржавин, увы, даже и «не знает, что это такое».

Ну, а **Евгений Федоров**, напротив, совершенно убежден, что и гадать тут нечего, ибо у русского народа такая идея «есть, была и будет». А именно: «Построение Царства Божия на земле» — идея, которая «проходит через всю русскую историю».

Для **Натальи Горбаневской** понятие «национальной идеи» — понятие не только «туманное», но и «опасное». А **Жорж Нива,** напротив, уверен, что в России национальная идея очень нужна — и как раз из-за той самой «бесформенности» русской жизни, которая очень тревожит, судя по всему, и Наталью Горбаневскую.

Для **Юрия Левады** «национальная идея» — это, без всякого сомнения, понятие из области «нашей национальной мифологии», атрибут сугубо мифологизированного сознания, наивно видящего в «национальной идее» надежный способ перевести нашу народную массу из ее «вяло-спокойного состояния» в «состояние мобилизованного возбуждения».

Но для **Андрея Зубова**, как и для **Георгия Гачева**, национальная идея — это как раз вовсе не мифологема, а объективная онтологическая реальность: «это эйдос, образ, та Божественная мысль, которая присутствует во всякой вещи» — «абсолютный Божественный замысел о России» как «о данном национально-историческом теле, организме, каким ему быть».

«Я не только против идеи "национальной идеи" в любом ее виде, но и против "идеи" вообще. В пространстве политики, во всяком случае». «Идея» — это «идол, требующий человеческих жертвоприношений», это «опасная и болезненная вещь, никуда кроме как в "идеологию" не ведущая», — настаивает **Ольга Седакова**. Тогда как **Рената Гальцева** убеждена, что «национальная идея» — это реальность и необходимость самой исторической жизни, «это идея, способная воодушевить и объединить нацию». Что же касается «задачи России теперь» — то она состоит в том, чтобы «помочь Европе вернуться к самой себе», спасти «христианское наследство» современной цивилизации. А **Леонид Гозман** переводит эту идею уже и в четко очерченный план прямой геополитической миссии России — «спасти человечество» в его сегодняшней начавшейся борьбе с миром современного тоталитаризма, иноприродного западной, христианской в своих корнях, цивилизации — «у человечества нет шансов выиграть, если Россия не будет на стороне человечества... Наша миссия как страны, как народа» — «встать в строй вместе с другими и выиграть эту войну».

Юрий Каграманов мыслит в категориях того же ряда, но накладывает их на современную реальность несколько иначе. С его точки зрения, наша национальная идея и задача — это «концепция Третьего Рима». Но не как программа «земного и неограниченного территориального расширения», а как идея «преимущественно церковного характера, идея ковчега, который позволит сберечь христианство и цивилизацию», поскольку на Западе «неуклонно сгущается языческая тьма».

А вот **Григорий Померанц,** похоже, склонен нашу национальную задачу видеть не столько непосредственно как «посредническую», как миссию по «спасению» других, но скорее и прежде всего как нашу собственную, «внутреннюю», — как «навязанную нам историей задачу... соединить веру без гуманизма нового времени и гуманизм нового времени, неуклонно теряющий веру»

Валентин Непомнящий еще более скромен в своих упованиях и видит нашу национальную задачу прежде всего в том, чтобы хотя бы сохранить «нашу исторически сложившуюся идентичность». С ним совпадает и **Геор-**

гий Гачев, считающий, что пришла пора «выживать»: «не до жиру — быть бы живу русскому человеку и России как целому», «надо вбираться в свои берега, в обороне слиться, сжаться, экономить», «затворить сквозняки» — «ставка на внутренний курс, на внутренний рынок». А **Ирина Роднянская**, напротив, уверена, что «если Россия хочет выжить, она должна остаться империей» и «культурно исторической нацией, а не только политической, вокруг ядра — русского народа». Ей вторит и **Александр Кацура** — «Русская идея — это идея наднациональная. Хотите — имперская».

Нашему гостю из Америки **Николаю Злобину** такой способ поиска и определения «национальной идеи» ***сверху*** представляется и вообще, в принципе неверным: национальная идея, считает он, «это образ будущего страны», который должен «вырабатывать *сам народ*»[1] — именно он должен «формулировать свою национальную идею».

Евгений Ермолин настаивает на исключительности русской идеи и русской миссии: «русская идея — это Россия духа, личностный и общий поиск Абсолюта». И **Марина Адамович** тоже считает, что национальную идею современной России нужно опирать на традиции русской культуры, которая может объединить всех русских, и верующих и неверующих. А вот для **Ольги Васильевой** первичное значение имеют реальные национальные интересы страны в системе ее взаимосвязей с окружающим миром, и «национальная идея», с ее точки зрения, — «это прежде всего система ценностных выборов, вектор направленности и цивилизационных ориентиров *государства*, отвечающих менталитету народа, который живет в этой стране»...

Ну, и так далее и тому подобное — не будем продолжать цитирование. И так уже, кажется, ясно, что на фоне всей этой пестрой мозаики знаменитая формула Черномырдина и в самом деле может показаться не столь уж неуместной. Какой уж тут, действительно, ***консенсус***, какая совместная конструктивная выработка самой ***методологии*** подхода к осмыслению проблемы! Об этом, похоже, никто в упоении всех этих столь, казалось бы, острых, бурных и взволнованных столкновений, и не вспомнил.

Ну а, с другой стороны, что, скажите, такого уж неожиданного в этой ситуации? Разве иначе бывает?

Конечно, выступавшие отнюдь не в первый раз встретились друг с другом. На наших Чтениях собрались люди все очень известные, одного интеллектуального круга, давно и хорошо знающие друг друга по своим работам. Так что ни для кого не было, конечно, секретом, кто и с чем выйдет на трибуну. И уже одно это вполне открывало как будто бы возможность для реального диалога и соотнесения своих концепций с концепциями других.

Но рассчитывать на это было бы, конечно же, совсем уже непростительным прекраснодушием. Кто располагает таким свободным временем и таким энтузиазмом, чтобы заранее припоминать и специально продумывать для своего выступления теории тех, кто вместе с тобой приглашен принять участие в обсуждении?! Каждый по горло занят, перегружен множеством дел, одолевающих со всех сторон и помимо предстоящей очередной конфе-

[1] Здесь и всюду, кроме специально оговоренных случаев, выделения в цитируемых текстах мои — *И.В.*

ренции, пусть даже тема ее важна и волнует. Ну вот и придем, и выступим, и изложим свою точку зрения, и других послушаем — чего же больше?..

И верно — чего же больше? Каждый увлеченно пытался как можно яснее изложить свою позицию, очень мало заботясь о том, чтобы как-то соотнести ее с другими, выйти на уровень сопоставления аргументов. Поэтому предложенные на Чтениях модели «национальной идеи» были скорее декларированы и обоснованы всякий раз лишь в пределах их собственной парадигмы, но отнюдь не рассмотрены в методологическом соотнесении с иными точками зрения.

Так что в результате и получилось вот вроде бы — *как всегда...*

3. На самом деле лучше и не бывает

Но именно — *вроде бы.* На самом деле даже и в отношении тех идеальных методологических ожиданий, которые можно было — и очень хотелось! — адресовать Чтениям, на лучшее подспорье, чем их итоговые материалы, вряд ли можно было и рассчитывать. Если, конечно, исходить из реально возможного, а не из прекраснодушных иллюзий.

Жаль, что представленные на Чтениях модели «национальной идеи» почти не были выступавшими сопоставлены и соотнесены друг с другом?

Конечно, жаль.

Но ведь они были все же представлены. И представлены, заметим, с той предельной отчетливостью, какую именно и дóлжно было ожидать от состава участников столь незаурядного интеллектуального и профессионального уровня. К тому же даже при самом общем знакомстве с материалами конференции трудно не заметить, что на ней, в сущности, так или иначе были обозначены едва ли все бытующие сегодня в нашем интеллектуальном обороте взгляды на проблему так называемой *национальной идеи.* Так что уже и одно это открывает перед нами, согласимся, совсем не такую уж частую возможность сразу, единым охватом, увидеть, зафиксировать и проанализировать едва ли не всю полную панораму едва ли не всех сколько-нибудь значимых современных взглядов на феномен «национальной идеи». А значит — и попытаться проделать на этой основе и всю ту работу по извлечению методологических уроков в отношении самого ***понятия*** национальной идеи, на извлечение которых мы и рассчитывали, эти Чтения затевая. Попробуйте-ка, в самом деле, назвать мне сегодня какое-нибудь другое собрание современных текстов такого же уровня и такой же репрезентативности, посвященных этой теме.

Вот то-то и оно.

Конечно, бедного Льва Александровича Аннинского, пришедшего в смятение от обилия «наговоренного» за два дня, и в самом деле можно очень даже понять. И даже пожалеть.

Но, с другой стороны, разве это так уж плохо, если только действительно есть в чем целый месяц разбираться? Я, во всяком случае, свой *«месяц»* потратил на это с истинным удовольствием. Может быть, правда, потому, что хорошо понимал: вряд ли будет у меня случай воспользоваться лучшим поводом для того, чтобы высказать свой взгляд на вечную нашу проблему, чем наша конференция.

Итак, позволю себе-таки воспользоваться им. И начну с того, что на самом деле это только очень поверхностному поспешному взгляду может показаться, что там царила полная неразбериха и никаких точек соприкосновения — кто в лес, кто по дрова.

Кто в лес, кто по дрова, а *консенсусом* даже и не пахло?

Не скажите. Если выступавшие и не проявили — по тем житейски вполне понятным и, в общем, вполне извинительным причинам, которые трудно не признать — особого рвения как-то сопоставить свои позиции и разобрать аргументы друг друга, то это вовсе еще не значит, что позиции их и в принципе не сопоставимы. И что объективная возможность их итогового согласования не присутствует в их кажущейся мозаике хотя бы имплицитно.

Не знаю, заметил ли читатель, знакомясь с материалами конференции, что очень часто, когда высказывались какие-то прямо вроде бы противоположные точки зрения, на самом деле, если внимательно вглядеться, все дело было в том, что мнимые противники имели в виду просто *разные* вещи. Это ведь стало уже, можно сказать, непременной классикой наших дискуссий и обсуждений, — какое-то небрежное неразличение разных значений того или иного термина, употребляемого оппонентами. Оттого-то эти дискуссии по большей части только внешне и производят впечатление ожесточеннейших споров не на жизнь, а на смерть — при ближайшем же рассмотрении нередко оказывается, что на самом деле предмета спора там и в помине не было.

Но когда возникают ситуации такого рода, самое главное, что важно сделать, чтобы разобраться в существе обсуждаемой проблемы, и состоит как раз в том, чтобы попытаться провести прежде всего именно строгое различение тех значений, в которых употребляется термин, — их своего рода «инвентаризацию». И тогда, уясняя логику, по которой все они прикрепляются почему-то все-таки именно к одному и тому же термину, мы можем попытаться выявить и логику их соотношения друг с другом внутри общих логических параметров этого термина — логическую систему их размещения и местоположение каждого внутри его общих параметров. То есть, другими словами — уяснить *реальное содержание обсуждаемой проблемы,* ее внутреннюю структуру, системную иерархию тех «внутренних», «видовых» проблем (или «подпроблем»), из которых она, «родовая», состоит.

Предоставляют ли нам материалы Чтений такую возможность?

Безусловно.

Разве, действительно, не все выступавшие, как бы ни относились они к проблеме «национальной идеи» и что бы ни имели в виду под этим словосочетанием, прибегали всегда все-таки именно к нему? И разве они так уж не понимали друг друга, хотя и говорили часто о совсем разных, в сущности, вещах?

Но ведь этого просто не могло бы быть, если бы термин «национальная идея», сколь ни многозначен он может быть, не обладал тем не менее и какими-то такими, пусть предельными, но все же четкими смысловыми границами, которые именно и очерчивают круг тех разных, отличающихся друг от друга реалий, которые это словосочетание способно собою обозначить.

В самом деле, — можно очень разные человеческие общности именовать словом «нация», можно считать, что никакая национальная идея вообще не

нужна, что это всегда миф и иллюзорная реальность, можно, напротив считать, что она нужна, что это именно реальность, и даже реальность онтологическая, неважно, как именно «нацией» сознаваемая, сознаваемая ею вообще или нет. И т.д. и т.п. И все это именно так и происходило на конференции.

Но ведь в любом случае под словом «нация» все участники понимали не что-то другое, как именно определенную ***человеческую общность***, так или иначе, тем или иными историческими формами существования объединенную в некую целостность. А под «идеей» — нечто такое, что ближе всего к понятиям ***«смысла», «задачи», «цели»*** исторического существования этой общности — в целом или на каком-то этапе ее истории. То есть то самое, что как раз и совпадает с тем широко известным и не однажды вспоминавшимся на конференции общим определением «национальной идеи», которое дал ей когда-то Вл. Соловьев, сказавший, что ***идея нации — это смысл ее существования во всемирной истории.***

Конечно, эти исходные общие параметры всеми употребляемого термина слишком еще широки и неопределенны, чтобы ими можно было очертить смысловое поле сколько-нибудь содержательного и значимого «консенсуса» представленных на конференции точек зрения. Но их все же вполне достаточно, чтобы послужить нам той путеводной нитью Ариадны, которая, стоит только ее не оборвать, способна-таки вывести нас из лабиринта «наговоренного» за два ноябрьских дня 2005 года, упорядочить это «наговоренное» в некую систему и понять, в какой реальной взаимосвязи находятся представленные на конференции модели «национальной идеи» (неважно, принимаемые или отвергаемые). А тем самым — получить возможность занять и какую-то собственную позицию там, где между ними имеется действительный спор.

Попробуем же довериться этой логической нити и посмотрим, не указывает ли она нам уже и сейчас достаточно очевидно и неоспоримо, где искать тот первый поворот лабиринта, который приблизит нас к выходу из него.

4. Религиозное измерение проблемы — исходная парадигма

В самом деле, если под *национальной идеей* имеется всегда в виду нечто такое, что можно назвать *смыслом* (*задачей, целью*) пребывания в истории той человеческой общности, которую мы называем *нацией*, то вот вопрос: а разве нет такого измерения жизни (жизни вообще и исторической, в частности), в границах которого (если мы признаем его) наличие определенного ***смысла*** существования любой нации — *уже априорно, исходно, до любых уточняющих конкретизаций* — представляется и принимается нами *как нечто несомненное, обязательно имеющее место быть*?

Конечно, есть. И мы все это прекрасно знаем. Это то религиозное измерение мира, в пространстве которого не вызывает сомнений, что как существование всякого отдельного человека, так и вообще всего в мире, в том числе и такого исторического организма, как народ, нация, имеет свой твердый и непреложный смысл в божественном космосе.

Мало того, — только в одном этом пространстве категория смысла и вообще, собственно, получает свой полный — не конечный, относительный,

а безусловный, абсолютный — характер. Со времен Канта с этим пришлось смириться даже несговорчивому «чистому разуму» рационалистической философии, который в лице своего величайшего гения вынужден был убедиться, что для того, чтобы нравственный порядок мира был гарантирован как безусловный принцип и смысл мироустройства, без «инстанции» Бога никак не обойтись. И обратно — что только в религиозном измерении мир предстает перед нами имеющим безусловный смысл как творение Бога и все в нем так или иначе напитано этим смыслом.

На конференции с этим никто, естественно, не спорил и спорить не мог. А потому ни у кого и не вызывало сомнений, что если рассматривать нацию в ***религиозной парадигме***, то тогда всякая нация, как и всякая человеческая личность, должны приниматься нами как живущие под волей Божией — как имеющие в этом Божием мире, где ничто не бессмысленно, свой смысл и назначение. Причем это сближение нации и личности при религиозном к ним подходе основано всегда еще и на том, что исходно они всегда рассматриваются в этих параметрах к*ак вменяемые, моральные существа,* имеющие всегда свое призвание к самореализации в соответствии с Божьим замыслом. Именно так об этом и говорили, напоминаю, и Мария Адамович, и Александр Кырлежев, и Андрей Зубов, и Рената Гальцева, и многие другие участники Чтений, которые в своих построениях и отправлялись именно от такого, религиозного, понимания нации и ее смысла — *идеи* ее существования в истории (*идея нации* — это *«Божий замысел о данном национально-историческом теле»* — Г. Гачев; это та *«Божественная мысль, которая присутствует в бытии нации, как и во всякой вещи»* — А.Зубов).

В этой связи не раз напоминалось на конференции и о том, что только в таком понимании говорили всегда о «русской идее» и наши великие предшественники по религиозно-философской традиции русской культуры. А знаменитое определение Вл. Соловьева — ***идея нация есть не то, что она сама думает о себе во времени, а то, что Бог думает о ней в вечности*** — не раз приводилось на Чтениях как едва ли не наиболее точная и выразительная формулировка принципиальной, исходной религиозной точки зрения на проблему «идеи нации» — проблему смысла ее существования в истории. Здесь, повторяю, никаких разногласий и споров не было.

Однако эти единство и согласие сразу же становятся куда более проблематичными, едва мы начинаем знакомиться с тем, как участники Чтений пытались понять и разъяснить, *что же именно «думает Бог»* о той или иной нации, как именно сподобиться нам *«прочесть»* Его Божественный о ней замысел...

Эта задача особенно актуальна, естественно, для религиозных наций. И потому если говорить, например, о Европе (включая, понятно, и Россию), то здесь приходится вспомнить прежде всего о той религиозной эпохе средневековья, когда, как очень кстати напомнила об этом Марина Адамович, именно и происходило рождение и формирование наций как национальных государств. Оно было настолько тесно связано именно с религиозным типом сознания, что христианская религия (в той или иной конфессиональной ее ипостаси) была не просто одной из составляющих при рождении нации, но, в сущности, исходно формировала и самое понятие нации как

понятие, предлагающее осмысление некоей складывающейся национально-исторической человеческой общности, имеющей религиозный смысл.

Но, вообще говоря (и мы еще вернемся к этому), постараться отдать себе отчет в том, чего хочет Бог от национально-исторической человеческой общности, в которой ты живешь, — эта задача для сознания религиозного человека актуальна в любые времена. И — по отношению к любому историческому организму, именуемому нами нацией. Вплоть до нации «политической», поскольку и она в парадигме религиозного мировоззрения не может не иметь какого-то смысла и назначения своего существования в пространстве промысла Божия.

Отсюда понятно, почему этой стороне проблемы национальной идеи на конференции было уделено очень большое внимание.

5. Прочтение «идеи нации» через историю нации

Одним из наиболее развернутых выступлений на эту тему было выступление **Ренаты Гальцевой**, которая отстаивала точку зрения, что божественная идея нации раскрывается (или приоткрывается) ***в событиях ее истории***. Аргументируя эту позицию, Р. Гальцева ссылалась в особенности на Вл. Соловьева, который именно так, считает она, и пытался понять *«идею России»*, задавшись вопросом о том, «какова же та мысль», тот «идеальный принцип», которые «одушевляли» Россию в ее историческом развитии, «какое новое слово этот новый народ» призван «сказать человечеству», что должен он «сделать в истории мира». «События, стоявшие у начала нашей истории и сопровождавшие ее далее, Соловьев рассматривает, — сказала Р. Гальцева, — как залог великого предназначения России и в них видит подтверждение ранее высказанной мысли о призвании России» — «дать средоточие и целость разрозненному и омертвелому человечеству через соединение его с божественным началом». Ибо для чего же еще и «стоило России страдать и бороться тысячу лет, становиться христианской со Св. Владимиром и европейской с Петром Великим», если не для исполнения этой вставшей теперь перед нею великой христианской миссии «послужить единству человеческого рода во Христе»? А значит именно в этом, считает Р. Гальцева, и состоит, по Вл. Соловьеву, «в своем конечном осуществлении национальное дело» России, смысл которого как раз и раскрывается перед нами в сюжете пройденного ею исторического пути. В той его итоговой точке, когда перед Россией возникает и сама эта задача, эта ее «идея», и соответствующая необходимость осознать ее. Осознать, что она — «единственная надежда европейского человечества вернуться на христианский путь братского единства».

Но, отталкиваясь от такого прочтения позиции Вл. Соловьева, Рената Гальцева вербует одновременно себе в союзники и Пушкина, который иначе, чем позднее Соловьев, но тоже, с ее точки зрения, в высшей степени проницательно толкует смысл существования России через события ее истории. Она имеет в виду те знаменитые места из черновых набросков к статье «О ничтожестве литературы русской» и из черновика письма Пушкина Чаадаеву (1836), где говорится о том, что у России было «особое предназначе-

ние» — *спасти христианскую цивилизацию* Европы своими *необъятными пространствами*, которые *поглотили монгольское нашествие*: «нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех», «образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией». И в этом, в отличие от Чаадаева, Пушкин, по Р. Гальцевой, видит знак того, что хотя мы и не принимали участия в великих событиях, созидавших Европу, все же *провидение не оставило* Россию — оно избрало ей этот страдальческий жребий для спасения европейского мира.

Таким образом, собственное прочтение Р. Гальцевой божественного предназначения России через события ее истории представляет собою как бы сплав «прочтений» Пушкина и Вл. Соловьева. С одной стороны, она считает, что в пушкинское ви́дение страдальческого предназначения России во всемирной истории вполне вписываются и последующие события — Россия во второй Отечественной войне сыграла ту же роль, что и в первой, а протащив на себе опыт коммунизма, тоже принесла благо Европе, послужив профилактической прививкой миру против коммунистической бациллы. Но зато, как и при Соловьеве, в силу опять же своей «непродвинутой ментальности», своей все еще не полной включенности в нынешний мейнстрим Запада, Россия и сегодня может помочь Европе вернуться к самой себе, послужить «отрезвляющим заслоном» на пути того «радикального вызова европейскому этосу, образу человека и человеческому общежитию», которым становится в современном мире все более распространяющееся на Западе «мировоззрение, не признающее высшего начала в иерархии ценностей и порождающее в мысли и в жизни “уравнительное смешение”, то есть хаос». Иными словами, и в сегодняшней ситуации, как бы одновременно и по Пушкину, и по Соловьеву, можно видеть, считает Р. Гальцева, «в отсталости России» провиденциальный «спасительный якорь для Европы».

Георгий Гачев тоже пытается прочесть замысел Бога о России через внешний рисунок ее истории. Но делает это несколько иначе — применительно уже к особенностям собственного мировидения. По его модели, предназначение России было «разлиться, колонизовать, цивилизовать равнину севера Евразии, от Балтики до Тихого океана», что и было в конце концов осуществлено «в советской цивилизации», которую Гачев рассматривает как «пик» и «реализацию» предназначения («энтелехии») России. Но пик и реализацию, так сказать, уже с перехлестом: территориальному развитию России был «положен предел» — «равнина севера Евразии». Россия же, в гордыне своей, замахнулась еще и на Среднюю Азию, и на Восточную Европу, и на Кубу, и на Афганистан, и вообще на мировую революцию. За что и была покарана...

Другие участники Чтений, согласные с тем, что национальную идею нужно понимать прежде всего как замысел Бога о нации, тем не менее поддержать Р. Гальцеву или Г. Гачева в их конкретных расшифровках «русской идеи» никакого желания не проявили. Да и никаких других, подобного же типа *конкретеизирующих* «прочтений» Божьего замысла о России или о какой-нибудь другой стране через их историю тоже не предлагали.

Тем не менее никак нельзя сказать, чтобы в их общем подходе к проблеме национальной идеи порою не слышались все-таки явственные отголос-

ки методологически точно такого же, в сущности, принципиального понимания ее характера: «идею» нации нужно именно *угадать, выявить, прочесть как некий предначертанный ей свыше план.*

Понять эту тенденцию, в общем, не трудно: она имеет слишком долгую и солидную философскую традицию, укорененную в немецкой классической философии. А эта философия сыграла такую громадную роль в формировании русского философского менталитета, что ее влияние и до сих пор сказывается на каждом шагу в самых неожиданных опытах русского умозрения.

Однако мы, чтобы разобраться в современных возможностях этой давней модели «национальной идеи», так или иначе проступающей в позициях некоторых участников Чтений, углубляться в ее исторический генезис все же не будем. Я думаю, нам вполне достаточно будет и того, что принципиальная суть ее (которая, собственно, одна только и может здесь нас интересовать) более чем отчетливо проступает уже и в тех рисунках «русской идеи», которые представлены в выступлении Р. Гальцевой — как концепциями Пушкина и Соловьева (в ее изложении), так и ее собственной. А отчасти — и в рисунке Г. Гачева.

Итак, в чем же она состоит, эта суть?

6. Историософия предопределения и историософия свободы

Суть эту довольно точно, на мой взгляд, сформулировал **Александр Кырлежев**. В своем выступлении, где он попытался дать предварительную классификацию разных значений термина «национальная идея», он определил эту ее модель как модель, согласно которой *«идея, в чистом виде пребывающая в трансцендентном пространстве, властно управляет в несовершенном земном мире»*. И назвал этот способ понимания «национальной идеи» в высшей степени проблематичным и архаичным. «Создается впечатление, — сказал он, — что время веры в идеи в этом смысле уже прошло».

И я полностью с ним согласен. Хотя, повторяю, у этой концепции достаточно солидная и серьезная философская традиция.

Но, во-первых, еще Кант доказал, что никакая, даже самая вроде бы убедительная модель мироустройства, созданная и размещенная в рациональном пространстве «чистого разума», в мире абстрактных метафизических умозрений, не обладает и не может обладать статусом достоверности. И потому и наложил такое решительное, категорическое вето на любые претензии метафизики быть «научной». А это значит, что любые, даже самые красивые метафизические схемы мира могут быть всего лишь *гипотезами*. И, по крайней мере, нуждаются в очень серьезной проверке практикой живой, а не умозрительной жизни. Особенно те из них, что претендуют руководить этой живой жизнью, направлять ее.

Но для религиозного человека (в нашем случае — христианина, я беру для рассмотрения только этот случай) практика его жизни — это всегда не только пространство его пребывания в мире реального земного бытия, личного или исторического, но и (и даже прежде всего) живая жизнь его веры. И вот когда я пытаюсь совместить концепции «национальной идеи», подобные той, которую предложила Рената Гальцева и которые основаны на том,

что история нации, цепь событий, ее составляющих, властно предопределены той конечной целью, которую поставило перед ней Небо (то есть ее «идеей», «смыслом» ее существования в мировой истории), — когда я пытаюсь совместить этот метод понимания «национальной идеи» с тем, что говорит мне моя вера и диктуемые ею опорные принципы моего мировидения, то схемы, рождаемые этим методом, представляются мне в высшей степени сомнительными порождениями чисто человеческой фантазии. Мало того, — они меня шокируют.

Почему?

Да потому, что они кардинально противоречат моему представлению о той исходной, важнейшей, основополагающей черте богоподобия человека, сотворенного по образу и подобию Божию, которая лежит в основе всего моего жизнепонимаия и жизнечувствования. Я говорю о дарованной Богом человеку ***свободе*** — этом нашем счастье, знаке высшего нашего избранничества и одновременно тягчайшем нашем бремени и мучении.

В самом деле, — если понимать «идею нации» как тот замысел о ней Бога, как то отведенное ей особое ее назначение во всемирной истории, которое властно управляет ее реальным историческим бытием, выстраивает линию ее реальной исторической судьбы, а потому и отпечатывается в причудливом историческом рисунке этой судьбы, то тогда, конечно, этот замысел, эту «идею» Бога о ней и в самом деле можно попытаться *угадать, постичь, прочесть*, вглядевшись в этот рисунок.

Но спрашивается — а зачем, собственно, нам постигать и угадывать при таком раскладе дел свою национальную «идею» (судьбу), если все равно нам назначено пройти ровно такой исторический путь, какой нам назначен заранее и по которому нас властно ведет и проведет Божья рука? Где в таком механизме сложения национальной судьбы по замыслу Божию место самостоятельной и сознательной коллективной воли нации, ее собственного участия?

Правда, даже и в той историософской концепции национальной идеи, которую Рената Гальцева описывает как концепцию Вл. Соловьева, такое место собственным сознательным усилиям нации в реализации своей «идеи» как будто бы предоставлено: понимая тысячелетнюю историю России как историю неуклонного приготовления ее замыслом Божием к тому моменту ее исторического существования, когда перед ней и открывается как раз цель ее исторического существования, ее «идея» (спасти погибающую христианскую цивилизацию), концепция эта рассматривает эту ситуацию как ситуацию, когда от нации именно и требуется *осознать* свою «идею», осуществить ее.

Но ведь по отношению ко всему предыдущему периоду ее истории наш вопрос все равно остается в силе!

Действительно — а что делать нам, русским православным людям, желающим «угадать» Божий о нас замысел, понять, зачем Россия живет на свете, если нам выпало жить не в тот исторический момент, когда, наконец, открывается нам, ради какого участия в мировой истории Бог дал нам наше национальное бытие, а, предположим, во времена Анны Иоанновны или Екатерины Второй? Так и жить без «идеи», которая еще Бог знает когда нам откроется? И утешаться тем, что хотим мы или не хотим, можем мы эту

свою «идею» уже теперь угадать или нет, все равно Божья рука властно проволочет Россию по всем колдобинам предстоящей ей исторической дороги именно так и именно до такого ее изгиба, когда «идея» ее, смысл ее «нового слова» в истории, наконец, и проявятся?

Вот только как нам уловить этот момент? Где гарантия, что именно Вл. Соловьев (если верить Ренате Гальцевой) верно угадал Божий замысел и России действительно нужно было срочно бросаться спасать христианскую цивилизацию, устанавливая вселенскую теократию с русским Царем или без Царя во главе? А вдруг у Бога насчет России какой-то совсем другой замысел и на самом деле ее историческая судьба еще не дошла до той точки, когда именно и назначено обнаружиться, чего Он от нее ждет? Может, ее «конечное» дело — протащить на себе еще и опыт коммунизма, показать всему миру, что это такое? Или, может, именно теперь, в XXI веке, спасти мир от исламской агрессии? А может, что-то еще в XXII или XXIV веках? Ведь история-то еще продолжается, и неизвестно еще, как сложится ее рисунок, по которому нам именно и предлагается угадывать «идею России»...

Нет, господа сторонники «исторического» понимания и прочтения «национальной идеи», — воля ваша, а по мне так все эта методология чем-то очень сильно напоминает ту самую идею предустановленной конечной мировой гармонии, против которой так страстно бунтует Иван Карамазов. И тот самый философский колпак почтенного *Егора Федоровича* (Гегеля)[2], который так решительно сбросил со своей русской головы неистовый Виссарион Белинский, когда он успел уже досыта нахлебаться «разумности» современной ему российской «действительности» и поэтому гегелевская Allgemeineheit[3] совсем достала уже его своим высокомерием по отношению к живой личности. Вот тогда-то он и обрушил на своего друга Боткина целый каскад знаменитых исповедальных своих писем, где возмущенно писал, что субъект в историософии Гегеля — лишь «средство для мгновенного выражения общего, а это общее является у него в отношении к субъекту Молохом, ибо, пощеголяв в нем (в субъекте), бросает его, как старые штаны»...

Кстати, что касается бунта Ивана Карамазова, то здесь ведь тоже, как известно, не обошлось все без того же философского колпака Егора Федоровича: не кто иной, как Белинский, и увлек ведь Достоевского в его юности на путь атеизма, социализма и революции — и увлек во многом именно своими аргументами против гегелевской Allgemeineheit, использованными позднее Достоевским в бунте Ивана.

Ну, а что касается рассмотренной выше концепции Вл. Соловьева в изложении Ренаты Гальцевой — не потому ли и в этом случае сами собою напрашиваются именно ассоциации с ивановой «мировой гармонией» и гегелевской Allgemeineheit, что и здесь тоже не обошлось без философского колпака Егора Федоровича?

Мне кажется, что именно так оно и есть. Божия «идея» о России, целенаправленно и упорно ведущая Россию по всем извивам ее исторической

---

[2] Из письма Белинского Боткину от 1 марта 1841 г.: «Благодарю покорно, Егор Федорович, — кланяюсь вашему философскому колпаку...»

[3] Всеобщность (*нем.*).

дороги к исполнению в некоем будущем предписанного ей особого высокого предназначения, — что это как не все тот же, но только, в отличие от Достоевского, все еще не переваренный как следует гегелевский Мировой Разум истории, все устраивающий «разумно» и «действительно» и каждому национальному сверчку указывающий его особую роль и место?

Почему «не переваренный»? И кем не переваренный?

Владимиром Соловьевым?..

Да — если признать, что в той же «Русской идее» действительно есть у него некоторые формулы и интонации, заставляющие вспомнить все побеждающее, все неумолимо подчиняющее себе победное шествие по истории гегелевского Мирового Разума.

Но при этом совершенно все-таки очевидно, что эти формулы и интонации — всего лишь некий сугубо остаточный налет былой соловьевской выучки у роскошного панлогизма гегелевской «абсолютной идеи», рационально творящей наш земной мир. Потому что все это категорически не уживается с той идеей *взаимного и свободного сотрудничества Бога с человеком,* которая и составляет как раз *ядро собственной соловьевской историософии «богочеловечества»*. Об этом мы еще будем говорить чуть позже.

Но вот что касается позиции Ренаты Гальцевой, обозначенной и ее собственными формулами, и ее изложением Вл. Соловьева и Пушкина, то здесь, мне кажется, подспудная память о гегелевской Allgemeineheit присутствует куда более ощутимо. И позволяет говорить поэтому о гораздо большей степени своей «непереваренности». Хотя и полагаю, что все-таки именно о непереваренности — не больше. Ведь и для Ренаты Гальцевой нация — это, конечно, тоже вполне *моральное* существо, а соловьевская идея *богочеловечества* так же дорога ей, как и всем нам, его последователям. Недаром она не раз и сама приносит клятву верности этим понятиям. Но при этом, к сожалению, явно не замечает, что они начисто выпадают из той концепции национальной идеи, которую она строит на симбиозе Вл. Соловьева и Пушкина. Настолько не замечает, что, вероятно, и сама очень удивилась бы, если бы поняла, что ее историософскую позицию действительно можно истолковать как позицию, основанную на вере в безусловную власть предопределения. И, увы, — не только можно, а иначе никак и не получится. Ведь симбиоз-то этот именно на том ею и строится, что формулы Пушкина, которые она использует, действительно могут быть уложены только в прокрустово ложе той историософии, которая исходит из загодя прописанного для всякой нации сюжета ее исторического движения и судьбы. *Если принимать эти пушкинские формулы в их* ***буквальном*** *значении.*

Но вот тут и встает опять любопытный вопрос: а насколько адекватно мысли самого Пушкина *буквальное* прочтение его формул и построение той, соответствующей этому прочтению, метафизической историософской схемы, в которую укладывает его пассаж о «предназначении» России Рената Гальцева?

Конечно, никакой категоричности тут быть не может — слово есть слово, что написано, то написано, а написанное можно прочесть по-разному. Но почему-то мне сдается все же, что говоря об *«особом предназначении»* России (спасти христианскую цивилизацию Европы, поглотив своими

необъятными пространствами монгольское нашествие), Пушкин излагал вовсе не богословско-метафизическое толкование рассмотренного им реального исторического факта, а оценивал его тоже вполне реальное, земное всемирно-историческое значение. Пушкин был, безусловно, гениальнейшим поэтом и, как вынужден был признать даже царь, умнейшим человеком тогдашней России; он был замечательным историком, а в своих исторических этюдах обнаруживал нередко столь поразительное понимание глубинной значимости великих событий мировой истории, столь зоркое проникновение в их сокровенные связи и взаимозависимость, что не приходится сомневаться и в его выдающемся историософском даре.

Но все же вряд ли он был к тому же метафизиком или богословом. Тем более гегелевской или хотя бы гердеровской выучки. И вряд ли брал на себя смелость угадывать, прочитывать и формулировать назначения Божьего промысла. А потому метафизически-богословский термин, им в цитируемых отрывках используемый — *«предназначение»*, — вряд ли употреблен им здесь в его *буквальном* богословском значении[4]. Скорее, как представляется, — в том переносном символически-образном звучании, которое продиктовано желанием адекватно передать взгляд Пушкина на *реальное историческое существо произошедшего с Россией*. Небесная высота его *метафоры* (так я думаю), гениально уместной в данном случае, как раз и призвана подчеркнуть колоссальное всемирное значение случившегося с Россией и вынесенного ею — то есть передать именно величайший масштаб оценки Пушкиным того всемирно-исторического результата, который был достигнут страданиями «истерзанной и издыхающей России». А значит — и безмерность той благодарности, которую должен испытывать христианский мир по отношению к России, которая именно и только из-за страшного монгольского удара, принятого ею на себя, и лишилась возможности на равных участвовать в великих событиях, формировавших Европу...

Трактовать так пушкинский термин «предназначение» (к тому же предназначение «особое» и «высокое») заставляет меня и то, что при буквальном его прочтении совершенно непонятным становится неприятие Пушкиным идеи исторического фатализма, ясно и твердо выраженное им в 1830 г. (в черновике второй статьи об «Истории русского народа» Н. Полевого): «Не говорите: *иначе нельзя было быть*. Коли было бы это правда, то историк был бы астроном и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но провидение не алгебра...» Думается, что по существу своему эта пушкинская мысль направлена не только против того фатализма «силы вещей», который он мог иметь в виду в связи с исторической концепцией Гизо (поминаемой в этом отрывке), но и, так сказать, фатализма Небесного, устанавливаемого Предназначением, которое тоже выстраивает развитие истории так, чтобы *иначе не могло было*

[4] Кстати, Натан Эйдельман тоже считал, что этот термин в его буквальном значении вряд ли можно считать выражением действительной мысли Пушкина. Он полагал, что в письме к Чаадаеву Пушкин употребил его просто потому, что предпочел, идя навстречу собеседнику, принять его терминологию и сформулировать свои идеи в чаадаевской форме (см.: *Эйдельман Н.* Статьи о Пушкине. М., 2000. С. 338).

быть. Да, — согласно Пушкину, Провидение может использовать *случай* как *свое мгновенное и мощное орудие*. Но Оно вряд ли все же выглядит в его глазах неизбежным Роком, втискивающим человеческую историю в жесткую и неизменную алгебраическую формулу, которую человеческий ум угадать, конечно, не может, но которая тем не менее заранее все определяет в судьбах людей, наций и человечества в целом[5].

Короче: я думаю, что оба пушкинских текста, говорящие об особой судьбе России, содержат в себе не что иное, как замечательно глубокий и точный историософский анализ реального исторического факта, исполненный величайшей сыновней любви к России, которой пришлось пройти через триста лет монгольского страдания, и острого чувства горечи по отношению к Европе, не умеющей помнить о том, каким бесценным благом обернулась для нее мученическая участь России, — помнить с той благодарностью, какой требует историческая справедливость[6].

Но попробуйте, как это делает Рената Гальцева, перевести весь этот великолепный набросок, восхищающий точностью своей возвышенной и горькой поэтической образности, в то богословски-метафизическое измерение, к которому принуждает (если принять его в буквальном его значении) богословский термин, употребленный Пушкиным явно не терминологически. И сразу же все те недоуменные вопросы, которые вызывает концепция «национальной идеи» Вл. Соловьева в изложении Р. Гальцевой, снова встают перед нами — и во многократно усиленном, совсем уже обескураживающем виде.

В самом деле, если все *особое божественное назначение* России, вся ее *«идея»* (или, по крайней мере, важнейшая составляющая часть ее «идеи») состояли в том, чтобы ее «необъятные пространства» «поглотили монгольское нашествие» и «спасли христианскую цивилизацию Европы», то опять-таки спрашивается: а какая ***вменяемая*** роль предусматривалась здесь самой России — именно ***как «моральному существу»*** (как вслед за Соловьевым определяет нацию Рената Гальцева)?

Похоже — никакая. Потому что в *таком* пространстве своей «идеи» самой России делать просто нечего. Быть ли ей к моменту монгольского нашествия более или менее единой державой, или состоять из множества постоянно враждующих друг с другом удельных княжеств, исповедовать православную ли, католическую ли веру, вообще ли оставаться языческой, — все это при таком ее «предназначении» становится совершенно неважно. Главное, чтобы были у нее *необъятные пространства* — такие, что монгольские полчища застрянут в них, — вот и будет исполнена ее роль во всемирной истории. Больше с нее и спрашивать нечего...

---

[5] Интересный анализ этой проблемы в пушкинском историософском сознании см. у С.Г. Бочарова в его книге «Сюжеты русской литературы» — М., 1999. С. 46-77.

[6] Кстати, эта адресация к Европе и впрямую обозначена у Пушкина в первом из этих текстов — в наброске статьи «О ничтожестве литературы русской»: «Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна».

Да ведь все дело в том, что при таком раскладе ее судьбы, ей предначертанной, ее самое спрашивать ни о чем и *не надо*!

В случае с Вл. Соловьевым, как я уже отмечал, изложение Р. Гальцевой его «идеи России» не исключает все-таки появления в истории России того момента, когда она может, наконец, постичь свою «идею», свое историческое «предназначение». И — попытаться осуществить его: спасти погибающую христианскую цивилизацию Европы. То есть по крайней мере хотя бы в этот момент своей истории она вроде бы может выступить по отношению к своей «идее» именно как *морально вменяемое существо* — ей есть что выбирать.

А где момент такого же свободного выбора в «идее» послужить Европе поглощением монгольских орд российскими пространствами? Что, — стояла Россия когда-то перед необходимостью осознанного решения — спасать Европу или не спасать, отдать себя на растерзание татарским полчищам или как-то пропустить их мимо себя на Европу? Спрашивал ее об этом кто-то, подсказывал свободное решение пониманием того, какая «идея» ей назначена? Нет — просто проволокли через три века чудовищной катастрофы, истерзанную и издыхающую, и могли бы, наверное, использовав по назначению, ее при такой «историософии» и бросить, «как старые штаны»...

Но, слава Богу, Он дал-таки ей все-таки возможность и помог подняться на ноги, выправиться. И, собственно как раз и стать ***нацией***. Значит, явно какая-то другая у Него задача для России припасена была? Какая же?

Об этом мы еще подумаем чуть позже, а пока, чтобы завершить пушкинский сюжет в историософской схеме Ренаты Гальцевой, заметим только следующее.

Не кажется ли читателю, что в сложной полифонии смысловых и эмоциональных звучаний, спрятанных в богословских метафорах Пушкина, наряду с их образно-ассоциативной ролью, позволяющей выразительнее и адекватнее обозначить всю *безмерную важность* для христианского мира того, что было достигнуто ценою страданий России (*как если бы и в самом деле на то была властная воля самого Неба и действовал какой-то высший расчет Промысла, избравшего для России в своих историософских планах и вычислениях этот страдальческий ее жребий ради спасения европейского мира*), — не кажется ли читателю, что в этой смысловой и эмоциональной полифонии отчетливо проступает и тот звук, что высокий-то он, этот жребий, вроде бы и высокий и уж безусловно *особый*, но какой-то очень уж *жестокий* по отношению к России, обреченной на то, чтобы три века погибать издыхающей и растерзанной? А потому и нет ли в пушкинских словах об этом *«особом предназначении»*, об этом *«высоком предназначении»* одновременно и какой-то горчайшей *иронии*, начисто снимающий *буквальное* их значение?.. И уж никак не позволяющей трактовать пушкинскую мысль так, как если бы он и вправду думал, что именно этим мученическим жребием Провидение и «не оставило нас». Ничего себе, действительно, «не оставило»!.. Да ведь все произошло как раз так, как если бы именно *оставило*!.. Вряд ли Пушкин сколько-нибудь серьезно расходился в оценке случившегося с Россией с Чаадаевым, который именно пережитое Россией выпадение на триста лет из общеевропейского процесса и выразил формулой — «Провидение оставило нас...» Пушкин отнюдь не спорит ведь в

своем ответе ему с тем, что это выпадение — несчастье России; он только указывает, что за это пережитое Россией несчастье Европа должна быть высоко обязана ей, должна быть высоко благодарна ей...

Но вернемся к нашему общему сюжету, который добрался, наконец, и до **Георгия Гачева**. После всего изложенного, мне, думаю, не нужно уже долго объяснять, почему и о его концепции, согласно которой «идея» России была — колонизовать северную российскую равнину, можно, на мой взгляд, сказать все то же самое, что было уже сказано о способе понимания национальной идеи, столь отчетливо обозначившемся в выступлении Ренаты Гальцевой. Правда, у Гачева не очень понятно, всерьез ли он поминает имя Бога, когда говорит, что «национальная идея — это как Божий замысел о данном национально-историческом теле». Или это скорее тоже всего лишь метафорически-символический образ в его собственной мифопоэтической картине «российского космоса»?

Но если всерьез, то тогда очень опять любопытно — а когда же это России предложено было понять (*вовремя понять!*), что предел ее — Российская равнина севера, а лезть на юг, например, не надо? А если ничего этого не было и никакой Бог тут вообще ни при чем, то тогда и тем более ни о какой *моральной вменяемости* России как некоего «космоисторического тела», обуреваемого некими «одушевлением» и «пассионарностью» в осуществлении своего «призвания» («с точки зрения планеты Земля») говорить не приходится.

Какое уж тут, действительно, моральное существо!

Или, как выразился бы, наверное, и в этом случае известный персонаж Достоевского, *какой же я тогда капитан*?

Какие уж тут, действительно, все мы *капитаны*! Мы просто куклы, только думающие, что у нас есть какая-то свобода в сложении своей судьбы (как и в сложении судьбы своей нации). На самом же деле вариантов для нас никаких нет и мы, независимо от своей воли и усилий, неизбежно становимся теми, кем изначально и были задуманы, кем быть нам и было «предназначено»...

Но Бог не кукловод. Идея Бога-кукловода, дергающего людей и нации за ниточки, передвигая их по сцене придуманного Им исторического спектакля, который Он Сам перед Собою и разыгрывает, противоречит идее человеческой свободы, дарованной нам Им. В мою веру, во всяком случае, *такой* Бог никак не вмещается.

Может, конечно, просто потому, что я все еще не мусульманин соответствующего извода и *небеса Востока*, как сказал когда-то Лермонтов, *меня с ученьем их пророка* пока еще никак *не сблизили*?..

Но пока это так, религиозному или философскому метафизическому фатализму, без сильнейшего присутствия которого не обошлась, увы, ни историософия романтиков, ни философия истории Гегеля (при всех его апологетических реверансах человеческой свободе), противостоит именно то мое представление о свободе, которое превосходно выражено в знаменитой апории: *если Бог всемогущ, то может ли Он создать такой камень, который и Сам поднять не в состоянии? Ответ*: *да, может. И — создал. Это — человек, которому дана свобода.*

Мне приходилось уже писать, до какой степени именно этому образу соответствуют дерзновенные контуры той ***христианской метафизики человеческой свободы***, разработка которой составила, может быть, самое великое завоевание русской религиозно-философской мысли конца XIX — начала XX века. И я могу лишь вновь подтвердить здесь вкратце то, что я уже писал по этому поводу, поскольку мне особенно близки и дороги основные интуиции именно этой великой метафизики. И прежде всего то, что в каких бы различных вариантах своей разработки у Вл. Соловьева или С. Булгакова, Н. Бердяева или С. Франка она ни представала перед нами, она всегда неразрывно связана именно с той корневой, исходной для нее аксиомой, что свобода не была бы свободой, если бы ее можно было заранее просчитать.

Более того — если бы можно было дарованной нам свободе при этом еще и *противодействовать* каким-нибудь чисто *внешним вмешательством Бога* в те ее акции, в которых она именно и способна проявлять себя как *свобода*. То есть способна проявлять себя так, как и положено ей Богом по ее «статусу», — раз уж ей даровано существовать именно как свободе в рамках отпущенных ей земных ее пределов. Иначе она ведь была бы уже не свободой, а всего лишь призраком, иллюзией свободы — игрушкой, которой Бог играл бы Сам с Собой, Сам Себя и обманывая.

Значит ли это, что предоставив нам свободу, Бог вообще не вмешивается в нашу жизнь — ни в личную, ни в историческую? Или, даровав нам свободу, Он тем самым вообще уже ничего с нами поделать не может?

Еще как может! Настолько, что и вообще может стереть с лица Земли все наше нынешнее земное бытие со всей нашей свободой. Просто взять и «отменить» нас Своей свободной волей — так же, как свободной волей Своей нас и создал. Это, кстати, уже случалось в человеческой истории — достаточно вспомнить всемирный потоп и Содом и Гоморру. И не об этом ли вот уже две тысячи лет предупреждает нас Апокалипсис?..

И потом: как же это так — «не вмешивается»?!

Да более грандиозного, более всеобъемлющего «вмешательства» в нашу жизнь, чем приход на Землю Его Сына, Самого Христа, чтобы преодолеть нашу обреченность на вечную смертную погибель, и представить себе невозможно.

А как иначе, скажите, может воспринимать христианин все те бесчисленные феномены, в которые он верит (если верит) как в прямой контакт с нами Сил Небесных? Например, — те явления и обращения к миру Пресвятой Богородицы в Фатиме, в знак реальности которых было дано в обещанный Ею день то чудо солнцевращения, что засвидетельствовано десятками тысяч людей? Или явления и послания Пресвятой Богородицы в Меджугорье, дарованные шести хорватским детям, свидетельства которых подверглись, как известно, самой жесточайшей проверке на подлинность в ходе нескольких независимых друг от друга научных экспертиз?[7] Что такое для христианина и все эти, и многие другие (тем более официально признанные Церковью) приходы Ее к нам — если, повторяю, он верит в них (а таких верящих — миллионы), — как опять-таки не прямое «вмешательство» Неба в нашу жизнь?..

[7] О явлениях Богородицы в Меджугорье см., в частности, «Континент» № 115.

Да ведь вряд ли есть и вообще хоть один верующий человек, реально стремящийся жить перед лицом Божиим и в обращении к Нему, в личном духовном опыте которого не было бы моментов, когда он абсолютно реально ощущал совершенно очевидное, совершенно несомненное для него присутствие в его жизни направляющей руки Божией...

Скажут: но ведь это так только для людей религиозных — для тех, кто, говоря словами лермонтовского Печорина, верит, что «целое небо с своими бесчисленными жителями на них смотрит с участием, хотя немым, но неизменным»...

Конечно. Но ведь речь о проблеме «национальной идеи» и идет пока что лишь применительно к ее религиозному измерению. А в параметрах этой парадигмы каких-либо сомнений в реальности самого прямого вмешательства Неба в нашу земную жизнь быть просто не может.

Но тут есть condicio sine qua non, которое никогда не нарушается. Во всех известных нам и несомненных для религиозных людей проявлениях такого «вмешательства» оно всегда происходило и неизменно происходит только *через пространство нашей свободы.* Только в обращении к ней, а не через отбрасывание, отвержение и преодоление ее. Никто нас за волосы на стезю Божию никогда не тащил и не тащит. Даже и те совершенно несомненные для нас проявления высших сил, которые прямо и очевидно для нас направлены на то, чтобы мы выполнили какую-то волю Неба, все равно обращены, в конечном счете, всегда именно к нашей свободе — мы вольны верить или не верить в их реальность. Тем более — следовать или не следовать тому, к чему они нас зовут.

Да, нам в этой земной жизни никогда не понять всей таинственной значимости того поразительного факта, что Сам Бог должен был сойти на землю, воплотиться, стать человеком и пройти весь крестный путь безвинных и страшных страданий, чтобы открыть людям путь к спасению от вечного небытия и искупить их для этого спасения «от власти ада» (Ос. 13,14) и «князя мира сего» (Ин.14, 30). Тайна эта уходит в недоступные нам бездны мировой мистерии бытия, в онтологические глубины Добра и Зла.

Но что при всем том Христос пришел на землю со Своей искупительной жертвой для того, чтобы обратиться с этим даром нашего Им спасения именно к нашей свободе, — это не требует доказательств. В этом весь смысл Его обращения к нам — спасаться нас тоже никто за волосы не тащит. Он указал нам путь, на котором мы можем этот дар получить, но мы вольны по нему идти или не идти. Это, кстати, постоянно подчеркивается даже и в тех меджугорских предупреждениях Богородицы, в которых говорится о неотвратимости Высшего наказания, если люди по-прежнему будут строить ту цивилизацию без Бога, которую они строят. Но будет ли оно и какое оно будет, — это зависит только от нас. От того, как мы реализуем нашу свободу.

И это не может быть иначе. Потому что Господь сотворил нас свободными в надежде и ожидании от нас нашей ответной *свободной же* к Нему любви, самой драгоценной. И именно поэтому свобода — нечто куда более серьезное, чтобы даже и внутри отпущенных ей и непреодолимых для нее земных пределов ее осуществления можно было бы любым Высшим вмешательством ограничивать ее всякий раз еще и дополнительно — от каких-

нибудь «сих» до каких-нибудь «сих». А это и значит, что в мировом процессе, в котором *так* и *такая* действует свобода, усилия Самого Бога по внесению в этот процесс Добра могут осуществляться только через акт *свободного сотрудничества Его с человеком*. Только как акт движения Бога *навстречу* свободной воле человека, когда человек *сам* устремлен к Нему — в молитве, в действии, в движении сердца — за Его благодатной Божественной помощью, которую он жаждет получить в своем свободном желании быть в этом мире проводником Его воли, противостоя злу, переделывать свою грешную и слабую природу, искаженную этим мировым злом, укрепляя ее для этого свободного, светлого и страшного в своей ответственности служения. Никаким другим способом *вмешательство Бога в мировой процесс*, в который «впущена» свободная человеческая воля, происходить просто не может. Только ей и именно ей — через бесчисленное сочленение ее индивидуальных проявлений — предоставлено определять его ход. Ведь *единственной* Божественной альтернативой такому, самим же Богом выпущенному в бытие свободному раскладу вещей может быть, повторяю, *лишь прекращение всякого бытия свободы вообще* — «конец» человечества, «изъятие» людей из бытия как свободных существ в принципе — не только тех, чья злая воля переполняет мир страданиями и кровью, но и тех, кто вносит в него добро, любовь и свет, кто устремлен в своем бытии к Богу, уповает на Него и во имя служения Ему и сотрудничества с Ним готов идти на страдания и идет на них. *Частичная* «ампутация» у свободы только ее способностей творить зло невозможна — с такой ампутацией свобода тотчас же прекращает быть свободой. И ничего тут не поделаешь — так задуман и устроен Богом мир. И так он реально *устроился* свободной волей самого человека, которому Бог в Своей любви к нему и ожидании от него любви ответной, дал бытие. Так что единственное, что может Он здесь сделать, не прекращая этого бытия вообще, — это то, что Он каждомгновенно и делает, отдавая Себя всякому, кто действительно к Нему устремлен и жаждет любви и спасения от рабства у зла, греха, смерти, вечного небытия...

Вот почему акт творения человека Богом может и должен быть понят в этой логике мировидения только как акт *непредсказуемых даже для Бога последствий* — акт, если угодно, *Божественного риска*.

И вот почему точно так же — то есть только непредсказуемым, не имеющим никакого гарантированного финала — может и должен быть осознан в этой логике метафизического мировидения и весь ход исторического процесса.

И вот именно по этой причине среди тех методологических подходов к проблеме «национальной идеи», которые были предложены на Шестых Максимовских Чтениях, мне ближе всего тот, который был продемонстрирован в выступлении **Андрея Зубова**.

7. Нация перед лицом Неба и Земли. Библейские и советские казни

Правда, судя по некоторым формулировкам, свое понимание «идеи нации» как «абсолютного божественного замысла» о ней Андрей Зубов тоже строит не без почтительной оглядки на авторитет «классической философ-

ской школы». Она ведь и в самом деле так много значила всегда для всех нас, прилежных русских выучеников Канта и Гегеля, начиная уже с 30-х — 40-х гг. XIX века, что пропитала собою, можно сказать, всю структуру нашего российского философского менталитета. Отголоски соответствующих ее концептов явственно слышатся всякий раз и у Андрея Зубова, как только он начинает говорить, что «о каждом народе есть такой замысел», что у каждой нации есть такая «идея» и что она становится нам очевидной, как только она реализуется в истории.

Но, в отличие от Р. Гальцевой, он все-таки считает, что пока такой реализации не произошло, понять и познать то, «что думает о народе Бог в вечности», нам не дано. Не дано уже по той простой причине, что «по законам гносеологическим мы не можем познавать то, что более, чем мы». А потому, убежден А. Зубов, и не могут быть ничем другим, кроме как сугубо умозрительными домыслам, любые «расшифровки» «национальной идеи», производимые на основе той методологии, о которой я говорил выше. А он — иллюстрирует примером из Карамзина, писавшего, что коли Бог позволил России распространиться от Берингова пролива до Вислы, то, значит, Бог имеет какой-то особый замысел о России. «Это такие вот *фантазии*», — замечает по этому поводу Андрей Зубов. И я здесь полностью с ним солидарен.

Но сразу же вслед за этим тезисом нам предлагается и такой — центральный в его теоретической конструкции.

Да, говорит Андрей Зубов, мы не можем знать, что думает о нас Бог, хотя и знаем твердо, что «русская идея» — есть. Но зато мы очень хорошо знаем, продолжает он, что «эта идея нами исполняется крайне плохо. Мы не знаем этой идеи, но знаем, что она исполняется крайне плохо».

Да, такое утверждение парадоксально, признает А. Зубов. Но почему оно возможно? А потому, разъясняет он, что из той же библейской истории Израиля, столь для нас значимой, мы хорошо знаем, «что когда народ не исполняет идею, замысел о нем Бога, а ведет себя по своему желанию (сколько раз говорят пророки: "вы народ жестоковыйный, следующий велениям сердца своего"), тогда с народом начинают происходить разные неприятности, от меньшего до большего. И казни всем известные, нашествие, распад государства — классическое наказание после Соломона, потом раздоры, гражданская война, вспомните Давида и Авессалома, еще и война в собственном доме, наконец, завоевание одной половины страны, Северного царства ассирийцами, и потом завоевание Новым Вавилонским царством южной половины страны, уничтожение значительной части народа, рассеяние другой и т.д., и т.д. При осаде разные ужасы, поедание матерями собственных детей от голода, обрушение собственных жилищ, предательство близкими родственниками друг друга и т.д., и т.д. И мы понимаем, когда и священники, и храм ограблены, на месте храма руина, и все пожжено, и большинство детей царя казнены на его глазах, и т.д., — мы понимаем, что вот это есть наказание. Это тысячу раз говорят пророки, и Исайя, и Иеремия. Иезекииль это уже констатирует как факт, это произошло».

Но разве не точно то же самое произошло и происходит и с нами? Ведь «нет таких казней израильских, которые бы не перенес наш народ, — напоминает А. Зубов. — Если собственных детей в голод 21-го года, в голод

30 — 32-го года. Храмы разорены, священники убиты, народ в большой своей части погиб, его лучшая часть или уничтожена, или изгнана из страны. Единственная разница, пожалуй, в том, что нас не увели в плен, нам плен устроили прямо здесь. Как говорят, наше вавилонское пленение — не отходя от кассы».

Так что же это, если не наказание всем нам, принадлежащим историческому организму, называемому нами Россией, за наши общие исторические грехи, — наказание, подобное тому, как в библейские времена сокрушен был «израильскими казнями» избранный Богом народ, когда он стал непрерывно и «жестоковыйно» нарушать и оскорблять заключенный с Богом завет?..

Как видим, логика предельно ясная и отчетливая. Более того — абсолютно, в сущности, неотразимая для всякого христианина, способного задумываться о глубинном смысле той страшной исторической трагедии, что была пережита и переживается нашей страной. Ну, конечно же: все это именно *наказание* нам за грехи наши — те обрушившиеся на нас *казни*, которые и в самом деле в чем-то пострашнее израильских. Думаю, у подавляющего большинства участников конференции, рассматривавших проблему национальной идеи в религиозном (христианском прежде всего) измерении, этот тезис Андрея Зубова вряд ли вызвал какое-либо сопротивление. Полностью согласен с ним и я, — даже и независимо от того, как именно понимать природу обрушившихся на нас казней — сам, если можно так выразиться, «механизм» их осуществления. Это тема важнейшая и очень интересная, но в данном случае мы действительно вполне можем оставить ее в стороне.

Впрочем, что лично до меня, то (если в двух словах) я думаю, что в подобного рода случаях совершенно несомненного для человека религиозной мировоззренческой ориентации «вмешательства» в движение исторического процесса именно руки Божией, направляющей и карающей, «механизм» этого «вмешательства» не заключает в себе как раз ничего сверхъестественного. Просто здесь реализуют свою силу прежде всего те, заложенные Богом в самое основание нашего земного бытия, объективные фундаментальные законы его функционирования, через которые и проявляет себя реальное глубинное онтологическое единство всего созданного Богом сущего — то его *всеединство,* которое держится лишь божественной энергией созидания и любви и религиозно-философское откровение о котором как раз и стало одной из величайших концептуальных интуиций русской религиозной философии (в ее соловьевском русле). Именно благодаря действию этих законов, держащих собою баланс устойчивости и стабильности существования человечества, и можно, наверное, сказать, что все, что действует в противоположном этим божественным энергиям направлении, неизбежно само себя, в конце концов, и наказывает, когда переходит ту кризисную черту, за которой баланс как его внутренней устойчивости, так и устойчивости его взаимосцеплений с окружающим миром, начинает разрушаться. Так что здесь опять возможна, наверное, аналогия личности и народа, личности и нации, личности и человечества. Как личность, о которой недаром сказано великое слово, что человеческая душа по природе своей — христианка, сама себя наказывает неминуемым саморазрушением, когда действует вопреки природе своей «души-христианки», так и любой исторический организм — от народа до всего

человечества — неизбежно наказывает себя катастрофами и бедами, когда его жизнью начинают руководить начала не созидательные, не жизнетворные, а разрушающие, деструктивные.

Однако это действительно — к слову, хотя тема, повторяю, и важнейшая. Но в нашем сегодняшнем контексте вполне достаточно зафиксировать лишь то, что человеку, видящему мир в его сакральном измерении, и в самом деле не нужно доказывать, что подобного рода наказания, каков бы ни был «механизм» их осуществления, — это именно наказания свыше. Точно так же как для всех нас, православных христиан, не должно быть, конечно же, никаких сомнений и в том, что страшные беды и катастрофы, настигшие наш народ, — это историческая нам кара того же самого характера, как когда-то «израильские казни» для еврейского народа. Это казни, настигшие нас не только за то очевидное богоотступничество, которое совершила в 1917 году Россия, сама себя отдавшая на 70 лет в вавилонский плен коммунистического атеистического тоталитаризма, но — будем, как справедливо призывает к тому Андрей Зубов, трезвы и честны перед собою и в этом — и за очень и очень многое на нашем предыдущем историческом пути, который, в конце концов, и привел нас к 1917 году. Наш журнал, кстати, с самого начала своего московского существования (и не однажды!) обращался к этой теме[8], стремясь всячески акцентировать, сколь опасно идиллически представлять себе дореволюционную Россию и думать, что не будь злокозненных немецких денег, кучки подстрекателей, приехавших в запломбированном вагоне мутить мирный и доверчивый богобоязненный русский народ, и бездарного Временного правительства, все превосходно обошлось бы и Россия была бы светочем мира. Сейчас, слава Богу, за исключением разве лишь зоологических «патриотов», уже никто, похоже, так не думает. Но и с такими точными, трезвыми и горькими экскурсами в российскую историю, какой содержало блестящее выступление Андрея Зубова, встречаться в наши дни приходится тоже не так уж часто.

Но, дорогой Андрей Борисович! Не кажется ли Вам, что именно этим своим экскурсом Вы как раз начисто опровергаете тот свой исходный теоретический тезис, что «русскую идею» нашу знать мы не можем, хотя знаем очень хорошо, что исполняем ее плохо? Не кажется ли Вам, что это парадокс отнюдь все же не объективно-содержательный, а чисто внешний, сконструированный, ибо основан не на парадоксальности самой реальности, а всего лишь на спрятанном contradictio in adjecto?

Недаром, сказали Вы, в 95-м псалме мы читаем, что «Бог судит народы в правоте, то есть, коль судит, значит, есть некоторая категориальность, ко-

[8] Отошлю интересующихся хотя бы к двум, но очень важным в этом отношении, публикациям: к очерку Ивана Беллюстина «Русь православная», в котором автор, сельский священник, рисует точную и честную картину реального лица христианской России («Континент» № 74), и к замечательному выступлению на конференции по правопреемсву епископа Иннокентия (в то время Читинского и Забайкальского, ныне — архиепископа Корсунского), напечатанное в № 100. Я не знаю другого крупного иерарха нашей Церкви, который с такой прямотой и мужеством сказал бы о том, что в случившемся в 1917 г. вина церкви несомненна и огромна.

торая может судиться — значит, есть народ как идея, значит, есть о нем некий замысел»...

Совершенно справедливо. Но ведь и суд справедлив только тогда, когда подсудимый вменяем. Значит, чтобы судить и наказывать какой-то народ за плохое исполнение заданной ему «идеи», необходимо, чтобы он знал, по крайней мере, в чем же эта идея, чего ждет от него Бог. Половинное, неполное предъявление вины лишает суд права выносить приговор, доказывал когда-то знаменитый русский юрист Владимир Спасович. А уж если и наша грешная земная юриспруденция способна к такому пониманию вины и справедливого за нее наказания, то, как сказал бы у Достоевского старец Зосима, «кольми паче Бог»?.. Знать, что плохо исполняешь какую-то идею, какой-то о тебе замысел, не зная самого этого замысла, самой этой идеи?..

Но дело не просто в формальной логике. Дело в том, что оба Ваши превосходных и точных примера — израильские и советские казни — как раз и свидетельствуют о том, что в обоих случаях не требуется — и к сожалению, и к счастью, — каких-либо сверхъестественных усилий, чтобы ясно и четко понять, за ***что*** они были посланы.

Разве, действительно, не об этом неустанно и настойчиво говорят все время израильские пророки? Вот Вы сами же совершенно справедливо напоминаете о том, что «по крайней мере те, кто с Зоровавелем и с Эздрой вернулись обратно в Иерусалим, на стогна разрушенного града, прекрасно сознавали, что по грехам нашим, отцов наших, священников наших и царей наших, и князей наших, и народа нашего мы получили плен, разорение, меч, смерть, голод». И разве они не сознавали и не знали, за какие именно грехи получил Израиль плен, разорение, смерть и голод? Да вот именно за то, что постоянно и упорно нарушал тот самый завет, который Бог заключил еще с Авраамом и который подтвержден был Им всему Израилю на Синае в заповедях и требованиях Торы, известных каждому иудею[9].

Но разве и мы, российские христиане, пытаясь осмыслить, что же с нами произошло и за что нам посланы все те наказания, в которых мы не можем не ощутить явственного и грозного веяния Высшей справедливости, — разве мы можем сказать сегодня, что не знаем, не понимаем, ***за что*** нам послано все это?

Как за что?

---

[9] Не могу не отослать здесь читателя к содержательной статье профессора Монреальского университета Якова Рабкина, печатаемой в этом же номере. Речь идет в ней об очень серьезной оппозиции современному сионизму и государству Израиль со стороны многих и многих религиозных евреев, которые верны традиции иудаизма. Они убеждены, что только избавление от тех «грехов наших», за которые Израиль был наказан рассеянием, а вовсе не самостийное возвращение в Святую землю и укрепление в ней, может освободить еврейский народ от Божьей кары и вернуть ему ее. В контексте нашей темы эта позиция, как бы ни относиться к ней по существу, не может не быть значима для нас именно тем, что показывает: осознание древними библейскими пророками причин наказания, настигшего Израиль, вовсе не является, стало быть, чем-то недоступным и не понятным для обычного еврея. И потому-то до сих пор так прочно и укоренено в религиозной еврейской традиции.

Да вот за все то, что Вы сами же совершенно отчетливо, неопровержимо, убийственно точно и обозначили, Андрей Борисович. Да еще наверняка только суммарно, только по самым страшным трагическим точкам.

За то, что народ наш в дни смуты 1917 года и особенно на полях гражданской войны сам отдал себя в семидесятилетний вавилонский плен безбожному коммунистическому тоталитаризму.

И за все то, что подготовило его к этому акту национального самоубийства.

За страшный церковный раскол XVII века, обессиливший Церковь и обрекший на маргинальное, почти подпольное и униженное существование в православном государстве миллионы православных христиан, наших братьев во Христе.

За то, что обессиленная этой катастрофой Церковь стала настолько раболепной, что веками не способна была поднять голос против крепостного рабства — мирилась с тем, что даже не каких-то чужаков-негров, как в Америке, а своих же православных Иванов православное государство благословляло эксплуатировать как бесправных рабов.

За то, что не только Церковь, ее Синод, но и купцы, и дворяне, и все другие сословия, созванные Екатериной Второй для написания знаменитого Уложения, хотели только одного — чтобы им разрешили иметь крепостных.

За то, что крепостной народ перестал в результате верить Церкви и в XIX веке произошла та тотальная потеря уважения к священникам, бесчисленные примеры которой сохранила память множества живых свидетелей эпохи.

За то, что высшие сословия не только не сопротивлялись этому разрушительному для нации процессу, но сами активно участвовали в нем, предоставляя (как Левин у Толстого) даже молитвы к причастию читать за себя нанятым «за рупь» дьячкам.

За то, что православная императрица могла наставлять своего вельможу ни в коем случае не принимать в училища крестьян — «*иначе скоро ни тебя, ни меня в этой стране не останется*».

За то, что в результате в православной стране с православным царем во главе считалось нормой для мирянина причащаться один раз в год, а для монаха — всего пять, тогда как по канонам Православия человек, три недели не бывший у причастия, подлежал отлучению от церкви...

Ну и еще за многие и многие в том же духе грехи наши — *грехи отцов наших, священников наших и царей наших, и князей наших, и народа нашего...*

Но если это так, то есть если мы действительно способны, как видим, осознать, *за что* настигли нас исторические казни такого масштаба, что впору вспомнить разве лишь библейские судьбы богоизбранного народа; если нам не нужно слишком уж сильно протирать себе глаза, чтобы, оглянувшись на наш исторический путь, приведший нас к 1917 году, со всей беспощадной очевидностью увидеть и понять, *какими грехами* и отцов наших, и священников наших, и царей наших, и князей наших, и народа нашего путь этот был выложен и проложен, — если все это так, то это ведь именно и значит, что тем самым мы никак не можем не знать и того, какому

же именно *ожиданию* Бога, обращенному к нам, мы не ответили, какой *замысел* Его о нас, какую Его *«идею»* о нас мы своим грехами разрушили.

И это действительно яснее ясного. И не нужны тут никакие фантазии и догадки.

8. Идите и научите все народы...

В самом деле: разве это не Христос, перед Вознесением, покидая землю, сказал своим апостолам:

«Идите и научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам»?

Или, как это передано в другом переводе, — ***«все, что Я заповедал вам»*** (Мф. 28; 19-20)[10].

Вот так вот — просто и ясно. *Идите и научите все народы.*

Чему научите?

Соблюдать все, что Я повелел вам. Все, что Я заповедал вам.

И что же — это относится к каждому из тех, кто входит в какой-то народ, только как к отдельной личности?

А к тому, что мы делаем вместе?

А к жизни и деяниям той человеческой общности, которую мы образуем как народ, как нация?

Но ведь здесь вряд ли возможны какие-либо сомнения. У Вл. Соловьева, во всяком случае, их не было на этот счет ни малейших. Он твердо стоял на том, что именно Слово Божие, оставленное нам Христом и дошедшее до нас через Его Евангелия, как раз и содержит в себе все то, что Он прежде всего ждет от нас — в частности, и от нас, русских (или, если угодно, россиян). Ждет не только от каждого по отдельности, но и от всех вместе — именно как от *народа*, как от *нации*. Другими словами, суть подхода к проблеме *русской национальной идеи* состояла у Вл.Соловьева в том, что именно в оставленном нам Откровении Слова Божия и содержится главный Его как и о всех народах, так и о нас, русских, *замысел* — главное Его *задание* нам, высшее наше *предназначение*. Наша *идея*.

Вспомним, что он писал по этому поводу как раз в том самом трактате «Русская идея» (1888), который так много цитировался Р. Гальцевой. Для того, чтобы уяснить, в чем состоит ***«истинная русская идея»***, нужно обратиться, писал он, к ***«самому великому и верному свидетельству»*** — к ***«откровенному Слову Божию»***. Именно здесь, повторяю, самый центр его понимания и феномена «национальной идеи» вообще, и «русской идеи» в частности. Хотя именно этими, *главными* в его учении, как он сам писал, «аксиомами» он почему-то как раз менее всего и был представлен на нашей конференции. Удивительно, в частности, что никто, кажется, даже не вспомнил о двух знаменитых его статьях 1891 года — «Об упадке средневекового мировоззрения» и «О подделках», где впервые в русской религиозной философии была сформулирована концепция *христианской политики*, как бы

[10] Ср.: Мк. 6, 15: «И сказал им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари».

давшая окончательную формулу идеям, которые не однажды развивал Вл. Соловьев и раньше.

В частности — в «Трех речах в память Достоевского» (1881 — 1883), где он писал, что «истинное христианство не может быть только домашним, как и только храмовым: оно должно быть *вселенским*[11], оно должно распространяться на все человечество и на все дела человеческие», которые «должны окончательно управляться тем же самым нравственным началом, которому мы поклоняемся в храмах и которое признаем в своей домашней жизни, т.е. началом любви, свободного согласия и братского единения».

Именно в этом своем содержании формула *христианской политики,* подразумевающая обязанность христианина «действовать — в пределах своего призвания — для реализации христианских начал в собирательной жизни человечества, для преобразования в духе высшей правды всех наших общественных форм и отношений», и образует у Вл.Соловьева стержневое содержание его учения о том, что такое «национальная идея». «Одно из двух, — писал он в статье «О подделках», — или общества, именующие себя христианскими, должны отречься от этого имени, или они должны признать своею обязанностью согласовать все свои политические и социальные отношения с христианскими началами». И «в этом и состоит, — заключает он, — настоящая христианская политика». То есть, по Соловьеву, — главное дело всякой христианской нации, главный смысл ее существования.

Но если для любого христианина нет и не может быть решительно никаких оснований, чтобы полностью не согласиться в этом с Вл. Соловьевым, то это значит, что нам придется признать и следующую, непреложно вытекающую отсюда истину. Для полной ясности рискну сформулировать ее с предельной категоричностью, подчеркнуто резко.

Если главное задание, которое Бог дает каждой нации, именующей себя христианской, главная Божия о ней «идея» состоит в том, чтобы она построила всю свою жизнь на христианских началах, то это значит, что христианская «*национальная идея*» не заключает и не может заключать в себе как раз ничего ***специфически национального***. Другими словами, в религиозном (христианском) пространстве проблемы нет и не может быть никаких специальных, сущностно отличающихся друг от друга *национальных идей.* Так что слово «национальная» при таком понимании проблемы может иметь только то значение, что это идея, относящаяся именно к *нации в целом* — к тому целостному историческому организму, который мы обозначаем этим термином. Но вовсе не то, что это какая-то *отдельная* для каждой нации, то есть каждый раз именно *специфически национальная* для любой нации идея.

И вот здесь опять стоит, думаю, напомнить, что вопреки тому, как это иной раз изображают, именно так прежде всего смотрел на проблему национальной идеи и Вл. Соловьев. И пусть не смущают нас поэтому такие нередко употребляемые им термины, как «миссия» России, ее «конечное национальное дело» и т.п. — их важно воспринимать именно и только в контексте его общей принципиальной позиции.

---

[11] Выделено Вл. Соловьевым.

Вернусь в этой связи еще раз к тому замечательному месту из «Русской идеи», где он говорит, что для того чтобы понять, в чем «истинная русская идея», нужно обратиться к тому, что говорит нам «самое великое и верное свидетельство» — «откровенное Слово Божие».

Что же оно, по Вл. Соловьеву, говорит нам?

Отправляя тех, кто хочет понять, в чем состоит «истинная русская идея», к Слову Божию, Вл. Соловьев, как он сам же разъясняет, вовсе не хочет этим «сказать, *чтобы в этом Слове можно было найти что-либо о России: напротив, молчание его указует нам истинный путь*». Ибо если мы хотим осуществить «свою истинную идею» (которая для всех наций «есть не что иное, как образ их бытия в вечной мысли Бога»), мы должны понять, развивает он свою мысль, почему в Новом Завете (в отличие от Ветхого) «уже нет речи о какой-либо отдельной национальности». И почему (варьирует он ту же мысль в другом месте трактата) и «Сам Христос, признав в последнем слове Своем к апостолам существование и призвание **всех наций**[12] (Мф. 28, 19), *не обратился Сам и не послал учеников своих ни к какой нации в частности*».

Да потому и не послал, что «смысл существования наций лежит не в них самих, но в человечестве».

Вот почему так настойчиво, так твердо и выступает все время Вл. Соловьев в своей «Русской идее» против любых проявлений того, как он выражается, «националистического партикуляризма», который толкает «народы на поклонение своему собственному образу, вместо высшего и вселенского Божества». Все это не что иное, как «новое идолопоклонство», «эпидемическое безумие национализма» — строить нашу национальную жизнь так, как будто «Церковь имеется исключительно у нас», как будто «мы имеем монополию веры и христианской жизни», «свою особую религию, русскую веру», за которую и нужно держатся «как за атрибут и санкцию исключительного национализма». Не будет преувеличением сказать, что вся концепция «русской идеи» именно и направлена у Соловьева как раз против какого-либо выделения этой идеи как чего-то особенного, только России назначенного; напротив, все сущностное содержание ее — это, по Соловьеву, то *универсальное содержание* христианства, которое заключено в Слове Божием и обращено этим Словом *ко всем нациям* — как стержневое историческое задание *для каждой из них*:

«Участвовать <...> в развитии великой христианской цивилизации, участвовать в этом по мере сил и особых дарований своих, — пишет Вл. Соловьев, — вот в чем <...> *единственная истинная цель миссии* ***всякого*** *народа*».

И с этим, я думаю, согласится всякий, как выражается Соловьев, *сознательный и искренний христианин*, какие бы при этом ни были у него еще и дополнительные соображения на тот счет, как надо понимать «национальную идею». Или о том, как еще может (и может ли вообще) быть нам доступно то, что думает о нас как о нации Бог. Согласимся: ведь в любом случае, прежде и помимо любых угадываний, прочтений и т.п. расшифровок задуманной для нас исторической судьбы, у нас всегда есть то, что мы можем знать на этот счет несомненно и твердо. И что именно поэтому более всего и отвечает как раз самому понятию «национальной идеи» — понятию, которое,

[12] Выделено Вл. Соловьевым.

согласимся, теряет для нас всякий реальный жизненный смысл, если это нечто такое, что мы или вообще не можем знать отчетливо и ясно, или о чем должны только догадываться, что можем только как-то предполагать.

Да, что вообще думает о нас Бог, — это, наверное, и вправду не наше человечье дело знать. Носом — гносеологическим, в том числе — не вышли.

Но то, что мы можем и должны осознать как наше задание, как нашу идею, чтобы иметь возможность ее исполнять и отвечать за это исполнение, — это Он от нас отнюдь не скрывает и не заставляет угадывать. Напротив — *идите и научите все народы. Тому, что Я заповедал вам...* (Ср. у Вл. Соловьева: национальная идея «не есть отвлеченная идея или слепой рок, но прежде всего нравственный долг»; «нации и индивиды — суть существа моральные. А коренное условие морального существа лежит в том, что особая функция, которую оно призвано выполнять во вселенской жизни, идея, которою определяется его существование в мысли Бога, никогда не выступает в качестве материальной необходимости, но только в форме морального обязательства. Мысль Бога, являющаяся безусловным роком для вещей, для существа морального только долг», который и «открывается сознанию этого существа как его верховный долг».)

Но если это так, то вот, следовательно, перед нами и первая возможность того искомого *консенсуса*, в котором просто не можем, не имеем права не сойтись все мы, пытающиеся осмыслить проблему национальной идеи в параметрах христианского мировидения. И, кстати, даже наша конференция, где вроде бы кто в лес, кто по дрова, дает тому совершенно удивительное подтверждение.

В самом деле, — припомните, как формулировали свои представления о смысле русской национальной идеи те, кто как раз и пытался подойти к проблеме с позиций христианского ее понимания. Припомните их определения:

Евгений Федоров — *построение Царства Божия на земле*;

Юрий Кагламанов — *концепция Третьего Рима — как идея преимущественно церковного характера, идея ковчега, который позволит сберечь христианство и цивилизацию;*

Рената Гальцева — *спасти христианское наследство современной цивилизации;*

Евгений Ермолин — *личностный и общий поиск Абсолюта*;

Григорий Померанц — *соединить веру без гуманизма нового времени и гуманизм нового времени, неуклонно теряющий веру...*

Не будем сейчас фиксировать внимание на том, что некоторые из этих формул имели, выражаясь по Соловьеву, явно *партикулярный* призвук. То есть подавались их авторами так, как если бы они и в самом деле были формулами предназначения именно и только России. Куда важнее и показательнее то, что даже и при такой подаче (и при всех различиях своего конкретного словесного выражения) все они в своем реальном *содержательном* существе совершенно, в сущности, идентичны. Потому что все они выражают именно то, что и является в христианстве всеобщим универсальным заданием для *любой* нации. То есть то, что наиболее обобщенно и целостно и выразил Андрей Зубов своей формулой «национальной идеи» России: стать и быть ***свободной христианской Россией***.

9. Сфера национального в проблеме национальной идеи

Значит ли это, что определяя (с христианской точки зрения) национальную идею любой нации как универсальное для всех наций генеральное им задание преобразовывать всю свою жизнь на христианских началах, мы тем самым вообще сбрасываем со счета специфические национальные особенности каждой из них?

Ну, конечно же, это полная чушь. Всякое задание требует своей реализации, а условия этой реализации у каждого народа настолько свои, что и схожих путей воплощения общей христианской идеи просто быть не может. И сложившийся в результате предыдущей истории государственный и гражданский порядок, и географическое положение, и взаимоотношения с соседями, и вырабатывавшийся на протяжении истории склад так называемого национального характера, и уровень образованности народа, и его материальное положение, и состав и состояние государственной, культурной и религиозной элиты нации, и сложившаяся экономическая структура государства, и географическое положение, и природные условия, и размеры территории — да мало ли что еще?! В историческом движении и развитии всякой нации принимают участие десятки важнейших факторов — и как же мы можем их самым серьезнейшим, категоричнейшим образом не учитывать? Недаром и Вл. Соловьев, настаивая на том, что единственная истинная цель миссии *всякого народа* — участвовать в развитии великой христианской цивилизации, добавляет — «участвовать в этом по мере сил и особых дарований своих». Разве, действительно, будучи *сознательными и искренними христианами*, мы не должны быть предельно ответственны по отношению ко всему, что в наличных условиях жизни нашей страны может и должно быть задействовано, чтобы действительно произошло какое-то преображение ее жизни на христианских началах? Даже если брать только чисто умозрительное, всего лишь теоретическое решение этой задачи, — это ведь сложнейшее, ответственейшее дело, и недаром именно в этом пространстве проблемы всегда больше всего разногласий, неясного, спорного.

Но тут очень важно, на чем и какой мы ставим акцент. Как понимаем соотношение всей этой особой национальной специфики и универсального для всякой нации христианского ей «задания», ее «идеи». На равных ли они в этой неразрывной связке или тут есть все-таки какая-то иерархия?

Ответ можно поискать опять в сравнении нации и личности, которое, кстати, очень часто в этом контексте и проводится.

Мы знаем, что у каждого из нас есть свои индивидуальные особенности, свои способности, склонности, таланты, которые даровал нам Господь. А иные из них настолько ярко выражены и настолько определяют весь строй нашей личности, мир наших волений и хотений, стимулы нашего деятельного жизненного самоопределения, что мы даже говорим и уверены — это наше призвание. Призвание быть врачом, математиком, воспитывать детей, ухаживать за животными, писать книги, возиться с механизмами, бороздить моря и океаны, петь, танцевать, писать или исполнять музыку, сочинять стихи, хранить леса, кормить людей вкусной едой — и т.д., и т.п.

Но разве нельзя точно так же говорить и о каких-то особенных чертах, способностях, талантах, дарованиях, отпущенных Господом той или иной

нации и характерных для нее? А значит — и о каком-то ее призвании? О том, чем именно призвана она внести свой вклад в развитие человечества?..

Говорить, конечно, можно — и именно так мы часто и говорим. Но если иметь в виду не возможности ассоциативно-образных сближений, а строгое существо дела, то давайте все-таки разберемся в том, что стоит за этими действительно нередкими в нашем сознании и речи уподоблениями.

Да, не приходится сомневаться, что каждый из народов — особенно из тех, что именуются историческими, сыгравшими какую-то заметную роль в исторических судьбах человечества, — способен и в своих нравах, и в устройстве своей жизни, и в чертах своего так называемого национального склада, и в своей культуре указать на то, чем он вправе гордиться как неким особенным своим достоянием, чем-то таким, чего нет или меньше у других, что отличает его в глазах других и заслуженно может цениться ими. Грузины славны своим гостеприимством, американцы предприимчивостью, английский юмор не ценят разве лишь французы, полагающие, что их — не хуже, а о загадочной широте русской души на Западе наговорено столько, что уж и загадки вроде бы никакой не осталось; без немецкой классической философии была бы невозможна современная интеллектуальная культура, без итальянского бельканто — мировая опера, а Толстой и Достоевский совершили в литературе XIX века такой переворот, что под господствующим воздействием их экзистенциально-философского искусства развивался весь XX век. Ну и так далее и тому подобное.

Но, во-первых, в отличие от поэтического или музыкального дара, каким Господь изначально, генетически наделяет человека уже при его прибытии из бездны небытия в этот мир, — и даже в отличие от тех характерных черт психического склада, какие заложены в человеке тоже изначально, любые особые достоинства и достояния той или иной нации, которые действительно можно ценить как угодно высоко, — отнюдь не результат каких-то изначальных и особых даров Господних, заранее предназначенных именно ей. Нации не появляются внезапно и мгновенно во всем своем окончательном и великолепном специфическом обличье — подобно Афине из головы Зевса. Они есть результат очень долгого и сложного исторического процесса, в плавильном котле которого слилось и переплавилось столько этнических вливаний, столько культурных воздействий, бытовых укладов, нравственных ментальностей и т.д. и т.п., что уж какая тут Минерва, какой Юпитер! Даже самый изощренный современный исторический анализ вряд ли сумеет воссоздать картину появления, движения, изменения, перерождения и преобразования, слияния и распадения, перевоплощения и трансформации на бескрайнем игровом поле мировой истории тех исторических субъектов, которые образовали в конце концов ту или иную нацию и которых вела по этому полю, сталкивала друг с другом, устраняла, сливала, дробила и возрождала не Чья-то Рука, властно тащившая их в заранее заданном направлении, а совокупное действие свободных воль миллионов индивидов, осуществлявших в отдельности и вместе те или иные жизненные свои цели. Об этом нельзя забывать — и об этом, кстати, очень конкретно, применительно как раз к нашей родной России, напомнил на нашей же конференции **Григорий Померанц**:

«Восточно-славянские племена, — напомнил он, — развивались на перекрестке трех субглобальных цивилизаций из четырех возможных. Только Индия не участвовала в формировании России. Сами по себе восточные славяне обладали повышенной гибкостью и восприимчивостью. Больше ничего о них не скажешь. "Троица" Рублева и роман "Преступление и наказание" возникли тогда, когда к славянскому дичку были привиты ветви из византийских и западных садов. Это не порок. Таким же образом развивались германцы, галлы, корейцы, японцы. Разница в том, что галлы и германцы втягивались в одну римскую цивилизацию, корейцы в одну китайскую цивилизацию, а Россия каждые двести-триста лет поворачивалась от одного мирового центра к другому, и один пласт ложился на другой, часто ломая своего предшественника».

А разве и тогда, когда нация как будто бы уже сложилась, те или иные компоненты, образующие ее характер, определяющие ее особое лицо, не продолжают меняться, трансформироваться, обретать новое наполнение, а порой и превращаться во что-то совсем иное, чуть ли не противоположное? Я, например, никак не могу исключить, что те американские специалисты, давно и профессионально занимающиеся Россией, о которых рассказывал на конференции **Николай Злобин**, так уж не имели оснований доверительно признаваться ему, что Россия, которую они так любили, изучая ее в университетах, их обманула, когда они начали в ней бывать. «Поманила своей культурой, величием своей души, Достоевским, Чеховым, Тургеневым, а потом мы столкнулись с тем, что она совсем не такая, какая она в книжках». И на вопрос Злобина: «А что же не то?» — ответ: не видели в мире более эгоистичного народа, чем российский...

Вот так вот. Все течет, все изменяется, даже то, что называется национальным характером, — или, во всяком случае характер достаточно значительной части народа, более тесно общающейся с иностранцами, чем остальные, — способен производить на доброжелательных и открытых к нам зарубежных наших гостей именно такое впечатление... Так что тем более не нужно думать, что все хорошее, чем мы, русские, владеем и отличаемся, отпущено нам как некий дар изначально и навсегда. Ценить то, что у нас есть хорошего, гордиться им, гордиться достижениями своей культуры, относиться ко всему этому как к неотъемлемым компонентам нашей национальной идентичности, – да, это и естественно, и правомерно. Но — сакрализовать?! Да нет для национального самосознания ничего опаснее, и я вполне могу понять **Ольгу Седакову**, когда она так резко откликается на наши вечные разговоры о нашей русской самобытности. Ибо «что касается самобытности, то обсуждать здесь просто нечего — кроме неточно употребленного слова "самобытный". "Самобытный" — значит имеющий источник собственного существования в себе самом. Даль приводит пример: "Самобытен только Бог". Здесь же имеется в виду не более чем своеобразие, своеобычность. Своеобразие безусловно существует. Хочет человек или не хочет, хочет народ или не хочет, он им обладает, и это ни хорошо, ни плохо, *и разумнее обдумывать что-нибудь другое. Как со всем этим своеобразием желать того, чтобы все было хорошо, как устроить достойную человека жизнь*».

Совершенно с этим согласен. Важно не носиться со всем нашим своеобразием, принимая его чуть ли не за исключительный сакральный нам дар, а думать о том, как именно его употребить, чтобы жить достойно. И как потому лучшее в нем беречь, лелеять и развивать, а не утрачивать. Ценностная иерархия здесь все-таки присутствует, и если высший смысл существования всякой нации в истории, высшая ее идея — преображение всей ее жизни на христианских началах, то все остальное, в том числе и все особые ее таланты, сформировавшиеся в ней в ходе ее исторического развития, должны быть употреблены только на это. Сами по себе смыслом ее существования в истории они никак быть не могут. Как *сам по себе* не может быть высшим, то есть действительным смыслом существования человека, его божественной «идеей» никакой, даже самый большой, величайший талант. Хотя *призванием* он, конечно, является. Призванием к тому, чтобы наделенный им человек именно через него (хотя и не только в нем) реализовал себя как образ и подобие Божие — свою божественную «идею». Недаром Пушкин, наш высший гений, наделенный таким поэтическим даром, что он и сам по себе уже величайшая человеческая ценность, в своем «Памятнике» на высший пьедестал поставил все-таки именно то, что *чувства добрые он лирой пробуждал, что в свой жестокий век восславил он свободу и милость к падшим призывал.*

Да, и своеобразие нации, и достижения ее культуры, и все особенности ее наличного политического, социального, экономического и гражданского устройства, — все это в высшей степени важно, когда перед нами встает задача понять, как же сегодня, учитывая все специфические реалии именно сегодняшнего существования нации, правильнее и реальнее всего идти к исполнению ее христианской «идеи», генерального Божьего ей «задания». Но важно именно и только в этой иерархической связке, отнюдь не само по себе. И потому исполнение этой задачи и должно начинаться всегда с отчетливого, жесткого уяснения того, что прежде всего должна устранить из своей жизни нация, чтобы хотя бы приблизиться к осуществлению своей христианской идеи.

И здесь опять прекрасный пример дает нам в своей «Русской идее» Вл. Соловьев — тот самый Вл. Соловьев, которому так хотелось верить, что не зря Россия стала христианской и прожила такую долгую и трудную историю. Что же необходимо, с точки зрения Вл. Соловьева, чтобы Россия действительно смогла выполнить свое христианское предназначение?

А вот что. «Не на Западе, а в Византии первородный грех националистического партикуляризма и абсолютического цезарепапизма впервые внес смерть в социальное тело Христа, — пишет Вл. Соловьев. — А ответственная преемница Византии есть русская империя. И теперь Россия есть единственная христианская страна, где национальное государство без оговорок утверждает свой исключительный абсолютизм, делая из церкви атрибут национального и послушное орудие мирской власти, где это устранение божественного авторитета не уравновешивается даже (насколько это возможно) свободою человеческого духа».

И еще:

«Россия являет наиболее полное развитие, наиболее чистое и наиболее могущественное выражение абсолютного национального государства, от-

вергающего единство Церкви и исключающего религиозную свободу». Но «русская идея» не может быть исполнена, продолжает Вл. Соловьев, Россия не выполнит свою миссию, «отнимая <...> национальную свободу у поляков, религиозную свободу у униатов и русских раскольников, гражданские права у евреев». «Раскаяться в своих исторических грехах и удовлетворить требованиям справедливости, отречься от национального эгоизма, отказавшись от политики русификации и признав без оговорок религиозную свободу, — вот единственное средство для России приуготовить себя к откровению и осуществлению своей действительной национальной идеи, которая — этого не следует забывать — <...> не может быть ничем иным, как определенным аспектом идеи христианской».

Ни убавить, ни прибавить. Вот она — реальная этапная задача, не выполнив которую, Россия во времена Вл. Соловьева никак не смогла бы осуществить свою «национальную идею». И вот вообще единственно плодотворный путь не только поисков такой идеи, но и поисков тех первоочередных реальных задач, которые необходимо решить для ее осуществления, на каком бы витке исторического развития мы нашу Россию ни застали.

В том числе и на том переломном ее этапе, на котором она находится сегодня.

Но здесь мы переходим уже в иное измерение проблемы, в котором нам тоже нужно разобраться. Тем более, что после всего сказанного это уже не так трудно и не потребует много времени.

10. Секулярные параметры проблемы «национальной идеи»

На конференции немало говорилось о том, что современный мир требует совсем иных подходов, чем тот, который составляли когда-то нации, позиционировавшие себя как религиозные. «И Россия, и Франция, и все остальные европейские государства, и США, — они перестают быть прежним государством, которое формировалось в прежние века. На наших глазах образуется нечто новое, нечто нами еще не осознанное, а мы примеряем к этому "нечто" старые мерки», — справедливо заметила **Марина Адамович**. Об этом же говорил и **Николай Злобин**, а также **Ирина Роднянская**, подчеркнувшая, в частности, что те современные многонациональные государства, к которым применяется обычно термин «политическая нация», все очевиднее обнаруживают свою кризисную неустойчивость (недавние арабские волнения во Франции).

Да, современный мир и в самом деле совсем иной, чем даже тот — конечно же, несовершенный, конечно же, бесконечно далекий от своего идеала мир, который состоял из стран, считавших себя христианскими. В том числе мир даже и той России XIX века, когда она уже была на пороге нынешней секулярной современности.

В тогдашней православной России, уже почти секулярной по всему строю своей жизни, но где бóльшая часть населения состояла все-таки из верующих людей, еще можно было как-то рассчитывать, что все-таки живая еще вера создает в стране некое естественное и ненатужное единое поле для осознания, одобрения и согласия с тем, что страна должна стремиться быть

христианской. Эта, как выражался Вл. Соловьев, *аксиома* была тогда понятна всем русским и действительно могла еще встретить живой отклик у страны.

Но какие аксиомы согласия могут быть в секулярной стране, где неверующих много больше, чем верующих, и неверующие, не говоря уж о национальных и религиозных меньшинствах, в своих ценностных установках настолько *полифоничны* (хотя пока, к счастью, в основном и *политкорректны*), что даже принципы *общественного договора* никак не кажутся уже достаточно надежными скрепами национальной целостности? Недаром **Александр Архангельский** был так убедителен, когда говорил об отсутствии в стране общенациональной повестки дня и, соответственно, о совершенно реальной возможности распада ее на несколько региональных «суверенитетов». Недаром и Ирина Роднянская, напомню еще раз, сочла возможным констатировать, что «политическая нация» переживает сегодня кризис. Политическая нация — это действительно совсем другая нация, даже когда она не многонациональна; это совсем другое по всему своему строю и организации *моральное существо*. Внутренняя скрепа объединяющей религии из нее давно ушла, а все, что осталось еще удерживающего, — это уже материя иного характера и качества. Недаром называют этот мир, все дальше уходящий от сакрального к абсолютизации ценностей сугубо земного конечного характера, *неоязыческим*, *цивилизацией потребления* и т.п.

Все это, естественно, позволяет предположить, что и проблема национальной идеи в этом новом измерении исторического бытия должна, видимо, выглядеть как-то совсем иначе, должна быть наполнена каким-то другим содержанием, чем раньше. И что все до сих пор сказанное не имеет поэтому никакого отношения к сегодняшнему миру.

Тем не менее, это совсем не так. И разобраться в этом, как уже сказано, теперь не так уж трудно.

В самом деле, начнем с простейшего. Попробуем спросить себя — а известны ли нам вообще в секулярном мире такие состояния наций, которые можно было бы — согласно оговоренным с самого начала параметрам понятия — обозначить как состояния охваченности их той или иной *национальной идеей?*

Я думаю, безусловно.

Ну, во-первых, те, которые рождались в ситуациях, когда нации (народу, племени, нации как стране или нации как народности) приходилось отстаивать само существование свое. Когда, например, в 1941 — 45 гг. политическая нация, именовавшаяся тогда СССР, отбивалась от гитлеровских армад. Состояние, которым, безусловно, было охвачено подавляющее большинство ее населения совершенно независимо от того, как оно относилось в режиму, существовавшему в стране, — это было состояние охваченности именно тем, что как раз можно назвать действительно общей национальной идеей — во что бы то ни было выстоять и победить. Такое же состояние было присуще, несомненно, и народам других стран-участниц антигитлеровской коалиции. Как было оно присуще многим странам и в былые времена — России, например, в 1812 г., а Франции в эпоху Орлеанской девы. Я думаю, это понятно.

Другой тип духовно-психологических состояний, которые тоже овладевают обычно нацией как народом (во всяком случае, ее активным ядром,

определяющим энергию и силу ее совокупной воли), — это состояния, характерные для национально-освободительных движений. Типа того мощного движения, начатого польской «Солидарностью», в котором было, конечно, ничуть не меньше от вековой польской жажды независимости от России, чем от стремления сбросить иго и своего собственного коммунистического режима. Примеров подобного рода история знает множество — вплоть до Чечни, подавляющее большинство населения которой — по крайней мере еще совсем недавно — слишком очевидно было охвачено именно жаждой добиться независимости, освободиться от русских, выстоять против них. Я думаю, это тоже понятно, и этот тип «национальных идей» в секулярном мире тоже существует.

Не будем забираться в сложные дебри обсуждения, какой оценки заслуживают те или иные самопроявления наций, оказавшихся в ситуации того или другого рода. Признаем их хотя бы условно правомерными, отвечающими правилу Богу — Богово, кесарю — кесарево. Согласимся, что интересы национальной независимости и безопасности (о чем говорила **Ольга Васильева**) — это интересы, способные оправдать и применение оружия.

Но ведь при этом не приходится спорить и против очевидности — все известные нам примеры подобного рода, когда нация (или, по крайней мере, значительнейшая ее часть, способная определять ее поведение в целом) оказывается охваченной тем состоянием воли и сознания, которое действительно может соответствовать общим параметрам понятия «национальной идеи», имеют всегда сугубо *этапный,* исторически *ситуационный* характер. Состояния эти всегда возникают только в условиях угрозы самому существованию нации как суверенной целостности. Причем совершенно независимо, в сущности, от системы ценностей, которыми она живет, поскольку в подобного рода ситуациях равно могут оказаться и религиозные, и сугубо светские, даже в основном атеистические национальные общности — как это и было в случае с СССР в 1941 — 1945 гг.

Между тем решающий, контрольный вопрос, на который необходимо ответить, коль скоро мы хотим разобраться в том, отличается ли и чем отличается проблема национальной идеи в параметрах религиозной и в параметрах секулярной парадигмы, — это вопрос, который не разрешишь примерами ситуативного характера. Это, конечно же, вопрос о том, *способна* ли в принципе секулярная нация («политическая нация») находиться, жить и действовать в состоянии отчетливого осознания не какого-то временного, ситуативного, а именно *постоянного* и *безусловного* смысла своего существования в истории. И может ли *вообще*, в принципе, *быть* у нее такой смысл?

Вообще — конечно. Не только может, но и есть. Просто потому, что хотя для секулярного сознания Бога нет, Он от этого никуда, конечно, не исчезает. И заданный Им в его Откровении высший смысл существования всякой твари — смысл, которому Он отправил своих учеников научить все народы, тоже никогда и никем, хоть целой тьмой атеистических народов, устранен быть не может. Именно в этом историческом контексте с особенной, может быть, рельефностью открывается весь смысловой объем замечательного определения Вл. Соловьева: идея нации — это не то, что народ думает о себе во времени, а то, что Бог думает о нем вечности.

Но понятно, что осознать и принять, сделать своей *сознательной национальной идеей* это никуда не исчезающее и ничем не отменяемое высшее «задание» Бога никакая секулярная нация просто не в состоянии, не превратившись прежде в нацию религиозную. Иначе ничего не получится. А между тем никакого другого — не преходящего и временного, а именно постоянного и безусловного смысла существования — у нации в конечном земном пространстве ее сугубо секулярного существования как раз нет и быть не может. Просто по определению — по той простой причине, по какой и Льву Толстому пришлось когда-то, протащив себя сквозь долгую череду мучительнейших, отчаянных исканий, в конце концов убедиться, что никакого «не уничтожимого смертью смысла жизни» вне религии нет и не может быть. Только в мистерии бесконечного Божественного космоса земная человеческая история со всеми ее субъектами — при всей ее и их несомненной и не скрываемой от нас конечности — обретает тем не менее «не уничтожимый» этой земной нашей конечностью безусловный смысл.

Скажут: но есть же какие-то константные общечеловеческие, общецивилизационные ценности, которыми живет секулярный мир, которых он придерживается как стабильных регуляторов своей общеземной жизни и которым он отнюдь не придает, однако, никакого религиозного характера. Это то, о чем и на конференции не раз говорилось как об универсальных общечеловеческих ориентирах исторического бытия стран и народов. Разве стремление реализовать их, преобразовать согласно им всю реальную жизнь страны не может стать для нации одушевляющим стимулом ее существования?

Конечно, и в секулярном ее пространстве такие общечеловеческие ценностные регуляторы исторического бытия существуют (напоминаю — для чистоты анализа мы все время берем только христианский и постхристианский мир).

Но, во-первых, нужно еще очень внимательно разобраться в том, насколько они внерелигиозны. Я уже напоминал знаменитую формулу Тертуллиана, гласящую, что человеческая душа — христианка по самой своей природе. А когда речь шла о казнях библейских и советских и об их механизме, напоминал и о том, что сходным образом проявляют себя и установленные Богом фундаментальные законы нашего исторического бытия. То высшее «задание» всякой нации преобразовать свою жизнь в соответствии со Словом Божиим, которое не перестает быть для нее истиной и долгом от того, что она растеряла свою веру, действует, говорил Вл. Соловьев, *«во всех случаях* как реальная мощь», определяет *во всех случаях* бытие нации. Но «делает это двумя противоположными способами» — проявляет себя «как закон жизни, когда долг выполнен, и как закон смерти, когда это не имело места». Это та самая альтернатива, которую и Сам Бог возвестил когда-то через Моисея своему избранному народу: «Во свидетели пред Вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое, любил Господа, Бога твоего, слушал голос Его и прилеплялся к Нему; ибо в этом жизнь твоя и долгота дней твоих» (Втор. 30, 19-20)... Реальная действенность этих фундаментальных законов исторического бытия, неразрывно связанная с его моральным качеством, доступна любому, отнюдь не только религиозно-

му наблюдению. И потому-то может фиксироваться и действительно фиксируется и секулярным сознанием, выражая себя через признание необходимости соблюдения и людьми и народами тех принципов морали, нарушение которых ведет к распаду общественных связей и к утрате международной стабильности. Эти принципы для секулярного сознания со времен Европейского Просвещения существуют как вполне светские принципы «общественного договора», принципы так называемой *конвенциональной* морали, хотя на самом деле всеми своими корнями уходят в те фундаментальные устои иудео-христианского религиозного менталитета, которые создаются именно религиозным смыслом бытия. Секулярное сознание просто лишает их сакрального их характера, переводит в статус «естественных» регуляторов жизни людей и обществ. Но ведь тем самым действительно признает их реальную силу и мощь. Так что ничто не может, казалось бы, мешать тому, чтобы эта очевидная их мощь и необходимость для жизни человечества, давала им и в своем секулярном обличье возможность вдохновлять нации, становиться одушевляющими стимулами их национальной жизни, их «идеями».

Однако утрата теми заповедями, которые принесло нам Слово Божие, их божественного статуса, превращение их в принципы всего лишь договорной, конвенциональной, инструментальной морали — операция совсем не формальная, не внешняя. Почему нельзя убивать, воровать, насильничать, прелюбодействовать? Потому что так повелел Бог, потому что только на любви, добре, правде держится весь божественный порядок бытия, потому что это безусловные, неотменимые заповеди. Это — одно. А если потому только, что иначе становятся непрочными конечные земные общественные связи и скрепы, колеблется установленный самими людьми договорный порядок и т.п., то тут широчайший простор и для логики тех, кто, подобно Раскольникову, может сказать — ну, а мне-то что? Пошли вы все со своими законами и моралью куда подальше! Поймаете — ваша взяла, но чтобы я молился на них?! Однова живем, бери от жизни все — все, что хочешь и можешь, то и бери... Как далеко секулярный мир ушел от почтительного отношения к иным принципам своей «конвенциональной морали», еще недавно как будто бы достаточно прочным и общезначимым, может достаточно выразительно рассказать нам хотя бы одна только так называемая *сексуальная революция* XX века, не говоря уж о почти полной уже легализации в «цивилизованных» странах содомского греха...

Но дело не только в этом неуклонном размывании былых табу и широчайшей и разнообразной «полифонии» в отношении к ним. Дело в том, что и вообще, в принципе, все, что теряет безусловный статус и превращается всего лишь в некое подсобное, практическое, инструментальное условие и орудие для достижения тех или иных прагматических жизненных целей, личных или общественных, сразу же теряет свою способность становиться одушевляющим и вдохновляющим стимулом жизнетворчества.

Почему?

Да вот именно потому, что человек, как это давно известно и как очень удачно выразил это Жак Маритен, — это животное, которое кормится трансцендентным.

Вот почему что-то не слышно и не видно в нашем современном мире, чтобы какие-то цивилизованные нации так уж пеклись о своих национальных идеях. Именно на это, в сущности, и обратил как раз внимание на конференции **Жорж Нива**, заметивший, что если нет нации, то не может быть, конечно, и национальной идеи, но *там, где нация очевидна, идея не очень нужна*. Он имел в виду при этом именно современные нации — такие как Англия, где «национальная идея почти не существует как мифологема», или Швейцария, где, «я думаю, — сказал он, — даже такое слово не упоминается».

Но не случайно употребил он и слово «мифологема». Потому что во всех тех известных в истории случаях, когда секулярной нацией овладевала какая-то идея не локального, ситуативного характера и происхождения, а идея, претендующая быть целостной идеей нации, смыслом ее существования в истории если и не навсегда, то на все реально обозримое будущее, это всегда была именно мифологема — та или иная идеологическая конструкция квази-религиозного характера.

Почему квази-религиозного?

Да вот именно потому, что человек — животное, питающееся трансцендентным, эта пища ему совершенно необходима, и для того, чтобы в жизни его появился смысл, без которого ему, как это понял еще Достоевский, сама жизнь не в жизнь, смысл этот должен заключаться в чем-то, что много, бесконечно больше его самого. У политической нации не может быть сверхзадачи, верно сказала **Марина Адамович**. Однако и в политической нации подспудная тоска людей по безусловному все равно остается, хоти они и расстались с верой. Об этом говорил, кстати, и **Леонид Гозман**. И вот эта-то тоска и делает безрелигиозный мир таким восприимчивым ко всему, что способно обмануть его своей как бы религиозной высотой, своим величием, масштабностью. Это самое уязвимое и опасное свойство секулярного мира. Потому что свято место пусто не бывает, и там, откуда уходит Бог, немедленно появляется дьявол. И о том, как это происходит, нам, людям, пережившим XX век и видевшим целые народы, охваченные безумием своей коммунистической миссии по спасению мира или своей арийской призванности к мировому господству, рассказывать не нужно.

Вот почему я совершенно понимаю **Юрия Леваду**, для которого понятие национальной идеи соединяется только с идеологическим мифом, нужным власти, чтобы зомбировать народ, мобилизовать его и манипулировать им в своих целях. Вот почему я разделяю его страх перед той тоской по утраченному *величию*, которая снедает немалую часть нашего несчастного народа и о которой он, социолог, руководитель крупного центра социологических исследований, знает лучше других. Вот почему я поддерживаю в этом недоверии к нашим нынешним поискам русской национальной идеи **Наталью Горбаневскую**, которой уже само это понятие кажется крайне опасным, и совершенно разделяю тот яростный пафос, с которым обрушилась на «национальную идею» как на отвратительную идеологическую обманку, способную порождать только идолов и демонов всеобщего национального безумия, **Ольга Седакова**, хотя и не разделяю ее жесткого разведения даже и таких категорий, как «идея» и «мысль».

Увы, в том-то и трагедия секулярного мира, что никаких других «национальных идей» целостно-масштабного национального захвата в нем *просто не бывает и не может быть*. Это, к несчастью, так, от этого никуда не денешься, и потому упаси нас, Господи, от любых секулярных «национальных идей», способных захватить нацию. Если они действительно способны к этому, значит, наверняка в них есть такая отрава, такая гниль, такая дьявольская ловушка, из которой этой нации придется еще долго и скорее всего кроваво выбираться, когда она, наконец, протрезвеет. Если протрезвеет.

И вот здесь я уже могу, кажется, поставить точку в этом затянувшемся моем «Дневнике», выросшем, похоже, в целый трактат. Потому что теперь понятно, надеюсь, почему я так долго занимался проблемой «национальной идеи» именно с точки зрения религиозного, христианского ее понимания. Хотя живем мы в секулярной стране, а потому и думать нам нужно прежде всего о том, как жить именно в ней. И что в ней нужно делать, чтобы было в ней людям хорошо.

Но ведь я и позволил себе проделать весь этот долгий методологический экскурс в религиозное пространство проблемы и только ради того, чтобы наметить те подходы к столь бурно обсуждаемой ныне «национальной идее», которые представляются мне насущно необходимыми.

Именно для того, чтобы объяснить, почему лозунг «национальной идеи», реально способной «вдохновить» и «мобилизовать» нашу сегодняшнюю секулярную нацию, — лозунг в нынешней России чрезвычайно опасный.

И именно для того, чтобы показать, что единственной точкой зрения, позволяющей увидеть проблему «национальной идеи» в ее истинном свете, в ее действительном содержании, может быть только точка зрения, основанная на авторитете той высшей Истины, которую принес нам Христос.

Да, конечно, — это позиция христианина. Но никакой другой я предложить не могу. Здесь и только здесь я стою. И не могу иначе.

Конечно, очень многое осталось за пределами этого очерка. И прежде всего — вопрос о том, что же мы, российская христианская интеллигенция, можем и должны делать в нашей сегодняшней секулярной России, чтобы она хоть немного подвинулась в осуществлении той христианской идеи, которая задана ей Богом.

Но это уже отдельная и очень большая тема.

От редакции

В опубликованную в 128-м номере журнала стенограмму Шестых Максимовских чтений вкралась ошибка. На с.189 в 6-й строке сверху, в вопросе, адресованном Ренатой Гальцевой Ольге Седаковой, вместо «*вещества*» следует читать — «*существа*». К сожалению, в магнитной записи дебатов это место фиксируется очень невнятно, чем и объясняется, что при расшифровке слово «существо» было услышано и передано как «вещество», поскольку редакция сочла, что в иронически-метафорическом звучании, ничуть не меняя общего смысла фразы и даже усиливая его, вполне могло быть употреблено и это слово. Но, разумеется, мы приносим самые искренние извинения **Ренате Александровне Гальцевой**, которую эта замена все же очень огорчила, за невольно причиненную ей неприятность.

Приносим искренние извинения и **Якову Семеновичу Гринбергу**, чей рассказ «Псориаз» напечатан в 128 номере, — за неверное написание его фамилии, допущенное по чисто техническому недосмотру.

Корректор *А. З. Лазуткина*

ЛР № 066469

Подписано в печать 13.06.2006. Формат 60×84/16. Бумага типографская.
Гарнитура «Таймс». Печ. л. 33,00. Тираж 2000 экз. Заказ № 4291

Электронный вывод и печать в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

«КОНТИНЕНТ»

принимается во всех отделениях связи России.
Наши подписные индексы

71682 *(годовая подписка)*, **73218**

и **18047** *(льготный для библиотек)*

в красно-бело-синем каталоге «Роспечати»

В помещении редакции «Континента» (ул. Плющиха, 27, кв. 1) можно оформить льготную подписку на журнал с любого номера и на любой срок – при условии получения выходящих номеров в редакции.

В редакции «Континента» можно приобрести также отдельные номера журнала прошлых выпусков.

В МОСКВЕ журнал «Континент» продается в книжных магазинах:

"AD MARGINEM" – 1-й Новокузнецкий пер., 5/7; тел. 951.93.60

"КНИГА" – Нижняя Радищевская, 2; тел. 915.27.97

КНИЖНАЯ ЛАВКА ПРИ ЛИТИНСТИТУТЕ – Тверской б-р, 25; тел. 202.86.08

ЖУРНАЛЬНЫЙ КИОСК "НОВОЙ ГАЗЕТЫ" – Страстной бульвар, 8

"ПИРОГИ" – Б. Дмитровка, 12; тел. 229.34.53 и Никольская, 19/21; тел. 921.58.27

"ПРОЕКТ ОГИ" – Потаповский пер., 8/12 стр. 2; 927.56.09

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "ЗНАМЯ" – Б. Садовая, 2/46; тел. 299.52.83

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ИНСТИТУТ книжный киоск – ул. Покровка, 29, офис 38; тел. 923.03.80

"ФАЛАНСТЕР" – Мал. Гнездниковский пер., д. 12/27. Тел. 504.47.95

ХРАМ КОСМЫ И ДАМИАНА – Столешников пер., 2; тел. 229.52.62

В РЕДАКЦИИ «КОНТИНЕНТА» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ СЛЕДУЮЩИЕ ИЗДАНИЯ:

Двухтомник Ольги СЕДАКОВОЙ «Стихи. Проза»

Двухтомник издан издательством «Эн Эф Кью». Издание вышло ограниченным тиражом и состоит из тома стихов (574 стр.), в который включены также и поэтические переводы, и тома прозы (959 стр.), содержащего разделы: заметки и путешествия, эссе, исследования, очерки словесности, воспоминания, вместо заключения (в этот раздел, в частности, включена речь при вручении премии Владимира Соловьёва). Вступительная статья Сергея Аверинцева, художник А. Райхштейн.

Книга Ольги СЕДАКОВОЙ «Музыка»

В книгу, изданную в «Русском міре» в 2006 году, вошли стихи, филологические и религиозно-философские эссе. Книга выпущена в серии «Литературная премия Александра Солженицына».

Книга сестры ЭММАНУЭЛЬ «Меджугорье, девяностые годы. Торжество сердца»

Издание общины «Беатитюд». Перевод с французского, 284 стр. В книге собраны свидетельства, а также наблюдения и размышления о Меджугорских событиях. Автор — сестра Эммануэль Майар — живет в Меджугорье с 1989 г.

Книга Нелли БИУЛЬ-ЗЕДГИНИДЗЕ «Литературная критика журнала "Новый мир" А.Т. Твардовского (1958-1970 гг.)»

Издание Культурно-просветительского центра «Первопечатник», 439 стр. Докторская диссертация автора, защищенная на факультете славистики Женевского университета. Исследуется творчество ведущих критиков «Нового мира»: В.Я. Лакшина, Ю.Г. Буртина, И.И. Виноградова, А.Д. Синявского в контексте журнальной политики.

Книга Игоря ВИНОГРАДОВА «Духовные искания русской литературы»

Издательство «Русский путь», 2005 г., 672 стр. Автор предлагает галерею масштабных мировоззренческих портретов русских писателей и мыслителей XIX-XX веков от Лермонтова и Писарева до Солженицына и Искандера. Книга обращена к духовным проблемам нашего времени — прежде всего к проблемам того «открытого сознания», которое свойственно современным людям, в подавляющем большинстве своем живущим вне мира религиозной веры. Книга для всех духовно вменяемых наших современников, которые не утратили способности терзаться высшими загадками бытия.

Книга «ХРОНИКА КАЗНИ ЮРИЯ ГАЛАНСКОВА (в его письмах из зоны ЖХ-385, свидетельствах и документах)». *Составитель, автор вводной статьи и комментариев — Геннадий Кагановский.*

Книга выпущена издательством «Аграф». Поэт, мыслитель, подвижник Ю. Галансков погиб в мордовском лагере строгого режима в возрасте 33 лет на шестом году заключения. Его письма из-за колючей проволоки, а также другие материалы, сопряженные с кульминационным периодом жизни Галанскова (пребывание под следствием в Лефортовском изоляторе, судебный процесс, лагерные хождения по мукам), позволяют читателю составить представление об этой яркой неповторимой личности, о том времени и о том режиме, которые предопределили его мучительный путь.

Также имеются в продаже
остатки тиража некоторых номеров «КОНТИНЕНТА» с 1993 года

Звоните и приходите!

Тел. 248.62.35 **Адрес:** ул. Плющиха, д. 27, кв. 1

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета основана в 1830 году при участии А. С. ПУШКИНА
Издание возобновлено в 1929 году при поддержке М. ГОРЬКОГО

ЛУЧШАЯ ГАЗЕТА ДЛЯ ДУМАЮЩИХ ЛЮДЕЙ

ТОЛЬКО В «ЛГ» ВЫ УЗНАЕТЕ:

Над чем работают лучшие современные писатели, поэты, драматурги

О чем размышляют и спорят герои их новых произведений

Как формируется внутренняя и внешняя политика государства

О тесной взаимосвязи реформ и содержимого нашего кошелька

Где состоялись самые заметные явления в искусстве и культуре

Какие новые книги «заслуживают» того, чтобы их купили

О секретах «лаборатории смеха» в знаменитом Клубе «12 стульев»

«Литературная газета» — единственное периодическое издание, где встречаются все направления отечественной общественной, социально-экономической, художественной и духовной мысли.

Подписной индекс — 50067

Телефон отдела подписки: (095) 208 98 55

www.lgz.ru

Литературно-публицистический журнал. Иерусалим

Наши авторы:

Григорий Бакланов,
Владимир Буковский,
Денис Драгунский,
Сергей Кургинян,
Александр Мелихов,
Борис Парамонов,
Дина Рубина,
Бенедикт Сарнов,
Виктор Славкин,
Виктор Суворов,
Борис Фальков,
Борис Хазанов,
Асар Эппель,
Михаил Эпштейн и др.

Nota Bene выходит **6** раз в год; объем - **350** стр.

СТОИМОСТЬ ГОДОВОЙ ПОДПИСКИ:

В России – $65 ● В Европе – €55 ● В США – $70

Тел. редакции: 972-2-5325931; факс: 972-2-5324863

E-mail: omegag@bezeqint.net

Адрес: POB 45156, Har-Hotsvim, Jerusalem 91450 Israel

2006
№3

«КОНТИНЕНТ» № 129, 528 стр., подписные индексы в каталоге Роспечати 73218, 71682 и 18047 (для библиотек)